

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

1973 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР**

Институт истории СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА

(ответственный редактор),

**Г. Д. АЛЕКСЕЕВА, М. А. АЛПАТОВ, В. И. БОВЫКИН,
М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,**

В. А. ДУНАЕВСКИЙ,

член-корреспондент АН СССР М. П. КИМ,

Р. А. КИРЕЕВА, В. П. НАУМОВ,

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,

академик Л. В. ЧЕРЕПНИН

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1975

Очередной том историографического ежегодника «История и историки. 1973» в разделе по историографии отечественной истории содержит статьи по следующим проблемам: изучение истории рабочего класса СССР в Институте истории Коммунистической академии при ЦИК СССР (1929—1935 гг.), историография июльских событий 1917 г. в Петрограде, некоторые вопросы критики буржуазной историографии Октября в советской исторической литературе, история создания журнала «Красный архив», эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в.— 1917 г.). В разделе «Историки и их труды» публикуются статьи о А. Н. Шebuнине — историке общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в., о взглядах Б. И. Сыromятникова на становление феодальных отношений в древней Руси; о В. Б. Чeпихине-Ветринском — историке русской общественной мысли и освободительного движения; об А. Л. Иконниковой и ее записках по историографии, истории декабристов в трудах В. И. Семевского, и др. Сборник содержит раздел публикаций, где помещены новые архивные материалы. Библиография представлена хронологическим указателем рецензий в журнале «Русское богатство» за 1895—1918 гг. и указателем кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в 1964—1973 гг.

I

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИ ЦИК СССР (1929—1935 гг.)

Т. А. Игнатенко

В марксистской историографии история рабочего класса России является одной из центральных, ведущих проблем. За годы Советской власти изданы сотни документальных публикаций, монографий, коллективных трудов, статей, освещающих исторический путь рабочего класса нашей страны на всех этапах его развития. В настоящее время исследование истории рабочего класса ведется широким фронтом: осуществляется комплексное изучение этой проблемы историками, философами, экономистами, социологами. Важнейшие вопросы истории рабочего класса обсуждаются на всесоюзных, республиканских, региональных научных конференциях, сессиях. В союзных и автономных республиках созданы крупные работы по истории пролетариата; завершено двухтомное исследование по истории авангарда российского пролетариата — ленинградского рабочего класса. Все это создает реальную основу для написания обобщающего капитального труда по истории рабочего класса СССР.

Разработка этой проблемы имеет огромное научное и практическое значение. XXIV съезд Коммунистической партии подчеркнул, что «рабочий класс был и остается основной производительной силой общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений»¹.

Изучение конкретной истории рабочего класса СССР на современном этапе развития советской исторической науки сопровождается интенсивной деятельностью в области историографии

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1974, стр. 73.

проблемы². В этой связи закономерен тот интерес, который проявляют исследователи к истории первого научного центра по изучению истории рабочего класса СССР — секции по изучению истории пролетариата СССР Института истории Коммунистической академии, существовавшей в конце 20-х — начале 30-х годов.

Различные стороны деятельности секции, труды ее сотрудников привлекают внимание историков и историографов рабочего класса, социологов и библиографов. К опыту работы секции обращаются современные исследователи истории фабрик и заводов³. Однако в советской историографии нет специальных работ, посвященных деятельности секции. В статье З. М. Андросенковой дан общий краткий очерк ее деятельности. Автор показала роль секции в разработке истории рабочего класса России (дооктябрьский период), определила ее место среди других научных организаций 20-х — начала 30-х годов⁴. В работах советских историков содержатся ошибочные положения о времени создания секции, о процессе ее возникновения. В предисловии к сборнику документов «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов» образование секции датируется 1930 г.⁵ Не соответствует действительности утверждение, что секция по истории пролетариата Общества историков-марксистов была преобразована в секцию Института истории Коммунистической академии⁶. В уточнении нуждаются конечные сроки деятельности секции.

В настоящей статье ставится задача на основе использования не только опубликованных, но и архивных материалов, изучить историю организации секции и деятельности ее комиссий, показать состав секции, вклад ее сотрудников в разработку истории российского и советского рабочего класса. Освещение этих вопросов позволит рассмотреть формы научной творческой организации историков 30-х годов, преемственность опыта науч-

² См. *Т. В. Вагаева*. Историографические работы о советском рабочем классе.— «Вопросы истории», 1969, № 4; «Вопросы историографии рабочего класса СССР». М., 1970; *С. Ф. Найда, Д. Я. Фрейлихер*. О некоторых вопросах советской историографии рабочего класса СССР.— «Вестник МГУ». Серия IX. История. 1973, № 2, № 6.

³ *Л. С. Рогачевская*. Некоторые итоги изучения истории фабрик и заводов.— «Вопросы истории», 1963, № 3; *А. М. Панфилова*. Изучение истории фабрик и заводов на истфаке МГУ.— «История СССР», 1971, № 6.

⁴ *З. М. Андросенкова*. Организация изучения истории рабочего движения в России в первый период развития исторической науки (до середины 30-х годов).— «Вестник ЛГУ», 1966, № 14. Серия истории, языка и литературы, вып. 3.

⁵ «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». М., 1959, стр. 7—8.

⁶ *Л. И. Савицкая*. Некоторые вопросы историографического исследования советского рабочего класса.— «Вестник ЛГУ», 1969, № 14. Серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 17; *В. В. Максиков*. История и организация архивного дела в СССР. 1917—1945. М., 1969, стр. 281.

ного исследования, связь исторической науки с решением задач социалистического строительства.

Большой фактический материал по данной теме содержится в 20-ти сборниках (22-х номерах) «Истории пролетариата СССР», изданных Институтом истории Комкадемии в 1930—1935 гг. Они дают представление об организации секции истории пролетариата СССР, составе, деятельности комиссии.

Для изучения результатов научной деятельности Института истории по истории рабочего класса привлекались коллективные труды, монографии и статьи, опубликованные в журналах «История пролетариата СССР», «Историк-марксист», «Борьба классов», «История заводов» и др.

Опубликованные материалы дополняются архивными документами из фонда Института истории Комкадемии (Архив АН СССР, ф. 359). В этом фонде имеются протоколы заседаний секции, ее комиссий, отчеты о деятельности Института истории и другие материалы.

Создание комиссии по истории пролетариата в Обществе историков-марксистов (январь 1929 г.), а затем аналогичной секции в Институте истории Комкадемии (октябрь 1929 г.) как научной организации исследователей было не случайным явлением в развитии советской исторической науки на рубеже 20—30-х годов. К этому времени сложился ряд благоприятных обстоятельств как объективного, так и субъективного характера, подготовивших возникновение этого научного центра.

Заслуга в научной разработке истории рабочего класса России, в выдвижении этой проблемы как центральной в русской историографии принадлежит представителям марксистского направления в русской исторической науке. Первым марксистским историком рабочего движения в России был Г. В. Плеханов. В ряде его работ 80-х — начала 90-х годов XIX в. — «Русский рабочий в революционном движении» (1892 г.), «Забастовка в России» (о морозовской стачке, 1886 г.), в предисловии к книге «Первое мая 1891 года. Четыре речи рабочих» (1891 г.) — было положено начало исследованию стачечной борьбы русских рабочих, деятельности первых рабочих-революционеров, возникновения «Северного Союза русских рабочих», состояния революционной пропаганды среди рабочих. Г. В. Плеханов указал на историческую роль пролетариата в революционном движении в России.

Труды В. И. Ленина ознаменовали новый, ленинский этап в разработке марксистской историографии рабочего класса. В его работах дооктябрьского периода освещены узловые проблемы истории рабочего класса: источники формирования пролетариата, его концентрация, численность, состав, основные этапы революционной борьбы и ее формы, развитие идеологии, роль Коммунистической партии в политическом воспитании пролетариата как гегемона освободительного движения в России. В трудах В. И. Ле-

нина были разработаны важнейшие методологические принципы исследования этой проблемы⁷.

Многие темы истории рабочего класса и его революционной борьбы изучались в работах соратников В. И. Ленина, крупных партийных и революционных деятелей — В. В. Воровского, М. С. Ольминского, И. И. Скворцова-Степанова, В. Д. Бонч-Бруевича, И. Ф. Дубровинского, Н. Н. Батурина и других. В статьях С. Г. Шаумяна, П. А. Джапаридзе, П. Г. Дауге, А. М. Стопани, публиковавшихся в партийной прессе, с марксистских позиций освещались различные вопросы борьбы пролетариата национальных окраин⁸.

Таким образом, еще в досоветский период трудами В. И. Ленина и других деятелей большевистской партии был заложен фундамент марксистской историографии рабочего класса России. Однако только после победы Великой Октябрьской социалистической революции были созданы условия, необходимые для глубокого и всестороннего исследования этой проблемы.

Тема истории советского рабочего класса занимает видное место в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина⁹. Великий основатель первого в мире пролетарского социалистического государства — В. И. Ленин стал основоположником советской исторической науки. Им разработаны важнейшие проблемы истории советского общества, по его инициативе проведены крупные мероприятия по организации советской исторической науки¹⁰.

Уже в первые годы Советской власти было обращено серьезное внимание на сохранение и приведение в порядок архивов, важных для изучения истории рабочего класса и его революционной борьбы. Большую роль в выявлении, собирании и публикации архивных документов по истории революционного движения рабочего класса в 1917 г. сыграли Истпарты — Комиссии

⁷ О разработке В. И. Лениным основных проблем истории рабочего класса дооктябрьского периода см.: *Ф. Е. Лось*. В. И. Ленин как историк рабочего класса. — «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1968; *Ю. З. Полевой*. Проблемы формирования российского пролетариата и его идеологии в трудах В. И. Ленина. — «В. И. Ленин о социальном и политическом строе капиталистической России». Сб. статей. М., 1970; *С. И. Потолов*. В. И. Ленин о путях развития рабочего движения в России в середине 90-х годов XIX в. — «В. И. Ленин и проблемы истории». Л., 1970; *Ю. И. Кирьянов*. Ленинский анализ экономического положения пролетариата России. — «История и историки. Историческая концепция В. И. Ленина. Методология. Лаборатория». Историографический ежегодник. 1970. М., 1972; *В. С. Лельчук*. В. И. Ленин о соотношении численности и силы рабочего класса. — Там же.

⁸ Подробнее о разработке истории российского пролетариата в большевистской литературе см. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, М., 1963.

⁹ *И. Е. Ворожейкин*. Вопросы истории советского рабочего класса в трудах В. И. Ленина. — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 4; *В. А. Ежов*. Некоторые проблемы истории советского рабочего класса в трудах В. И. Ленина. — «В. И. Ленин и историческая наука». Л., 1970.

¹⁰ *Е. Н. Городецкий*. Ленин — основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970.

для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (1920 г.). Интересные материалы по истории рабочего класса и его организаций были собраны и частично опубликованы Комиссией по истории профессионального движения в России (Испроф), образованной ВЦСПС в 1920 г.¹¹

В 20-е годы широкую публикаторскую работу развернул Центрархив (1921 г.). В его изданиях большое место занимала история рабочего движения¹². Центрархив впервые публиковал архивные материалы из фондов Московской судебной палаты, Владимирского окружного суда, департамента полиции, министерства юстиции и др. Важные архивные подборки документов по истории рабочего движения публиковались в журнале «Красный архив».

Уже в эти годы внимание исследователей привлекли материалы заводских архивов. К обследованию архивов крупнейших предприятий Петрограда приступила Ученая комиссия по исследованию истории труда в России, созданная при Петроградском Совете профессиональных союзов 18 февраля 1921 г.¹³ В сборниках «Архив истории труда в России» были помещены обзоры архивов Обуховского сталелитейного завода, Балтийского, Ижорского заводов, заводов Розенкранца, Феникс. В первой половине 20-х годов под руководством Н. А. Рожкова в Москве проводилось обследование архива Прохоровской мануфактуры. В результате проведенной работы уже в те годы стали появляться публикации архивных материалов, были составлены хроники революционных событий, облегчавшие изучение истории рабочего движения. С ценными исследованиями по истории рабочего движения в эти годы выступают В. И. Невский, М. Н. Покровский, М. Н. Лядов. Уже на этом этапе развития марксистской историографии рабочего класса появляются первые работы молодых историков — А. М. Панкратовой, И. А. Меницкого, Д. А. Баевского, Б. Б. Граве, К. Ф. Сидорова, В. Н. Астрова, С. С. Айнзафта и др. Интенсивная исследовательская работа по истории рабочего движения шла на местах: в Туле (Н. М. Добротвор), в Костроме (М. Растопчина), в Иваново-Вознесенске (В. Смирнов) и т. д.¹⁴ Однако обобщающих

¹¹ «Материалы по истории профессионального движения в России», т. 1—5. М., 1924—1927; «Октябрьская революция и фабзавкомы», ч. I—III. М., 1927—1929.

¹² «Морозовская стачка 1885 г.» М., 1925; «Рабочее движение в годы войны». М., 1925; «Ленские события 1912 г.» М., 1925; «Рабочее движение в 1917 году». М., 1926 и др.

¹³ В работе комиссии участвовали известные историки Ю. И. Гессен, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле. Комиссия издала в 1921—1923 гг. десять номеров журнала «Архив истории труда в России». С 1924 г. журнал стал называться «Труд в России», и в 1924—1925 гг. вышло пять его номеров. В 1925 г. комиссия прекратила свое существование.

¹⁴ См. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966 (гл. 5, разделы 2 и 5); Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука в России. (1917—1923 гг.). М., 1968, стр. 91—92, 101—115, 117—119, 127—129, 188—192.

марксистских работ по истории рабочего класса в 20-е годы создано не было. В трудах же К. А. Пажитнова, А. Е. Ельницкого, М. С. Балабанова большой фактический материал освещался с немарксистских позиций.

Необходимость написания научной «биографии» пролетариата подчеркнул в своей речи при открытии Общества историков-марксистов 1 июня 1925 г. М. Н. Покровский. Отмечая как главный недостаток русской историографии недооценку творческой роли трудящихся масс в истории, он говорил: «Наш рабочий и наш крестьянин должны, наконец, иметь в руках книгу, которая изображала бы их прошлое не как дело хозяев и чиновников, а как их собственное дело, дело рабочих и крестьян»¹⁵.

Задача создания научной истории рабочего класса могла быть решена только коллективными усилиями советских историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией исследования. Необходимые предпосылки для разработки этой темы историками-марксистами имелись уже во второй половине 20-х годов XX в. Именно в это время немногочисленный отряд первых историков-большевиков пополнился новыми кадрами молодых исследователей, окончивших различные исторические учебные учреждения страны¹⁶. Среди них были и историки рабочего класса. В формировании и воспитании этих кадров ведущую роль сыграли ученые-марксисты ленинской школы: М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, М. С. Ольминский. Из семинара М. Н. Покровского в Институте красной профессуры вышли такие историки рабочего класса и революционного движения в России как А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, Б. Б. Граве, К. Ф. Сидоров, О. Н. Чаадаева; аспирантуру Института истории РАНИОН в конце 20-х годов закончили П. П. Парадизов, П. И. Анатольев.

Следовательно, создание научного центра — секции по истории пролетариата СССР в конце 20-х годов было подготовлено всей предшествующей деятельностью советских историков. Оно отвечало задачам развития исторической науки и социалистического строительства в СССР. За годы восстановления народного хозяйства вырос и окреп советский рабочий класс. Руководимый Коммунистической партией, развивая движение ударничества, он шел в авангарде борьбы трудящихся нашей страны за построение социалистического общества. В этих условиях изучение рабочего класса становилось актуальной научной и практической задачей и превращалось в серьезное оружие идейно-политического воспитания масс.

¹⁵ М. Н. Покровский. Задачи Общества историков-марксистов.— «Историк-марксист», 1926, т. 1, стр. 8.

¹⁶ См. Л. В. Иванова. У истоков советской исторической науки. (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929.) М., 1968.

Большинство исследователей справедливо связывает сам факт создания секции по изучению истории рабочего класса СССР с решениями Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, проходившей с 26 декабря 1928 г. по 4 января 1929 г. Проблема изучения истории рабочего класса России была выдвинута в докладе М. Н. Покровского как одна из центральных в деятельности историков-марксистов. Со специальным докладом «Проблема изучения рабочего класса в России» выступила на конференции А. М. Панкратова. Основные положения доклада были горячо поддержаны историками, выступившими в прениях. Конференция приняла постановление об организации систематической и планомерной работы по изучению истории пролетариата СССР.

Вопрос об организации в Обществе историков-марксистов комиссии по изучению истории пролетариата СССР рассматривался на Бюро секции истории народов СССР Общества еще 12 декабря 1928 г.¹⁷ Примечателен тот факт, что в отчетном докладе П. О. Горина о деятельности Общества историков-марксистов 28 декабря 1928 г. в числе основных и уже действующих комиссий Общества называлась и комиссия по истории пролетариата России¹⁸. Однако образование комиссии было утверждено на заседании Общества историков-марксистов после окончания конференции 11 января 1929 г.¹⁹, а программа ее деятельности оформлена 15 мая 1929 г.²⁰ Председателем комиссии стал М. Н. Покровский, в состав ее членов вошли: А. М. Панкратова (ученый секретарь), П. И. Анатольев, П. О. Горин, Е. П. Кривошеина, Ю. К. Милонов, И. М. Меламед, Б. И. Мартов, В. В. Максakov, В. И. Невский, С. А. Пионтковский, К. Ф. Сидоров, И. Л. Татаров, С. Г. Томсинский, А. В. Шестаков²¹.

Уже к лету 1929 г. комиссия располагала активом в сто человек: 60 человек были членами Общества историков-марксистов и работали в Москве и на местах, остальные хотя и не были членами Общества, но принимали деятельное участие в работе комиссии. Комиссия участвовала в монографическом изучении истории отдельных предприятий Москвы, установила контакты с

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 29, л. 50.

¹⁸ «Историк-марксист», 1929, т. 11, стр. 222.

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 29, л. 45; «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, стр. 285.

²⁰ «В Обществе историков-марксистов. Комиссия по истории пролетариата при Обществе». — «Историк-марксист», 1929, т. 14, стр. 218. В марте 1930 г. комиссия была преобразована в секцию Общества историков-марксистов. На основе вышеизложенных фактов представляется целесообразным внести указанные уточнения в сообщение о дате создания комиссии, приводимое составителями в работе «50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни 1917—1967» (М., 1971, стр. 130).

²¹ «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, стр. 286.

фабзавкомами этих предприятий, с ячейками Истпарга, наметила план обсуждения докладов²². Деятельность комиссии в 1929 г. подготовила образование секции по изучению истории пролетариата СССР в стенах созданного в октябре 1929 г. Института истории Коммунистической академии при ЦИК СССР²³. Комиссия Общества выявила кадры историков-марксистов, занимавшихся историей рабочего класса.

В первоначальный состав секции вошли: П. О. Горин, А. И. Гайстер, Б. И. Горев, Е. П. Кривошеина, В. И. Невский, В. В. Максаков, Е. А. Мороховец, А. М. Панкратова, С. А. Пионтковский, В. Я. Яроцкий, Б. Б. Граве, А. И. Гуковский, Е. Я. Драбкина, М. В. Нечкина, Ю. К. Милонов, Б. И. Мартов, К. Ф. Сидоров, О. Н. Чаадаева, Ч. И. Ясинский, А. И. Гайсинович. Работой секции руководило бюро: А. М. Панкратова (заведующая секцией), О. Н. Чаадаева (ученый секретарь секции), В. И. Невский, Е. П. Кривошеина, П. О. Горин — члены бюро²⁴. К ее работе привлекались и другие историки.

Первое организационное заседание секции состоялось 4 октября 1929 г. Обсуждался план работы секции (докладчик А. М. Панкратова). В. И. Невскому, М. В. Нечкиной, Е. А. Мороховцу поручалось составить план по разработке научной библиографии; А. М. Панкратовой, С. А. Пионтковскому подготовить план издательской работы секции; Б. И. Гореву, О. Н. Чаадаевой, Е. Кабо представить план по изучению анкетно-биографического материала как источника изучения пролетариата; В. В. Максакову и И. Л. Татарову разработать вопросы об использовании архивов по истории пролетариата. Тогда же был поставлен вопрос об издании журнала секции²⁵.

Октябрь—декабрь 1929 г. были чрезвычайно интенсивными в деятельности секции. Сложилась организационная структура секции. В основу ее был положен принцип коллективной работы сотрудников в одной из пяти комиссий секции: библиографической, анкетно-биографической, редакционно-издательской, архивной, по изучению истории отдельных предприятий. В октябрь-ноябре 1929 г. на заседаниях секции были обсуждены планы работ всех комиссий секции. Эти планы легли в основу общего плана работы секции на 1929—1930 гг. Он включал в себя: издание сборника статей к 25-й годовщине революции 1905—1907 гг., научно-популярного двухтомника по истории рабочего класса СССР; подготовку монографий по истории пролетариата; обсуждение докладов по методологии истории пролетариата СССР; из-

²² «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, стр. 286, 287.

²³ Торжественное открытие Института состоялось 18 ноября 1929 г.

²⁴ «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, стр. 283. Состав секции и ее бюро не оставались неизменными, но, к сожалению, эти изменения не всегда можно проследить.

²⁵ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 33, л. 25.

дание журнала²⁶. Принцип коллективности в работе секции заключался не только в обязательном участии членов секции в одной из ее комиссий, но и в коллективном обсуждении докладов, планов индивидуальных монографий ее сотрудников. О предстоящих докладах секция широко оповещала самые различные научные, хозяйственные, государственные учреждения. На заседаниях секции присутствовало от 30 до 60 человек, представлявших Центрархив, Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Архив Октябрьской революции, Институт В. И. Ленина, Московский государственный университет, Высший Совет Народного Хозяйства, Госплан СССР, ЦК профсоюзов швейников, текстильщиков, Институт Народного Хозяйства, Наркомат Рабоче-Крестьянской Инспекции, Профинтерн, Центральное Статистическое Управление, Московский Совет Профессиональных Союзов, Академию Коммунистического воспитания, Высшую школу профдвижения и другие²⁷.

Секция по истории рабочего класса СССР в Институте истории работала в контакте с аналогичной секцией Общества историков-марксистов. Их объединяла общая цель «вести работу по созданию подлинной ленинской истории рабочего класса СССР, включающей разработку ленинского наследства, проследить процесс конституирования пролетариата СССР и формирование его идеологии, изучить работу и борьбу пролетариата национальных республик, разработать ряд проблем рабочего и профессионального движения эпохи диктатуры пролетариата. Все новое, что мы имеем в рабочем классе, должно быть изучено и результаты опубликованы»²⁸. Но если состав штатных и внештатных сотрудников секции Института истории насчитывал, как правило, не более 20 человек, то актив, на который опиралась секция Общества историков-марксистов, был более многочисленным. Секции проводили совместные обсуждения докладов, подготовленных к печати трудов. Вся издательская работа по истории пролетариата была передана секции Института истории Комкадемии. Структура секции охватывала все необходимые компоненты для успешного исследования истории рабочего класса.

Одной из обязательных предпосылок планового и всестороннего изучения истории рабочего класса было создание научной библиографии. Эта задача стала в центре работы библиографической комиссии секции во главе с М. В. Нечкиной. Огромный объем и широкий хронологический охват темы (XVII в.— XX в.) потребовали привлечения к работе большой группы библиографов. Всего в составлении библиографии приняло участие 24 человека. Членами комиссии были разработаны основные принципы библио-

²⁶ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 10, л. 78.

²⁷ Эти данные взяты из регистрационных листов заседаний секции (там же, д. 30, лл. 25, 27, 28, 29, 31, 32).

²⁸ «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 5, стр. 221.

графирования, определены хронологические и тематические разделы библиографии. Особое внимание было уделено составлению библиографии трудов В. И. Ленина по истории пролетариата. Издание библиографии было запланировано в 6-ти томах: 2 тома включали книги и брошюры и 4 тома — журнальные статьи. Библиография была рассчитана на историка-исследователя. Составителями был применен принцип аналитической аннотации почти всех библиографических записей. Это облегчало использование исследователем таких громоздких трудов, как, например, 150 томов «Сборников Русского исторического общества». Большую роль в разработке принципов библиографирования сыграла руководитель комиссии М. В. Нечкина. Ее доклады обсуждались на заседаниях секции, она редактировала все материалы по библиографии²⁹.

Многолетний труд коллектива был только частично издан. В 1935 г. вышли в свет два выпуска первого тома библиографии³⁰. По мнению современных библиографов созданный секцией указатель «явился крупным вкладом в научную историческую библиографию и не утратил своего значения до сих пор»³¹.

В те же годы комиссия подготовила продолжение библиографии по истории пролетариата России периода капитализма (1861—1971 гг.)³².

Помимо большой и трудоемкой работы по созданию библиографии по истории пролетариата России комиссия подготовила и издала ряд других ценных библиографических материалов. В 1932 г. был выпущен указатель по истории фабрик и заводов³³. Выход в свет этого указателя в разгар широкого общественного движения за создание истории фабрик и заводов был чрезвычайно своевременен и оказал большую помощь авторским коллективам. Среди библиографических материалов, опубликованных на страницах журнала «История пролетариата СССР», видное место занимала библиография трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о России в целом и по истории рабочего

²⁹ Подробнее об этом см. *Р. Г. Эймонтова. Ученый и библиография.* — «Советская библиография», 1971, № 3 (127).

³⁰ «Библиография по истории пролетариата в эпоху царизма. Феодально-крепостнический период», вып. 1 (Книжная литература); вып. 2 (Журнальная литература) [на буквы] «А» — «З». Под ред. М. В. Нечкиной. М. — Л., 1935.

³¹ *Р. Г. Эймонтова. Указ. статья, стр. 56.*

³² В 60-х годах XX в. сохранившиеся материалы библиографии были использованы при подготовке указателя по истории пролетариата России сотрудниками Государственной публичной исторической библиотеки и Института истории АН СССР. (См. *М. К. Старокадомская. Государственная публичная историческая библиотека — в помощь историку СССР.* — «История СССР», 1965, № 1, стр. 222). К сожалению, работа над указателем не была завершена, хотя потребность в подобном издании продолжает оставаться острой.

³³ «Библиографический указатель книг и брошюр по истории фабрик и заводов». М., 1932.

класса в частности³⁴. В выполнении этих работ активное участие принимали сотрудники научно-библиографического отдела Библиотеки им. В. И. Ленина. Труды библиографической комиссии способствовали научной разработке истории рабочего класса России. Они оказывали неоценимую помощь всем исследователям в знакомстве с различного рода документами, с литературой по истории рабочего класса. В ходе работы над библиографией велась интенсивная научно-исследовательская деятельность по определению основных этапов развития рабочего класса и его революционной борьбы. Выделяя разделы библиографии, составители тем самым концентрировали внимание историков на таких крупных вопросах темы, как формирование и состав рабочего класса, его экономическое положение, борьба и идеология пролетариата. Разработанная составителями схема охвата материала и принципы библиографирования свидетельствовали о высоком научном уровне проводимой работы, о теоретической и методологической зрелости ее участников.

Важной задачей в деятельности секции по истории пролетариата было выявление архивных фондов как основной документальной базы изучения истории рабочего класса. Уже в 20-е годы архивы страны проделали определенную работу по этой теме. Ко времени открытия 2-го съезда архивных работников РСФСР (25 мая — 1 июня 1929 г.) Центральное архивное управление получило сведения от 29 архивов, в которых сосредоточилось до 1000 комплексов материалов, представляющих интерес для историков рабочего класса. По фондам III Отделения и Департамента полиции была создана тематическая картотека по истории пролетариата, подобные картотеки создавались и по другим фондам центральных государственных архивов Москвы и Ленинграда³⁵.

Большую роль в создании архивной картотеки сыграла архивная комиссия секции во главе с Б. Б. Граве. Выполнение этой задачи оказалось делом сложным. Осмотр некоторых фондов в Архиве Октябрьской революции, Архиве народного хозяйства показал, что многие ценные для изучения истории пролетариата фонды не разобраны, материалы плохо систематизированы, описи не всегда давали представление о хранящихся в фондах делах. Согласно разработанной комиссией классификации материалов решено было приступить к учету документов по истории рабочего класса эпохи империализма (с 1900 г.) в Архиве революции и внешней политики, Архиве Октябрьской революции и Архиве народного хозяйства. К концу 1930 г. членами комиссии было

³⁴ «Библиография о Ленских событиях 1912 г.» — «История пролетариата СССР», 1932, сб. 10; «Ленин о процессах формирования и экономическом положении пролетариата в эпоху царизма». — Там же, 1933, сб. 4; «К. Маркс и Ф. Энгельс о России». — Там же, 1933, сб. 1—2; «Морозовская стачка». — Там же, 1934, сб. 4 и т. д.

³⁵ В. В. Максиков. Указ. соч., стр. 223.

составлено до 12 тыс. карточек, а к началу 1932 г. их уже насчитывалось 20 тыс.³⁶ Подготовленные комиссией обзоры отдельных важных фондов публиковались в журнале «История пролетариата СССР»³⁷.

Наибольшую ценность имела работа комиссии совместно с сотрудниками Архива Октябрьской революции по составлению архивной аннотированной описи и указателя к фонду Департамента полиции. Этот фонд представлял собой важнейший источник для изучения истории рабочего класса. В нем сосредоточивались сведения о любых проявлениях рабочего движения, начиная с мельчайших вспышек недовольства и кончая крупными событиями классовой борьбы — всеобщей стачкой, вооруженным восстанием. Сотрудниками Архива революции было произведено сплошное обследование этого фонда и отобраны дела, непосредственно относящиеся к истории рабочего класса с 1885 г. до Февральской революции 1917 г. Материалы указателя систематизировались по четырем крупным разделам: формирование пролетариата, экономическое положение пролетариата, рабочее движение, правительство и буржуазия в борьбе с пролетариатом. В каждом разделе имелись более дробные подрубрики. Например, в разделе «Рабочее движение»: массовое движение, пролетариат и политические партии, профессиональное движение, рабочее представительство, Советы рабочих депутатов и т. д. По этим тематическим рубрикам концентрировались все материалы фонда.

Работа архивной комиссии проходила в контакте с Центральным архивным управлением, на ее заседаниях часто присутствовали сотрудники Архива Октябрьской революции, Архива революции и внешней политики. Доклад В. В. Максакова «Архивы как источник изучения истории пролетариата» был заслушан на объединенном заседании секций по истории пролетариата Института истории и Общества историков-марксистов 28 декабря 1929 г.³⁸ Докладчик сообщил, что в Москве архивные материалы, имеющие отношение к истории пролетариата, составили 200 фондов, 30 тысяч единиц хранения³⁹. Характеристика Максаковым архивных фондов, содержащих документы по истории рабочего класса с XVII по XX в., вызвала интерес среди историков.

В связи с работой по написанию истории фабрик и заводов архивная комиссия занималась составлением картотеки архивных дел по этой теме, для чего была выделена специальная группа сотрудников⁴⁰.

Создание указателей, описей фондов, содержащих материалы по истории пролетариата, было чрезвычайно ценным. Исследовате-

³⁶ «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 3—4, стр. 244—248; «В Комакадемии». — «История заводов», 1932, вып. 1, стр. 103—106.

³⁷ «История пролетариата СССР», 1932, сб. 10; 1934, сб. 2 (18); 1935, сб. 1 (21), сб. 2 (22).

³⁸ «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1.

³⁹ Там же, стр. 164.

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 32, л. 3.

ли впервые получали возможность представить обширный комплекс архивных материалов по различным вопросам истории рабочего движения. Работу архивной комиссии по созданию архивной картотеки по истории пролетариата нельзя не признать целесообразной и нужной. Однако она оказалась столь сложной и трудоемкой, что не могла быть выполнена на том этапе развития советской исторической науки.

Проводя большую работу по розыску и описанию архивных документов, секция вместе с тем обращала внимание исследователей и на другие виды источников, мало привлекавшиеся к изучению истории рабочего класса. Речь шла об автобиографиях, биографиях и мемуарах рабочих, активных участников революционных событий 1905 и 1917 гг.

Первые шаги в собирании этих материалов были сделаны истпартами, истпрофами, Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев еще в 20-х годах XX в. Результатом этой работы явилось накопление массы сырого непроверенного материала. Отсутствие единой схемы и различие целей сбора автобиографий, биографий и мемуаров рабочих-революционеров сильно затрудняли обработку этих материалов и делали их малоценными для изучения истории пролетариата. Секции пришлось по существу заново, на научной, строго продуманной основе начинать эту работу. В секции была выделена специальная анкетно-биографическая комиссия, руководимая Б. И. Горевым. В Положении об анкетно-биографической комиссии отмечалось, что «комиссия ставит своей задачей методологическую проработку вопроса о биографическом и автобиографическом материале как одном из подсобных источников по истории пролетариата, дающее конкретное дополнение к основным типам экономического, статистического и исторического исследования». Указывалось, что эти дополнения особенно важны для изучения вопросов формирования основных кадров пролетариата; дореволюционного быта и изменений, которые внесла Великая Октябрьская социалистическая революция в положение рабочих; формирования идеологии передовых рабочих⁴¹.

Помимо аннотирования имеющейся литературы комиссия приступила к сбору новых материалов. Эта работа проводилась путем опроса рабочих, заполнения специальных анкет, заказом автобиографий деятелям революционного рабочего движения (например, А. В. Шестакову, Ф. Н. Самойлову и др.). В Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев с докладом о работе анкетно-биографической комиссии выступил Б. И. Горев. Общество создало группу содействия секции истории пролетариата СССР, предполагалось издать сборник «Рабочие-политкаторжане»⁴².

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 32, л. 48. *Б. И. Горев*. Автобиографический материал как источник изучения истории пролетариата СССР.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1.

⁴² «Хроника».— «История пролетариата СССР». 1931. сб. 6, стр. 255.

Массовая работа анкетно-биографической комиссии развернулась на двух крупных московских предприятиях — заводе «Серп и Молот» (бывш. Гужона) и на Трехгорной мануфактуре им. Ф. Э. Дзержинского (бывш. Прохорова). К работе комиссии привлекались члены завкомов, рабочие-общественники, комсомольцы. В связи с 25-летием первой русской революции члены комиссии и ее актив выявили всех рабочих — участников событий 1905 года. Автобиографии рабочих составили два сборника, изданные секцией⁴³.

В сборниках были опубликованы статьи сотрудников секции (М. К. Рожковой, О. Н. Чаадаевой, А. М. Панкратовой, А. И. Гайсиновича) по истории предприятий, рабочего движения, революционных событий 1905—1907 гг. Сборники обсуждались на заседании секции с участием рабочих Трехгорной мануфактуры и завода «Серп и Молот» 4 февраля 1931 г. Они критически оценивались в рецензиях П. Анатольева и Р. Кугеля. Участники обсуждения и рецензенты отметили ценность этих изданий⁴⁴.

Они служили целям идейно-политического воспитания советской молодежи на революционных традициях рабочего класса страны, знакомили зарубежных товарищей с героической историей пролетариата России. Подчеркивалось значение изданных автобиографий для изучения истории пролетариата, так как они являются ценным источником для освещения характерных черт рабочего на разных этапах классовой борьбы, формирования его идеологии. В ходе обсуждения и в рецензиях было обращено внимание на отдельные недостатки опубликованных материалов: неточности фактического порядка, в статьях и автобиографиях не указывалась связь данного предприятия с другими московскими фабриками и заводами, слабо освещалась деятельность различных партий и их влияние на рабочих, в изложении допускались ненужные подробности и т. д. Многие из недостатков объяснялись новизной предпринятой работы и изживались в ходе практической деятельности секции. В дальнейшей работе анкетно-биографической комиссии предполагалось издать сборники о рабочих-организаторах Красной гвардии и Красной армии, о рабочих Трехгорной мануфактуры и завода «Серп и Молот» — участниках революции 1917 г. и гражданской войны⁴⁵.

Комиссией была разработана схема вопросника для беседы с участниками Октябрьской революции и гражданской войны, составлена инструкция для ее использования. В ней отмечалось,

⁴³ «Русский рабочий в революционном движении». Сб. 1. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. М., 1930; Сб. 2. Рабочие завода «Серп и Молот» (б. Гужон) в 1905 году. М., 1931.

⁴⁴ См. «История пролетариата СССР», 1931 сб. 5.

⁴⁵ «Хроника» — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 8, стр. 185. Такие сборники не были созданы, но автобиографии и мемуары отдельных рабочих-красногвардейцев, матросов, участников Октябрьской револю-

что «в основе записи должен лежать последовательный рассказ самого вспоминающего о всей своей жизни»⁴⁶. Таким образом, должен был накапливаться материал, который при определенной обработке и критическом к нему отношении давал конкретные сведения о формировании идеологии рабочих, об их роли в революциях 1905 и 1917 гг. Отдавая должное ценности этого материала, члены комиссии, вместе с тем, подчеркивали необходимость строгой проверки фактов автобиографий данными фабричных и областных архивов⁴⁷.

Работа по собиранию автобиографий приобрела общественно-политическое значение. Комиссия проводила массовки, собрания, где отчитывалась о своей деятельности перед рабочими завода «Серп и Молот» и Трехгорной мануфактуры. Часто на таких собраниях выступали сами участники революций, делясь с молодежью своими воспоминаниями о событиях 1905 и 1917 гг. Так, 1 ноября 1930 г. на собрании рабочих Трехгорной мануфактуры выступили Д. В. Антошкин, Ем. Ярославский, З. Я. Литвин-Седой и другие участники революций. На этом собрании 12 беспартийных рабочих — участников революций 1905 и 1917 гг. были рекомендованы в партию, а те рабочие, чьи автобиографии были опубликованы в сборнике, отчислили свой гонорар в фонд строительства дирижабля «Правда»⁴⁸.

В своей работе комиссия опиралась на созданные по предложению П. Н. Лепешинского группы содействия. Они включали старых рабочих, представителей общественных и партийных организаций фабрик, Коммунистической академии.

Автобиографии служили не только источником сведений о формировании революционной идеологии пролетариата и других вопросах его исторического прошлого, но и могли использоваться для изучения сдвигов, происходивших в рабочем классе в ходе социалистического строительства 20—30-х годов. В связи с развернувшимся движением ударничества комиссия решила собрать автобиографии рабочих-ударников, чтобы проследить формирование новых черт в облике советского рабочего класса.

Материалы автобиографий ударников должны были стать важной частью большой монографии «Новое в рабочем классе», разработка которой велась совместными усилиями секции истории пролетариата СССР и Комиссии по монографическому изучению

ции и гражданской войны были опубликованы в журнале «История пролетариата СССР». См. воспоминания И. М. Ляпина, М. П. Циниса, П. Д. Скуратова, Т. И. Гришина, С. Ермакова-Крюкова, А. Липгуса, А. Баратова, В. Назаренко, Д. Литвинова, И. П. Евсеева, С. О. Порадиса, Д. Е. Гологудина («История пролетариата СССР», 1932, сб. 11; 1933, сб. 3; 1934, сб. 1, 2).

⁴⁶ «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 8, стр. 186.

⁴⁷ О. Чадаева. О первом опыте по собиранию автобиографий рабочих. — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2.

⁴⁸ «Хроника». — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 3—4, стр. 254.

промышленных предприятий при Институте экономики Комкадемии⁴⁹. Анкетно-биографической комиссией был составлен вопросник для проведения собеседования с ударниками⁵⁰. В нем большое внимание уделялось социальному происхождению, квалификации рабочего, его участию в общественной и политической работе, причин и побудительных стимулов вовлечения в ударный труд и т. д. Автобиографии рабочих-ударников, начавших свою трудовую деятельность до Октябрьской революции, давали конкретный материал об изменении отношения рабочего к труду, о формировании новых черт советского рабочего класса.

Особенно значительны были изменения, произошедшие в создании и положении женщин-работниц. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед ними широкие возможности для проявления своих способностей в труде и общественной жизни. В результате совместной работы анкетно-биографической комиссии и коллектива Трехгорной мануфактуры были подготовлены и изданы 14 автобиографий работниц Трехгорной мануфактуры, являющихся ударницами труда⁵¹.

Таким образом, анкетно-биографическая комиссия впервые в советской исторической науке организовала массовый сбор автобиографических материалов по научно продуманной схеме и тем самым положила начало созданию и обработке новых источников по истории рабочего класса.

Работа анкетно-биографической комиссии проходила в тесном контакте с работой другой комиссии секции — комиссии по истории фабрик и заводов. Создание этой комиссии в составе секции истории пролетариата Института истории имело свою предысторию.

Еще в 1928 г. по инициативе Московского областного совета профессиональных союзов (МОСПС) была создана комиссия по монографическому обследованию и изучению промышленных предприятий. Комиссия ставила своей целью на основе изучения истории и современного положения двух московских предприятий — завода «Серп и Молот» и Трехгорной мануфактуры — разработать методику исследования отдельных предприятий. В комиссии участвовали представители от различных научных институтов и секций Комкадемии и других учреждений. 7 января 1930 г. на расширенном заседании секции по изучению истории пролетариата СССР был заслушан информационный отчет о работе комиссии МОСПС. Было предложено создать комиссию при Президиуме Комкадемии из представителей ее секций и институтов и работников МОСПС⁵². Постановлением Президиума Комкадемии от 21 января 1930 г. такая комиссия для комплексного

⁴⁹ «Новое в рабочем классе». — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 6.

⁵⁰ Там же, стр. 250—253.

⁵¹ «Работница на социалистической стройке». М., 1932.

⁵² Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 65, л. 57.

изучения предприятия была создана. Она делилась на шесть групп: историческая, техническая, экономическая, изучения социального состава, общественно-политическая и социально-бытовая. Председателем комиссии был утвержден В. П. Милютин, его заместителем и руководителем исторической группы — А. М. Панкратова.

Весной 1930 г. комиссия по монографическому изучению отдельных предприятий была передана Институту экономики Комкадемии. Ему поручалось возглавить комплексное изучение предприятий институтами Комкадемии: экономики, истории, техники, советского строительства и права. Однако только сотрудники Института истории приняли активное участие в работе комиссии⁵³. Историческая группа комиссии, состоящая из сотрудников секции по изучению истории пролетариата (А. М. Панкратова, М. К. Рожкова, Н. А. Горожанкина, Д. В. Антошкин, В. Л. Меллер, А. И. Гайсинович и др.), провела большую работу по изучению истории завода «Серп и Молот» и Трехгорной мануфактуры. В связи с этим 23 сентября 1931 г. был поставлен вопрос о слиянии монографической комиссии с секцией истории пролетариата Института истории⁵⁴. В декабре 1931 года на заседании бюро Президиума Комкадемии был заслушан доклад о работе комиссии по монографическому изучению промышленных предприятий и принято решение о передаче ее Институту истории, «который и до сих пор уделял этой работе очень большое внимание»⁵⁵. На том же заседании было предложено переименовать комиссию по монографическому изучению промышленных предприятий в комиссию по истории фабрик и заводов⁵⁶. Перед членами секции встала задача создания научной марксистско-ленинской методологии и методики изучения истории отдельных промышленных предприятий.

Дореволюционная буржуазная и мелкобуржуазная историография не оставила серьезных работ по этой теме. В юбилейной литературе, посвященной многолетней годовщине существования какого-либо завода, фабрики или фирмы, проблемы истории рабочего класса не освещались. В ней прославлялась главным образом деятельность предпринимателя, показывались успехи руководимого им производства. Единственной значительной работой по истории русской фабрики была работа М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Но эта книга, насыщенная богатым фактическим материалом, была написана

⁵³ «О работе Комиссии по монографическому изучению промышленных предприятий при Институте экономики». — «Вестник Коммунистической Академии», 1932, № 3, стр. 75.

⁵⁴ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 83, л. 123.

⁵⁵ «О работе Комиссии по монографическому изучению промышленных предприятий при Институте экономики». — «Вестник Коммунистической Академии», 1932, № 3, стр. 76.

⁵⁶ Там же, стр. 78; «История пролетариата СССР», 1932, сб. 9, стр. 198.

с объективистских позиций и требовала критического отношения к ее методологическим установкам.

В советской исторической науке попытку в обосновании методологических принципов изучения истории отдельных фабрик и заводов предпринял Н. А. Рожков в докладе, сделанном в апреле 1926 года в Обществе историков-марксистов⁵⁷. Во вступительном слове к докладу Рожкова М. Н. Покровский подчеркнул, что «монографическое изучение истории отдельных предприятий, хозяйств является совершенно необходимой составной частью этого процесса воссоздания нашей экономической истории»⁵⁸. Рожков рассматривал такие специфические источники по истории отдельного предприятия на примере Трехгорной мануфактуры как бухгалтерские книги, Главную книгу фабричной конторы, мемориал — черновую запись расходов и доходов и т. д. Рожков отметил, что история фабрики должна быть изучена как история экономической организации и «тогда история рабочего движения будет освещена новым светом, получит прочный хозяйственный фундамент»⁵⁹. Такой сугубо «экономический» характер рассмотрения истории фабрик, предложенный Рожковым, вызвал ряд возражений участников обсуждения. М. В. Нечкина отметила, что схема изучения, предложенная Рожковым, осуществляет подход к фабрике только с теоретико-экономической стороны, а «мы хотим знать фабрику как живое общественное явление, в котором сосредоточены противоречия, борются социальные силы»⁶⁰. Нечкина предложила расширить изучение архивного наследия фабрики для освещения состава рабочих, источников их пополнения, происхождения владельцев предприятия и т. д. Другие участники обсуждения отмечали важность изучения совокупности архивных материалов фабрики, охранного отделения и департамента полиции для истории рабочего движения. Методологические установки Н. А. Рожкова нашли наиболее полное отражение в его статье о Прохоровской мануфактуре⁶¹. В истории народного хозяйства вообще и прежде всего в истории русской фабричной промышленности Рожков стремился найти и объяснить особенности рабочего движения и революции в России. Выдвигая на первое место экономический фактор, он не всегда прослеживал органическую связь экономических, социальных, политических моментов. Это объяснялось методологическими принципами исследования Рожкова, в основе которых лежал экономический материализм. Стремление вычленить из экономики политическое и социальное развитие пролетариата было характерно для мень-

⁵⁷ Н. А. Рожков. К методологии истории промышленных предприятий.— «Историк-марксист», 1926, т. 2.

⁵⁸ Там же, стр. 210.

⁵⁹ Там же, стр. 217.

⁶⁰ Там же, стр. 217, 219, 220.

⁶¹ Н. А. Рожков. Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования.— «Историк-марксист», 1927, т. 6.

шевистской концепции истории России с ее утверждением отсталости русского рабочего класса.

Обсуждение доклада Рожкова и его статья о Прохоровской мануфактуре выявили различный подход историков в изучении истории предприятий. Одни считали возможным, ограничив круг источников определенными материалами отдельного предприятия, глубоко и детально исследовать в первую очередь экономическую историю предприятия. Такой подход, хотя и позволял раскрыть конкретно все стадии развития производства, проследить весь механизм переработки мануфактуры в фабрику, но все же он крайне ограничивал материал по истории предприятия. Другие высказались за комплексное исследование экономической и социальной истории предприятия, за расширение круга привлекаемых архивных источников не только данного предприятия, но и ряда государственных учреждений. Такой подход оказался более перспективным, но утвердился он не сразу.

В декабре 1929 г. вопросы методологии и методики изучения истории промышленных предприятий обсуждались в комиссии по истории пролетариата Общества историков-марксистов в связи с докладами М. М. Раковского и М. К. Рожковой об опыте их работы над архивами завода «Серп и Молот» и Трехгорная мануфактура⁶². Доклады вызвали оживленные прения, в ходе обсуждения было указано, что при изучении истории предприятия нельзя ограничиваться материалами архива предприятия; был подвергнут критике метод М. М. Раковского, пытавшегося рассматривать предприятие как особую «общественную формацию», на материалах бывш. завода Гужона решать вопросы стоимости, прибавочной стоимости, форм эксплуатации и т. д. Участники обсуждения подчеркнули необходимость изучения истории отдельных предприятий в тесной связи с общими экономическими и политическими процессами в стране, с историей революционной борьбы рабочего класса в целом. Ценные методологические указания были сделаны в связи с обсуждением в секции по истории пролетариата 27 февраля 1930 г. доклада А. М. Панкратовой о программе и источниках изучения истории рабочего и революционного движения на предприятии от начала его возникновения до 1927 г.⁶³ В программе указывались основные источники изучения истории рабочего и революционного движения: центральные и местные архивы, архив данного предприятия, литературные источники, легальная и нелегальная пресса, воспоминания и биографии рабочих как опубликованные, так и уст-

⁶² «К вопросу о методологии и методике истории отдельных промышленных предприятий (Отчет о докладах, прочитанных в комиссии по истории пролетариата при Обществе историков-марксистов)». — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1.

⁶³ А. М. Панкратова. Изучение рабочего и революционного движения на предприятии. Программа и источники изучения. — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2.

ные. Подчеркивалось, что «изучение рабочего движения на предприятии, в связи с более пристальным изучением состава рабочих, в связи с экономическим, правовым, общеполитическим положением их, наконец в связи с особенностями экономики предприятия, дает возможность научного объяснения многих общих проблем в истории рабочего класса, до сих пор остающимися не вполне разрешенными или совсем невыясненными»⁶⁴.

На основе ленинских работ в программе была дана научная периодизация истории рабочего движения в России, определены важнейшие вопросы революционной борьбы на каждом ее этапе.

Несколько позже была разработана и опубликована программа по изучению экономической истории предприятия⁶⁵. История экономики отдельных предприятий могла помочь в разрешении проблем промышленной революции в России, перехода от крепостного к капиталистическому хозяйству, выяснить процесс перехода к социалистическому хозяйству. Вместе с тем, экономическая история предприятия помогала объяснить те формы и особенности, которые имелись в рабочем движении на различных ступенях его развития.

Таким образом, в 1929—1931 гг. секция истории пролетариата успешно разрабатывала методологию изучения истории отдельных предприятий. Был обоснован главный принцип изучения проблемы — всестороннее исследование экономической, социальной, политической истории предприятия, где центральное место занимала история пролетариата и его революционной борьбы. Секция указала на главные источники изучения проблемы, приступила к разработке методики их использования. Новый этап в изучении истории пролетариата начался после опубликования письма А. М. Горького о создании «Истории заводов» в газетах «Правда» и «Известия» 7 сентября 1931 г. Призыв писателя был горячо поддержан сотрудниками секции истории пролетариата.

В письме М. Горькому 8 сентября 1931 г. А. М. Панкратова сообщала о работе, проделанной секцией в изучении истории Трехгорной мануфактуры и завода «Серп и Молот» и особо подчеркнула необходимость разработки марксистской методологии научного исследования⁶⁶.

Весной 1932 г. член секции А. А. Поселянина посетила М. Горького и вела с ним беседу о целесообразности выпуска методологического сборника по истории фабрик и заводов, подготовленного секцией. Горький выразил опасения, что местные

⁶⁴ А. М. Панкратова. Указ. соч., стр. 159.

⁶⁵ «Изучение экономической истории отдельного промышленного предприятия. Программа и источники изучения». — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 5.

⁶⁶ «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». М., 1959, стр. 80.

редколлегии при составлении программ по изучению истории своего предприятия будут копировать программу сборника. Кроме того, он отметил необходимость переработать материалы сборника и опубликовать их в «Бюллетене» Главной редакции по истории фабрик и заводов. Секция решила завершить создание методологического сборника, а до его издания все материалы опубликовать в предложенном А. М. Горьким «Бюллетене»⁶⁷.

Важность разработки методологических проблем исследования подчеркивалась членами секции неоднократно. В 30-е годы на страницах прессы, исторических журналов публиковались материалы методологического характера⁶⁸. Особая заслуга в этом принадлежит Панкратовой. Подчеркивая значение научно-методического руководства в создании истории фабрик и заводов со стороны историков-марксистов, она писала: «впервые в истории в таком масштабе поставлена и разрешается задача научного воссоздания истории класса-бойца и строителя социализма — пролетариата СССР...»⁶⁹ «Историки-марксисты,— отмечала Панкратова,— следуя методологии Ленина в его работах по истории капитализма в России, должны дать исследование истории предприятия во всей его конкретности, которая вместе с тем отражает общие закономерности развития. Это сочетание общего и частного, закономерностей и конкретного — один из важнейших методологических принципов исторического исследования вообще, истории заводов в частности»⁷⁰.

В работах Панкратовой уделялось большое внимание критике зарубежной буржуазной «науки об отдельном предприятии», стремившейся представить картину процветания капитализма на фактах процветания отдельных предприятий, взятых вне связи со всей системой капитализма. Все эти проблемы заняли важное место в докладе Панкратовой по истории заводов СССР, сделанном ею на Всемирном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. Отметив, что в Советском Союзе развернута громадная работа по изучению истории фабрик и заводов, которая по своему объему, характеру и задачам не имеет прецедентов в истории науки, Панкратова подчеркнула, что создание истории заводов СССР

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 74, л. 4. Информация Поселяниной о посещении М. Горького была заслушана на заседании секции 14 мая 1932 г.

⁶⁸ В. Зельцер. К вопросу о монографическом изучении промышленных предприятий.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1; «К изучению истории предприятий».— «История заводов», 1932, сб. 3; А. Панкратова. Задачи и методы исторического исследования в деле создания «Истории заводов».— «История пролетариата СССР», 1932, сб. 12; Е. Герман, Е. Дробкина, А. Поселянина. К изучению истории предприятия после Октября.— Там же.

⁶⁹ А. М. Панкратова. Указ. статья.— «История пролетариата СССР», 1932, сб. 12, стр. 72.

⁷⁰ А. М. Панкратова. Указ. статья.— «История пролетариата СССР», 1932, сб. 12, стр. 79.

базируется на применении методологических принципов К. Маркса и В. И. Ленина ⁷¹.

Разработка марксистско-ленинской методологии и научных приемов исследования позволили сотрудникам секции создать уже в начале 30-х годов работы, в которых изучение истории отдельных предприятий рассматривалось как важная составная часть истории промышленности и рабочего класса СССР в целом.

В статьях В. А. Бухиной, П. П. Парадизова на архивных материалах Малоярославецкой фабрики, Мальцевских заводов освещались первоначальные стадии развития промышленного капитализма, состав и первые волнения рабочих ⁷².

Особенно детально изучалась история формирования кадров рабочих, их положение, быт, начало борьбы, проникновение влияния социал-демократии в рабочую среду по материалам завода «Серп и Молот» и Трехгорная мануфактура ⁷³. Наиболее ценными представляются статьи М. И. Гильберта об экономическом положении рабочих завода «Серп и Молот» и М. К. Рожковой о составе рабочих Трехгорной мануфактуры. М. И. Гильберт подробно разработал методику изучения источников по таким основным вопросам экономического положения рабочего класса как условия найма, рабочее время, зарплата, трудовая дисциплина, специфические приемы эксплуатации и т. д. Автор показал, как могут быть использованы по этим вопросам архивные материа-

⁷¹ См. А. М. Панкратова. Задачи и методы исторического исследования в деле создания «Истории заводов СССР». — «История заводов», 1934, вып. 8, стр. 95, 101.

⁷² В. А. Бухина. Малоярославецкая фабрика до закрепощения рабочих. 1718—1737. — «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2; она же. Волнения рабочих на Малоярославецкой фабрике. — Там же, 1933, сб. 1—2 (13—14); П. П. Парадизов. Мальцевские заводы в XVIII и XIX вв. (к истории промышленного капитализма в России). — Там же, 1930, сб. 2.

⁷³ А. Гайсинович. Первый этап рабочего движения на заводе «Серп и Молот». — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 6; он же. Завод «Серп и Молот» в период между двумя революциями. — «История пролетариата СССР», 1932, сб. 9; он же. Освещение роли партии и революционного движения в истории завода «Серп и Молот» до 1917 г. — «История заводов», 1933, вып. 4—5; В. Меллер. Из истории завода «Серп и Молот». От подпольных кружков к борьбе за власть Советов. — «Борьба классов», 1931, №№ 6—7; он же. Завод Гужона во время империалистической войны. — «История пролетариата СССР», 1934, сб. 2(18); М. Гильберт. К вопросу об экономическом положении рабочих завода «Серп и Молот». — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 6, 7; М. Рожкова. Трехгорная мануфактура в 40-х и 50-х годах XIX в. — Там же, 1931, сб. 7; она же. Рабочие Трехгорной мануфактуры во второй половине XIX века. — Там же, 1930, сб. 1; она же. Состав рабочих Трехгорной мануфактуры накануне империалистической войны. — Там же, 1931, сб. 5; она же. Состав рабочих Трехгорной мануфактуры в 1917 г. — Там же, 1931, сб. 8; В. Зельцер. Рабочие и хозяева «Трехгорки» в первой половине XIX в. — «История пролетариата СССР», 1933, сб. 1—2 (13—14); П. П. Парадизов. Рабочие «Прохоровки» в пореформенную эпоху. — «История заводов», 1933, вып. 4—5; он же. К истории русской фабрики. — «История пролетариата СССР», 1933, сб. 1—2 (13—14).

лы, в частности, личные карточки рабочих, данные их устных опросов. В таблицах о средней заработной плате рабочих завода бывш. Гужона в 1905—1906 гг., 1909—1910 гг., 1913—1914 гг. М. И. Гильберт показывал соотношение номинальной и реальной зарплаты с учетом роста цен на продукты.

М. К. Рожкова познакомила исследователей с обработкой таких архивных источников как «рядные», «мемориалы», личные счета рабочих, важных для определения постоянных кадров рабочих. Статьи Рожковой содержат богатый фактический материал, представленный в виде таблиц о социальном составе, постоянных и временных кадрах Трехгорки, о численности рабочих по профессии, возрастному, производственному стажу и т. д. Методика обработки материалов и результаты, полученные М. И. Гильбертом и М. К. Рожковой, сохранили свое значение до наших дней⁷⁴.

Сотрудники секции выступили со статьями по истории завода «Серп и Молот» и Трехгорной мануфактуры в послеоктябрьский период⁷⁵. Центральное место в них занимали проблемы большевизации рабочих, роста парторганизации в 1917—1920 гг., вовлечения рабочих в дело социалистического преобразования производства, борьбы против эсеро-меньшевистского влияния. Статьи обсуждались на совместных заседаниях секции и рабочих. В статьях А. А. Поселяниной, Б. И. Мартова освещалась история завода «Серп и Молот» в восстановительный и реконструктивный периоды. Авторы проанализировали состав вступивших в партию в год ленинского призыва (из 165 заявлений 141 было от рабочих)⁷⁶, проследили рост партийной организации завода. Подробно изучалась история восстановления завода, увеличение численности рабочих и т. д. Работая в тесном контакте с партийной и профсоюзной организациями предприятий, члены секции, привлекая сотрудников других институтов Комакадемии, изучали вопросы трудовой дисциплины, текучести кадров, рационализации производства, быта рабочих. Исследовались социальные источники движения ударников, рождение новых черт в психологии советского рабочего класса⁷⁷. Ценные сведения были получены при проведении переписи рабочих завода «Серп и Молот» в 1930 г.

⁷⁴ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 409.

⁷⁵ Н. А. Горожанкина. Партийная организация Трехгорной мануфактуры (1917—1927 гг.).— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 5; она же. Партийная организация Трехгорной мануфактуры в годы гражданской войны. (Материалы к монографии).— Там же, 1931, сб. 8; Д. Антошкин. Рабочее движение на Трехгорной мануфактуре до 1918 года.— Там же, 1931, сб. 5; он же. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1917 г.— Там же, 1931, сб. 8; 1932, сб. 9; А. Поселянина. Ленинский призыв (Московский завод «Серп и Молот»).— «Борьба классов», 1934, № 1; она же. Восстановление завода «Серп и Молот».— Там же, 1934, №№ 7—8; Б. Мартов. Реконструкция завода «Серп и Молот».— Там же.

⁷⁶ А. А. Поселянина. Указ. статья.— «Борьба классов», 1934, № 1, стр. 144.

⁷⁷ «Хроника».— «История заводов», 1932, сб. 1, с. 81—84.

В этой работе приняли участие Б. Л. Маркус, А. Г. Рашин. К апрелю 1931 г. на заводе «Серп и Молот» было собрано, обработано и сдано в Госплан 5692 бланка переписи рабочих, к маю 1931 г. предполагалось охватить переписью еще 2000 рабочих⁷⁸. Материалы партийной и комсомольской организаций завода служили важным источником в освещении их роли в развертывании социалистического соревнования, в борьбе за укрепление трудовой дисциплины, за лучшую организацию труда⁷⁹.

Интенсивная деятельность сотрудников секции по изучению истории двух московских предприятий привела к созданию уже в начале 30-х годов двухтомной рукописи «История Трехгорной мануфактуры». Однако работа не удовлетворяла одному из главных требований, которые предъявлялись к книгам по истории фабрик и заводов — доступности широким читательским массам. Поэтому она не получила положительного отзыва М. Горького. Он отметил, что авторы отнеслись к своей работе слишком «по-ученому», перегрузили работу цифрами и таблицами, «что сделало ее сухой и скудной»⁸⁰.

Секция по истории пролетариата СССР оказывала большую помощь авторским коллективам по изучению отдельных предприятий созданием методической литературы⁸¹. Сотрудники секции были участниками совещаний, которые проводила Главная редакция «Истории заводов». Они часто выступали при обсуждении работ или отдельных глав по истории фабрик и заводов на заседаниях заводских редколлегий и авторских коллективов. Нередко на обсуждение ставилась работа коллектива самих сотрудников Института истории. Так, 21 октября 1933 г. на совместном заседании центральной редколлегии, заводской редакции и авторского коллектива, работающего над историей завода «Серп и Молот», был заслушан доклад А. М. Панкратовой о коллективной работе над историей завода, охватывающей период с 1883 г. до первой мировой войны. В докладе указывалось, что тормозом в создании этой работы была неправильная расстановка кадров. История завода среди авторов была распределена не

⁷⁸ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 65, л. 10.

⁷⁹ *Ф. Бабун*. Комсомол — застрельщик соцсоревнования. — «История заводов», 1932, сб. 3; *А. А. Поселянина*. Ленинское пополнение. — «История заводов», 1934, № 1—2; *она же*. Борьба за социалистическую организацию труда. — «История пролетариата СССР», 1934, сб. 3.

⁸⁰ «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». М., 1959, стр. 214—219. В соответствии с указаниями Горького бригада историков во главе с С. Лапицкой создала книгу «Быт рабочих Трехгорной мануфактуры» (М., 1935).

⁸¹ *А. Гайсинович*. Источники по истории заводов. — «История заводов», 1932, сб. 2, сб. 3—4; *М. Рожкова*. Как записывать воспоминания. — «История заводов», 1932, сб. 3; *она же*. Как изучать бухгалтерские книги. — Там же; *Б. Г. Заводские газеты как источники для истории заводов*. — Там же; *В. Зельцер*. Что читать рабочему автору, пишущему историю заводов. — «История заводов», 1933, сб. 4—5.

по основным историческим периодам, а по проблемам. Поэтому один автор изучал экономическую историю завода, другой — техническую, третий — историю рабочего движения. При таком распределении некоторые вопросы остались неосвещенными. Кроме того, потребовалась большая работа по созданию целостной картины истории предприятия⁸². Подобная критика ошибок предостерегала другие авторские коллективы от неверных шагов в организации и распределении материала между авторами. Отдельные разделы работ, главы монографий рабочих авторов обсуждались на заседаниях редколлегии журнала «История пролетариата СССР», лучшие из них публиковались⁸³.

По мере накопления опыта работы над историей отдельных промышленных предприятий совершенствовались программы их изучения. Помимо ранее опубликованных программ⁸⁴, были разработаны программы изучения предприятий до февральской революции, в период февраля—октября 1917 г., после Октябрьской революции (до начала социалистической реконструкции), а также программа по изучению истории предприятий в районах контрреволюции⁸⁵. Программы вводили авторские коллективы в общие проблемы истории рабочего класса, помогали сконцентрировать внимание на наиболее важных из них.

Секции принадлежала инициатива не только в разработке методологических и методических принципов изучения истории фабрик и заводов, но и в постановке критико-библиографической работы по этой теме⁸⁶.

Опыт, накопленный секцией по изучению истории отдельных промышленных предприятий, не пропал даром. Многие из сделанного секцией в этом направлении было использовано историками второй половины 50—60-х годов. Для решения ряда проблем современные историки обращаются к опыту 30-х гг. На специальном заседании, проведенном на историческом факультете МГУ в марте 1971 г. в связи с 40-летием изучения истории фабрик и заводов, вновь прозвучал призыв о более широком ис-

⁸² «Хроника». — «История заводов», 1934, сб. 8, стр. 197—198.

⁸³ А. Парусов. Сормово в 80-х годах. — «История пролетариата СССР», 1934, сб. 4(20); он же. Сормово в 90-х годах XIX в. — «История пролетариата СССР», 1935, сб. 2; Н. Паялин. Большая Ярославская мануфактура. Из истории революционного движения ткачей мануфактуры в XVIII в. — «История пролетариата СССР», 1935, сб. 2; он же. Большая Ярославская мануфактура в 50—80-х годах XIX в. — «История пролетариата СССР», 1934, сб. 4 и др.

⁸⁴ См. «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2; 1931, сб. 5.

⁸⁵ «История пролетариата СССР», 1932, сб. 12, стр. 122—145.

⁸⁶ «В. И. Ленин о заводах и фабриках. Библиография». — «История заводов», сб. 2, 1932; Б. Горев. Обзор исторической литературы по истории отдельных заводов. — Там же, 1932, сб. 3; А. Поселянина. К итогам изучения истории фабрик и заводов. — «История пролетариата СССР», 1932, сб. 12; В. Зельцер. Научные проблемы истории заводов. — «История заводов», 1933, сб. 4—5 и т. д.

пользовании опыта 30-х годов, особенно в разработке вопросов источниковедения отдельных предприятий⁸⁷. Опыт советских историков в изучении истории предприятий широко используется историками стран социалистического лагеря⁸⁸.

Проблема преемственности опыта научного исследования является одной из наиболее важных и сложных в советской исторической науке. Разработка истории фабрик и заводов в 30-х годах и в 50—60-е годы вполне может иллюстрировать эту тенденцию в советской историографии. Речь идет не о формальном повторении, а о критическом восприятии опыта и применении его в соответствии с новым уровнем развития советской исторической науки, возросшим теоретическим и профессиональным мастерством историков 50—60-х годов XX в.

Важным участком в разработке истории рабочего класса была история его массовых организаций — профсоюзов. Однако в литературе по этой теме в 20-х годах еще сильны были меньшевистские взгляды (работы В. П. Гриневича, В. В. Святловского, П. Н. Колокольникова). Марксистских работ было мало, да и в них допускались ошибочные трактовки ряда вопросов истории профессионального движения.

Ненормальность положения в изучении профдвижения остро ощущалась историками-марксистами и, когда в 1930 г. встал вопрос о ликвидации истпрофов, то решено было слить Истпроф ВЦСПС с Институтом истории Комкадемии. По постановлению Президиума Комкадемии и Президиума ВЦСПС бывший Истпроф в мае 1930 г. был передан в секцию истории пролетариата на правах подсекции (истпрофподсекция)⁸⁹. В состав образованной подсекции вошли восемь человек⁹⁰. В ноябре-декабре 1930 г. секциями истории пролетариата Института истории, Общества историков-марксистов и секцией труда Института экономики Комкадемии были проведены объединенные заседания, где обсуждались доклады о ленинском учении о профсоюзах⁹¹. Разработка научной истории профдвижения на основе ленинского теоретического наследия приобретала политическое значение в обстановке острой борьбы партии с правыми оппортунистами, извращавшими ленинские принципы в работе профсоюзов.

Важные вопросы истории профессионального движения были подняты в ходе большой и длительной дискуссии (май—декабрь 1931 г.), организованной секцией истории пролетариата Общества историков-марксистов и Высшей школой профдвижения при

⁸⁷ А. М. Панфилова. Изучение истории фабрик и заводов на истфаке МГУ.— «История СССР», 1971, № 6, стр. 229.

⁸⁸ А. В. Мигрофанова, Л. С. Розачевская. Вторая встреча историков социалистических стран по проблемам истории фабрик и заводов.— «История СССР», 1967, № 4.

⁸⁹ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 19, л. 283.

⁹⁰ Там же, д. 32, л. 37.

⁹¹ См. «История пролетариата СССР», 1931, сб. 5.

ВЦСПС⁹². Цель дискуссии заключалась в марксистско-ленинской разработке истоков возникновения профсоюзов в России, их взаимоотношений с партией, борьбы с меньшевиками в профсоюзах, соотношении стихийности и сознательности, роли профсоюзов и их участия в социалистическом строительстве и т. д. Эти темы получили марксистско-ленинское освещение в основном докладе Е. Мильштейна, в выступлениях Б. Б. Граве, П. И. Анатольева, Б. М. Фрейдлина и др. Участники дискуссии подвергли критике реформистские взгляды Гриневича, Мартова, Троцкого по вопросу о профсоюзах, выдвинули ряд новых тем по истории профессионального движения, подвергли глубокому рассмотрению ленинскую концепцию профсоюзов. При подведении итогов дискуссии указывалось: «Доклад и прения показали, что основной кадр историков рабочего профессионального движения сложился, что разработка ленинской истории профессионального движения дело недалекого будущего»⁹³.

На заседании секции истории пролетариата 14 ноября 1930 г. было подробно обсуждено положение с бывшим Истпрофом и наметен план деятельности истпрофподсекции. А. М. Панкратова, выступавшая с докладом, отметила необходимость изучения вопросов методологии истории профдвижения, опираясь на ленинское наследие⁹⁴. В принятом плане работы на 1930—1931 гг. предусматривалось создание сборников «Партия и профсоюзы», «В. И. Ленин и профсоюзы», ряд работ по истории пролетариата в 1905 г., 1917 г., а также по истории отдельных отрядов рабочего класса — металлистов, текстильщиков, печатников. Большое место в плане уделялось разработке истории московских профсоюзов⁹⁵. Авторами работ по истории профдвижения были О. Н. Чадаева, А. М. Панкратова, Ю. К. Милонов, А. И. Гайсинович, М. К. Рожкова, К. Ф. Сидоров и др. Над историей фабрично-заводских комитетов в 1917 г. и их борьбой за рабочий контроль работал Б. М. Фрейдлин.

Учитывая особую важность методологических принципов исследования, сотрудники секции выступили с рядом статей по вопросам марксистско-ленинской концепции истории профессионального движения⁹⁶.

⁹² Материалы дискуссии опубликованы: «За ленинизм в истории профдвижения». — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 7; 1932, сб. 9.

⁹³ «Хроника». — «Борьба классов», 1931, № 3—4, стр. 128.

⁹⁴ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 67, л. 1.

⁹⁵ См. там же, д. 10, л. 14—15.

⁹⁶ Е. Мильштейн. За марксистско-ленинскую историю профдвижения. — «История пролетариата СССР», 1931, сб. 5; Д. Антошкин. Профсоюзная дискуссия в 1920/21 г. — Там же; Б. Фрейдлин. Вопросы профсоюзного движения в свете проблемы стихийности и сознательности. — Там же, 1931, сб. 6; он же. Проблемы истории профессионального движения. — Там же, 1932, сб. 9; он же. Марксизм и профессиональное движение. — Там же, 1933, сб. 1—2 (13—14); А. Змеул. О профсоюзах как «школе коммунизма». — Там же, 1932, сб. 9, и др.

Изучение истории профдвижения сотрудники секции совмещали с большой общественно-политической деятельностью по привлечению фабрично-заводских комитетов предприятий, историю которых они писали, к решению задач по выполнению пятилетнего плана предприятия. Сочетание подобных задач помогало осуществлять марксистско-ленинскую политику партии в отношении профсоюзов.

Рассмотрение деятельности комиссий секции (библиографической, архивной, анкетно-биографической, по истории фабрик и заводов, истпрофподсекции) показывает, насколько всесторонне и глубоко ставилась секцией задача изучения прошлого и настоящего рабочего класса СССР. И хотя секция сделала лишь первые шаги в разработке этой важной и большой проблемы, а ряд ее начинаний (создание библиографии, архивной картотеки по истории пролетариата) не получил завершения в те годы, она оставила значительный след в развитии советской исторической науки. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию научного исследования, привлекая обширный и разнообразный круг новых архивных документов, сотрудники Института истории Комкадемии внесли серьезный вклад в советскую историографию рабочего класса.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 г. В ПЕТРОГРАДЕ

Н. В. Романовский

Июльские события 1917 г.— один из ярких моментов истории революционного 1917 года, поворотный пункт революции, положивший конец ее мирному периоду. В литературе о Великом Октябре эти события заняли видное место. В данной статье рассматривается советская историография июльских событий 1917 г. в Петрограде.

Вокруг июльских событий сразу же развернулась острая идейно-политическая борьба. Большевики во главе с В. И. Лениным, разоблачая вымыслы буржуазии и соглашателей о «большевистском заговоре», «восстании», освещали причины событий, их фактический ход, вскрывали их значение в ходе революции. С 3 июля до начала августа июльские события были в центре внимания Ленина. Неоднократно обращался к урокам июля В. И. Ленин в сентябре — октябре 1917 г., в послеоктябрьский период. К истории и опыту июльских дней он в общей сложности обращается более чем в 40 работах. Вкладу В. И. Ленина в историографию июльских событий посвящена значительная литература¹.

В ленинских работах² раскрыты причины, характер и особенности июльских событий; дана их периодизация. В. И. Ленин обосновал тактику большевистской партии в июльские дни и отстоял ее от нападков буржуазии, оппортунистов справа и слева. Важное политическое значение имело разоблачение В. И. Лениным антибольшевистской кампании буржуазии и соглашателей. Им проанализировано поведение буржуазии и мелкой буржуазии

¹ О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года. Л., 1964, стр. 3—9; В. И. Астахов, И. Л. Шерман. Ленин — историк советского общества. Харьков, 1969, стр. 99—106; Е. Н. Городецкий. В. И. Ленин — историк Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966; *он же*. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970 и др.

² Важнейшие из них: «Три кризиса» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 428—432); «Политическое положение» (там же, т. 34, стр. 1—5); «К лозунгам» (там же, стр. 10—17); «Ответ» (там же, стр. 21—32); «О конституционных иллюзиях» (там же, стр. 33—47); «Уроки революции» (там же, стр. 53—69); «Проект резолюции о современном политическом моменте» (там же, стр. 144—150); «Марксизм и восстание» (там же, стр. 242—247); «Письмо к товарищам» (там же, стр. 412—413) и др.

в июльские дни; четко определено значение июльских дней как перелома в развитии всей революции; власть в решающем месте перешла в руки буржуазии, исчезла возможность мирного развития революции, изменилась тактика большевиков, начался период подготовки вооруженного восстания. Июльские события стали важным уроком для масс, укрепили авторитет и влияние большевистской партии. Вклад В. И. Ленина в историографию июльских событий был фундаментальным и многогранным. Он стал надежной основой дальнейшего развития советской историографии, ее борьбы с буржуазными и оппортунистическими трактовками июльских дней.

Важное влияние на формирование марксистской историографии вопроса оказали документы большевистского ЦК, работы видных деятелей большевистской партии: И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, Н. И. Подвойского и др.³ Они разоблачали вымыслы о «большевистском заговоре», показывали причины стихийного взрыва масс, усилили большевиков накануне июльских дней удержат масс от выступления, излагали действительный ход событий 3—5 июля и действия большевиков, давали принципиальную оценку кампании клеветы, развязанной буржуазией и соглашателями, констатировали переход последних в лагерь контрреволюции⁴. Свердлов в документе ЦК РСДРП(б) дал важную оценку состояния партийных организаций в Петрограде, сохранивших свои силы, выдержавших волну репрессий контрреволюции⁵. Сталин подробно, час за часом осветил работу руководящих центров большевиков 3—6 июля, свидетельствуя, что не предпринималось ничего, что можно было бы квалифицировать как «заговор», «восстание»; с этой же стороны обрисовал работу Военной организации большевиков Н. И. Подвойский⁶.

Формирование большевистской историографии июльских событий шло в ожесточенной борьбе с вымыслами и клеветой буржуазной и мелкобуржуазной прессы, ее идеологов. Со страниц газет от черносотенного «Нового времени» до меньшевистской «Рабочей газеты» на протяжении нескольких недель не прекращалась кампания клеветы.

³ См. Резолюция расширенного совещания ЦК РСДРП(б) 13—14 июля.— «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I. М., 1970, стр. 480; *И. В. Сталин. Сочинения*, т. 3, стр. 108—114; Политический отчет ЦК VI съезду РСДРП(б), доклад руководителя Военной организации Н. И. Подвойского, отчеты с мест, анкеты делегатов VI съезда.— «VI съезд РСДРП (большевиков)», август 1917 года. Протоколы. М., 1958, стр. 14—20, 59—66, 319—390, и др.

⁴ *Я. М. Свердлов. Избранные произведения*, т. 2. М., 1960, стр. 24, 24, 26—27; *И. В. Сталин. Соч.*, т. 3, стр. 117, 108, 113 и др.

⁵ *Я. М. Свердлов. Избранные произведения*, т. 2, стр. 24.

⁶ «VI съезд РСДРП(б). Протоколы», стр. 17—20, 63—65; доклад Н. И. Подвойского на городской конференции 16 июля 1917 г.— «2-я и 3-я Петроградские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы». М.—Л., 1927, стр. 57—60.

Таким образом уже в июле 1917 г. сложились две непримиримые концепции июльских событий, водоразделом между которыми стала оценка роли большевистской партии: руководство стихийно вспыхнувшими демонстрациями с целью придать им мирный и организованный характер, или большевистский «заговор», «восстание».

Процесс формирования марксистско-ленинской историографии июльских событий и ее борьба против буржуазно-соглашательских концепций осложнялись тем, что приходилось вести борьбу с оппортунистической зиновьевской оценкой, который с антиленинских позиций противопоставлял стихийность июльских событий организованности Октябрьского вооруженного восстания⁷.

В годы гражданской войны советская историография июльских событий сделала заметный шаг вперед. В 1919 году были изданы протоколы VI съезда партии, один из важнейших источников изучения июльских событий. Появился ряд воспоминаний в годовщины Октябрьской революции и июльских дней. Авторами их были активные участники июльских событий: М. И. Калинин, Н. И. Подвойский, А. Ф. Ильин-Женевский и др.⁸ Здесь преобладает мемуарный элемент. В то же время они вскрывают исторические причины июльских событий, рассматривают тактику большевистской партии, разоблачают домыслы о «большевистском заговоре», яркими красками показывают ход, результаты событий. Это были первые шаги в разработке проблематики июльских событий с ленинских позиций.

Для этого периода была характерна слабость документальной базы. Накладывала свой отпечаток обстановка гражданской войны. В некоторых публикациях сказалось влияние зиновьевской оценки. Буржуазная историография этих лет придерживалась тезисов о большевистском заговоре, восстании, якобы осуществленном «на немецкие деньги».

Следующий период в историографии июльских событий составила литература, появившаяся в 1921—1928 гг. В эти годы были изданы сочинения В. И. Ленина, «Ленинские сборники» сделали доступными исследователям большинство ленинских работ об июльских днях. Увидели свет протоколы Петроградской конференции большевиков и Петербургского комитета РСДРП(б), про-

⁷ Эта оценка проявилась в позиции Г. Е. Зиновьева накануне Октября (См. «Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.» М., 1958, стр. 91). Она развита в выступлениях по поводу годовщины июльских событий. Ее составной частью были реформистские иллюзии относительно мелкобуржуазных партий. Эти иллюзии разделял М. П. Томский (см. «Петроградская правда», 16 июля 1922 г., стр. 1; «Спартак», № 7, 1917, стр. 26—28).

⁸ См. «Красная газета», 16 июля 1919 г., стр. 1, 2; «Красная газета», 16 июля 1920 г., стр. 2; «Петроградская Правда», 20 июля 1919 г., стр. 1, 2; «Красный Петроград», Пг., 1919, стр. 35—44, и др.

токолы ЦК партии. Были переизданы с исправлениями и комментарием протоколы VI съезда партии, публиковались сборники документов. В хронике событий 1917 г. в Петрограде были использованы работы В. И. Ленина, документы большевистских организаций, Советов, материалы прессы, документы из лагеря буржуазии и соглашателей⁹. Широко публиковались воспоминания об июльских событиях¹⁰. В научный оборот в эти годы были введены такие документальные источники как материалы комиссии Временного правительства, созданной для «расследования большевистского заговора», фонды Временного правительства, министерств, военных и военно-морских ведомств, штаба Петроградского военного округа, петроградской городской управы и т. д.

Важный вклад в развитие советской историографии июльских событий внесли исследования старшего поколения советских историков — С. А. Пионтковского, В. Ф. Владимировой, К. И. Шелавина, О. А. Лидака¹¹ и других. Эти первые работы профессиональных историков в решающих элементах исходили из ленинских оценок июльских дней. Работы названных авторов основаны на довольно широком круге документов, прессы. Изложению июльских событий предпосылается характеристика нерешенности основных проблем русской революции. Этим создается серьезная основа для вывода о глубоких причинах июльского кризиса. Авторы убедительно показывают, что большевистская партия накануне и в момент июльских событий была против вооруженных выступлений. Прослеживается нарастание революционного взрыва в рабочем классе, среди солдат¹². В изложении хода событий, тактики большевистской партии, поведения контрреволюции и соглашателей авторы стоят на ленинских позициях. Делается вывод о том, что июльские события ускорили развитие революции, укрепили партию и ее связи с массами. Авторы приводят ленинскую характеристику июльских событий как резкого поворота в ходе революции¹³. Иногда авторы этих работ вместо анализа приводят пространные выдержки из до-

⁹ В. Ф. Владимирова. Революция 1917 года (Хроника событий), т. III. (Июнь — июль). М.— Пг., 1923.

¹⁰ В годовщины июльских событий петроградские и центральные газеты посвящали им ежегодно несколько десятков публикаций.

¹¹ С. А. Пионтковский. 3—5 июля.— «Современник». М., 1922, кн. 1; К. И. Шелавин. Июльское дело, в кн.: «3-го — 5-го июля 1917 г.», Пг., 1922; он же. 1917 г. Очерки русской революции, ч. I, Пг., 1923; В. Ф. Владимирова. Июльские дни 1917 года.— «Пролетарская революция», 1923, № 5; О. А. Лидак. Июльские события 1917 года.— «Очерки по истории Октябрьской революции», т. II. М., 1927; он же. Июльские события 1917 года.— «Историк-марксист», 1927, т. 4 и др.

¹² Особенно подробно эта тема рассмотрена: В. Ф. Владимирова. Июльские дни 1917 г., стр. 3—6.

¹³ С. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 16; В. Ф. Владимирова. Июльские дни 1917 г., стр. 51; К. И. Шелавин. Очерки русской революции, ч. 1, стр. 23.

кументов, прессы, расширительно толкуют предъюльский период¹⁴. К. И. Шелавин особое внимание уделил разоблачению сострепанного контрреволюцией «июльского дела», вскрыл тенденциозность и нелепость показаний «свидетелей», лживость обвинений большевиков в «германском шпионаже»¹⁵.

Умелый анализ и обобщение более широкого круга документов и материалов выделяют статью В. Ф. Владимировой. Детально разобран в ней ход событий, уделено внимание вопросам, не нашедшим отражения в других работах: действиям анархистов, митингу-концерту I-го пулеметного полка и событиям утра 3 июля в этом полку, выступлению путиловцев и кронштадтцев, деятельности ЦК и ВО большевиков.

Работы О. А. Лидака — всесторонние исследования июльских событий — серьезное достижение советской исторической науки того периода. От предшествующих исследований они отличаются как объемом, так и более широкой источниковой базой, введением новых проблем, сюжетов, полемичностью. Анализ экономического и политического положения в стране накануне июльских событий (хотя, как и у предшественников, рамки расширены, фактически охвачен весь период после февраля), тактики большевиков, принятой на Апрельской конференции, положения и борьбы рабочего класса, солдат, крестьянского движения, — автор завершает выводом: «вся страна накануне июльских дней была охвачена революционным порывом, который, так или иначе, должен был вырваться наружу»¹⁶. Детально освещены события 3—5 июля: стихийные выступления рабочих и солдат отдельных полков и заводов, ход демонстраций 3 и 4 июля, тактика партии на всех этапах и работа ее руководящих органов — Центрального комитета, Петербургского Комитета, Военной Организации, провокации контрреволюционеров и военщины и т. д.¹⁷. В работе дан глубокий анализ предательской политики меньшевиков и эсеров, обобщены данные об июльских днях в десяти городах страны. Глава «Ленин в июле» показывает твердость и последовательность точки зрения В. И. Ленина на июльские события, содержит критику фальсификаторских домыслов Н. Суханова, разоблачает клевету в адрес вождя большевиков. Подробно анализируя положение после июльских дней в рабочем классе, среди солдат, автор констатирует, что ядро рабочего класса держалось стойко, колебания были незначительны, отлив от большевистской партии кратковремен. Это, считает О. А. Лидак, не позволило буржуазии развить

¹⁴ Например, в работе К. И. Шелавина нередки заголовки разделов: «События 3 и ночи 4-го июля по „Правде“», «Выступление 3-го июля в изложении „Известий“» и т. п.

¹⁵ См. К. И. Шелавин. Очерки русской революции, ч. 1, гл. V; он же. «3-го — 5-го июля 1917 г.», стр. 33—47; М. Н. Покровский. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922.

¹⁶ «Очерки по истории Октябрьской революции», т. II, стр. 279.

¹⁷ Там же, стр. 280—299.

успех¹⁸. Там, где выводы автора достаточно документированы, они безупречны. Это относится к основным проблемам июльских событий. В ряде случаев автор терпит неудачу. Как и в большинстве работ рассматриваемого периода, июльские события не выступают как конец мирного периода революции. Примечание редакции «Очерков» справедливо отметило неточности в характеристике деятельности Военной организации¹⁹. Нельзя согласиться с выводом автора, что движение приняло характер полувосстания²⁰ — содержание исследования О. А. Лидака этого не подтверждает.

Эти недостатки — следствие неразработанности общих и некоторых частных проблем истории Великого Октября: ее периодизации, внутрипартийной борьбы, работы Военной организации и др. В целом — исследование О. А. Лидака явилось серьезным шагом вперед в историографии июльских событий.

В эти годы началось глубокое исследование отдельных проблем движения масс в июльские дни, в частности на флоте²¹ и в армии²². В статьях Б. Дублицкого и В. Автухова разоблачалась предательская политика Временного правительства в отношении моряков Балтики, показаны влияние июльских дней на рост сознательности матросов, безуспешность попытки контрреволюции разгромить революционный Кронштадт, усиление влияния большевиков.

Существенно обогатили историографию июльских дней в эти годы работы, где в разных пропорциях сочетаются элементы исследования и воспоминаний. От работ мемуарного жанра (они здесь не рассматриваются) их отличает наличие элементов исследования, попыток обобщения, выводов, использования отдельных документов, работ В. И. Ленина. В эту группу входят работы А. Ф. Ильина-Женевского, Н. И. Подвойского, А. К. Цветкова-Просвещенского, И. Флеровского и др.²³ Эти работы, как правило, сочетают важные, иногда уникальные, сведения о событиях²⁴, яркое обоснование ленинской концепции июльских дней с постановкой и попыткой решения проблем, которые в силу недоста-

¹⁸ «Очерки по истории Октябрьской революции», т. II, стр. 328—329.

¹⁹ Там же, стр. 298.

²⁰ Там же, стр. 344.

²¹ Б. Дублицкий. Балтийский флот в июльские дни 1917 г.— «Красная летопись», 1922, № 2—3, стр. 352—355; В. П. Автухов. Июльские дни.— «Морской сборник», 1924, № 6.

²² А. К. Дрезен. Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г.— «Красная летопись», 1927, № 3(24), стр. 191—223.

²³ А. Ф. Ильин-Женевский. Июль 1917 года. М.—Л., 1927; он же. От февраля к захвату власти. Л., 1927; Работы Н. И. Подвойского собраны в кн.: Н. И. Подвойский. Год 1917. М., 1958; А. К. Цветков-Просвещенский. Июльские дни 1917 года. М.—Л., 1925; И. Флеровский. Июльский политический урок.— «Пролетарская революция», 1926, № 7 и др.

²⁴ Напр., факты о линии Л. Каменева и Л. Троцкого в июльские дни см.: И. Флеровский. Указ. соч., стр. 75.

точности документальных данных остались вне поля зрения историков-профессионалов. Эти работы, как и исследования историков, свидетельствуют об упрочении в основном ленинского подхода в данной проблеме. Большинство авторов рисуют июльские дни как вызванный объективными причинами мощный взрыв народного возмущения, направленный большевистской партией в русло мирной и организованной демонстрации.

В центре работ Н. И. Подвойского — история военной организации большевиков, руководство ею со стороны ЦК и В. И. Ленина, положение в полках, работа партии в солдатских массах. И. Флеровский показал воздействие июльских событий на матросов Кронштадта, их непреклонную решимость, с которой они шли в бой в Октябре. В этой группе работ поставлен, хотя и не получил разрешения, ряд интересных проблем: роль провокации и провокаторов в событиях²⁵⁻²⁶, роль отдельных частей, заводов, работа отдельных большевистских организаций, действия анархистов.

Июльские события нашли отражение в историкопартийных исследованиях²⁷. Ем. Ярославский показал процесс нарастания революционного взрыва в массах, деятельность партии накануне и в ходе событий, предательство меньшевиков и эсеров. Авторы других работ ограничивались констатацией резкого изменения положения партии (А. С. Бубнов) или в дополнение к этому излагали линию меньшевистско-эсеровского руководства Советов (Н. Н. Попов).

В историографии рассматриваемого вопроса в период 1921—28 гг. велась острая борьба против ошибочных и оппортунистических концепций июльских событий. В эти годы была преодолена ошибочная оценка июльских событий как «восстания», которая, хотя в корне отличалась от тезисов буржуазной литературы, была неверной и могла сыграть на руку идейным противникам. «Левацкие» тенденции сказались в работах А. Д. Метелева²⁸. В выступлениях В. И. Невского, К. А. Мехоношина²⁹ прояви-

²⁵⁻²⁶ Н. И. Подвойский считал события результатом действий провокаторов. Это мнение было оспорено О. А. Лидаком (*О. А. Лидак. Указ. соч.*, стр. 343).

²⁷ А. С. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. М., 1921; *он же*. Основные вопросы истории РКП. М., 1924; Н. Н. Попов. Очерк истории ВКП(б). М., 1927; Ем. Ярославский. Партия большевиков в 1917 году. М.—Л., 1927; *он же*. Краткие очерки по истории ВКП(б), ч. II. М.—Л., 1928, стр. 146—150.

²⁸ А. Д. Метелев. Июльское восстание в Петрограде. Краснодар, 1921. Автор упрекает ЦК в том, что не готовилось восстание, захватившее большевиков врасплох. Действия демонстрантов он пытается представить как восстание, бой и т. п. При перепечатке работы Метелева редакция «Пролетарской революции» (1922 г., № 6) устранила часть недостатков, но не до конца.

²⁹ См. «Известия ВЦИК», 18 июля 1922 г., стр. 1; «Красная газета» 16 июля 1922 г., стр. 2; «Красный флот», 1922, № 3—4, стр. 135 и др.

лись преувеличения масштабов столкновений манифестантов и контрреволюционеров, для них характерно применение терминов «бой», «полувосстание», «восстание».

Летом 1921 г. В. И. Ленин назвал июльские события «героическим наступлением», очень резко выступил против их оценки как «бакунистского путча»: «За такую оценку,— писал он,— мы бы исключили из партии»³⁰. Борьба в этом направлении была весьма актуальной, она смыкалась с разоблачением тезисов Троцкого, фальсифицировавшего в эти годы в политических целях историю подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Троцкий характеризовал июльские события как полувосстание, заранее запланированную разведку в лагере противника, писал о трагических разногласиях в ЦК по вопросу о целях демонстрации 4 июля. Острую критику положений Троцкого дал И. В. Сталин³¹. Большое значение имели выступления Бубнова и Ярославского³², вклад в разоблачение вымыслов Троцкого внесли историки июльских событий³³.

В историографии шла борьба вокруг оценки воздействия июльских событий на трудящихся, на большевистскую партию. Имела место тенденция к преувеличению урона, понесенного трудящимися Петрограда, большевистскими организациями в результате разгрома контрреволюции и клеветы после 3—5 июля³⁴. В исследованиях историков этого периода доказано, что победа контрреволюции была временной, неполной.

Важной и сложной проблемой историографии июльских событий являлся вопрос о роли их в подготовке победы Великого Октября. Решение этой проблемы требовало глубокого освоения исторического наследия В. И. Ленина, в частности, ленинской периодизации истории Октябрьской революции. В 1921—28 гг. заметно упрощение связи июля с Октябрем, преувеличение значения июльских событий в подготовке октябрьской победы. Об этом говорят такие формулы: «преддверие Великого Октября», «начало Октябрьских побед», «генеральная репетиция», «без июльских дней не было бы Октября» и т. д. Если в большинстве случаев эти формулы были результатом неразработанности в нау-

³⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 52, стр. 269. Зиновьев, которому было адресовано это письмо Ленина, не вел борьбы с такими оценками, и еще в 1927 г. встречаются формулы «полувосстание», «первая попытка захватить власть» («Правда», 16 июля 1927 г., стр. 1; «Ленинградская правда», 18 июля 1926 г., стр. 1 и др.).

³¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 380—384.

³² А. С. Бубнов. Основные вопросы истории ВКП(б), стр. 84—111; *Ем. Ярославский*. Краткие очерки по истории ВКП(б), ч. II, стр. 147 и др.

³³ О. А. Лидак. Июльские события 1917 г. — «Историк-марксист», 1927, т. 4; Н. Н. Кузьмин. Правда об июльском восстании.— «Ленинградская правда», 16 июля 1927 г., стр. 2.

³⁴ «Ленинградская правда», 16 июля 1924 г., стр. 1; «Ленинградская правда», 16 июля 1927 г., стр. 1; В. Невский. Партия большевиков-коммунистов в пролетарской революции 1917 г.— «Коммунистический Интернационал», 1927, №№ 44—45, стр. 44 и др.

ке этой сложной проблемы, то в ряде случаев³⁵ имело место влияние зиновьевских оценок. Преодоление подобных упрощенных, поверхностных и неверных формулировок в 1927—28 гг. — положительный факт.

Таким образом, в 1921—28 гг. советская историография сделала большой шаг вперед. Это касается прежде всего создания и освоения источниковой базы проблемы. Были изданы основные труды В. И. Ленина, служившие фундаментом работы советских историков над изучением июльских событий. Была введена в научный оборот основная часть документов и материалов. Много печаталось воспоминаний. Главное место в историографии проблемы заняли работы профессиональных историков; они наиболее полно отразили и обогатили ленинское наследие по проблеме июльских дней. В острой борьбе с троцкистскими трактовками, оппортунистической концепцией Зиновьева победу в историографии одержала ленинская оценка событий. Были преодолены ошибочные субъективистские оценки. Характерной чертой периода было наличие важных организационных форм стимулирования изучения истории Октябрьской революции и июльских событий: работа истпартов, празднование годовщин, в том числе связанные с этим публикации. Вместе с тем освоение ленинского наследия поставило перед историками ряд проблем, вытекавших из ленинской концепции истории Великой Октябрьской социалистической революции.

В последующие годы (1929—1941) изучение июльских событий советскими историками приобретает новые черты. В документальных публикациях наряду с переизданием сочинений В. И. Ленина, протоколов VI съезда партии, появляются тематические сборники документов³⁶. Сокращается число публикуемых воспоминаний.

Общественный интерес к истории ВКП(б), ее руководству борьбой трудящихся за социалистическую революцию и победу социализма поставил в центр внимания историков проблемы истории партии, в частности, периода Великой Октябрьской социалистической революции. Подробно были рассмотрены июльские события в четвертом томе «Истории ВКП(б)» в главе «Тактика партии от начала революции до корниловщины». Здесь показано обострение классовой борьбы пролетариата и буржуазии в конце июня, рост влияния партии в массах, меры партии по сдерживанию преждевременных выступлений. Авторы привели данные по различным районам страны, по партийным организациям этих районов. Детально обрисованы развитие июльских событий, так-

³⁵ «Июльские дни 1917 г.», Л., 1924; «Июльские дни», Л., 1925 и др.

³⁶ «Выступление полков в Петрограде в июльские дни». — «Красная летопись», 1929, № 3; «Кронштадтские моряки в июльском выступлении». — «Красная летопись», 1932, № 3; «Путиловец в трех революциях». Л., 1933 (Со специальной подборкой об июльских днях); М. Ахун, В. Петров. 1917 г. в Петрограде. Хроника событий и библиография. Л., 1933 и др.

тика большевистской партии, работа ее Центрального Комитета, Петербургского комитета, Военной организации партии, политика меньшевиков и эсеров, провокации контрреволюционеров. На примерах районов страны обосновывается вывод: рабочая масса «после первых дней разгула репрессий как бы уходила в себя, а затем, пораздумав, мало-помалу переходила к большевикам»³⁷. Авторы оценивают июльские события как такое поражение пролетариата, которое обернулось победой. Они подчеркивают политическую зрелость партии на сложном и крутом повороте революции. Резко критикуя оппортунистическую позицию правых и «левых» в июльские дни, они заключают, что «организованного оформления, даже вообще какого-нибудь серьезного влияния эти взгляды не получили»³⁸. Интересен вывод, что новое, послефевральское пополнение партии «быстро переварилось» в ее рядах, что обеспечило единство при сложных тактических маневрах³⁹.

Однако в этой работе июльские события не выступают как переломный момент в развитии революции. Недостаточно аргументирована критика действий Военной организации и положительная оценка шагов некоторых заводских коллективов, принявших 3 июля решение выступать до получения директив ЦК и РК⁴⁰. Нерешенность этих проблем указывала на необходимость более тщательного их изучения.

Перспективным начинанием стала книга И. Гаврилова по истории Выборгской районной партийной организации⁴¹. Выборгский район был местом, где 3 июля вспыхнули стихийные демонстрации рабочих и солдат: здесь находились казармы 1-го пулеметного полка, заводы Выборгской стороны первыми откликнулись на призывы пулеметчиков. Однако автор ограничился изложением общего хода событий на Выборгской стороне, не показав партийных организаций отдельных заводов, полков в июльские дни. Вместе с тем им приведен материал о совещании В. И. Ленина с работниками Выборгского района 6 июля 1917 г., способствовавшем окончательному преодолению «левых» настроений.

Для рассматриваемых лет характерно интенсивное изучение отдельных проблем июльских событий. В исследовании П. М. Стулова «1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 года»⁴², автор проанализировал положение в полку накануне событий, их начало и ход, действия большевиков полка, акции контрреволюции. П. Стулов убедительно показал, что выступление полка было стихийным, вызванным глубоким недовольством политикой Времен-

³⁷ «История ВКП(б)», т. IV. М.—Л., 1929, стр. 162.

³⁸ Там же, стр. 164.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 153. Эта оценка перенесена в первый том «Истории гражданской войны в СССР».

⁴¹ И. Гаврилов. Очерки по истории Выборгской районной партийной организации города Ленинграда. Л., 1933.

⁴² П. М. Стулов. 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 года.— «Красная летопись», 1930, № 3(36).

ного правительства, что большевистская партия, большевики полка всеми средствами удерживали полк от выступления, а когда это стало невозможным, постарались организовать его так, чтобы не было эксцессов. Это был вклад в разоблачение лжи о «большевистском заговоре».

В этом же направлении вел работу Н. Г. Попов, автор статьи «Путиловец» в июльские дни»⁴³.

Шаг на пути создания труда о подготовке победы Октябрьской революции в Петрограде был сделан ленинградскими историками⁴⁴. Июльские события и их канун рассмотрены в статьях О. А. Лидака. Расширен круг используемых источников, дальнейшее развитие получили проблемы обострения классовой борьбы в стране. Усилена критика позиции Троцкого и его оценок июльских событий, включая работы, выпущенные за границей. О. А. Лидак дал развернутую критику работ Милюкова, Деникина, Суханова. Июльские события характеризуются автором как конец мирного периода развития революции. На выводах автора однако сказались отсутствие анализа положения на отдельных заводах, в полках, в партийных организациях. Автор обошел трудности, связанные с бурными формами проявления острого недовольства масс, акцентировал внимание на их организованности и сплоченности, а также на недостатках партийного аппарата⁴⁵.

Достижением советской исторической науки стал первый том «Истории гражданской войны в СССР», где июльские события отражены достаточно полно⁴⁶. Большое внимание уделено назреванию кризиса. Главную причину его (как и кризисов в апреле и июне) авторы труда видят в том, что «ни одна задача революции еще не была решена»⁴⁷. Эта мысль убедительно подтверждена данными о борьбе рабочего класса, крестьянства, солдатских масс по всей стране, о маневрах контрреволюционной буржуазии. Авторы подчеркивают, что успех агитации делегатов пулеметного полка на заводах и в казармах за выступление объясняется повсеместной накаленностью атмосферы и готовностью масс к выступлению⁴⁸. Проводившаяся партией тактика удержания масс обоснована ленинскими указаниями из работы «Марксизм и восстание»⁴⁹; ленинские положения подкреплены данными о собы-

⁴³ Н. Г. Попов. «Путиловец» в июльские дни. — «Борьба классов», 1932, № 11—12 (глава из незавершенной работы).

⁴⁴ «Октябрь в Петрограде». Сборник статей. Под ред. О. А. Лидак. Л., 1933.

⁴⁵ Там же, стр. 81, 86, 90, 92 и др.

⁴⁶ «История гражданской войны в СССР», т. I. М., 1936, стр. 261—296.

⁴⁷ Там же, стр. 261.

⁴⁸ «История гражданской войны в СССР», т. I. М., 1936, стр. 267. Но не к бою; это противоречит ленинскому указанию: «драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 244).

⁴⁹ «3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически», — указывал В. И. Ленин (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 244).

тиях на Урале, в Донбассе, в армии. Ярко обрисован ход демонстрации в Петрограде, причем отмечен иной, организованный характер демонстрации 4 июля, проведенной по директивам большевистского ЦК. Авторы привлекли материал о выступлениях трудящихся в других городах страны, показали лагерь буржуазии и соглашателей. Итоги событий характеризуются как поражение, обернувшееся победой сил революции: усилилась большевистская партия, обострился кризис мелкобуржуазных партий. Послеиюльские дни авторы образно сравнивают с партийными неделями, когда пролетариат, увидев грозящую его партии опасность, еще теснее сплотился вокруг большевиков⁵⁰. По-ленински освещены все перемены в политическом положении, к которым привел июльский кризис. Но, как и в других работах этого периода, авторы «Истории гражданской войны» несколько схематически показали лагерь противников большевизма; отразилась точка зрения, что «демонстрация 3—5 июля была разгромлена, а партия большевиков загнана в подполье»⁵¹.

Уровень изученности событий отражен в статье О. Н. Чаадаевой в «Большой советской энциклопедии»⁵². Автор определила место июльских событий в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, показала нарастание борьбы рабочего класса, вызвавшее июльский кризис. Большое внимание уделено тактике партии, особенно сдерживанию масс 30 июня, 2 и 3 июля, сложным маневрам, осуществленным массами Петрограда под руководством большевиков. Показан ход событий в Петрограде и на местах, лагерь контрреволюции. Автор показала все последствия июльских событий, избежав при этом характерных для данного времени неточностей. Однако и здесь заметно отсутствие ясности в оценке июльских дней как конца мирного периода революции.

В двадцатую годовщину событий, летом 1937 года, появился ряд работ, авторы которых знакомили трудящихся, особенно молодежь, коммунистов, с этой вехой в истории Великого Октября, основываясь в этом на достижениях историографии, особенно «Истории гражданской войны». Работы эти носят популярный характер. Выделим среди них статью П. И. Галкиной⁵³, где наряду с изложением событий в Петрограде интерес вызывают данные об июльских днях в Москве и Иваново-Вознесенске. Ленинградский историк М. Л. Лурье в брошюре «Июльские дни 1917 года» изложил комплекс проблем июльских событий⁵⁴. Го-

⁵⁰ «История гражданской войны», т. I, стр. 296.

⁵¹ Там же, стр. 294.

⁵² О. Чаадаева. Июльские дни.— «Большая советская энциклопедия», т. 30. М., 1937, стр. 379—385.

⁵³ П. Галкина. Июльские дни.— «Исторический журнал», 1937, № 6.

⁵⁴ М. Л. Лурье. Июльские дни 1917 года. Л., 1937. Положения этой работы вошли в книгу «Петроградская Красная Гвардия» (Л., 1938) и в статью М. Лурье «Июльская демонстрация 1917 года» («Партийный организатор», 1937, № 12).

довщина была отмечена публикацией материалов в органах партийной пропаганды, в газетах и журналах⁵⁵. Авторы этих работ освещали причины июльских событий, нарастание острого недовольства масс, усилия партии по сдерживанию повстанческих настроений, тактику партии в дни 3—5 июля, предательство меньшевиков и эсеров, результаты и последствия июльских дней. Вместе с тем, в этих работах проявился ряд специфических особенностей, характерных для советской историографии второй половины 30-х гг.⁵⁶.

Сложившиеся во второй половине 30-х годов взгляды на июльские события зафиксированы в сжатом виде в книге «История ВКП(б). Краткий курс». С марксистско-ленинских позиций к этому времени были решены проблемы разоблачения антибольшевистских вымыслов о «восстании», «заговоре большевиков», вскрыты глубокие причины политических кризисов, обоснована тактика партии накануне и в ходе событий. Вместе с тем, ряд проблем не был решен, имелись неточные представления. Эти достижения историографии отражены в данном труде, равно как и недостатки, особенно досадные потому, что «История ВКП(б). Краткий курс» в последующие годы рассматривалась как важный первоисточник, в результате чего эти неточности повторялись во многих работах последующих лет⁵⁷.

Несколько работ, развивавших историографию проблемы, появились в 1939—1941 гг. Это — «История Путиловского завода», где в частности приведены факты, показывающие ошибочность мнений о разгроме демонстрации и уходе большевиков в подполье⁵⁸. Продолжались исследования подготовки Октябрьской революции в Петрограде, включая июльские события. М. Лурье опубликовал работу⁵⁹, где развиты, дополнены и уточнены положения его прежних публикаций. Здесь живо, с подробностями показана обстановка в Питере накануне событий, действия боль-

⁵⁵ *Ф. А. Романов. Июльская демонстрация.— «Вопросы профдвижения», 1937, № 14; М. Ф. Шмидт. Июльские дни 1917 года.— «Молодая гвардия», 1937, № 7; А. Буткова. Июльские дни 1917 года.— «Пропагандист», 1937, № 14; И. Фомиченко. Июльские дни 1917 года.— «Пропаганда и агитация», 1937, № 12 и др.*

⁵⁶ Июльские дни рассматривались здесь как кровавый погром, заставивший партию уйти в подполье (*Ф. Романов. Указ. соч., стр. 20, 22; М. Лурье. Указ. соч., стр. 28, 34; А. Буткова. Указ. соч., стр. 18 и др.*). Упрощались проблемы руководства массами. Так, М. Лурье пишет, что накануне событий массы рвались на улицу, чтобы в мирной и организованной демонстрации вывить свою волю (*М. Лурье. Указ. соч., стр. 8*).

⁵⁷ Отсутствует указание на уход кадетов из правительства как один из поводов выступления рабочих и солдат; преувеличены размеры кровопролития; неверен тезис об уходе большевиков в подполье после июльских событий («История ВКП(б). Краткий курс». М., 1938, стр. 185, 186, 187).

⁵⁸ *М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. М.—Л., 1939, стр. 664—672 (Глава «Побили, но не разбили»).*

⁵⁹ *М. Лурье. Июньская и июльская демонстрации 1917 года. Л., 1940.*

шевиков, ход демонстраций 3—5 июля. Дана критика позиции Троцкого, а также Каменева, Зиновьева и Томского, «левацких призывов». Была опубликована хроника июльских событий, составленная из хорошо подобранных документов. Составители хроники характеризовали итоги июльских дней как временную неполную победу буржуазии, не сломившую сил рабочих и солдат. Партия, по мнению авторов, сумела вывести из-под удара свои основные силы и сохранила легальность⁶⁰.

В целом период 1929—1941 гг. отличался дальнейшим развитием историографии июльских событий. Освободившись от антиленинских концепций Троцкого и Зиновьева (ставших в это время уже частью зарубежной буржуазной историографии), советская историческая наука повела глубокое монографическое исследование отдельных проблем Октябрьской революции. Это обогатило историографию июльских событий. Были написаны обобщающие труды. Особым вниманием историков пользовались проблемы руководства партии массами в июльские дни. Вместе с тем в рассмотренный период сократилось количество публикаций документов, мемуаров, исследований, сузился круг изучаемых проблем.

Зарубежная буржуазная историография июльских событий в рассматриваемые годы претерпела определенную эволюцию. По-прежнему бытовала концепция июльских событий как «большевистского заговора»⁶¹. Новые аргументы для буржуазной историографии по-прежнему поставлял Л. Д. Троцкий. Вместе с тем, о кризисе этой концепции свидетельствовало то обстоятельство, что ряд авторов отказались от традиционной клеветы на большевиков, стали рассматривать июльские события как стихийный взрыв, которым смогли овладеть большевики⁶².

Прерванная Великой Отечественной войной работа советских исследователей истории Великой Октябрьской социалистической революции возобновилась в послевоенные годы. В 1946—1956 гг. преобладали популярные публикации об июльских событиях, приуроченные к годовщинам Октябрьской революции. Развивалась источниковая база. Вышло 4-е издание сочинений В. И. Ленина. Вкладом в справочно-вспомогательную литературу стала хроника событий 1917 г. в Петрограде⁶³. В проблематику июльских

⁶⁰ «Июльские дни 1917 г. Хроника». Составлена Н. Б. Крушкол и Т. К. Треновой.— «Борьба пролетариата», 1940, № 1. См. также: Н. Крушкол. Июльская демонстрация в Петрограде в 1917 году.— «Партийный организатор», 1939, № 13.

⁶¹ G. Vernadsky. Lenin: Red Dictator. New Haven, 1931; G. Vernadsky. The Russian Revolution 1917—1931. New York, 1932; A. Kerensky. The Crucifixion of Liberty. New York, 1934; L. P. Kirby. The Russian Revolution. Boston (Mass.), 1940, etc.

⁶² D. Mirsky. Lenin. London, 1931. F. Grenard. La revolution russe, Paris, 1933; Don Levine. Stalin. New York, 1934, etc.

⁶³ «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Л., 1947.

событий в эти годы вошла проблема деятельности и роли послов империалистических стран в Петрограде в июле.

Формировались кадры историков, сыгравших важную роль в историографии Октябрьской революции в последующие годы. Исследовательский характер носила статья А. Вольфсона и В. Цыбульского⁶⁴. Авторы ввели в научный оборот новые архивные материалы, восстановили ряд забытых эпизодов в полках Петрограда и в Кронштадте. Тенденция к расширению проблематики, к творческому изучению июльских событий четко обозначилась в 1954—1956 гг. в общих работах по истории Октябрьской революции⁶⁵.

Современный период историографии июльских событий характеризуется широкой, разнообразной источниковой базой исследований. В распоряжении историков — Полное собрание сочинений В. И. Ленина, многочисленные публикации документов, включая фундаментальный «Июльский кризис»⁶⁶, архивные документы, мемуарная литература и др. С восстановлением ленинской периодизации истории Октябрьской революции июльские события, как переломный пункт всей революции, стали привлекать больший интерес историков. Работа исследователей в этой области координируется Научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». На качестве трудов благоприятно сказалось повышение требовательности к публикациям.

На современном этапе изучение июльских событий идет в плане сочетания проблемных исследований по отдельным сторонам истории Великого Октября с написанием сводных, обобщающих трудов. Июльские события стали предметом ряда специальных исследований и публицистических работ⁶⁷, поднявших историографию июльских событий на новый уровень (например, работа О. Н. Знаменского «Июльский кризис 1917 года»). Значительный вклад в изучение проблемы внесли исследования по истории Октябрьской революции, деятельности большевистской партии во главе с В. И. Лениным по ее подготовке, борьбе рабочего клас-

⁶⁴ А. Вольфсон, В. Цыбульский. Петроградский гарнизон в июльские дни 1917 года. — «Пропаганда и агитация», 1947, № 11.

⁶⁵ Г. Н. Голиков. Великая Октябрьская социалистическая революция. Краткий исторический очерк. М., 1954, стр. 61—67; А. Ионов. Борьба большевистской партии за солдатские массы петроградского гарнизона в 1917 году. М., 1954, стр. 87—100; Л. С. Гапоненко. Коммунистическая партия — организатор и вождь Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1955, стр. 27—30; «Владимир Ильич Ленин. Краткая биография». М., 1955, стр. 176—179.

⁶⁶ «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». М., 1959.

⁶⁷ И. Ф. Петров. Июльские события 1917 года. — «Вопросы истории», 1957, № 4; И. П. Флеровский. Большевики в июльские дни. М., 1957; О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года. М.—Л., 1964; З. В. Степанов. Июльские события. Л., 1967.

са, исследования Советов, краха мелкобуржуазных и буржуазных партий и т. д. Достижения историографии июльских событий вошли в массовую учебную и политическую литературу, в публикуемые прессой материалы.

Выполнен историографический и источниковедческий обзор проблемы, оценена роль В. И. Ленина в историографии вопроса⁶⁸. Углубилось представление о хронологических рамках событий. Уделяя основное внимание этапам событий со 2 по 10 июля, исследователи уточнили рамки предыюльского периода, датируя его начало 19-м июня — началом наступления на фронте⁶⁹. Такое толкование кануна событий более точно, чем бытовавшее расширительное. Оно позволяет детальнее проследить назревание третьего политического кризиса, более четко обрисовать тактику основных борющихся классов: пролетариата и буржуазии, конкретнее обосновать положение о глубоких социально-экономических корнях кризиса, показать назревание взрыва революционного возмущения масс, тактику большевистской партии и ее противников. Детализована хронология событий 3—4 июля: исследователи показывают существенные отличия демонстрации 3 июля от демонстрации в день 4-го. Демонстрации в каждый из этих дней принято рассматривать раздельно⁷⁰.

Причины политических кризисов в период двоевластия, включая июльский кризис, — в центре внимания обобщающих трудов по истории Великой Октябрьской социалистической революции⁷¹. В специальных исследованиях наряду с общими причинами на материале всей страны показаны специфические причины июльского кризиса⁷². Он был вызван нерешенностью основных вопросов революции: вопроса о мире, о земле, ухудшением положения рабочего класса, обострением национального вопроса. Все исследователи подчеркивают, что на созревании июльских событий сказалось наступление на фронте: оно вызвало активизацию контрреволюционных сил, начались расформирования революционных частей, репрессии против солдат, провокационные манифестации

⁶⁸ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 3—9; *В. И. Астахов, И. Л. Шерман*. Ленин — историк советского общества, стр. 99—106.

⁶⁹ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч.; *И. Ф. Петров*. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М., 1964, стр. 248; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 57 и др.

⁷⁰ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., гл. II; *З. Степанов*. Указ. соч., стр. 25—51; «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 1. Л., 1967, стр. 335, 344.

⁷¹ «История СССР», т. VII. М., 1967, стр. 81; *Л. С. Гапоненко*. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970; *И. И. Минц*. История Великого Октября, т. 2, М., 1968, гл. VII; «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 1, гл. VII и др.

⁷² *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., гл. I; *И. П. Флеровский*. Указ. соч., стр. 13; «История КПСС», т. III, кн. 1. М., 1967, стр. 147—148; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 5—17; «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 718 и др.

буржуазии. Это вызвало нарастающее возмущение рабочих и солдат; стали раздаваться призывы к выступлению, к решительным действиям, обеспечивающим переход всей власти в руки Советов⁷³. Важным фактором нарастания возмущения масс стала реальная угроза голода. (Вновь были сокращены нормы выдачи продуктов по карточкам)⁷⁴.

Обстановка в Петрограде (и по всей стране) к первым дням июля была накалена до предела. Толчком, поводом к выступлению масс стал правительственный кризис, провокационный уход кадетов из правительства в ночь со 2 на 3 июля⁷⁵. Слухи о кризисе начали циркулировать с вечера 2 июля. С утра 3-го этот шаг кадетов стал предметом горячих обсуждений в казармах и цехах петроградских заводов и полков. Митинг 1-го пулеметного полка (инициатора выступления) начался по этому поводу⁷⁶.

Руководство массами со стороны большевистской партии — один из наиболее разработанных советской историографией аспектов проблемы. Общепринято положение, что до 5 июля большевики проводили ленинскую тактику мирного развития революции. Ряд авторов отмечают сужение возможностей мирного развития, что однако не меняло тактики партии⁷⁷. Действия большевиков по пресечению попыток выступления против Временного правительства советские исследователи показывают на фоне сложной обстановки, огромного возмущения масс действиями буржуазии, безответственных призывов анархистов и провокаторов. Это требовало от партии бдительности, постоянной готовности, гибкой работы аппарата пропагандистов и организаторов. Советские историки показывают работу ЦК совместно с ПК и Военной организацией против призывов к выступлению, особенно 19—22 июня и 1—2 июля. Тактику партии в эти дни И. Ф. Петров определяет как накапливание сил, отмечая, что партия, В. И. Ленин были не только против вооруженных выступлений, но и против мирных демонстраций⁷⁸. Тактика большевиков была направлена на то, чтобы создать благоприятные условия для дальнейшего развития революции, не дать буржуазии и анархистам спровоцировать мас-

⁷³ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 28.

⁷⁴ *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 16.

⁷⁵ *Н. Ф. Славин*. Из истории июльского политического кризиса 1917 г. — «История СССР», 1957, № 2.

⁷⁶ «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 149; *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 49; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 25 и др. Точная фиксация этого факта важна в связи с попыткой буржуазных авторов доказать, что выступление началось до появления слухов о кризисе (См. *А. Rabinovitch*. Prelude to Revolution. Bloomington — London, 1968, pp. 135, 148, 273).

⁷⁷ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 11, 35; *М. И. Мишин*. В. И. Ленин о возможности мирного развития революции в 1917 году. — «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 36; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 19 и др.

⁷⁸ *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 249, 250.

сы на преждевременное выступление, которое принесло бы вред революции⁷⁹.

О тесной связи партии большевиков с массами свидетельствует то, насколько хорошо знали большевики настроения на заводах и в казармах. Так, 2 июля были приняты меры по сдерживанию масс; в работах советских историков показаны меры, принятые большевистской партией утром 3 июля, когда с заводов и из полков стали поступать сведения о митингах⁸⁰. Подробно проанализированы меры ЦК, ПК и ВО после получения известий о решении пулеметчиков выступить⁸¹. В меньшей степени освещены действия большевиков в отдельных коллективах по выполнению этой директивы. Большевики Путиловского завода удержали рабочих от выступления до получения решения ЦК о демонстрации⁸². Всеми мерами пытались остановить солдат большевики 1-го пулеметного полка⁸³. Однако картина выступления отдельных заводов, воинских частей еще не полна.

3 июля в ходе демонстрации принимались меры по предотвращению возможных эксцессов и провокаций контрреволюционеров⁸⁴. Большевики проводили линию на сотрудничество с ЦИК, стремились побудить лидеров Советов к совместным действиям против буржуазии⁸⁵. Мирный организованный характер носила демонстрация 4 июля, подготовленная и проведенная под руководством центральных органов большевистской партии. Демонстрации 3 и 4 июля характеризуются как массовые⁸⁶ манифеста-

⁷⁹ Высказано мнение («Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 1, стр. 321), что большевики готовили массовые выступления к моменту, когда станет ясным провал наступления. Перспектива тактики большевиков в конце июня — начале июля нуждается в разработке.

⁸⁰ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 47; *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 256; «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 1, стр. 322—323, 327 и др.; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 23, 28, 29 и др.

⁸¹ *См. О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 52; «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 149.

⁸² *М. И. Мительман, Б. Д. Глебов, А. Г. Ульяновский*. История Путиловского завода. М., 1961, стр. 624—625.

⁸³ *См. О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 52; «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 149.

⁸⁴ «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 189; *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 62—65; *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 257, 262—263; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 51 и др.

⁸⁵ *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 261—262; *А. М. Андреев*. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967, стр. 228—232.

⁸⁶ Число демонстрантов оценивалось в 500 и 400 тыс. В источниках фигурируют обе цифры, в литературе чаще встречалась цифра 500 тыс. Подсчеты *О. Н. Знаменского* (*О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 106) дали цифру около 400 тыс. Поскольку точность подсчетов Знаменского не ставилась под сомнение и они приняты рядом исследователей, видимо, следует отдать предпочтение цифре в 400 тыс. манифестантов.

ции, соизвождавшиеся резкими столкновениями⁸⁷ с контрреволюционерами, вымыванием средних промежуточных элементов. Однако ленинские высказывания о июльской и апрельской демонстрациях как новой в истории русской революции форме демонстрации⁸⁸ нуждаются в более основательном раскрытии.

Советские историки внимательно анализировали этап организованного отступления демонстрантов под нарастающим давлением контрреволюции. Доказано, что большевикам удалось вывести из-под удара рабочих и солдат Петрограда, сохранить силы революции, не дать контрреволюционерам обескровить пролетариат и революционный гарнизон столицы. Сохранение революционной энергии рабочих, матросов и солдат позволило большевикам, приняв ряд мер предосторожности, организованно закончить выступление⁸⁹. Одновременно большевикам, В. И. Ленину пришлось ликвидировать «левацкие» настроения, попытки идти на столкновение с контрреволюцией в невыгодных условиях⁹⁰.

Задача разоблачения антибольшевистской клеветы была в целом решена в 20—30-е годы. Сейчас эта задача стоит в видоизмененной форме: как задача разоблачения буржуазной историографии, продолжающей фальсифицировать июльские события⁹¹.

Советские историки изучили расчеты буржуазии, кадетов на ликвидацию двоевластия после начала наступления, маневры кадетов и их уход из правительства⁹², планы Временного правительства, совпадающие с требованиями дипломатов Антанты⁹³. О. Н. Знаменский проанализировал попытку Временного правительства и лидеров Советов разгромить большевистскую партию, революционных рабочих и солдат Петрограда (вызов войск с фронта, погромные действия военщины, предательство меньшевиков и эсеров)⁹⁴. Состояние буржуазных и мелкобуржуазных пар-

⁸⁷ Цифры жертв нуждаются в уточнении: Знаменский приводит данные из газет «Известия» и «Речь» о 400 и 650 убитых и раненых с обеих сторон. Существует цифра в 250 убитых и раненых (В. Ф. Владимирова. Указ. соч., стр. 41). Неизвестно число жертв в дни 5—10 июля.

⁸⁸ «...Это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 430).

⁸⁹ О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 106—107, 110; И. Ф. Петров. Указ. соч., стр. 268, 269—273; З. В. Степанов. Указ. соч., стр. 77, 85—87 и др.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 423; «Ленинский сборник», VII, стр. 317.

⁹¹ И. И. Минц. Указ. соч., т. 2, стр. 613, 643; Л. С. Гапоненко. Указ. соч., стр. 395; Н. В. Романовский. Июльские события 1917 г. в современной буржуазной историографии.— «История СССР», 1974, № 3. Поскольку в этой статье изложено современное состояние буржуазной историографии вопроса, оно в данной работе не рассматривается.

⁹² Н. Ф. Славин. Указ. соч., стр. 131—132; И. И. Минц. Указ. соч., т. 2, стр. 595—596 и др.

⁹³ «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 154; О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 87, 108, 220; М. П. Степанов. Партия большевиков в Октябрьской революции. М., 1958, стр. 64.

⁹⁴ О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 91—93 и др.

сы на преждевременное выступление, которое принесло бы вред революции⁷⁹.

О тесной связи партии большевиков с массами свидетельствует то, насколько хорошо знали большевики настроения на заводах и в казармах. Так, 2 июля были приняты меры по сдерживанию масс; в работах советских историков показаны меры, принятые большевистской партией утром 3 июля, когда с заводов и из полков стали поступать сведения о митингах⁸⁰. Подробно проанализированы меры ЦК, ПК и ВО после получения известий о решении пулеметчиков выступить⁸¹. В меньшей степени освещены действия большевиков в отдельных коллективах по выполнению этой директивы. Большевики Путиловского завода удержали рабочих от выступления до получения решения ЦК о демонстрации⁸². Всеми мерами пытались остановить солдат большевики 1-го пулеметного полка⁸³. Однако картина выступления отдельных заводов, воинских частей еще не полна.

3 июля в ходе демонстрации принимались меры по предотвращению возможных эксцессов и провокаций контрреволюционеров⁸⁴. Большевики проводили линию на сотрудничество с ЦИК, стремились побудить лидеров Советов к совместным действиям против буржуазии⁸⁵. Мирный организованный характер носила демонстрация 4 июля, подготовленная и проведенная под руководством центральных органов большевистской партии. Демонстрации 3 и 4 июля характеризуются как массовые⁸⁶ манифеста-

⁷⁹ Высказано мнение («Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 1, стр. 321), что большевики готовили массовые выступления к моменту, когда станет ясным провал наступления. Перспектива тактики большевиков в конце июня — начале июля нуждается в разработке.

⁸⁰ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 47; *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 256; «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 1, стр. 322—323, 327 и др.; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 23, 28, 29 и др.

⁸¹ См. *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 52; «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 149.

⁸² *М. И. Мительман, В. Д. Глебов, А. Г. Ульяновский*. История Путиловского завода. М., 1961, стр. 624—625.

⁸³ См. *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 52; «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 149.

⁸⁴ «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 189; *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 62—65; *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 257, 262—263; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 51 и др.

⁸⁵ *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 261—262; *А. М. Андреев*. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967, стр. 228—232.

⁸⁶ Число демонстрантов оценивалось в 500 и 400 тыс. В источниках фигурируют обе цифры, в литературе чаще встречалась цифра 500 тыс. Подсчеты *О. Н. Знаменского* (*О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 106) дали цифру около 400 тыс. Поскольку точность подсчетов *Знаменского* не ставилась под сомнение и они приняты рядом исследователей, видимо, следует отдать предпочтение цифре в 400 тыс. манифестантов.

ции, сопровождавшиеся резкими столкновениями⁸⁷ с контрреволюционерами, вымыванием средних промежуточных элементов. Однако ленинские высказывания о июльской и апрельской демонстрациях как новой в истории русской революции форме демонстрации⁸⁸ нуждаются в более основательном раскрытии.

Советские историки внимательно анализировали этап организованного отступления демонстрантов под нараставшим давлением контрреволюции. Доказано, что большевикам удалось вывести из-под удара рабочих и солдат Петрограда, сохранить силы революции, не дать контрреволюционерам обескровить пролетариат и революционный гарнизон столицы. Сохранение революционной энергии рабочих, матросов и солдат позволило большевикам, приняв ряд мер предосторожности, организованно закончить выступление⁸⁹. Одновременно большевикам, В. И. Ленину пришлось ликвидировать «левацкие» настроения, попытки идти на столкновение с контрреволюцией в невыгодных условиях⁹⁰.

Задача разоблачения антибольшевистской клеветы была в целом решена в 20—30-е годы. Сейчас эта задача стоит в видоизмененной форме: как задача разоблачения буржуазной историографии, продолжающей фальсифицировать июльские события⁹¹.

Советские историки изучили расчеты буржуазии, кадетов на ликвидацию двоевластия после начала наступления, маневры кадетов и их уход из правительства⁹², планы Временного правительства, совпадающие с требованиями дипломатов Антанты⁹³. О. Н. Знаменский проанализировал попытку Временного правительства и лидеров Советов разгромить большевистскую партию, революционных рабочих и солдат Петрограда (вызов войск с фронта, погромные действия военщины, предательство меньшевиков и эсеров)⁹⁴. Состояние буржуазных и мелкобуржуазных пар-

⁸⁷ Цифры жертв нуждаются в уточнении: Знаменский приводит данные из газет «Известия» и «Речь» о 400 и 650 убитых и раненых с обеих сторон. Существует цифра в 250 убитых и раненых (В. Ф. Владимиров. Указ. соч., стр. 41). Неизвестно число жертв в дни 5—10 июля.

⁸⁸ «...Это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 430).

⁸⁹ О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 106—107, 110; И. Ф. Петров. Указ. соч., стр. 268, 269—273; З. В. Степанов. Указ. соч., стр. 77, 85—87 и др.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 423; «Ленинский сборник», VII, стр. 317.

⁹¹ И. И. Минц. Указ. соч., т. 2, стр. 613, 643; Л. С. Гапоненко. Указ. соч., стр. 395; Н. В. Романовский. Июльские события 1917 г. в современной буржуазной историографии.— «История СССР», 1974, № 3. Поскольку в этой статье изложено современное состояние буржуазной историографии вопроса, оно в данной работе не рассматривается.

⁹² Н. Ф. Славин. Указ. соч., стр. 131—132; И. И. Минц. Указ. соч., т. 2, стр. 595—596 и др.

⁹³ «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 154; О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 87, 108, 220; М. П. Степанов. Партия большевиков в Октябрьской революции. М., 1958, стр. 64.

⁹⁴ О. Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 91—93 и др.

тий в июльские дни изучено в меньшей степени и неодинаково. Наиболее обстоятельна работа Н. В. Рубана⁹⁵. Автор показал все оттенки меньшевизма: от Алексинского до Мартова. Это сделало убедительным вывод, что «политика соглашательства привела меньшевиков к прямому предательству, поставила их в один лагерь с контрреволюционной буржуазией, с новыми кавеньяками, сделала соучастниками расправы над рабочим классом»⁹⁶. Исследования деятельности партий кадетов, эсеров в июльские дни характеризуют эти партии в более общем плане⁹⁷. Хотя в исследованиях немало данных о действиях анархистов, специального освещения действия этих групп летом 1917 г. не получили. Заслуживает рассмотрения крайне правое крыло реакции, осуществившее немало кровавых провокаций. Поведение средних слоев Петрограда в июльские дни также изучено недостаточно⁹⁸. Интересны для исследователя факты единых действий большевиков с находившимися под влиянием эсеров, меньшевиков и анархистов рабочими, солдатами и матросами, а также активизация левых среди эсеров и меньшевиков, обратившая на себя внимание В. И. Ленина⁹⁹.

Более глубоким стало разоблачение позиции Троцкого в июльские дни. Советские историки раскрыли авантюризм и мелкобуржуазные шатания Троцкого. Он призывал свергнуть Временное правительство и впоследствии выражал сожаление, что в июльские дни не была захвачена власть. В то же время Троцкий поддерживал Каменева и Зиновьева в их выступлениях против участия большевистской партии в демонстрациях, сам вносил предложение — идти 4 июля на демонстрацию без оружия¹⁰⁰. Критике подвергнуты позиция Зиновьева и его попытки исказить роль В. И. Ленина в июльские дни¹⁰¹.

Приводятся данные (правда, без ссылки на источник), что на заседаниях ЦК, ПК и ВО с представителями районов в ночь с 3 на 4 июля имели место «левацкие» предложения¹⁰², однако

⁹⁵ Н. В. Рубан. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968, стр. 207—230.

⁹⁶ Н. В. Рубан. Указ. соч., стр. 222.

⁹⁷ В. В. Колин. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965, стр. 175, 204—206, 324, 381—384; П. И. Соболева. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968, стр. 91—92; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968, стр. 107—114.

⁹⁸ Н. И. Востряков. Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). М., 1970, стр. 38—39.

⁹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 150, 221, 337—338.

¹⁰⁰ В. М. Иванов, А. Н. Шмелев. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. -Л., 1970, стр. 245—247; С. И. Мурашов. Ленинская партия — вождь Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, стр. 180.

¹⁰¹ В. М. Мироненко. Владимир Ильич Ульянов (Ленин) — вождь Великого Октября. М., 1969, стр. 238.

¹⁰² И. Ф. Петров. Указ. соч., стр. 261; С. Мурашов. Указ. соч., стр. 181; В. М. Иванов, А. Н. Шмелев. Указ. соч., стр. 245 и др.

в других авторитетных изданиях авторы от этой оценки воздерживаются¹⁰³. Очевидно вопрос о проявлениях «левизны» в июльские дни нуждается в дополнительном изучении.

Июльские события на местах обобщены в специальных главах работ Знаменского и Степанова. Приведенные ими данные показывают, насколько глубоки были противоречия, вызвавшие июльский кризис; они наносят еще один удар по тезису о его «искусственности» — по стране в целом в выступлениях участвовало 400—450 тыс. человек. Сделан важный вывод, что июльские события в Москве и в провинции «оказали неоценимую поддержку петроградским рабочим и солдатам..., сковали силы контрреволюции, не позволили ей изолировать Петроград от страны»¹⁰⁴.

Однако в вопросе о взаимосвязи событий в центре и на местах нет достаточной последовательности. Возникновение июльских событий на местах иногда трактуется как результат, следствие событий в Петрограде¹⁰⁵. В целом ряде случаев дело обстоит именно так. Вместе с тем советская историография еще в 20-х годах показала, что недовольство масс было сильно во всей стране, а в некоторых городах (Нижний Новгород, Киев, Лепсинск и др.) столкновения с контрреволюцией вспыхнули до начала событий в Петрограде и независимо от них. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о глубоких причинах июльского кризиса, разоблачает вымыслы о том, что его создали большевики. С другой стороны, было бы ошибкой забывать указание В. И. Ленина о том, что «армия и провинция, до *корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер»¹⁰⁶. Проблема степени зрелости кризиса в стране в целом, в центре и на местах, по-видимому, заслуживает внимания исследователей.

Советские историки документально подтвердили правильность ленинской оценки итогов июльских событий как далеко не полной, временной победы буржуазии и частичного поражения трудящихся. Несмотря на все усилия контрреволюции, на подталкивание со стороны дипломатов стран Антанты, на грязные приемы лжи и клеветы, — буржуазия не смогла осуществить своих замыслов. Трудящиеся массы сохранили силы, решимость продолжать борьбу. С ликвидацией двоевластия не были ликвидированы причины, вы-

¹⁰³ *И. В. Ильина*. Борьба партии против проявления «левизны» в период подготовки Октябрьской революции. М., 1967; «История КПСС», т. III, кн. 1; «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, и др.

¹⁰⁴ *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 208; а также «История КПСС», т. III, кн. 1, стр. 153; *З. В. Степанов*. Указ. соч., стр. 96.

¹⁰⁵ «История СССР», т. VII. М., 1967, стр. 85. Нет последовательности в монографии Знаменского. Показав название кризиса на местах (*О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 39—44), он в то же время пишет: «В отличие от Петрограда демонстрации на местах начались не стихийно, а по призыву большевиков» (там же, стр. 203), в поддержку рабочих и солдат Петрограда.

¹⁰⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 244.

зывавшие острое недовольство масс. Рабочие Петрограда были готовы дать отпор контрреволюционерам. 5—10 июля это отрезвляюще подействовало на буржуазию, тем более что не удалось настроить прибывшие в столицу войска против рабочих и солдат. В этом заслуга большевистской партии, осуществившей сложные тактические маневры¹⁰⁷.

Советская историография отказалась от мнения, что после июльских дней партия перешла на нелегальное положение. Наиболее точна, на наш взгляд, следующая оценка: партия «сохранила, а затем и упрочила свое легальное положение. Только некоторые партийные организации центрально-промышленного района, Донбасса и на фронте вынуждены были перейти на время на нелегальное и полулегальное положение»¹⁰⁸. Данные о частичной убыли членов в партийных организациях говорят о ее незначительных размерах, а значительный рост рядов партии по всей стране (что ярко подтвердил VI съезд партии) намного перекрывал потери¹⁰⁹.

В советской историографии последних лет был поднят вопрос о международном значении опыта июльских событий, которые показали необходимость для коммунистических партий овладевать всеми формами борьбы, применять их в зависимости от конкретной обстановки. В момент решительной борьбы за власть, как это подчеркивал В. И. Ленин¹¹⁰, говоря об июльских событиях, необходимо сочетание непреклонной решимости сознательного авангарда с настроением широких масс.

Последние работы советских ученых углубили историографию таких вопросов июльских событий, как борьба большевиков против буржуазных и соглашательских партий, выработка большевистской партией новой тактической линии в послеиюльские дни, рост революционной сознательности рабочих и солдат столицы к концу периода двоевластия, внешнеполитические аспекты июльского кризиса¹¹¹.

Дальнейшие исследования июльских событий 1917 г. несомненно помогут сделать новые важные выводы о руководстве революционными массами со стороны Коммунистической партии в сложнейших условиях перелома в развитии революции.

¹⁰⁷ *И. Ф. Петров*. Указ. соч., стр. 178—282; «История КПСС», т. III, кн. I, стр. 157; *О. Н. Знаменский*. Указ. соч., стр. 219—220 и др.

¹⁰⁸ *И. С. Терехов*. В. И. Ленин и строительство партии в период от Февраля к Октябрю (1917 г.). Саратов, 1969, стр. 142.

¹⁰⁹ *И. И. Минц*. Указ. соч., т. 2, стр. 643—649; *И. П. Флеровский*. Указ. соч., стр. 29; «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 1, стр. 385—387.

¹¹⁰ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 413.

¹¹¹ См. *Х. М. Астрахан*. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973; *Г. Л. Соболев*. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973; *А. М. Савокин*. В преддверии Октября. М., 1973; *А. В. Игнатьев*. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974 и др.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИТИКИ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОКТЯБРЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Г. Э. Иоффе

Историки Октября не могут сетовать на недостаточное внимание к своим трудам. Почти все их работы рассматриваются в специальных рецензиях и обзорах, обсуждаются на научных симпозиумах и конференциях. Есть, однако, вполне сложившийся комплекс литературы, самым тесным образом связанный с историей Октябрьской революции, но до сих пор фактически не ставший предметом историографического анализа. Речь идет о работах, специально посвященных критике антимарксистских, антиленинских концепций двух революций 1917 г. в России.

Нет нужды подробно останавливаться на научном и идеологическом значении этих трудов. Укажем лишь, что революционные события 1917 г. в России уже давно находятся в центре внимания зарубежных «советологов». Так, например, американский историк Р. Уорс в дни, когда отмечалось 50-летие Советской власти, писал: «Ни один исторический сюжет не привлекает в такой степени и не бросает такого вызова, как русская революция 1917 г.»¹ Причина этого интереса — в непреходящем мировом значении Великой Октябрьской революции, которое, по признанию многих зарубежных авторов, намного превосходит значение таких великих революций, как английская, американская и французская. По словам английского историка Р. Петибриджа, в сравнении с революцией в России, они — не более, чем «буря в стакане воды»². Вот почему десятки статей и книг об Октябре едва ли не ежегодно выходили и выходят из-под пера буржуазных ученых, многие из которых освещают его историю с позиций антикоммунизма и антисоветизма. Вполне понятно, что все это не может оставаться без ответа.

Начиная примерно с середины 50-х годов XX в., советские историки подготовили и опубликовали целый ряд полемических трудов (рецензий, статей, обзоров, брошюр, сборников статей, монографий), содержащих критику буржуазных концепций истории Февральской и Великой Октябрьской революций.

¹ «Slavic Review», 1967, vol. 26, N 2, p. 264.

² R. Pethybridge. The Spread of the Russian Revolution. Essays on 1917. London, 1972, p. XI.

Различными научными организациями и учреждениями было проведено несколько сессий и конференций, на которых специально или наряду с другими вопросами истории Советского общества критически рассматривалась зарубежная литература по истории Великого Октября³. Была, таким образом, проделана весьма значительная работа. Но нельзя назвать ни одной специальной статьи, в которой она получила бы историографическое освещение.

Пожалуй, наиболее полно интересующая нас проблема затронута в одном из разделов обширной статьи И. М. Краснова, Б. И. Марушкина и В. И. Салова «Советская историческая наука в борьбе против буржуазной фальсификации истории Советского общества»⁴. Но после появления этой статьи прошло много лет, было опубликовано значительное количество работ, заслуживающих рассмотрения и оценки⁵. Нельзя сказать, что они полностью остались без внимания. Наиболее крупные из них рецензировались в исторических журналах. Однако, историографический анализ этой литературы (или части ее) до сих пор отсутствует. Правда, во вводной части недавно вышедшей книги Ю. И. Игрицкого об американской и английской историографии Октябрьской революции⁶ дан обстоятельный обзор советской литературы, посвященной критике буржуазных концепций Октября. Но по вполне понятным причинам автор не ставил перед собой задачи ее историографического рассмотрения.

А между тем никакая другая литература по истории революционного движения в 1917 г. не нуждается в нем больше, чем литература, непосредственно полемизирующая с буржуазной исторической наукой. Ибо эта литература относительно молода, пока еще не имеет прочных традиций и формируется во многом под влиянием субъективных (а порой и случайных) факторов. При этом совершенно ясно, что под историографическим рассмотрением понимается строго научный критический анализ, вскрываю-

³ Сессия Научного совета по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1959); сессия Академии общественных наук и Института истории СССР АН СССР (М., 1959); сессия Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (М., 1961); сессия исторического факультета МГУ (М., 1961), конференции ЛГУ и Ленинградского отделения Института истории АН СССР; Международная теоретическая конференция «Возрастание роли ленинизма в современную эпоху и критика антикоммунизма» (М., 1970) и др. Материалы большинства сессий были опубликованы в специальных сборниках, о которых см. далее.

⁴ См. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». М., 1962.

⁵ См. «Критика антинаучных теорий зарубежных фальсификаторов истории Советского общества. Книги и статьи из журналов и сборников на русском языке за 1956—1968 гг.» Библиография. М., 1968.

⁶ Ю. И. Игрицкий. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974, стр. 8—17.

щий движение исторической мысли, показывающий особенности ее развития, выдвигающий новые цели и т. п.

Как уже отмечалось, критика антимарксистских, антиленинских интерпретаций истории Советского общества вообще и истории революций 1917 г. в частности особенно активно развернулась во второй половине 50-х годов, когда за рубежом стало интенсивно развиваться «советоведение». Тогда со всей очевидностью проявился социальный заказ, поставленный перед многочисленными специалистами — «россиеведами» и «советоведами». Он заключался в требовании такого освещения исторического прошлого нашей страны, которое должно было способствовать подрыву идей ленинизма и дискредитации «советского образца».

Конечно, борьбу с зарубежными буржуазными концепциями советские историки начинали не на пустом месте. Они опирались прежде всего на произведения В. И. Ленина, разоблачавшие псевдоисторизм буржуазных, реформистских и левооппортунистических «теорий» пролетарской революции в России⁷, на труды историков-марксистов 20-х — первой половины 30-х годов (М. Н. Покровского, В. И. Невского, С. А. Пионтковского, Г. С. Фридлянда и др.), направленных против кадетской и эсеро-меньшевистской историографии Февраля и Октября⁸.

Однако полемика с буржуазной историографией послевоенного периода, особенно с середины 50-х годов, требовала нового подхода и новых знаний. И это понятно, так как труды современных зарубежных «советологов», в том числе историков русских революций 1917 г., хотя во многом и основывались на старых антисоветских идеях, все же не были и не могли быть их простым повторением. Фронт идеологической борьбы значительно расширился и углубился.

В известной мере новаторский характер нашей критической литературы определил на первых порах ее отдельные недостатки. Пожалуй, наиболее ощутимый из них состоял в определенном преобладании полемическо-публицистического элемента под научным анализом. Авторы некоторых работ (а это были главным образом рецензии, реже статьи) прибегали подчас к сильному выражениям там, где следовало бы прибегнуть к сильной аргументации. Впрочем, нередко это, может быть, имело свое оправдание, поскольку научный уровень ряда рассматриваемых зарубежных работ по истории Октября был низок: их источниковая база была узка, а главное — они содержали откровенную, порой грубую фальсификацию. Это определялось как всей обстановкой «холодной войны» или ее рецидивов, так и явно недостаточной профессиональной подготовкой первых «советологов».

⁷ См. А. Г. Черных. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969; Е. Г. Городецкий. В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970.

⁸ См. Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука. М., 1968.

щий движение исторической мысли, показывающий особенности ее развития, выдвигающий новые цели и т. п.

Как уже отмечалось, критика антимарксистских, антиленинских интерпретаций истории Советского общества вообще и истории революций 1917 г. в частности особенно активно развернулась во второй половине 50-х годов, когда за рубежом стало интенсивно развиваться «советоведение». Тогда со всей очевидностью проявился социальный заказ, поставленный перед многочисленными специалистами — «россиеведами» и «советоведами». Он заключался в требовании такого освещения исторического прошлого нашей страны, которое должно было способствовать подрыву идей ленинизма и дискредитации «советского образца».

Конечно, борьбу с зарубежными буржуазными концепциями советские историки начинали не на пустом месте. Они опирались прежде всего на произведения В. И. Ленина, разоблачавшие псевдоисторизм буржуазных, реформистских и левооппортунистических «теорий» пролетарской революции в России⁷, на труды историков-марксистов 20-х — первой половины 30-х годов (М. Н. Покровского, В. И. Невского, С. А. Пионтковского, Г. С. Фридлянда и др.), направленных против кадетской и эсеро-меньшевистской историографии Февраля и Октября⁸.

Однако полемика с буржуазной историографией послевоенного периода, особенно с середины 50-х годов, требовала нового подхода и новых знаний. И это понятно, так как труды современных зарубежных «советологов», в том числе историков русских революций 1917 г., хотя во многом и основывались на старых антисоветских идеях, все же не были и не могли быть их простым повторением. Фронт идеологической борьбы значительно расширился и углубился.

В известной мере новаторский характер нашей критической литературы определил на первых порах ее отдельные недостатки. Пожалуй, наиболее ощутимый из них состоял в определенном преобладании полемическо-публицистического элемента под научным анализом. Авторы некоторых работ (а это были главным образом рецензии, реже статьи) прибегали подчас к сильным выражениям там, где следовало бы прибегнуть к сильной аргументации. Впрочем, нередко это, может быть, имело свое оправдание, поскольку научный уровень ряда рассматриваемых зарубежных работ по истории Октября был низок: их источниковая база была узка, а главное — они содержали откровенную, порой грубую фальсификацию. Это определялось как всей обстановкой «холодной войны» или ее рецидивов, так и явно недостаточной профессиональной подготовкой первых «советологов».

⁷ См. А. Г. Черных. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969; Е. Г. Городецкий. В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970.

⁸ См. Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука. М., 1968.

Но постепенно советская историческая литература стала пополняться все большим числом работ, в которых острая полемическая направленность сочеталась с серьезным критическим разбором многих концепций и тезисов, выдвигаемых нашими идейными противниками. По чисто внешнему, формальному признаку эти работы можно объединить в четыре основные группы. Во-первых, рецензии, обзоры и статьи, публиковавшиеся в таких журналах, как «Коммунист» «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Мировая экономика и международные отношения», а также в «Исторических записках», «Ученых записках» и других изданиях подобного рода. Во-вторых, специальные сборники статей, объединенные каким-либо одним, а чаще несколькими сюжетами. В-третьих, труды монографического характера, либо специально посвященные критике буржуазных концепций истории Октября, либо, главным образом, содержащие отдельные главы или разделы по этой проблеме (сюда же относим и брошюры). Наконец, к четвертой группе следует отнести критический анализ буржуазной историографии, органически входящий в содержание конкретно-исторических исследований различных аспектов истории Октябрьской революции.

Настоящий обзор не претендует на детальный историографический анализ литературы, направленной против буржуазной историографии Февральской буржуазной и Великой Октябрьской социалистической революции. Хотелось бы высказать лишь несколько самых общих замечаний и соображений, связанных с ее спецификой. При этом мы будем иметь в виду литературу, опубликованную примерно с конца 50-х годов XX в.

Начнем с первой группы, т. е. с рецензий, обзоров и статей, опубликованных за прошедшие годы, главным образом, в периодической литературе. Следует сразу же подчеркнуть, что именно этот, если так можно сказать, журнальный материал составляет основу нашей полемической литературы. При определенных ограниченных возможностях он обладает одним весьма существенным преимуществом — относительной оперативностью, позволяющей более или менее своевременно реагировать на то или иное выступление буржуазной историографии. В наибольшей мере это качество присуще рецензиям на какую-либо определенную книгу и обзорам на группу книг. К сожалению, рецензирование работ, выходящих за рубежом, сокращается, хотя соответствующие отделы исторических журналов раньше довольно широко его практиковали. Впоследствии они начали предпринимать попытки к более широкому освещению зарубежной буржуазной литературы, критическому анализу главных направлений, по которым шли искажения истории Октября. Конечно, это было шагом вперед, свидетельством роста научной квалификации советских историков, пишущих о современной буржуазной литературе. И вместе с тем рецензирование книг по истории Октябрьской революции,

выходящих за рубежом, в том числе и капиталистических странах, необходимо.

Профессионально написанные рецензии, выполняя важную информационную функцию, часто выходят за рамки оценки одной работы, своевременно определяя те или иные тенденции, возникающие и развивающиеся в новейшей буржуазной историографии. Примером, в частности, могут служить некоторые рецензии, опубликованные в разное время в журналах «Коммунист», «Вопросы истории», «История СССР» и др. Следует отметить, что в зарубежной исторической периодике (например, в журнале «American Historical Review») очень широко практикуется публикация небольших по объему, но содержательных рецензий. Как правило, они занимают значительную часть каждого журнального номера и лишь очень небольшое число работ советских авторов проходит мимо бдительного ока наших оппонентов. В США выходит и специальный журнал «Критика», в котором публикуются развернутые рецензии на труды по истории СССР (в том числе, конечно, и по истории Великой Октябрьской революции), издающиеся в нашей стране.

Говоря о статьях, опубликованных в различных советских исторических журналах, следует отметить их несомненно возрастающий научный уровень. В данном обзоре невозможно даже просто перечислить опубликованные статьи: это потребовало бы составления довольно обширного библиографического списка (мы укажем здесь некоторые из тех, которые вышли в последние 6—7 лет). В сумме они охватывают довольно широкий круг вопросов истории Великой Октябрьской революции, освещающихся с немарксистских позиций в зарубежной исторической литературе. Но больше всего статей общего характера, т. е. посвященных рассмотрению буржуазных трактовок истории Октября в целом. Эта группа включает в себя как статьи, написанные по страноведческому принципу (историография США, Англии, ФРГ и др.), так и статьи, критически анализирующие литературу нескольких капиталистических стран⁹. Значительно меньше статей по отдельным

⁹ В. И. Салов. Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции.— «Вопросы истории», 1967, № 11; Н. Яковлев. Всесилие Октября и бессилие американской советологии.— «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 9; А. Бланк. Великая Октябрьская социалистическая революция и германская историография.— Там же, № 8; М. Карлинер. Октябрьская революция в зеркале мировой литературы. Английская историография.— Там же, № 6; А. Иоффе и С. Мокин. Октябрьская революция в зеркале мировой литературы. Французская историография.— Там же, № 7; Н. В. Наумов. О французской буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции.— «История СССР», 1968, № 1; Ю. И. Изрицкий. Юбилей Октября и буржуазная историография.— «История СССР», 1968, № 3; Л. С. Гапоненко, А. Н. Сахаров, Г. Л. Соболев. Великий Октябрь и его современные критики.— «Вопросы истории», 1969, № 1; В. Н. Олсегина. От Февраля к Октябрю (факты истории и их трактовка в англо-американской буржуазной историографии).— «История СССР»,

проблемам истории Октябрьской революции. Среди них имеются статьи, полемизирующие с буржуазными историками по следующим проблемам: предпосылки Великого Октября¹⁰; руководящая роль В. И. Ленина и Коммунистической партии¹¹; движущие силы революции¹²; внешнеполитическая деятельность большевистской партии и период свершения Октября¹³; история контрреволюционного лагеря¹⁴, отдельных этапов перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую¹⁵. Однако проблемных статей явно недостаточно. Примерно такова же картина в той группе критической литературы, к которой мы относим сборники статей.

В обозреваемый период их вышло несколько, причем большинство формировалось на основе материалов проведенных ранее сессий или конференций, посвященных критическому анализу буржуазной литературы по широкому кругу проблем истории Советского общества. Это во многом и предопределило их структуру. Но лишь сборники «Зарубежная литература об Октябрьской революции» (М., 1961) и частично «Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков» (М., 1971) посвящены интересующей нас проблеме. Остальные сборники тематически значительно шире и, как правило, включает одну или в лучшем

1969, № 6; Г. Голиков. Великий Октябрь: правда истории и вымыслы «советологов». — «Коммунист», 1972, № 15; К. И. Зародов. Исторический опыт Октября и банкротство его критиков. — «Вопросы истории КПСС», 1973, № 2 и ряд других.

¹⁰ Ю. Н. Афанасьев. Современная французская буржуазная историография о социально-экономических и политических предпосылках Октября. — «История СССР», 1971, № 3; И. Ф. Гиндин. Капиталистическая индустриализация России в работах Т. фон Лауэ. — «История СССР», 1971, № 4; Н. В. Романовский. Ленинская программа перехода к социалистической революции (апрель 1917 г.) в кривом зеркале буржуазной историографии. — «Ученые записки 1-го Московского пединститута им. М. Тореза», т. 48. М., 1968 и др.

¹¹ С. Л. Титаренко. Ленинский этап развития марксизма в кривом зеркале буржуазной историографии. — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 11; Ю. И. Иерицкий, Г. З. Йорфе. В. И. Ленин, 1917 год и новейшая буржуазная историография. — «История СССР», 1970, № 2 и др.

¹² М. Н. Корчагова. Англо-американская буржуазная историография о роли крестьянства в революции. — «История СССР», 1970, № 6; В. А. Порицкий. Против фальсификации аграрной программы большевиков и ленинского декрета «О земле» в современной англо-американской буржуазной историографии. — «Вестник Московского университета». История, 1974, № 2.

¹³ Например, см.: А. Г. Андреев. Против фальсификации истории внешнеполитической деятельности большевиков. — «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 20, вып. 4.

¹⁴ Н. Г. Думова. Современная англо-американская историография о крахе кадетской партии в 1917 г. — «История СССР», 1969, № 4; Г. Т. Косых. Корниловский мятеж в освещении английской буржуазной историографии. — «Вопросы истории КПСС», 1974, № 7.

¹⁵ Н. В. Романовский. Июльские события 1917 г. в современной буржуазной историографии. — «История СССР», 1974, № 3.

случае несколько статей, освещающих буржуазную литературу по истории Октября¹⁶.

Статьи, направленные против буржуазной историографии Октября, иногда (правда, редко) встречаются и в сборниках, посвященных отдельным конкретно-историческим темам¹⁷. По нашему мнению, следовало бы чаще включать статьи полемического характера в сборники последнего типа, т. к. содержащийся в них критический материал усиливается статьями с позитивной разработкой проблемы.

Говоря о сборниках, специально посвященных критике буржуазной историографии, нельзя не обратить внимание на их структуру. Даже при беглом знакомстве с ними обращает на себя внимание тематическая пестрота, отсутствие единой, целенаправленной сюжетной линии. С этой точки зрения выгодно отличается упомянутый выше сборник «Зарубежная литература об Октябрьской революции». В нем обширный цикл статей объединен одной темой¹⁸.

¹⁶ *В. И. Салов*. О западногерманской реакционной историографии Октябрьской социалистической революции.— «Против буржуазной фальсификации истории Советского общества». М., 1960; *В. С. Васюков*. Ревизионизм французских социалистов в вопросах марксистской теории пролетарской революции.— Там же; *Г. Л. Соболев*. Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях.— «Критика новейшей буржуазной историографии». Л., 1967; *В. И. Биллик*. Предпосылки и причины победы Февральской и Великой Октябрьской революции в работах немецких буржуазных и реформистских историков послевоенного периода.— Там же; *С. Ю. Выгодский*. Внешнеполитическая программа Великой Октябрьской социалистической революции и буржуазная историография.— «Против буржуазной фальсификации истории Советского общества». М., 1967; *Ю. А. Красин*. Ленинская теория социалистической революции и буржуазные критики.— «Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. М., 1970; *Н. Н. Демочкин* и *Ю. И. Иглицкий*. Советы 1917 г. в современной буржуазной историографии.— Там же; *В. С. Васюков* и *В. И. Салов*. Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы.— «Критика буржуазной историографии Советского общества». М., 1972 и др.

¹⁷ Так, например, статьи с критикой буржуазной историографии Октябрьской революции имеются в сборниках: «Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии» (М., 1958) — статья *В. Г. Русляковой*; «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание» (М., 1964) — статья *В. И. Биллика*; «Борьба большевиков за создание политической армии социалистической революции» (М., 1967) — статья *Л. Е. Тарасевича*; «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (М., 1969) — статья *М. Г. Панкратовой*, «Свержение самодержавия» (М., 1970) — статья *И. М. Пушкаревой* и *Г. З. Иоффе*; «Из истории гражданской войны и империалистической интервенции» (М., 1974) — статья *Г. З. Иоффе* и др.

¹⁸ Среди них: *И. И. Минц*. Основные этапы изучения Великой Октябрьской социалистической революции за рубежом; *И. М. Краснов*. Некоторые вопросы истории Октябрьской революции в освещении американской буржуазной историографии; *М. М. Карлинер*. Лейбористская историография Великой Октябрьской социалистической революции; *Б. Е. Штейн*. Великая Октябрьская социалистическая революция в английской историографии; *А. Е. Иоффе*, *С. В. Мокин*. Французская исто-

Но со времени издания этого сборника за рубежом вышло много новой литературы об Октябре и было бы вполне целесообразно подготовить новый сборник подобного типа.

В известной мере таким сборником является также уже названная небольшая по объему книга «Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков»¹⁹. Указанный сборник интересен, в частности, тем, что в нем, пожалуй, впервые предпринята попытка параллельного рассмотрения некоторых вопросов истории Октября, т. е. в освещении как зарубежной, так и советской историографии. Такая попытка, по нашему мнению, заслуживает внимания. Жаль только, что в этом сборнике советская и зарубежная части тематически не всегда увязаны.

Обширный подстрочный перечень критических статей (которые мы приводим здесь в информационно-библиографических целях), опубликованных в различных сборниках, подтверждает тот вывод, который был сделан выше, когда речь шла о журнальных статьях: в критике буржуазной историографии Октября преобладают статьи общего характера и лишь немногие посвящены анализу интерпретаций «советологами» отдельных проблем истории Октябрьской революции. При этом часть проблем вообще остается вне поля зрения советских историков. В этой связи возникает важный вопрос о выборе темы, предназначенной для полемики. Вопрос этот труден вообще, а для критической литературы — особенно. Между тем, в ней иногда проскальзывает тенденция подвергать критике такие сюжеты, которые достаточно полно разработаны в нашей исторической науке, но по тем или иным причинам не нашли серьезного рассмотрения в буржуазной литературе. В этих случаях отдельные высказывания зарубежных авторов, взятых из нескольких работ, искусственно превращаются в предмет обширных статей, которые по существу излагают общеизвестный позитивный материал. По нашему мнению, полемизировать с буржуазными авторами следует главным образом не по тем вопросам, которые составляют основу нашей проблематики Великого Октября, а по тем, которые находятся в центре внимания «советологов». При таком подходе историк-полемист из «разрушителя» может превратиться и в «созидателя», т. е. «поднять» тему, недостаточно отраженную в советской литерату-

риография Великой Октябрьской социалистической революции; *Б. Р. Лопухов*. Великая Октябрьская социалистическая революция в итальянской историографии; *Б. И. Салов*. Освещение истории Октябрьской революции в исторической литературе ФРГ; *Б. Г. Сапожников*. Японская историография Октябрьской социалистической революции в России, и др.
¹⁹ В нем три статьи по проблеме зарубежной историографии Октября: *М. М. Узакова*. Современная буржуазная историография США о предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции; *Ю. Н. Афанасьев*. Современная французская буржуазная историография о предпосылках и характере Великой Октябрьской социалистической революции, *А. Д. Фадеев*. Некоторые вопросы истории Октябрьской революции в работах буржуазных латиноамериканских авторов.

ре. В этом, по-видимому, и заключается наступательный характер критики.

Мы подробно остановились на статейном материале (в сборниках и журналах) потому, что, как уже отмечалось, он составлял и продолжает составлять основную часть нашей исторической литературы, направленной против буржуазной историографии Великого Октября. К сожалению, авторы многих содержательных критических статей весьма неохотно берутся за трудную задачу монографической разработки той или иной проблемы истории революций 1917 г. в освещении современных западных «россиеведов» и «советологов». В результате третья группа работ полемического содержания, которую мы наметили в начале этого обзора — монографические исследования — явно требует пополнения. В течение долгого времени у нас имелась лишь одна монография, специально посвященная анализу зарубежной литературы об Октябре. Это книга В. И. Салова «Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции», вышедшая еще в 1960 г.²⁰ И лишь через 14 лет появилась вторая — монография Ю. И. Игрицкого «Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1974)²¹. Большинство других монографий (да, пожалуй, и брошюр), освещают интересующую нас проблему в большей или меньшей степени. Их авторы либо затрагивают некоторые стороны этой проблемы, либо посвящают ей специальные главы своих работ²². Среди них прежде всего следует назвать монографию В. И. Салова «Современная западногерманская буржуазная историография» (М., 1968). В третьей главе книги автор показывает антикоммунистическую направленность так называемого остфор-

²⁰ В этой связи отметим, что мы не касаемся работ, вышедших по интересующей нас проблеме в союзных республиках. Укажем лишь две из них: Г. А. Галоян. Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии. М., 1960; Л. Н. Нагорная. Против буржуазно-националистической фальсификации истории Октября на Украине. Киев, 1971 (на укр. яз.).

²¹ См. также: Л. А. Ровенштейн. Критика буржуазных фальсификаторов истории Октябрьской революции. Л., 1967; В. В. Лебедев, А. О. Чубарьян. Против антинаучного освещения истории Октябрьской революции в современной буржуазной историографии США и Великобритании. М., 1969; А. Е. Кунина. Развенчанные мифы. Против буржуазной фальсификации Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971 и др. Однако все эти брошюры носят научно-популярный характер.

²² В их числе: Е. Черняк. Буржуазная историография рабочего движения. М., 1960; он же. Историография против истории. М., 1962; Ю. Карякин и Е. Плимак. Мистер Кон исследует русский дух. М., 1962; Ю. А. Красин. Социология революции против революции. М., 1966; И. М. Якушевский. Ленинизм, революция и «советология». М., 1968; Е. Д. Морджинская. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970; И. С. Зенушкина. Советская национальная политика и буржуазные историки. Становление Советского многонационального государства (1917—1922) в современной американской историографии. М., 1971.

шунга, одной из главных целей которого является изучение истории СССР. Затем он сосредотачивает свое внимание на критике антиленинских концепций создания большевистской партии, истории Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и строительства социализма в СССР. Салов подчеркивает, что новейшая буржуазная историография постепенно переходит к признанию исторической обусловленности Октября, рассматривая его главным образом как «феномен», связанный с определенной «русской спецификой». Критика этой антиленинской концепции, несомненно, более сложна. Важно отметить, что для полемики с нашими идейными противниками Салов привлек труды историков ГДР. Автор стремится к дифференцированному подходу в оценке различных направлений и школ западно-германской исторической мысли и воссоздает широкий спектр историографии ФРГ.

В 1969 г. вышла монография Б. И. Марушкина «История и политика. Американская буржуазная историография Советского общества». Марушкин четко выделил основные современные «советоведческие» концепции, которые составляют основу конкретно-исторической трактовки Октябрьской революции в работах многочисленных американских историков. К ним относятся: концепция «случайности» Октябрьской революции и тезис о «конспиративном заговоре», версия о «немарксизме» Октябрьской революции, Октябрьская революция в свете «теории модернизации», «советоведческие» поиски метода «предотвращения революции».

С нашей точки зрения, более развернутую критику указанных концепций в нашей литературе найти трудно, хотя, вероятно, специалисты укажут на места, где она могла бы быть расширена за счет привлечения дополнительного материала. Но здесь (как и в монографии Салова) необходимо учитывать обобщающий характер работы, а точнее — стремление автора охватить в целом такую грандиозную тему, как американская историография советского общества²³.

Как мы уже отмечали, в 1974 г., вышла в свет монография Ю. И. Игрицкого «Мифы буржуазной историографии и реальность истории», посвященная английской и американской историографии Октябрьской революции. Из обширной «советологической» проблематики истории Октября автор выбрал две основные и наиболее общие — концепцию «незакономерности» и концепцию «недемократичности» Октября — и именно их подверг тщательному критическому разбору. В критике второй концепции («недемократичности» Октября) он выходит за строгие хронологические рамки Октябрьской революции и включает в свой анализ

²³ Отметим, что монографии Салова и Марушкина получили положительную оценку в исторической периодике (См., например, «История СССР», 1969, № 4; «Новая и новейшая история», 1970, № 1, «История СССР», 1971, № 1). На обе работы откликнулись и зарубежные журналы, отметив, в частности, широкую эрудицию авторов в исторической литературе ФРГ и США.

буржуазные трактовки политики Советской власти по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным партиям, роспуска Учредительного собрания и др., т. е. рассматривает сюжеты, по существу не затронутые советской полемической литературой.

Обращает на себя внимание отбор трудов зарубежных историков, с которыми полемизирует Игрицкий. Он отнюдь не стремится «охватить» всех или даже большинство писавших об Октябрьской революции, сосредотачивая свое внимание на таких трудах, которые составляют основу научной продукции «советологии». Поэтому его главными оппонентами являются такие «советологические столпы» как Т. фон-Лауз, А. Гершенкрон, Э. Карр, А. Улам, Р. Дэпиельс и некоторые другие. Полемика с ними требует глубокого знания предмета, широкой эрудиции в разных областях исторического знания.

Еще одна отличительная черта книги Игрицкого — строго дифференцированный критический подход. Буржуазная историография, особенно современная, не есть нечто простое и единое: как известно, в ней существуют разные точки зрения, интерпретации, направления. Подход к ним не может быть одинаковым, а это, естественно, усложняет методы критического анализа, заставляет отказаться от часто практикуемого простого противопоставления взглядам зарубежных историков марксистско-ленинской точки зрения. Игрицкий стремится прежде всего обнаружить уязвимые места критикуемых им буржуазных концепций, вскрыть присущую им внутреннюю научную несостоятельность.

Подводя итог краткому обзору монографических работ, направленных против буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции, хотелось бы напомнить то, что писали Краснов, Марушкин и Салов еще в 1962 г. Указывая на выход ряда интересных статей по проблеме, они подчеркивали: «Следует, однако, отметить, что американская, английская, французская и итальянская историография еще не подвергалась монографическому исследованию»²⁴. Лишь монография Игрицкого в определенной мере исправила это положение.

В заключение — несколько слов о еще одной форме критики буржуазной историографии вообще и Октябрьской революции в частности. Речь идет о введении ее в труды конкретно-исторического содержания. До недавнего времени такая критика, как правило, давалась во введениях, содержащих историографические обзоры проблемы и нередко носила формальный, поверхностный характер. Теперь полемика с буржуазными авторами все чаще стала включаться в подстрочные примечания, или даже в текст исследования. В качестве одного из примеров можно назвать три тома капитального труда академика И. И. Минца «История Великого Октября» (М., 1967—1973).

²⁴ И. М. Краснов, Б. И. Марушкин, В. И. Салов. Советская историческая наука в борьбе против буржуазной фальсификации истории Советского общества, стр. 531.

Такой метод, на наш взгляд, весьма перспективен. В данном случае критика подкрепляется всей суммой аргументации, которой владеет автор — специалист исследуемой проблемы, полемика развивается естественно, органично, отчего она лишь выигрывает в степени доказательности. Если учесть, что среди современных «советологов» растет число ученых, хорошо эрудированных в истории Октябрьской революции, то, по-видимому, следует признать, что не за горами то время, когда решающее слово в критике буржуазной историографии должно будет принадлежать не авторам, специализирующимся на такой критике, а историкам — специалистам определенной проблемы.

Деятельность современной «советологической» машины постоянно расширяется и интенсифицируется. Важной вехой в этом процессе стало 50-летие Великой Октябрьской революции, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и 50-летие образования СССР, к которым на зарубежный книжный рынок поступило большое количество разнообразной литературы о нашей стране, в том числе и об истории Октября. Но как полагают некоторые из буржуазных авторов, значение юбилейных лет заключалось отнюдь не в том, что они вызвали на Западе новый поток различных работ о русских революциях 1917 г. По их собственному мнению научная ценность этих, уже вышедших, трудов не слишком велика, поскольку в большинстве своем они отражают уже пройденный или, точнее сказать, проходящий этап буржуазной историографии Февраля и Октября²⁵. Главное же, как они считают, состоит в том, что юбилей стимулировал целый ряд новых «исследовательских проектов и программ», «плоды которых появятся лишь в будущем» и которые по своим исследовательским качествам будут, по-видимому, превосходить предшествующую литературу²⁶.

Нам представляется, что в процитированных словах есть рациональное содержание. Проиллюстрировать это можно на следующем примере. Две «главные», «контрибилейные» книги о Февральской и Октябрьской революциях (первая английского историка Дж. Каткова²⁷, вторая — американца Р. Дэниельса²⁸) в сущности воспроизвели избитые белоэмигрантские клише о Феврале как следствии заговора либералов и «машинаций немецких агентов» и об Октябре — как результате стечения случайных обстоятельств. Но очень симптоматично, что обе эти книги (особенно Дж. Каткова) были подвергнуты критике многими зарубежными авторами, отнюдь не стоящими на марксистско-ленинских позициях. Это свидетельствует о том, что в современной буржуазной историографии революций 1917 г. в России происходят опре-

²⁵ Подробнее об этом см.: В. С. Васюков, В. И. Салов. Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы, стр. 16—19.

²⁶ «Slavic Review», 1970, vol. 29, N 1, p. 27.

²⁷ G. Katkov. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967.

²⁸ R. Daniels. Red October. The Bolshevik Revolution. New York, 1967.

деленные важные сдвиги. Они находят свое выражение в двух основных факторах. Во-первых, в постепенном отказе ряда буржуазных историков от устаревших положений и тезисов, берущих свое начало главным образом в эмигрантской литературе, и в поисках новых, более «гибких», более «эластичных» интерпретаций. Во-вторых, во введении в исследовательскую сферу таких тем, и сюжетов, которые еще в относительно недалеком прошлом буржуазная историография революционного движения 1917 г. либо вообще игнорировала, либо затрагивала в самом общем плане. К ним прежде всего следует отнести вопросы, связанные с социально-экономическим развитием, массовыми движениями и т. д. Как первый, так и второй факторы, потребовали от буржуазных авторов значительного расширения историографической и источниковой базы.

В нашей литературе иногда раздавались призывы показывать генетическую связь между белоэмигрантской литературой и зарубежной буржуазной историографией революций 1917 г. Такая связь, безусловно, долгое время существовала. Было бы неверным утверждать, что и современная «советология» окончательно вышла из круга тех концепций и идей, которые были выдвинуты в 20—30-х годах русской эмиграцией, главным образом либерального и правосоциалистического направлений. И все же в значительной мере эти призывы уже устаревают. В новейшей «советологической» литературе влияние эмигрантских «школ» ослабевает, представители молодого поколения зарубежных историков России острее ощущают их односторонность и тенденциозность. С другой стороны, в современной буржуазной историографии проявляется все больший интерес к трудам В. И. Ленина, советской исторической литературе. Это находит выражение и, как уже отмечалось, в систематическом рецензировании трудов советских авторов, и в усилении внимания к вопросам советской историографии вообще. В качестве одного из примеров можно назвать книгу американской исследовательницы Н. Хир²⁹.

Конечно, отмеченный процесс «переворужения» западной историографии Февральской и Великой Октябрьской революций переживает еще начальную фазу и отнюдь не носит всеобщего характера. В нем участвуют преимущественно молодые историки, вошедшие в науку в 50—60-х годах³⁰. И все же в некоторых монографиях, а главным образом, в статьях (которые по вполне понятным причинам быстрее отражают происходящие в науке изменения) отмеченное стремление к «переинтерпретации» и «переоценке» отдельных аспектов истории Февраля и Великого Ок-

²⁹ N. Heer. *Politics and the History in the Soviet Union*. New York, 1971.

³⁰ О надеждах, возлагаемых на «высокие качества» молодежи, приходящей в «область советских исследований», говорил в своем выступлении в Американской исторической ассоциации М. Шулман. (*M. Shulman. The future of Soviet Studies in the United States — «Slavic Review»*, 1970, vol. 19, N 3, p. 588).

тября, к разработке более «эластичных» и «сбалансированных» концепций становятся все более и более заметными. Советские историки Васюков и Салов в обстоятельной статье «Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы» совершенно справедливо отмечают: «Ныне все большее число зарубежных авторов вынуждены считаться с фактами и более или менее правдиво отображают конкретно-исторический ход событий, хотя интерпретация их зачастую не совпадает с научным пониманием этих событий, не всегда соответствует исторической истине»^{30а}. Полемика с буржуазной историографией все более и более переходит в область концептуальных основ, в область методологии. При этом надо иметь в виду, что многие буржуазные авторы все чаще выступают с позиции так называемой деидеологизации общественных наук в целях придания своим трудам мнимой «надпартийности», «чисто научной объективности» и т. п.

Если говорить о зарубежной литературе, посвященной истории Февральской и Великой Октябрьской революции, то нужно отметить, что здесь в последнее время наметилась тенденция к смещению интереса в предреволюционный период, точнее в период с начала XX в. и до 1917 г. «В последние годы интерес в области современной русской истории, — пишет английский историк У. Мосс, — переместился с революции (включая революционные движения) на последние десятилетия царского режима»³¹. Главная цель этого перемещения заключается в стремлении определить теоретические шансы «традиционной власти» (т. е. царизма) на «мирную модернизацию» и таким образом выяснить возможность вероятной альтернативы Февраля и Октября.

В буржуазной историографии растет интерес и к периоду, непосредственно следовавшему за Октябрьской революцией, точнее — к истории установления Советской власти на местах и гражданской войны в нашей стране³². В этих событиях «советологи» пытаются выявить причины победы «большевистского феномена», установить факторы его стабильности также в целях извлечения необходимых политических уроков. Конечно, после историографи-

^{30а} В. С. Васюков, В. И. Салов. Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы, стр. 43.

³¹ «Slavonic and East European Review», 1974, vol. 50, N 118, p. 130. Из последних работ, освещающих различные аспекты этого периода см.: «Russia Under the Last Tsar». Ed. by Th. Stavrou. Minneapolis, 1969; «Russia in Transition, 1905—1914. Evolution or Revolution?». Ed. by R. McNeal. New York, 1970; «Russia Enters in 20 the Century». Ed. by G. Katkov, a. o. London, 1971; G. Hosking. The Russian Constitutional Experiment. Cambridge, 1973.

³² J. Keep. October in Province — «Revolutionary Russia». Ed. by R. Pipes. New York, 1968; R. Pethybridge. The Spread of the Russian Revolution. London, 1972; P. Suny. The Baku Commune. Princeton, 1972; P. Kenez. Civil War in South Russia, 1918. Los Angeles, 1971 и др. Подробнее см. Г. З. Иoffee. О новых «советоведческих» работах по истории Октября и гражданской войны. — «Из истории гражданской войны и империалистической интервенции». Сб. статей. М., 1974.

ческого бума, связанного с «контрпразднованием» 50-летия Советской власти, буржуазная историография Октябрьской революции переживает определенный спад. Количество книг по истории Октября, выходящих за рубежом, сократилось. Но нет сомнения, что это временное явление. «...И в будущем,— писал И. Дейчер,— различные школы историков будут изучать русскую революцию с тем же интересом и той же страстностью, с которыми последние 130 лет исследуются события Французской революции»³³.

Можно предположить, что буржуазная историография Октябрьской революции вступает в новый этап своего развития и уже в сравнительно недалеком будущем мы встретимся с рядом вышедших за рубежом трудов по истории Октября, которые, отнюдь не теряя своей антикоммунистической направленности, в некоторых отношениях будут превосходить работы предшествующих лет.

Это объясняется рядом причин. Но, пожалуй, наиболее общая из них, как это не парадоксально на первый взгляд, коренится в кризисном состоянии современного «советоведения», в его противоречивом характере. Как справедливо отметил Марушкин, «на историческую науку (в США.— Г. И.) оказывается усиленное давление с целью увеличения ее вклада в идеологическую борьбу против коммунизма, ей предъявляются требования фальсификации истории для обоснования и оправдания империалистической политики. Но искажение правды истории в «интересах» политики приводит к явному абсурду. Действительные, а не выдуманные интересы политики требуют объективного знания не только настоящего, но и прошлого. Возникает пропасть между реальностью и представлением о ней»³⁴. Это обстоятельство, на наш взгляд, имеет существенное значение, ибо, с одной стороны, оно во многом объясняет неспособность буржуазной историографии дать объективную историческую картину, а с другой — ее усилившиеся попытки отойти от устаревших схем, «усовершенствоваться», подновить себя.

Борьба идей в историографии становится более сложной. Это требует нового подхода, новых, более совершенных форм и методов критики в полемике с буржуазной исторической наукой.

³³ J. Deutscher. *Heretics and Renegades*. London, 1969, p. 109—110.

³⁴ Б. И. Марушкин. *История и политика*. М., 1939, стр. 80.

К ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «КРАСНЫЙ АРХИВ»

Г. П. Махнова

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции перед исторической наукой встали новые и ответственные задачи, для решения которых были нужны и новые формы ее организации. Важную роль в этом становлении сыграла советская периодическая печать.

Исторические журналы 20—30-х годов XX в. были главным центром публикации достижений исследовательской работы молодых советских историков. Они сыграли большую роль в пропаганде и популяризации исторических знаний, в распространении марксистского понимания исторического процесса. Видное место среди периодики первых лет Советской власти принадлежит журналу «Красный архив». Он систематически публиковал архивные материалы по истории международных отношений, революционному движению в России, по истории Октябрьской революции, по истории народов СССР. Кроме «Красного архива» документальные материалы нерегулярно печатались в журналах «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка» и на страницах других журналов. «Красный архив» выходил с 1922 по 1941 г. при Управлении Центрархива РСФСР.

Уже с первых номеров «Красный архив» получил признание общественности, а его публикации не потеряли значения и в наши дни. В предисловии к первому номеру «Красного архива» определялись его задачи: «разоблачение тайн империалистической политики и дипломатии... Параллельно с этой своей главной задачей «Красный архив» не уклоняется, конечно, и от обычной функции... опубликования вообще документов, представляющих исторический и историко-литературный интерес»¹. На страницах «Красного архива» была опубликована огромная масса новых ценных архивных материалов по вопросам внешней политики России нового времени.

Литература по истории и деятельности «Красного архива» крайне немногочисленная и носит отрывочный характер. Так, в книге С. Н. Валка «Советская археография», «Красному архиву» посвящено всего две страницы². Очень краткие сведения, главным образом о тематике журнала, имеются в небольших статьях

¹ См. «От редакции». — «Красный архив», 1922, т. 1, стр. 1.

² С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 32—34.

«Большой советской энциклопедии» (БСЭ) и «Советской исторической энциклопедии (СИЭ)»³. Работа над журналом облегчена тем, что имеются указатели. Первая попытка составления указателя была сделана еще в 1924 г. В 1957 г. сотрудниками Московского государственного историко-архивного института под редакцией М. С. Селезнева был составлен систематический указатель публикаций и статей^{3а}.

Для изучения истории журнала представляют наибольший интерес статьи, опубликованные в юбилейном, сотом номере журнала⁴. Напечатанные здесь работы Ем. Ярославского, Н. Ф. Бельчикова, М. Фейгельсона, А. Л. Попова являются обзорами публикаций по определенным темам. Кроме того, можно назвать многочисленные рецензии на отдельные тома «Красного архива», на несколько томов одновременно или на группу публикаций.

Материалы по истории и деятельности журнала «Красный архив» отложились в ЦГАОР СССР. В этом архиве хранится фонд редакции журнала (ф. 6887), который состоит из 2-х описей. В опись № 1 включены названия публикаций, большинство из которых по разным причинам не было опубликовано. Во опись № 2 вошли материалы, освещающие деятельность самой редакции на протяжении с 1922 по 1942 г. Хотя дела фонда охватывают весь период деятельности журнала, они дают очень скудные сведения о работе редакции. Опись состоит всего лишь из 13 единиц хранения. В основном это планы, отчеты, протоколы заседаний редколлегии, переписка с вышестоящими органами и авторами, рецензии и т. д.

Первое время журнал «Красный архив» являлся органом Центрархива РСФСР, впоследствии он стал органом Главного архивного управления СССР⁵. В связи с этим часть его материалов отложилась в фонде ГАУ. Удалось обнаружить материалы о деятельности журнала в описи редакционно-издательского отдела ГАУ (ф. РИО, оп. № 3) за период с 1918 по 1935 г. Здесь отложились планы издательской работы, отчеты РИО, протоколы заседаний, переписка. В основном они носят отрывочный характер, хотя и отражают отдельные стороны деятельности журнала.

Редакционно-издательский отдел ГАУ в 20—30-е годы вел большую публикаторскую работу, о чем свидетельствуют и сборники публикаций и архивная документация. Среди издательских планов, отчетов, переписки РИО можно встретить и упоминание о «Красном архиве».

³ БСЭ, 1 изд., т. 34, М.—Л., 1937, стр. 621—622; БСЭ, 2 изд., т. 23, М., 1958, стр. 274, СИЭ, т. 8, стр. 45.

^{3а} «Красный архив». Систематический указатель публикаций и статей. № 1—3 (106). 1922—1941. Под ред. М. С. Селезнева. М., 1957.

⁴ См. «Красный архив», 1940, т. 100.

⁵ В 1922—1929 гг. оно называлось — Управление Центрархива РСФСР при ВЦИК; в 1929—1938 гг. — Центральное архивное управление НКВД СССР; в 1938—1941 гг. — Главное архивное управление НКВД СССР.

11 октября 1921 г. на заседании редакционно-издательской коллегии⁶ Главного управления архивным делом при Народном Комиссариате по просвещению РСФСР был заслушан вопрос «об издательских предположениях Главархива». На заседании коллегии присутствовали В. В. Адоратский, Н. Ф. Бельчиков, В. Н. Сторожев, В. П. Полонский, В. М. Фриче. С докладом об издательских планах выступил Н. Ф. Бельчиков. Было принято решение «признать необходимым издание Главархивом специального журнала под названием «Революционный архив» — журнала истории революции и архивного дела»⁷. В двухнедельный срок В. П. Полонскому и Н. Ф. Бельчикову было поручено составить смету до 19 октября 1921 г. Редакционно-издательская коллегия Главархива направила в Госиздат извещение, в котором говорилось, что Главархив приступил к изданию журнала под названием «Революционный архив», посвященного «истории революции и теории архивного дела». Предполагалось выпускать один номер в 3—4 месяца объемом в 20—25 печатных листов. Далее редакционно-издательская коллегия просила Госиздат разрешить «напечатание первого номера журнала»⁸. Буквально на следующий день, т. е. 20 октября 1921 г. Госиздат телефонограммой запросил у Главархива реальный план изданий. 26 октября Главархив отправил план предполагаемых изданий на декабрь месяц, где упоминался и новый журнал.

На очередном заседании редакционно-издательской коллегии 25 октября⁹ выступил М. Н. Покровский. Он подробно остановился на характеристике нового журнала, предложив образовать в нем четыре отдела: 1) научно-археографический, 2) исторический (где должны были печататься материалы по внешней и внутренней политике и историко-культурного характера), 3) хроники и 4) библиографии.

В первый номер журнала предполагалось включить документы о русско-германских отношениях второй половины XIX—XX вв.; русско-германские отношения в 1873 г., русско-австрийская конвенция 1873 г.; шесть писем кн. А. М. Горчакова; Рейхштадтская сделка 15 января 1876 г.; разговор Сабурова с Бисмарком 1879 г.; материалы 1880 г.; договор Бисмарка с Россией 1887 г.; перлю-

⁶ Впоследствии редакционно-издательская коллегия была переименована в редакционно-издательский отдел.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 3, д. 3, л. 9. Предшественником «Красного архива» можно считать журнал «Исторический архив», единственный номер которого вышел в 1919 г. Преобладание в составе редколлегии буржуазных историков-архивистов сказалось на его содержании. В связи с этим в 1920 г. Главархив приостановил дальнейшее издание «Исторического архива» (см. В. В. Максаков. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945). М., 1969, стр. 92, 172).

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 3, д. 8, л. 95.

⁹ Присутствовали: М. Н. Покровский, В. Н. Сторожев, В. И. Пичета, В. В. Максаков, В. М. Фриче, Н. Ф. Бельчиков, М. С. Вишневский (там же, д. 3, л. 12—12 об.).

страция Оранжевой книги; письма Александра III к сыну Николаю; опубликовать историко-культурные и историко-литературные материалы: о Пушкине (из дневника Рачинского) и др. В разделе библиографии предполагалось поместить научные отзывы по специально-архивным изданиям русским и иностранным. Затем Покровский предложил дать журналу новое название — «Красный архив», взамен прежнего «Революционный архив». Все предложения М. Н. Покровского были приняты.

Ответственным редактором журнала был рекомендован В. П. Полонский. Руководство первым отделом возлагалось на членов редакционно-издательской коллегии; Отдел хроники поручался М. С. Вишневному, Отдел иностранной библиографии — Д. Н. Егорову, русской библиографии — В. И. Пичете. Секретарем редакции был назначен Н. Ф. Бельчиков. На заседании было принято постановление: печатать каждый номер журнала объемом в 30 п. л., тиражом 6 000 экземпляров (из них 5 000 для России и 1 000 — для заграницы). Первая книга «Красного архива» должна была выйти в свет в феврале 1922 г., каждый очередной номер журнала должен был выходить через три месяца¹⁰.

На заседании редакционно-издательской коллегии Главархива 1 ноября 1921 г. обсуждалось содержание 1 номера «Красного архива». В номер планировались статьи: С. В. Рождественского («Историк-архивист — археограф»), В. В. Адоратского («Политическая секция ЕГАФ»), В. В. Шереметьевского («Из семинара по архивоведению»), Н. Ф. Бельчикова и В. И. Пичеты («I Всероссийская конференция архивистов РСФСР (реферат)»), В. М. Фриче, Д. Н. Егорова и В. Ю. Готье («Архив, библиотека и музей (дискуссионные статьи)»), Д. Н. Егорова («К вопросу об археографическом образовании архивных деятелей») ¹¹. В этот же номер были включены материалы о А. С. Пушкине, Н. А. Некрасове, Ф. М. Достоевском; письма И. С. Тургенева, А. А. Фета. За время нахождения рукописи журнала в типографии в его содержании произошли некоторые изменения. Так, 15 января 1922 г. на заседании редакционно-издательской коллегии Главархива обсуждался вопрос об издании серии сборников «Архивное дело». 14 февраля 1922 г. было принято решение «вынести статьи по архивному делу» и передать их для сборника «Архивное дело», а в «Красном архиве» сделать об этом объявление. Кроме того было решено внести ряд изменений: для библиографического отдела было решено заказать рецензии на журналы «Архивные труды» и «Дела и дни», кроме того были изъяты письма Фета и мемуары «Толстой в цензуре». Предисловие к первому тому журнала было предложено написать М. Н. Покровскому¹².

В докладных записках А. А. Покровского от 5 и 13 июня

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 3, д. 3, л. 12 об.

¹¹ Там же, д. 8, лл. 108—109.

¹² Там же, д. 3, л. 22; ф. 6887, оп. 2, д. 1, л. 3.

1922 г. отмечалось, что задержка в печатании первого номера «Красного архива» произошла из-за отсутствия в типографии французского шрифта¹³.

За период с 1922 по 1924 г. вышло 6 номеров «Красного архива». С 1925 г. стало выходить по 6 номеров в год (с 8-го номера была введена двойная нумерация).

По сравнению с другими журналами тираж и объем отдельных номеров «Красного архива» были низкими. Хотя на заседании коллегии в 1921 г. и было принято решение издавать журнал тиражом в 6000 экземпляров, однако в течение всего времени существования этого журнала его тираж, так же как и объем, постоянно колебались. Самый большой тираж журнала — 6000 экземпляров — выпал на долю третьего и четвертого номеров. Первый номер журнала вышел тиражом 5000 экземпляров, второй номер и с пятого по десятый включительно были изданы в количестве 4000 экземпляров. Затем, начиная с т. 11 тираж журнала резко падает до 2000 экземпляров¹⁴. Самый низкий тираж — 1750 экз. — приходится на номера 26, 27, 28, 29, 30 и 37. Тираж последних номеров колебался от 4075 экз. (№ 98, 99) до 4650 экз. (№ 104). Юбилейный сотый номер был издан в 4190 экземплярах¹⁵. Сравнивая данные о листаже отдельных номеров журнала, можно сделать вывод, что самый маленький объем был $8\frac{3}{4}$ п. л. и падает он на 61 номер (1933 г.), самый большой — $17\frac{3}{4}$ п. л. (91 номер, 1938 г.). Объем сотого номера был 16 п. л.

18 марта 1941 г. между ГАУ и Госполитиздатом был подписан следующий договор:

1) Госполитиздат принимает на себя издание журнала общим объемом в 126 авт. листов, в количестве 6 номеров в год, объем одного номера — 15 п. л., тираж — 6000 экз.;

2) журнал выходит под маркой ГАУ НКВД СССР в издании Госполитиздата. Редакция журнала находится в ведении ГАУ;

3) политическое и идеологическое руководство журналом, подбор авторов, обслуживающего аппарата, редактирование рукописей осуществляется редакцией;

4) тематический план журнала сообщается предварительно Госполитиздату;

5) в случае нарушения намеченного графика с той или иной стороны уплачивается штраф;

6) в целях содействия рекламной работе редакция обязательно в день сдачи очередного номера в производство должна сообщить Госполитиздату содержание (оглавление) с аннотацией в 3-х экземплярах;

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 3, д. 3, лл. 27, 33, 37, 39; ф. 6887, оп. 2. д. 1, л. 3—5; ф. 5325, оп. 3, д. 4, л. 41.

¹⁴ Здесь можно назвать следующие номера «Красного архива», тт. 11—12, 13, 22, 23, 24, 25, 44, 45, 46, 47, 48.

¹⁵ Последний 106 номер «Красного архива» вышел тиражом в 4610 экз. объемом в 11 п. л.

7) сдваивание номеров может производиться в крайних случаях по согласованию обеих сторон;

8) для покрытия расходов по содержанию редакции, авторскому и редакционному гонорару и других административно-хозяйственных и организационных расходов, связанных с работой редакции, Госполитиздат уплачивает редакции по 600 руб. за авторский лист.

Договор вступает в силу с 1 января 1941 г. и действителен по 1 января 1942 г.¹⁶ Несмотря на то, что договор был заключен, объем очередного номера «Красного архива» составил 11 п. л., вместо плановых — 15 п. л., а тираж 4610 экз. вместо 6000 экз.

Сто шестой номер журнала явился и последним томом «Красного архива», был подписан к печати 6 июня 1941 г. 22 июня 1941 г., мирная жизнь страны была прервана нападением гитлеровской Германии.

Интерес научной общественности к «Красному архиву» появился уже с первого номера журнала и не ослабевал вплоть до последнего номера. Спрос на журнал был большим. За рубежом «Красный архив» с первых номеров завоевал популярность. В 20-е годы XX в. на международные книжные выставки в Германии и Бельгии, среди книг и журналов, издаваемых в эти годы в советской России, посылались целые комплекты «Красного архива». Многие зарубежные учебные и культурные центры выписывали «Красный архив» в свои библиотеки на началах взаимного обмена или за наличный расчет¹⁷.

В первые годы деятельности журнала в работе редколлегии принимали участие В. В. Адоратский, В. В. Максаков, В. И. Пичета, М. Н. Покровский, В. П. Полонский, В. М. Фриче. Ответственным редактором первого тома был В. П. Полонский. В 1924 г. вышел пятый том, в состав редколлегии которого помимо В. П. Полонского был введен В. В. Максаков. В 1925 г. с томов 11-12 в состав редколлегии стал входить В. М. Фриче, в 1926 г. с тома 16 — М. Н. Покровский. До 1932 г. М. Н. Покровский деятельно участвовал в работе редакции журнала, а фактически был его руководителем. В 1933 г. ответственным редактором журнала назначатся Я. А. Берзин, его заместителем — Максаков, а членами редколлегии В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. А. Ротштейн. Такой состав был до 1935 г. (т. 67).

В 1935 г. (с 68 тома) в состав редколлегии вместо В. Малаховского и И. Меницкого вводится С. А. Пашуканис. Долгое время секретарем журнала (до 1935 г.) был А. А. Сергеев. Большую роль в редактировании журнала и археографической подготовке документов сыграли литературовед Н. Ф. Бельчиков и ученый

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6887, оп. 2, д. 10, лл. 11—14.

¹⁷ Среди них можно назвать Иллинойский университет в Урбане, Институт международных отношений при Лос-Анжелесском университете, Львовский университет и др.

археограф А. А. Покровский. В последние годы существования журнала членами редколлегии были И. И. Мартынов и С. Болтинов, обязанности ответственного редактора исполнял Г. Д. Костомаров, а ответственного секретаря журнала — Н. Р. Прокопенко. На должности ученого археографа по-прежнему был А. А. Покровский, кроме того в штате было два научных сотрудника.

Знакомство с авторским коллективом «Красного архива» свидетельствует о том, что на его страницах сотрудничали и именитые ученые, и научные сотрудники архивов и начинающие свой научный путь аспиранты Московского историко-архивного института. Всего в работе «Красного архива» на протяжении всей деятельности журнала приняло участие около 380 авторов. Перед редакцией журнала стояла задача — расширять круг сотрудников и авторов, завязывать связи с другими научными учреждениями, шире привлекать молодежь за счет студентов и аспирантов Историко-архивного института. С целью установления связи с названным институтом на кафедре истории СССР для преподавателей и студентов были прочитаны доклады о публикаторских планах «Красного архива». На заседаниях редколлегии неоднократно ставился вопрос о более широком привлечении к редактированию и рецензированию авторитетных работников других научных учреждений. В конце 30-х годов были достигнуты некоторые успехи. Так, если в 1937 г. к редактированию было привлечено 18 человек, то только за пять месяцев 1938 г. — 24 человека¹⁸. Среди них можно назвать Н. К. Крупскую, З. П. Орджоникидзе, Л. З. Мехлиса, Н. И. Подвойского, Б. М. Волина, О. Ю. Шмидта, Е. А. Мороховца, научных работников Академии наук, Генерального штаба, ИМЭЛ и других учреждений. Представители «Красного архива» стали принимать участие в заседаниях Ученого совета Института истории АН СССР.

В конце 30-х — начале 40-х годов XX в. большую помощь в работе оказали А. В. Шестаков, В. И. Пичета, В. И. Лебедев, К. В. Сивков, И. Э. Грабарь, Ф. Ф. Новицкий. По отдельным вопросам редколлегия получала консультации у А. М. Панкратовой, Ц. С. Бобровской-Зеликсон, М. К. Богоявленского, Е. В. Тарле, Р. А. Авербух, А. Л. Попова, А. И. Гуковского, Е. А. Болтина и т. д.¹⁹

Деятельность «Красного архива» была тесно связана с самыми различными архивами. По заранее разработанным планам сотрудниками архивов в хранилищах велись поиски документов. Начиная с 1922 по 1935 г. — за 14 лет существования журнала — наибольшее число публикаций поступило: из фондов Архива революции — 153, из Ленинградского отделения Центрального исторического архива — 132²⁰. Всего в «Красном архиве» с 1922 по

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6887, оп. 2, д. 13, л. 137.

¹⁹ Там же, д. 4, л. 6.

²⁰ Там же, ф. 5325, оп. 3, д. 78, л. 82.

1941 г. опубликованы документальные материалы из 461 фонда 57 архивов²¹. Больше всего публикаций заимствовано из фондов ЦГАОР СССР, ЦГИАМ, ЦГИАЛ.

Удельный вес публикаций документов из местных архивов был невысоким. По мере выявления материалов архивы присылали в редакцию журнала свои заявки. В конце 30-х годов тематика заявок была достаточно разнообразной: «Общественный и культурный быт Симбирска в период пребывания там семьи Ульяновых» (Архив Куйбышевской обл.), «Учащаяся молодежь быв. Владимирской губернии в 1905 г.». (Архив Ивановской обл.), «К истории образования Среднеазиатской республики» (Архив Узб. ССР) и др. На заседаниях редакции «Красного архива» неоднократно стоял вопрос об улучшении связей с союзными и автономными республиками. С этой целью рекомендовалось «практиковать выезд научных сотрудников в архивы на местах»²². В последние годы деятельности журнала его связь с местными архивами осуществлялась и при помощи заявок, которые присылались с мест в ответ на планы, которые рассылала редакция в центральные и местные архивы.

Тематика журнала была разнообразна. Если в первые годы основной упор делался на «разоблачение тайн империалистической политики и дипломатии» (этой теме посвящено около 100 публикаций, многие из них были подготовлены М. Н. Покровским и А. Л. Поповым), то в последующие годы проблематика значительно расширяется. В середине 30-х годов перед журналом были поставлены задачи публиковать «свежие данные по актуальным вопросам истории народов СССР, гражданской войны и интервенции, международным отношениям в эпоху империализма, роли мелкобуржуазных и буржуазных партий в дореволюционное время и в период гражданской войны». Задачи перед журналом были поставлены очень широкие и актуальные. Всего за 1922—1941 гг. журнал дал 866 публикаций. Из этого числа 31 публикацию составляют материалы о деятельности основоположников марксизма-ленинизма и видных представителей коммунистической партии. России в период капитализма посвящено 603 и периоду с 1917 г. — 103 публикации. При этом период с 1917 г. представлен только первыми годами существования Советской власти (кончая иностранной интервенцией и гражданской войной). Восстановительный период, индустриализация и коллективизация не были отражены на его страницах. Главное внимание журнал обращал на публикации материалов по периодам капитализма и империализма.

Почти половина всех публикаций (49%) приходится на тематику по истории классово-войсковой борьбы (57 — по периоду феодализма

²¹ Центральные архивы Москвы и Ленинграда и союзных республик — 14; областных архивов и архивов автономных республик — 27; ведомственных архивов — 12; частных архивов — 3 и один иностранный архив.

²² ЦГАОР СССР, ф. 6887, оп. 2, д. 5, л. 17.

и 307 — капитализма). Затем следует внутренняя политика — 102 публикации (5 — по периоду феодализма и 97 — капитализма), внешняя политика (93 публикации, соответственно — 16 и 77) и деятели науки, культуры и искусства (89 публикаций).

В первую очередь журнал обращался к историко-революционной тематике. История международных отношений преобладала лишь в 20-е годы, когда к ней было в наибольшей мере приковано внимание общественности.

Публикации «Красного архива» во многом дополняли серии документов, издаваемые Центрархивом («Документы по истории литературы и общественности»), например, о Л. Н. Толстом, В. Г. Короленко, Н. А. Некрасове, Ф. М. Достоевском. Иногда ранее неизвестные документы, подготовленные для серийных изданий Центрархива, в целях быстрее введения их в научный оборот помещались на страницах «Красного архива» — среди них указы Е. И. Пугачева, восстание Черниговского полка в показаниях участников и др.

В середине 30-х годов «Красный архив» начал уделять больше внимания публикациям по истории Коммунистической партии, о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина. В 1934 г., когда отмечалось 10-летие со дня смерти В. И. Ленина, был выпущен специальный том²³, в котором напечатаны «Отклики рабочих и крестьян на смерть В. И. Ленина», «Архивные материалы о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина» и др.

За эти годы журнал поместил ценные документы о видных государственных и партийных деятелях (А. И. Ульяновой-Елизаровой, Я. М. Свердлове, В. В. Куйбышеве, М. В. Фрунзе, М. С. Ольминском). Большой интерес представляли материалы о созыве II съезда партии, о деятельности большевистской фракции в IV Государственной думе, об издании большевистских газет «Звезда» и «Правда». В этот же период была опубликована большая часть документов по истории Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции 1918—1920 гг.

Журнал «Красный архив» охватил далеко не все важнейшие темы по истории Родины. Мало было публикаций по экономической истории России. Небольшое количество публикаций по периоду феодализма можно объяснить тем, что при Институте истории АН СССР с 1936 года начинает выходить специальный непериодический сборник «Исторический архив», в котором печатали документальные материалы по истории дореволюционной России²⁴.

Главным недостатком журнала следует признать слабое освещение важнейших событий современности: социалистического

²³ Такими же тематическими сборниками были номера «Красного архива», посвященные 100-летию юбилею восстания декабристов.

²⁴ Выходил до 1955 года. Всего вышло 10 сборников.

строительства, коллективизации, индустриализации, построения фундамента социализма в нашей стране.

Вопрос о расширении публикаций по истории СССР, неоднократно обсуждался редколлегией «Красного архива» в конце 30-х годов. Члены редколлегии понимали, что эта тема должна быть ведущей в журнале. Так, например, на расширенном заседании редколлегии 8 ноября 1939 г., обсуждался тематический план работы журнала. Этот план в количестве 100 экземпляров было решено разослать по архивным и научным учреждениям, которые к 15 ноября должны были прислать свои предложения. С докладом выступил Н. Р. Прокопенко, ответственный секретарь журнала. В перспективный план журнала²⁵ включались следующие темы: 1) «История 20-го века, последнего периода, особенно советского, которая до сих пор недостаточно освещена в нашей литературе, 2) история марксизма, 3) история народов СССР (в этот раздел рекомендовалось включить материалы по истории народов Западной Белоруссии и Западной Украины), 4) героическое прошлое русского народа, 5) история войн справедливых и несправедливых, 6) история партии, 7) тема международные отношения должна быть уточнена в свете современных событий». Хотя тематический план 1939 г. полностью и не был осуществлен, но сам его замысел говорил о многом. В процессе работы определялись вопросы методики публикации документов. В результате появилось значительное количество публикаций высокого качества, подготовленные Максаковым, Сергеевым, Берзиным, Прокопенко.

В 1940 г. вышел сотый номер «Красного архива». Это было важное и знаменательное событие в жизни журнала.

Сотый номер тщательно готовился. На широком заседании редколлегии «Красного архива» 5 апреля 1940 г. А. В. Шестаков предложил подобрать для номера такой конкретный исторический материал, который бы отвечал тематике журнала. Было принято решение поручить написать критические обзоры по отдельным темам А. Л. Попову, М. Ф. Фейгельсон, Н. Ф. Бельчикову²⁶. В августе 1940 г. сотый номер был подписан к печати и вскоре вышел в свет. Открывался он статьей Ем. Ярославского «Очередные задачи «Красного архива». Журнал, по его словам, «оказывает огромнейшую услугу не только научным учреждениям, научным работникам и всем трудящимся СССР», но и «накопил сокровища важнейших исторических документов для трудящегося человечества других стран»²⁷.

Затем шли краткие обзоры опубликованных документов. Авторы обзоров сконцентрировали свое внимание на анализе наиболее важных публикаций. Однако нередко, вместо действительного

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 6887, оп. 2, д. 5, л. 27.

²⁶ Там же, д. 13, л. 69.

²⁷ «Красный архив», 1940, № 3 (100), стр. 5.

анализа, давался простой пересказ содержания архивных материалов. Фейгельсон в обзоре по истории экономики и экономической мысли России справедливо заметила, что «по вопросам экономической мысли и по истории аграрного движения, публикации дают крайне мало документов и носят в известной мере случайный характер»²⁸. Слабо был освещен также вопрос об иностранном капитале в России, формировании пролетариата и т. д.

А. Л. Попов в обзоре публикаций по внешней политике отметил, что «Красный архив» ввел в научный оборот «много нового ценного материала, без обращения к которому не может обойтись ни один исследователь-историк, ни один пропагандист, ни один преподаватель»²⁹. В то же время он останавливается также на ряде публикаций, которые, по его мнению, не представляли интереса для изучения истории международных отношений и внешней политики России.

В обзоре по истории литературы Н. Ф. Бельчиков дал высокую оценку публикациям по истории русской и западноевропейской литературы, а также введенным в научный оборот биографическим материалам.

Как общий недостаток, авторы обзоров, вслед за Ем. Ярославским, отмечали, что в журнале слабо освещены вопросы, связанные с экономикой и культурной жизнью СССР.

Редакция стремилась учитывать критику. В конце 30-х — начале 40-х годов на страницах «Красного архива» все больше места стало уделяться послеоктябрьскому периоду. Уже в юбилейном номере, наряду с материалами о М. В. Ломоносове, И. С. Тургеневе, П. И. Чайковском были представлены материалы о Сельскохозяйственной выставке 1923 г. в Москве, о деятельности М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте. В следующем, 101 номере, были опубликованы документальные материалы о возникновении сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.), о военно-революционных комитетах Эстонского края в 1917—1918 гг. и о ликвидации лево-эсеровского мятежа в Москве в 1918 г.

Ряд подготовленных публикаций не увидел свет. В архиве, как уже говорилось, сохранилась опись неопубликованных материалов³⁰. Например, за 1937 г. в этой описи числится подготовленная М. Сыромятниковым подборка документов «Даты жизни и революционной деятельности М. И. Ульяновой (1878—1917 гг.) (42 стр.), за 1940 г. — публикация и хроника «К 65-летию революционной деятельности М. И. Калинина» (автор не указан); «Письма Н. К. Крупской большевикам Закавказья в 1913—1914 гг.» (23 стр., подбор документов и предисловие Л. А. Ба-

²⁸ «Красный архив», 1940, № 3 (100), стр. 15.

²⁹ Там же, стр. 23.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6887, оп. 1.

баджанова), за 1941 г. «Деятельность Д. Фурманова в Семиречьеве в 1920 г.» (подбор документов и предисловие И. Чумакова, 161 стр.). В перечне материалы о Г. И. Котовском, М. Горьком, «Комсомол в годы гражданской войны в Иваново-Вознесенской губернии» (61 стр., подбор документов и предисловие Курицына). Здесь же можно назвать такие публикации, как: «Первый Всекиргизский (Всеказахский) съезд Советов (подбор документов и предисловие Мюрзе, 77 стр.)», «К образованию Туркменской ССР (подборка документов по материалам гос. архива Туркм. ССР 1924—1926 гг., автор не указан, 67 стр.)», «Культурно-просветительная работа в Красной Армии в 1918—1919 гг.» (автор и объем не указаны), «Статьи из советских газет периода гражданской войны о положении в деникинской армии и документы деникинского осведомительного бюро» (автор не указан, 355 стр.), «Большевистские листовки против религии и церкви, 1903 г.» (подбор документов и предисловие Зайцева, 56 стр.). На указанных выше публикациях и на других, не увидевших свет нет никаких пометок или препроводительных документов, объясняющих, почему они не были опубликованы. На некоторых из них есть пометка «Отложить» (например, на публикации К. Осипова «Новые материалы о Н. Э. Баумане».)

В портфеле редакции конца 30-х — начала 40-х годов мы встречаемся с интересными и актуальными темами — заявками, присланными в редакцию из центральных и местных архивов. Можно назвать, в частности, такие как: «Распространение сочинений В. И. Ленина в дореволюционный период» (ЦГАОР СССР), «Церковь и духовенство в борьбе с Советской властью в годы гражданской войны» (Архив Мурманской области), «Борьба с басмачеством на юге Киргизии в 1918—1922 г.» (Архив Киргизской ССР), «Начальный период советского строительства в Северной Киргизии в 1918—1920 гг.» (тот же архив), «Организация народного образования в период гражданской войны в Туркестанском крае» (Архив Узбек. ССР) и т. д.

С началом Отечественной войны перед исторической наукой были поставлены новые задачи, на первое место были выдвинуты темы героической борьбы русского народа за свою независимость, военного прошлого, исторической роли славянства и т. д. Главной целью было воспитание в советских людях духа патриотизма. Не остался в стороне и «Красный архив». Сохранился план очередного 107-го номера:

1. Приказ Народного комиссара обороны от 1 июня 1942 г. (№ 130);

2. «Партизаны Великой Отечественной войны в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» (вводная статья И. И. Минца);

3. «Документы о партизанской войне против немецких империалистов в 1918 году» (вводная статья П. Б. Жибарева);

4. «Славянские народы в борьбе против австро-германских за-

хватчиков в войне 1914—1918 гг.» (вводная статья А. М. Панкратовой);

5. «Разгром русскими войсками Пруссии в Семилетней войне 1756—1762 гг.» (вводная статья П. Коробкова);

6. «А. В. Суворов в Семилетней войне» (вводная статья Ф. Кузнецова);

7. «Немецкий шпионаж под маркой торгово-промышленной агентуры» (вводная статья Г. Костомарова);

8. Указатель источников и литературы к публикациям в № 1/107³¹.

Обнаружен в архиве план и последующих томов «Красного архива» от февраля 1942³². Среди предполагаемых публикаций были: «Зверства немецких захватчиков» (вводная статья Никитинского), «Красная Армия рождалась в боях с немецкими захватчиками» (вводная статья Ф. С. Юдина), «Взятие русскими войсками Берлина в 1760 г.» (вводная статья П. П. Смирнова), «Великие русские полководцы и герои гражданской войны» (вводная статья П. Б. Жибарева). Особенно тщательно подготавливались публикации биографического материала.

Касаясь вопроса о тематике публикаций журнала, нельзя обойти вопрос о качестве подготовки публикаций, об их археографическом оформлении. Некоторые рецензенты отмечали низкое техническое качество публикаций. Это в значительной степени можно объяснить отсутствием у редколлегии журнала каких-либо определенных правил археографической передачи текста. Археографическое оформление рукописей было самое различное. Одни из них могли служить образцом достижения советской археографии, другие были подготовлены неряшливо, поэтому часто, несмотря на ценность выявленных документов, они не могли быть опубликованными.

На заседаниях редколлегии много говорилось также о качестве вводных статей (предисловий). В одних случаях они были самостоятельными научными исследованиями по теме публикуемых документов, а в других — формальным перечислением фактов из подготовленных документов, без критического осмысления. То же можно сказать и о текстуальных примечаниях. В методах и приемах публикации документов не было единообразия, степень научной обработки зависела от квалификации самих составителей. В связи с этим наряду с точной передачей текста были случаи, когда допускалась замена одних слов другими, а иногда даже редактирование источника. В некоторых случаях документы публиковались сокращенно и это нигде не оговаривалось, имеющиеся на документах пометы и резолюции не воспроизводились. Встречались ошибки и неточности при переводах иностранных текстов.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 6887, оп. 1, д. 84.

³² Там же, д. 13, л. 1.

Заголовки к документам иногда не отражали их содержания. В научно-справочном аппарате опускались иногда сведения о местонахождении документов и о их подлинности. Эти недостатки можно объяснить отсутствием единых правил публикации источников.

В 1935 г. был опубликован проект «Правил издания документов Центрального архивного управления СССР», в которых подчеркивалась необходимость научно-критического подхода к издаваемым документам. Эти правила были большим шагом вперед по сравнению с ранее вышедшими правилами, хотя и они носили общий характер³³.

Несмотря на ряд недочетов в деятельности редакции журнала и на несовершенство некоторых публикаций, журнал «Красный архив» с большим интересом встречался и научной и широкой общественностью.

Как положительное явление следует отметить, что не успев выйти первый номер «Красного архива», как вслед ему в журналах «Вестник труда»³⁴ и «Пролетарская революция»³⁵ появились рецензии Б. П. Козьмина и И. Волковичера. Б. Козьмин отмечал «совершенно исключительный интерес» содержания первого тома «Красного архива», «как по исторической важности, помещенных в нем материалов, так и по их разнообразию»³⁶. В рецензии опубликованной в журнале «Каторга и ссылка» за 1925 г. говорится, что за «Красным архивом» установилась репутация одного из интереснейших наших исторических журналов»³⁷. Вместе с тем уже в те годы авторы отдельных рецензий указывали на недостатки в археографическом оформлении вводимых в научный оборот новых архивных материалов, хотя их научная ценность не подлежала сомнению.

Так, уже в 1923 г. Б. Романов, анализируя содержание первых двух номеров «Красного архива» отмечал, что «вспомогательный аппарат должен стать предметом строгого внимания редакции, поскольку журнал рассчитан не на одних только специалистов... журнал недостаточно принял во внимание интересы среднего читателя... комментарии должны быть более подробными»³⁸. Рецензенты отмечали крайне длинный промежуток времени между выходами его томов³⁹. Это было подмечено в печати еще в 1925 г. Перекликается с вышеуказанной рецензией оценка,

³³ В 1936 г. были изданы «Правила передачи документов XVI—XVII вв.», а в 1939 г.— «Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в.».

³⁴ «Вестник труда», 1922, № 10(25), стр. 144—145.

³⁵ «Пролетарская революция», 1922, т. 9, стр. 280—281.

³⁶ См. «Вестник труда», 1922, № 10(25), стр. 144.

³⁷ «Каторга и ссылка», 1925, № 6 (19), стр. 257.

³⁸ См. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 411—417.

³⁹ См. рецензию М. Клевенского на 5 том «Красного архива» («Печать и революция», 1935, кн. 1, стр. 207).

данная 22 и 23 томам «Красного архива» в местной прессе. Так, в самарской газете «Коммуна» от 15 февраля 1925 г. было сказано: «Не приходится говорить о научных достоинствах журнала. Но все же «Красному архиву» необходимо пожелать большей читаемости со стороны широких кругов рабочего и крестьянского актива. Госиздату следует рекомендовать сделать значительное снижение цены на журнал, что дает возможность распространить его по местным библиотекам и читальням»⁴⁰. Высказывались в рецензиях и пожелания о необходимости составить указатель ко всем ранее вышедшим томам «Красного архива», так как помещенный в № 63 журнала простой перечень названий публикаций «не дает представления о его содержании»⁴¹. Как известно, это пожелание было выполнено лишь только в 1960 г.⁴² Рецензии эти чаще всего были популярного характера, авторы в основном ограничивались пересказом содержания опубликованных материалов с целью их популяризации. В некоторых из них можно найти ценные замечания как по самому содержанию публикаций, так и по их оформлению.

Мы рассмотрели коротко историю и публикаторскую деятельность журнала «Красный архив». Роль журнала в публикации важнейших документов по истории СССР была огромна: он рассказал научной и широкой общественности всего мира историческую правду о развязывании I мировой войны; особенно велика его роль в деле разоблачения внешней политики империалистических держав. Французский историк Ренэ Мартель писал в 1927 г. о публикациях «Красного архива»: «Отныне нельзя будет не считаясь, не прибегая к этим опубликованным Центроархивом документам, изучать историю этой эпохи»⁴³. Трудно указать какую-либо работу на тему, получившую освещение на страницах «Красного архива», в которой не было бы ссылки на его тома.

М. Н. Покровский в речи на съезде архивных деятелей РСФСР в марте 1925 г., говоря о публикациях «Красного архива» отмечал, что «много публикаций этого журнала немедленно... переводятся на целый ряд европейских языков, издаются отдельными книжками. Многие публикации имеют мировое значение, в самом точном смысле этого слова: они становятся известными всему миру, их читают во Франции, Германии, Америке»⁴⁴.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6887, оп. 2, д. 10, л. 15.

⁴¹ *Н. Ростов*. Ценное собрание исторических документов.— «Новый мир», 1941, № 3, стр. 207.

⁴² «Красный архив». Истор. журнал 1922—1941. Аннотированный указатель содержания. Сост. Р. Я. Зверев. Под ред. В. В. Максаква. М., 1960.

⁴³ *Г. А. Дремина, Ю. Ф. Кононов, Л. Н. Кривошеин, О. В. Шабловский*. Международные связи советских историков-архивистов.— «Исторический архив», 1956, т. 4, стр. 243.

⁴⁴ *М. Н. Покровский*. Архивное дело в Рабоче-Крестьянском государстве.— «Архивное дело», 1925, вып. 3—4, стр. 5—6.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИСТОРИКОВ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (середина XIX в. — 1917 г.)

Ю. М. Критский

Основным историографическим источником, без которого немыслима оценка взглядов и деятельности ученых, являются их сочинения — научное наследие историков. Тем не менее, еще в дооктябрьский период в историографической литературе использовались и другие источники, в том числе переписка¹.

С дальнейшим развитием истории исторической науки, с расширением круга историографических источников, с повышением археографического уровня эпистолярных публикаций, обращение историков исторической науки к письмам как историографическому источнику, приобретает систематический характер. В настоящее время невозможно представить обстоятельное историографическое исследование без использования авторами различных видов историографических источников, в том числе и писем². Этому значительно содействовали успехи советских археографов, предпринявших публикацию переписки русских историков³.

¹ См., например, *М. П. Погодин*. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам, ч. I—II. М., 1866; *А. А. Корсунов*. Н. И. Костомаров. — «Русский архив», 1890, № 10, стр. 199—211; *В. П. Безобразов*. С. М. Соловьев. Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1894; *В. В. Тимощук*. Михаил Иванович Семевский. СПб., 1895; *Н. П. Барсуков*. Жизнь и труды М. Н. Погодина. СПб., 1888—1910; «Из переписки Н. А. Полевого». — «Русская старина», 1901, № 5, стр. 397—413; *Б. Б. Глинский*. А. Н. Пыпин. — «Исторический вестник», 1905, № 1, стр. 263—307; *И. И. Артоболевский*. К биографии В. О. Ключевского. — «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 158—173. *Д. А. Корсаков*. Н. И. Костомаров в его отношениях к К. Д. Кавелину. — «Исторический вестник», 1917, №№ 7-8, стр. 157—166.

² Ср., например, использование переписки историков в современной советской историографической литературе: *Л. В. Черепнин*. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968, стр. 100—106, 148 (Н. В. Гоголь — М. А. Максимовичу, Ф. М. Достоевский — Н. Н. Стрехову); *М. В. Нечкина*. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974; *О. Д. Соколов*. М. Н. Покровский и советская историческая наука; М., 1968, стр. 72—73, 191—192, 196, 210, 251—252; *А. Н. Цамутали*. Очерки демократического направления в русской историографии 60-х — 70-х гг. XIX в. Л., 1971, стр. 226, 233, 234. (Переписка Н. Я. Аристов).

³ *М. О. Гершензон*. Письма к брату. М., 1927; «Нечаевец И. Г. Прыжов в его письмах». — «Каторга и ссылка», 1927, № 4, стр. 168—185; *Н. А. Бух-*

В последние годы в ряде работ, посвященных дооктябрьским и советским историкам, анализируется и значение их переписки для истории исторической науки. Переписке как историографическому источнику уделяется значительное внимание в специальных изданиях⁴. К числу особенно ценных исследований о переписке историков как историографическом источнике нам представляется возможным отнести работы С. В. Чиркова. Анализируя переписку А. А. Шахматова с А. Е. Пресняковым, В. Г. Дружининым и другими лицами, Чирков уточнил научные связи Преснякова, оценку его работ другими учеными, дал более полное представление о Преснякове — историке летописания⁵.

Частично рассматривается историографическое значение переписки и в некоторых работах, посвященных характеристике писем как исторического источника, анализу личных архивных фондов и вопросам публикации эпистолярных источников⁶.

Таким образом, изучение переписки историков как источника по истории исторической науки, успешно начато. Однако до настоящего времени нет работы, в которой бы классифицировалась эта переписка по своему значению, содержанию и использованию историографической информации. Во всем своем объеме эта сложная и многогранная задача может быть решена только коллективными усилиями историков, археографов, историков исторической науки, архивных работников.

биндер. М. П. Драгоманов о путях развития России.— «Каторга и ссылка», 1933, кн. 9 (106), стр. 129—132; «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественного движения». Л.— М., 1940; Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. М., 1963; В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968 (далее — В. О. Ключевский. Письма...); Н. Н. Мигрофанов. В. Г. Короленко и В. И. Семевский.— «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 105—109; Л. П. Балашова. Письмо М. Н. Покровского С. П. Мельгунову.— «Советские архивы», 1968, № 3, стр. 53, 54.

⁴ См., например, *Е. И. Каменцева. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин.— «Археографический ежегодник за 1968 г.»*. М., 1969, стр. 281—285; *И. П. Староверова. Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР.— Там же*, стр. 304—311; *С. В. Чирков. Письмо А. Е. Преснякова А. А. Шахматову (к характеристике преподавательской деятельности А. Е. Преснякова).— «Материалы научной студенческой конференции МГИАИ», вып. II. Источниковедение историографии*. М., 1970, стр. 48—54.

⁵ *С. В. Чирков. Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания.— «Археографический ежегодник за 1968 г.»*. М., 1969, стр. 416—432; *он же. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков (по материалам архива А. Е. Преснякова).— «Исторические записки», т. 88*. М., 1971, стр. 384—395.

⁶ *Э. Л. Ефременко. Вопросы комментирования эпистолярных текстов.— «Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии», вып. 3*. М., 1964, стр. 138—244; *Л. Н. Смирнов. Типы и виды изданий эпистолярного наследия.— Там же*; *С. С. Дмитриев. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников.— «Вопросы архивоведения», 1965, № 3, стр. 35—48; Э. В. Колосова. Личные фонды историков и историография.— «Советские архивы», 1971, № 5, стр. 20—27.*

Письма, как исторический источник, большинством современных исследователей выделяются наряду с дневниками и мемуарами в отдельный вид письменных источников: «источники мемуарного и эпистолярного характера»⁷. Обращению исследователя к письмам как историческому или историографическому источнику предшествует общий источниковедческий анализ документа — письма. В процессе внутренней критики источника исследователю нередко приходится характеризовать исторические или социально-политические взгляды участников переписки, то есть обращаться к данным истории исторической науки. Детальная же историографическая характеристика требует сопоставления данных, содержащихся в письме, со всем комплексом известных исторических и историографических сведений об авторе письма, его классовой позиции и социально-политической ориентации, научных и общественных связях. Лишь в этом случае можно рассматривать письмо как историографический источник и использовать содержащуюся в нем историографическую информацию.

В зависимости от тематики и задач работы историка исторической науки интересуют различные по характеру и содержанию сведения, встречающиеся в переписке историков. Переписка ученых вводит исследователя в мир научных и общественных связей. «Письма больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и истинное»⁸.

Как и в научном наследии, в переписке проявляется авторская концепция, борьба мнений, в ней отражается различный подход к освещению исторического процесса. Так, в июне 1862 г. один из основоположников «государственной теории» К. Д. Кавелин в письме к А. И. Герцену писал, что хотя ему «не вполне ясен смысл «петровского переворота», тем не менее, с его Кавелина, точки зрения, созданное Петром через несколько лет «вымирает без всякой новой революции». Это обстоятельство либерал Кавелин особенно подчеркивал и отсюда делал вывод о необходимости «спокойного, без революции» развития России⁹. Герцен в письмах к Кавелину считал взгляды, высказанные им в брошюре «Дворянство и освобождение крестьян» ошибочными и одновременно подчеркивал, что «ту эпоху, в которую мы живем, ошибка — преступление... В 93 году тебе за это отрубили бы голову, и ты и я — мы эти средства ненавидим. Но во время разгрома — я не напел бы это несправедливым... Объяснить

⁷ «Источниковедение истории СССР конца XIX — начала XX вв.». М., 1970, стр. 8; Л. Н. Пушкарев. Классификация источников в советском источниковедении. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 1, стр. 22—31; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973, стр. 281—283.

⁸ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах, т. 8. М., 1956, стр. 280.

⁹ К. Д. Кавелин — А. И. Герцену, 7 июня 1862 г. — «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 78.

нам, изменить наше воззрение ты не можешь». Герцен характеризовал как «страшную нелепость» предложение Кавелина «создать из дворян класс привилегированных землевладельцев»¹⁰. Через два месяца Кавелин послал Герцену письмо, в котором оправдывал репрессии правительства против революционеров¹¹. Это письмо Кавелина В. И. Ленин исключительно метко и образно характеризовал как «образчик профессорско-лакейского глубокомыслия», «иудин поцелуй либерала»¹².

И в своих более поздних письмах, в том числе и в написанных в период второй революционной ситуации, Кавелин постоянно третировал революционеров: «Наши революционеры проваливаются потому, что формулируют свои идеалы по Интернациональному обществу и Бакунину»¹³, «интересны дела по изловлению революционеров»¹⁴ — информирует Кавелин Д. А. Милютину. Правولیберальный подход к освещению проблемы реформы и революции отразился и в других высказываниях Кавелина. Не отрицая, что «нарождается новый порядок дел», он писал: также «готовилось новое перед Петром, перед Иваном III и IV, перед освобождением от монгольского ига»¹⁵, — сравнивая эти эпохи с 80-ми годами XIX в., Кавелин игнорировал различие в классовом содержании «новых порядков» каждого периода.

В письмах к М. М. Стасюлевичу и Д. А. Милютину Кавелин проводил резкое различие между Россией и Западом: «У нас прошедшее совсем не такое, как в Западной Европе... нигде в мире европейском крестьянский элемент не является таким громадным и по своей громадности таким многозначительным и влиятельным»¹⁶, «теперь должно выступить на сцену крестьянство. Это сделается, прежде всего, у нас. В этом смысл всей нашей истории...»¹⁷

И как итог этих наблюдений либерального историка: «ни капитализма, ни буржуазии в России нет»¹⁸. Подобные высказывания Кавелина чрезвычайно импонировали русским либеральным народникам начала XX в., представлявшим Кавелина своим еди-

¹⁰ А. И. Герцен — К. Д. Кавелину, 7 и 15 июня 1862 г. — *А. И. Герцен. Собрание сочинений* в 30 томах, т. XXVII, кн. 1. М., 1963, стр. 227—237.

¹¹ К. Д. Кавелин — А. И. Герцену, 6 августа 1862 г. — «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 80.

¹² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 5, стр. 33; т. 29, стр. 618.

¹³ К. Д. Кавелин — М. М. Стасюлевичу, 27 января 1880 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II. СПб., 1912, стр. 148.

¹⁴ К. Д. Кавелин — Д. А. Милютину, 25 июня 1882 г. — «Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 16.

¹⁵ К. Д. Кавелин — Д. А. Милютину, 13 апреля 1884 г. — Там же, стр. 28.

¹⁶ К. Д. Кавелин — М. М. Стасюлевичу, 27 января 1880 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, стр. 147—148.

¹⁷ К. Д. Кавелин — Д. А. Милютину, 1 октября 1882 г. — «Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 23.

¹⁸ К. Д. Кавелин — Д. А. Милютину, 21 апреля 1884 г. — Там же, стр. 34.

номышленником¹⁹. Между тем, Г. В. Плеханов, подробно проанализировав переписку Кавелина с Стасюлевичем, отметил, что «приверженность к поземельной общине, всегда отличавшая Кавелина, отнюдь не исключала у него и буржуазных симпатий»²⁰.

Кавелин высказывался в своей переписке и о разложении русского дворянства, которое может «разбесить мужиков до последней крайности»²¹ и «продолжает тормозить развитие масс», и которое скоро «погибнет как обры»²², о недееспособности «старой славянофильской партии», которая «окончательно провалилась, потому что формировала свои идеалы по данным Московского государства»²³.

Кавелин отмечал в этом же письме наличие в общественной мысли «новых славянофилов», «новых западников» (к последним он причислял и Стасюлевича), которые в поисках «нового» «отворачиваются от прошедшего»²⁴. Между тем, «новое славянофильство» сформировалось независимо от Кавелина (хотя, по-видимому, не без некоторого влияния его работ) еще к началу 70-х годов XIX в. Одним из его типичных представителей был Н. Н. Страхов, автор книги «Борьба с Западом», ярый противник революционной демократии²⁵.

«Новое славянофильство» не было идейно связано с славянофильством 40—50-х годов XIX в., а в своих нападках на революцию шло намного дальше Кавелина. В письме к Ф. М. Достоевскому, написанном в мае 1871 г., Страхов писал о все растущем влиянии в России революционных учений: «Мы переживаем уродливое развитие... мне иногда кажется, что самые светлые умы подверглись заразе... поправить нас может только борьба с Европой». В конце письма автор спрашивает: «Что вы скажете о французских событиях?» и с сожалением констатирует: «У нас по обычаю явилось много ярых поклонников Коммуны»²⁶.

Однако и в 70-х годах XIX в. в письмах отдельные истори-

¹⁹ См., например: В. А. Мясотин. Из прошлого русского общества. СПб., 1906.

²⁰ Г. В. Плеханов. О книге «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». — Г. В. Плеханов. Сочинения. т. XXIV. М.—Л., 1927, стр. 70.

²¹ К. Д. Кавелин — А. И. Герцену, 6 апреля 1862 г. — «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 46.

²² К. Д. Кавелин — Д. А. Милютину, 1 октября 1882 г. — «Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 23.

²³ К. Д. Кавелин — М. М. Стасюлевичу, 27 января 1880 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, стр. 148.

²⁴ Там же.

²⁵ См. об оценке взглядов Н. Н. Страхова: Н. Г. Сладкевич. Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1963, стр. 15. Точка зрения автора, связывающего «неославянофила» Н. Н. Страхова с А. С. Хомяковым, вызывает возражения.

²⁶ Н. Н. Страхов — Ф. М. Достоевскому, 4 мая 1871 г. — «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественного движения». Л.—М., 1940, стр. 272—273.

ки высказывались и с противоположной точки зрения — о неизбежности для России развития по «западноевропейскому» пути. Так, в письме к А. С. Суворину М. П. Драгоманов отстаивал это положение, критикуя одновременно народнические утопии общинного социализма²⁷. Драгоманов не был последовательным сторонником демократического лагеря, но в упомянутом письме его позиция по отношению к будущему пути развития России во многом совпадает с позицией Н. Г. Чернышевского²⁸.

В своей работе об И. Е. Забелин Н. Л. Рубинштейн отметил, что его книга о Минине и Пожарском «порождена полемикой против Костомарова (1872 г.)»²⁹. Письмо Забелина к М. И. Семевскому позволяет говорить о более раннем сроке обращения историка к работе над книгой: уже в июле 1871 г. он сообщает о намерении «написать некоторым образом параллель «людям смутного времени» Костомарова»³⁰. В данном случае мы встречаемся с упоминанием об оппозиции дворянского историка либерально-буржуазному (хотя в своей критике Н. И. Костомарова, недооценивающего подвиг русского народа в борьбе с интервенцией начала XVII в., прав был Забелин).

Письма позволяют полнее представить отдельные этапы научной и общественной биографии историков. Например, о защите В. И. Семевским магистерской диссертации мы располагаем хотя и многочисленными, но в общем, однородными сведениями³¹. Поэтому представляется ценным высказывание И. М. Гревса в письме к В. И. Семевскому 3 марта 1882 г. В этом письме позиция К. Н. Бестужева-Рюмина и реакционной части профессуры расценивается как «оскорбление в научном и нравственном смысле слова», «попытка нескольких подлых бездарностей вычеркнуть целые десять лет упорного, неутомимого труда и его плодотворные результаты»³². Письма более позднего времени отражают период «ученых мытарств» В. И. Семевского. В частности, представляет интерес письмо А. С. Лебедева с предложением В. И. Семевскому занять кафедру русской истории в Харьков-

²⁷ М. П. Драгоманов — А. С. Суворину, конец 70-х годов XIX в. — «Каторга и ссылка», 1933, кн. 9 (106), стр. 129—132.

²⁸ См. о взглядах Н. Г. Чернышевского на проблемы будущего пути развития России см.: В. Е. Иллерицкий. История России в освещении революционных демократов. М., 1963.

²⁹ Н. Л. Рубинштейн. И. Е. Забелин. Исторические воззрения и научная деятельность. — «История СССР», 1965, № 1, стр. 71.

³⁰ И. Е. Забелин — М. И. Семевскому, 15 июня 1871 г. — В. В. Тимошук. Михаил Иванович Семевский. СПб., 1895, приложение, стр. 9.

³¹ В. И. Семевский. Автобиографические наброски. «Голос минувшего», 1917, № 9-10, стр. 15—18; С. Я. Штрайх. В. И. Семевский и русская официальная наука. — «День», 22 сентября 1916 г., стр. 2—3; С. Г. Святиков. Опальная профессура 80-х годов. — «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 48—53.

³² И. И. Гревс — В. И. Семевскому, 3 марта 1882 г. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 230, лл. 2—4.

ском университете, в котором немало «желающих видеть Вас преподавателем»³³. Н. И. Стороженко накануне докторского диспута писал В. И. Семевскому, что факультет «может не на шутку испугаться... демонстрации среди студентов»³⁴. Неизвестно, в какой степени «опасался демонстрации» декан факультета и автор отзыва на диссертацию — В. О. Ключевский, но к рецензированию диссертации он действительно подошел с «опасением». Письма В. И. Семевского к В. О. Ключевскому и пометки Ключевского на полях и чистых листах писем позволяют проследить подробно историю отзыва. Ряд положений в тезисах диссертации Ключевский счел «недопустимыми в цензурном отношении»³⁵. Показательно, что последовавшая «цензурная история» с докторской диссертацией В. И. Семевского подтвердила опасения Ключевского³⁶.

Биографы историка, безусловно, заинтересуют сведения о неизвестных, незавершенных, неопубликованных или считающихся утраченными, научных работах ученых. В зависимости от того, на какой стадии находилась работа над статьей (монографией, очерком) сведения о ней могут быть сосредоточены в письмах к различным группам корреспондентов. Если работа была завершена и сдана в редакцию, то последующая переписка о ней велась с редактором, издателем, сотрудниками редакции.

В изданных еще в 10-х годах XX в., но до настоящего времени недостаточно используемых историками сборниках писем и материалов М. М. Стасюлевича содержится ряд писем, авторы которых — русские историки, — сообщают о завершении или направлении в «Вестник Европы» своих работ; некоторые из них не были приняты редактором к печати и их дальнейшую судьбу не всегда возможно установить (среди них — статьи М. П. Погодина, И. Е. Забелина, М. И. Семевского, Г. З. Елисеева, И. Г. Прыжова³⁷). Неизвестно, и какую именно из своих драм предполагал издать в «Вестнике Европы» Д. Л. Мордовцев³⁸. В 1867 г. в «Вестнике Европы» поместил несколько небольших статей П. Л. Лавров (в то время находившийся в ссылке в г. Тотье). Однако не были

³³ А. С. Лебедев — В. И. Семевскому, начало 80-х годов XIX в. — Там же, д. 407, л. 6.

³⁴ Н. И. Стороженко — В. И. Семевскому, февраль 1888 г. — «Голос минувшего», 1916, № 10, стр. XXXIV.

³⁵ См. В. И. Семевский — В. О. Ключевскому, 3 января и 1 февраля 1889 г. — ГБЛ, ф. 134, п. 4, д. 3, лл. 1—3. Ср. замечания В. О. Ключевского на полях и чистых листах писем. В архиве В. И. Семевского писем В. О. Ключевского не сохранилось, так как замечания были переданы через С. А. Щепотьева.

³⁶ См. Ю. М. Крицкий. В. И. Семевский и цензура. — «История СССР», 1970, № 3, стр. 203—206.

³⁷ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, стр. 115, 277, 286—287, 456—458; т. V. СПб., 1914, стр. 89.

³⁸ Д. Л. Мордовцев — М. М. Стасюлевичу, 26 апреля 1868 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, стр. 18.

опубликованы предложенные им тогда же статья «Дидро и Лессинг» и «Заметка о крупном промахе «Дела»»³⁹.

Как правило, из переписки можно получить сведения лишь о самом факте завершения работы и ее представления в редакцию. Содержание работы, причины, по которым она не была принята к печати, ее дальнейшая судьба не всегда раскрываются в письмах. Во многих письмах даже не упоминается название статьи (например, в письме Г. З. Елисеева Стасюлевичу). Однако судьбу отдельных работ можно проследить, сопоставляя данные переписки с другими материалами, хранящимися в архивах историков. Примером может служить статья В. И. Семевского «Два течения в новой русской истории», которую он безуспешно пытался напечатать в журналах «Русская мысль» и «Вестник Европы». На основании выдержек из письма В. И. Семевского к И. М. Красноперову П. Парадизов предполагал, что эта статья была написана «в целях критики господствующих течений в русской истории, с одной стороны, и выяснения своей историографической генеалогии, с другой»⁴⁰. С этой точкой зрения можно согласиться. Нам неизвестны другие неопубликованные сочинения В. И. Семевского, над которыми историк работал в первой половине 90-х годов XIX в. Сам Парадизов считал эту статью В. И. Семевского утраченной, но она была обнаружена в архиве С. И. Волковым⁴¹. Сопоставление текста этой работы с опубликованной в «Историческом обозрении» статьей «Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века»⁴² позволяет заключить, что вторая статья — измененный по цензурным условиям вариант первой⁴³. По-видимому, именно из цензурных соображений М. М. Стасюлевич не принял «Два течения» в «Вестник Европы» (хотя в журнале были напечатаны другие работы В. И. Семевского).

Круг писем как историографических источников значительно расширяется, когда исследователя интересуют не только сданные в печать, но и незаконченные работы, черновики, неосуществленные замыслы. О них историки сообщали не только редакторам, но и другим ученым, общественным деятелям, близким знакомым.

В письме А. Корсунову Н. И. Костомаров писал, что во время его ареста в Киеве полицией была изъята написанная им исто-

³⁹ П. Л. Лавров — М. М. Стасюлевичу, 23 марта — 19 июля 1867 г. — Там же, стр. 293—296.

⁴⁰ П. Парадизов. Очерки по историографии декабристов. Л.— М., 1928, стр. 185.

⁴¹ С. И. Волков. Фонд В. И. Семевского. — «Археографический ежегодник за 1958 г.», М., 1960, стр. 256.

⁴² «Историческое обозрение», т. IX. СПб., 1897, стр. 244—290.

⁴³ Ср., например, обороты в статье «Два течения»: «14 декабря (1825 г.— Ю. К.) либеральные и революционные стремления русского общества потерпели крушение» (ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, д. 57, л. 149); в «Историческом обозрении»: «14 декабря либеральные мечтания русского общества потерпели крушение» (т. IX, стр. 281).

рическая драма «Косинский»⁴⁴. Из письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу видно, что какая-то статья, предназначенная для журнала «Сельское благоустройство», не попала в него. Этой статье М. П. Погодин придавал исключительное значение и настаивал на ознакомлении с ней, кроме Максимовича, московских славянофилов («Ты, Кошелев, Хомяков, Самарин, Аксаков»)⁴⁵.

О работе В. О. Ключевского над материалами по истории Финляндии узнаем из письма историка к В. К. Плеве, по поручению которого эта работа велась⁴⁶. О другой, оставшейся незавершенной работе Ключевского — статье «Отмена крепостного права в России», — историк переписывался с С. П. Мельгуновым и А. Ф. Кони⁴⁷.

Из переписки В. И. Семевского с Мельгуновым видно, что им была задумана статья об И. И. Горбачевском⁴⁸. Специалистам-историкам русского крестьянства знакомо издание «История уделов за сто лет их существования» (СПб., 1899). Однако немногим известно, что в этом издании предполагалась к печати (как отдельная глава) большая работа В. И. Семевского: «Освобождение и поземельное устройство крестьян государственных, дворянских и удельных», хранящаяся в фонде историка в ЦГАОР СССР⁴⁹. Об отказе участвовать в издании В. И. Семевский сообщил в письме Л. Д. Вяземскому⁵⁰. Сопоставление этого письма с другим документом — выступлением В. И. Семевского на заседании Суда чести при Союзе взаимопомощи русских писателей — позволяет более полно представить мотивы отказа. В. И. Семевский считал, что В. П. Воронцов, редактировавший издание вместе с Л. Д. Вяземским, «принял на себя исторический труд, к которому, как и к архивным изысканиям, не был подготовлен»⁵¹.

⁴⁴ Н. И. Костомаров — А. Корсунову, 10 ноября 1880 г. — «Русский архив», 1890, № 10, стр. 218.

⁴⁵ М. П. Погодин — М. А. Максимовичу, 1858 г. — «Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу». СПб., 1882, стр. 72. Опубликованный письма С. И. Пономарев на основании найденного в бумагах Максимовича письма М. П. Погодина В. Ф. Коршу предполагал, что эта статья («Прошедший год в русской истории») предназначалась для альманаха «Утро», но попала в журнал «Парус» (Ср. там же, стр. 73).

⁴⁶ В. О. Ключевский — В. К. Плеве, 17 июня 1902 г. — В. О. Ключевский. Письма..., стр. 194.

⁴⁷ В. О. Ключевский — А. Ф. Кони, 25 декабря 1909 г.; В. О. Ключевский — С. П. Мельгунову, 12 февраля 1910 г. — Там же, стр. 213—214. Материалы, о которых говорится в переписке, и сама статья были опубликованы лишь в 1958—1962 гг. (См. В. О. Ключевский. Сочинения в 8 томах, т. 5. М., 1958, стр. 371—394; А. А. Зимин. Пушкину — тридцать пять лет. — «Неделя», 1962, № 40, 30 сентября — 6 октября, стр. 15).

⁴⁸ В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 28 августа 1916 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. V, л. 237. Черновика или рукописи статьи в архивах В. И. Семевского нет.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, д. 53, лл. 1—254.

⁵⁰ В. И. Семевский — Л. Д. Вяземскому, 21 декабря 1897 г. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 5, л. 3.

⁵¹ Заседание Суда чести при Союзе взаимопомощи русских писателей,

Письма — один из наиболее «капризных» источников, нередко обманывающих ожидания исследователя. Естественно, что историка исторической науки, обращающегося к переписке В. И. Семевского, интересует судьба третьего тома «Крестьяне в России» (оставшегося в виде черновых материалов, но упомянутого в научном завещании В. И. Семевского, как «чрезвычайно важная работа») ⁵². Между тем, в переписке об этих материалах не говорится ⁵³. Не упоминается в переписке В. И. Семевского и о другой его незавершенной работе — второй части монографии о петрашевцах. На дальнейшую судьбу этой работы частично проливают свет косвенные сведения, содержащиеся в переписке Е. Н. Водозовой-Семевской с С. П. Мельгуновым, Ф. И. Витязевым, М. И. Кудрявцевым. Эти письма позволяют заключить, что рукопись и часть корректуры, взятые Витязевым для издательства «Задруга», не были возвращены редактору — В. В. Водозову, несмотря на настоятельные просьбы Водозовой-Семевской ⁵⁴.

Большую ценность для историка исторической науки представляют письма, позволяющие проследить поиски историками исторических источников, их обработку, формирование источниковедческой базы исследования. Нередко такие письма являются ценным источником по истории русской археографии. Так, переписка И. Д. Беляева с А. Н. Поповым, А. Ф. Бычковым и другими учеными содержит сведения о разработке правил публикации древних рукописей ⁵⁵.

В XIX—начале XX вв. одним из основных мест средоточения древних рукописей были монастырские библиотеки и книгохранилища духовных академий. В связи с этим представляет известный интерес переписка русских историков и филологов с церковными деятелями, в которой содержатся отдельные сведения историографического характера. Из писем И. И. Срезневского архимандриту Леониду (Л. Кавелину) видно, что в распоряжении Срезневского имелась подлинная рукопись Иверской грамоты 980 ⁵⁶. В письме к ректору Московской духовной академии —

по делу В. И. Семевского, В. П. Воронцова, В. А. Мякотина, 19 мая 1898 г.— Архив АН СССР, ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»), оп. 1, д. 16, лл. 3, 3 об.

⁵² Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 6, л. 6 об.

⁵³ Лишь Д. Мэвор в письме к В. И. Семевскому интересуется сроком выхода в свет третьего тома книги, о чем подробнее мы остановимся ниже.

⁵⁴ Е. Н. Водозова-Семевская — М. И. Кудрявцеву, 31 августа 1922 г.; Ф. И. Витязеву, 26 сентября 1922 г.; С. П. Мельгунову, 27 сентября 1922 г.— ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1196, лл. 9, об. 10; д. 1197, л. 1; ф. 106, оп. 1, д. 26, л. 3.

⁵⁵ «Переписка И. Д. Беляева с учеными и литераторами (1847—1863 гг.)». М., 1882, стр. 17—64.

⁵⁶ И. И. Срезневский — архимандриту Леониду, 1869—1879 гг.— ЗРАО, т. I, новая серия, 1886, стр. 196—206.

А. В. Горскому, Срезневский интересовался, справедливо ли известие, что «в Синодальной библиотеке найдены очень древние рукописи, древнее Остромирова евангелия?»⁵⁷.

Письма Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова другому ректору академии — С. К. Смирнову, а также письма К. И. Невоструева Д. В. Хитрову (Дионисию) помогают в уточнении обстоятельств подготовки к изданию и истории распространения ряда «раскольничьих» рукописей, в том числе «Жития протопопа Аввакума»⁵⁸. Поиски и изучение «раскольничьих» сочинений «мирскими» историками нередко наталкивались на сопротивление местных и высших церковных органов; в этих случаях приходилось заручаться официальными ходатайствами Академии наук. Обращаясь с просьбой к академику А. А. Шахматову, В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Упомяните, пожалуйста, в бумаге, чтобы меня допустили не только до современных, но и до старых книгохранилищ — дела скопчества Селиванова...»⁵⁹.

В некоторых случаях Академия наук помогала историкам и в доступе к материалам по истории революционного движения в России⁶⁰. Однако в условиях ограниченного в то время доступа в архивы это содействие не могло быть значительным. Помощь историкам оказывали библиотекари и археографы, ссыльные революционеры и сельские учителя и другие представители прогрессивной русской интеллигенции. Часто об этом упоминается скупыми, но проникновенными словами авторской благодарности в монографии (статье). Переписка же позволяет установить более точно масштабы и характер помощи. Письма декабристов С. Г. Волконского, Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого, копию рукописи В. И. Штейнгеля «Иркутская губерния до Сперанского» В. И. Семевский получил от Н. С. Гуляева⁶¹. В собрании иконографического материала о петрашевцах историку помогали родственники Д. Д. Ахшарумова, И. М. Дебу, Н. А. Спешнева, А. М. Голвинского⁶².

⁵⁷ И. И. Срезневский — А. В. Горскому, 15 апреля 1893 г. — «У Троицы в Академии». М., 1914, стр. 387.

⁵⁸ Ф. И. Буслаев — С. К. Смирнову, 11 февраля 1859 г.; Н. С. Тихонравов — С. К. Смирнову, 1859 г. — «У Троицы в Академии», стр. 601—604; К. И. Невоструев — Дионисию, 1 декабря 1859 г. — «Русский вестник», 1903, июль, стр. 73.

⁵⁹ В. Д. Бонч-Бруевич — А. А. Шахматову, 1 марта 1913 г. — В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. I. М., 1959, стр. 349.

⁶⁰ См., например, С. Ф. Ольденбург — В. И. Семевскому, декабрь 1912 г. — Архив АН СССР, ф. 208, оп. 2, д. 24, л. 1; В. И. Семевский — С. Ф. Ольденбургу, 25 апреля 1913 г. — Там же, д. 283, л. 1 (о документах М. В. Буташевича-Петрашевского, полученных через иркутского губернатора).

⁶¹ Н. С. Гуляев (Барнаул) — В. И. Семевскому. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 238, л. 1.

⁶² В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 7 декабря 1915 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. IV, л. 339 об.; К. Н. Спешнева — В. И. Семевскому, 22 ноября 1907 г. — ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, д. 163, л.

Представляют известный интерес и другие сведения о сборе, коллекционировании или подготовке к публикации различного иконографического материала. Так, из переписки М. И. Топильского с А. М. Кубаревым узнаем о предоставлении последнему фотографий с портретов государственных и общественных деятелей (в том числе с редких произведений: портретов Петра II, А. П. Сумарокова), с указанием местонахождения и владельца оригинала⁶³.

Обращение к архивному материалу нередко заставляло историка пересматривать свое отношение к характеру и значению исторических источников. Переписка отражает и эту сторону взглядов историков. Ознакомившись с материалами архивов по истории Украины, Н. И. Костомаров писал А. М. Лазаревскому, что он видит «недостаточность официальных источников там, где нужно знать не факты и явления, но причины их»⁶⁴, и настоятельно советовал Д. Л. Мордовцеву обратить внимание на архив — «неоцененную хранильницу памятников прошедшей жизни»⁶⁵.

Исследователю приходится встречаться с различного рода корреспонденцией, в том числе с открытками, телеграммами, приглашительными записками, визитными карточками. Среди них очень многие не представляют научного интереса и не содержат непосредственно историографической информации. Большинство писем этой группы относится к интимной переписке. Однако это не значит, что в интимной переписке не может быть историографической информации; напротив, в некоторых случаях она выделяется легче, чем в других письмах (учитывая откровенность этого рода переписки). Подход исследователя к интимной переписке различен в зависимости от ее содержания. При этом нам представляется, что не следует вовсе игнорировать и «мелкие» документы.

Еще Г. В. Плеханов предлагал относиться к анализу подобной корреспонденции с известной осторожностью. Отмечая, что многие из «пригласительных» документов в переписке М. М. Стасюлевича подобраны так, что «их историческая ценность очень близка к нулю», Плеханов в то же время возражал против огульного отрицания необходимости публикации «мелкой» корреспонденции: «Я не требую, чтобы подобные документы совершенно устранились: они тоже кое-что характеризуют... М. М. Стасю-

1; М. Головинский — В. И. Семевскому. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 220, л. 1.

⁶³ М. И. Топильский — А. М. Кубареву, 3 и 16 марта 1872 г. — «Русский архив», 1889, № 1, стр. 169—172.

⁶⁴ Н. И. Костомаров — А. М. Лазаревскому, 23 сентября 1877 г. — «Киевская старина», 1894, № 9, стр. 478—479.

⁶⁵ Н. И. Костомаров — Д. Л. Мордовцеву, 7 октября 1897 г. — «Русская старина», 1885, № 12, стр. 647.

левяч имел, как видно, немало связей в мире, близких к «пра-
вляющим сферам». Психология этого мира, как она отражается
в переписке, заслуживает внимания...»⁶⁶. Таким образом, Плева-
нов считал возможным использование «мелкой» корреспонденции
как источника по изучению общественных связей автора и его
корреспондентов. В числе «мелкой» корреспонденции в рецензи-
ровавшемся Плевановым первом томе переписки были помещены
записки М. И. и С. А. Драгомировых, Ф. И. Буслаева, И. Д. Де-
лянова, М. И. Сухомлинова к М. М. Стасюлевичу⁶⁷.

Телеграмма В. О. Ключевского и группы лиц А. П. Чехову
(в бенефис Ф. И. Шалапина) не добавляет ничего к представ-
лению об исторических взглядах Ключевского, но позволяет рас-
ширить круг его общественных связей⁶⁸. Неполной будет науч-
ная биография Ключевского, если не учитывать его записок
к Н. П. Боголепову, А. Н. Фирсову, В. П. Николаевой, Н. Ф. Дуб-
ровину⁶⁹.

Не содержат историографической информации записки к
В. И. Семевскому И. П. Павлова (с просьбой прислать сборник
программ для самообразования) и Н. И. Шатилова (приглашение
на открытие выставки петроградских художников)⁷⁰. Но сам
факт обращения этих лиц именно к В. И. Семевскому важен для
уточнения биографии историка.

Среди «мелкой» корреспонденции В. И. Семевского находятся:
приглашение Самарской губернской управы прочесть цикл лекций
по русской истории на губернских педагогических курсах, пе-
реписка с А. И. Иванчиным-Писаревым о переиздании очерков из
книги «На славном посту», записки к В. П. Краинфельду,
П. В. Быкову, П. А. Брюллову по второстепенным вопросам ре-
дактирования и публикации работ⁷¹. Безусловный интерес пред-

⁶⁶ Г. В. Плеванов. О книге «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». — Г. В. Плеванов. Сочинения, т. XXIV. М.—Л., 1924, стр. 65.

⁶⁷ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I, стр. 348, 351, 442—447.

⁶⁸ Группа лиц — А. П. Чехову, 4 декабря 1902 г. — В. О. Ключевский. Письма..., стр. 195.

⁶⁹ В. О. Ключевский — Н. П. Боголепову, 1 октября 1889 г.; А. Н. Пыпину, 15 января 1897 г.; Н. Н. Фирсову, 9 марта 1897 г.; В. П. Николаевой, 19 октября 1897 г.; Н. Ф. Дубровину, 16 октября 1902 г. — Там же, стр. 182—184, 195.

⁷⁰ И. Н. Павлов — В. И. Семевскому, 6/д. — ОПИ ГИМ, ф. 154, оп. 1, д. 6, л. 78 (В сборнике «Переписка И. Н. Павлова» (Л., 1970), эта записка отсутствует); Н. И. Шатилов — В. И. Семевскому, 1915. — Там же, д. 7, л. 60.

⁷¹ Приглашение Самарской губернской управы, 31 марта 1903 г. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 2, д. 24, л. 2; В. И. Семевский — И. И. Иванчину-Писареву, 1900—1901 гг. — ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, д. 413, лл. 1—5; П. В. Быкову, 1892 г. — Там же, ф. 273, оп. 1, д. 537, л. 1; П. А. Брюллову, 12 мая 1885 г. — Там же, ф. 119, оп. 3, д. 90, л. 1.

ставляют (опять-таки «мелкие») рекомендательные письма В. И. Семевского революционерам и научной молодежи⁷².

Нам представляются исключительно важными сведения, содержащиеся в переписке малоизвестных или «забытых» историков. К их числу, на наш взгляд, следует причислить и С. Г. Сватикова, о котором мы знаем очень мало. Сохранились его письма к В. И. Семевскому со сведениями о поездке Сватикова в Италию и его лекциях там по русскому искусству, о творческих планах, о работе в архивах Гейдельберга⁷³.

Советские археографы считают, что «в углубленном изучении биографии важнейшее место принадлежит письмам, как форме самовыражения, самораскрытия, как специфической автобиографии»⁷⁴. Такая оценка эпистолярных источников в применении к переписке историков позволяет поставить вопрос об отражении в переписке личных качеств историка-ученого и человека. Здесь во многом помогает наблюдение над языком и стилем писем историков, над самим отношением ученого к переписке.

Если сопоставить лексику научных работ М. П. Погодина с языком его переписки, заметна существенная разница. Хотя «Древняя Российская история» Погодина и написана тяжеловесно и сухо, но в ней все же сравнительно редко встречаются такие грубые обороты, которыми изобилует полемика Погодина с Н. И. Костомаровым. Но зато в письмах Погодина к М. А. Максиминовичу неоднократно встречаем выражения вроде: «Махни стайку о казаках», «Вот, брат, нам и пряжки», «Нехай тоби», «Спроси у гуся, не зябнут ли у него ноги?»⁷⁵. В письмах к М. М. Стасюлевичу Погодин более сдержан, но даже и у него спрашивает: «Не свихнулись ли вы в некоторых вопросах?» Публикуя это письмо, М. К. Лемке оговорил в примечании: «Грубость, обычная в устах донельзя неотесанного Погодина»⁷⁶. С этим

⁷² См., например, письма: В. И. Семевский — Г. Н. Потанину (с рекомендацией В. С. Панкратова-Шлиссельбургца), 26 апреля 1914 г.— ЦГАЛИ СССР, ф. 381, оп. 1, д. 151, л. 3; В. И. Семевский — С. П. Мельгунову (рекомендация рецензента П. Зайцева), 14 октября 1915 г.— Там же, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. IV, л. 222.

⁷³ С. Г. Сватиков — В. И. Семевскому, 15 октября 1910 г.— 20 февраля 1914 г.— ОПИ ГИМ, ф. 154, оп. 1, д. 7, лл. 2—5.

⁷⁴ Л. Н. Смирнова. Типы и виды издания эпистолярного наследия.— «Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии», вып. 3. М., 1964, стр. 185. О задачах изучения биографий (в том числе и биографий историков) см.: Е. А. Дудинская. Плодотворная встреча советских и итальянских историков.— «История СССР», 1965, № 1, стр. 211—213; С. С. Дмитриев. Личные архивные фонды. Виды и значение их как исторических источников.— «Вопросы архивоведения», 1965, № 3, стр. 44.

⁷⁵ М. П. Погодин — М. А. Максиминовичу, март 1841 г., 6 апреля 1841 г., 30 октября 1842 г., 15 ноября 1847 г.— «Письма М. П. Погодина М. А. Максиминовичу». СПб., 1882, стр. 29, 32, 43.

⁷⁶ М. П. Погодин — М. М. Стасюлевичу, 3 января 1872 г.— «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II. СПб., 1912 г., стр. 115.

нельзя не согласиться, но особенности языка писем Погодина объясняются не только этим. По складу своего характера Погодин не склонен был придавать существенное значение слогу переписки, особенно к старому знакомому — М. А. Максимовичу.

Совершенно иначе относился к личной переписке В. О. Ключевский. Его письма к А. М. и Н. М. Бородиным, П. П. Гвоздеву, Е. Ф. и П. И. Европейцевым пестрят многочисленными исправлениями. По справедливому замечанию редакции сборника писем, дневников и афоризмов Ключевского, историк «жил в общем замкнуто и довольно одиноко»⁷⁷. Возможно, именно поэтому он доверял небольшому кругу родственников и близких знакомых свои сокровенные мысли, высказывался по таким вопросам, о которых избегал писать другим. Письма Ключевского 60-х годов XIX в. отражают его размышления под различными проявлениями «скуки» и «грусти», как субъективных переживаний («моя прозаическая скука перешла в аллегорическую грусть») и как элементов общественного настроения («Онегин, Алеко, Печорин, Демон... какая пропасть скачущих героев!»)⁷⁸. Через полтора-два десятилетия эти размышления Ключевского-студента, впервые высказанные им в переписке, конкретизируются, получают историческое обоснование, и в таком виде составят стройную (хотя и несколько схематичную) «генеалогию общественного настроения» в таких статьях как «Евгений Онегин и его предки» и «Грусть»⁷⁹. «Как будто немного весело и немного печально: это значит, что... грустно». Нам представляется, что это высказывание Ключевского, относящееся к 1891 г. (статья «Грусть») ⁸⁰ как нельзя лучше передает и психологическое состояние Ключевского-студента, автора писем к А. М. Бородине и П. П. Гвоздеву. Поэтому упомянутые письма могут рассматриваться как источник по изучению не только формирования исторических взглядов⁸¹, но и складывания личности В. О. Ключевского — человека и ученого.

Язык и стиль писем выражает, независимо от автора, его классовое лицо. В этом отношении особенно показательна «маниловская» терминология некоторых русских либеральных истори-

⁷⁷ В. О. Ключевский. Письма..., стр. 7.

⁷⁸ В. О. Ключевский — А. М. Бородине, 29 июня — 13 июля 1864 г. — В. О. Ключевский. Письма..., стр. 108, 111.

⁷⁹ В. О. Ключевский. Собрание сочинений в 8 томах, т. 7. М., 1959, стр. 403—422; т. 8. М., 1959, стр. 113—132.

⁸⁰ Там же, т. 8, стр. 131.

⁸¹ Формированию исторических взглядов Ключевского в 60-х годах XIX в. посвящены работы А. А. Зимина и М. В. Нечкиной, ими используются и письма рассматриваемого периода (См.: А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. — «Исторические записки», кн. 69. М., 1961, стр. 178—196; М. В. Нечкина. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974; О письмах Ключевского к А. М. Бородине см. подробнее: Р. А. Киреева. За строчками примечаний. — «Вопросы истории», 1970, № 1.

ков. Например, для К. Д. Кавелина В. А. Гольцев — «искреннейше уважаемый», его письмо — «Ваше дорогое письмецо»⁸². Среди известных нам писем либеральных историков своеобразный рекорд «стилистической маниловщины» принадлежит Н. П. Барсукову. В оценках им современников постоянно преобладает превосходная степень («добросовестнейший», «ученейший», «благороднейший») ⁸³. Упоминается в письме и о своеобразном «майском дне, именинах сердца», когда Н. П. Барсукова «осчастливил» своим посещением М. П. Погодин («наши кельи озарились посещением», «драгоценные полчаса») ⁸⁴. Отсюда уже недалеко и до прямого заискивания перед корреспондентом: «Помню, в 60, 61, 62 гг. почти на всех улицах и перекрестках Петербурга были выставлены портреты Костомарова, Шевченки и Кулиша. Спрашиваешь, бывало: Нет ли портрета Максимовича?, а тебе суют или Костомарова, или Шевченку, или Кулиша» ⁸⁵. Как видно из этого письма, либерал Барсуков допускает и отступления от «маниловщины» в сторону М. А. Максимовича — более близкого по взглядам к автору письма, чем Н. И. Костомаров (не говоря уже о Т. Г. Шевченко, поэте-демократе).

Г. Е. Благосветлов в письмах к М. И. Семевскому — талантливый, острый полемист, такой же, как в своих сочинениях, но есть в языке его переписки заметная нарочитая грубость. Так, об иностранных завоевателях в Москве сказано, что они «ее колодили в ус и в рыло», а социальные пережитки «колодили по пяткам русского человека в его же столице» ⁸⁶. Думается, что подобные обороты отражают недостаточное внимание Г. Е. Благосветлова к народной речи, поверхностное представление о том, как «писать для народа».

Значительную эволюцию прошла лексика писем Н. И. Костомарова. Она отражает отход историка от демократического лагеря. Уже в 1860—1862 гг. в переписке с М. П. Погодиным Костомаров, отрицательно отзываясь о Н. Г. Чернышевском, употребляет по его адресу типичный для либералов оборот: «безбожнейшим образом отделал» (М. П. Погодина) ⁸⁷. Впоследствии лексика писем Н. И. Костомарова постепенно становится, в общем, сдержанно-уважительной, без таких ярких признаков «маниловщины»

⁸² К. Д. Кавелин — В. А. Гольцеву, 23 июля 1884 г. — «Русская мысль», 1885, № 5, отдел 2, стр. 156.

⁸³ Н. П. Барсуков — М. А. Максимовичу, 30 июня 1870 г. — «Русский архив», 1903, № 5, стр. 106.

⁸⁴ Н. П. Барсуков — М. А. Максимовичу, 24 января 1872 г. — Там же, стр. 113.

⁸⁵ Н. П. Барсуков — М. А. Максимовичу, 23 июня 1870 г. — Там же, стр. 106.

⁸⁶ Г. Е. Благосветлов — М. И. Семевскому; 28 октября 1855 г. — В. В. Тумощук. Михаил Иванович Семевский. СПб., 1895, приложение, стр. 13.

⁸⁷ Н. И. Костомаров — М. П. Погодину, 21 июня 1860 г. — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. Н. Погодина, кн. XVII. СПб., 1903, стр. 320. Ср. В. О. Ключевский — П. П. Гвоздеву, 21 апреля 1862 г. — В. О. Ключевский. Письма..., стр. 94.

как у К. Д. Кавелина или Н. П. Барсукова, без заметного предпочтения к тому или иному корреспонденту, имеет известную общность с установившейся либеральной фразеологией (например, о Н. И. Гулаке: «Очень образованный и необыкновенно симпатичный») ⁸⁸. И лишь в двух случаях изложение оживляется: в высказываниях об охранительной историографии (например, о М. И. Богдановиче) и в воспоминаниях о Т. Г. Шевченко. В первом случае общий тон высказываний резкий и непримиримый ⁸⁹, во втором — либерально-сочувственный. Костомаров как бы пытается представить себя близким к Т. Г. Шевченко, но здесь же оговаривается: «Со мной он гораздо менее был дружен и откровенен, чем с любыми иными» ⁹⁰. Историк напоминает (и неоднократно) о незавершенных творческих замыслах поэта («Несчастный», «Черница Марьяна») и одновременно представляет его слабым и безвольным ⁹¹.

Язык и стиль писем В. И. Семевского строг, несколько суховат, но всегда точен. Ни в одном среди известных нам писем народного историка не встречается ярко выраженной грубости по адресу корреспондента, даже если В. И. Семевский и не согласен с ним (например, с С. П. Мельгуновым). Самое большее, что в этом случае допускает В. И. Семевский, это известная градация в обращении («Милостивый государь», вместо «Дорогой Сергей Петрович»), несколько более сухой или, напротив, более «обостренный» тон самого письма. В. И. Семевский чрезвычайно редко допускал грубые обороты и в высказываниях о других лицах и их работах. Историк пишет, например, о «лживых гадостях Боборыкина», употребляет по отношению к неудачной, с его точки зрения, статье, выражение «пустячок» ⁹², но гораздо чаще встречаем в письмах строгую, сдержанную отрицательную оценку с детальным обоснованием причин (например, о рецензиях Е. Тарасова, статье Николаева о Н. Г. Чернышевском) ⁹³.

Помимо исследования биографий историков, их переписка имеет большое значение для изучения исторической периодики. Отношение историков-редакторов и авторов к задачам исторической журналистики, историков-читателей к публикуемым ма-

⁸⁸ Н. И. Костомаров — М. И. Семевскому, 9 декабря 1879 г. — «Русская старина», 1880, март, стр. 599.

⁸⁹ Н. И. Костомаров — М. М. Стасюлевичу, 1877 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, стр. 4.

⁹⁰ Н. И. Костомаров — М. И. Семевскому, 9 декабря 1879 г. — «Русская старина», 1880, март, стр. 597; Н. И. Костомаров — А. Корсунову, 1872—1880 гг. — «Русский архив», 1890, № 10, стр. 218; Н. И. Костомаров — С. Н. Шубинскому, 14 апреля 1880 г. — «Красный архив», 1939, № 2(93), стр. 259.

⁹¹ «Русская старина», 1880, март, стр. 606.

⁹² В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 13 ноября 1912 г., 12 февраля 1916 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. I, лл. 134—132; ч. V, л. 50.

⁹³ В. М. Семевский — С. П. Мельгунову, 30 ноября 1912 г., 6 января 1915 г. — Там же, ч. I, л. 165; ч. V, л. 18.

териалам и исследованиям часто вообще невозможно установить без обращения к переписке⁹⁴.

Еще в 1857 г. К. Д. Кавелин писал А. И. Герцену, что заграничный печатный журнал необходим «непреренно умеренный». Выражая взгляды русских либералов середины 50-х годов XIX в., Кавелин доказывал Герцену, что его задача как публициста — «поднять знамя более нам близкое и доступное»⁹⁵, чем революционная пропаганда «Колокола».

В 1861—1862 гг. Кавелин сам участвовал в редактировании журнала «Век», а еще до его выпуска изложил свое представление о его задачах в письме к А. В. Дружинину: «Если мы хотим действовать на массы средней руки, мы должны отказаться от всякой политической доктрины, остановиться на предметах, имеющих практический интерес»⁹⁶. Таким образом, еще на заре либерально-буржуазной журналистики ее основоположники считали необходимым «воздействовать на публику» путем ее изоляции от «политической доктрины», пытались представить журнал стоящим «вне политики», вне классовой борьбы. Через два с лишним десятилетия мысли Кавелина, правда в несколько иной форме, повторил в одном из своих писем С. Н. Шубинский: ««Обыкновенный читатель» (или публика, а она именно и составляет массу подписчиков и для нее только издается журнал) имеет свои вкусы и требования, исходящие из ее неподготовленности... угодить вкусу публики зависит от степени дарования писателя»⁹⁷.

В начале 1910-х годов С. П. Мельгунов в письмах В. И. Семевскому настаивал на отстранении от участия в журнале «Голос минувшего» авторов, чьи статьи «вызывают много нападков» (например, М. Н. Покровского) и требовал пойти «на компромисс с публикой»⁹⁸.

Обобщая высказывания русских либерально-буржуазных (К. Д. Кавелин, С. П. Мельгунов) и официально-дворянских (С. Н. Шубинский) историков-редакторов, содержащиеся в их переписке, можно выделить следующие основные особенности в их отношении к задачам исторической журналистики: стремление увести читателя от «политической доктрины», представить журнал стоящим, якобы, вне политики, вне классовых и сословных интересов; отсюда — совершенно недостаточное внимание журна-

⁹⁴ И открытая форма общения читателя и автора с редакцией также приняла форму «писем в редакцию» и ответов на них.

⁹⁵ К. Д. Кавелин — А. И. Герцену, август 1857 г. — «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 6.

⁹⁶ К. Д. Кавелин — А. В. Дружинину, 6 июля 1860 г. — «Письма А. В. Дружинину». М., 1948, стр. 137.

⁹⁷ С. Н. Шубинский — Н. Н. Оглоблину, 21 февраля 1885 г. — ЧОИДР, 1915, кн. 2, отдел «Смесь», стр. 3. К. Д. Кавелин выражался проще: «То, что мы понимаем с двух слов, им (массам. — Ю. К.) надо разжевать и в рот положить...» («Письма А. В. Дружинину», стр. 137).

⁹⁸ С. П. Мельгунов — В. И. Семевскому, 5 февраля 1913 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1574а, л. 12, 13; 18 августа 1915 г. — Там же, д. 1574з, л. 16.

ла к современной тематике; взгляд на издание журнала как на доходное предприятие (С. П. Мельгунов, С. Н. Шубинский), для публики «средней руки».

Иначе относился к задачам исторической журналистики В. И. Семевский — крупнейший историк народнического направления. В одном из писем к В. Г. Короленко он писал: «исторический журнал может проникать в иные сферы, чем литературно-политический и будет читаться он долго, если конечно, мы сумеем его составлять»⁹⁹. Показательно, что В. И. Семевский считал деятельность В. И. Герье в журнале «Вестник Европы» причиной снижения популярности журнала: «Стасколевич напечатал (в 1905 г.) его статью о блаженном Августине, чем и довел журнал до полного упадка... я все ожидал, что Герье напишет в этокое время об Адаме и Еве»¹⁰⁰. Редактируя совместно с С. П. Мельгуновым в 1913—1916 гг. журнал «Голос минувшего», В. И. Семевский высказывал буржуазному редактору свое несогласие с попытками угодить «вкусам публики»: «Когда Вы пишете: „публика говорит“, то что это значит? Как Вы узнаете что „говорит публика?“»¹⁰¹.

Переписка В. И. Семевского с Мельгуновым показывает, как между двумя редакторами — буржуазным и народническим историками — шла борьба за состав сотрудников¹⁰², за содержание и направленность статей и публикаций¹⁰³, за авторов рецензий¹⁰⁴. Можно с уверенностью утверждать, что в организации научно-справочного отдела в журнале (указатели и примечания к публикациям) ведущая роль принадлежала В. И. Семевскому. Мельгунов предлагал сократить указатели содержания и ряд примечаний (в частности, примечания Н. О. Лернера к письмам А. А. Бестужева-Марлинского)¹⁰⁵.

⁹⁹ В. И. Семевский — В. Г. Короленко, б/д. Цит. по статье: Н. Н. Митрофанов. В. Г. Короленко и В. И. Семевский. — «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 109.

¹⁰⁰ В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 25 ноября 1914 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. III, л. 497.

¹⁰¹ В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 31 января 1916 г. — Там же, ч. V, л. 6 об.

¹⁰² В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 20 октября 1912 г. — Там же, ч. I, л. 87; 3 августа 1913 г. — Там же, ч. V, л. 232. Несколько фамилий авторов, предложенных В. И. Семевским в письме от 20 октября 1912 г., вычеркнуты С. П. Мельгуновым.

¹⁰³ В. И. Семевскому, например, приходилось отстаивать перед Мельгуновым рецензию М. Н. Покровского, право на первоочередную публикацию статьи Г. В. Хлопина от Ф. Эрисмане, напоминать о требованиях Г. А. Лопатина, как автора (См. В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 5 ноября 1914 г., январь 1916 г., 2 марта 1916. — ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. III, л. 443; ч. V, лл. 7, 23 об., 96.

¹⁰⁴ «Зайцев неудобный для Черногории рецензент... самый подходящий рецензент Пичета». (В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 3 февраля 1916 г. — Там же, ч. V, л. 39).

¹⁰⁵ С. П. Мельгунов — В. И. Семевскому, 4 октября 1915 г. — Там же, д. 1574з, л. 32; «Мы издаем исторический журнал, а не роман для се-

Однако в попытках замазать классовые противоречия в исторической науке, представить ее и историческую журналистику стоящими вне классовой борьбы, взгляды двух редакторов — буржуазного и мелкобуржуазно-народнического — совпадали. Этим объясняются и сходные оценки, которые дает в письмах В. И. Семевский работам историков различных по своим классовым позициям, по научным и социально-политическим взглядам. Для В. И. Семевского рецензия Г. А. Лопатина — «очень приятный сюрприз», статья М. Н. Покровского «очень хороша», заметка Н. М. Хераскова «интересна и очень кстати»¹⁰⁶ — в этих письмах игнорируются различия во взглядах трех историков, стоящих на различных классовых позициях.

С первых же шагов марксистской и, в особенности, большевистской исторической журналистики, с обращением первых марксистских публицистов к конкретному историческому материалу, проблемам взаимоотношения историков и редакторов, авторов и рецензентов уделяется значительное внимание в переписке. Так, В. В. Воровский в письме к М. С. Ольминскому писал о своем понимании научной полемики: «Я могу самым искренним образом уважать автора и все-таки горячо спорить против его сочинений..., споря с идеей, по необходимости спорить и с носителем ее... другое дело, если полемика против автора ведется не в круге идей, а в выпадах... Это, разумеется, не может иметь ценности»¹⁰⁷.

Летом 1908 г. к М. Н. Покровскому — бывшему редактору издания «История России в XIX веке» — обратился В. И. Ленин. Его письмо представляет значительный интерес для уточнения тематики незавершенных работ Ленина (статья, посвященная фабрично-заводской промышленности). В письме Ленин упоминал о «весьма многих темах», с которыми «хотели общие знакомые к Вам обратиться». Можно предполагать, что здесь Ленин имел в виду научные планы социал-демократов, находившихся в этот период в эмиграции. Наконец, письмо характеризует и такую черту Ленина-ученого, как исключительное чувство такта, взаимного уважения в научном сотрудничестве: «Хотелось бы знать Ваше мнение: удобно ли мне брать (статью.— Ю. К.) при отказе Туган-Барановского»¹⁰⁸.

Нередко в переписке содержится оценка историками исторической литературы. К примеру, В. О. Ключевский неоднократно

мейного чтения — нельзя без примечаний». (В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 4 января 1916 г.— Там же, д. 1201, ч. I, л. 9).

¹⁰⁶ В. И. Семевский — С. П. Мельгунову, 5 ноября 1914 г.; 2 марта и 20 апреля 1916 г.— ЦГАЛИ СССР, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. III, л. 443; ч. V, лл. 96, 153.

¹⁰⁷ В. В. Воровский — М. С. Ольминскому, 1911 г.— «Новый мир», 1957, № 12, стр. 212.

¹⁰⁸ В. И. Ленин — М. Н. Покровскому, 18 августа, 1908 г.— В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 47, стр. 162.

высказывался в письмах об исторических работах, касался научной полемики ¹⁰⁹. Именно из писем можно получить представление об отношении Ключевского к Н. А. Добролюбову и Н. Г. Чернышевскому. По замечанию Ключевского, «Современник» с Чернышевским «всех виднее» в общественно-политической борьбе начала 60-х годов XIX в.: «Славно, что ни говори, отделяет он кой-кого». В то же время Ключевский настороженно относился к тому, что «Современник» «вопиет о бедствии пролетариев» ¹¹⁰. Очень высоко ценил Ключевский статью Н. А. Добролюбова «Темное царство» ¹¹¹.

Значительное количество писем, содержащих оценку историками исторической литературы, было опубликовано в сборнике «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Среди них представляет интерес письмо челябинского мирового посредника и краеведа Н. А. Середы, резко выступившего с дворянско-охранительной точки зрения против освещения Д. Л. Мордовцевым в «Отечественных записках» Крестьянской войны 1773—1775 гг. Автор письма называл Деколонга «спасителем Сибири», который «оказал большую услугу, заставив самозванца вместо Тобольска, как предполагал он, идти на Казань». В письме отмечается, что «Исетская провинция с зауральской Башкирией, а также Пумский край и Западная Сибирь волновались не менее, если еще не сильнее и не опаснее, чем прочие местности, бывшие театром бунта» ¹¹². Резко критиковал в письме к М. М. Стасюлевичу Н. И. Костомаров книгу А. И. Богдановича о Крымской войне: «Трудно вообразить себе книгу более пошлую, несмотря на любопытные факты. Лакействование, раболепство, отсутствие мысли, бездарность... — одним словом, все качества, нужные для того, чтобы этой книге увенчаться какой-нибудь ученой премией...» ¹¹³. Критикуя дворянско-охранительную историографию, Костомаров в этом письме отметил и поддержку ее правительством.

На выход в свет «Политических и общественных идей декабристов» В. И. Семевского почти одновременно откликнулись в письмах к автору Г. А. Лопатин, Е. В. Тарле, А. А. Шахматов. Первый писал (из эмиграции), что появление книги «было приятным сюрпризом не только для меня, но и для всей маленькой русской колонии» ¹¹⁴. «Наконец у нас есть настоящая история

¹⁰⁹ В. О. Ключевский — П. П. Гвоздеву, 27 октября 1861 г., 27 января 1862 г., 22 января 1867 г., 9 и 16 февраля 1867 г. и др.—В. О. Ключевский. Письма..., стр. 55, 76, 131, 134 (высказывания о С. М. Соловьеве, Б. Н. Чичерине, Н. А. Осокине).

¹¹⁰ В. О. Ключевский — П. П. Гвоздеву, 21 апреля 1862 г.— Там же, стр. 94.

¹¹¹ В. О. Ключевский — П. П. Гвоздеву, 25 ноября 1861 г.— Там же, стр. 63.

¹¹² Н. А. Середя — М. М. Стасюлевичу, 18 сентября 1868 г.— «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, стр. 447—448.

¹¹³ Н. И. Костомаров — М. М. Стасюлевичу, 1877 г.— Там же, стр. 4.

¹¹⁴ Г. А. Лопатин — В. И. Семевскому, 11 мая 1909 г.— ИРЛИ, разряд III, оп. 2, д. 1673, л. 1 об.

декабристов!», — отмечал Е. В. Тарле¹¹⁵. А. А. Шахматов считал книгу «интереснейшей»¹¹⁶.

Представляет интерес и переписка В. И. Семевского с зарубежными историками, она не только свидетельствует о популярности работ народнического историка вне России, но нередко отражает и установление научных контактов, зарождающихся в процессе переписки о научной литературе. Так, в 1912 г. к В. И. Семевскому обратился Д. Мэвор со следующим письмом: «Не откажите в любезности сообщить, когда Вы предполагаете издать III том «Крестьян». Я готовлю трехтомный труд о России, над которым работаю уже несколько лет. У меня имеются все Ваши сочинения, которые очень высоко ценю и которые очень помогли мне по многим вопросам. В «Крестьянах» можно найти главу о Пугачевском бунте, но, встретив указание на то, что Пугачевский бунт трактуется в III томе, я немедленно же обратился в книжный магазин с просьбой выслать его мне, но третий том не вышел. Прошу сообщить о выходе книги, а также, какая, по Вашему, книга самая лучшая о Пугачевском бунте?»¹¹⁷. В. И. Семевский порекомендовал Мэвору книгу Н. Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники», а также свои статьи. В другом письме Мэвор просил В. И. Семевского прислать ему цифровые данные по государственным крестьянам с 1722 по 1859 г. для работы над книгой «Экономическая история России». Переписка двух историков — русского и английского — продолжалась и позднее¹¹⁸.

Среди читателей исторической литературы были ссылки и заключенные в тюрьму революционеры. Их письма также представляют значительный интерес. Так, заключенные Рижской каторжной тюрьмы писали М. Н. Покровскому о «Русской истории с древнейших времен»: «Русский народ в этой истории наконец-то находит себя, наконец-то обретает своего истинного историка»¹¹⁹. Учитель из г. Боровска Г. Е. Дубовенко, один из организаторов местной «тюремной школы», писал В. И. Семевскому, что его статья была принята «с необычайным интересом», слушателей «захватило содержание»¹²⁰. Дубовенко отмечал в письме и то

¹¹⁵ Е. В. Тарле — В. И. Семевскому, 23 сентября 1909 г. — Архив АН СССР, в. 489, оп. 3, д. 681, л. 6.

¹¹⁶ А. А. Шахматов — В. И. Семевскому, 5 мая 1909 г. — ЦГАЛИ СССР, ф. 2232, оп. 1, д. 195, л. 1.

¹¹⁷ Д. Мэвор — В. И. Семевскому, 10 января 1912 г. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 499, л. 1.

¹¹⁸ Д. Мэвор — В. И. Семевскому, 17 октября 1913 г. — Там же, лл. 4, 5. Книга Д. Мэвора вышла в свет в 1913 г. и была оценена В. И. Семевским как «замечательный труд» (См. «Голос минувшего», 1915, № 11, стр. 303—309).

¹¹⁹ Письмо М. Н. Покровскому из Рижской каторжной тюрьмы, 12 мая 1914 г. — Цит. по кн.: О. Д. Соколов. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970, стр. 72.

¹²⁰ Г. Е. Дубовенко — В. И. Семевскому (1896 г.) — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 257, лл. 3, 4. О какой именно из статей В. И. Семевского по истории крестьянского вопроса пишет автор письма, сказать трудно.

обстоятельство, что «интерес к истории крепостного права, особенно его падения... так велик, что крестьяне охотно читают Иванюкова., книгу, написанную совсем не для них»¹²¹. Читатель — сельский учитель — видел и понимал различие в социальной направленности взглядов либерала П. И. Иванюкова и народника В. И. Семевского.

Но читатели-ссылные нередко высказывали в адрес историков и справедливые замечания. В. Д. Ульрих из ссылки в Илимске в письме к В. И. Семевскому (как автору книги «Рабочие на сибирских золотых промыслах») справедливо заметил, что в книге игнорируются «классовые симпатии и тенденции органов законодательства и управления»¹²².

Во многих случаях содержащаяся в письмах оценка исторической литературы имеет частное, ограниченное значение, но и она помогает историку исторической науки уточнять отдельные вопросы. В частности, представляют интерес письма, в которых отмечаются несоответствия в изложении фактического материала¹²³. Даже письма, содержащие просьбы о доставке литературы или жалобы на задержку ее поступления в некоторых случаях представляют научный интерес. Например, А. П. Шапов в одном из писем к Г. З. Елисееву в перечне необходимых книг называет «Капитал» К. Маркса¹²⁴. На основании этого письма, посланного из Иркутска в декабре 1872 г., можно судить об интересе к марксизму прогрессивных русских историков (как известно, первый русский перевод «Капитала» вышел в свет в феврале 1872 г.).

Обращаясь к оценке исторической литературы, высказанной в письмах, следует учитывать и некоторые специфические особенности ее. Часто такие оценки передают лишь самое первое впечатление от работы, когда статья (монография) прочитана, но еще «не пережита», недостаточно проанализирована. В этих случаях часто новизна в постановке вопроса или новый материал выделяется автором письма как наиболее ценное. Необходимо учитывать и условия, в которых высказывались оценки исторической литературы, а нередко и моральное состояние автора писем.

В одном из последних писем И. Г. Прыжова к Н. И. Стороженко встречаем фразу «Козлов, Линиченко, Ключевский — все это ерунда..., а Вы лучше бы выслали мне А. Веселовского „Разыскания“ и Вс. Миллера, вторую часть „Осетин“...»¹²⁵. Возника-

¹²¹ Г. Е. Дубовенко — В. И. Семевскому (1869 г.).— Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 257, л. 1.

¹²² В. Д. Ульрих — В. И. Семевскому, 13 сентября 1900 г.— Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 705, л. 18.

¹²³ См., например, П. В. Долгоруков — П. И. Бартеневу, 20 февраля 1856 г.— «Русский архив», 1912, № 7, стр. 473 (о неточностях в генеалогии в книге А. Бантыш-Каменского «Словарь достопамятных людей русской земли»).

¹²⁴ А. П. Шапов — Г. З. Елисееву, 24 декабря 1872 г.— «А. П. Шапов в Иркутске». Иркутск, 1938, стр. 77.

¹²⁵ И. Г. Прыжов — Н. И. Стороженко, 4 июля (1884 г.).— *И. Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма.* М.— Л., 1934, стр. 380.

ет вопрос, как могло быть, что Прыжов — историк-революционер, вдумчивый и серьезный исследователь, обобщил в отрицательной оценке различных авторов-специалистов по русской истории? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учесть моральное состояние историка в этот период: — в ссылке, оторван от родных мест, от знакомых, друзей, работы, тяжело больной. Отсюда — моральная подавленность, довольно сильно звучащие ноты разочарования. Вместо добродушной шутки предыдущих писем к Н. И. Стороженко, в этом письме — мрачный юмор («для меня уже вырыта могила», «подробности при свидании, т. е. на том свете»). Историка волнует судьба его работ («статьи о Киеве» для «Русской старины»), он глубоко переживает, что цензура и редакторы «съели Собачку» (т. е. статью «Собака в верованиях первобытных народов») ¹²⁶. Разочарование и моральная подавленность порождают и элементы «висельного настроения» в психологии автора и нарочитую грубость в терминологии. В таких условиях представляется естественным обращение Прыжова в первую очередь к своим незавершенным замыслам в области этнографии — видимо, именно их историк считает первоочередными ¹²⁷, отсюда — просьбы о книгах А. Н. Веселовского и В. Ф. Миллера.

В силу известной субъективности сведений, содержащихся в письмах, их лишь с определенными оговорками можно использовать для окончательного или в значительной степени уточняющего ответа на вопросы, связанные с решением спорных проблем в историографии. Однако в некоторых случаях такое использование возможно и, на наш взгляд, способно привести к известным позитивным результатам.

В современной советской литературе достаточно четко определяются две точки зрения на оценку взглядов и деятельности Г. Е. Благосветлова в 1855—1856 гг.; одни исследователи причисляют его к лагерю революционных демократов ¹²⁸, другие считают, что Благосветлов в этот период «не противник революции, но и не активный ее сторонник» ¹²⁹. Ф. Ф. Кузнецов, — сторонник первой точки зрения, — обосновывая демократизм Благосветлова, считает содержащийся в письме его к М. И. Семеновскому «рассказ о прощании с Мариинским институтом», «театральным и аффектированным». Но можно ли только одной театральностью объяснить высказывание: «Чего бы я не отдал великодушному

¹²⁶ И. Г. Прыжов. Указ. соч., стр. 380.

¹²⁷ Нельзя не согласиться с А. Н. Цамутали в том, что взгляд на Прыжова, как только на этнографа, недостаточно обоснован (Ср. А. Н. Цамутали. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1974, стр. 144).

¹²⁸ Ф. Ф. Кузнецов. «Журнальный эксплуататор» или революционный демократ? (Г. Е. Благосветлов). — «Русская литература», 1960, № 3, стр. 60—83; он же. Публицисты 1860-х годов. М., 1963, стр. 36, 49.

¹²⁹ Л. Варустин. «Русское слово». — Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 2. Л., 1965, стр. 142—143.

царю за одно слово прощения!»?¹³⁰. Не следует забывать, что несколькими месяцами раньше, сообщая о своих занятиях историей русской журналистики, Благодетлов рассматривал ее развитие как «бесперывный ряд мошенничеств... бездарности, кумовства, глупости — и чего хотите, только не ума и не любви к науке»¹³¹. В этом ряду, заметим, хронологически стоят: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский. А Благодетлов настоятельно рекомендует М. И. Семевскому «познакомиться с кружком Каткова... очень умный человек, и его общество состоит из людей истинно развитых, любящих отечество и науку...», «Катков — человек с свежим мозгом и благородный». В этот же период Благодетлов находит «грубым» талант А. Н. Островского и удивляется частому общению М. И. Семевского с драматургом¹³². Думается, что приведенные высказывания из писем к М. И. Семевскому достаточно показывают, что в середине 50-х годов XIX в. Благодетлов был очень далек от революционно-демократического лагеря.

Переписка позволяет уточнить обстоятельства отхода Н. И. Костомарова от демократического лагеря в период первой революционной ситуации и отношение к нему Н. Г. Чернышевского в 80-х годах XIX в. В одной из последних работ о Костомарове — интересной и важной статье Е. С. Шаблювского убедительно показано, что в творческом пути Костомарова — одного из крупных историков — было много «тернистых исканий и жгучих раздумий и колебаний, тяжких ошибок. Но много было сделано и полезного, научно-ценного. Нужно во всем этом разобраться...»¹³³. Шаблювским использованы частично и материалы переписки Костомарова¹³⁴, однако, они могут быть значительно дополнены. Показательно, что сам Костомаров, проводя различие между своими взглядами и позицией «государственной школы» в историографии, писал К. Д. Кавелину в 1860 г.: «Государственник описывает политические события, не обращая внимания на то, как их понимал народ, какое принимал участие в них..., а народник, то же самое описывая, доискивается последнего...»¹³⁵. В 1862 г. Костомаров безоговорочно осуждал студенческие волнения, а годом раньше (в письме к И. С. Аксакову) — сочувствовал им: «Вы несправедливы к студентам. Их волнения не без цели. Их возмутило

¹³⁰ Г. Е. Благодетлов — М. И. Семевскому, 7 февраля 1856 г. — *В. В. Тумошук*. Михаил Иванович Семевский. СПб., 1895, приложение, стр. 27.

¹³¹ Г. Е. Благодетлов — М. И. Семевскому, 28 октября 1855 г. — Там же, стр. 15.

¹³² Г. Е. Благодетлов — М. И. Семевскому, 24 декабря 1855 г., 7 февраля 1856 г. — Там же, стр. 15—16, 27—28.

¹³³ *Е. С. Шаблювский*. Н. И. Костомаров в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.). — «Революционная ситуация в России 1859—1861 гг.», М., 1970, стр. 101.

¹³⁴ Там же, стр. 117—119.

¹³⁵ Н. И. Костомаров — К. Д. Кавелину, 1860 г. — «Исторический вестник», 1917, №№ 7-8, стр. 164.

преграждение пути бедным к образованию»¹³⁶. Письмо историка к Н. Г. Чернышевскому, написанное в марте 1862 г., хотя и говорит о разрыве с демократическим лагерем, свидетельствует и о другом: о сложных душевных колебаниях историка, о попытках осмыслить свое отношение к передовому отряду русской общественности: «Что развело нас? Не знаю, три года я боролся сам с собой»¹³⁷. Одновременно в письмах к М. П. Погодину Костомаров подчеркивал отсутствие «нравственной связи» с «Современником»: «Я сам по себе, они сами по себе»¹³⁸.

Письма Н. Г. Чернышевского к А. Н. Пыпину показывают, что Чернышевский и в 80-е годы XIX в. продолжал считать заслуживающими внимания отдельные исторические положения Костомарова, в частности, оценку им петровской эпохи: «Мое мнение о Петре Великом имеет некоторое сходство с мнением Костомарова о нем; разница та, что я отбрасываю уступки, которые Костомаров делает хвалителям Петра. И, разумеется, у меня нет заимствований из славянофильства...»¹³⁹

На известные письма Н. Г. Чернышевского от 9 августа и 26 августа 1885 г. Пыпин ответил, что «в оправдание» Костомарова можно сказать, «что целый характер общества» приводил к «нравственному цинизму»¹⁴⁰.

Таким образом, переписка позволяет более отчетливо представить идейные колебания Н. И. Костомарова в 1859—1861 гг., отношение Н. Г. Чернышевского к его историческим взглядам, и попытки либерала А. Н. Пыпина оправдать отход Костомарова от демократического лагеря ссылками на «характер общества».

Если не считать В. О. Ключевского, то большинство историков России избегало высказываться в печати по вопросам истории искусства, поэтому судить по опубликованным работам об эстетических взглядах историков не всегда возможно. Тем более повышается для историографа значение писем, в которых содержатся высказывания историков о русских художниках, композиторах, о посещении выставок и театров. Из переписки Ключевского-студента видно, что на формирование его эстетических взглядов большое влияние оказала русская народная песня¹⁴¹. Описывая П. П. Гвоздеву свои «эстетические поползновения»,

¹³⁶ Н. И. Костомаров — И. С. Аксакову, 1861.— «Русский архив», 1906, № 12, стр. 546.

¹³⁷ Н. И. Костомаров — Н. Г. Чернышевскому, март 1862 г.— *Н. Г. Чернышевский*. Литературное наследие, т. II (Письма). М., 1928, стр. 103. Н. И. Костомаров — М. П. Погодину, 21 июня 1860 г., 10 января 1861 г.— *Н. И. Барсуков*. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVII. СПб., 1903, стр. 320, 322.

¹³⁸ Н. И. Костомаров — М. П. Погодину.— Там же.

¹³⁹ Н. Г. Чернышевский — А. Н. Пыпину, 7 декабря 1866 г.— *Н. Г. Чернышевский*. Литературное наследие, т. III (Письма). М., 1930, стр. 193.

¹⁴⁰ А. Н. Пыпин — Н. Г. Чернышевскому, конец 1885 г.— Там же, стр. 557.

¹⁴¹ В. О. Ключевский — А. М. Бородинной, 23 июля 1864 г.— *В. О. Ключевский*. Письма... М., 1968, стр. 113.

Ключевский сожалел о том, что в «Большом театре все по части Терпсихоры, и ни одной оперы», жалуется на «эстетический голод», мечтает услышать «один-другой заветный звук Бетховена или Мендельсона-Бартольди»¹⁴². Письма позволяют достаточно полно представить оценку Ключевским творчества русских писателей¹⁴³. Показательно, что Ключевский в письмах 1860—1879 гг. редко высказывается о Н. А. Некрасове и вовсе не упоминает о Г. И. Успенском, А. И. Левитове и других писателях-народниках. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что эстетические и литературные взгляды Ключевского носили скорее либерально-буржуазный характер; ему были чужды идеи демократической литературы, призывающей к борьбе, пропагандирующей выступление против «свинцовых мерзостей жизни». Как логическое следствие этого формируется и резко отрицательная оценка Ключевским М. Горького¹⁴⁴.

При всем различии эстетических взглядов историков, письма позволяют выделить и некоторые общие моменты в них. По-видимому, многие историки 60—80-х годов XIX в. высоко ценили оперу и сдержанно (а В. О. Ключевский резко отрицательно) относились к балету¹⁴⁵. М. О. Гершензон восторженно отзывался о московских драматических театрах 1890-х — начала 1900-х гг., об игре М. Н. Ермоловой, но противоречиво высказывался о пьесах Г. Ибсена¹⁴⁶. Показательно описание Гершензоном первого впечатления от картины И. Е. Репина: «Кровь широкой струей течет из-под руки... лоб Грозного обрызган кровью... ужас, который вызывает вид этой крови, бьющей между пальцев, невозможно передать»¹⁴⁷.

Таким образом, переписка русских историков середины XIX в. — 10-х годов XX в. является важным источником по истории исторической науки. Содержащиеся в ней сведения помогают исследователю в изучении научной и общественной биографии историков, ориентируют в поисках незаконченных или считающихся утраченными научных работ, позволяют полнее представить формирование и развитие личности историка — ученого и человека. В то же время письма являются специфическим источником, лишь в очень редких случаях (например, при изучении истории исто-

¹⁴² В. О. Ключевский — П. П. Гвоздеву, 22 января 1867 г. — Там же, стр. 130.

¹⁴³ См. Э. Г. Чумаченко. Обзор неопубликованных рукописей В. О. Ключевского о русской литературе XIX — начала XX вв. — «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961, стр. 305—345.

¹⁴⁴ Подробнее см. там же, стр. 311.

¹⁴⁵ В. О. Ключевский — П. П. Гвоздеву, 22 января 1867 г. — В. О. Ключевский. Письма... М., 1968, стр. 130; Н. И. Костомаров — М. М. Стасюлевичу, 1875—1877 гг. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II. СПб., 1912, стр. 4—7; М. О. Гершензон. Письма к брату. М., 1927, стр. 20, 26—27, 45, 51—52.

¹⁴⁶ М. О. Гершензон. Письма к брату. М., 1927, стр. 14, 39, 55, 145, 148.

¹⁴⁷ Там же, стр. 11.

рической журналистики) они могут рассматриваться как основной историографический источник. В целом же материалы переписки имеют хотя и безусловно важное, но не первостепенное значение; они не могут рассматриваться изолированно от научного наследия и от известных биографических данных ученого или общественного деятеля. Биографический очерк и стихотворения И. И. Гольц-Миллера, приложенные к письму его отца М. М. Стасюлевичу, дают известное представление о взглядах революционера-шестидесятника¹⁴⁸. Но их историографическое место определяется лишь в сопоставлении с другими источниками, рассмотренными в работе М. Г. Вандалковской о С. Н. Южакове¹⁴⁹.

В одной статье невозможно рассмотреть все многообразие эпистолярного наследия как историографического источника. Нами вовсе не затрагиваются в настоящей работе такие вопросы как «историк и его ученики», «историк и государственные деятели», «историк и научно-исторические общества». Нуждается в дальнейшем детальном изучении тема «историк и русские писатели», частично успешно решенная в монографии академика Л. В. Черепина¹⁵⁰.

Дальнейшее успешное изучение переписки историков как историографического источника в значительной степени осложняется сравнительно небольшим количеством сводных обобщающих публикаций материалов о жизни и деятельности историков. Мы располагаем лишь одним сборником, целиком посвященным историку — В. О. Ключевскому. Причем, опубликованные в приложении к этому сборнику письма историка к Н. М. Бородиной были доставлены в редакцию уже накануне выхода книги в свет¹⁵¹. Где-то на дне архивных морей (несмотря на наличие «лоцций» — справочника «Личные фонды в архивах СССР» и путеводителей по архивам) продолжают лежать письма С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Н. П. Павлова-Сильванского, М. Н. Покровского, многих советских историков. Разыскание и исследование их — одна из самых насущных задач современной истории исторической науки.

¹⁴⁸ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V. СПб., 1913, стр. 160—185.

¹⁴⁹ М. Г. Вандалковская. Материалы С. Н. Южакова как источник по революционному движению 60-х годов XIX в.— «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 1971, стр. 196—201.

¹⁵⁰ Л. В. Черепин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

¹⁵¹ В. О. Ключевский. Письма... М., 1968, стр. 10.

II

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

А. Н. ШЕБУНИН — ИСТОРИК ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. *

В. Г. Сироткин

Андрей Николаевич Шебунин внес значительный вклад в разработку ряда важных проблем истории общественной мысли и внешней политики России. Андрей Николаевич, по воспоминаниям С. Н. Валка, близко знавшего Шебунина, «был широко образованным историком, больше, чем кто-либо из других, его сверстников русских историков, знакомый и с историей Запада; тонко разбирающимся в истории русской общественной мысли. Вместе с тем, он был очень живым человеком, одним из типичных интеллигентов старого времени». (Из письма С. Н. Валка автору в марте 1972 г.).

Имя Шебунина встречается главным образом лишь в ссылках и библиографиях работ по истории русской общественной мысли и внешней политике России¹. Это связано в известной мере с тем, что большая часть исследований А. Н. Шебунина осталась неопубликованной. Опубликованы же им были научно-популярные работы, хрестоматии и статьи (последние рассеяны по ряду журналов, сборников и даже газет, уже ставших библиографической редкостью)².

* Приношу глубокую благодарность Н. И. Казакову и В. А. Дунаевскому, обратившим мое внимание на архив А. Н. Шебунина в Рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

¹ Наиболее обстоятельную по времени попытку дать анализ взглядов А. Н. Шебунина на роль братьев Тургеневых в формировании революционной идеологии России 1816—1821 гг. сделал ленинградский историк С. С. Ланда; им же впервые были широко использованы и опубликованные работы А. Н. Шебунина (См. «Пушкин и его время», вып. 1. Л., 1962, стр. 600). Однако Ланда не знал и не использовал архива историка.

² А. Н. Шебунину не было уделено место ни в очерке историографии русского революционного движения XIX в., ни в очерке внешней политики России. Единственное упоминание содержится лишь в очерке

В настоящей статье мы попытаемся дать краткий очерк общественно-политической и научной деятельности А. Н. Шебунина, определив его место в советской историографии.

Основным источником статьи, наряду с опубликованными работами историка, явился архив Шебунина, с 1945 г. хранящийся в рукописном отделе Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде³.

Андрей Николаевич Шебунин родился 26 июля 1887 г. в Петербурге в семье передовых русских интеллигентов. Гимназические годы Шебунина приходятся на период нараставшего общественного подъема перед Первой русской революцией. Уже в 3-й петербургской гимназии Шебунин начинает интересоваться политическими вопросами, впервые знакомится с социал-демократической литературой, участвует в редактировании гимназического рукописного журнала «Собеседник»⁴.

В 1905 г. Шебунин заканчивает гимназию и поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. В университете он сразу попадает в водоворот политических собраний, сходов, студенческих выступлений, характерных для студенческой жизни России во время революции 1905 г. Примечательно к Москве эту обстановку всеобщего общественного подъема передовых слоев русской интеллигенции ярко описал Н. М. Дружинин, лишь годом ранее А. Н. Шебунина поступивший на историко-филологический факультет Московского университета⁵.

истории советского востоковедения (Н. А. Смирнов — «Турция»), где делается отсылка на его в целом довольно общую публикацию хрестоматийного характера о политике России в восточном вопросе 1801—1815 гг. (*А. Н. Шебунин. Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926*) — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, стр. 749.

³ «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», т. II. М., 1963, стр. 311 (ф. 849, оп. 1, 11 картонов, 1789—1938 гг.). В архиве А. Н. Шебунина — 270 дел, объемом более 6 тыс. листов; машинописные первые и вторые экземпляры рукописей с авторской правкой, беловые и черновые рукописные материалы, планы, черновики, выписки и т. д.

До нас (1971 г.) в архиве, судя по листам использования, работали: Ваганова (1962 г.) и студенты-дипломники: Хиллов (1967—1968 гг.) из Горького — им снят ряд микрофильмов с дел по правительственной и декабристской идеологии — и Булыгина (1970 г.)

В 1970 г. с отдельными делами ознакомился М. И. Гиллельсон, но к сожалению, уже после выпуска своей книги (См. *М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969*).

⁴ Рукописный отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ф. 849 (далее — Архив Шебунина), д. 25. (Дневник за 1902—1903 гг.); д. 124 (журнал «Собеседник» с повестью Шебунина «Дуня» и поэмой «Поход аргонавтов»). Шебунин начал сочинять стихи в гимназии с 1902 г. и продолжал их писать почти всю свою жизнь (см. дд. 125—127, 102 лл.), правда, нигде не публикуя. Любопытно, что манера писать стихи «для себя» или своих друзей была, например, у Николая Ивановича Кареева (см. «Архив Академии наук СССР», т. VI. Л., 1971, стр. 152—153).

⁵ *Н. М. Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, стр. 10—15.*

За участие в студенческих беспорядках и распространение социал-демократической литературы царские власти высылают Шебунина из Петербурга в административную ссылку. Лишь в 1912 г. ему удается закончить Петербургский университет. Ссылка не сломила Шебунина. Более того, на последних курсах он с головой уходит в политическую работу. Очевидно, после административной ссылки Шебунин становится членом РСДРП, но примыкает к ячейке меньшевиков-студентов. В его архиве сохранилось несколько политических статей 1910—1912 гг. Так, например, в борьбе с русской интеллигенцией» (1910 г.) Шебунин резко критикует столпа «легального марксизма»⁶.

Для политических симпатий Шебунина-студента характерен и выбор его рефератов в профессорских семинарах. Так, в 1912 г. он пишет реферат «Карл Маркс и Фридрих Энгельс на заре своей деятельности в 40-х годах XIX в.». «Таким образом,— писал Шебунин,— в 40-х годах было положено начало научному социализму, этому единственному и верному оружию рабочего класса»⁷.

В студенческие годы определились и научные интересы Шебунина. В архиве сохранились его первые, еще далеко не совершенные черновые наброски статей, рецензий, докладов о А. И. Герцене, В. Г. Белинском, Льве Толстом⁸. Тогда же определился и стал устойчивым на всю жизнь интерес А. Н. Шебунина к братьям Тургеневым. Первой научной статьей историка, опубликованной после окончания университета, стало исследование «Общественные и политические взгляды Н. И. Тургенева в александровскую эпоху»⁹.

После университета Шебунин в 1912—1914 гг. работал преподавателем истории в частных гимназиях гор. Вильно (Вильнюс). За период 1912—1916 гг. в архиве почти не отложилось документов. Однако в краткой архивной биографической справке, которой предваряется опись, отмечено, что в 1914 г. Шебунин был арестован «за принадлежность к РСДРП и сослан в Енисейскую губернию на поселение»¹⁰. Из царской ссылки Шебунина освободила Февральская революция 1917 г. Накануне и в дни Октября

⁶ Архив Шебунина, д. 19, 52 лл. Остался невыясненным вопрос — опубликовал ли Шебунин эти статьи в русских или зарубежных газетах РСДРП? В архиве никаких следов таких публикаций не сохранилось.

⁷ Там же, д. 57, л. 73.

⁸ Там же, д. 6, 53 лл. (статья «Борьба религиозно-утопических и научных тенденций в социально-политическом мировоззрении Герцена»), д. 10 (В. Г. Белинский), д. 67 (лекция «Лев Толстой») и др.

⁹ «Современник» за 1913 г.; Архив Шебунина, д. 57, 47 лл.

¹⁰ Архив Шебунина, оп. 1, стр. 2. В архиве хранится также партийный билет выданный А. Н. Шебунину Красноярской организацией РСДРП (д. 171). С. С. Лянда сообщил нам, что высылка, очевидно, была вызвана связью Шебунина с Циммервальдским и Кинтальским движением и его антивоенной деятельностью среди солдат гарнизона Вильно.

Шебунин сотрудничал в газете Петроградского Совета «Известия», присутствовал в качестве ее корреспондента на историческом II съезде Советов, провозгласившим победу Советской власти в России¹¹.

После Октябрьской революции Шебунин занимается преподавательской и научно-исследовательской работой в Петрограде. Он преподает историю в советских трудовых школах, работает методистом-инструктором при Экскурсионной базе Губполитпросвета. В 1920—1922 гг. Шебунина привлекают к разборке и описанию бывших царских рукописных собраний и личных библиотек членов императорской фамилии в Зимнем дворце, Царском Селе, Павловске. В частности, он работает в библиотеке Александровского дворца (личной библиотеке Александра I) в Царском Селе¹².

В это время происходит становление А. Н. Шебунина как историка. Имя его все чаще появляется на страницах тогдашних исторических журналов «Архив истории труда в России» (1922—1923 гг.), «Русское прошлое» (1923 г.), «Анналы» (1923 г.), «Борьба классов» (1924 г.), «Былое» (1926 г.), «Историк-марксист» (1927—1928 гг.) и др. Особенно «урожайным» для А. Н. Шебунина становится 1925 г.— в один год он выпускает сразу три книжки: «Европейскую контрреволюцию в первой половине XIX века», «Хрестоматию по истории революционного движения в России» и брошюру «Н. И. Тургенев».

Следует прямо сказать, что Шебунин не сразу встал на позиции подлинного научного марксизма. После 1917 г. он долгое время понимал исторический процесс, в частности, историю русского революционного движения XIX в., отправляясь от методологии Г. В. Плеханова и в то же время осуждая его меньшевизм в политике^{12а}.

В эти годы окончательно определились научные интересы Ше-

¹¹ Архив Шебунина, д. 171 (Документы служебной деятельности историка, справки, мандаты, дипломы и т. д.).

¹² Впоследствии, в конце 20-х — начале 30-х годов большая часть этой библиотеки (книги с личными пометами Александра I) была утрачена. Сохранившаяся в архиве Шебунина (д. 157) карандашная аннотированная опись на оборотах каких-то дореволюционных бланков-счетов в настоящее время — наиболее полный источник об этой библиотеке. Уцелевшие в музее Павловска (куда была перевезена часть библиотеки) книги не представляют большой научной ценности.

^{12а} Для выяснения отношения Шебунина к Плеханову-политику после 1917 г. особенно характерны две рецензии историка на сборник писем в двух томах «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода» (М., 1925), опубликованные в журнале «Былое». Так, отмечая позитивный вклад Плеханова в борьбу с русскими экономистами С. Н. Прокоповичем и Е. Д. Кусковой, Шебунин одновременно критикует политические ошибки Плеханова после Первой русской революции и, ссылаясь на только что вышедший первый том «Ленинского сборника» и цитируя ленинскую статью «Как едва не потухла „Искра“», справедливо определяет позицию Г. В. Плеханова как меньшевистскую и ликвидаторскую, ничем не отличающуюся от позиции Аксельрода (См. «Былое». Л., 1926, № 1 (35), стр. 200—202).

бунина, которым он оставался верен всю жизнь — история декабризма в широком смысле (включая и тему «Пушкин и декабристы») как составная часть общеевропейского буржуазно-демократического движения, и история внешней политики царизма как часть европейской легитимистской реакции на Великую Французскую буржуазную революцию. Именно эти две крупные темы отражают в подавляющем большинстве своем материалы его архива¹³.

Опубликованные исследования выдвигают Шебунина в число известных историков. Он избирается заместителем председателя секции «Декабристы и их время» при Обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев. В 1926 г. Шебунин переходит на работу в Ленинградский университет на должность доцента, совмещая ее с работой научного сотрудника I разряда в научно-исследовательском институте при ЛГУ.

Историк готовит к печати большую монографию о декабристах¹⁴, отрывки из которой публикует в виде статей: «Движение декабристов в освещении иностранной публицистики»¹⁵ и «Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов»¹⁶.

По истории внешней политики А. Н. Шебунин к 1928 г. подготовил большую обзорную работу «Внешняя политика царизма»¹⁷.

¹³ В архиве сохранились рукописи и по истории революционно-демократического движения после декабристов: д. 63, 36 листов (1926—1927 гг.) — «Кружки николаевской эпохи» (Некоторые фактические данные Шебунина были повторены — см.: Л. А. Мандрыкина. После 14-го декабря 1825 г. Агитаторы конца 20-х — начала 30-х годов — «Декабристы и их время». М.—Л., 1951, стр. 220—245; И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958), но часть интересных сведений А. Н. Шебунина осталась неизвестной этим авторам (д. 23, 47 листов (1924 г.): «Деятельность «Земли и Воли» и «Народной Воли». К вопросу о роли Чернышевского в революционном движении 60-х гг.» — «Каторга и ссылка», 1929, № 8; упомянуто: Н. Н. Новикова. Революционеры 1861 г. М., 1968. В 1925 г. Шебунин предполагал издать брошюру об А. И. Герцене (д. 1, 125 лл.), но замысел этот остался неосуществленным.

¹⁴ Архив Шебунина, д. 21, 395 лл. Среди документальных материалов этой работы — копии Шебунина с писем А. П. Болотова и его родных о событиях 14 декабря 1825 г. (д. 93, 30 лл.) и другие материалы. Письма Болотова частично опубликованы («Архив истории литературы». М.—Л., 1938).

¹⁵ Сб. «Бунт декабристов». Л., 1926, стр. 299—303; см.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 430.

¹⁶ Сб. «Декабристы и их время», т. I. М., 1927.

¹⁷ Архив Шебунина, д. 12, 101 лл. Эта статья, очевидно, явилась переработанным вариантом представленной в 1927 г. в редакцию «Историка-марксиста» статьи «Русские торговые интересы и борьба за Черное море». Однако член редколлегии А. В. Шестаков нашел тогда эту статью «перегруженной экономикой и сырой». В 1934 г. Шебунин вновь предлагал «Внешнюю политику царизма» редакции журнала. В этом журнале Шебунин опубликовал две рецензии на сборник документов о Д. И. Ульянове и мемуары Тютчевой (Приношу глубокую благодарность А. И. Алаторцевой за эти ценные сведения из архива редакции «Историк-марксист»).

Определенным итогом многолетнего изучения общественно-политического наследия Н. И. Тургенева стала публикация его писем к брату Сергею Ивановичу¹⁸.

Параллельно с подготовкой к печати писем Н. И. Тургенева Шебунин вел работу по изданию ныне хорошо известного «Французского дневника» (1815—1820 гг.) Сергея Ивановича Тургенева¹⁹.

Для «Литературного наследства» Шебунин готовил две крупные публикации (с обширными вводными статьями и типичным для него обстоятельным справочным материалом) по легитимистской идеологии правящего лагеря эпохи декабризма — «Жозеф де Мэстр в России» и «Вокруг Священного Союза» (об идеологически-пропагандистской деятельности баронессы Юлии Крюденер, сестры и брата Стурдзы, о роли Каподистрии, и т. д.)²⁰.

В 1936 г. Шебунин помещает во Временнике Пушкинской комиссии два крупных исследования из Пушкинианы — «Пушкин и общество Елизаветы»²¹, и «Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых»²².

¹⁸ *Декабрист Н. И. Тургенев*. Письма к брату С. И. Тургеневу, 1811—1821, 1826 гг. М—Л., 1936, 587 стр. Подготовительные материалы к этой публикации см. Архив Шебунина, дд. 84, 85, 87—90, в том числе и не вошедшую в публикацию записку Н. И. Тургенева (1823 г.) «Взгляд на упадок финансов и торговли России» (д. 158, лл. 80—104).

¹⁹ В архиве Шебунина сохранилась почти полная копия «Французского дневника» (д. 26, 408 листов), оригинал которого хранится в ИРЛИ (ф. 309). Значительная часть написанных Шебуниным примечаний (д. 28, 64 листа) и часть «Дневника» были подготовлены им к печати (д. 29, 172 страниц машинописи: записи С. И. Тургенева с 4/16 сентября 1815 г. по 31 августа/12 сентября 1816 г.). Известно, что расшифровка «Дневника» С. И. Тургенева, написанного крайне неразборчиво, да к тому же попеременно по-русски и по-французски, — весьма трудоемкое дело. И жаль, что целый ряд историков (В. М. Тарасова, С. С. Ланда, В. В. Пугачев, О. В. Орлик и др.) каждый заново проделал эту работу, а М. И. Ковальская даже была вынуждена привлечь к переводу французских текстов сотрудника МИД СССР О. А. Павлова (*М. И. Ковальская*. Движение карбонариев в Италии. М., 1971, стр. 176), хотя вот уже более 30 лет как текст переведен Шебуниным (д. 27, 246 стр.). В связи со 150-летним юбилеем восстания декабристов в 1975 г. было бы весьма желательным завершить начатое Шебуниным дело и полностью опубликовать «Французский дневник» С. И. Тургенева.

²⁰ Архив Шебунина, д. 223. Ср. «ЛН», № 29/30. М., 1937; № 33/34. М., 1939. О высокой оценке рукописи «Вокруг Священного Союза» акад. Е. В. Тарле см. *В. Г. Сироткин*. Историография и источники франко-русских отношений 1815—1822 гг.— «Проблемы освободительного движения и международных отношений в новое и новейшее время». Сб. трудов кафедры новой и новейшей истории МГПИ им. В. И. Ленина. Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М., 1973, стр. 205.

²¹ См. *М. В. Нечкина*. Указ соч., т. I, стр. 456—457 (критика оценки Шебуниным «Общества Елизаветы» как самостоятельного политического общества).

²² Сб. «Пушкин». Временник Пушкинской комиссии, т. 1. М—Л., 1930. На тему «Пушкин и братья Тургеневы» Шебунин опубликовал небольшую заметку в газете «Великолукская правда» от 21 ноября 1936 г.

Из оригинальных работ о Пушкине в архиве Шебунина привлекает внимание его большое исследование «К вопросу о генезисе исторических воззрений Пушкина», над которым историк работал в 1936—1937 гг.²³ Статья готовилась Шебуниным к очередному «Временнику Пушкинской комиссии»²⁴, но так и не успела увидеть свет.

Наряду с разработкой истории русской общественной мысли Шебунин упорно продолжал работу над второй своей главной темой — внешней политикой России. Попыткой подвести некоторый итог своим исследованиям в этой области был обширный замысел Шебунина выпустить монографию «Черноморская торговля России в XVIII в. в свете международных отношений эпохи»²⁵. К сожалению, и эту работу Андрей Николаевич не успел завершить.

Подводя итог общественно-научной биографии А. Н. Шебунина, следует отметить, что опубликованное научное наследие охватывает главным образом историю русской общественной мысли, и, в меньшей степени, внешней политики России первой четверти XIX в.

Заслугой Шебунина в области декабристоведения была постановка проблемы соотношения национального и западноевропейского в идейных истоках декабризма. Однако следует отметить, что некоторые выводы Шебунина не выдержали испытания временем. Например, тезис о том, что Н. И. Тургенев являлся последовательным западноевропейским либералом на русской почве²⁶.

Стремление поставить развитие общественной мысли России

²³ В некоторой степени этот материал нашел отражение в рецензии Шебунина на книгу: *П. Попов. Пушкин в работе над историей Петра I — «Временник Пушкинской комиссии», т. 2. М.—Л., 1936 (см.: С. С. Ланда. Указ. соч., стр. 109)*, а также в статье Шебунина об исторических взглядах Пушкина в «Литературном Пушкинском календаре». (М., 1937), написанной по договору с Соцэкгизом (Архив Шебунина, д. 237, № 8. Издательский договор от 3 апреля 1939 г. Договор предусматривал также написание Шебуниным заметки по истории Пугачевского бунта). Та же тема развивается и в небольшой заметке «Пушкин — историк», опубликованной в районной псковской газете «Пушкинский колхозник», 6 июня 1936 г.

²⁴ Архив Шебунина, д. 58, 54 страницы машинописи (2-й экземпляр с чьей-то резолюцией: «Б. С. Мейлаху. Для «Временника», IV. Основные замечания мои сделаны и здесь уже учтены. 10.VI — 37 г.»).

²⁵ Работа сохранилась лишь в виде груды черновых выписок 1926—1937 гг. (Архив Шебунина, д. 144, 729 листов), да 20 машинописных страниц введения (д. 135, 1935 г.). Часть этой работы была по договору с Институтом науки и техники оформлена в виде главы «Русское Черноморье 70—80-х годов и Академия наук (труды А. И. Гильденштедта и В. Ф. Зуева)» для коллективного труда «Очерки истории Академии наук в XVIII в.» (д. 114, 68 стр.) куда, кроме того, Шебунин написал еще две главы по собственно истории Академии наук в XVIII в. (д. 237).

²⁶ *А. Н. Шебунин. Западноевропейское влияние в миросозерцании Н. И. Тургенева.* — «Анналы», 1923, № 3, стр. 191—219.

первой половины XIX в. в общую связь с развитием общеевропейского общественного движения, выяснить общие черты и специфику России — эти усилия Шебунина не прошли бесследно. За последние годы в советской историографии появился ряд интересных работ, где рассматриваются отдельные аспекты этой сложной проблемы²⁷.

Научная концепция А. Н. Шебунина наиболее ярко проявляется в его отношении к взглядам М. Н. Покровского. Советские историки уже определили место М. Н. Покровского, сильные и слабые стороны его концепции в общем процессе становления марксистско-ленинской историографии в СССР.

В данном случае важно уяснить отношение Шебунина к концепции М. Н. Покровского, что также в значительной степени является типичным для многих тогдашних «попутчиков». При этом следует иметь в виду, что Шебунин был знаком с марксизмом не понаслышке и еще задолго до 1917 г. хорошо знал труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова. В архиве Шебунина сохранилась очень любопытная и характерная для настроений «левых попутчиков» большая (свыше 20 страниц) неопубликованная рецензия на первые две книги «Русской истории в самом сжатом очерке» (ГИЗ, 1920 г.)²⁸⁻²⁹. Шебунин без оговорок приветствует попытку М. Н. Покровского создать первое марксистское учебное пособие для советских трудовых школ (напомним, что в 1920 г. Шебунин работал преподавателем истории в одной из таких школ Петрограда). «Исторические труды М. Н. Покровского,— писал Шебунин,— давно уже привлекали внимание как всех интересующихся русской исторической наукой вообще, так, в особенности, занятых ее построением с точки зрения исторического материализма». И вслед за этим историк формулирует два своих принципиальных возражения Покровскому: «Это, во-первых, несомненное упрощение исторической теории марксизма до степени «экономического объяснения истории», «экономического материализма»... Это, во-вторых, какое-то странное, на первый взгляд совершенно непонятное стремление быть оригинальным во что бы то ни стало, дать везде непременно свое объяснение событий, отличающееся от трактования «учебников», под каковым названием М. Н. Покровский иногда разумеет даже труды Соловьева, Ключевского и других корифеев. Этот второй недостаток, однако, перестает быть непонятным после надлежащего усвоения первого»³⁰.

²⁷ См.: С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М—Л., 1958; Б. Г. Ревизов. Между классицизмом и романтизмом. Л., 1962; А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970; З. А. Каменский. Философские идеи русского просвещения. М., 1971; В. В. Пугачев. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967 и др.

²⁸⁻²⁹ Архив Шебунина, д. 112, лл. 1—23.

³⁰ Там же, лл. 1—2.

И далее Шебунин подробно разбирает в свете этих трех оценок конкретный материал учебника М. Н. Покровского. Рецензия А. Н. Шебунина чрезвычайно интересна еще и потому, что ему не были известны тогда отзывы Г. В. Плеханова и В. И. Ленина об исторических трудах М. Н. Покровского.

Как установил недавно ленинградский историк С. С. Ланда, в Доме Плеханова в Ленинграде сохранились неопубликованные заметки Г. В. Плеханова на капитальный труд Покровского «Русская история с древнейших времен», написанный им в 1909—1912 гг. Среди критических замечаний Плеханова на полях первого издания встречаются и оба упрека Шебунина — об «экономическом объяснении истории» и недооценке трудов предшественников, в частности, С. М. Соловьева³¹. Еще более симптоматичным было повторение Шебуниным неизвестной ему тогда оценки В. И. Лениным труда М. Н. Покровского в отношении того, чтобы учащиеся «учились сравнивать старую науку и новую»³².

При всех разногласиях, сохранявшихся между Шебуниным и Покровским и его учениками в середине 20-х годов, Шебунин, как и другие «левые попутчики», привлекался к работе по пропаганде и распространению идей исторического материализма, а также к преподаванию в высших учебных заведениях. Так, в 1926—1927 гг. в ленинградском отделении Коммунистической Академии он вел семинарий на тему: «Декабристы»³³.

Если в теоретическом плане наибольшее влияние на Шебунина в 20-е годы оказал Г. В. Плеханов, то в профессиональном Шебунин оказался ближе всего к одному из видных историков государственно-юридической школы, члену ленинградской группы «левых профессоров» А. Е. Преснякову. Здесь особенно важно подчеркнуть значение двух научно-популярных работ Преснякова об Александре I и Николае I³⁴.

Как известно, Пресняков был одним из первых историков дореволюционной буржуазно-либеральной школы, начавших не только политический, но, что в условиях острейшей идеологической борьбы 20-х годов было особенно важно, и методологический поворот в сторону марксистской науки³⁵.

³¹ См. С. С. Ланда. Формирование революционной идеологии декабристов (1816—1825 гг.). Доктор. дисс. Рукопись. М.—Л., 1971; О. Д. Соколов. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского, стр. 41; (вводная статья к кн. М. Н. Покровский. Избр. произв., кн. 1. М., 1966).

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 24.

³³ Архив Шебунина, д. 120, 43 листа (Семинарий «Декабристы»); д. 171 (Послужной список А. Н. Шебунина).

³⁴ А. Е. Пресняков. Александр I. Пг., 1924; он же. Апогей самодержавия. Николай I. М., 1925.

³⁵ См. Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968, стр. 276—278.

Шебунин ближе узнал Преснякова в начале 20-х годов по совместной работе в секции «Декабристы и их время» при Обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев, а затем, по работе в ЛГУ и ленинградском отделении Комакадемии. Сближала двух историков и общность тематики исследований — и тот, и другой с середины 20-х годов занимались идеологией России первой половины XIX в.³⁶

Выступление Преснякова с научно-популярными работами об Александре I и Николае I имело большое научное и политическое значение. В сущности Пресняков попытался подвести итог многолетней явной и скрытой полемике между либерально-буржуазной и охранительно-монархической концепцией русской историографии о роли царствований Николая I, и, особенно, Александра I. Свое отношение к одной из работ об Александре I Шебунин выразил в обстоятельной рецензии, где одновременно изложил и свои взгляды на александровскую эпоху³⁷. Рецензия интересна как для выяснения общности и различия в подходе Преснякова и Шебунина к проблеме, так и с точки зрения эволюции взглядов Шебунина в сторону марксистского понимания истории. Отметив, что историки и читатели имеют дело с «совершенно новым подходом к материалам, совершенно новой трактовке вопроса», Шебунин высоко оценил небольшое исследование Преснякова, которое, по его мнению, «положило начало подлинно и историческому изучению Александра I и явилось блестящим вкладом в разработку истории русского самодержавия».

В чем же видел Шебунин научный вклад автора? Прежде всего в том, что, сочетая изучение личности Александра I с социальным анализом его эпохи, Пресняков выдвинул совершенно необычный тогда тезис о «типичности» царя и его эпохи. Личность царя, его внутренняя и внешняя политика отражали то «распутье», на котором стоял царизм после Великой Французской буржуазной революции и наполеоновских войн. Эпоха Просвещения с ее концепцией «просвещенного абсолютизма», столь активно развиваемой Екатериной II перед Западом, ушла в прошлое. Жизнь выдвинула новые задачи — задачи буржуазного развития России, и их нельзя было решать прежними методами просветительства.

Вместе с тем Шебунин не согласился с целым рядом аргументов Преснякова, и прежде всего — с его утверждением об «идеализме» царя, утверждении, глубоко укоренившимся в дореволюционной историографии благодаря трудам А. Н. Пыпина. «Мы думаем, — писал Шебунин, — что утопические элементы идео-

³⁶ См., например: А. Е. Пресняков. Идеология Священного Союза — «Анналы», 1923, № 3, стр. 72—81 (сокращенный журнальный вариант, гл. 6 — «Император Европы» — из книги «Александр I»).

³⁷ «Борьба классов». Л., 1924, № 1-2, стр. 322—329.

логии не мешали Александру I быть вполне реальным политиком». Как нам представляется, Шебунин правильно считал мистически-религиозную оболочку политики Александра I в Священном Союзе «орудием» его реальной политики.

Для характеристики научных взаимоотношений Шебунина и Преснякова в 20-х годах интересна не только рецензия Шебунина на «Александра I», но и встречная рецензия Преснякова на «Европейскую контрреволюцию» Шебунина³⁸. Маститый историк столь же высоко оценил эту небольшую научно-популярную работу своего младшего коллеги, справедливо подчеркнув, что это исследование представляет «отрывок... из обширной исследовательской работы, давно занимающей автора, как видно из прежних его статей...» Главное достоинство Шебунина рецензент видел в том, что автор «превозмог историографический шаблон». Пресняков сразу же отметил позитивное ядро книги Шебунина — анализ умеренно-легитимистской идеологии Малле дю Пана и его последователей — Мунье, Малуэ и др., чья концепция Реставрации в Европе после крушения наполеоновской империи, основанная на принципе социального и политического компромисса между «старым» и «новым» порядком на основе конституции «английского образца» как приема монархического управления оказала сильное влияние на Александра I. Недаром основная книга для такой трактовки конституционного строя — «Конституция Англии» де Лолма³⁹ — «появилась в русском переводе по его почину»⁴⁰.

Отмеченный Г. Д. Алексеевой глубокий интерес А. Е. Преснякова к трудам К. Маркса и В. И. Ленина⁴¹, отчетливо преломился в критических замечаниях историка на исследование Шебунина. Пресняков правильно упрекал Шебунина, что в данной работе он недооценил роли социально-экономического фактора (хотя и согласился с мнением Шебунина в предисловии «От автора»⁴²), а также не раскрыл до конца диалектику этой «одной из сложнейших эпох в истории Европы 1815—1850 гг. — типично «переходной» от «старого порядка» через ряд революций к «буржуазной монархии». По мнению Преснякова, исторический смысл европейской контрреволюции «... не только в борьбе дворянской реакции с «неудовлетворенными национальными и политическими нуждами народов» (Шебунин.— В. С.), а в сложном процессе компромисса между старыми отношениями и новыми интересами, который ведет к перерождению монархической

³⁸ «Былое», 1926, № 1 (35), стр. 192—195.

³⁹ *Де Лолм. Конституция Англии, или состояние Английского правления, сравненного с Республиканскою формою и с другими епропейскими монархиями. С франц. И. Татищев. ч. 1—2. М., 1806.*

⁴⁰ «Былое», 1926, № 1, стр. 193.

⁴¹ Г. Д. Алексеева. Указ. соч., стр. 277.

⁴² «Во избежание неправильного толкования, автор позволяет себе указать здесь, что основной причиной господства реакции в данный историче-

государственности и землевладельческого дворянства, к их приспособлению к неустрашимым новым социально-экономическим условиям». Отсюда, по мнению Преснякова, Священный Союз — это не только захват, но и поиски выхода из этого противоречия мирным путем⁴³.

Нетрудно заметить, что в оценке политики русского царизма после 1815 г. Пресняков опирался на известное высказывание В. И. Ленина о том, что наиболее яркий пример такого компромисса и приспособления к новым буржуазным условиям (проведенным под прямым военно-политическим контролем Александра I) — реставрация Бурбонов во Франции — «была шагом на пути превращения в буржуазную монархию»⁴⁴.

Интересно сравнить критические замечания Преснякова с отношением к работам Шебунина 20-х годов молодого марксистского историографа из Ленинграда Я. М. Захера. В предисловии к книге Шебунина «Европейская контрреволюция», высоко оценив работу Шебунина не только как научно-популярную, но и исследовательскую, «в значительной степени основанную на первоисточниках», Захер следующим образом определил место Шебунина в советской исторической науке середины 20-х годов: «К сожалению, как раз по части марксизма работа А. Н. Шебунина грешит весьма существенными недостатками. Если в общем и целом ее автора можно считать стоящим на почве исторического материализма, то все же нельзя не указать на ряд весьма существенных погрешностей печатаемой ниже книги. Не говоря уже о том, что автор нигде не выясняет предпосылок той реакции, рассмотрению которой посвящена его работа, и не дает четкого определения ее исторической и классовой сущности, мы полагаем, что А. Н. Шебунин отводит слишком большое место моментам личного характера». И далее Захер упрекает автора за слишком большое внимание к «чисто психологической характеристике» Александра I и Меттерниха⁴⁵.

ский период он считает экономическое истощение европейских государств, как результат континентальной блокады и длительной войны, укрепившей позиции реакционного дворянства и ослабившей народные массы; страх перед революцией скреплял Священный Союз, торгово-промышленные противоречия его участников и рост революционного движения его ослабляли (А. Н. Шебунин. Европейская контрреволюция, стр. III. Выделено автором).

⁴³ «Былое», 1926, № 1, стр. 193. Ср. А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957, стр. 295; Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, стр. 187; А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт. Изд. 2-е. М., 1973, стр. 528.

⁴⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 21, стр. 83.

⁴⁵ А. Н. Шебунин. Европейская контрреволюция. (Предисловие, стр. VII) Справедливости ради следует отметить, что Захер одновременно упрекал Шебунина и в отсутствии «социологической параллели» между Священным Союзом и ... Лигой Наций, в соответствии с модными тог-

С позиции нынешнего состояния советской исторической науки не все критические замечания Преснякова в адрес Шебунина выдержали испытание временем. Как и у Захера (но с других, либерально-буржуазных посылок, все еще не до конца преодоленных Пресняковым), у историка чувствуется попытка модернизировать историю в духе модных в 20-х годах на Западе теорий Бриана—Келлога о «пан-Европе», «европейской федерации» и т. д., чем уже в наше время усиленно занимается буржуазная историография⁴⁶. Поэтому можно лишь приветствовать тот факт, что Шебунин не пошел на поводу у модных тогда «сравнительно-исторических параллелей» Рожкова и не стал рассматривать Священный Союз в своих последующих трудах сквозь призму «реорганизации европейских отношений», к чему призывал его в своей рецензии А. Е. Пресняков.

Не смутил Шебунина и известный сарказм Преснякова, когда он, полемизируя с рецензией Шебунина на его «Александра I», пытался доказать, что мистицизм и либерализм царя якобы нельзя сводить «к значению орудий в руках ловкого политика» ради «завоевательных традиций России и стремления к господству в Европе»⁴⁷. С позиции исторической перспективы следует признать, что в этой части Шебунин оказался ближе к марксистской оценке сегодняшнего дня, нежели Пресняков.

Вместе с тем, и в своих заблуждениях, и в продуктивных гипотезах, не устаревших и до наших дней, у Шебунина и Преснякова было немало общего. Оба историка стремились использовать лучшие достижения дореволюционной русской либерально-буржуазной историографии в изучении эпохи Александра I, активно сочетая их с попытками применить метод исторического материализма. Не всегда это получалось — давил груз прежних традиций (особенно, на Преснякова), марксистская методология понималась то по Плеханову, то по Рожкову; немало важную роль играла и не всегда академическая полемика историков-марксистов «школы М. Н. Покровского» с «попутчиками». Отсюда, действительно, наблюдалась то переоценка Пресняковым и Шебуниным психологических факторов в политике Александра I и его министров, то слишком прямолинейно устанавливалась связь экономики и дипломатии. Схематично рисовался рас-

да построениями из «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» Н. А. Рожкова. «Европейская контрреволюция» получила также положительную оценку в рецензии С. Моносова на страницах «Известий» от 18 января 1925 г. (вырезку см.: Архив Шебунина, д. 257, № 7).

⁴⁶ Государственный секретарь США Генри Киссинджер отдал в свое время дань этим построениям в монографии о Венском конгрессе и планах мирового переустройства в начале XIX в. (См. *H. A. Kissinger. A World Restored. Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812—1822.* London, 1957).

⁴⁷ «Былое», 1926, № 1, стр. 194.

кол дворянского класса на «землевладельцев-тористов» и «фабрикантов», и из этого раскола выводилась история дипломатических союзов России то с Англией, то с Францией⁴⁸. Сегодня не кажется убедительным утверждение Шебунина, что «Александр боялся своей армии больше, чем турок, и совсем не был склонен к войне» (в 1821 г. из-за Греции.— В. С.), а Николай I, наоборот, был уверен в армии, требовавшей действий, и потому вел войны с Турцией, на Кавказе, в Венгрии и т. д.⁴⁹

Но эти поиски, в условиях острой классовой борьбы 20-х — начала 30-х годов породили немало интересных и продуктивных наблюдений, оценок, гипотез. К сожалению, в политической полемике тех лет многие из этих ценных конкретно-исторических обобщений Преснякова и Шебунина были забыты. А ведь еще в 1925—1926 г. оба историка высказывали мысль, что пресловутый «мистицизм» в Священном Союзе, мистицизм, родившийся в недрах немецкого бюргерства как побочный продукт буржуазной идеологии германского мещанства в ответ на «ужасы революции», был использован Александром I как идеологическое прикрытие политики компромисса и приспособления к новым буржуазным социально-экономическим условиям, играя важную роль в европейской политике царизма 1815—1820 гг. Выделяя два периода в реакционной деятельности Священного Союза, Ф. Энгельс отмечал, что сначала защита принципа легитимизма осуществлялась «под прикрытием таких сентиментальных фраз, как „Священный союз“, „вечный мир“, „общественное благо“...», а затем и без всякого прикрытия, при помощи штыка и тюрьмы⁵⁰.

В 1964 г. Н. М. Дружинин, определяя классовую суть «просвещенного абсолютизма» и преемственность между политикой Екатерины II и Александра I, высказал глубоко правильную мысль, что идеологические приемы в борьбе с революцией были не только *тактикой*, но и рассчитанной на длительный период *стратегией* царизма, а просветительская и либеральная фразеология — не только данью эпохе, рассчитанной на «идеологический экспорт». Александру I пришлось действовать в более сложных условиях, ибо «и в Западной Европе, и в России после Французской революции жизнь ушла далеко вперед и от умеренных взглядов Вольтера и Монтескье, и от веры в непобедимое влияние разумных законов... В своих замыслах..., а отчасти и в своих законо-

⁴⁸ Знаменательна была попытка двух ученых дать параллельный анализ социально-психологических настроений 10—20-х годов XIX в. в России и Польше (См. А. Е. Пресняков. Экономика и политика в польском вопросе начала XIX в.— «Борьба классов», 1924, № 1—2, стр. 29—49; А. Н. Шебунин. Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX в.— Там же, стр. 50—76).

⁴⁹ Архив Шебунина, д. 12, лл. 80—81 (Статья «Внешняя политика царизма», 1928 г.).

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 567. См. также: «Внешняя политика России XIX — начала XX в.», серия I, отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий, т. VIII. М., 1972, прим. 276, стр. 697.

дательных актах Александр I вынужден был пойти дальше воззрений Екатерины II»⁵¹. Вряд ли «решительно неспособный к самостоятельному мышлению» царь, как до сих пор характеризуют Александра I некоторые историки, был бы способен к таким государственным акциям⁵².

Андрей Николаевич Шебунин оставил большое рукописное наследство. Ему не удалось опубликовать ни одной крупной монографии. Формально опубликованные им труды — это несколько научно-популярных работ, одна ценная публикация документов и ряд статей.

Реальный вклад А. Н. Шебунина в изучение конкретных проблем истории России может быть оценен лишь после знакомства с его обширным архивом, который показывает, как много идей, планов, замыслов историка еще не стало всеобщим достоянием.

⁵¹ Н. М. Дружинин. Просвещенный абсолютизм.— «Абсолютизм в России». М., 1964, стр. 457.

⁵² См. А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807 гг.). М., 1962, стр. 381.

Б. И. СЫРОМЯТНИКОВ О СТАНОВЛЕНИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В. А. Муравьев

Борис Иванович Сыромятников (1874—1947) как исследователь феодальных отношений мало известен, если не считать его эпизодических выступлений в научной периодике и в ряде устных дискуссий второй половины 30-х — начала 40-х годов XX в. по проблемам, связанным с Русской Правдой и с рабовладением в Древней Руси. Советская историографическая литература представляет его как автора написанной в либерально-буржуазном духе статьи о «Наказе» П. И. Пестеля¹ и созданных уже в советское время исследований по истории текстильной промышленности² и статьи, содержавшей неверную оценку декабризма, как движения, шедшего к дворцовому перевороту в стиле XVIII в.³, наконец, как автора монографии о государственном строе и политических воззрениях в России в первой четверти XVIII в., получившей критическую оценку советских историков⁴.

Ближайшее ознакомление с научным наследием Б. И. Сыромятникова, особенно с его архивными материалами⁵, позволило выяснить, что его содержание значительно шире и фундаментальнее опубликованных работ ученого. В течение ряда лет (примерно с 1905 по 1915 г.) Сыромятников почти одновременно с

¹ Б. И. Сыромятников. Политическая доктрина «Наказа» П. И. Пестеля. В кн.: «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете». М., 1909; об этой статье см. также: «Очерки истории исторической науки в СССР» (далее «Очерки»), т. III, М., 1963, стр. 281—282.

² Б. И. Сыромятников. Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925. См. также: «Очерки», т. IV, М., 1966, стр. 286.

³ Б. И. Сыромятников. Последний дворцовый переворот.— «Право и жизнь», 1926, кн. 1. См. также: «Очерки», т. IV, стр. 345.

⁴ Б. И. Сыромятников. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология, ч. 1. М.—Л., 1943. Рец.: С. В. Вазрушин. Книга Б. И. Сыромятникова «Регулярное» государство Петра Первого — «Большевик», 1944, № 2, стр. 54—59; В. Лебедев, С. Юшков. «Исторический журнал», 1944, № 10—11, стр. 124—131; «О книге Б. И. Сыромятникова «Регулярное» государство Петра I и его идеология». — «Известия АН СССР». Отделение экономики и права, 1945, т. 2, № 2, стр. 39—40.

⁵ ГБЛ, ф. 366 (Б. И. Сыромятников); Архив Института государства и права АН СССР (далее АИГП), инд. 350 (Б. И. Сыромятников).

Н. П. Павловым-Сильванским, и во многом независимо от последнего, разрабатывал вопрос о происхождении и сущности феодальных отношений в Древней Руси, пытался создать соответствующую концепцию истории русского права, выяснял истоки и пути развития «традиционного» взгляда на русский исторический процесс, опиравшегося на принципы самодержавия и государственности и отрицавшего феодализм в России, строил свои курсы, исходя из указанных идей. Об этом свидетельствуют незавершенная диссертация Сыромятникова «Происхождение феодальных отношений в древней Руси», записи, литографированные и типографские издания курсов истории русского права, прочитанных им в 1905—1917 гг. в высших учебных заведениях Москвы. Его работы частью не вышли в свет, частью не получили распространения; его идеи не вышли за пределы студенческой аудитории⁶.

Целесообразно ли обращаться к изучению творчества ученого, заведомо зная, что его труды не оставили следа в буржуазной историографии (мы имеем в виду работы Сыромятникова о феодализме) и не оказали воздействия на ее развитие? Не превратится ли оно в бесплодное изучение историографического курьеза? Нет, с одной стороны, эти работы Сыромятникова можно рассматривать как показатель намечавшихся в буржуазной исторической науке первого десятилетия XX в. глубинных процессов. Мысль о русском феодализме буквально висела на кончике пера, о чем свидетельствуют не только работы Н. П. Павлова-Сильванского, но и оживленные одобрительные отклики на них плейды молодых буржуазных историков — А. Е. Преснякова, Ф. В. Тарановского, И. И. Бороздина и др., и даже появление компилятивных диссертаций о русском феодализме⁷. С другой стороны, вопрос о феодализме был поставлен и разрешался марксистской историографией.

Если для историков-марксистов это был вопрос о господстве определенных производственных отношений — как ставил этот вопрос В. И. Ленин и как стремились поставить его большевистские историки и публицисты, иное значение он получал в буржуазной историографии. Поднимая вопрос о русском феодализме, ее представители стремились реализовать две основные цели. Во-первых, преодолеть видевшееся им отставание науки русской истории от уровня мировой исторической науки, во-вторых, поставить и разрешить вопрос о единых закономерностях мирового исторического развития. Лишь такая постановка вопроса позволяла им с твердым убеждением отстаивать более или менее последовательно буржуазно-демократические политические идеалы, рассматривая государственный строй Европы как итог, к которо-

⁶ О них лишь бегло упоминал некролог Б. И. Сыромятнику («Советское государство и право», 1947, № 2, стр. 87).

⁷ Например: *S. Baumstein. La féodalité russe. Paris, 1908.*

му, по их мнению, стремилось политическое развитие России. Отнюдь не случайна политическая активность и Н. П. Павлова-Сильванского и Сыромятникова в годы первой русской революции.

Работы Сыромятникова вызывают определенный интерес попыткой, подобно Павлову-Сильванскому, преодолеть кризисное состояние русской буржуазной исторической науки, противопоставить концепциям «своеобразия» русской истории, ее «контраста» истории европейской взгляд на принципиальное единство и закономерность исторического процесса; методами сопоставления, приемами исторического синтеза, в которых использовались, с одной стороны, достижения европейской медиевистики, с другой — историческая концепция В. О. Ключевского.

Можно указать и на то, что творчество Павлова-Сильванского, несмотря на благоприятные отзывы о нем современников, также не оказало до революции серьезного влияния на русскую буржуазную историографию, что отнюдь не умаляет интереса исследователей истории исторической науки к нему. При всей «разномасштабности» фигур Павлова-Сильванского и Сыромятникова, этот аргумент вполне можно отнести и к последнему. Наконец, в научно-биографическом плане изучение этой стороны творчества Сыромятникова не вызывает сомнений, тем более что в его лице мы видим ученого, ставшего после Октябрьской революции на путь служения советской науке.

Сын земского врача, Сыромятников первоначально избрал путь юриста и в 1895—1899 гг. учился на юридическом факультете Московского университета⁸. Здесь выявилась его склонность к исследованиям в области истории русского права; его привлекали правовые проблемы закрепощения крестьянства и институты «удельного периода», которым был посвящен написанный в 1899—1900 гг. магистерский реферат «Краткий очерк литературных мнений по вопросу об удельном периоде древней Руси»⁹. Успешно завершив магистерскую подготовку и сдав экзамены, Сыромятников получил звание приват-доцента университета по кафедре государственного права и «специально по истории русского права»¹⁰.

В 1903 г. он был командирован Министерством народного просвещения за границу для изучения сравнительной истории права и ознакомления с преподаванием ее в университетах Франции и Германии. В отчете о командировке, составленном по возвращении в Россию в 1905 г., Сыромятников писал, что в связи с этой основной задачей он поставил себе «более специальную задачу — изучение феодальных учреждений и феодального права важнейших европейских государств и народов

⁸ АИГП, инд. 350, л. 4.

⁹ ГБЛ, ф. 366, карт. 9(2) и 23.

¹⁰ Там же, карт. 22.

Востока»¹¹. В Париже и Берлине он перечел весь круг классических и новых работ по истории средневековой Европы, Византии, Ближнего и Среднего Востока, ознакомился с фундаментальными публикациями и архивными источниками по истории средневековой Германии и Франции, посещал факультеты права Сорбонны и Берлинского университета, Школу хартий, Школу высших исследований (École des Hautes Études), работал в Национальном и департаментских архивах Франции. Большое влияние на Сыромятникова оказали встречи и беседы с видным французским историком права, сторонником марковой теории Маурера Э. Глассоном (в то время деканом факультета права Сорбонны). Здесь молодой историк права приходит к убеждению в том, что «применение сравнительно-исторического метода в западноевропейской науке произвело целую революцию в умах историков и юристов» и позволило установить, что «при самых многообразных климатических и географических условиях народы всех рас проходили однородные, типические стадии исторического развития». Еще за рубежом историк разрабатывал мысль о том, что Россия прошла те же этапы исторического развития, что и страны Западной Европы и ряд стран Востока, в том числе и стадию феодализма (в его политико-правовой интерпретации).

Русская историческая наука в силу методологической, как полагал Сыромятников, отсталости, неспособна ни отметить этого факта, ни «ввести русскую историю во всеобщую»¹². С этими мыслями, определившими его ближайшие научные поиски, Сыромятников вернулся в Россию.

В дальнейшей творческой биографии Сыромятникова до Октябрьской революции отчетливо прослеживаются два этапа. Первый, продолжавшийся примерно до 1911—1912 гг., характеризуется максимальным напряжением творческих сил историка. В короткое время Сыромятников создал ряд лекционных курсов, где отчасти на источниках, отчасти на умозрительных заключениях были поставлены проблемы генезиса и сущности феодализма в России, социальной и правовой структуры русского общества, изложена оригинальная концепция русского исторического процесса. Это — приват-доцентский курс истории русского государственного права в Московском университете¹³, курсы истории русского права в Константиновском межевом институте (с 1906 г.)¹⁴, Высших женских юридических курсах в Москве

¹¹ ГБЛ, ф. 366, карт. 23.

¹² ГБЛ, ф. 366, карт. 23.

¹³ Программа курса, автографы лекций, студенческие записи лекций с правкой Сыромятникова (1905—1911, 1916—1917 гг.), а также материалы практических занятий находятся см.: ГБЛ, ф. 366, карт. 16, 23, 24-25(1), 25(2)-26(1).

¹⁴ Литографированные программы и тексты лекций (88 стр.), напечатанные не ранее 1909 г. см.: ГБЛ, ф. 366, карт. 23.

(с 1907 г.)¹⁵, Московском коммерческом институте (с 1908 г.)¹⁶, Московском городском народном университете¹⁷.

Еще будучи за границей, Сыромятников начал готовить диссертацию «Происхождение феодальных отношений в древней Руси»¹⁸. В 1906 г. первая глава диссертации под своим названием была опубликована¹⁹. К 1911 г. первая часть диссертации, историографическая, носившая название «Традиционная теория русского исторического процесса», была завершена. Первые 416 страниц ее текста были набраны в университетской типографии. Выходу в свет помешал уход Сыромятникова из Московского университета в 1911 г. вместе с частью профессоров и приват-доцентов в знак протеста против политики министра просвещения А. Л. Кассо²⁰. Набор был разобран и книга не вышла²¹. Впоследствии Сыромятников отмечал в своей автобиографии: «Я не имел уже возможности на свои средства возобновить ее печатание, тем более, что прошло уже несколько лет с ее написания»²². Сохранились также многочисленные выписки, наброски и черновики, возникшие при подготовке диссертации²³.

В 30-е годы в связи с развернувшимися в советской исторической науке дискуссиями о феодальных отношениях в России, Сыромятников неоднократно пытался вернуться к своей диссер-

¹⁵ *В. И. Сыромятников. История русского права. Удельный период (с конца XII до начала XVI столетия). «Вестник Высших женских юридических курсов в Москве» (далее «Вестник ВЖЮК»), 1908, № 5—6, стр. 11—19; ГБЛ, ф. 366, карт. 1, 2, 3 (2).*

¹⁶ *В. И. Сыромятников. История русского государственного права. Курс лекций 1908—1909 гг. (далее — В. И. Сыромятников. «История...»). М., 1909 (литографировано, 37 печ. листов); он же. История русской торговли и русского торгового права. Курс лекций. М., 1916 (литографировано, 16 печ. листов). Программы курсов, автографы-конспекты лекций, студенческие записи лекций по истории русской торговли и торгового права см.: ГБЛ, ф. 366, карт. 12(б), 25(2)—26(1), 39.*

¹⁷ Программа курса 1911/12 учебного года (4 лекции) см.: ГБЛ, ф. 366, карт. 23 (типографский оттиск).

¹⁸ Автобиография В. И. Сыромятникова (ГБЛ, ф. 366, карт. 22). Готовые листы диссертации (416 страниц, набранных корпусом) находятся в Собрании отдельных поступлений Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина («Сыромятников В. И.»); они поступили от академика П. Н. Сакулина. Часть готовых листов, а также рукописи под имеющиеся листы и отрывки продолжения хранятся в ГБЛ (ГБЛ, ф. 366, карт. 39). Мы пользовались экземпляром готовых листов, принадлежавшим самому Сыромятникову, подаренным И. А. Кудрявцеву и любезно предоставленным нам.

¹⁹ *В. И. Сыромятников. Основные моменты в развитии исторической мысли. — «Русская мысль», 1906, № 10, отд. 2, стр. 71—97 (Рукопись см.: ГБЛ, ф. 366, карт. 23, не датирована).*

²⁰ АИГП, инд. 350, лл. 5, 73. См. также «История Московского университета», т. I. М. 1955, стр. 376, 540—541.

²¹ На последнем листе отпечатанного текста диссертации, любезно предоставленной нам Кудрявцевым, Сыромятников записал: «Конец погубил Кассо».

²² АИГП, инд. 350, л. 5.

²³ ГБЛ, ф. 366, карт. 1-3(2), 3-4, 12(б), 16, 23, 24-25(1).

тации, готовить статьи (в частности, статью «Проблема феодализма в русской историографии») ²⁴, но своих попыток не доводил до конца.

С 1905 г. Сыромятников принимал активное участие в общественно-политической деятельности московской буржуазной интеллигенции. Он был в числе создателей Академического союза, избирался в 1905—1906 гг. делегатом от Московского университета на академические съезды ²⁵, входил в редакцию издававшейся товариществом И. Д. Сытина газеты «Русское слово», где (а также в других московских кадетских газетах «Век», «Столичная молва» и других и в провинциальных газетах) опубликовал свыше 60 статей, в основном, о думских проблемах и думской политике кадетов, об отношении правительства к нуждам высшей школы и народного образования ²⁶. В то же время историк пристально следил за развитием русской общественной мысли, общественного и революционного движения с начала XIX в. до современных ему событий; собирал материалы о деятельности общественных группировок и политических партий, видных представителей общественного и революционного движения — декабристов, петрашевцев, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Бакунина, Лаврова, Ткачева, народолюбцев, социал-демократов, эсеров и др. Им были написаны упомянутая статья о «Наказе» П. И. Пестеля, неопубликованные работы «Монархотомия и дворцовый переворот» (об идеологии декабристов) ²⁷, «История политических учений в России в связи с историей русской государственности» (не завершена) ²⁸, «Хроника революционного движения в России» в трех тетрадях ²⁹. Из современных ему партий, исключая кадетов, чьи интересы он отражал в печати, Сыромятников особенно интересовался эсерами и социал-демократами, не питая симпатий ни к эсерам, ни, в особенности, к большевикам.

Спустя два-три года после поражения революции, Сыромятников, не порывая с кадетской печатью, стал сближаться с октябристами. Он, в частности, принял участие в «экономических беседах» на квартире А. И. Коновалова, затем — П. П. Рябушинского; вместе с участниками бесед профессорами П. Г. Виноградовым, М. М. Ковалевским, С. А. Котляревским, П. И. Новгородцевым выступал в газете «Утро России» и в других изданиях группы Рябушинских ³⁰.

²⁴ Рукопись статьи (незаконченная, недатированная) см.: ГБЛ, ф. 366, карт. 3-4, 9(2), 10-11, 25(2)-26(1).

²⁵ АИГП, инд. 350, л. 4.

²⁶ Рукописи, вырезки и корректуры статей см.: ГБЛ, ф. 366, карт. 3, 4, 12(б), 19(1), 19(2-4), 22, 23, 36(а)-37, 40.

²⁷ Там же, карт. 28(2) — 29.

²⁸ Там же, карт. 12(б).

²⁹ Там же, карт. 3-4.

³⁰ См. В. Я. Лаврычев. По ту сторону баррикад. М., 1967, стр. 70—71.

Но основным полем общественной деятельности Сыромятникова стала не столько публицистика, сколько либерально-буржуазное «просветительство» — почти не затронутое, к сожалению, исследованиями немаловажное средство, которым пыталась воспользоваться буржуазная интеллигенция для укрепления своего влияния на мелкобуржуазные и в значительной степени на пролетарские круги города. В 1906—1918 гг. Сыромятников входит в правление, а затем возглавляет Московское общество народных университетов. С популярными лекциями по истории русского права, русской и зарубежной литературы, теории и практике народного образования, о текущих политических проблемах и способах их разрешения, выдвигаемых буржуазной интеллигенцией, Сыромятников выступал в университете им. А. Л. Шанявского, перед учащимися средних учебных заведений, в рабочих кварталах Москвы, в крупных городах Европейской России.

Во второй период — 1912—1917 гг. — Сыромятников на время отходит от серьезной научной работы. Из-под его пера выходят лишь небольшие историографические очерки и статьи для юбилейных сборников дворянско-буржуазной историографии («Освобождение крестьян», «Великая реформа», «Три века», «Судебная реформа»). Первая мировая война вызвала новый прилив публицистической энергии Сыромятникова, придав его лекциям яркую шовинистическую окраску.

Октябрьскую революцию и первые мероприятия Советской власти Сыромятников первоначально воспринял с нескрываемой враждебностью и неприязненно отзывался о новых порядках в высших учебных заведениях, в частности, о пролетаризации студенчества. Но к 1919 г. его отношение к Советской власти меняется. В лекциях з этого времени Сыромятников характеризует Октябрьскую революцию как «необходимое и законное следствие всей предшествующей истории русского народа», ведущее к «коренному переустройству всей народной жизни во всех отношениях, и в хозяйственном, и общественном, и государственном, и даже частном быту»³¹. Свою научную деятельность Сыромятников заканчивал как известный советский историк государства и права, заведующий соответствующим сектором Института государства и права АН СССР, профессор московских юридических вузов и факультетов, автор исследований по истории общественной жизни, государства и права дореволюционной России, отмеченных отличным знанием источников.

Становление методологических, общеисторических и политических воззрений Сыромятникова проходило под влиянием модного в среде молодых университетских преподавателей конца XIX—

³¹ ГБЛ, ф. 366, карт. 3—4.

начала XX в. «экономического материализма». Знакомство с западноевропейской исторической наукой способствовало скорейшему вызреванию тех смутных научных и общественно-политических идеалов, которые представлялись Сыромятникову в первой научной работе — магистерском реферате «Краткий очерк литературных мнений по вопросу об удельном периоде древней Руси».

Задавшись целью выяснить сущность расхождений русских историков XIX в. в оценке продолжительности «удельного периода», причин его возникновения, характера общественного уклада, Сыромятников пришел к выводу, что главной причиной разнообразия их схем является «отсутствие какой-либо руководящей философско-исторической идеи, которая могла бы внутренне объединить и дать надлежащее объяснение и самому материалу и его группировке». Он полагал, что работы историков XIX в. носили описательный, созерцательный характер и были «далеки... действительного органического объяснения социального развития России». Для их авторов не существовало «вопроса о закономерности исторического процесса, о так называемых творческих «факторах» социальной эволюции, т. е. о той силе или сумме сил, которые двигают колесо истории, в частности, и судьбы их дражайшего отечества»³².

Сыромятников подверг резкой критике «официозный карлейлизм» Карамзина, фактографический метод Бестужева-Рюмина, переоценку внешних факторов, влияния исторических личностей и введение абстрактного понятия «народный дух» Костомаровым. Труды Соловьева начинающий историк ставил в теоретическом отношении так же невысоко. «Это признание единообразия исторических фактов, возведенное в принцип!», — восклицал он по поводу известного определения Соловьевым задач органического исследования, помещенного во введении к первому тому «Истории России»³³. Ядро критики Сыромятников направлял против методических приемов историков государственной школы (этому он остался верен и в годы научной зрелости). Чичерин, по словам Сыромятникова, следовал «формальному способу исследования общественных отношений в древней Руси». «Анализ социальных явлений у него закрыт юридической критикой памятников права, — отмечал Сыромятников одно из наиболее слабых мест государственной школы (не замечая еще, однако, ее главного методологического порока), — за которыми автор (Б. Н. Чичерин. — В. М.) не видит жизни с ее борьбою интересов, по-видимому, далекий от мысли, что право есть лишь несовершенное отражение развивающихся и конкретных материальных отношений»³⁴. Методологические приемы Кавелина, Градовского, «догматический метод» Сергеевича Сыромятников сближал с построениями

³² ГБЛ, ф. 366, карт 9(2), лл. 2—3, 5.

³³ Там же, л. 6.

³⁴ Там же, л. 7.

Чичерина³⁵. Не обошел критикой он и своего кумира — Ключевского, «Боярскую думу» которого со студенческих лет считал образцом исторического исследования. Слабость теоретических позиций Ключевского он находил в «историческом дуализме», в том «внутреннем противоречии, которое она (концепция Ключевского. — В. М.) создает сама в себе признанием двух моментов, равно господствовавших в древней Руси» — «экономического и политического моментов»³⁶.

Таким образом, позитивная методологическая программа Сыромятникова отличалась в эти ранние годы стремлением к познанию «законосообразности исторического процесса», к повороту исследования от внешней, политической и правовой ткани явлений к глубинным «творческим факторам социальной эволюции», отказом от формально-юридического метода исследования (что очень существенно для буржуазного историка права), поиском монистической исторической теории (которую Сыромятников нашел в «экономическом материализме»).

Другим воздействием, испытанным Сыромятниковым в эти годы, было влияние исторической концепции Ключевского, в которую Сыромятников вносил коррективы, навеянные методологией «экономического материализма». Так, в своей пробной лекции «Общественные классы в древней Руси», прочитанной при вступлении в приват-доцентскую должность, Сыромятников последовал за положениями Ключевского о хозяйстве Киевской Руси и системе областей-княжений с городами во главе. Но, приняв формулу древнерусского общества, разработанную Ключевским, Сыромятников возразил против ее оснований. Если для Ключевского критерием социальных различий являлось отношение к княжеской власти³⁷, Сыромятников попытался обосновать структуру Киевской Руси по роду занятий населения, месту, занимаемому каждой группой в общественном хозяйстве, виду и степени участия в государственной власти. Однако, основной упор Сыромятников делал не на социальных различиях бояр — «крупных рабовладельцев и землевладельцев», купцов — «крупных капиталистов своего времени», городской черни и смердов, а на том, что классы в древней Руси находятся в состоянии взаимного сотрудничества и подчинения³⁸.

Общественно-исторические представления Сыромятникова в период творческой зрелости покоились на трех главных устоях. Ими были, во-первых, признание закономерной прогрессивной эволюции общества и принципиальной возможности познания этой закономерности. Во-вторых, признание того, что исторический про-

³⁵ ГБЛ, ф. 366, карт. 9 (2), лл. 7—8.

³⁶ Там же, л. 9.

³⁷ См.: В. О. Ключевский. Соч., т. 1. М., 1956, стр. 164—165; т. 6. М., 1959, стр. 144, 314.

³⁸ «Научное слово», 1905, кн. II, стр. 33.

цесс совершается на экономической основе в результате действия более или менее широких общественных сил, Сыромятников возводил в ранг движущих сил исторического процесса даже «борьбу интересов и партий». В-третьих, убеждение в том, что исторический процесс в конечном счете стремится к определенному идеалу общественного устройства — к «гражданскому строю», к капитализму с его правовыми и политическими институтами, примерно в том виде, в каком они сложились в Западной Европе.

Понятие исторической закономерности для Сыромятникова как историка права связывалось в первую очередь с проблемой историзма в праве и сложилось под определенным влиянием высоко ценимой им немецкой исторической школы права Савиньи.

Сыромятников воспринял идею закономерности в готовом виде, не уделяя времени ее философско-историческому обоснованию, и считал ее «научной аксиомой» творчества историка. «Задачей каждой науки,— говорил он слушателям,— является раскрытие законов, управляющих миром феноменов, то есть явлений, с которыми и имеет дело человеческое сознание. Изучаем ли мы живую или мертвую природу, движение небесных светил или общественное движение, мы преследуем одну и ту же цель — мы желаем познать законы движения космических сил...Только в той мере, в какой нам удастся познать эти законы, то есть необходимое и постоянное соотношение этих сил, мы и являемся не только учеными исследователями, но и вообще существами, действующими целесообразно и планомерно»³⁹. Формирование идеи внутренней закономерности исторического процесса Сыромятников связывал с трудами представителей немецкой исторической школы права, которая, по его мнению, «возвела в закон жизни человеческих обществ, национальных организмов...закон роста организма с его естественной проекцией в потомство», «впервые поняла исторический процесс как закономерный. подчиненный своей внутренней необходимости процесс развития, где человеческая воля играет ничтожную роль»⁴⁰.

Из трудов Савиньи Сыромятников унаследовал отрицательное отношение к философии рационализма, к тому положению, которое пронизывало революционным духом рационализм второй половины XVIII в.— безграничной способности разума к историческому творчеству. Либерально-буржуазного историка отпугивало то, что философско-историческая теория рационализма «легко приводила к революции»⁴¹; в антиэволюционности рационализма он видел его коренной порок⁴². В пришедшей на смену рацио-

³⁹ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 10—11.

⁴⁰ Там же, стр. 3—4.

⁴¹ Там же, стр. 4—6.

⁴² Следует заметить, что понятие эволюции не было чуждо историографии Просвещения — именно французские рационалисты сформулировали теорию прогресса; историческая школа права упразднила их мне-

нализму в условиях европейской реакции исторической школе Сыромятников выделял «здоровое ядро» — идею эволюции, связи настоящего с прошедшим. Вместе с тем он замечал, что, переоценивая силу прошлого, школа Савиньи забывала, что процесс эволюции не только поддерживает или создает те или иные общественные формы, но и разрушает их; что «процесс эволюции не противоречит факту революции»⁴³. Представляя историческую жизнь как безболезненный процесс, историческая школа «отрицала элемент борьбы в жизненном процессе»⁴⁴. Кажущийся радикализм в соотношении понятий «эволюция» и «революция» не должен смущать исследователя: понятие революции у Сыромятникова не простиралось далее буржуазно-демократических преобразований. Для сравнения можно указать на подобную же оценку школы Савиньи, данную в 1886 г. П. Н. Милюковым⁴⁵.

Главным итогом работы рационалистической мысли, полагал Сыромятников, было создание теории «государственного абсолютизма», «религии государства». В результате синтеза этой идеи с идеями национальной самобытности в исторической науке XVIII—XIX вв. надолго утвердилось господство «национально-государственной точки зрения». Совпадая по времени с «эпохой расцвета реакции», с борьбой европейских монархий с Наполеоном, со складыванием национальных государств, которое Сыромятников относил к началу XIX в., «национально-государственная теория» получала подкрепление в битвах народов, национальном отчуждении, незнакомстве с путями развития чужеземной культуры⁴⁶.

За наполеоновскими войнами последовал «период культурного сотрудничества наций» на основе тесных международных отношений и «блестящего промышленного развития». В исторической науке он привел к открытию близкого родства правовых и политических институтов. Вместо «националистических предрассудков» появляется понятие европейской цивилизации; однако идея исторической закономерности еще не приобрела тогда, по мнению Сыромятникова, универсальной формы; произошло лишь «обобществление националистического чувства Европой»⁴⁷.

Последнее по счету радикальное преобразование исторической науки и идеи исторической закономерности произошло, по Сыромятникову, в результате буржуазных революций середины XIX в., принесших Европе «свободные учреждения»⁴⁸. «По существу,—

ние о прямолинейном общем для всех народов прогрессе и стала рассматривать его как медленное накопительное движение.

⁴³ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 7, 12.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ П. Н. Милюков. Юридическая школа в русской историографии.— «Русская мысль», 1886, № 6, отд. 2, стр. 81.

⁴⁶ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 15.

⁴⁷ Там же, стр. 17.

⁴⁸ Там же.

писал он,— это революционное движение было последним заключительным актом многовекового объединительного процесса в истории европейских народов, последним моментом их «государственного самоопределения». В этом смысле великие революции XIX столетия знаменовали собой окончательное торжество национально-государственной идеи, которая из монархической теперь превратилась в революционную, демократическую, из политической в социальную»⁴⁹. Политическая власть перешла в руки народа (под ним Сыромятников понимал буржуазные круги), «полицейское» государство сменилось «правовым», выработавшим принципы народного представительства. Для историков в новых условиях стало ясно, что исторический процесс направляется «общественными силами, борьбой интересов и партий», что лишь «путем самого тщательного анализа всей совокупности общественных явлений, их необходимой внутренней взаимной связи можно раскрыть действие тайных образующих сил исторического процесса»⁵⁰. Центр исторических исследований перемещался с политической истории на процессы, происходящие «в низах общественной жизни, на экономические явления и социально-экономическую эволюцию»⁵¹. Колониальная горячка, столкнувшая европейцев вплотную с народами, находившимися на ранних ступенях развития, по мнению Сыромятникова, разрушила последние устои европоцентризма и сделала очевидным тот факт, что все народы мира шли «аналогичным путем, проходя одинаковые исторические этапы, повинувшись одним и тем же законам развития»⁵². Историческая наука и новая дисциплина— социология стали вплотную перед открытием законов исторического развития. Это открытие, полагал Сыромятников,— дело недалекого будущего.

Таким образом, взгляд на судьбы и содержание идеи исторической закономерности Сыромятников связывал с ростом Европы; степень познания исторической закономерности представляла у него нечто производное от уровня развития буржуазных отношений.

Этот взгляд на историческую закономерность сочетался у Сыромятникова с мыслью об общем направлении исторического процесса и его «русской» общественно-политической программой. Идеи исторической закономерности и «экономизма» как учения об экономически обусловленной эволюции общества составляли необходимую научную основу творчества Сыромятникова. Мы не вправе снимать со счета научных познавательных моментов в складывании его исторической концепции. Однако, в конечном счете, определяющая роль принадлежала более общим идеологическим моментам. Мысль Сыромятникова отправлялась от оконча-

⁴⁹ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 15.

⁵⁰ Там же, стр. 19—20.

⁵¹ Там же, стр. 20—21.

⁵² Там же, стр. 23.

тельного итога исторического развития — «правового государства», «торжественной санкции завоеваний народа» в глубь исторического процесса с тем, чтобы доказать, что пройденный человечеством путь может быть «обозначен как непрерывный процесс высвобождения личности из-под опеки многообразных, некогда связывавших ее по рукам и ногам общественных и политических союзов, родовых, племенных, общинных, сословных и иных». Велчайшим из завоеваний современной культуры, принципом и лозунгом новейшего времени для Сыромятникова было «понятие человеческой личности с ее правом на самоопределение и свободу»⁵³.

Этот буржуазно-индивидуалистический идеал привел Б. И. Сыромятникова в 1905—1907 гг. к кадетам. Подобно их большинству, Сыромятников мечтал о «настоящем концерте между страной, законодательными учреждениями и правительством»⁵⁴, которым была бы призвана дирижировать кадетская Дума. Революция 1905—1907 гг. расценивалась им как «глубокий государственный переворот», совершающий в России то, что уже совершено в Европе — переход от старого «полицейского» государства к правовому⁵⁵.

Существо исторического процесса заключалось, по Сыромятникову, в постепенном переходе «от простых форм жизни к более сложным, от однородного к разнородному» на основе экономического развития и фактического соотношения общественных сил⁵⁶. Экономическая эволюция понималась в традициях «экономического материализма» как смена форм хозяйства (экстенсивного кочевого скотоводства земледелием, последнего — промышленным производством)⁵⁷.

Отсюда следовал вывод о том, что общество представляет собою совокупность групп и классов со специфическими, только им присущими функциями в экономике и политике и вступающих в отношения «сотрудничества» и «подчинения». Так, в древнем обществе Сыромятников насчитывал 4 «класса» — класс «мирного труда», военных, жрецов и торгово-промышленный класс⁵⁸. Функциональный характер носил и самый процесс классовобразования («нужно было призвать готовую вооруженную силу, которая обеспечивала бы «земщине» право мирного труда и защищала бы ее от вторжения неприятелей... трудовой класс передает

⁵³ Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда в древней и новой России.— «Судебная реформа», т. I. М., 1915, стр. 22—23.

⁵⁴ Б. И. Сыромятников. Игра в свои соседи.— «Русское слово», 1908, № 22.

⁵⁵ Б. И. Сыромятников. История верховной власти в России.— «Критическое обозрение», 1909, вып. IV, стр. 5; *он же*. Очерк истории суда..., стр. 22—23.

⁵⁶ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 62—63.

⁵⁷ Там же, стр. 63 и далее.

⁵⁸ Там же, стр. 53, 63.

свой меч непроеизводительному военному классу)»⁵⁹. В столь же объективистски искаженном виде представлял в интерпретации Сыромятникова процесс формирования политических отношений, образование государства. Отношения господства и подчинения здесь получали вторичную природу, проистекали из сосредоточения управленческих функций в руках наиболее способного к ним класса: «Общественные классы, не заинтересованные лично в производстве материальных ценностей (!), заняли естественное руководящее положение в государственном управлении, которое благодаря тому и приняло односторонний классовый оттенок»⁶⁰.

Задачу права, а, следовательно и государства, Сыромятников представлял как «охранение общественного равновесия в системе общественных отношений властвования и подчинения»⁶¹. Это представление смыкалось с утверждениями другого «экономиста», П. Б. Струве, видевшего в политике государства «равнодействующую общественных сил»⁶².

Подобные представления, естественно, вели к объективистскому искажению исторического процесса и накладывали формально-юридический и политический отпечаток на исполнение той задачи в изучении права, которая, по мнению Сыромятникова, как раз и позволила бы выйти из узких рамок формально-юридического исследования. Считая, что только после тщательного исследования форм социального хозяйства, в которых господствовала та или иная правовая система, можно действительно исторически оценить эту систему, Сыромятников нередко возвращался с «экономистской» почвы к поверхностной правовой критике социальных явлений.

Тем не менее даже столь урезанная, останавливающая исследователя на полпути методологическая программа могла позволить Сыромятникову взглянуть на историю русского права с несколько иной точки зрения, чем та, которая была развита русской исторической наукой во второй половине XIX в. Этому способствовало применение Сыромятниковым сравнительно-исторического метода в сочетании с основательным знанием права европейских народов.

В глазах Сыромятникова, как и многих его коллег, распространение сравнительно-исторического метода знаменовало собою буквально «целую революцию в умах историков и юристов»⁶³. Для него была характерна гипертрофия сравнительно-исторического метода. Сыромятников превращал его из орудия познания

⁵⁹ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 37.

⁶⁰ Там же, стр. 63.

⁶¹ Там же, стр. 54.

⁶² См.: П. Б. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. 1. СПб., 1894, стр. 72.

⁶³ ГБЛ, ф. 366, карт. 23. См.: Э. Фриман. Сравнительная политика. М., 1900, стр. 197; М. М. Ковалевский. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880.

в систему, основу познания. Он заявлял о том, что лишь сравнительно-исторический метод поставил на место «националистических предрассудков и тенденциозной односторонности принцип объективного научного анализа» и впервые дал научную почву проблеме исторического закона. Новая «научная доктрина» одна была способна «обнять в общем синтезе многообразие исторического процесса, построить равнодействующую исторических сил»⁶⁴.

Принципиальным вопросом в применении сравнительного метода был вопрос о том, что лежит в основе сходства исторического развития разных народов. Единственно правильный ответ на этот вопрос уже существовал в XIX в. в марксистской теории исторического процесса. В начале XX в. буржуазная историческая наука противопоставляла марксизму положение о том, что единство культуры европейских народов покоится на общности их арийского происхождения. Это мнение, особенно распространенное в немецкой и английской историографии, до определенной степени поддержал Павлов-Сильванский.

Сыромятников пошел более верным путем, подчеркивая, что «ближайшее знакомство с историей угаснувших и исчезнувших народов неарийского происхождения блестяще доказало, что перед лицом исторической необходимости представители всех рас равны, какая бы кровь ни бежала в их жилах, каков бы ни был цвет их кожи, в каких бы климатических условиях они не жили»⁶⁵. Основа общности исторического развития народов, заключалась, по его мнению, в сходном характере экономики, порождающем сходные общественные отношения.

Главная задача при пользовании сравнительно-историческим методом — «восходить до общих принципов, абстрагировать коренные начала, лежащие в основе реальных явлений, всегда отмеченных индивидуальными признаками»⁶⁶.

Сравнительный метод, считал Сыромятников, сам несет в себе «все необходимые гарантии как против антинаучных односторонних построений, так и против вульгарного, шаблонного понимания исторической эволюции». «История знает закон, но не шаблон», — утверждал он⁶⁷. В связи с этим он осторожно подвергал критике использование сравнительного метода в трудах Павлова-Сильванского: «Теперь нужно самостоятельное и научно-поставленное изучение предмета (феодализма.— *В. М.*), путем же поверхностных аналогий и рискованных афоризмов нельзя построить ничего прочного. Недавно опубликованные работы Павлова-Сильванского (симпатии наши всецело на стороне автора), совпавшие с нашими по сюжету, грешат до некоторой степени имен-

⁶⁴ ГБЛ, ф. 366, карт. 23.

⁶⁵ *В. И. Сыромятников. Происхождение феодальных отношений в древней Руси. Корректурa, стр. 46.*

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ГБЛ, ф. 366, карт. 23.

но излишней погоней автора за внешним сходством, шаблоном. В этом смысле автор избрал ложный путь. Увлекаясь иногда частностями, он оставляет в стороне основные вопросы...»⁶⁸.

Влияние методологической ошибки — поиска шаблона, но не закона Сыромятников находил в ряде неудач русских историков в поисках твердой аналогии между русской и всемирной историей: «заимствуя у западных фэдистов готовые уже формулы, они сопоставляли их с данными русской истории и, в конце концов, отказывались признать феодальную систему в древней Руси. Сходных явлений оказывалось немало, но не менее было и различий, и вот здесь-то и начинались колебания. Европейский образец феодального строя одновременно был похож и непохож на удельную Русь, а так как не было известно, что именно в феодализме составляет его сущность, то историкам русским и приходилось в буквальном смысле примеривать западный масштаб на русской действительности»⁶⁹.

В концепции Сыромятникова были намечены пять основных периодов — 1) эпоха «непосредственной демократии»; 2) земский период; 3) удельный период; 4) Московская монархия; 5) Петербургская империя. В последних звеньях этой периодизации заметно сходство с исторической концепцией Ключевского. Первый период обозначал древнейший дописьменный этап истории Руси. Название второго периода — «земский», навеяно «Обзором истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова, где «земским периодом» обозначены IX—XII вв. Основанием периодизации по-прежнему служит традиционное для буржуазной исторической науки представление о характере государственной власти. Но, пользуясь старыми мехами, Сыромятников попытался влить в них новое вино и по-новому раскрыть экономические и политические основы каждого из периодов.

Вопрос о древнейшем «докиевском» строе древней Руси не получил в русской буржуазно-дворянской науке определенного разрешения. М. К. Любавский, предваряя свой курс историографической справкой по этому вопросу, насчитал 6, по его мнению, достойных внимания теорий: теорию родового быта Соловьева и Кавелина, общинную теорию К. С. Аксакова, теорию племенного быта Костомарова, теорию задружно-общинного быта Лентовича и Никитского, теорию Сергеевича, наконец, теорию торгового происхождения городских волостей Ключевского⁷⁰. Сам

⁶⁸ ГБЛ, ф. 366, карт. 23.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ М. К. Любавский. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1916, стр. 59—66. Подобного мнения придерживался и В. Н. Сторожев. («Русская история с древнейших времен до Смутного времени». Сб. статей под ред. В. Н. Сторожева, вып. 1. М., 1898, стр. 1—8).

Любавский объявил себя сторонником родовой теории и разошелся с С. Ф. Платоновым, отстаивавшим мнение о господстве общинного быта, и с Н. К. Рожковым, строившим схему смыкания гражданских общин-вервей в племена⁷¹ и с рядом других историков. Специалисты же по истории русского права — М. Ф. Владимирский-Буданов, да и В. И. Сергеевич и др. — предпочитали не касаться столь спорного вопроса, начиная курсы с формально-юридического толкования древнейших письменных памятников права.

«Древняя социальная формация» восточных славян в ту пору, когда ее застают первые письменные известия иноземных авторов, по мнению Сыромятникова, носила на себе главные черты общественного состояния всех архаических обществ⁷². Ей были присущи хищнический, кочевой или захватный характер хозяйства, отсутствие частной собственности на землю, непосредственное отношение производителя к продукту труда, отсутствие общественной дифференциации, родо-племенная организация общества⁷³. Отсутствие общественной дифференциации в условиях первобытного общества Сыромятников объяснял тем, что в основе последней может лежать лишь «классовая дифференциация, экономическое различие в положении отдельной общественной группы»⁷⁴.

Несомненную заслугу Сыромятникова составляет то, что он впервые в курсах истории русского права в учебных заведениях России утверждал, что всякое древнее общество представляло собою «союз равных», в котором каждый одновременно «является и воином, и гражданином, и судьей, и законодателем, а вместе с тем и производителем и потребителем необходимых каждому экономических благ». В древнем обществе выработалась первичная политическая форма — «непосредственная демократия», осуществляемая племенным собранием⁷⁵.

Вместе с тем этот взгляд нес на себе присущий «экономическому материализму» отпечаток методологического плюрализма. Указывая на руководящую роль социального хозяйства в становлении общественных отношений древнейшего периода, Сыромятников в то же время считал основным признаком древнего общества тесную кровную связь, которая и отличала его от последующих обществ⁷⁶.

⁷¹ См.: С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Изд. 10-е, Пг., 1917, стр. 60; Н. К. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. 1. М., 1905, стр. 70.

⁷² Б. И. Сыромятников. История..., стр. 97, 94.

⁷³ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 64—65, 94—97; он же. Обзор истории верховной власти в России, стр. 6; он же. Очерк истории суда в древней и новой России. — «Судебная реформа», т. I, М., 1915, стр. 21.

⁷⁴ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 98.

⁷⁵ Там же, стр. 67, 98.

⁷⁶ Там же, стр. 95.

Одним из центральных положений Сыромятникова был тезис о неземледельческом, хищническом кочевом хозяйстве, перераставшем в хозяйство торговое. Это положение, с одной стороны, опиралось на традицию Ключевского. С другой стороны, в нем сказывалась характерная для «экономического материализма» тенденция ставить в центр общественных отношений формы хозяйства и отношения обмена⁷⁷. В соответствии с этим акцент в вопросе о происхождении неравенства переносился на захват родо-племенной верхушкой движимых богатств.

Отмеченные этими чертами древнеславянская «демократия», «коммунизм примитивного родового союза»⁷⁸ являлись в концепции Сыромятникова «исходным моментом нашей истории». Следующий, «земский» период представлял собою «длительный мучительный процесс разложения этой примитивной демократии, процесс расслоения первоначально однородного общественного состава, племенного государства, который привел к новой общественной структуре и вместе к новому общественному строю»⁷⁹.

«Коллективная собственность и труд, коллективная ответственность и защита прав»⁸⁰ составляли в лекциях Сыромятникова ту картину, которую невозможно было почерпнуть в русской буржуазной исторической и историко-правовой литературе. Но в целом она носила буржуазно-либеральный характер. Ее отличала от материалистической концепции, во-первых, объективистская оценка государства как лишенной классового содержания общественной формы — родо-племенные союзы расценивались Сыромятниковым как государства. Кроме того, Сыромятников описывал процесс разложения первобытного строя как результат накопления движимых богатств и передачу по наследству «личных достоинств» отдельных членов рода⁸¹, не задумываясь над источниками этих богатств (для Сыромятникова это были войны и торговля), в то время, как решение вопроса состояло в том, что в рамках «общественного расчленения, основанного на отношениях родства, все больше и больше развивалась производительность труда, а вместе с нею — частная собственность и обмен, различия в богатстве, возможность пользования чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий — новые социальные элементы, пытающиеся в ряде поколений приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовме-

⁷⁷ Любопытно заметить, что многие из тех русских историков, кого не коснулось влияние «экономического материализма», будучи на сравнительно более отсталых методологических позициях, тем не менее смелее говорили о наличии и даже господстве у древних славян в так называемый «доисторический период» земледелия (См.: *К. Н. Веструев-Рюмин. Русская история*, т. I. СПб., 1872, стр. 53 и след.; *С. Ф. Платонов. Указ. соч.*, стр. 57; *М. К. Любавский. Указ. соч.*, стр. 47 и след.).

⁷⁸ *Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда*, стр. 22.

⁷⁹ *Б. И. Сыромятников. История...*, стр. 108.

⁸⁰ *Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда*, стр. 24.

⁸¹ *Б. И. Сыромятников. История...*, стр. 98, 102—103 и след.

стимость того и другого не приводят к полному перевороту»⁸². В-третьих, отрицая представления русской буржуазно-дворянской историографии о первобытной «анархии», «бесформенности» и «крайней неопределенности» юридического быта восточных славян в древности, Сыромятников усиленно выдвигал на их место тезис о полном подчинении личности среде и обществу. Это составляло первое звено в цепи доказательств Сыромятникова об эволюции общества от полного отсутствия «личного начала», экономической, правовой и проч. самостоятельности к капиталистической эмансипации личности.

Последние века I тыс. н. э. в концепции Сыромятникова охарактеризованы как время смены «родового народоправного союза» — «гражданским народоправным союзом», кровных связей — общественными, родства — соседством, когда публично-правовая деятельность начинает переходить от непосредственного осуществления народом в руки его уполномоченных и единоличных органов власти⁸³. «Земский период» совпадал у Сыромятникова со временем существования Киевской Руси. Его интерпретация Сыромятниковым направлялась по пути сопоставления марковой теории с традиционным набором источников древнерусского права и концепцией В. О. Ключевского.

Сыромятников разошелся с Ключевским в политической оценке Киевской Руси, как и Павлов-Сильванский, отдавая предпочтение общине, полагая, что главной политической единицей в начале «земского периода» была «волость» — «демократическая община». Этот вывод проистекал из предшествующей оценки родовой общины и опирался на анализ слов летописца «новгородци бо изначала, и смолянне и кыяне, и полочане и вся власти, якоже на думу на веча сходятся»; историк увидел здесь пространенное воззрение на власть и обратил внимание на отсутствии упоминаний о князе⁸⁴. Но, следуя за Ключевским же, Сыромятников уподобил «волость» не сельской общине — «верви», «миру», не полевой марке германской и французской историографии. Он расширял ее до границ другого понятия — «земли», включавшей в себя города, пригороды и сельскую территорию. Волость представляла «государство-землю»⁸⁵.

Подобно Ключевскому, Сыромятников считал торговлю главной экономической силой, наметившей политические границы

⁸² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1932, стр. 6.

⁸³ Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда, стр. 24, 36.

⁸⁴ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 160; Б. И. Сыромятников. История..., стр. 111.

⁸⁵ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 113.

русских земель, определившей политические отношения и «социальную ситуацию русского общества». «Торговые интересы,— писал он,— определили в значительной мере строй Киевской Руси... усилили процесс внутренней социальной дифференциации русского общества и способствовали образованию в недрах его классов экономического неравенства». Они же привели к возвышению городов — «старых центральных пунктов» родовых союзов, к выделению пригородов — «колоний», обособлению на торгово-географической и конкурентной основе отдельных земель, к установлению монотеистической христианской религии. На торгово-географической основе, считал Сыромятников, держалось единство древнерусских земель. Торговля не только обособляла их, но и притягивала их друг к другу: «уже самые речные пути, их общность и зависимость, связывали древнюю Русь в единую цельную экономическую и политическую систему..., орошая питательными соками и в то же время приводя весь организм в расстройство при нарушении правильного обмена этих соков»⁸⁶. Центром древнерусской жизни становилось средоточие торговли — город. Осуществление политической власти принадлежало городскому вечевому собранию, выражавшему своими решениями якобы волю всей земли⁸⁷. Сельская община в этом масштабе приобретала значение небольшого смердьевого поселения, стоящего в стороне от столбовой дороги исторического процесса и лишь постепенно переносившего «центр тяжести хозяйственного быта от хищнических форм эксплуатации природы в сферу земледелия». Говоря о все более растущем значении земледельческого хозяйства, Сыромятников не отводил ему в «земский период» серьезной роли в формировании общественных отношений. Последнее шло как бы вне аграрной сферы, и социальные отношения в этой сфере оказывались заранее подготовленными формированием господствующего класса за пределами однородной по составу сельской общины.

В описании процесса классовообразования и феодализации более всего сказался объективистский характер воззрений Сыромятникова. Так же, как занятия земледелием привели, по его мнению, к образованию класса «сельских жителей», смердов, занятия торговлей — к образованию «града» (купцов, ремесленников, городского «пролетариата») необходимость охраны торговых путей вела к кристаллизации «военного класса». Разделяя классы древней Руси по принципу основных занятий и выводя их образование из функциональных задач общества⁸⁸, Сыромятников суживал и извращал социально-экономические основы классовообразования и смягчал вопросы о классовом антагонизме в обществе, о классовом характере права, выдвигая на первый план

⁸⁶ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 117—118, 122.

⁸⁷ Там же, стр. 114—115.

⁸⁸ Там же, стр. 124, 125, 128.

классовое сотрудничество. Первым «социальным противоречием» древнерусского общества он считал не конфликт между феодализирующейся верхушкой и массой смердов, хотя и напоминал о нем, а конфликт между «интересами труда и необходимостью военной самообороны от степи»⁸⁹.

Процесс феодализации древнерусского общества и главный для Сыромятникова его результат — вытеснение «демократического» государства государством-вотчиной — предстал в этом плане как вторичный по отношению к выделению боярско-дружинных кругов и захвату ими политического верховенства в обществе.

Боярство «земского периода» Сыромятников рассматривал как сложный социальный элемент, возникающий в результате взаимодействия двух социальных групп. Первую составляли «княжи мужи» — дружинники, элемент пришлый, нанятый «землей» для «охраны земских интересов» и связанный с ней договором (так Сыромятников расценивал «призвание» варягов)⁹⁰. Она была «чуждой земству силой, скользящей по поверхности древнерусского политического мира»⁹¹. В этой группе, существующей за счет добычи в военных походах и торговли, создавался, по мнению Сыромятникова, «тот капитал», который позволил княжеской дружине повести наступление на древнерусский общинный мир — контингент холопов и движимые материальные средства.

Княжим мужам первоначально противостояли в туземном обществе «старцы градские» и «земские бояре» — наследники выделившейся в предшествующий период племенной аристократии. На основании известия 1018 г. о чрезвычайном сборе Ярослава с новгородцев, Сыромятников сделал вывод о том, что они являлись «большими людьми» и в социально-экономическом смысле⁹². Им принадлежала ведущая роль в управлении городским обществом и местными вечевыми собраниями; пришлые князья вынуждены привлекать их в думу, где на первых порах «земское боярство» сидит отдельно от старшей дружины. Оно же играет роль посредников между вечевыми собраниями и князьями, поскольку князья, приходя в сложившуюся уже социальную и политическую организацию, какой была древняя Русь, были должны «подчиняться требованиям издревле сложившегося правового порядка»⁹³.

Обе группы Сыромятников связывал с городом, источник их существования составляла торговля, в которой их интересы представляли купцы, реализовывавшие дань и военную добычу.

⁸⁹ В. И. Сыромятников. История..., стр. 128.

⁹⁰ Там же, стр. 125.

⁹¹ Там же, стр. 129.

⁹² Там же, стр. 133, 156.

⁹³ Там же, стр. 130—132, 349.

К концу «земского периода» обе группы сливаются воедино, образуя класс «военной знати»⁹⁴. Подвижная ранее дружина оседает на землю, эксплуатация которой посредством труда холопов и вовлекаемых в боярское хозяйство смердов становится более твердым и постоянным источником дохода. Образуются местные гнезда боярства, твердо держащегося за свои огнища. Возникает и обособляется боярская вотчина⁹⁵. Появляются первые черты феодализма, связанные с нею: «землевладельческий класс,— писал Сыромятников,— приобретает те признаки, которые являются характерными для него в эпоху господства политического феодализма»⁹⁶.

Процесс развития боярской вотчины Сыромятников рассматривал, опираясь на положения вотчинной теории некоторых немецких медиевистов (в частности Инама-Штернегга) о том, что одной из главных предпосылок ее развития является наличие у крупного землевладельца определенного контингента несвободных⁹⁷. Более того — из этой предпосылки он фактически выводит процесс обособления вотчины и зарождения феодальных институтов.

Главное различие между хозяйством свободного смерда и боярским хозяйством заключалось для Сыромятникова в характере приложенного к земле труда (еще один показатель объективистских воззрений историка). Для общинника само понятие хозяйства связывалось с понятием об обрабатывающей землю «муже». Он оказывался, так сказать, незаменимым: с его смертью хозяйство, основанное на его личном труде, в соответствии с общинными традициями переставало существовать, «очаг потухал», на его доле основывалось новое хозяйство. Взрослые дети мужского пола могли стать самостоятельными членами общины со своим жребием; женщина не могла наследовать смерду «потому же, почему она не продолжает рода, не расчищает дикого леса под пашню, не носит оружия в своем племени, не мстит за членов рода, не участвует на вече»⁹⁸.

Иную картину дает боярское хозяйство. Боярин — не общинник, он сформировался как социальный тип вне пределов общины, в городе и на поле сражения, он не связан с племенными

⁹⁴ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 133.

⁹⁵ Там же, стр. 125—128, 133—135. В отличие от Павлова-Сильванского, Сыромятников считал «огнищанина» не боярином, управляющим княжеской вотчиной, а земельным собственником вообще, а под «огнищем» понимал боярскую вотчину (Ср.: Н. П. Павлов-Сильванский. Соч., т. III. М., 1900, стр. 355—361; Б. И. Сыромятников. История..., стр. 125—128).

⁹⁶ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 145.

⁹⁷ См. А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX—начала XX вв. М., 1960, стр. 273.

⁹⁸ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 144.

традициями и «волен в своем добре»⁹⁹. Его хозяйство не становится выморочным, ибо трудом холопов может управлять и боярыня с помощью тиуна — раба. Поскольку «экономическое благосостояние» бояр строилось не на личном труде, а на труде холопском, его «пронизывают индивидуалистические тенденции» и в среде боярства «прежде всего зарождается понятие частной недвижимой собственности, «моего», «моей добычи», «труда моих рабов»¹⁰⁰.

С обработкой боярской земли холопами Сыромятников связывал и зарождение феодального иммунитета. Боярские земли, населенные холопами, обложению не подлежали. Напротив, боярству принадлежала «установленная» общинами привилегия собирать дани «за военные услуги земле». Таким образом возникло «первое понятие привилегированного военного землевладельца», не платящего податей лично и земля которого не несла тягла. Оно несло черты иммунитета — тех привилегий, «которые являются в эпоху развитого феодализма характерным признаком крупного землевладения»¹⁰¹.

Вместе с иммунитетом в недрах вотчины рождался и другой феодальный институт — владельческая юрисдикция, превращавшая крупного собственника в «государя» для населения, сидевшего на его земле¹⁰². Охватывая первоначально лишь боярских холопов, эта юрисдикция по мере того, как колебалась «независимость свободного населения под влиянием процесса социальной дифференциации» распространялась на худых смердов, садившихся в качестве закупов или арендаторов на землях крупных собственников. «Утратив свою экономическую самостоятельность,— писал Сыромятников,— закуп терпел умаление в своих правах. В этом сказывался основной принцип древнего права, которое не допускало личной зависимости свободного человека от свободного и личную зависимость отождествляло с рабством»¹⁰³.

Эти явления, считал Сыромятников, знаменуют рождение «феодального землевладения, которое позднее совершенно почти вытесняет государственную власть...за околицу боярщины, предписывая княжеским слугам «не вступатися ни во что». Следовательно уже здесь, в положении древнерусской аристократии мы можем наметить начальный момент феодализма. Мы видим, что по существу военный класс в эту эпоху сделал громадные завоевания: он не только стал на вершину политического общества древней Руси, но и начал обратную работу постепенного подчинения и закрепощения под свою мощную руку некогда свободных социальных элементов»¹⁰⁴.

⁹⁹ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 143.

¹⁰⁰ Там же, стр. 145.

¹⁰¹ Там же, стр. 146.

¹⁰² Там же, стр. 146—147.

¹⁰³ Там же, стр. 147.

¹⁰⁴ Там же, стр. 148.

Какова же была обратная сторона процесса феодализации, шедшего в представлении Сыромятникова сверху вниз?

Первоначально смерд-общинник¹⁰⁵ является свободным лицом, полноправным гражданином, принимающим участие во всей деятельности общины по поддержанию порядка и внутреннего мира и имеющим право участвовать в городском вече в своей округе. Тем не менее Сыромятников, опираясь на анализ того же известия под 1018 г., отмечает, что смерд стоит на нижней ступеньке социальной лестницы свободных¹⁰⁶.

Эволюция сельского населения в «земский период» развивалась в изображении Сыромятникова «в направлении обезземеления и закабаления бывшего свободного населения более сильным общественным элементом». «Ненасытное привилегированное землевладение» становится настоящей «социальной угрозой», поглощая «хозяйство и личность» беднейшей земледельческой массы¹⁰⁷.

Мы уже указывали, что Сыромятников оказался неспособен с позиций вульгарного «экономического материализма» вскрыть процесс классообразования в сфере аграрных отношений. В той же мере ему остались недоступны причины происхождения зависимости смердов, хотя самый процесс обезземеления и установления зависимости им описываются сравнительно верно.

Первую форму зависимости представлял закуп Русской Правды — с одной стороны, свободный человек, имевший свое хозяйство и занимавшийся папшным земледелием, с другой — связанный с господином «купой» — ссудой инвентарем, деньгами или зерном. Закуп — «экспроприированный смерд, утративший свою хозяйственную самостоятельность и ставший в зависимость от частного лица». Последнее обстоятельство Сыромятников считал роковым, ведущим к переходу земельного участка смерда в руки феодала и к личной зависимости смерда, ведущей к крепостному состоянию¹⁰⁸.

Второй путь установления зависимости Сыромятников видел в закабалении исполонников, изорников, кочетников Псковской судной грамоты, попадавших в зависимость вследствие обезземеления¹⁰⁹.

По мере наступления крупного феодального землевладения на общинные земли в боярском хозяйстве доминирующую роль начинает играть не труд холопов, а труд «колонов». Сыромятников полагал, что положение сидящих на земле холопов реально

¹⁰⁵ К признанию древности крестьянской общины в России Сыромятников приходит в 1905—1906 гг. (ГБЛ, ф. 366, карт. 32). В «Истории русского государственного права» он подверг резкой критике мнения П. Н. Милюкова и В. И. Сергеевича о позднейшем фискальном происхождении общины (*Б. И. Сыромятников. История...*, стр. 171—172).

¹⁰⁶ *Б. И. Сыромятников. История...*, стр. 172, 150, 167—168, 173.

¹⁰⁷ Там же, стр. 174, 176.

¹⁰⁸ Там же, стр. 178.

¹⁰⁹ Там же, стр. 181—183.

(но еще не юридически) начинает сближаться с положением остальной массы крестьянства вотчины. Это был третий путь формирования феодально зависимого сельского населения¹¹⁰.

Отсюда Сыромятников выводил, что к XV—XVI вв. значительная масса крестьянства закрепляется за феодалами, значительно отодвигая вглубь признанные в буржуазной литературе сроки закрепощения крестьянства, связывая закрепощение с ростом вотчины. Появление закупничества, феодальной аренды, перевод холопов на землю означали, по его мнению, «кульминационный пункт в истории развития феодальных отношений древнего периода» и «рождение нового института феодального общества, возникшего на почве закрепощения сельского населения крупным землевладельческим классом»¹¹¹.

В том же направлении развивались и политические учреждения «земского периода». Вече проходит путь от общеплеменного, общенародного схода до узкотерриториального органа, теряя по мере усиления феодального землевладения и княжеской власти свои политические и судебные функции, отходившие к княжеской администрации. Главной причиной, предопределившей падение вечевых собраний, Сыромятников считал процесс социальной дифференциации свободного населения, выделявшего в деревне зависимую от землевладельцев массу, а в городе — прослойку «городского пролетариата», «вечевой черни», подкупаемой имущими слоями города и также терявшей политическую и экономическую независимость¹¹².

«Удельный период» Сыромятников характеризовал как время господства на Руси «развитого феодализма»¹¹³.

Набрасывая в 1903 г. одно из своих первых определений феодализма, Сыромятников останавливался на четырех его «типических чертах» — сеньорате и вассалитете как иерархии лиц, особом землевладельческом режиме, выражавшем иерархию земель, военной организации, опиравшейся на это двойное подчинение, наконец, на наследственности и передаче должностей¹¹⁴.

На последующих страницах того же блокнота Сыромятников вскоре сделал две пометки. Первая касалась хозяйственной основы феодального общества: «Феодальная эпоха — это эпоха господства «власти земли». Торговли нет». Вторая отразила взгляд Сыромятникова на характер социальной эволюции феодального общества: «феодальная эпоха освободила рабов и закрепостила свободных... Общество распалось на а) беломестцев, бояр, которые

¹¹⁰ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 185.

¹¹¹ Там же, стр. 166.

¹¹² Там же, стр. 192.

¹¹³ Б. И. Сыромятников. История русского права. Удельный период.— «Вестник ВЖЮК», 1907, № 5—6.

¹¹⁴ ГБЛ, ф. 366, карт. 32.

ушли «князьками» и творили суд в своих владениях. Их не задевало княжое управление. б) черные люди (князьи), ими управляли дворецкие или наместники или волостели. Тут идет грабеж. Наместничье — волостное управление становилось социальной опасностью. Ропот населения. Отсюда уставные грамоты, ограничивающие наместников и волостелей»¹¹⁵.

Следующим шагом было определение феодализма как «натурально-хозяйственной формы государства»¹¹⁶. Сам его характер означал, что Сыромятников не сумел отойти от определения феодализма как политико-правового порядка, столь распространенного в буржуазной исторической литературе. В этом его концепция смыкалась с воззрениями Павлова-Сильванского.

Однако были и различия. Сыромятников более последовательно (хотя и умозрительно, без фундаментальной разработки источников) расценивал с точки зрения «экономического материализма» эту «новую социальную формацию», возникшую на почве постепенного разложения однородных хозяйственно-политических союзов и приведшую к окончательному установлению «экономического и общественного разделения труда»¹¹⁷.

Кроме того, Сыромятников уделил более значительное место в объяснении «удельной анархии» такому моменту, как «непрерывная борьба (феодалов.— В. М.) за землю и рабочие руки», нашедшему отражение в междукняжеских договорах, «примыслах», льготах и т. д.¹¹⁸

Наконец, Сыромятников не пошел, подобно Павлову-Сильванскому, вслед за французскими исследователями (Люшер, Флакк и др.) в противопоставлении сеньориального и вотчинного режимов, рассматривая феодализм как целостную систему отношений.

Сближали же обоих исследователей положения о господстве крупного землевладения, о связи его с мелким крестьянским хозяйством, о раздроблении государственной власти между землевладельцами и соединении частнопровых и государственных «интересов», о иерархии и вассалитете, как атрибутах феодализма.

Сыромятников полагал, что в сущности основные черты феодализма в удельной Руси «давно уже вскрыты мастерским анализом проф. Ключевского. Маститый историк по справедливости должен считаться самым глубоким обоснователем русского феодализма, хотя сам он и стоит в оппозиции к русским феодалам»¹¹⁹. Тем не менее Сыромятников начал расходиться с Ключевским уже по вопросу о причинах падения Киевской Руси.

Главную причину Сыромятников видел во внутреннем разложении «земской демократии». В XII в., с которого Сыромятни-

¹¹⁵ ГБЛ, ф. 366, карт. 32.

¹¹⁶ В. И. Сыромятников. История..., стр. 72.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ «Вестник ВЖЮК», 1907, № 5-6, стр. 12.

¹¹⁹ В. И. Сыромятников. История..., стр. 265.

ков начинал историю «удельного периода», Русь представляла собой общество с ясно выраженным антагонизмом общественных классов (терминология Сыромятникова.— В. М.), причем трудовая масса населения «находилась почти совершенно в кабале, в полной политической и социальной зависимости от немногих представителей богатейших фамилий землевладельцев-бояр и купцов»¹²⁰. «Мелкий производитель», составлявший основу древнерусского «демократического» строя, «попадал в крайне тяжелые условия», его судьба находилась в «руках рабовладельцев-землевладельцев», что вело к государству—волесть к полной смерти»¹²¹. Следующей крупной причиной Сыромятников считал перенесение торговых путей из Скандинавии и Европы на Запад, что потрясло экономический базис русского общества¹²². В этих условиях была порождена и третья причина, представлявшая следствие первых двух — население, «обездоленное и закабаленное», ищет спасения на новых землях и «стремительным потоком бросается в дикие леса Владимиро-Суздальской Руси» и на запад, где складывалось Литовское государство¹²³. Наконец, четвертая причина заключалась в половецких и татарских набегах. Она не являлась главной, «татары пришли лишь для того, чтобы унаследовать готовую добычу разложившегося общества, собственно говоря, нанести последний удар Киевской Руси с ее распатанными общественными и политическими отношениями»¹²⁴.

Организация общества в период феодальной раздробленности, по мнению Сыромятникова, строилась на вотчинных началах. Взгляд его на процесс образования «суздальского мира», на удельного князя, «заселителя и устроителя, хозяина и скопидома»¹²⁵ был во многом заимствован у Ключевского. Князь, ранее «политическая случайность в земле», теперь является «хозяином и устроителем своей вотчины-удела и в качестве сельского хозяина не столько управлял, сколько эксплуатировал свое государство»¹²⁶.

Экономическую основу удельного периода составляло, по Сыромятникову, натуральное хозяйство при почти полном отсутствии торговли и ремесла, различия между городом и деревней¹²⁷. Общество стало «проще, беднее, однороднее» и состояло из светских и духовных землевладельцев и «сельских людей», сидящих на черных и частновладельческих землях. Главным ферментом общественных отношений Сыромятников в соответствии с методо-

¹²⁰ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 267.

¹²¹ Там же, стр. 72, 267.

¹²² Там же, стр. 269; «Вестник ВЖЮК», 1907, № 5—6, стр. 11.

¹²³ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 268, 266.

¹²⁴ Там же, стр. 267.

¹²⁵ Б. И. Сыромятников. В. О. Ключевский и русская историческая наука.— «Вопросы права», 1914, кн. VIII (IV), стр. 19.

¹²⁶ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 172.

¹²⁷ Там же, стр. 273.

логией «экономического материализма» считал не отношения, возникающие в процессе земледельческого производства, а непосредственное отношение к земле. «Все отношения этого простого сельского феодального общества,— писал он,— будут определяться отныне отношениями по земле. Власть будет иметь тот, кто будет иметь землю. Землевладелец превратится в «государя», «государь» — князь — в землевладельца. Вся система отношений принимает вотчинно-поместный характер»¹²⁸.

Объективистски оценивая основное отношение феодального общества, Сыромятников, однако, тонко уловил одну из сторон развития феодальных отношений: непрерывную борьбу феодалов за землю и рабочие руки, возрастающую по мере концентрации населения в Северо-Восточной Руси и освоения новых земельных массивов. Анализируя последовательное уточнение описания земельных границ в актовом материале XIV—XVI вв., Сыромятников делает вывод, что оно отражает «дальнейшие захваты земель сильными людьми и крупными землевладельцами, которые стремятся освоить земли черного населения»¹²⁹. Крестьянство, «элемент, менее защищенный юридически в своих правах и экономически и социально слабейший, постепенно поглощается в процессе юридического и фактического огораживания земель представителями крупной земельной светской и церковной собственности». Этот процесс, с точки зрения Сыромятникова, является «определяющим в истории удельной эпохи. С этой точки зрения станет понятным и образование крупного сеньориального хозяйства и возникновение института крепостного права»¹³⁰.

Предшествующий процесс развития крупного землевладения и развитие земельных отношений в удельный период усиливали противостояние двух классов — «военно-служилого класса и крестьянства»¹³¹.

Военно-служилый класс составляли первоначально две социальные группировки — бояре, родословная аристократия, потомки дружинников времен Киевской Руси, и вольные и невольные слуги, служилая дворян, дворянство в узком смысле термина. Эволюция обеих групп приводит к их постепенному слиянию и образованию «единого дворянского сословия».

Главной чертой боярства Сыромятников считал обладание землей на вотчинных правах, указывая на то, что бояре являются довольно точной аналогией «западноевропейским аллодиальным владетельным сеньорам»¹³². Как и последние, бояре являются привилегированными землевладельцами, не платящими князю по-

¹²⁸ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 274.

¹²⁹ Там же, стр. 275—281.

¹³⁰ Там же, стр. 284.

¹³¹ Там же, стр. 70—71.

¹³² Там же, стр. 294.

дате́й с земли, обладающими правом судиться только у князя «в присутствии равных»¹³³. Связь боярства с удельными князьями носит неустойчивый характер — боярин служит князю — сюзерену с земли и с землею, но не за землю, как помещики-дворяне. Землевладение и служба боярина не связаны между собою, что не исключало, конечно, случаев кормлений или жалования вотчин. Вслед за Павловым-Сильванским Сыромятников указывал случаи, когда боярин не служит никому.

Сила боярства, подчеркивал Сыромятников, заключается как в землевладении, так и в «дворах», в арьер-вассалах, составляющих боярскую дружину¹³⁴. Вотчинное право определяет независимое положение боярина, «его личность необычайно целостно сливается с землей, основной экономической ценностью эпохи»¹³⁵.

Формами проявления независимого политического положения Сыромятников считал иммунитет землевладельца и вотчинную юрисдикцию, отсылая слушателей в этом вопросе к «Феодализму в древней Руси» Н. П. Павлова-Сильванского и обращая их главное внимание на ликвидацию феодальных вольностей в ходе формирования «Московского государства». «Политические права феодальной аристократии, — отмечал, однако, Сыромятников, — заходят и в Московское время, отражаясь, с одной стороны в том, что боярство продолжает еще в XVI в. держать при себе «частные» полки, противопоставляет себя великому князю во имя сохранения «феодальных вольностей», с другой стороны — сохраняет почти в полном объеме («опричь душегубства и татбы с поличным») вотчинную юрисдикцию»¹³⁶.

Окончательное падение боярства происходит в XVII в. Главную причину этого Сыромятников видел в постоянном наследственном дроблении вотчин и мобилизации боярских земель в руках монастырей. Теряя земли, боярство попадало в экономическую зависимость от крупнейшего вотчинника, великого князя, двумя путями — переходя в службу под условием испомещения или бья челом в службу с вотчиной (Сыромятников полагал, что этим на практике вотчина переводилась на поместные условия)¹³⁷. За счет экономического падения феодалов росла политическая централизация.

Эта упрощенная вульгарно-экономическая трактовка произошла из преувеличенных представлений о натуральном хозяйстве вотчины, непонимания роли развития производительных сил, установления экономических связей. Правильно выделяя некоторые из причин образования централизованного государства — выгодное положение Москвы, ее рост как хозяйственного центра русских земель, тягу многочисленного слоя мелких феодалов к вели-

¹³³ «Вестник ВЖЮК», 1907, № 5-6, стр. 13.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ *Б. И. Сыромятников*. История..., стр. 297.

¹³⁶ Там же, стр. 303, 441.

¹³⁷ Там же, стр. 399—400.

кому князю — Сыромятников рассматривал процесс централизации вне связи с ростом экономической общности России, ростом феодального землевладения, консолидацией сил феодалов в условиях классовой борьбы крестьянства, усиления феодальной зависимости последнего. Рост государства Сыромятников склонен был характеризовать как суммирование территорий под власть московского князя, что, по его мнению, порождало и противоречивость государственного аппарата, отражавшего структуру государственной территории. Значительно преуменьшая роль государственной власти в процессе централизации, Сыромятников отмечал, что власть не создавала «нового порядка вещей» и лишь следовала «стихийному порядку», сохраняя взгляд на государство как на вотчину великого князя¹³⁸.

Однако в оценке последствий образования централизованного государства Сыромятников выдвинул ряд интересных идей. Это, во-первых, признание того, что «в основе этого государственного порядка лежат те же экономические силы, которые создали отношения во второй период». Отсюда Сыромятников заключал, что «политический феодализм» пал, переродившись в новые формы и закрепив в стройной системе феодализм «социальный», или «феодализм монархический»¹³⁹. Во-вторых, он отметил, что в ходе образования централизованного государства «отношения подчинения», прежде децентрализованные, «выросли в целый государственный строй с подчинением одного класса другому»¹⁴⁰. Уделом крестьянства стало крепостное право, «служилого класса» — поместье (ленное) право и участие в политической власти, вытекавшее из самой структуры феодально-монархического государства, где государем являлся феодал-земледелец¹⁴¹.

Дворянство Сыромятников в соответствии с распространенными воззрениями рассматривал как социальную силу, вербуемую первоначально княжеской властью и феодальными сеньорами из «самых низов общественной лестницы», отчасти из потомков разорившихся бояр, отчасти из холопов. Представляя собою феодалов «чистой воды, то есть не только вассалов, но и ленников», помещики XVI в. в России вполне соответствовали держателям «благородных пожалований» в Европе. Русское ленное дворянство составляло верные кадры слуг московских князей в борьбе с боярской крамолой в процессе образования феодальной сословной монархии¹⁴².

Сыромятников пытался отойти от характеристики дворянства как «невольных слуг»: «Дворяне-помещики, обладатели земель и *закрепощенного ими* народного труда, становились правительственным сословием, становясь во главе общества всякий раз,

¹³⁸ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 78, 389, 394.

¹³⁹ Там же, стр. 77—80.

¹⁴⁰ Там же, стр. 83.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, стр. 83, 311—312, 315.

когда общество получало некоторую возможность самостоятельности»¹⁴³. Не решаясь прямо связывать государство с классовыми интересами дворянства, он возражал против тезиса о том, что государственная власть держала дворянство в полном подчинении, и выдвигал положение о том, что в XVIII в. дворянство начинает управлять Российской империей, по своей «милости» возводя на престол монархов и низводя их по своему же усмотрению¹⁴⁴.

Продолжая линию Ключевского, Сыромятников утверждал, что крестьянство Владимиро-Суздальской Руси первоначально выступает в качестве вольных арендаторов княжеских и частновладельческих земель, свободно переходя из волости в волость, легко разрывая старый феодальный договор и заключая новый.

Для буржуазного историка-юриста Сыромятникова естественным было преувеличение роли и значения крестьянского договора (порядка), тем более что, ссылаясь на него, Сыромятников вводил крестьянство в систему феодальной иерархии. «Черное держание»... вводит их в систему феодальной иерархии, превращая их в особую социальную группу»¹⁴⁵. Исходя из того, что договаривались юридически и экономически неравные стороны, Сыромятников делал вывод о том, что заключение порядка вело к закрепощению крестьянина, выражавшемуся первоначально в отношениях подчинения. «Вот почему в основе феодального общества или феодального социального хозяйства лежит принцип закрепощения (servitium) более слабых социальных элементов более сильными»¹⁴⁶.

Сыромятников пытался выявить экономические и юридические корни закрепощения, рассматривая их как равновеликие. Крестьянство, отмечал он юридическую сторону процесса, рано встречает ограничение права перехода, исходящее от землевладельцев и зафиксированное в договорных грамотах князей в обязательствах не принимать крестьян. Формальная свобода перехода была трудно реализуемым правом, ввиду сокращения земель, где свобода перехода не ограничивалась бы княжескими договорами. С другой стороны, обычное право, наряду с экономическими причинами, вырабатывало понятие о сроке крестьянского выхода, сыгравшее серьезную роль в окончательном закрепощении крестьянства¹⁴⁷.

Экономические причины проистекали из экономического неравенства и оскудения крестьян, что облегчало захваты земель «скудевших» крестьян феодалами. К крестьянской порядной стали прибавляться займы у землевладельца, вводившие крестьян в экономическую зависимость (ссуда, «серебро»).

¹⁴³ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 313—314 (курсив наш.— В. М.).

¹⁴⁴ Там же, стр. 410.

¹⁴⁵ «Вестник ВЖЮК», 1907, № 5-6, стр. 13.

¹⁴⁶ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 76.

¹⁴⁷ «Вестник ВЖЮК», 1907, № 5-6, стр. 13.

В отличие от сторонников безуказной теории закрепощения, опиравшихся на мысль о крестьянской задолженности, Сыромятников указывал, что в процессе закрепощения существенную роль играла барщина, вытекавшая из ссуды по крестьянскому порядку¹⁴⁸. Кроме того, в поддержании крестьянской экономической и личной зависимости был заинтересован весь землевладельческий класс в целом, производивший постоянные переделы рабочей силы. Крестьянин оказывался не в состоянии самостоятельно покинуть вотчину ввиду высокой платы за выход и положение его становилось в буквальном смысле безвыходным — крестьянский выход превращается в «вывоз»¹⁴⁹. В связи с этим Сыромятников обращал внимание на развитие уже в XV в. бегства крестьян, переходящего в XVI в. в «настоящее бедствие для сельского хозяйства»¹⁵⁰.

Фактическое начало оформления крепостнических отношений Сыромятников относил к XV в. Вопреки мнению В. И. Сергеевича, пытавшегося разыскать или обосновать существование указа о закрепощении в конце XVI в., он обращал внимание на то, что все законодательные памятники, начиная от Судебника 1497 г., не регламентируют отношений зависимости, а лишь указывают на формальную возможность крестьянского выхода. Указ 1597 г., писал Сыромятников, должен был лишь навести порядок в спорах землевладельцев по поводу беглых и опирался не на предшествующий указ о запрещении выхода, а на составление в начале 90-х годов XVI в. писцовых книг¹⁵¹. Такое же значение придавалось и указу 1607 г. Ту же цель — урегулировать отношения феодалов относительно закрепощенного уже крестьянства в пользу мелких землевладельцев имели изданные правительством Годунова в 1601—1602 гг. указы о вывозе. Самый вывоз квалифицировался Сыромятниковым как «скрытая покупка и продажа крестьян»¹⁵².

Отметил Сыромятников и такой путь создания отношений зависимости, как коммендацию с землей или без нее, не придавая ей, впрочем, такого широкого значения, как Павлов-Сильванский¹⁵³. И, наконец, Сыромятников обратил внимание на сближение холопов с крестьянами, выразившееся в переводе дворовых в «страдные холопы» и появлении кабальных холопов. «Социальная природа их родственна, — отмечал он, — кабального холопа так же сажают на землю, как сидит на ней крестьянин; различна лишь юридическая природа создания зависимости»¹⁵⁴. Включе-

¹⁴⁸ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 324.

¹⁴⁹ Там же, стр. 326—327.

¹⁵⁰ Там же, стр. 327.

¹⁵¹ Там же, стр. 436—438.

¹⁵² Там же, стр. 441—442.

¹⁵³ Там же, стр. 333.

¹⁵⁴ Там же, стр. 347.

ние холопов в ревизские сказки явилось лишь официальным признанием их социальной родственности.

В вопросах истории посада Сыромятников гораздо менее оригинален, следуя в целом за Ключевским. Но с последующим развитием города в «Московский» период он связывает некоторые далеко идущие выводы. Они отталкивались от оценки внутренней политики государства. Оценивая последнее как пирамиду, в основании которой лежит крепостное право, а выше — растущий торгово-промышленный класс и еще выше служилое дворянство, ставшее «правительствующим сословием», Сыромятников отрицательно отзывался о поддержании правительством сословной обособленности. «Завершив... процесс государственного и социального собрания Руси, эта государственность в дальнейшем становится поперек здоровому развитию промышленных сил страны»¹⁵⁵. Вся последующая эволюция государственной власти рассматривается Сыромятниковым главным образом с точки зрения удержания полноты политических прав дворянства в противовес объективным возможностям предоставления хотя бы части их населению, производственная самостоятельность которого неуклонно прогрессирует.

Итак, в вопросе о развитии социальных отношений в «удельное» и «Московское» время Сыромятников сделал пекоторый шаг вперед от историко-правовой литературы своего времени. Методология «экономического материализма», некоторые сравнительно-исторические построения, позволили ему до некоторой степени приблизиться к вопросу о развитии в России феодальных отношений в их политико-юридической трактовке и дать более реалистическое объяснение росту крестьянской зависимости. Вместе с тем, построения Сыромятникова, лишь уточнявшие и оттачивавшие представления буржуазной исторической науки, всецело оставались в рамках ее либеральных концепций. Ярко обнаруживала себя главная исследовательская задача — показать феодализм как следующий за этапом «полного подчинения» личности среде и обществу этап подчинения одного класса и высвобождения второго (феодалов), продемонстрировать неустойчивость как феодальной системы, ведущей к распаду власти, к обособлению хозяйств, закреплению крестьянства, так и самодержавно-сословной системы, при которой отношения подчинения, ранее децентрализованные, вырастают в «целый строй с подчинением одного класса другому». Самодержавно-сословная система своей сословной регламентацией, стремлением закрепить тягла и службы, вступала в противоречие с интересами дальнейшего экономического и политического развития — буржуазного развития, по Сыромятникову. Этот вывод уже непосредственно смыкался с буржуазно-конституционалистскими политическими воззрениями Сыромятникова.

¹⁵⁵ Б. И. Сыромятников. История..., стр. 427.

В. Е. ЧЕШИХИН-ВЕТРИНСКИЙ — ИСТОРИК РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

М. Г. Вандалковская

Василий Евграфович Чешихин-Ветринский (1866—1923) известен как автор работ по истории русской общественной мысли, освободительного движения и литературы XIX в. Его книги о Герцене («А. И. Герцен». М., 1908), Чернышевском («Н. Г. Чернышевский». М., 1923), Грановском («Т. Н. Грановский и его время». М., 1897; «Гуманист сороковых годов (Т. Н. Грановский)», М., 1906) и многочисленные статьи внесли определенный вклад в разработку проблем русского освободительного движения.

Однако в исторической литературе не существует специальных работ, посвященных Чешихину-Ветринскому. Краткие сведения о нем и его трудах содержатся лишь в ряде словарей и в некрологах¹. В данной статье предпринята попытка определить место Чешихина-Ветринского в изучении проблем русской общественной мысли и освободительного движения, показать особенности его исследовательского метода. Источниками для написания данной работы послужили печатные труды Чешихина и архивные материалы Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР) и Государственного литературного музея (ГЛМ — Кабинет им. А. В. Луначарского). Фонд Чешихина размещен в этих двух архивах (ЦГАЛИ СССР — ф. 553; ГЛМ — ф. 6). В ЦГАЛИ СССР находится основная масса дел этого фонда. В составе этого архивного комплекса разнообразные материалы: черновики, выписки из литературы и источников по темам Чернышевский, русская литература XIX в., отзывы на работы Чешихина, подборка для издания словаря писателей-нижегородцев и обширная переписка. Среди корреспондентов Чешихина писатели В. Г. Короленко, литературоведы и историки М. О. Гершензон, М. К. Лемке, В. Я. Богучарский, В. И. Семейский, деятели революционного движения и их родственники Л. Ф. Пантелеев, Г. Н. Потанин, М. Н. Слепцова, М. Н. Чернышевский, И. П. Гофштеттер и др. В работе использованы также

¹ См. «Энциклопедический словарь». Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903, т. XXXVIII²; «Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском университете. 1811—1911». М., 1911; «Литературная энциклопедия», т. II. М., 1930 и др.; некрологи: «Вестник промысловой кооперации». М., 1923, № 5; «Жизнь искусства». М., 1923, № 45.

материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР, ф. 102), рассказывающие о слежке Департамента полиции за Чешихиным.

В. Е. Чешихин (псевдоним — Ч.-Ветринский) родился 20 декабря 1866 г. в г. Риге. Его отец, Е. В. Чешихин, был воспитанником Московского университета, редактором и основателем газеты «Рижский вестник». Мать Е. И. Ветринская — дочь профессора Санкт-Петербургской духовной академии и писателя 20—30-х годов XIX в.

Василий Евграфович воспитывался в буржуазно-интеллигентной семье с традициями либерально-оппозиционных настроений, что впоследствии наложило неизбежный отпечаток на его жизнь и научное творчество как представителя либерально-народнического направления в русской историографии.

После окончания рижской Александровской гимназии в 1884 г. Чешихин поступил в Петербургский университет на математическое отделение и в 1888 г. окончил его в звании кандидата. Именно к этому времени относятся первые литературно-публицистические статьи, которые он помещал во многих газетах и журналах («Рижском вестнике», «Неделе», «Вятском крае», «Нижегородском листке», «Народном благе» и т. д.). В этих статьях он пропагандировал идеи народного образования, подчеркивал необходимость воспитания современного общества на культурных традициях прошлого, описывал жизнь латышских крестьян и т. д.

Однако отец Чешихина возражал против углубления в литературу и публицистику и настаивал на приобретении сыном «реальной специальности». Поэтому после окончания Петербургского университета Чешихин поступил на II курс Петербургского лесного института.

Лесной институт, как и многие высшие учебные заведения конца 80-х — начала 90-х годов XIX в. (Петербургский, Московский, Киевский университеты, Петровская сельскохозяйственная академия и др.), сотрясали мощные студенческие волнения. Студенческое движение того времени, направленное против университетского режима и политической реакции в стране, являлось частью общедемократической борьбы, шедшей между самодержавием и прогрессивными силами страны.

В 1889 г. за участие в студенческой народовольческой организации Чешихин был арестован и год просидел в доме предварительного заключения. На допросе ему ставили в вину занятия «Капиталом» Маркса (в бумагах Чешихина был найден конспект I тома «Капитала») и участие в антиправительственных сходках. В документах Департамента полиции Чешихин характеризовался «личностью крайне неблагонадежной», скомпрометированной в политическом отношении»². Благодаря вмешательству отца при-

² ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 932, лл. 1—2; ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д — во, 1887—1889 гг., д. 677, ч. I, лл. 143, 154—155; д. 118, ч. II, лл. 85—88.

говор был смягчен и в 1890 г. Чепихин был выслан в Ригу под надзор полиции. В эти годы он много читал, занимался самообразованием и печатал небольшие заметки о текущих событиях в «Рижском вестнике», «Неделе» и других изданиях.

В 1897 г. по распоряжению рижского губернатора Чепихина сослали в г. Глазов Вятской губ. Этот город был выбран местом ссылки благодаря помощи петрашевца А. Д. Ахшарумова, близкого друга семьи Чепихиных и В. Г. Короленко, с которым Чепихин знакомится в это время. По воспоминаниям Чепихина в статье «Ненасоящий город» Короленко «сжато и точно передал и сонную маленькую жизнь вятского городишки»³. Здесь Чепихин работал писарем в губернской земской управе и вел большую просветительскую, литературно-пропагандистскую работу. Им было основано литературно-музыкальное и народнообразовательное общество, цель которого состояла в «содействии народному образованию путем поддержки и устройства народных библиотек, читален, воскресных школ, народного театра»⁴.

С этих лет Чепихин начинает издавать свою известную серию «критико-биографических этюдов для народа» в виде популярных очерков о русских писателях: Н. В. Гоголе, А. С. Пушкине, А. В. Кольцове, Н. А. Некрасове, И. С. Никитине, И. С. Тургеневе⁵ и др. В них он писал о гуманистических, свободолобных традициях русской литературы XIX в., подчеркивая ее роль в образовании и воспитании народа.

В 1898—1899 гг. выходят две книги Чепихина о Грановском, составившие ему большую популярность в историко-литературных кругах⁶. С их выходом по существу начинается признание Чепихина как специалиста в области изучения русской общественной мысли.

По окончании ссылки, в 1899 г., Департамент полиции не дал Чепихину разрешения жить в столице и в его родном городе Риге. По рекомендации Короленко, Чепихин поехал в Нижний Новгород, где и проживал с небольшими перерывами с 1899 по 1918 год.

Нижний Новгород того времени представлял собой «большое культурное гнездо». Его жизнь была богата революционными и культурными традициями. Через Нижний на каторгу пересылались многие политические заключенные: декабристы Е. Оболенский, А. Муравьев, А. Якубович и др., в 1865 г. — член первой

³ Чепихин. Из далекого прошлого. — «Памяти В. Г. Короленко». Нижний Новгород, 1923, стр. 143—144.

⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 14, лл. 1—24; д. 75, л. 1.

⁵ Ч.-Ветринский. Жизнь и песни Алексея Васильевича Кольцова. М., 1893; он же. И. С. Тургенев. М., 1894; он же. Н. В. Гоголь и его произведения. М., 1895; он же. Жизнь и стихотворения И. С. Никитина. М., 1898; он же. Н. А. Некрасов. СПб., 1899; он же. Сочинения А. С. Пушкина. СПб., 1899; он же. Н. А. Некрасов. СПб., 1899 и др.

⁶ Ч.-Ветринский. Грановский и его время. М., 1897; он же. В сороковых годах. — «Историко-литературные очерки и характеристики». М., 1899.

«Земли и воли» Л. Пантелеев, в начале 70-х годов — многие народолюбцы; в 70—80-е годы на Сормовском заводе работал С. Халтурин и возникали первые марксистские организации.

С середины 80-х годов благодаря огромной культурно-просветительской деятельности местной интеллигенции, Короленко, известного краеведа и публициста А. С. Гацисского и позднее — А. М. Горького, в Нижнем Новгороде были созданы общества распространения народного образования, народного чтения, организован книжный склад и его отделения. По почину известного почвовед В. В. Докучаева возник естественно-исторический и сельскохозяйственный музей.

Чешихин, таким образом, оказался в крупном культурном центре. Он состоял на службе в земстве, редактировал «Земскую газету» и «Нижегородские ежегодники», календари-справочники по вопросам земского и городского дела, сельскохозяйственной кооперации и т. д.⁷ Под его редакцией готовились и выходили в свет многие издания просветительского характера, в которых он пропагандировал необходимость преобразований в области культурной жизни, образования и медицинского обслуживания в провинции⁸.

Большую культурно-просветительскую работу Чешихин вел будучи членом Ученой архивной комиссии и Общества распространения начального образования. В этом ему помогал советами Короленко.

Активное участие Чешихин принимал в издании газеты «Нижегородский листок», одной из наиболее радикальных нижегородских газет. Департамент полиции неоднократно обращал внимание на «неблагонамеренность» этой газеты и приостанавливал ее выпуск. В одном из докладов Департаменту полиции говорилось, что «в числе сотрудников этой газеты состоят негласно поднадзорные: Пешков Алексей Максимович и Чешихин Василий»⁹. С Горьким в эти годы Чешихин находился в довольно близких контактах. Горький почитал Чешихина как автора книг о Герцене и Грановском. Чешихин выступал в печати с оценкой рассказа Горького «Коновалов», собирал биографические сведения о Горьком, намеревался написать о нем статью¹⁰.

В 1901 г. по рекомендации Горького Чешихин на некоторое время ездил в Самару, где редактировал «Самарскую газету».

Годы нижегородской жизни отмечены большими творческими успехами Чешихина. Он усиленно занимался историей русского освободительного движения и литературы середины XIX в. Им

⁷ См. «Нижегородский листок», 1912, № 327; «Волгарь», 1912, № 330.

⁸ Ч.-Ветринский. Пятьдесят лет жизни Нижегородского земства. Нижний Новгород, 1914; он же. Краткий словарь писателей-нижегородцев. Нижний Новгород, 1915.

⁹ А. М. Горький. Собр. соч., в 30 томах, т. 23, М., 1953, стр. 423—426.

¹⁰ Там же, т. 26. М., 1954, стр. 271; т. 28. М., 1955, стр. 134; т. 29, М., 1956, стр. 239, 575.

опубликована целая серия статей о Герцене и Чернышевском («Нижегородский листок», «Критическое обозрение», «Вестник Европы», «Русские ведомости» и др.); в 1908 г. вышла из печати его книга «А. И. Герцен», по отзывам современников «наиболее обстоятельная и мастерски изложенная» монография из всех его работ¹¹. В пятитомном издании «История русской литературы XIX в.» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1910—1911 гг.) Чешихин выступил автором ряда глав об общественном движении в литературе 40—60-х годов XIX в., в том числе о Герцене, Чернышевском, Успенском¹²; в сборнике «Три века» публикует большую статью об общественном движении в 3-й четверти XIX в.¹³; в юбилейном 6-томном издании «Великая реформа» (1911 г.) им написаны разделы об отношении декабристов и Герцена к крестьянской реформе 1861 г.¹⁴

В эти же годы продолжается выход серии популярных брошюр для народа о крестьянской реформе 1861 г., Отечественной войне 1812 г., жизни русских писателей и деятелей общественно-го движения XIX в. (Белинском, Грановском, Гончарове, Толстом, Шевченко, Кольцове, Достоевском и др.)¹⁵. В столичной и провинциальной прессе Чешихин был признан «одним из лучших популяризаторов» «освободительных традиций всего русского общества»¹⁶. За брошюру «Освобождение крестьян и русские писа-

¹¹ Ч.-Ветринский. А. И. Герцен. М., 1908; П. Н. Сакулин. Чешихин-Ветринский. Глеб Иванович Успенский. М., 1929, стр. 16.

¹² Ч.-Ветринский. Сороковые годы XIX в. А. И. Герцен.— «История русской литературы XIX века». Под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. II. М., 1910—1911; *он же*. Литературное и критическое движение шестидесятых годов. Алексей Феофилактович Писемский. Иван Саввич Никитин.— Там же, т. III; *он же*. Н. Златовратский.— Там же, т. IV; *он же*. Очерк истории журналистики за вторую половину XIX в.— Там же, т. V.

¹³ Ч.-Ветринский. Общественное движение в царствование Александра II. «Три века. Россия от смуты до нашего времени». Под ред. В. В. Каллаша, т. VI. М., 1913.

¹⁴ Ч.-Ветринский. «Колокол» и крестьянская реформа; А. Н. Муравьев и другие декабристы во время крестьянской реформы.— «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем». Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты, т. IV, V. М., 1911.

¹⁵ Ч.-Ветринский. Гуманист сороковых годов (Т. Н. Грановский). М., 1906; *он же*. Учитель русского общества. М., 1907; *он же*. В. Г. Белинский (1811—1848), 1911; *он же*. Крепостное право и освобождение помещичьих крестьян. Нижний Новгород, 1911; *он же*. Отечественная война 1812 г. в родной поэзии. Нижний Новгород, 1913; *он же*. А. И. Гончаров. Очерки жизни и деятельности. Нижний Новгород, 1912; *он же*. Предисловие.— «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников и в его письмах». М., 1912; *он же*. Предисловие.— А. В. Кольцов. Полное собрание стихотворений. Нижний Новгород, 1912; *он же*. Л. Н. Толстой. Очерк. Нижний Новгород, 1910; *он же*. Т. Г. Шевченко. М., 1911; *он же*. Освобождение крестьян и русские писатели. М., 1913, и др.

¹⁶ «Столичная молва», 1913, № 315; «День», 1913, № 201; «Речь», 1913, № 211; «Голос Москвы», 1913, № 181; «Вятская речь», 1913, № 186 и другие газеты.

тели» в 1913 г. в связи с юбилеем крестьянской реформы он был удостоен первой премии Московского общества грамотности. Одновременно Чешихин работал над своей новой книгой об Успенском, которая была выпущена уже после смерти ее автора в 1929 г.¹⁷

Большая научная и общественно-просветительская деятельность сочеталась у Чешихина с организаторской. В 1915 г. по его инициативе открывается в Нижнем Новгороде Народный университет (преобразованный в 1919 г. в государственный), где Чешихин читал лекции по истории русской литературы¹⁸. Эти лекции, по его словам, призваны были способствовать не только образованию, но и воспитанию гражданственности. Задачу литератора он видел в пробуждении гражданского самосознания, патриотизма и чувства «нравственной ответственности» за «дела страны»¹⁹.

Параллельно с формированием Чешихина как исследователя шло становление его политических убеждений. Это был сложный и противоречивый процесс, прежде чем демократические убеждения привели его к признанию Октябрьской революции. В 1919—1920 гг. он активно поддерживал мероприятия Советской власти по реформе высшей школы, проводившейся с целью демократизации науки и преподавания.

Много сил, особенно в последние годы, Чешихин отдавал работе в области кооперации и кустарной промышленности. В 1917 г. им был выпущен справочник-календарь «Друг кооператора». В 1917—1919 гг. он работал в рязанском «Союзе кредитных и ссудосберегательных товариществ», издавал сборник «Кооперация», в котором были собраны изречения деятелей кооперативного движения.

В 1920 г. Чешихина, как человека хорошо знакомого с литературой по кооперации, назначают на работу в Главкустпром. Он переезжает в Москву и выполняет поручение Совнаркома организовать библиотеку по вопросам кооперации и кустарной промышленности. Он редактирует одновременно «Вестник промысловой кооперации», «Вестник кустарной промышленности» и другие подобные издания.

В трудные и голодные для Советской страны годы Чешихин как видный историк литературы получал большую помощь и специальный паек от «Комитета по улучшению быта ученых», организованного по инициативе В. И. Ленина.

В 1922 г. в Москве праздновался юбилей 25-летней историко-литературной деятельности Чешихина. Были отмечены его боль-

¹⁷ Ч.-Ветринский. Г. И. Успенский. М., 1929.

¹⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 47, л. 4; д. 48, л. 1; Чешихин. Какой университет нужен в Нижнем? О Народном университете.— «Нижегородский листок», 1915, № 37, 41, 61.

¹⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 47, л. 4.

шие заслуги как литератора и историка, организатора библиотеки Главкустпрома. В 1923 г., накануне смерти, вышла из печати его книга о Чернышевском, собранная из ранее опубликованных статей.

24 октября 1923 г. Чешихин умер от болезни сердца.

История русской общественной мысли и освободительного движения XIX в. затронута почти во всех работах Чешихина. Уже в серии историко-литературных очерков, посвященных Белинскому, Гоголю, Тургеневу, Чешихин намечал круг вопросов, стоявших в центре общественно-идейной жизни этого времени. В работах о Грановском, Герцене и Чернышевском, в статьях по истории литературы XIX в. эти проблемы становились предметом не только широкого, многопланового, но и углубленного, детального изучения.

В современной Чешихину историографии XIX — начала XX в. история русского освободительного движения становится одной из центральных тем. В эпоху первой русской революции 1905—1907 гг., обострившейся классовой и идейно-политической борьбы пристальное внимание буржуазных ученых к изучению освободительного движения и его деятелей диктовалось стремлением осмыслить и объяснить происходящие в стране перемены, найти их истоки, обосновать и защитить свою идеологическую платформу. С этим связано появление большого числа публикаций, книг, статей о русском освободительном движении, его отдельных этапах, организациях, деятелях.

Естественно, что освещение тех или иных проблем освободительного движения было обусловлено и принадлежностью ученого к определенному историографическому направлению, спецификой его исследовательского метода и особенностями развития науки данного времени. Кризис буржуазной методологии и развитие ленинского направления (появление работ В. И. Ленина, исследований В. Г. Плеханова, Ю. М. Стеклова и др.) определяли собой ту историографическую среду, в которой проходил процесс становления ученых этой эпохи.

Для исследователей русского освободительного движения (в том числе и для специалистов других проблем) становится характерным как появление различных теоретических построений в отрыве от изучения конкретно-исторического материала, так и углубление в область фактов, стремление отойти от теоретических обобщений (хотя та или иная подача фактов всегда предопределяет определенный угол зрения).

Создание исследований на основе углубленного детального изучения различных исторических источников, новых архивных комплексов, ставших доступными в период революции 1905—

1907 г. становится примечательной чертой развития научной мысли.

Расширение источниковедческой базы идет не только путем привлечения многочисленных и разнообразных исторических источников, но и за счет обращения к специальным историческим или смежным в то время с историей дисциплинам (этнографии, археологии, праву, литературе).

Усилившаяся связь права и истории, истории и литературы оказывала благотворное воздействие не только на эти отрасли науки, усиливая в них элементы историзма и понимания закономерности развития общественного сознания, но и на историю.

В изучении русского освободительного движения и общественной мысли связь с литературой была особенно ощутимой. Прежде всего это было характерным для народнической историографии, где проблема личности и ее нравственного воздействия являлась одной из центральных.

Опираясь на исторические знания, история литературы становилась историей развития общественной мысли, которая рассматривалась как история развития интеллигенции как правило вне ее связи с конкретно-историческими условиями. Герои литературных произведений наряду с деятелями освободительного движения оценивались часто как мыслители, лишенные социальной и практической почвы.

Труды этих исследователей (к их числу принадлежали П. Н. Сакулин, Р. В. Иванов-Разумник, Д. Н. Овсянко-Куликовский) являлись составной частью историографии освободительного движения.

Чешихин-Ветринский принадлежал к поколению ученых того времени. Он не имел ни литературной, ни исторической профессиональной подготовки, но будучи разносторонне образованным человеком, воспитанный в традициях народнических демократических представлений, подготовленный к научной деятельности большой журналистской и публикаторской работой, проявлял глубокий интерес к литературе и истории и стоял по существу на грани этих наук. Его увлечение «чистой литературой» (Гоголем, Тургеневым, Пушкиным и др.), связанное и с его большой просветительской деятельностью, постепенно переходило в глубокий интерес к истории общественной мысли и освободительного движения. И именно в этой области он создал свои наиболее важные труды. Привлечение к работе над ними большого числа разнообразных исторических источников и определило вклад Чешихина в разработку проблем русского освободительного движения.

Историю русской общественной мысли и освободительного движения XIX в. Чешихин так же рассматривал как историю интеллигенции, как умственное движение в отрыве от его социальной и классовой основы. Вместе с тем он стремился понять истоки и факторы, определявшие развитие общественной мысли,

отмечал наличие в ней различных этапов с присущими им особенностями. Он признавал появление различных умственных течений «на почве жизненных практических вопросов», но главную причину их возникновения видел в деятельности самодержавно-бюрократического управления и в западном идеологическом влиянии.

Так, общественное движение 30—40-х годов XIX в., по его мнению, сформировали «теория официальной народности» и ее идеологи в лице Уварова, а общественное движение 60-х годов обусловила политика правительства. Реформы 60-х годов (их Чешихин считал проведенными правительством от осознания невыгодности крепостного труда и стесненного развития образования), с его точки зрения, завершали собой процесс раскрепощения сословий и личности от государства и создавали почву для широкого общественного подъема. Однако устаревшая организация государства, деятельность чиновников (бюрократии и олигархии) определили проведение реформы и вызвали оппозиционное движение. Этим объяснял Чешихин возникновение в 60-х годах различных общественно-политических течений.

Преувеличенное значение придавал Чешихин и влиянию на развитие русской общественной мысли западноевропейских философских теорий (Ламменэ, Шеллинг, Гегель и т. д.). На первый план, таким образом, он выдвигал точки зрения, теории, идеи. Именно они, по мысли Чешихина, являлись главными источниками оппозиции. Происходит идеалистическая персонификация общественных явлений, характерная для народнической историографии. Этот угол зрения по существу определял подход Чешихина к истории общественной мысли XIX в.

Чешихин признавал преемственность различных этапов в развитии общественной мысли XIX в.: 30—40-е и 60-е годы он связывал с 20-ми — эпохой декабристов. Однако их общность видел только в оппозиционном умственном направлении. С его точки зрения, общественная мысль этих этапов отличалась лишь различным соотношением политических и социальных задач. Если в программе декабристов Чешихин отмечал политическую направленность, то 30—40-е годы, по его мнению, не носили ярко выраженной политической окраски, а 60-е годы характеризовались главным образом как «эпоха решения социальных задач». Развитие теории социальных преобразований являлось для Чешихина показателем ее прогрессивности. Эта особенность также свидетельствовала о типично народническом подходе к оценке общественных явлений.

Главными и «наиболее глубокими» течениями общественной мысли XIX в. Чешихин считал западничество и славянофильство. Их борьба и составляла, по Чешихину, стержень развития русской общественной мысли. Славянофильство он оценивал как течение, хотя формально и близкое к «теории официальной народности», но имеющее иное содержание. В славянофилах он

видел помещиков-прогрессистов, находившихся под влиянием «националистической идеализации русской народности», искреннего демократического настроения и «романтического верования в русский народ». Проводя и подчеркивая грань между апологией самодержавия у Погодина и Шевырева (теоретиков «официальной народности») и «утопической мечтой» о «сердечном союзе власти и земли» славянофилов, Чешихин, однако, преувеличивал степень демократизма славянофилов, не понимая его обусловленности социальной и классовой принадлежностью. Оправдание славянофилами телесных наказаний, идеализация отношений власти и народа, мистицизм в подходе к общественной жизни — все эти особенности славянофильской теории были отмечены Чешихиным, но оценивались им лишь как «предрассудки и заблуждения», от которых славянофилы якобы постепенно избавлялись под влиянием полемики с западниками.

Западничество Чешихин правомерно рассматривал как неоднородное течение, тесно связанное с культурой русского дворянства и одновременно отражавшее настроения разночинной интеллигенции. Признавая эти реальные основания западнической теории, Чешихин, однако, главной причиной ее возникновения считал «нравственные потребности общества». Вслед за Герье он ограничивал оценку западничества чертами гуманизма, романтизма, гражданственности, «широкого индивидуализма и глубоко-го проникновения в философию», по существу лишая его социальной направленности²⁰.

Борьба славянофильских и западнических идей определила, по Чешихину, поворот «радикальных западников» (к их числу Чешихин причисляет Белинского и Герцена) к народным массам, постановку вопроса об отмене крепостного права, поворот к «практическим жизненным вопросам», смысл обращения к которым Чешихин в итоге сводил к их «морально-общественной проповеди».

Таким образом, в общественно-политических либеральных течениях западничества и славянофильства Чешихин видел внеклассовую идеологию, не имевшую якобы ярко выраженной политической окраски. Возникновение этих течений он хотя и связывал с определенным, реальным основанием (помещики, разночинская интеллигенция), но не понимал их социальной и политической обусловленности. Значение и жизнеспособность этих теорий, особенно западничества, Чешихин усматривал в их абстрактном гуманизме, просветительстве, обращении к социальным вопросам.

Формирующееся революционно-демократическое направление в лице Герцена и Белинского представлялось ему лишь радикаль-

²⁰ Труды Чешихина о Грановском используются в данной работе как материал для характеристики общественной мысли 30—40-х годов XIX в., взгляды Чешихина на Грановского, как историка средних веков, являются темой специального изучения.

ным ответвлением западничества с социалистической окраской и социальным содержанием, проектами мирных преобразований и стремлением к самоусовершенствованию личности.

Вся общественная жизнь и революционное движение XIX в. рассматривались им в итоге с идеалистических позиций как эволюция умственного движения. Революционные кружки и организации, в частности, кружок петрашевцев понимались им как «заговор идей», а революционная деятельность шестидесятников — как литературно-критическое радикальное течение социалистической мысли, доходящее в лице Чернышевского иногда до революционного требования политических и социальных преобразований.

Подобный взгляд на общественную мысль, естественно, определил и подход Чешихина к оценке ее представителей — Герцена и Чернышевского, которых Чешихин справедливо относил к «центральным фигурам» своего времени. Далее мы сосредоточим внимание на оценках этих «центральных фигур», которым Чешихин посвятил свои основные труды и где наиболее отчетливо проявились его особенности как исследователя.

Книга Чешихина о Герцене явилась одной из первых обобщающих монографий о Герцене и оказалась наиболее талантливой работой Чешихина. В ней автор осуществил замысел «добросовестно проследить главнейшие факты» жизни Герцена, «бегло указать общественно-историческое значение отдельных моментов» и выделить «главные мысли и настроения» в его деятельности. Цель своей книги Чешихин видел в том, чтобы помочь читателю «найти опорные точки» к объективному пониманию Герцена. Необходимость написания подобной работы диктовалась, по мнению Чешихина, обилием разногласий и противоречий в его оценке, обусловленных «многогранной» и «личной» натурой Герцена²¹.

Современная Чешихину литература о Герцене была представлена множеством статей в газетах и периодических изданиях. Их авторы (В. Батурицкий, М. Гершензон, М. Лемке, С. Ашевский, Д. Овсяннико-Куликовский и другие) многопланово исследовали биографию и деятельность Герцена, вводили в научный оборот новый документальный материал. Вместе с тем, их работы касались лишь отдельных сторон в творчестве Герцена или давали им самую общую оценку²².

Цензурное «раскрепощение» Герцена в 1905 г. еще более усилило интерес к его творчеству. Возникла необходимость создания обобщающей работы о Герцене. Этому способствовал и приближавшийся юбилей Герцена в 1912 г. — столетие со дня его рождения.

²¹ Ч.-Ветринский. А. И. Герцен. СПб., 1908, стр. VII—XI.

²² Батурицкий. Герцен, его друзья и знакомые. СПб., 1904; М. Гершензон. Социально-политические взгляды А. И. Герцена. М., 1906; М. Лемке. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908; С. Ашевский. Освобождение крестьян и «Колокол» Герцена. — «Современный мир», 1906, № 3.

Написание книги Чехихин сопровождал публикацией целого ряда статей о Герцене, которые выходили как до, так и после ее появления. Почти все они касались либо биографии Герцена, либо его произведений²³. Имеющиеся в этих статьях оценки деятельности Герцена совпадают с основными положениями книги Чехихина. Поэтому самостоятельное рассмотрение этих статей, особенно предшествующих книге, не представляется целесообразным.

Книга основана на многочисленных и разнообразных источниках. Об этом свидетельствуют обильные цитаты из герценовских произведений, отдельные ссылки на работы о Герцене (справочный аппарат в современном представлении в книге отсутствует), полемические приемы, наконец, приложенная к книге библиография работ самого Герцена и литература о нем. К сожалению, в фонде Чехихина не сохранилось черновых материалов, позволяющих судить об этом подробнее.

Перейдем к рассмотрению основных положений книги Чехихина. По его мнению, Герцен явился выразителем определенных общественных настроений, олицетворяя собой русское современное ему общество без всякого различия сословий. «Боец свободной мысли», искатель всеобщей правды и равенства, борец за освобождение от крепостного права, «великий проповедник нравственной силы и достоинства личности», носитель мессианства и моралист — такова общая оценка, данная Чехихиным Герцену²⁴. В ней заметна тенденция народнической историографии — видеть в русской общественной мысли представителей «бесклассовой интеллигенции», носительницы идей всеобщей справедливости, нравственного усовершенствования личности, якобы определяющих общественный прогресс. Еще отчетливее народнические черты выступают при обращении Чехихина к отдельным сторонам мировоззрения и политической программы Герцена. Чехихин признавал в Герцене родоначальника русского социализма. Однако социализм Герцена, с его точки зрения, был равнозначен пониманию этого термина в «социалистическом народничестве»: требование социальных реформ «при равномерно развитых моментах общественности и индивидуальности»²⁵. Герцен, по словам Че-

²³ Ч.-Ветринский. Герцен за границей.— «Русская мысль», 1905, кн. XI; *он же*. «Колокол» и крестьянская реформа.— «Камско-Волжская речь», 1905, № 30; *он же*. Герцен.— «Нижегородский листок», 1907, № 8; *он же*. К биографии Герцена и Бакунина.— «Русская мысль», 1907, кн. I; *он же*. Памяти Герцена. Страничка «С того берега».— «Час», 1908, № 88; *он же*. А. И. Герцен и В. В. Стасов.— «Русские ведомости», 1910, № 69; *он же*. «Колокол» и крестьянская реформа. «Великая реформа», т. IV. М., 1911; *он же*. «Щепкин и Герцен».— «Голос минувшего», 1912, № 7; *он же*. Статьи Герцена. «Сигизмунд. Сераковский».— «Голос минувшего», 1912, № 11; *он же*. Герцен — «Русский биографический словарь» (Герберский — Гогенлоз). М., 1916; *он же*. Памяти Герцена.— «Вестник промысловой кооперации», 1920, № 4 и др.

²⁴ Ч.-Ветринский. А. И. Герцен. СПб., 1908, стр. 452, 461.

²⁵ Там же, стр. 229—230.

шихина, был великим предшественником Михайловского, им в равной мере было свойственно постоянное выдвижение на первый план социальных и нравственных преобразований. Осуществление их возможно было только через общину, являвшуюся, как считал Чешихин, для Герцена средством уничтожения крепостнической эксплуатации, поскольку именно в общине развиты «общинный дух» и личная свобода, свойства будто бы способные создать начала нового общества.

Социализму Герцена, по Чешихину, был присущ «всеобщий» бесклассовый демократизм; в осуществлении социализма особая роль отводилась не политическим, а социальным и нравственным преобразованиям.

В становлении социалистического народничества Герцена Чешихин намечал два этапа: в ранний период (до отъезда Герцена за границу) Чешихин видел в нем сторонника социальных реформ, одновременно осознающего важность решения политических вопросов.

В период революции 1848 года, по мнению Чешихина, Герцен «все же обольщается надеждами и планами бланкистского характера», революционного переворота для широких социальных реформ. Временное увлечение революционными формами борьбы сменяется кризисом (второй этап), отрицанием западноевропейского буржуазного мира, поворотом к России и еще более углубленным отношением к социальным проблемам.

Общественно-политическую деятельность Герцена Чешихин рассматривал на широком фоне идейной жизни России и Западной Европы, во взаимоотношениях с деятелями России и Запада. При этом он подробно освещал личные контакты Герцена с представителями различных общественных течений: западничеством, славянофильством, западноевропейскими мыслителями. Деятельность Вольной русской типографии, в Лондоне, выход «Полярной Звезды» и «Колокола» рассматривались Чешихиным, главным образом, как факты биографии Герцена. Программа «Колокола» подробно разбиралась в основных ее элементах, как программа по крестьянскому, польскому вопросам, будущего государственного устройства.

Отмена крепостного права выдвигалась в программе «Колокола», по мысли Чешихина, прежде всего как социальная проблема, решение которой не связано с политическими преобразованиями. Само же понятие «социальной проблемы» у Герцена, как думал Чешихин, включая в себя экономическую сторону (требование сохранить за крестьянами землю), содержало важнейший элемент — нравственное и социальное воспитание, которому отводилось первостепенное место.

В программе Герцена по крестьянскому вопросу Чешихин видел выражение мнения широкой части русской интеллигенции и писал даже о слиянии программных положений «Колокола» и правительства. Вместе с тем, Чешихин подчеркивал, что

в ходе реформы не было осуществлено одно из требований Герцена — сохранение за крестьянами всей земли, после чего Герцен от восторженного отношения к царю «освободителю» перешел к его осуждению.

С осознанием Герценом неполноты реформ 60-х годов Чешихин справедливо связывал полевание «Колокола». Однако в толковании этого вопроса у Чешихина не было четкости: он отмечал и поворот Герцена к течениям, которые «уже ничего не ждали сверху от правительства», выдвигая чисто революционные лозунги, называл «Колокол» «центром и органом революционной агитации», считал преувеличенными разногласия «Колокола» и «Современника», и одновременно указывал, что от разрыва с русскими либералами в оценке преобразований 60-х годов Герцен не становился «ближе и роднее» новому разночинскому направлению²⁶.

Польский вопрос на страницах «Колокола» Чешихин оценивал, следуя позиции Драгоманова, который в программе Герцена видел «непонимание польского вопроса», считал, что Герцен и польские революционеры «запутали друг друга», а сам Герцен, поддерживая польское восстание, находился под влиянием Бакунина и Огарева. Отклонение от общелиберального курса в польском вопросе было, по мнению Чешихина, началом падения «Колокола»²⁷.

Такова в целом оценка Герцена и его роль в русском освободительном движении в книге Чешихина. Опубликованные позднее (1916—1920) статьи в сущности не изменили его представлений. В них Чешихин отмечал «революционные повороты» Герцена в 1848 г., в период проведения крестьянской реформы, польского восстания, характеризовал «Колокол» как орган «прямой революционной агитации». Вместе с тем Чешихин продолжал видеть Герцена вне борющихся партий, определяя его как представителя социалистического народничества, «эволюционного социализма, который должен привести к экономическому перевороту трезвым и спокойным путем мирного развития»²⁸. Основу «социалистической преобразовательной работы» Герцен, по мнению Чешихина, видел «в развитии социалистического воспитания».

Как видно, в позиции Чешихина в оценке Герцена наряду с демократической тенденцией преобладали черты либерально-народнической и либерально-буржуазной историографии. В целом Герцен рассматривался как представитель бесклассовой интеллигенции, предшественник «социалистического народничества», сторонник социальных преобразований и нравственного совершенст-

²⁶ Ч.-Ветринский. А. И. Герцен. СПб., 1908, стр. 344, 353, 358, 362.

²⁷ М. П. Драгоманов. Историческая Польша и великорусская демократия Женева, 1881.

²⁸ Ч.-Ветринский. Герцен.— «Русский биографический словарь» (Герберский — Гогенлоэ). М., 1916, стр. 97—134; он же. Памяти Герцена.— «Вестник промысловой кооперации», 1920, № 4, стр. 14—16.

вованя мирным путем эволюционизма. В этом точка зрения Чепихина смыкалась с трактовкой Герцена, например, Ивановым-Разумником²⁹. Одновременно взгляды Чепихина не являлись существенным отклонением от либерально-буржуазной оценки Герцена в трудах Богучарского, Гершензона, Батурина, Лемке.

Между тем именно в это время оформилась ленинская концепция разночинного этапа освободительного движения в России (работы В. И. Ленина о Герцене, шестидесятниках, народничестве и т. д.). Позиция Чепихина как в ранних (1908 г.), так и в поздних работах (1916—1920 гг.) содержала в себе либерально-буржуазные и либерально-народнические представления, с которыми В. И. Ленин вел решительную борьбу.

Особое внимание среди деятелей русского освободительного движения середины XIX в. Чепихин уделил Н. Г. Чернышевскому. Им опубликован ряд статей и заметок о Чернышевском в газетах и журналах начала XX в. В 1923 г. Чепихин выпустил книгу под названием «Н. Г. Чернышевский». Однако печатные работы не ограничивают всего наследия историка о Чернышевском. Большая группа материалов, хранящихся в архиве Чепихина (черновые наброски, варианты, выписки из архивных и литературных источников), существенно дополняют представления о вкладе Чепихина в изучение Чернышевского. Как в статьях, так и в книге Чепихин осуществлял замысел создать прежде всего «биографический» труд о Чернышевском. Однако в процессе работы рамки чисто биографического жанра были расширены постановкой целого ряда проблем в изучении Чернышевского.

Возможность плодотворно трудиться над проблемами русского освободительного движения была подготовлена появлением в начале XX в. многочисленных работ по этой проблематике. Прежде всего В. И. Лениным был определен вклад Чернышевского в развитие русского освободительного движения и общественной мысли³⁰. 1905 год сделал легальными имена многих деятелей революционного движения, в том числе и Чернышевского. Оказались доступными труды самого Чернышевского, вышло первое собрание его сочинений (подготовленное к печати его сыном — М. Н. Чернышевским). Был опубликован целый ряд воспоминаний о Чернышевском еще живых в то время его современников, товарищей по революционному подполью и ссылке, Л. Ф. Пантелеева, С. Г. Стахевича, Н. В. Шаганова, П. Ф. Николаева и др.³¹

²⁹ См. М. Г. Вандальковская. М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972, стр. 88—91.

³⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 125—346; т. 2, стр. 505—550; т. 4, стр. 240—273; т. 5, стр. 21—72; т. 20, стр. 171—180; т. 21, стр. 255—262.

³¹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905; С. Г. Стахевич. Материалы для биографии Чернышевского. — «Закаспийское обозрение», 1905, № 237—239, 243; Н. В. Шаганов. Н. Г. Чернышевский на ка-

В 1906 г. в журнале «Былое» появилась большая работа М. Лемке, посвященная «делу Чернышевского», с публикацией отрывков из его следственного дела; в 1908 г. Е. А. Ляцкий начал обширную публикацию материалов о Чернышевском из архива А. Н. Пыпина³². Выходят в свет работы о Чернышевском общего характера, в которых дается оценка его общественно-политических, философских и социологических взглядов. К числу подобных работ относятся книги Г. В. Плеханова, Ю. М. Стеклова, М. Антонова³³.

Современная Чепихину историография оценивала труды Чепихина о Чернышевском, как правило, в связи с работами других авторов (Плеханова, Антонова, Стеклова)³⁴. В рецензиях, например, А. Лукьянского, А. Кизеветтера была высказана мысль о том, что полное представление о Чернышевском может дать лишь совокупное рассмотрение работ Плеханова, Стеклова и Чепихина. При этом Чепихину отводилась роль биографа Чернышевского, «составление сравнительно подробного свода биографических данных, особенно полезных и доступных значительной источниковедческой основой». Вместе с тем в некоторых рецензиях отмечалось, что Чепихин «поставил и разрабатывал ряд новых вопросов» и «основал определенное направление» в науке³⁵.

В действительности понять место и вклад Чепихина в изучение Чернышевского возможно лишь при комплексном решении ряда вопросов: общая характеристика и история работы Чепихина над Чернышевским, источниковедческая база его работ, проблематика и оценки Чернышевского в сопоставлении с суждениями о нем современной Чепихину историографии.

Первая статья Чепихина о Чернышевском была напечатана в газете «Самарский курьер» в 1905 г. В ней автор подчеркивал необходимость изучать «события и лица», вышедшие (в 1905 г.) из «насиленного забвения», и обнаруживать знающие литературы о Чернышевском. Статья представляет собой своеобразный историографический обзор литературы, перемежающийся замечаниями, наблюдениями самого автора. Чепихин считал, что многочисленные воспоминания о Чернышевском (В. Г. Короленко, К. М. Федорова, Н. Н. Воронова и др.) не полно и не всегда

торге и в ссылке. СПб., 1907; П. Ф. Николаев. Личные воспоминания о пребывании Чернышевского в каторге (в Александровском заводе). 1867—1872. М., 1906.

³² М. Лемке. Дело Н. Г. Чернышевского. «Былое», 1906, № 3—5; Е. А. Ляцкий. Н. Г. Чернышевский в годы учения и на пути в университет.— «Современный мир», 1908, № 5—6; см. также «Современный мир», 1908, № 12; 1909, № 3, 11; «Современник», 1912, 9, 11, 12.

³³ В. Г. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910; Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889). СПб., 1909; М. Антонов. Н. Г. Чернышевский. Социально-философский этюд. М., 1910.

³⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 279, 280, лл. 1—2.

³⁵ Там же.

верно освещают его деятельность и призывал к изучению произведений Чернышевского, как основы его истинного понимания.

В 1906 г. в газете «Русские ведомости» от имени Чешихина было опубликовано «Письмо в редакцию», «Подготавливая работу о жизни, деятельности и времени Н. Г. Чернышевского,— писалось в нем,— позволю себе обратиться с просьбой о содействии ко всем лицам, которые могли бы сообщить какие-либо воспоминания, сведения, записки, письма об окружении Чернышевского, «Современнике» и т. д.»³⁶. Это письмо было перепечатано в газетах «Нижегородский листок», «Самарский курьер». Так было заявлено о том, что Чешихин готовит свой большой труд о Чернышевском.

В этот и последующие годы (1906—1919 гг.) появилась целая серия статей и заметок Чешихина о Чернышевском. Они публиковались в различных газетах и журналах («Критическое обозрение», «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Нижегородский листок» и т. д.) и затрагивали широкий круг вопросов, связанных с биографией и мировоззрением Чернышевского³⁷. В них Чешихин подробно с привлечением большого числа новых фактических данных освещал ранние годы Чернышевского, рассказывал о его гражданской казни, сообщал неизвестные до этого времени сведения о поездке Чернышевского к Герцену в Лондон. В этих статьях затрагивались вопросы, связанные с взглядами Чернышевского: его отношение к народничеству, классовой борьбе, революционному движению 60-х годов XIX в. и т. д. Характерной и примечательной особенностью многих из этих статей является их историографический характер, приводятся мнения автора о современных Чешихину работах о Чернышевском.

Все эти статьи с незначительной правкой вошли составной частью в книгу Чешихина «Н. Г. Чернышевский» (1923 г.) — его основной труд о Чернышевском. Книга, таким образом, представляет собой сборник разновременных написанных статей, касаю-

³⁶ Чешихин. Письмо в редакцию.— «Русские ведомости», 26 октября 1906 г.

³⁷ Чешихин. У позорного столба.— «Русское слово», 20 мая 1906 г.; Ч.-Ветринский. Рец.: М. Лемке. Политические процессы 60-х годов. СПб., 1907, Н. В. Шаганов. Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке. Воспоминания. СПб., 1907.— «Критическое обозрение», 1907, вып. III; Ч.-Ветринский. Памяти Н. Г. Чернышевского.— «Русские ведомости», 18 октября 1907; Ч.-Ветринский. Материалы для биографии Н. Г. Чернышевского. В преддверии литературной деятельности Н. Г. Чернышевского.— «Саратовский листок», 6, 16 мая и 3 июня 1909 г.; он же. К двадцатилетию смерти Н. Г. Чернышевского; он же. Поездка Чернышевского к Герцену.— «Нижегородский листок», 17, 19 и 26 октября 1909 г.; Ветринский. Чернышевский в Астрахани.— «Русские ведомости», 17 октября 1909 г.; он же. Поминки в Нижнем по Н. Г. Чернышевскому.— «Нижегородский листок», 17 октября 1911 г.; он же. Н. Г. Чернышевский.— Там же, 16 и 17 октября 1914 г.; Ч.-Ветринский. Памяти Н. Г. Чернышевского — «Защита», 17 октября 1914 г.; он же. Н. Г. Чернышевский и кооперация.— «Вестник промысловой кооперации», 1919, № 1.

щихся различных периодов жизни и деятельности Чернышевского. Однако прежде чем переходить к рассмотрению взглядов Чепихина на Чернышевского, концентрировано выраженных в его книге, остановимся на характеристике источниковедческой базы его работ. Круг источников, привлекавшихся Чепихиным к изучению, был необычайно широк. Об этом можно судить не только по статьям и книге Чепихина, но и по многочисленным архивным выпискам, хранящимся в его архивных фондах (ЦГАЛИ и ГЛМ). На первое место Чепихин в качестве источника выдвигал произведения самого Чернышевского: статьи по политической экономии, крестьянскому вопросу, эстетике, роман «Что делать?» и т. д. По его словам, он стремился «проникнуть» в сочинения Чернышевского и определить их основное магистральное направление³⁸. Важное значение Чепихин придавал также изучению мемуарной литературы. Он детально ознакомился с воспоминаниями о Чернышевском его товарищей по ссылке и каторжным работам (П. Д. Баллода, С. Г. Стахевича, П. Ф. Николаева, Н. В. Шаганова, К. М. Федорова и других), подробно изучал мемуары Л. Ф. Пантелеева, современника и участника революционного движения 60-х годов XIX в.

К числу источников первостепенной важности Чепихин правомерно относил переписку. Круг его корреспондентов был необычайно многочислен. В фонде Чепихина (ЦГАЛИ СССР) хранится список адресатов, к кому были посланы письма-запросы о жизни и деятельности Чернышевского³⁹. В этом списке современники Чернышевского, деятели революционного движения, их родственники, исследователи, библиофилы, публицисты. Так, Чепихин вел переписку со Стахевичем, который сообщал ему имена лиц, связанных с Чернышевским, разъяснял подробности жизни и деятельности Чернышевского. П. Д. Баллод присылал Чепихину воспоминания о встрече с Чернышевским на Александровском заводе, которые Чепихин опубликовал в статье, а затем включил в книгу. Пантелеев в письме сообщал Чепихину, что «располагает своими данными о касательстве Чернышевского к революционной пропаганде»⁴⁰. Г. Н. Потанин, известный этнограф-экономист и участник революционного движения 60-х годов, рассказывал Чепихину, что когда он «шел с Чернышевским от Некрасова домой», то Чернышевский «вздумал развить» перед ним «широкий и смелый план затеи шестидесятых годов»⁴¹.

В 1909 г. Чепихин переписывался с П. И. Боковым, одним из активных распространителей «Великоруса», Боков сообщил ему, что все материалы о Чернышевском были им переданы сыну Чернышевского. Очевидно подобные письма Чепихин мог полу-

³⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 197, л. 5.

³⁹ Там же, д. 94, лл. 1—2.

⁴⁰ Там же, д. 589, л. 1.

⁴¹ Там же, д. 612, л. 1.

чать и от других своих адресатов: М. Антоновича, П. Жукова, Н. Шелгунова, Д. Стасова и др.

Обширную переписку Чешихин вел и с исследователями — историками и литературоведами: Лемке, Гершензоном, Батуриным, Венгеровым, Овсяннико-Куликовским; библиографами Бартевым, Бурцевым и др.

В процессе работы Чешихин постоянно обращался к изучению трудов исследователей, занимающихся теми же или смежными с ними темами. Он читал и делал выписки из работ Ляцкого, Пыпина, Плеханова, Антонова, Стеклова. Об этом свидетельствуют изложение в тексте книги точек зрения названных авторов по тем или иным вопросам, полемика с ними и, наконец, многочисленные архивные выписки из их работ, хранящиеся в личном фонде Чешихина.

Таким образом, источники работы Чешихина о Чернышевском были многочисленны и разнообразны.

Чешихин признавал в Чернышевском идейного вождя русского освободительного движения. По его мнению, Чернышевский олицетворял собой «общественный тип разночинца», он был «мучеником исключительно чистой мысли», «мирным просветителем», «писателем для интеллигенции, действовавшим для народа и за народ»⁴².

Центром мировоззрения Чернышевского, в противоречии с истинными взглядами последнего, по Чешихину, являлась абстрактная человеческая личность. В Чернышевском он видел одного из основателей «морально-социальной схемы развития человечества», призвание которого состоит в стремлении к созданию нового «социального устройства» путем просвещения масс. Теорию социального устройства Чернышевского Чешихин ошибочно понимал как бесклассовую «социалистическую теорию трудящихся», выдвинутую им будто бы в противовес защитникам буржуазного развития. В планах преобразования общественного строя Чернышевский, по Чешихину, якобы разграничивал социальные и политические задачи. И хотя Чешихин не противопоставил их, он тем не менее видел в Чернышевском сторонника решения прежде всего социальных вопросов. Эта черта — особенность исследователей народнического направления.

Характеризуя теорию Чернышевского, ее составные элементы (учение об общине, промышленно-земледельческих и производственных кооперациях), Чешихин затрагивал важнейшие вопросы мировоззрения Чернышевского, в частности, его отношение к классовой борьбе. Однако решал их на страницах одной и той же книги крайне противоречиво и непоследовательно.

В одних статьях причисляя Чернышевского к народничеству, Чешихин оценивал и современное Чернышевскому народничест-

⁴² В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский. Пг., 1923, стр. 133.

во и самого Чернышевского с типично либерально-народнических позиций как мирных деятелей.

В других, отмечая все ту же принадлежность Чернышевского к народничеству, он не только обнаруживал свое понимание революционных черт народничества 70-х годов, видел различие в оценке общины у народников и Чернышевского, но и признавал в Чернышевском (в «краткие периоды его деятельности») сторонника «революционных путей и средств». Мысль о наличии в учении Чернышевского принципа классовой борьбы и «экономической подкладки социальных явлений», по собственному признанию Чешихина, возникла у него под влиянием марксистской литературы. (Очевидно он имел в виду книги Стеклова и Плеханова, о которых неоднократно упоминал как о марксистских работах.)

Однако идея классовой борьбы у Чернышевского в представлениях Чешихина не являлась постоянным свойством и не играла определяющей роли в его мировоззрении. В современной Чешихину литературе его пониманию Чернышевского ближе всего была точка зрения либерально-народнического исследователя М. Антонова: Чернышевский — выразитель социально-этического направления; двигатель прогресса, по его теории, — наука и просвещение. Основа нового социального строя — община и ассоциация, классовая борьба не является принципом руководящей деятельности.

Представление о позиции Чешихина в оценке Чернышевского было бы неверным без рассмотрения вопроса об участии Чернышевского в революционном движении 60-х годов XIX в. Именно эта проблема являлась пробным камнем в идейной борьбе за революционное наследие русского освободительного движения, и в частности, Чернышевского, которую вел В. И. Ленин против либерально-буржуазной и либерально-народнической историографии⁴³⁻⁴⁴.

Сохранились разнообразные и многочисленные как печатные, так и неопубликованные архивные материалы, раскрывающие взгляды Чешихина по этому вопросу. Особую ценность представляют документы личного фонда Чешихина, хранящиеся в ЦГАЛИ СССР. Здесь имеются озаглавленные Чешихиным подборки: «Чернышевский и „Великорус“», «Герцен и Чернышевский», «Доносы на Чернышевского». В них содержатся выписки из мемуарной, исследовательской литературы о Чернышевском (из работ Пантелеева, Шаганова, Стахевича, Рейнгардта, Кульчицкого, Лемке, Глинского и др.) и отдельные фрагменты работы о нем, не вошедшие в печатные труды Чешихина. Эти материалы рассказывают не только о стремлении историка сопоставить источники, расширить круг вопросов, которым обычно ограничивалось понимание этой проблемы, но и о сложной и подчас разноречивой

⁴³⁻⁴⁴ См. М. Антонов. Н. Г. Чернышевский. Социально-философский этюд. М., 1910.

позиции в подходе к ее решению. Лишь комплексное и последовательное изучение как печатных, так и архивных материалов может дать полное представление о взглядах Чепихина, их эволюции, особенностях его творческого метода.

Судя по печатным статьям Чепихина, «попытки» практической деятельности Чернышевского представлялись ему «сомнительными» и вообще вопрос о его участии в революционной деятельности — «спорным», «запутанным» и «сложным»⁴⁵, а приводимые в современной Чепихину литературе факты доказательства причастности Чернышевского к революционной деятельности (написание прокламации «Барским крестьянам» и участие в «Великорусе») — «гадательным» и «недоказанным»⁴⁶. Данным Стахевича, одним из первых высказавших мысль об участии Чернышевского в «Великорусе», Чепихин противопоставлял сведения П. Баллода, В. Обручева, отрицавших принадлежность Чернышевского к этой прокламации. В другой заметке того же 1905 г. («Памяти Чернышевского») точка зрения Чепихина была выражена несколько иначе: он считал, что манеру статей Чернышевского гораздо больше напоминают листки «Великоруса», чем прокламация «Барским крестьянам», и не исключал мысли об авторстве Чернышевского⁴⁷. В 1908 г. Чепихин вскользь, вне связи с Чернышевским, коснулся программы «Великоруса», оценивая ее как «широкую мирную агитацию в целях подачи всероссийского всеподданнейшего адреса об учреждении конституции в России»⁴⁸.

В книгу о Чернышевском (1923 г.) Чепихин полностью включил заметку «Памяти Н. Г. Чернышевского», повторив все изложенные соображения.

Создавалось, таким образом, впечатление, что решение данного вопроса находилось у Чепихина почти в стабильном состоянии. Это впечатление меняется при обращении к неопубликованным архивным материалам фонда Чепихина в ЦГАЛИ СССР.

Как уже упоминалось, они распределены по названным автором темам: «Герцен и Чернышевский», «Чернышевский и «Великорус»», «Доносы на Чернышевского». На обложке папки, где сосредоточены эти материалы, карандашом проставлены даты: 1915—1916 гг. Таким образом, Чепихин продолжал заниматься

⁴⁵ Чепихин. Кое-что о Чернышевском.— «Самарский курьер», 20 августа 1905 г., «Приволжский край», 4 сентября 1905 г.; *он же*. Памяти Н. Г. Чернышевского.— «Русские ведомости», 18 октября 1907 г.; *Ч.-Ветринский*. Рец.: В. Н. Шаганов. Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке. Воспоминания.— «Критическое обозрение», 1907, вып. III.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Ч.-Ветринский*. Герцен. СПб., 1908, стр. 346; *он же*. Общественное движение в царствование Александра II.— «Три века», т. VI. М., 1913, стр. 116—117.

этими темами уже после выхода своих первых печатных работ о Чернышевском (1906—1907 гг.), основные мысли которых были им внесены в книгу 1923 г.

Судя по названным архивным материалам, Чепихин углубленно занимался различными сторонами этой проблемы. Сравнительно детальному анализу подвергались им три листка «Великоруса». Обширные выписки из самих листков сопровождались значительными комментариями Чепихина. Содержание первого листка Чепихин справедливо не ограничивал «призывами к образованным классам» взять власть. «Если бы,— писал он, анализируя первый листок,— образованные классы уклонились от этой задачи, патриоты будут принуждены призвать народ»⁴⁹.

Характерно, что Чепихин видел преемственность основных идей первого и последующего двух листков, отмечал, что они развивают и дополняют друг друга. По его мнению, требования второго листка решить крестьянский, национальный и вопросы «законного порядка» с помощью конституции могли быть осуществлены методами, о которых говорилось в первом листке (т. е. если не мирным, то революционным путем).

Третий листок Чепихин рассматривал как призыв «ограничиться на первое время» «пропагандою мысли о необходимости подать адрес на высочайшее имя о составлении выборщиками от народа конституции»⁵⁰. Важно отметить, что в программе «Великоруса» он усматривал наличие различных способов решения выдвинутых требований. При этом он подчеркивал, что «ни о каких насильственных действиях не было и речи в ближайшей программе «Великоруса»» (разрядка наша.— М. В.). Заключение, к которому приходит Чепихин в анализе политической программы «Великоруса», сводилось к признанию, «что по существу политический вопрос был поставлен в «Великорусе» резко и прямо, а в пределах доступных тогда обществу данных о положении вещей вполне принципиально и продуманно. Эта прямота и ясность существа дела и в то же время умеренность фактической программы «Великоруса», конечно, обеспечивала его идеям самые широкие круги общественного сочувствия...»⁵¹

Представления Чепихина о листках «Великоруса», как о политических прокламациях, призывавших к установлению «конституционного правления», «радикальной» крестьянской реформы, попытка осмыслить соотношение мирного и революционного путей осуществления выдвинутых «Великорусом» требований — все это свидетельствовало о глубоком проникновении Чепихина в источники.

Особое внимание в рассматриваемых нами черновых материалах Чепихин уделяет уяснению роли Чернышевского в акции «Вели-

⁴⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 197, лл. 54—55.

⁵⁰ Там же, лл. 55—58.

⁵¹ Там же, стр. 57.

корус». Он опирается на достоверные, с его точки зрения, данные Пантелеева и Стахевича, утверждавших причастность Чернышевского к «Великорусу», но не отрицает необходимости их тщательной проверки и «сводки» с другими источниками. Программу «Великоруса» Чепихин пронизательно связывает с идеями Чернышевского, выраженными в его произведениях. Так, он указывает на сходство мыслей «Великоруса» и героя романа Чернышевского «Пролог пролога» Волгина, прообразом которого, по убеждению Чепихина, является сам Чернышевский. Он подчеркивает, что «стиль и убедительная логика» изложения «Великоруса» напоминает политические статьи Чернышевского. Наконец, Чепихин высказывает мысль о том, что по существу Чернышевский был осужден за пропаганду тех идей, которые были выражены в «Великорусе».

Осмысление всех этих вопросов привело Чепихина к выводу, что «по-видимому» Чернышевский был «очень близок к Комитету организации, выпускавшей листки «Великоруса»» (Здесь же становится очевидным мнение Чепихина о реальности организации «Великорус»). «Почти несомненным» для Чепихина, по его словам, являлось участие Чернышевского в «составлении» либо «редактировании» прокламации⁵². Как видно, и форма участия Чернышевского в «Великорусе» привлекала пристальное внимание Чепихина.

Таким образом, вопрос об участии Чернышевского в «Великорусе» решался Чепихиным, как показывают архивные материалы, не только полнее, но и определеннее. Разумеется, в его суждениях есть некоторая недооценка революционности Чернышевского, а следовательно, и «Великоруса». Вместе с тем, подобный подход являлся новым в историографии. В литературе тех лет существовали разноречивые оценки как самих листков «Великоруса», так и участия Чернышевского в них. Сторонниками прикосновенности Чернышевского к «Великорусу» в 1908 г. были М. Лемке, Л. Кульчицкий, подобную позицию отстаивал и В. Г. Плеханов в своей работе 1909 г. Одновременно, в этом же году, Стеклов опровергал Лемке и Кульчицкого за допущение мысли об авторстве революционера Чернышевского в конституционном листке «Великоруса». В дальнейшем (особенно после 1917 г.) под влиянием целого ряда причин эти точки зрения менялись. Позиция, например, Стеклова развивалась в плане оценки прокламации «Великоруса» как либерально-кадетского органа, вследствие чего он находил невозможным считать Чернышевского причастным к этой прокламации. М. Лемке резко изменил свою точку зрения, также считая несовместимым участие революционера и социалиста Чернышевского в либеральных листках «Великоруса». Единственной работой, подтверждающей мысль об идей-

⁵² ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 197, лл. 52—59.

ной общности и взаимосвязи Чернышевского и «Великоруса» была работа А. И. Хоментовской, вышедшая уже в 1919 г.⁵³ Чепихин, таким образом, значительно предвосхитил появление работы Хоментовской, решавшей эти проблемы в направлении ленинской трактовки.

Архивные материалы раскрывают стремление Чепихина расширить круг вопросов, связанных с революционной деятельностью Чернышевского. Так, он пытался разобраться во взаимоотношениях Чернышевского с кружками 60-х годов, в частности с «Молодой Россией», определить характер взаимоотношений Герцена с Чернышевским. Если участие Чернышевского в «предположениях» и «попытках» его ближайших друзей (Михайлова, Обручева и Шелгунова), являлось для Чепихина, по его словам, «возможным» и почти «бесспорным», то мнение о связи Чернышевского с «Молодой Россией» и «Землей и волей» было нечетким и противоречивым. С одной стороны, он утверждал, что Чернышевский «был безусловно чужд» прокламации «Молодая Россия», программа которой представлялась ему неприемлемой для Чернышевского, с другой — признавал возможную связь Чернышевского с Гольц-Миллером, одним из составителей этой прокламации. Чепихин специально занимался Гольц-Миллером, собирал о нем литературу, интересовался составом кружка «Молодая Россия», с особым вниманием изучал воспоминания С. Н. Южакова, отчетливо проводившего мысль о связи всех революционных организаций 60-х годов XIX в. и, в частности, «Молодой России» и «Земли и воли».

Чепихин отрицал утвердившееся в мемуарной литературе мнение о том, что Чернышевский «был втайне энергичным революционным организатором кружков 60-х годов». Одновременно он был уверен, что Чернышевский «был вполне в курсе различных политических проектов и обсуждений» и давал свое одобрение «некоторым попыткам и предприятиям» тогдашней революционной молодежи. С точки зрения Чепихина, Чернышевский сознавал «игрушечный характер современного ему революционного движения», не верил в его практические результаты, вместе с тем, предвидя, что оно может стать «всемирным делом», «увлекался пылом своих друзей, например Сераковского, и иногда поддерживал революционные начинания»⁵⁴.

Этот вопрос, как видно, был в меньшей мере разработан Чепихиным, чем предыдущий. В сущности, это был лишь подступ к его решению, свидетельствующий не только о противоречивости и неопределенности суждений автора, но и его попытках многопланового подхода.

⁵³ Н. Н. Новикова. Н. Г. Чернышевский и Комитет «Великоруса». — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1960, стр. 299—303; она же. Революционеры 1861 года. М., 1968, стр. 10—13.

⁵⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, д. 197, л. 17.

Большой интерес проявлял Чешихин к вопросу о поездке Чернышевского к Герцену в июне 1859 г. На эту тему им была опубликована небольшая заметка в газете «Нижегородский листок» (1909 г.), вошедшая затем с некоторыми добавлениями в книгу о Чернышевском⁵⁵. Эпизод встречи двух деятелей русского революционного движения был мало известен и недостаточно освещен в историографии. Чешихин детально изучал литературу по этому вопросу, отмечал наличие различных точек зрения: сторонников встречи (Богучарский, Батурицкий) и «скептиков», к числу которых он справедливо относил Рейнгардта. Черновые архивные материалы свидетельствуют о том, что Чешихин тщательно изучал переписку Герцена, письма Кавелина и Тургенева, воспоминания Тучковой-Огаревой, Пантелеева, Стахевича. В 1907 г. Стахевич прислал Чешихину письмо, в котором приводил ряд данных (свидетельство однокурсника Стахевича) о пребывании Чернышевского в Лондоне. Здесь Стахевич высказал предположение о том, что Чернышевский явился к Герцену в качестве делегата от русской революционной организации и мог поехать в Лондон конспиративно, под чужим именем. Эти данные Чешихин включил в уже названную заметку «Нижегородского листка», и затем повторил их в книге. Судя по контексту статьи и, особенно, книги, мысль, высказанная Стахевичем, разделялась автором. Чешихин привел эпизоды полемики «Колокола» и «Современника», уже известные тогда в литературе (Лемке и др.).

Таковы немногочисленные сведения, которые имеются в материалах Чешихина по этому вопросу. Однако рассмотрение его (в архивных материалах) в разделе о революционной деятельности Чернышевского свидетельствовало о признании Чешихиным возможных революционных контактов Герцена с Чернышевским.

Проблема участия Чернышевского в революционном движении 60-х годов XIX в. явилась, как видно, центральной в изучении Чешихиным Чернышевского. Привлечение широкого круга источников и глубокое проникновение в них привели Чешихина к необходимости разностороннего подхода к решению этой проблемы. Темы «Чернышевский и „Великорус“», «Герцен и Чернышевский», «Чернышевский и кружки 60-х годов» правомерно рассматривались им как компоненты этой сложной проблемы.

Печатные материалы, как было показано, в сущности лишь выявляли подход автора к этим темам и намечали их решение. Рассмотренные нами архивные материалы не только расширили и углубили представления о взглядах Чешихина, но и позволили в некоторых вопросах четче определить тенденцию их развития. Так, например, в освещении деятельности Чернышевского в «Ве-

⁵⁵ Чешихин. К двадцатилетию смерти Н. Г. Чернышевского.— «Нижегородский листок», 1909, № 284; Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский. Пг., 1923, стр. 164—166.

ликорусе» Чешихин более других современных ему исследователей приблизился в своих представлениях к соответствию с источниками. Но изучение всех этих тем шло неравномерно (большое внимание уделялось анализу «Великоруса» и его связи с Чернышевским, меньшее — рассмотрению в этом плане кружков 60-х годов), очевидны были противоречия (например, в оценке взаимоотношений Чернышевского с «Молодой Россией»), несогласованность в представлении о революционности Чернышевского в разработке всех этих тем. Очевидно, эта работа Чешихина оставалась незавершенной и отражала лишь определенный этап, знакомство с которым стало возможным лишь при обращении к архиву Чешихина.

Чем же объяснить, что свои наблюдения 1915—1916 гг. о революционной деятельности Чернышевского, свидетельствующие о дальнейшей разработке этой проблемы (в сравнении со статьями 1905—1906 гг.) Чешихин не включил в свою книгу (1923 г.), а повторил все изложенное в этих ранних статьях. Связано это, очевидно, было с рядом причин.

С 1908 г. началась систематическая публикация работ Ляцкого, вводивших в научный оборот значительные материалы о Чернышевском из собрания его сына — М. Н. Чернышевского. В связи с этим настойчивое желание завершить свой труд о Чернышевском было несколько ослаблено.

Кроме того, продолжая заниматься темами, связанными с Чернышевским, Чешихин главное внимание сосредоточил на изучении русской литературы XIX в., Герцена и др. В работе наступали и естественные перерывы, объясняемые болезнью, большой занятостью лекционной, организаторской деятельностью и т. д. В результате этого изучение Чернышевского так и осталось незавершенным. Когда же в 1923 г. Чешихин издавал свою книгу, он, вероятно, не считал возможным включить в нее не исследованные до конца им вопросы и ограничился повторением изложенного в ранних и уже забытых статьях.

Рассмотрение взглядов Чешихина на Чернышевского и связанных с ним проблем позволяет сделать следующие наблюдения. Очевидно, что к оценке Чернышевского Чешихин подходил с либерально народнической точки зрения. Этот подход обуславливал и общую оценку Чернышевского как представителя народнической идеологии. Вместе с тем, в суждениях Чешихина о Чернышевском наблюдаются противоречия, которые могут быть объяснены, вероятно, не только незавершенностью (и в связи с этим непродуманностью и несогласованностью) отдельных формулировок, не только нечеткостью его собственных исходных положений как исследователя народнического направления (это также могло иметь место), но и особенностями его исследовательского метода.

В разработке ряда проблем, в частности — Чернышевский и «Великорус», — Чешихин стал на путь тщательного изучения раз-

нообразных источников и современной ему литературы. К изучению привлекались также работы Плеханова, Стеклова, возможно было и знакомство со статьями В. И. Ленина, хотя об этом можно только предполагать. Это подводило Чепихина к новым, подчас неожиданным для самого автора выводам, которые отталкивали его от привычных представлений. Но работа Чепихина о Чернышевском осталась незавершенной и возможного соответствия общих представлений и частных выводов, связанных с углубленной разработкой отдельных вопросов, так и не наступило.

Труды Чепихина по истории общественной мысли и освободительного движения (как книги о Герцене, Грановском, Чернышевском, так и многочисленные статьи) отражали определенный этап в становлении историографии освободительного движения конца XIX — начала XX вв.

Как автор этих работ, Чепихин принадлежал к числу тех исследователей, которые стояли на грани литературы и истории. Литература и история являлись для него той основой, на которой возможно было познание общественной мысли и освободительного движения (последнее часто приравнивалось к общественной мысли).

Общественная мысль с характерной для этого времени и данного направления особенностью рассматривалась как история развития русской интеллигенции, как развитие ее литературного творчества. Революционная деятельность представителей русского освободительного движения оценивалась главным образом как факт идейной оппозиции вне ее связи с практически революционной деятельностью.

Как исследователь, Чепихин стоял на почве либерально-народнических представлений. Деятели освободительного движения он оценивал с присущими этому направлению чертами: выдвигание на первый план в их программах теории социальных преобразований как показателя прогрессивности в сравнении с политическими реформами; преувеличенное значение роли просвещения, идей, личности, эволюционизм, мирный путь решения, как определяющее средство построения нового общества. Это не означало отрицания в рассматриваемых программах революционных черт и сторон, но, по его мнению, они не играли определяющей роли.

Объективно подобная позиция вела к принижению освободительного движения и революционной теории.

В процессе работы в представлениях Чепихина, наряду с либерально-народническими оценками, появляются черты и тенденции, выводящие его из установившихся представлений (как это было показано в оценке революционной деятельности Чернышевского). Это свойство большего или меньшего несоответствия исходных теоретических положений и выводов, следующих из анализа конкретного материала, являлось характерным явлением науки изучаемого времени. Применение избранного метода (опо-

ра на источники) вело к новым явлениям в историографии освободительного движения. Там, где исследователь типа Чешихина (относившийся к освободительному движению, как к историко-литературной проблеме), начинал изучать исторические источники, тема освободительного движения стихийно отпочковывалась от историко-литературных тем. Если к общим оценкам Герцена и Чернышевского Чешихин подходил с точки зрения историка литературы, то в методе подхода и попытках решения проблемы революционной деятельности Чернышевского (хотя они и не получили окончательного завершения) Чешихин выступает как профессиональный историк. Эти особенности исследовательского почерка Чешихина являлись характерным явлением развития науки конца XIX — начала XX вв.

В целом научное наследие В. Е. Чешихина-Ветринского является определенным вкладом в разработку фактической истории освободительного движения в России. Как представитель либерально-народнического направления Чешихин отдал дань концепции, исходящей из субъективно-идеалистического подхода к изучению отечественной истории. В условиях революционных потрясений начала XX в., утверждения марксистско-ленинской концепции в борьбе с различными враждебными течениями, эта позиция Чешихина являлась отражением кризиса буржуазной исторической науки.

А. Л. ИКОННИКОВА
И ЕЕ ЗАПИСКИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ

Р. А. Киреева

В фондах академика В. С. Иконникова часто встречаются работы, переписанные четким, красивым почерком. Той же рукой написана, например, почти вся его рукопись неопубликованного III тома «Опыта русской историографии» объемом 60 п. л. Оказалось, что это почерк жены Иконникова — Анны Леопольдовны — его верного друга, помощницы, «соратницы и чернорабочего», как она сама себя называла. Обычно она переписывала труды Иконникова для печати. Можно легко представить, сколько времени, сил, труда и терпения требовалось для этого. Казалось, подобная работа должна была целиком поглотить ее время. Однако Анна Леопольдовна не растворилась полностью только в помощи мужу — о чем свидетельствует сохранившаяся часть ее собственных рукописей. Естественно, что знакомство с этими рукописями началось с ее воспоминаний о Владимире Степановиче Иконникове. Но по мере чтения все более привлекал к себе образ самого автора. Выяснилось, что Анна Леопольдовна писала романы, выступала с рефератами на исторические и художественно-литературные темы, среди ее трудов есть книга по истории города Киева, опубликованные воспоминания о Ф. Я. Фортинском¹. Особую ценность представляют обнаруженные нами записки Иконниковой по историографии, относящиеся к 1878—1880 гг.

Уже сам факт находки новой работы заслуживает внимания и изучения. Существует мнение, что русская дореволюционная литература по истории исторической науки бедна. Тем поразительнее, что найденные «Записки по историографии» написаны женщиной. Как в те годы, когда в России предпринимались лишь первые попытки как-то разрешить вопрос о высшем женском образовании (только-только открывались Высшие женские курсы), когда женщинам был закрыт путь в большую науку (даже в высших учебных заведениях они не имели права преподавать), как смогла тогда Анна Леопольдовна пробовать свои силы в труднейшей области истории исторической науки? К тому же сама историография, как самостоятельная научная дисциплина к кон-

¹ А. Л. Иконникова. Воспоминания о деятельности Ф. Я. Фортинского на Высших женских курсах в Киеве.— «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», кн. 17, вып. 2, 1903.

цу 70-х — началу 80-х годов XIX в. все еще находилась в процессе становления.

Крупных обобщающих работ не существовало — первая специально историографическая книга выйдет лишь в 1884 г.² В то время были отдельные работы на частные темы, в большинстве случаев разрозненные статьи биографического или библиографического характера. Из больших ученых времени только С. М. Соловьев написал серию статей об историках XVIII в., опубликованную им в различных изданиях (компактно эти статьи были изданы лишь в 1904 г.), да вышел I том «Русской истории» К. Н. Бестужева-Рюмина, где во введении содержится историографическая часть в виде аннотаций на работы по русской истории. Правда, к этому времени была уже опубликована неоконченная работа И. В. Лашнюкова «Очерки русской историографии» (1874 г.)³. Это имя могло быть знакомо А. Л. Иконниковой, так как в 1868 г. Лашнюков разделял с Иконниковым в Киевском университете одну должность — доцента по русской истории. В архиве нам удалось обнаружить их совместную программу по историографии, о чем мы надеемся написать отдельно.

По всей вероятности, Иконникова не использовала «Очерки» Лашнюкова, так как в его работе в основном анализировалось развитие исторических знаний в значительно более ранние периоды (с XI в.), а XVIII и XIX вв. давались им бегло. Иконникова же, как увидим ниже, главным образом излагала историю исторической науки с середины XVII до середины XIX в. По этой же причине она могла не пользоваться и работой А. В. Старчевского⁴.

Напомним, что в ту пору сам Иконников стоял еще на пороге своего грандиозного замысла, но был уже автором нескольких историографических статей и ряд лет читал соответствующие курсы. Естественно, что Анна Леопольдовна располагала этими материалами.

Не менее важно обратить внимание и на то обстоятельство, что на киевских Высших женских курсах читалась русская историография — лектором был Иконников, и найденная рукопись тоже предназначалась для слушательниц III курса. Это лишний раз доказывает неправоту М. О. Кояловича, утверждавшего, что впервые историографию стали читать в духовных академиях⁵. Видимо он

² Речь идет о книге: *М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям.* СПб., 1884.

³ Подробнее см.: *Р. А. Киреева. Из истории изучения отечественной историографии (Некоторые особенности «Очерков русской историографии» И. В. Лашнюкова).* — «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 1971.

⁴ *А. Старчевский. Очерк литературы русской истории до Карамзина.* СПб., 1845.

⁵ См.: *М. О. Коялович. Указ. соч., стр. 2.* Мы располагаем достоверными, но возможно еще и не полными, сведениями о том, что историографические курсы читались ранее 1880 г. в Казанском, Харьковском, Киевском университетах, в Нежинском лицее, а в 1881/82 учеб-

имел в виду себя — Кюялович преподавал в Петербургской духовной академии и читал там этот курс с 1880/81 учебного года, т. е. позже написания Иконниковой своих записок.

Что же представляют собой эти историографические записки и их автор? По имеющимся источникам невозможно полностью восстановить всю жизнь и творчество А. Л. Иконниковой. Поэтому последующее изложение поневоле носит отрывочный характер.

В основу настоящей статьи положены, главным образом, рукописи самой А. Л. Иконниковой. Естественно, что центральное место отводится ее «Запискам по историографии» и «Воспоминаниям» о В. С. Иконникове. Для пополнения биографических сведений об Анне Леопольдовне использованы частично эпистолярное наследство и семейные записки дочери Иконниковых — Ольги Владимировны, за ознакомление с которыми и за личные беседы автор приносит благодарность сотруднице Государственной публичной библиотеки Академии наук Украинской ССР, внучке Иконниковых — З. В. Белоус.

Анна Леопольдовна Иконникова, урожденная Родзевич (1847—1922), со стороны отца происходила из польских дворян; мать ее была русской крепостной крестьянкой, выкупленной на волю. Среднее образование Анна Леопольдовна получила в Киевском институте благородных девиц. Уже там проявились ее незаурядные способности, особенно к языкам. После успешного (с шифром) окончания института, она на год осталась в нем на стажировку, а затем приняла место гувернантки в семье помещика В. И. Гулака, проживавшей в г. Елисаветграде Херсонской губ.

К тому времени Владимир Степанович Иконников (1841—1923) по окончании Киевского университета и был зачислен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. Не имея достаточных средств, он временно начал преподавать в Институте благородных девиц. 1866/67 учебный год Владимир Степанович провел в Харькове, где ему предоставили в университете место приват-доцента русской истории. Здесь он прочитал свою первую историографическую лекцию, посвятив ее Анне Леопольдовне Родзевич⁶. Через год Иконников оставляет Харьковский университет, перебирается в Одессу, довольствуясь при этом скромным местом обычного гимназического учителя и притом даже не истории, а географии.

ном году К. Н. Бестужев-Рюмин читал историографические лекции на Высших женских курсах в Петербурге. Эти лекции были даже литографированы.

⁶ На титульном листе значится:

«Посвящается А. Л. Р.

Sta come torre ferma, che non crolla

Gia mai la cima per soffiar d'venti — Dante

(«Как башня стой, которая во век не дрогнет, сколько ветры не бушуют». — *Данте* («Божественная комедия», Чистилище, песнь V, строки 14 и 15. Перевод Лозинского). (См. В. С. Иконников. Очерк разработки русской истории в XVIII веке. Харьков, 1867).

В 1867 г. Владимир Степанович защитил магистерскую диссертацию и работал уже над второй диссертацией, которую и защитил в кратчайший срок — спустя всего два года⁷.

Анна Леопольдовна была неизменной помощницей Иконникова в его научных трудах в течение всей жизни. Она активно помогала мужу — переводила для него с европейских языков, переписывала его рукописи, составляла указатели к его работам, читала корректуры. Много времени она отдавала музыке, самостоятельно изучала искусство (особенно интересовала ее античность), занималась литературой, сама пробовала писать.

В 1868 г. Иконниковы переезжают в Киев, где Владимир Степанович получил в университете св. Владимира место доцента, и с тех пор вся их жизнь была связана с этим городом и с этим университетом.

В эти же годы у Анны Леопольдовны возникло желание изучать медицину. Это диктовалось ее стремлением приносить реальную общественную пользу. Но в ту пору, как известно, в России женщина не могла получить медицинского образования. Единственно возможный путь — уехать за границу, а это значило на какой-то срок оставить мужа одного. Сохранилась часть письма Владимира Степановича к жене, воспроизведенного ею в воспоминаниях (они как раз начинаются с половины фразы из этого письма). Приведем полностью это место, так как оно очень важно для характеристики Анны Леопольдовны: «<...> научные занятия стали целью, я рад; но здешние занятия только подготовка для будущего; начало сделано, а в нем я принимал самое живое участие. Уважь же эту лепту сочувствия и отзовись на него своим участием. Я сознал окончательно, что только к при последнем я могу работать, и если ты окажешь мне его и возбудишь во мне энергию, то будь уверена, что во мне навсегда останется память о твоём участии и я выражу это, как Милль в лучшем из своих трудов. Вот что ты можешь сделать, а разве это мало.

Н[ина!]* ты всегда выражалась, что любишь жизнь, но разумеется не такую, какая идет у нас теперь. Зачем же губить эту жизнь томлением и бесцельным стремлением к чему-то. Ты энциклопедистка! Хорошо. Постарайся постепенно пройти весь круг интересующих тебя наук. Но избери из них, что-нибудь для приложения к деятельности. Сколько я мог заметить по твоим последним отзывам, тебе полюбилась русская история и ты когда-то собиралась писать историю рус[ской] женщины**. На сколько же

⁷ Магистерская диссертация В. С. Иконникова «Максим Грек, историко-литературное исследование» (вып. 1—2. Киев, 1865—1866); докторская диссертация «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» (Киев, 1869).

* Так Иконников часто называл Анну Леопольдовну.

** Нам неизвестно, написала ли Анна Леопольдовна историю русской женщины — по этой теме мы видели лишь ее отдельные записи на

я знаком с твоим изложением — оно отличается ясностью и отчетливостью, что при обработке подробностей ты можешь значительно оживить предмет и дать обществу хорошую книгу. Возьмемся вместе за это, я снова пройду с тобой все капитальное, прочту мои лекции... введу в мир материалов и познакомлю тебя с богатством памятников, которые тебя еще более завлекут. Такая работа даст тебе цель и осветит наши отношения. Возьмемся же за это средство и оставим другие. Поверь мне, что прямое отношение к действительности и оживит тебя и даст тебе новые силы. А между тем мы не оставим ничего возможного, чтобы придать твоим научным стремлениям возможную широту. При хорошем же отношении и поддержке с твоей стороны я на много посмотрю иначе, чем теперь, разбитый и предоставленный самому себе. От твоего ответа зависит все. Подумай и реши»^{7а}.

Анна Леопольдовна вынуждена была отказаться от своего решения. И она снова взялась «за переписку его статей к печати, за корректуры и переводы, остальное время уходило на совместные чтения или чтения порознь более серьезных книг исторического и философского содержания, ввиду дальнейшего самообразования...»⁸. Вскоре Иконников был командирован за границу, куда он взял с собою жену и ее сестру. Они посетили Германию, Францию, Италию⁹. Это путешествие много дало Анне Леопольдовне для ее самообразования.

Восприимчивая по натуре, хорошо зная жизнь киевской профессуры и обладая способностью подмечать характерные черты, Анна Леопольдовна решила попробовать обобщить свои наблюдения в литературном произведении. Она начала работать над романом, дав ему название «Интеллигентные силы» (1874 г.). До нас дошла всего одна из пяти частей этого романа. Мы не беремся оценивать его с художественной точки зрения, но одно бесспорно — он представляет собой любопытный исторический документ для изучения атмосферы, царящей в ученых кругах в 70-е годы прошлого столетия. Большинство героев романа взяты из реальной жизни — на полях рукописи сохранились даже карандашные пометки автора о прототипах. Так, например, в одном из главных героев, роль которого в романе не всегда была благовидной, выведен известный в то время профессор Киевского уни-

обороте последних листов перевода с немецкого «Deutsche Rundschau» («Немецкое обозрение»), относящегося к 1911 г. (Государственная публичная библиотека АН УССР (далее ГПБ АН УССР), ф. 46, д. 624). Между тем в 1874 г. сходной теме В. С. Иконников посвятил две публичные лекции в пользу голодающих Самарской губернии и недостаточных студентов университета, которые затем были изданы (См. В. С. Иконников. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Сравнительно-исторический очерк. Киев, 1874).

^{7а} ГПБ АН УССР; ф. 46, д. 620, лл. 64—66.

⁸ Там же, л. 66—67.

⁹ Там же, д. 663.

верситета В. Я. Шульгин, а в образе главной героини — Надежды Линевской писательница изобразила себя. Роман не является точной копией действительных характеров и событий, о чем предупреждает автор на титульном листе романа: «В романе рисуется только возможное, но не действительное — это последнее — дело истории...»¹⁰

Этот роман подписан, как и большинство ее работ, первыми буквами Анна Леопольдовна Иконникова — АЛИИ.

В 1878 г. в Киеве открылись Высшие женские курсы (ВЖК) по образцу московских курсов Герье и петербургских Бестужева-Рюмина. Впервые вопрос о высшем женском образовании был поставлен в России в обстановке нарастающего революционного и общественного подъема в годы первой революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. Стремление женщин к образованию активно поддерживала передовая общественность, в том числе и наиболее прогрессивная университетская профессура (А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов и другие). В связи с невозможностью получить высшее образование внутри страны, всё большее число женщин вынуждено было уезжать за границу. Это вызывало серьезные опасения властей, которые прибегали даже к репрессиям. Так, например, правительственная печать, обращавшая внимание на возраставший наплыв женщин в европейских городах, особенно в Цюрихе, писала: «В среде русской молодежи обоего пола образовались различные политические партии самых крайних оттенков». В результате в мае 1873 г. всем женщинам, обучающимся в Цюрихе (более 100 чел.), было предписано вернуться в Россию до конца года¹¹.

В период проведения буржуазных реформ и обострившейся социально-политической борьбы царское правительство все же было вынуждено решать и проблему женского образования внутри страны. Все чаще женщины стали допускаться как вольнослушательницы в университеты, начали организовываться в университетских городах России специальные курсы для женщин. Однако царская администрация и впредь продолжала чинить препятствия женскому образованию (только в 1911 г. был принят закон о праве женщин на высшее образование). В целом же вопрос о женском образовании так и не был до конца решен в дореволюционной России.

В. С. Иконников как член Совета университета по устройству Высших женских курсов в Киеве принимал активное участие в их организации, затем читал на курсах русскую историю и русскую историографию, а с 1881 по 1889 гг. заведовал ими. Вскоре после открытия в Киеве Высших женских курсов он писал К. Н. Бестужеву-Рюмину — первому директору женских курсов в Петербурге

¹⁰ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 621, л. 1.

¹¹ «С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878—1903». СПб., 1903, стр. 58, 36. См. также сборник статей: «С.-Петербургские высшие (Бестужевские) курсы. 1878—1918». Л., 1973.

(отсюда их название — «Бестужевские»): «Курсы у нас открылись и, кажется, весьма оживлены. Всё идет чинно и прилично. Но препятствий было масса <...> и даже в день открытия мы были не уверены — что нечто открывается, да и теперь не верим, что существуем»¹². Иконников сам предложил жене поступить на курсы, чтобы она, наконец, сумела воплотить свою заветную мечту — получить систематическое высшее образование. Анна Леопольдовна с энтузиазмом отдавалась занятиям, хотя к тому времени ей было уже 30 лет. С этого же года она вошла в состав попечительского комитета при ВЖК и одновременно поступила преподавательницей истории в I женскую гимназию, в которой преподавала затем в течение 25 лет.

Годы учебы на ВЖК стали для нее временем наивысшего душевного и творческого подъема. Этот период своей жизни Анна Леопольдовна вспоминала всегда с удовольствием: «Деятельность обоих закипела и так продолжалось все время ее пребывания на курсах, — пишет она о себе в третьем лице. — Наконец, пройдя все искусства: экзамены, рефераты, обязательные сочинения и т. п. 2 июня 1882 г. «она принесла в кабинет мужа свой диплом об окончании высшей школы»¹³. Однако к радости примешивалась и некоторая горечь: ей хотелось совершенствоваться и дальше. «Конечно, если бы вопрос о государственных экзаменах для женщин и о возможности экзаменов на ученые степени тогда был поставлен так же определенно, как ныне, — писала она в 1912 г., — то по всей вероятности спутница нашего русского ученого пошла бы и дальше в своем научном образовании и, благодаря своему дару слова, могла бы стать хорошим профессором, но тогда об этом трудно было даже и мечтать, так еще шатко стоял вопрос о высшей школе для женщин, которую приходилось с великим трудом отстаивать даже целому сонму профессоров и самих женщин, желавших учиться...»¹⁴.

И, пожалуй, ярчайшим доказательством незаурядных исследовательских способностей Анны Леопольдовны могут служить ее записки по историографии, относящиеся к 1878—1880 гг., на которых подробнее мы остановимся ниже.

О следующем этапе жизни Анны Леопольдовны мы знаем довольно мало и наши сведения о нем отрывочны.

Итак, Анна Леопольдовна продолжала свою будничную работу как помощница Иконникова, преподавала историю в гимназии, не оставляя собственные научные и литературные занятия. Среди ее рукописей кроме переводов есть, например, биография Гете, заметки о народном образовании, записки и рефераты по женскому вопросу. Эта последняя тема постоянно привлекала внимание

¹² Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде, Отдел рукописей, 24183/CLXXX б. 17. Письмо от 13 октября 1878 г.

¹³ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 620, л. 69.

¹⁴ Там же, л. 70.

Иконниковой. Так, от 1896 г. сохранилась неполная рукопись ее реферата «Женский вопрос у наших антиподов», представляющая собой изложение книги французского писателя Леруа-Больё о положении женщин в Австралии с дополнениями ее собственных соображений и наблюдений; а от 1911 г.— записи по теме о положении женщин в прошлом. В наиболее полном виде дошел до нас реферат 1907 г. «Попытка исследования вопроса о возникновении, целях и задачах женских обществ взаимопомощи». В связи с этой темой автор делится своими соображениями о положении и роли женщин в общественной жизни и о возможной сфере их деятельности. Прежде всего она подчеркивает, что женщина составляет известную мировую единицу — индивидуальность, являясь членом своей или чужой семьи — главной ячейки человеческого общества; затем членом общества, в котором живет, и членом государства, к которому принадлежит по рождению. Исходя из этого и деятельность женщины, полагает Иконникова, должна направляться на эти же области в том же порядке. Так, являясь индивидуумом, женщина должна прежде всего направлять свою деятельность «на гармоничное развитие своей индивидуальности, на свое личное самообразование, самоусовершенствование»¹⁵. А уж затем она должна отдавать свои силы и заботы семейному труду, а досуг уделять «общему благу — делу общественному». Под общественным делом она подразумевает отклик «на запросы жизни и других людей, кроме своих близких». «В конце концов,— пишет она,— мы должны интересоваться и жизнью нашей Родины, нашего государства, даже, если этот интерес может не прямо, а косвенно быть проявляем... Кто не страдает за бедствия своей Родины, тот не достоин носить звания ее истинного гражданина». И отсюда ее убеждение — интерес женщины «к мировым явлениям сам собой окрепнет»¹⁶. Поэтому одной из главных целей женских обществ взаимопомощи является задача всколыхнуть потребность к проявлению заботливости «человеческой души вообще, и женской в особенности». Общества должны указывать пути и средства для проявления этой потребности¹⁷.

Как видим, в этом реферате отразилась жизненная программа Анны Леопольдовны, которую она сама стремилась выполнить и в значительной степени выполняла.

В продолжение почти всей жизни Анна Леопольдовна вела дневник, который, по ее словам, «мог бы дать богатый материал для психологии как общественной, так и индивидуальной жизни за 50-летний период времени и для оценки более серьезных стремлений русской женщины к равноправию, в особенности в области знания и просвещения»¹⁸. Утрата этого дневника вызывает

¹⁵ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 623, стр. 81.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 83.

¹⁸ Там же, д. 620, л. 71.

глубокое сожаление — он, очевидно, погиб вместе с вещами и частью архива В. С. Иконникова в годы гитлеровской оккупации Киева. Лишь частично этот дневник восполняют фрагменты воспоминаний об Иконникове. Однако при знакомстве с ними необходимо учитывать по крайней мере три следующих обстоятельства.

Прежде всего не следует забывать, что эти воспоминания Анна Леопольдовна писала в преклонном возрасте, когда многое уже сглаживалось в памяти и теряло свою первоначальную остроту. Основная часть воспоминаний написана в 1912 г., кончаются они небольшой припиской, сделанной в 1914 г.

Затем, Анна Леопольдовна в дневнике и в воспоминаниях ставила перед собой разные задачи. Так, в дневнике она, очевидно, фиксировала под свежим впечатлением события общественной и личной жизни, а в воспоминаниях стремилась проследить в основном жизнь Иконникова и его близких. На примере Иконникова она хотела показать «массу данных для изучения жизни вообще русского ученого и общественного деятеля»¹⁹. При этом, показывая его жизнь как бы изнутри и до известной степени ограничивая ее стенами дома (т. е. то, что было ей наиболее доступно и более чем кому-либо другому известно), она дает профессорскую и общественную деятельность Иконникова как фон, на котором проходила его главная работа над «Опытом русской историографии» и который отвлекал и мешал ему в этой работе. В ее глазах Иконников предстает, с одной стороны, как ученый, стремящийся работать и работающий когда ему это удастся, в своем домашнем кабинете, и, с другой стороны, как чрезмерно заботливый отец.

И, наконец, как об этом упоминалось, воспоминания Иконниковой не дошли до нас целиком. Сохранившаяся рукопись состоит из двух частей. Первая, написанная чернилами в тетради без обложки, начинается согласно авторской пагинации, с 64 страницы и обрывается на 79-й. Это по содержанию соответствует описанию событий примерно с 1872 г. до 1891 (год выхода в свет I тома «Опыта русской историографии»).

Вторая часть написана в толстой черной клеенчатой тетради лиловым карандашом быстрой скорописью. Бледнолиловый карандаш на желтоватой бумаге создает впечатление, что рукопись не поддается прочтению. Однако это впечатление оказалось ложным. Эта тетрадь открывается 178-й страницей, заканчивается 266-й, плюс один лист без нумерации. Таким образом утрачена 161 страница из воспоминаний Иконниковой, а уцелело лишь 104, т. е. значительно меньше половины. Текст второй части в основном относится уже к 1910-м годам, но иногда встречаются упоминания и о более раннем времени.

Как видим, имеющийся материал не может дать исчерпываю-

¹⁹ Там же, стр. 264.

щего ответа на все интересующие нас вопросы и не в состоянии полностью показать реакцию и отношение Иконниковых на многие события общественно-политической жизни страны, города, университета, свидетелями которых они были. Мы не знаем, например, были ли там страницы, посвященные студенческим волнениям (ведь именно в Киевском университете впервые был применен закон об отдаче студентов в солдаты) или о революции 1905—1907 гг.

Анна Леопольдовна, желая быть объективной, называет своего мужа чаще всего несколько торжественно — «наш русский ученый», а о себе пишет в третьем лице. Она сочными красками, но лаконично рисует для примера один обычный рабочий день Иконникова, описывает перипетии, связанные с работой его над «Опытом русской историографии». Все эти достоверные свидетельства являются ценнейшим источником при изучении творческой лаборатории, жизни и деятельности академика В. С. Иконникова.

Вместе с тем воспоминания не ограничиваются обрисовкой только одной фигуры. Наиболее интересны те страницы рукописи, на которых автор темпераментно, не без художественного таланта, пишет с негодованием о Министерстве народного просвещения, прозванного еще Н. М. Карамзиным «Министерством затемнения». Она пишет о многих несправедливостях, о незавидном положении ученого в тогдашнем обществе, отражая тем самым настроения русской интеллигенции в тяжелые предреволюционные годы. «[...] Русский просвещенный мир со своим «Министерством затемнения», а быть может самый склад русской жизни, — пишет она, — не обеспечивают, не ценят и не дают тех условий, при которых рус[ский] ученый мог бы работать во всю на пользу своего отечества и русской науки»²⁰. «Министерство внутр[енних] дел, — продолжает она, — и своим полицейским чиновникам без всякого научного образовательного ценза дает более... Почему, с другой стороны, Мин[истерство] финансов может роскошно обставить своих чиновников, а Мин[истерство] Н[ародного] Пр[освещения] не может изыскать средств, чтобы поставить в лучшие условия своих выдающихся молодых ученых или определившихся уже тружеников науки, совершенно игнорируя и их имена и их труды. Вот почему мы видим примеры, что из нашего «Министерства затемнения» бегут даровитые люди [...]»²¹. Критикует она и Академию наук, где «иные далеко не выдающиеся и еще сравнительно молодые ученые легко попадали в ее члены, в силу б[ыть] м[ожет], личных отношений», в то время как «С. М. Соловьев только на склоне дней своих, выпустив чуть не последний 30-й том своей «Истории России», был избран членом Ак[адемии] Наук»²².

²⁰ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 620, стр. 180—181.

²¹ Там же, стр. 185—186.

²² Там же, стр. 182—183. Тут Иконникова допускает неточность.— «Ис-

Она приводит примеры незаслуженной забаллотировки или слишком позднего посмертного признания авторов выдающихся открытий. Но здесь дело не только в личных отношениях, как пишет Анна Леопольдовна, а в определенной политике, проводимой царским правительством и президентом АН — великим князем Константином Константиновичем, которые стремились отгородить Академию от прогрессивных влияний и превратить ее в замкнутое научное учреждение. С этой целью поощрялось избрание иностранцев в АН и чинились препятствия русским ученым. Известны случаи неизбрания академиками таких выдающихся ученых, как Н. И. Лобачевский, А. Г. Столетов, И. М. Сеченов и др.

«Как поднять уважение к труженикам науки и к самой рус[ской] науке?— Это вопрос будущего»²³ — с грустью констатирует Иконникова. А пока «русские ученые, при той массе дел, какие выдвигает современная Россия, будут эксплуатироваться и рваться на части, подрывая свои силы и не видя выхода [...]»²⁴. В этих строках не трудно заметить и личную обиду за В. С. Иконникова, которому в то время был 71 год. Напомним, что лишь два года спустя — в 1914 г. он был избран академиком. К тому же, видимо, Анна Леопольдовна знала, что некоторые члены Русского Исторического Общества ко дню столетия его основания (1911 г.) предприняли попытку исходатайствовать Иконникову официальное звание историографа, считая, что оно как нельзя лучше подходит к нему по роду его занятий и ученых заслуг в этой области. Однако Министерство двора сочло его недостойным такого рода признания...²⁵

В конце 1908 г. вышел из печати II том «Опыта русской историографии». Естественно, что автор ожидал обстоятельного и серьезного разбора своего многолетнего труда, как то было сделано по отношению к I тому К. Н. Бестужевым-Рюминым. Археологическое общество присудило Иконникову за оба тома золотую медаль, в его адрес поступала масса писем от русских и зарубежных ученых, от различных обществ и учреждений — в результате у него образовался, как он сам называл, целый «архив любезностей»; появлялись и отдельные рецензии в отечественной и иностранной печати, которые, однако, не содержали всесторонней глубокой оценки труда, ожидаемой автором. В период нелегких раздумий о целесообразности продолжения начатого труда (материал был уже собран) Анна Леопольдовна сумела убедить Иконникова в необходимости продолжения задуманной работы. Именно ей принадлежит заслуга в том, что Владимиру Степановичу удалось закончить

тория России с древнейших времен». Соловьева состоит из 29 томов. С. М. Соловьев (1820—1879) был избран академиком в 1872 г.

²³ Там же, стр. 209.

²⁴ И ПБ АН УССР, ф. 46, д. 620, л. 71, стр. 209.

²⁵ См. С. Ф. Платонов. Владимир Степанович Иконников.— «Анналы», 1924, № 4, стр. 255.

написание очередной книги «Опыта русской историографии». Спустя несколько лет, уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции, Иконников писал в Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук: «Считаю долгом сообщить, что я выполнил возложенную Отделением на меня работу по составлению продолжения русской историографии». Эта рукопись хранится теперь в Архиве Академии Наук СССР.

В годы Советской власти за В. С. Иконниковым было сохранено звание академика Российской Академии наук. Организованный по инициативе В. И. Ленина «Комитет по улучшению быта ученых» выплачивал ему пенсию.

В 1918 г. Иконников передал свою личную богатейшую библиотеку (20 тыс. книг и 3 тыс. брошюр!) в Публичную библиотеку Академии наук Украинской ССР. Этот дар до сих пор бережно хранится в библиотеке.

В 1920 г. Иконников был избран академиком Украинской Академии наук по кафедре русской истории. Это было признанием научных заслуг Иконникова, внесшего значительный вклад в развитие исторической науки.

В создании своих научных трудов Иконников, как мы уже знаем, был обязан постоянной помощи своей жены. Но в свою очередь и В. С. Иконников оказывал большое влияние на становление исторических взглядов А. Л. Иконниковой, создавшей интересный и в своем роде уникальный труд по историографии.

Остановимся теперь на «Записках по историографии». Постоянно помогая В. С. Иконникову в его повседневной научной работе, Анна Леопольдовна не ограничивалась подсобной, полутехнической работой. Она сама овладевала материалом, имела о нем четкое представление, легко и свободно ориентировалась в нем.

В течение своей многолетней преподавательской деятельности Иконников неоднократно излагал курс историографии целиком и по специальным отделам. Так как Иконников, как он сам об этом писал²⁶⁻³¹, постоянно следил с интересом библиографа за текущей исторической литературой, собирал библиографические редкости, местные издания и все эти сведения вводил в свой курс, заботясь о его библиографической полноте и увлекаясь подробностями, которые подчас «топили» главное, то его курс все время усложнялся и становился все труднее для усвоения. Во что он в конце концов превратился, можно судить по томам «Опыта русской историографии», в основу которого были положены эти лекции. И вот, чтобы помочь студентам университета и слушательницам Высших Женских курсов, Анна Леопольдовна составляла

²⁶⁻³¹ См. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, Киев, 1891, стр. V.

для них пособия. В те годы не было учебников по историографии, но их необходимость ощущалась. Она почувствовала эту потребность и смело взялась за дело. Вот что она сама пишет о своей работе в связи с рассказом о зарождении замысла Иконникова создать обширный труд, который «мог бы облегчить работу каждого труженика науки» (имеется в виду «Опыт русской историографии»): «в университете и на Высших Жен[ских] курсах он читал уже курс рус[ской] историографии, краткие записки по ней, составленные его женой, служили пособием на экзаменах не только для студентов и слушательниц в. ж. курсов, но ими пользовались молодые ученые при магистерских экзаменах». И к этому месту в тексте сделана приписка: «Проф[ессора] Голубовский, Линниченко и др., как заявляли сами»³.

Таким образом «Записки» Иконниковой не были никому неизвестной рукописью. Наоборот, они постоянно изучались и пользовались популярностью не только у учащейся молодежи, но и среди начинающих ученых. Вопреки тому, что сама Анна Леопольдовна как женщина не могла преподавать в университете, по существу ее работа была пособием для студентов. Но и на это она официально не имела права — может быть поэтому на титульном листе «Записок» она не поставила своего полного имени, а ограничилась инициалами: «А. И».

Как можно судить на основании выше приведенного отрывка, Анна Леопольдовна составила несколько пособий, и, возможно, для слушательниц и для студентов в разных вариантах. Но мы предполагаем только одной ее рукописью на историографическую тему, рассчитанную на слушательниц ВЖК. Она датирована 1878—1880 гг. В эти годы сама Анна Леопольдовна занималась на ВЖК, но не следует забывать, что к этому времени она была не начинающей ученицей, а уже сложившимся человеком, прошедшим немалый путь самообразования (недаром сам Иконников еще в 1872 г. называл ее энциклопедисткой), у нее был уже значительный опыт помощи мужу в его научной работе и она вела преподавание истории в гимназии. К тому же возможно допустить, что Владимир Степанович сдержал свое обещание — прошел с ней все капитальное и специально для нее читал свои лекции.

Иконникова подходила к своей задаче творчески, вдохновенно. Ее «Записки» базировались на трудах Иконникова. Она имела перед собой море материала, в отборе которого проявился ее талант. В результате «Записки» отличаются четкостью, ясностью, единством изложения и художественностью.

На титульном листе рукописи читаем: «Записки по историографии. 3-й курс: „Прагматическая история“, сост[авленная]

³² ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 620, л. 73 (разрядка наша.— Р. К.).

А. И[конниковой] для слушательниц ВЖК 1878—80 гг.»³³ Как видно из названия, Анна Леопольдовна не ограничивалась рамками только отечественной историографии. И действительно, начинается она с античности, средних веков, с характеристики западно-европейской историографии. Но все это в конце концов ею дается как широкий фон для рассмотрения русской историографии и входит в раздел «Научная разработка русской истории».

Вместе с тем заглавие «Прагматическая история» свидетельствует и о том, что автор не ставит перед собой задачи изложения всего хода развития исторической науки. Обычно в применении к России дворянско-буржуазная наука начинала период так называемой прагматической истории с XVIII, а иногда и с середины XVII в. в противоположность летописному периоду, который нередко вообще исключался из историографии на том основании, что летописи не признавались историческими сочинениями, а расценивались только как «сырой» материал. Этой точки зрения придерживался и Иконников. Однако в его колоссальный труд «Опыт русской историографии» эта тема не вошла, хотя он и предполагал посвятить ей отдельный том. В связи с этим «Записки» Иконниковой приобретают особый интерес.

Возможно было бы правомерно сравнить «Записки» не с итоговым трудом Иконникова, а с его историографическими лекциями тех лет, но они не сохранились. Однако мы располагаем его двумя более ранними опубликованными лекциями 1867 и 1868 гг.³⁴ и разновременными программами университетского курса. Эти программы год от года заметно видоизменились. Хотя они и не полностью отражают взгляды их автора и не передают его конкретных оценок и характеристик, они тем не менее в значительной степени дают представление об общем ходе его мыслей, об основной направленности его историографических поисков. Анализ этих программ, дающих возможность проследить этапы работы Иконникова над историей исторической науки, является самостоятельной исследовательской задачей. А сейчас они важны лишь с точки зрения их взаимосвязи с интересующими нас «Записками».

Из 14 программ только шесть датированы. Самая ранняя из них относится к 1868 г., поздняя — к 1879 г., то есть как раз совпадает со временем работы Анны Леопольдовны над известными нам «Записками». С этой-то наиболее поздней программой мы и сравним их. В программе 1879 г. Иконниковым записаны 22 пункта³⁵, из которых только шесть последних примерно сходны со структурой «Записок». Первые же 16 — это история

³³ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625.

³⁴ См. В. С. Иконников. Очерк разработки русской истории в XVIII веке (лекция). Харьков, 1867; *он же*. Общий взгляд на развитие науки русской истории (вступительная лекция). Киев, 1868.

³⁵ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 68, л. 1—2.

источников, история русских и иностранных библиотек и архивов, характеристика отдельных видов исторических памятников, вспомогательных знаний и т. п. — эти темы Анна Леопольдовна не рассматривает. Но именно отсечение побочных тем (например, первых 16-ти пунктов) придает ее «Запискам» большую стройность и охраняет их автора от «перелюбопытства» Иконникова (выражение В. О. Ключевского), хотевшего охватить все темы из истории науки.

По сравнению с «Записками» в программе Иконникова 1879 г. нет общей характеристики прагматической истории. Однако в других программах мы встречали наметки на изложение состояния западно-европейской исторической науки, да и во вступительной лекции 1868 г. он говорил об умственном повороте на Западе, «который отразился на развитии политических наук вообще и истории в особенности»³⁶.

Иконникова понимает историю как общественную науку, которая «не может не переживать вместе с обществом всех стадий его развития, стоявшего в прямой связи с умственным уровнем общественной среды»³⁷. Поэтому она и стремится показать в различные эпохи разных «умственный уровень общественной среды», проводя при этом аналогии между Западной Европой и Россией. Надо сказать, что она умело ведет избранную линию повествования, достаточно полно освещает ее, не отвлекаясь в сторону.

Иконниковой, как историографу, присуще понимание исторических направлений, что для своего времени было немалым достижением. При этом она не только выделяет отдельные направления, но и дает столкновения различных мнений. Так на протяжении всей работы она прослеживает борьбу религиозных воззрений и научных знаний. Но так как ее главным образом интересует история прагматической истории, то она кратко в общих чертах характеризует те периоды в истории человечества, в течение которых главенствовала религиозная мысль, а подробнее разбирает периоды господства разума. Например, она считает, что историография древнего Востока «вследствие недостатка гражданского развития общества и преобладания религиозного направления мысли»³⁸ лишена философского характера. Автор подчеркивает ограниченный характер истории Востока в силу того, что историческая жизнь этих народов была сосредоточена лишь около дворца или храма. Поэтому и история там «вылилась в форму родословных списков и храмовых таблиц, лишь изредка дополненных скудным перечнем событий народной жизни, тесно связанных с теми же явлениями»³⁹.

³⁶ В. С. Иконников. Общий взгляд на развитие науки русской истории, стр. 1 и сл.

³⁷ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 1.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Востоку она противопоставляет древнюю Грецию, где по ее мнению могла впервые выработаться прагматическая история, «Господство разума в философии,— подчеркивает она,— отразилось и в представлении о разумном ходе событий, наперекор царствовавшему до тех пор в истории року»⁴⁰. Исследование причин и следствий становится главной нитью исторического рассказа. Далее Иконникова говорит об отдельных авторах, например о Фукидиде, Геродоте, Тите Ливии, Полибии, Деодоре Сицилийском, Троге Помпее.

По мере постепенного удаления от классического мира и торжества новых народов,— пишет автор,— одержали победу теологические понятия. Почти все писатели того времени были лица духовные, литература и история для которых стали религиозным занятием: «Писавшие историю, писали историю церкви, все вопросы почти рассматривались с богословской точки зрения, даже математические и физические науки подчинялись влиянию церкви»⁴¹. Так продолжалось до появления работ Бэкона и Декарта, «которые впервые свели разум с пути теологии»⁴².

И когда Иконникова говорит о XVIII веке, она также подчеркивает эту борьбу разума с теологией. Те же мотивы она выделяет и в историографии России. Причем рассказ о европейском развитии умственного направления она предваряет всегда рассказу о русской историографии будь то средние века, XVIII век или XIX.

Прагматическую историю в России она начинает с XVII в.— с «Синописа» И. Гизеля и «Русской истории» дьяка Ф. Грибоедова, видя в них первые попытки систематического изложения истории. Надо сказать, что Иконников еще в первой своей историографической лекции, начиная историю науки с XVIII в., говорил об отдельных попытках систематического изложения русской истории, упоминая в этой связи труд Ф. Грибоедова, «Синописис» и «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева. Но он оценивал, например, «Синописис» Гизеля не как произведение, созданное в XVII в., а говорил о нем в связи с рассмотрением общего состояния русской истории в XVIII в., когда «Синописис» уже устаревал. При этом Иконников ссылался на работу А. В. Старчевского⁴³, причем еще категоричнее последнего утверждал, что «Синописис» сделал более вреда, чем пользы отечественной истории; потому что он распространил много ложных сведений, которые ввели в заблуждение наших писателей XVIII века»⁴⁴. Это суровое мнение о «Синописисе» Анна Леопольдовна не повторяет. Надо

⁴⁰ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 2.

⁴¹ Там же, стр. 5—6.

⁴² Там же, стр. 6.

⁴³ А. Старчевский. Очерк литературы русской истории до Карамзина.

⁴⁴ См. В. С. Иконников. Очерк разработки русской истории в XVIII веке, стр. 4. Ср. он же. Общий взгляд на развитие науки русской истории, стр. 3.

признать, что ее подход более историографичен — она рассматривает «Синописис» в одном ряду с другими произведениями XVII в., сжато говорит о его содержании, о том, что Гизель подобно летописцам начинает изложение событий с потопа, указывает на основные источники автора — хронику Софоновича, труды Стрыйковского, Длугоша и др. Критически указывает Иконникова на характер использования Гизелем своих источников: «судя по тем источникам, которыми пользовался автор, можно сказать, что он не имел еще настоящего представления о сравнительном достоинстве источников»⁴⁵. Подобного замечания мы не встречали ни в статьях Иконникова, ни в работе Старчевского.

Обращает внимание Анна Леопольдовна и на Предисловие к исторической книге, принадлежащее окольничему Лихачеву, о котором, заметим кстати, Иконников ни в указанных работах, ни в программах не упоминал, да и вообще в историографической литературе не часто говорится об этой работе. Она же придает «Предисловию» особое теоретическое значение.

В этом «Предисловии» Иконникова прежде всего подчеркивает стремление Лихачева доказать пользу изучения русской истории — для этого он прибегал к авторитету античных историков и философов. Знакомит она и с требованиями, предъявляемыми автором к историкам — выбор интересного сюжета, определение пределов повествования, критический подход (т. е. знание того, что достойно рассказа, а что следует опустить, умение различать противоречивые показания и достоверные сведения предшественников), искусство расположения описываемых фактов, сохранение чистоты слога и спокойствия духа, чтобы писать правду, сочувствуя добру и презирая зло. А главное, описывать не только ход дел, но выяснить их причины и следствия. «Нельзя не отдать ему справедливости, подытоживает характеристику Лихачева Иконникова, в его мыслях встречаем приговор предшествовавшему летописанию и потребность выйти на новый путь исторического изложения. Здесь впервые заявлена была важность о б р а б о т к и и притом не только по летописному материалу и шаблону, но по иностранным источникам и по архивным документам»⁴⁶.

Сжато упоминает автор «Записок» «Ядро Российской истории» Манкиева, который «не мог освободиться от взглядов «Синописиса»»⁴⁷, и труд Ф. Поликарпова.

Важно отметить, что в XVII в. видит Иконникова «заметный перелом в умственной жизни русского общества»⁴⁸, что замечали далеко не все историки, писавшие о русской историографии. Иллюстрирует она этот перелом и на достаточно оригинальном материале — через состав царской библиотеки, где попа

⁴⁵ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 9.

⁴⁶ Там же, стр. 14—15.

⁴⁷ Там же, стр. 15.

⁴⁸ Там же, стр. 10.

даются уже не только книги религиозного содержания, но и книги на разных языках по грамматике, космографии, математике, политике. Для нее важно еще раз показать, что уже в те времена авторы стремились доказывать пользу изучения русской истории и что ими была осознана потребность в новых приемах истории, но пока еще она, эта потребность, не могла быть удовлетворена. «Для этого нужны были люди новой школы, для которой уже наступила пора»⁴⁹. Так переходит она к XVIII веку.

Напомним, что Иконников историю науки начинал с петровского времени. А в «Записках» с этой эпохи начинается новый, т. е. следующий, очередной период. «Пересоздание научных воззрений у нас всецело принадлежит, как и пересоздание общественной жизни — тому же великому реформатору»⁵⁰.

Со времени Петра I, пишет Иконникова, возникают в России систематические отношения с западными учеными и наука впервые пытается стать в уровень с требованиями ее на Западе. «Многие историко-политические вопросы, волновавшие запад, перешли и в Россию»⁵¹. Для политического движения XVIII в. характерно возникновение оппозиции против прежних средневековых начал. «В умственном направлении эта оппозиция, — читаем в «Записках», — отразилась в протесте средневековым теориям; в историографии — в отрицании, направленном против излишнего доверия сказаниям средневековых летописцев, против легендарной древности и против преобладания в истории теологии»⁵². Показывается это на многих трудах таких авторов как Болингброк, Юм, Робертсон, Гиббон, Вольтер, Монтескье, Бэйль, Шлецер. «Под тем же влиянием нового умственного направления Европы образовались и наши писатели Татищев, Щербатов и Болтин»⁵³. Эту борьбу разума с теологией она подчеркивает, например, на творчестве В. Н. Татищева: «Причиною застоя он считает, подобно западным писателям XVIII в. духовенство. Он не доверяет даже духовным писателям, потому что истории их наполнены баснями». «Недоверие к духовенству у Татищева доходило наконец до того, что он заподозревает даже церковные акты, на которые опиралась церковь в своих постановлениях»⁵⁴. А о Щербатове пишет: «в своих религиозных мнениях и мнениях о духовенстве он был под влиянием эпохи XVIII в. Участие духовенства в гражданских делах, за которыми он обстоятельно следит в истории, представляется ему незаконным»⁵⁵. Сопоставления с Западом органично переплетаются в ее изложении с рассказом о трудах русских историков, которые она и рассматривает далее.

⁴⁹ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 17.

⁵⁰ Там же, стр. 18.

⁵¹ Там же, стр. 30.

⁵² Там же, стр. 25.

⁵³ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 29.

⁵⁴ Там же, стр. 31.

⁵⁵ Там же, стр. 40.

Татищева она подает как образец ученого, чьи взгляды и характер формировались под непосредственным влиянием реформ Петра I. И вместе с тем она считает мнения и направления труда Татищева вообще типичными для историков XVIII столетия⁵⁶.

«Если Татищев,— продолжает она дальше,— в основу всех деяний ставит ум, то Щербатов берет в основу теорию Юма о причинах и следствиях, восходя иногда до самых сокровенных пружин и выводя наотдаленнейшие следствия»⁵⁷. Иногда, говоря о наиболее крупных историках, Иконникова называет их «поритателей», последователей и о дальнейшей научной критике их трудов — другими словами, она дает историографию вопроса.

Особо следует обратить внимание на тот факт, что Анна Леопольдовна вслед за Иконниковым специально говорит о «Записке о повреждении нравов в России» Щербатова, находя что автор в ней бичует пороки подобно Руссо»⁵⁸. Напомним, что этот антиекатерининский памфлет впервые был напечатан А. И. Герценом в Лондоне (1858 г.) одновременно с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и не мог быть издан в России вплоть до 70-х годов XIX в. Записка Щербатова редко упоминалась в дореволюционной историографической литературе.

Иконникова отмечает и свойственные Щербатову слабости, на которого «напал строгий и неумолимый Болтин, стоявший далеко выше его как по дарованиям, так и по своим приемам»⁵⁹. Затем она переходит к характеристике И. Н. Болтина. Заканчивая это описание, она подытоживает выше сказанное: «Как бы ни были велики промахи русских историков 18 в., они оказали большую услугу рус[ской] историографии. Их взгляды принадлежали эпохе, но и без того у них остается много. Татищев своим сводом летописей сохранил для нас много утерянных материалов, положил начало исследованию рус[ских] летописей, рус[ской] географии, этнографии, археологии, положил также начало обработки историко-юридического материала в его изданиях Рус[ской] Правды, Судебника (с объяснениями юридичес[ких] терминов). Щербатов дал обществу полную рус[скую] историю, обширную по объему. Наконец Болтин своею критикою фактов внес общий взгляд в рус[скую] историю и дал руководство для чтения истории Щербатова»⁶⁰.

В своем изложении Анна Леопольдовна не ограничивается только крупнейшими фигурами историков XVIII в., как это было в опубликованных ранних лекциях Иконникова. Хотя и бегло, но она говорит об издательской деятельности Н. И. Новикова, пишет о И. И. Голикове, П. И. Рычкове, В. В. Крестинине, М. Д. Чул-

⁵⁶ Там же, стр. 29, 25.

⁵⁷ Там же, стр. 40.

⁵⁸ Там же, стр. 43—44.

⁵⁹ Там же, стр. 45.

⁶⁰ Там же, стр. 48—49.

кове, Н. Н. Бантыш-Каменском, А. И. Мусине-Пушкине, Платоне и о многих других. Конечно, она не видит зарождения в недрах дворянского направления элементов нового буржуазного направления и ничего не говорит о революционном (в лице А. Н. Радищева). Она лишь традиционно сравнивает М. М. Щербатова с И. Н. Болтиным и отдельно говорит о русских историках и о школе академиков-немцев: Г.-З. Байере, Г.-Ф. Миллере, А.-Л. Шлёцере. При этом Иконникова не столько противопоставляет друг другу русских и немецких историков, как делала почти все писавшие об этом времени, сколько видит в лице тех и других ревностных сподвижников русской истории⁶¹. Здесь она близка к позиции Иконникова⁶². Упоминает Анна Леопольдовна и о крупнейших публикациях источников, и о начале издания в России журналов. О М. В. Ломоносове говорит лишь попутно, не останавливаясь на его «Древней Российской истории». Иконников в своих статьях тоже не делает специального разбора этого труда.

Однако несомненным достоинством автора «Записок» является то, что она постоянно говорит о преемственности развития исторической науки (что отсутствует в упомянутых статьях Иконникова, хотя он и отмечал отдельные черты влияния разных эпох): XVII век подготовил XVIII, который в свою очередь оказал большую услугу русской историографии последующего времени⁶³. Исторические направления XIX в., замечает Иконникова, имеют корни в XVIII в. Например, она, так же как и Иконников, считает, что зародыш скептической школы во главе с Каченовским лежит в скептицизме Шлёцера⁶⁴, а славянофильское учение непосредственно примыкает и к воззрениям Карамзина и одновременно к романтизму⁶⁵.

Историографию XIX в. Анна Леопольдовна подает по направлениям, внутри которых четко, образно и критически излагает суждения об отдельных историках.

Сравнительно с другими историками Н. М. Карамзину Иконникова отводит в «Записках» много места (со стр. 72—105). В противоположность «отрицательному направлению» Шлёцера с Карамзина начинается, утверждает она, «положительное направление»⁶⁶. Но в данном случае эти понятия направлений не являются у нее устойчивыми. Несколько ниже она относит Карамзина к «художественному направлению»⁶⁷. В целом можно сказать, что Иконникова высоко оценивает заслуги Карамзина, так как «в

⁶¹ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 49.

⁶² Иконников писал: «В XVIII в. русская история разрабатывалась иностранцами и русскими, и те и другие много сделали на этом поприще для нашей науки» (*В. С. Иконников. Очерк разработки русской истории в XVIII веке*, стр. 3).

⁶³ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 48.

⁶⁴ Там же, стр. 66.

⁶⁵ Там же, стр. 127.

⁶⁶ Там же, стр. 73, 67.

⁶⁷ Там же, стр. 99.

его истории можно найти начало всем научным вопросам, развиваемым потом наукою»⁶⁸. Но она не превозносит «Историю государства Российского» и ее автора как некий колосс, подавляющий своим величием все остальное. Наоборот, Анна Леопольдовна неоднократно указывает на зависимость Карамзина от состояния современной ему исторической науки и самого его называет последователем учений XVIII в. «Но его эклектическое направление, как результат влияния среды и политических учреждений страны,— считает она,— сумело примирить в одно целое Вольтера и Гердера, Фергюсона и Монтескье, Юма и Руссо»⁶⁹.

Некоторое недоумение вызывает то, что после рассмотрения исторических сочинений Карамзина Иконникова сразу переходит к рассказу о возникновении в Европе и в России историко-юридической школы, опуская Н. А. Полевого и «скептическую школу», как то было сделано В. С. Иконниковым. Очевидно этот пропуск можно отчасти объяснить тем обстоятельством, что в 1871 г. была опубликована его специальная работа «Скептическая школа в русской историографии и ее противники», которая таким образом была доступна для самостоятельного изучения этой темы.

Начало историко-юридической школы положило сочинение Эйхгорна «История законов и государственных учреждений в Германии», пишет Анна Леопольдовна и так передает основную мысль этого, как она называет, тяжеловесного труда: «государство, его устройство и законы не есть продукт человек[еского] произвола, но результат органического, следующего своим собственным законам развития»⁷⁰. Последователи этой теории, показывающие зависимость юриспруденции от исторических условий и народного духа, «строго держались консервативных начал,— говорит она далее,— и стояли за постепенность общественного развития, враждебную всяким потрясениям»⁷¹. Затем она следит за распространением влияния этой теории в Германии, в других европейских странах и в России, где первым представителем нового направления называет И.-Ф. Г. Эверса, а затем Соловьева, Кавелина, Чичерина, Тюриня, Дмитриева, Павлова. Наиболее подробно она останавливается на трудах первых трех историков. «Историко-юридической школе,— пишет она,— пришлось действовать в то время, когда в направлении общественной жизни преобладали идеи Гегеля, а его мысль о разумности всего существующего — перешла в историческое сознание. Положение, «что действительно существует — то разумно» — сделалось девизом и рассматриваемой нами школы»⁷².

⁶⁸ Там же, стр. 91.

⁶⁹ Там же, стр. 104.

⁷⁰ Там же, стр. 105—106.

⁷¹ Там же, стр. 106.

⁷² Там же, стр. 120.

Чтобы дать почувствовать стиль изложения Анны Леопольдовны, приведем с некоторыми сокращениями характеристику, данную ею С. М. Соловьеву⁷³. «История есть народное самосознание — таков взгляд Соловьева, признающего разумность и целесообразность существующего. Личных увлечений нет у Соловьева; он не идеализирует до-удельного периода и не плачет над удельными усобицами, не восторгается прошлыми преданиями Новгорода в минуту его падения и не выставляет напоказ тяжелых результатов Московской централизации даже при Иване Гроз[ном]. Он остается спокойным зрителем равно во все периоды, и лишь мельком, изредка пробивается у автора чувство негодования или симпатии и как будто бы спешит скрыться под забрало неуклюжего источника. В своих статьях о Карамзине Соловьев старается показать, что художественность автора мешала ему видеть факты в надлежащем свете [...]»⁷⁴.

«Недостатки истории Соловьева, — продолжает она, — вытекают из ее главных качеств. Задавшись новой теорией, автор весь на ней сосредоточился, и потому факты этого порядка преобладают в его истории. Отсюда тяжелая форма изложения, и стремление автора держаться ближе источника еще усиливает этот недостаток. Автор мало обращает внимания, в виду общей идеи, на частности отдельных явлений, а еще менее на литературу ученых по частным вопросам, отчего его приемы поражают догматизмом [...]»⁷⁵.

Довольно подробно Иконникова рассматривает славянофильское учение в целом и взгляды его основных представителей — Ив. В. Киреевского, А. С. Хомякова и К. С. Аксакова. «Первый представляет, так сказать, философскую сторону настоящего течения, второй составляет переход к историческому воззрению,

⁷³ Для наглядности приведем соответствующее место из лекции Иконникова: «По своему изложению, история Соловьева представляет резкий контраст со всеми предыдущими трудами до Карамзина включительно. Те носят на себе везде следы субъективных воззрений авторов; труд Соловьева можно назвать вполне объективным. Соловьев перелагает летописи и акты с возможной точностью; исследует предметы; редко пробьется собственное чувство автора, или изложение перейдет в рассказ. Отсюда весьма опутительные тяжеловатость слога, еще более усиливающаяся желанием автора передать все, что сохранилось в памятниках, не отделяя главных фактов от самых ничтожных. Половецкие набеги, сношения с татарами и мелкие передвижения князей повторяются с утомительным однообразием, хотя бы и не заключали в себе ничего, имеющего влияние на общий ход истории. История Соловьева — это — ученый труд, но не сочинение для общества. Впрочем это желание быть выразителем всего, что представляют самые источники, и объективное изложение фактов избавляют автора от одностороннего подбора их: здесь он не руководится чувством, как это видно на Карамзине» (В. С. Иконников. Общий взгляд на развитие науки русской истории, стр. 17).

⁷⁴ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 121.

⁷⁵ Там же, стр. 124—125.

полным выразителем которого был Конст. Аксаков»⁷⁶. Несмотря на всю претензию славянофилов построить науку исключительно на национальных основаниях, Анна Леопольдовна показывает их общность с европейской, в частности, с немецкой историографией. «Как западные романтики искали пищи в христианской эпохе и средних веках, так славянофилы,— считает она,— стали обращаться к прошлой жизни — и в древней Руси находили свой идеал»⁷⁷. Поэтому «Москва была центром деятельности славянофилов как представительница их идеального периода»⁷⁸. «А между тем,— продолжает она,— отрицая всякое подобие в развитии рус[ского] общ[ества] с западно-европейским — они и сами того не подозревая шли тем же путем, как и защитники чистоты германской общины и культуры. Таким направлением отличалась школа историков-романтиков в историографии германской (братья Шлегели) и замечательную аналогию с нею представляет школа славянофилов в русской историографии»⁷⁹. Надо сказать, что подобных замечаний в статье Иконникова «Общий взгляд на развитие науки в русской истории» нет.

Главную заслугу славянофилов Иконникова видит в том, что они указывали основной недостаток историко-юридической школы — «преобладание государственного элемента в ущерб изображения общественной жизни и народной истории»⁸⁰. «Они ощущали отсутствие главного фактора истории — общества и постоянно указывали на необходимость введения его в историю»⁸¹. Такого определенного вывода тоже не встречаем в работе В. С. Иконникова.

Отдельно выделяет Иконникова исторические сочинения Н. И. Костомарова. Признавая во многом его близость к славянофилам, автор видит и их расхождения. Одновременно она делает акцент на его сходстве с Н. М. Карамзиным, и здесь Анна Леопольдовна почти буквально цитирует Иконникова: «по изложению и литературной обработке Костомаров ближе всего подходит к Карамзину, но в основных взглядах у них есть один резкий оттенок. Карамзин идеализирует государство, Костомаров — вечевую Русь»⁸². На этом сравнение обоих историков у Иконникова заканчивается; Анна Леопольдовна замечает дальше: «Впрочем, общее достоинство обоих повело и к общим недостаткам. Излишнее преклонение перед рассказом влечет к преувеличению, к возведению отдельного частного явления в общий вывод, отсюда слишком яркое освещение того

⁷⁶ Там же, стр. 128—129.

⁷⁷ Там же, стр. 127.

⁷⁸ Там же, стр. 128.

⁷⁹ Там же, стр. 134—135.

⁸⁰ Там же, стр. 138—139.

⁸¹ Там же, стр. 139.

⁸² Там же, стр. 143; Ср. В. С. Иконников. Общий взгляд на развитие науки русской истории, стр. 19.

или другого факта в ущерб остальным. Увлечение в этом отношении, поведение к крайностям Карамзина, не чуждо и Костомарову»⁸³.

Останавливается автор «Записок» и на трудах историков бытовой жизни, где на первое место ставит И. Е. Забелина. Она подчеркивает, что его работы отличаются документальностью, что в основе изучения прошлого стоит у него археология. Передавая мнение Забелина о том, что русское общество «не представляет вопреки славянофилам той двойственности, какую они видят в народе и государстве. Каков народ, таково государство и такова его история», Анна Леопольдовна приходит к выводу, что «нельзя отказать ему в понимании исторического закона развития»⁸⁴. Надо сказать, что в сравниваемых нами работах Иконникова нет даже упоминания о Забелине. Но вслед за ним Анна Леопольдовна далее говорит о распространении этнографического элемента в исторических трудах. С этой позиции оба автора рассматривают труды А. П. Шапова. Но в целом у них отсутствует демократическое направление, так же как нет и официально-охранительного, хотя они и говорили о таких историках, как Н. М. Карамзин и М. П. Погодин.

Следует обратить внимание на то, что Иконникова упоминает в своей историографической работе имена не только русских историков, изучавших историю России, но и имена русских историков, изучавших историю Западной Европы (например, Т. Н. Грановского и С. В. Ешевского), что делалось чрезвычайно редко в дореволюционных историографических работах, но что есть в статье «Общий взгляд на развитие науки русской истории» Иконникова.

В заключение Иконникова в обзорной форме перечисляет главнейшие периодические издания, широко публиковавшие на своих страницах исторические материалы, называет исторические общества, перечисляет авторов монографических исследований, группируя их не по направлениям, а по тематике трудов. Обо многих этих современных историках Иконников в первых историографических лекциях не говорил, да и не мог говорить, так как их труды появились позднее.

Анна Леопольдовна полагает, что заслуживает внимания «Русская история» К. Н. Бестужева-Рюмина своим прекрасным выбором и группировкой материала и обширным «введением», где «впервые представлены полный свод источников и очерк разработки русской истории до последнего времени»⁸⁵. Таким образом, она проявила свою осведомленность в историографической литературе (упоминала она и работу Соловьева «Писатели русской истории XVIII в.») Однако о работах мужа — исторических и

⁸³ ГПБ АН УССР, ф. 46, д. 625, стр. 143.

⁸⁴ Там же, стр. 148.

⁸⁵ Там же, стр. 155—156.

историографических — она не упоминает. Эта, так сказать, излишняя скромность, ибо ко времени написания разбираемых нами записок Иконников выпустил в свет не одну объемную монографию и массу статей.

Свои историографические записки Анна Леопольдовна заканчивает надеждой на будущие благоприятные условия общественной жизни, от которых «будет зависеть без сомнения и дальнейшее преуспевание нашей науки»⁸⁶.

Уже после слова «конец» и после поставленной карандашом даты приписано постскриптум: «Труды по русской истории в иностранной литературе» и приводится в скобках перечень имен. Трудно сказать, было ли что-либо написано Иконниковой по этой теме.

Историографические взгляды обоих Иконниковых в основе своей были едины. Поэтому «Записки» представляют интерес и с точки зрения восстановления эволюции историографических взглядов Иконникова (чему будет посвящена специальная работа). Характерная особенность Иконниковой — умение профессионально отбирать, подавать и обобщать материал. И хотя ее труд остался только в рукописи, он сыграл свою роль настоящего учебного пособия, по которому учились и студенты университета и слушательницы ВЖК. «Записки» Иконниковой — новый, неожиданный и удивительный факт в истории изучения отечественной историографии, а ее жизнь — яркая страница нелегкой истории передовой русской женщины. Нам представляется справедливым, чтобы имя Анны Леопольдовны было поставлено рядом с именем Иконникова. Во всяком случае она остается единственной известной нам женщиной в дореволюционной России, пробавшей свои силы в такой сложной области как история исторической науки.

⁸⁶ Там же, стр. 160.

П. Г. ВИНОГРАДОВ КАК ИСТОРИК ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Б. Г. Могильницкий

Выдающийся русский медиевист П. Г. Виноградов на всем протяжении своей научной деятельности серьезно интересовался историей исторической науки. Этот интерес нашел свое отражение как в обстоятельных историографических введениях к его известным монографиям и лекционным курсам, так и в специальных историографических исследованиях¹ и многочисленных развернутых рецензиях на труды русских и зарубежных ученых. Во всех этих работах Виноградов выступает как глубокий исследователь.

Изучение историографического наследия Виноградова представляется правомерным в силу ряда обстоятельств. Является поучительным уже сам факт обращения к историографическим сюжетам крупнейшего нашего медиевиста, создавшего славу русской науке своими конкретно-историческими исследованиями. Он указывает на то значение, которое Виноградов придавал изучению истории исторической науки в разных ее аспектах, рассматривая ее всестороннее осмысление в качестве одной из настоятельных задач науки.

Настоящая статья не претендует на скрупулезное изложение оценок тех или иных историков и их произведений Виноградовым. Цель ее состоит в выяснении понимания Виноградовым общих условий, определяющих развитие исторической мысли и принципов историографического исследования. Наряду с этим нам представляется, что отдельные мысли такого мастера исторического исследования, каким был Виноградов, в отношении историографии и ее проблем сохраняют известное значение и в наши дни.

Главным источником для написания этой статьи послужили обширные, занимавшие 3—4 лекции, введения к лекционным курсам, которые Виноградов читал в Московском университете в 80-х — начале 1900-х годов. В них ученый не только излагал прошлое науки, но и формулировал свои общие историографи-

¹ П. Г. Виноградов. Очерки западноевропейской историографии.— «Журнал Министерства народного просвещения». (далее — ЖМНП) 1883, № 8—12, 1884, № 1—2, 6—8, 11; он же. Ранке и его школа.— «Русская мысль», 1888, № 4; он же. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы.— Там же, 1890, № 1; он же. Т. Н. Грановский.— Там же, 1893, № 4.

ческие представления. К сожалению, эти курсы, изданные литографическим способом без предварительного авторского просмотра, не прошли редакторской правки и содержат некоторые фактические ошибки. Однако это обстоятельство, затрудняя работу с лекционными курсами Виноградова, не снижает сколько-нибудь существенно их научное значение. Ценный материал содержат также другие, указанные выше, виды историографических работ Виноградова.

В историографических взглядах Виноградова нашли отражение его общие представления о природе и возможностях исторической науки. Он был убежден, что «история есть великая воспитательница человечества»². Исторический опыт рассматривался им как важнейшее достояние человеческой культуры, а его усвоение и использование — как непереносимое условие нормального общественного развития. Усматривая в истории одну из главных форм самосознания общества, он настойчиво проводил в своих работах мысль о большой общественной значимости изучения истории. Будучи медиевистом, Виноградов, естественно, особенно подчеркивал значение средневековой истории, указывая, что она, «несмотря на свою отдаленность, несмотря на то, что в поверхностной злобе дня она не может равняться с новой — по существу своему является чрезвычайно драгоценным и важным материалом для понимания основ нашего быта и корней интересующих нас вопросов»³.

Либерал по своим убеждениям, Виноградов сознательно стремился поставить исторический опыт на службу своему классу, обращая преимущественное внимание на такие исторические сюжеты, которые приобретали особое актуальное звучание в настоящем. Показательно в этой связи, что ученый, составивший себе имя как блестящий исследователь аграрных отношений, в общих университетских курсах средневековой истории уделял первостепенное внимание эволюции государственного строя в различных странах Западной Европы, пытаясь найти историческое обоснование политической платформе русской буржуазии накануне 1905 г. В условиях, когда русская буржуазия еще только боролась за политическое господство в стране, ее идеологию в большой степени был свойствен исторический оптимизм. Господствовало убеждение в закономерном поступательном характере (в духе буржуазного эволюционизма XIX в.) общественного развития.

В числе ученых, энергично содействовавших утверждению этих представлений в широких либеральных кругах русского общества, видное место принадлежало Виноградову. В целом ряде публичных чтений, печатных выступлений и лекционных курсов он настойчиво популяризировал либеральную концепцию истори-

² П. Г. Виноградов. Т. Н. Грановский.— «Русская мысль», 1893, № 4, стр. 56.

³ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1903, стр. 14.

ческого процесса. Характерна в этом отношении его публичная лекция, прочитанная в московском Историческом музее в октябре 1900 г. и изданная позже отдельной брошюрой⁴. По содержанию эта лекция глубоко оптимистична. Виноградов поет славу европейской культуре и цивилизации, подробно рассматривая ее достижения во всех сферах жизни. В заключение он выражает твердую уверенность в светлом будущем человечества в XX в., подчеркивая при этом возрастающую роль России в его судьбах.

Здесь же Виноградов указывает на две главные идеи, господствовавшие, по его убеждению, над всеми научными взглядами XIX в. и глубоко отразившиеся на всем его мировоззрении, — идею закона и идею развития⁵. Конкретизируя свое понимание развития общества, ученый в другой своей работе пишет об эволюционном развитии в духе органической теории Спенсера, уподоблявшей общество живому организму, все члены которого одинаково необходимы для его нормальной жизнедеятельности⁶.

С таких исходных позиций Виноградов подходит к рассмотрению истории исторической науки. Эта последняя является для него закономерным поступательным процессом, органически связанным с кардинальными событиями мировой истории. Виноградов формулирует четыре главных фактора, определяющих развитие исторической науки: 1) имеющийся в распоряжении ученых фактический материал, 2) внутреннее диалектическое развитие самой науки, 3) влияние других наук, 4) потребности времени⁷. Рассматривая действие каждого из этих факторов, он делает ряд интересных наблюдений о природе и путях развития исторического познания. Укажем, в частности, на его замечание относительно того, что «каждая эпоха ищет себе новый материал в известном определенном направлении, что одна эпоха больше хлопочет о том, чтобы найти рукопись поэта, а другая — найти больше административных надписей»⁸. Представляет интерес утверждение, что одним из обязательных условий плодотворного развития исторической науки является восприятие ею импульсов со стороны других наук, ибо в противном случае «круг возможных решений исчерпывается и начинается работа в пустоте: очень точная, очень правильная и очень бесплодная, то, что мы называем схоластической работой в дурном смысле этого слова»⁹.

Интересно для нас решение Виноградовым вопроса о соотношении между внутренними и внешними факторами, определяющими развитие исторической науки. Виноградов последовательно подчеркивает первенствующее значение самой жизни с ее нуждами и задачами, могущественно воздействующей на современную

⁴ П. Г. Виноградов. Накануне нового столетия. М., 1902.

⁵ Там же, стр. 25—26.

⁶ П. Г. Виноградов. О прогрессе. М., 1898.

⁷ П. Г. Виноградов. История Греции. М., 1900—1901, стр. 4—13.

⁸ Там же, стр. 6.

⁹ Там же, стр. 11.

ей историческую мысль. Он прямо указывает на «основной факт, управляющий всем течением историографии, именно, что все поворотные пункты этого течения совпадают с великими поворотными пунктами в истории, что развитие историографии идет не в силу самостоятельной последовательности, а дается текущей историей»¹⁰. В своих лекционных курсах Виноградов говорит о том, что история живет духом своего времени, настойчиво подчеркивает ее тесную связь с практикой. Он отмечает поразительное влияние «пристрастий» и «интересов настоящего» на изучение отдаленного прошлого. «Еще поразительнее, — продолжает он, — до какой степени медленно действовала ученая мысль, пока на помощь ей не появлялась мысль практических деятелей»¹¹.

Проблема отношения между современностью и историей является центральной в историографических обзорах Виноградова. Представляется научно значимым целый ряд наблюдений, которые он делает, решая эту проблему. Отмечая наличие тесной связи между современностью и прошлым, Виноградов указывает на ее значение для развития историографии: «События настоящего открывают глаза на прошедшее»¹². Развивая эту мысль в другом лекционном курсе, ученый подчеркивает противоречивый характер влияния современности на изучение прошлого. С одной стороны, он считает, что современность, определяя постановку и решение важнейших проблем, до известной степени искажает изучение прошлого, придавая ему односторонность. С другой стороны, «та же современность, борьба партий в настоящем открывала смысл прошедшего, объясняла из условий, которые каждому интересны, каждого касаются... факты давно прошедшего в истории»¹³.

Признание решающего влияния современности на историю обусловило постановку Виноградовым методологически важного вопроса о принципах историографического изучения. Осуждая «сознательное пристрастие» исследователя в науке, он в то же время указывает на зависимость историка в своей работе от условий времени и положения. Сам интерес ученого к тем или иным вопросам прошлого как правило вызван именно современной ему действительностью. Только эта действительность объясняет, почему данные поколения так ставили вопросы, так понимали и решали их. Более того, Виноградов убежден, что историк будет хорошо видеть и сильно чувствовать только то, что в значительной степени понял, увидел и почувствовал в своей собственной действительности. Поэтому, например, «для того, чтобы понять написанные в XIX в. книги о древних греках, надо знать не только источники древней истории, но и понять, чем жили и как думали люди XIX в., потому что никто из своей кожи

¹⁰ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год., стр. 2.

¹¹ Там же, стр. 29.

¹² Там же, стр. 2.

¹³ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1892, стр. 15.

ческого процесса. Характерна в этом отношении его публичная лекция, прочитанная в московском Историческом музее в октябре 1900 г. и изданная позже отдельной брошюрой⁴. По содержанию эта лекция глубоко оптимистична. Виноградов поет славу европейской культуре и цивилизации, подробно рассматривая ее достижения во всех сферах жизни. В заключение он выражает твердую уверенность в светлом будущем человечества в XX в., подчеркивая при этом возрастающую роль России в его судьбах.

Здесь же Виноградов указывает на две главные идеи, господствовавшие, по его убеждению, над всеми научными взглядами XIX в. и глубоко отразившиеся на всем его мировоззрении, — идею закона и идею развития⁵. Конкретизируя свое понимание развития общества, ученый в другой своей работе пишет об эволюционном развитии в духе органической теории Спенсера, уподоблявшей общество живому организму, все члены которого одинаково необходимы для его нормальной жизнедеятельности⁶.

С таких исходных позиций Виноградов подходит к рассмотрению истории исторической науки. Эта последняя является для него закономерным поступательным процессом, органически связанным с кардинальными событиями мировой истории. Виноградов формулирует четыре главных фактора, определяющих развитие исторической науки: 1) имеющийся в распоряжении ученых фактический материал, 2) внутреннее диалектическое развитие самой науки, 3) влияние других наук, 4) потребности времени⁷. Рассматривая действие каждого из этих факторов, он делает ряд интересных наблюдений о природе и путях развития исторического познания. Укажем, в частности, на его замечание относительно того, что «каждая эпоха ищет себе новый материал в известном определенном направлении, что одна эпоха больше хлопочет о том, чтобы найти рукопись поэта, а другая — найти больше административных надписей»⁸. Представляет интерес утверждение, что одним из обязательных условий плодотворного развития исторической науки является восприятие ею импульсов со стороны других наук, ибо в противном случае «круг возможных решений исчерпывается и начинается работа в пустоте: очень точная, очень правильная и очень бесплодная, то, что мы называем схоластической работой в дурном смысле этого слова»⁹.

Интересно для нас решение Виноградовым вопроса о соотношении между внутренними и внешними факторами, определяющими развитие исторической науки. Виноградов последовательно подчеркивает первенствующее значение самой жизни с ее нуждами и задачами, могущественно воздействующей на современную

⁴ П. Г. Виноградов. Накануне нового столетия. М., 1902.

⁵ Там же, стр. 25—26.

⁶ П. Г. Виноградов. О прогрессе. М., 1898.

⁷ П. Г. Виноградов. История Греции. М., 1900—1901, стр. 4—13.

⁸ Там же, стр. 6.

⁹ Там же, стр. 11.

ей историческую мысль. Он прямо указывает на «основной факт, управляющий всем течением историографии, именно, что все поворотные пункты этого течения совпадают с великими поворотными пунктами в истории, что развитие историографии идет не в силу самостоятельной последовательности, а дается текущей историей»¹⁰. В своих лекционных курсах Виноградов говорит о том, что история живет духом своего времени, настойчиво подчеркивает ее тесную связь с практикой. Он отмечает поразительное влияние «пристрастий» и «интересов настоящего» на изучение отдаленного прошлого. «Еще поразительнее,— продолжает он,— до какой степени медленно действовала ученая мысль, пока на помощь ей не появлялась мысль практических деятелей»¹¹.

Проблема отношения между современностью и историей является центральной в историографических обзорах Виноградова. Представляется научно значимым целый ряд наблюдений, которые он делает, решая эту проблему. Отмечая наличие тесной связи между современностью и прошлым, Виноградов указывает на ее значение для развития историографии: «События настоящего открывают глаза на прошедшее»¹². Развивая эту мысль в другом лекционном курсе, ученый подчеркивает противоречивый характер влияния современности на изучение прошлого. С одной стороны, он считает, что современность, определяя постановку и решение важнейших проблем, до известной степени искажает изучение прошлого, придавая ему односторонность. С другой стороны, «та же современность, борьба партий в настоящем открывала смысл прошедшего, объясняла из условий, которые каждому интересны, каждого касаются... факты давно прошедшего в истории»¹³.

Признание решающего влияния современности на историю обусловило постановку Виноградовым методологически важного вопроса о принципах историографического изучения. Осуждая «сознательное пристрастие» исследователя в науке, он в то же время указывает на зависимость историка в своей работе от условий времени и положения. Сам интерес ученого к тем или иным вопросам прошлого как правило вызван именно современной ему действительностью. Только эта действительность объясняет, почему данные поколения так ставили вопросы, так понимали и решали их. Более того, Виноградов убежден, что историк будет хорошо видеть и сильно чувствовать только то, что в значительной степени понял, увидел и почувствовал в своей собственной действительности. Поэтому, например, «для того, чтобы понять написанные в XIX в. книги о древних греках, надо знать не только источники древней истории, но и понять, чем жили и как думали люди XIX в., потому что никто из своей кожи

¹⁰ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год., стр. 2.

¹¹ Там же, стр. 29.

¹² Там же, стр. 2.

¹³ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1892, стр. 15.

выскочить не может, каждый так или иначе является представителем своего времени, своего народа»¹⁴.

Вместе с тем историческая наука не представлялась Виноградову простым пассивным объектом воздействия современности. Он подчеркивал и другую сторону вопроса — влияние историографии на современность. «Историю прошедшего, — писал он, — часто эксплуатируют для того, чтобы найти аргументы для текущей истории»¹⁵.

Нетрудно заметить, что размышления Виноградова о взаимоотношении истории и современности в значительной степени являются результатом осмысления историографической практики — своей собственной и коллег из лагеря либеральной историографии. Историографическая практика идеологов русского либерализма не оставляла сомнений насчет характера этих отношений. Сам Виноградов совершенно определенно актуализировал свои исследования аграрных отношений средневековой Англии, специально подчеркивая их злободневность. Показательно в этом отношении его предисловие к известной работе по истории английского вилланства. Ставя вопрос, зачем русскому ученому заниматься английским средневековьем, Виноградов подчеркивал, что вопросы исключительно антикварного исследования на Западе являются злобой дня для России. Правительство и общество имеют дело с проблемами, которые, по глубокому убеждению Виноградова, должны быть разрешены в свете истории. В частности, речь идет о проблеме сельской общины, для решения которой настоятельно необходимо и для политиков, и для мыслителей знание судеб общины на Западе¹⁶.

Осознанная пристрастность Виноградова-историка полностью отразилась и на его историографических представлениях. Влияние ее было двояким. С одной стороны, она способствовала ясному пониманию Виноградовым социальной значимости исторической науки, зависимости ее эволюции от коренных потребностей развития общества. В то же время либерал Виноградов не видел классового характера исторической науки. Общество с его нуждами и задачами он рассматривал как недифференцированное целое. Вследствие этого в его построениях историческая наука выступает как некая внеклассовая сила, обслуживающая общественные потребности, взятые в их наиболее общем виде и соответствующие в последнем счете интересам всех социальных групп, составляющих данное общество. Развитие исторической науки происходит, в его изображении, единым потоком, в котором, правда, возникают различные течения, но и они не разрушают целостности всего движения, а главное — не имеют, за очень редким исключением, классовой характеристики.

¹⁴ П. Г. Виноградов. История Греции. М., 1900/01 ак. год, стр. 12—13.

¹⁵ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год, стр. 2.

¹⁶ P. Vinogradoff. Villainage in England. Oxford, 1892, p. V—VI.

Как сильные, так и слабые стороны общеисториографических представлений Виноградова отразились на его изображении развития европейской историографии прошлого столетия. Несомненно, либеральная ограниченность исходных позиций сделала для Виноградова невозможным глубокое осмысление подлинных закономерностей этого развития, что в наибольшей мере проявилось в его отношении к материалистическому пониманию истории. Как и подавляющее большинство современных ему буржуазных ученых, Виноградов не сумел понять действительное значение марксизма для исторической мысли. Правда, в отличие от многих своих современников, в особенности из числа западноевропейских авторов, в работах, написанных до 1917 г., он был далек и от намеренного замалчивания Маркса и тем более от открытой враждебности к нему¹⁷. Маркс для него представлял «блестящий пример значения социалистического движения» для исторической науки. В «Капитале» он «не только дал научное обоснование социализму, но и выказал себя крупным историком на почве хозяйственных отношений Англии»¹⁸. Виноградов отмечал позитивное влияние идей Маркса на отдельных историков. В этом отношении особый интерес представляет его статья, посвященная памяти Ковалевского, где, говоря о влиянии на М. М. Ковалевского зарубежных мыслителей, он считал необходимым «особенно подчеркнуть встречи в Карлсбаде и в Швейцарии с Карлом Марксом»¹⁹. Он даже полагал, естественно, без достаточных к тому оснований, что в своей научной деятельности М. М. Ковалевский всегда оставался верен «общей тенденции исторического материализма»²⁰.

Однако сущность материалистического понимания истории всегда оставалась непонятой Виноградовым. Он разделял ходячее в буржуазной науке представление о марксизме как «экономическом материализме», согласно «незамысловатой формуле» которого «экономические идеи являются простым отражением хозяйственных фактов и потребностей»²¹. Маркс для него — один из многих представителей социалистической мысли XIX в.: по значению своих работ для исторической науки он даже уступает

¹⁷ Активное неприятие Октября обусловило пересмотр Виноградовым своего отношения к марксизму. В статье «Перспективы исторического праведения» («Современные записки», 1921, № 7) он уже тщился доказать научную несостоятельность материалистического понимания истории.

¹⁸ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1893, стр. 21. Эта же оценка К. Маркса повторяется в его курсе лекций, прочитанном в 1897/98 академическом году (П. Г. Виноградов. История средних веков, изд. 2-е. М., 1899/1900, стр. 31).

¹⁹ П. Г. Виноградов. Максим Максимович Ковалевский. Некролог. Оттиск из «Известий имп. Академии наук», П., 1916, стр. 1164.

²⁰ Там же, стр. 1165.

²¹ П. Г. Виноградов. Экономические теории средневековья.— В кн.: «История экономической мысли», т. I, вып. 3. М., 1916, стр. 53.

Родбертусу²². Естественно, что, руководствуясь таким пониманием марксизма, Виноградов не мог увидеть его действительное место в общественной мысли и, в частности, в исторической науке. В его историографических обзорах учение Маркса рассматривается либо только в связи с пресловутой экономической точкой зрения на историю, либо, чаще, совсем не упоминается. Вследствие этого вся картина развития исторической науки в XIX в. получает искаженное освещение. Не поняв значение совершенного Марксом переворота в исторической науке, Виноградов тем самым не смог раскрыть наиболее существенные тенденции в развитии исторической мысли прошлого столетия.

Это, однако, не должно вести к нигилистической оценке всей совокупности историографических представлений Виноградова. В рамках буржуазной методологии он, исходя из признания социальной обусловленности развития историографии, сумел сделать ряд научно ценных наблюдений о некоторых существенных сторонах истории европейской исторической науки в XIX в. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что для Виноградова крупнейшими вехами в развитии исторической мысли этого столетия являются революционные потрясения конца XVIII — первой половины XIX в. и прежде всего революция 1789—1794 гг., которую он определяет как «громадный революционный переворот, разрушивший старый порядок везде: и в жизни, и в литературе, и в праве, и в политике»²³.

В этом перевороте Виноградов усматривал исходную точку развития современной исторической науки. В одном из своих лекционных курсов он даже заявлял, что «историческая наука возникла только в XIX в.», объясняя это в первую очередь влиянием французской революции²⁴. Правда, в начале своей научно-педагогической деятельности Виноградов склонен был ставить на одну доску по силе влияния на историческую мысль революцию конца XVIII в. и реакцию начала XIX в. Более того, он даже утверждал, что отлив, последовавший вслед за революцией, сказался на развитии историографии еще сильнее, чем сама революция²⁵. Однако в дальнейшем подобные утверждения исчезают из историографических обзоров Виноградова, сосредоточившего главное внимание на выяснении значения французской революции для исторической науки.

Показательно, что именно с революцией, а не с реакцией и порожденной ею исторической школой права²⁶ Виноградов, в от-

²² П. Г. Виноградов. История средних веков, М., 1884/85 ак. год, стр. 24.

²³ П. Г. Виноградов. История Греции. М., 1894/95 ак. год., стр. 8.

²⁴ П. Г. Виноградов. История Греции. М., 1889, стр. 4.

²⁵ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год., стр. 5.

²⁶ Необходимо вообще отметить критическое отношение Виноградова к этой школе. Признавая ее заслуги в развитии исторической науки, он в то же время подчеркивает, что эта школа была реакционной в политике и односторонней в науке (см. его курсы «История средних

личие от большинства буржуазных ученых, связывает утверждение в науке принципа историзма. Вот ход его мыслей, который, как нам представляется, не потерял своего научного значения и сегодня: «Французская революция разрешает противоречия XVIII в. и тем общим потрясением, которое она произвела во всех отраслях, вызывает так сказать усиленную историческую мысль; так как все поколебалось: и учреждения, и нравы, и воззрения, то никто уже не в состоянии во вновь зарождающемся XIX в. относиться сколько-нибудь наивно к учреждениям, правам, воззрениям как к чему-то данному и постоянному. Догматическая связь теряет свое значение, повсюду является вопрос о происхождении общества, его росте и видоизменении»²⁷.

Нельзя не признать глубину этой постановки вопроса, выступающую особенно рельефно в сопоставлении с традиционным превознесением в буржуазной науке немецкого реакционного историзма. Крупнейшее завоевание исторической науки выступает у Виноградова закономерным следствием великого социально-политического переворота. Заслуга ученого состоит не только в констатации этого факта, но и в попытке, на наш взгляд, в целом удачной, объяснить, почему воздействие революции на историографию шло именно в таком направлении.

Значение французской революции для исторической науки в изображении Виноградова не ограничивается утверждением в ней исторической точки зрения. Он указывает на обогащение самой проблематики исторического исследования. В частности, к этой революции он возводит возникновение так называемой политической историографии, разрабатывавшей проблему политической свободы. Крупнейшими представителями политической историографии ученый называет Гизо и Тьерри, отмечая при этом их роль идеологов французской буржуазии, решавших средствами исторической науки политические задачи, стоявшие перед их классом²⁸.

Вторым по масштабам своего влияния на историческую мысль событием Виноградов считал революцию 1848 г. Именно с ней он связывал поворот исторической науки к изучению социальных отношений и хозяйственного строя общества. «Социальная историография XIX в.— писал он,— имеет своим исходным пунктом революцию 48 г., как политическая историография — революцию 1789 г.»²⁹ Поясняя свою мысль, Виноградов далее подчеркивает, что эта революция выдвинула с особенной силой требования тру-

веков». М., 1884/85 ак. год, стр. 9; «История средних веков». М., 1893, стр. 11). Вместе с тем самую реакцию начала XIX в. Виноградов понимал слишком узко, не связывая ее в достаточной степени с классовыми антагонизмами того времени (см. в особенности его курс «История Греции». М., 1885/86 ак. год, стр. 10—11).

²⁷ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1889, стр. 11.

²⁸ См. там же, стр. 18—22.

²⁹ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1892, стр. 17.

дющихся масс («четвертого класса», по его терминологии), обратила внимание на социальные проблемы и необходимость уяснения процесса развития социального строя.

Влияние подъема рабочего движения на историческую мысль Виноградов рассматривает в двояком плане. С одной стороны, возникает особая социалистическая историография, которая внесла определенный вклад в изучение истории, в особенности в исследование хозяйственного процесса³⁰. «Но особенно важен толчок, данный социализмом,— подчеркивал Виноградов,— независимо от того, к какой партии принадлежат ученые, получившие направление от этого толчка»³¹. С ним он связывает появление «социально-экономической школы», к которой относит широкий круг исследователей — от Маурера до Роджерса³².

На трактовке Виноградовым вопроса о значении рабочего и социалистического движения для развития исторической науки бесспорно негативно сказались его исходные идейно-теоретические позиции. Непонимание действительного места марксизма неизбежно вело к смещению акцентов. Главной фигурой, олицетворяющей прогресс европейской исторической мысли второй половины XIX в., становился Маурер, а споры вокруг марксовой теории превращались в центральную проблему всей исторической науки.

Вместе с тем нельзя отказать Виноградову в большом историографическом чутье, когда он с революцией 1848 г., определяемой им как «движение низшего класса в тесном смысле этого слова»³³, органически связывает все последующее поступательное развитие исторической мысли. Такой постановкой вопроса он обнаружил несравненно большую широту взглядов и понимание развития исторической науки, чем современные ему и даже последующие западноевропейские буржуазные историографы. Правда, и в западноевропейской буржуазной историографии, в особенности в XX в., революции 1848 г. рассматривается как одна из вех развития исторической мысли. Однако делается это в гораздо более узком плане. Мы не говорим уже об откровенных реакционерах типа Г. Белова, усматривавших в революционных потрясениях прошлого столетия лишь негативное влияние на развитие историографии. Но даже ученые, в той или иной форме отмечавшие положительное влияние революции 1848 г. на историческую науку, всячески сужали его сферу, сводя ее к отдельным пусть и важным, но все же частным моментам развития науки. Так, Фютер указывает лишь на выдвигание под влиянием 1848 г. на передний план в историографии изучение изменений в хозяйственном строе народа в связи с историей политических

³⁰ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год, стр. 22—24; он же. История средних веков. М., 1893, стр. 21.

³¹ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год., стр. 23.

³² Там же, стр. 24—28.

³³ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1889, стр. 23.

учреждений³⁴, а также на «признание низших сословий фактором политической силы»³⁵. Еще уже рассматривает вопрос Гуч. Указывая, что революция 1848 г. обратила внимание государственных деятелей и историков на четвертое сословие, он ограничивается в этой связи изложением взглядов Рилия и Фрейтага³⁶.

Особенно существенным представляется нам то обстоятельство, что для Виноградова новые школы, генетически связанные с революцией 1848 г., означают значительный шаг вперед в теоретическом осмыслении истории. По его убеждению, дело заключается не просто в расширении сферы исторических знаний, а в принципиальном обогащении самой методологии изучения истории. Область социально-экономических отношений стала не просто новым разделом исторической науки, равнозначным политической, церковной, военной и т. п. истории, а той сферой, в исследовании которой скрывается ключ к объяснению существенного содержания всего исторического развития. Не случайно, перечисляя труды представителей социально-экономической школы, он утверждал, что «без этих сочинений средневековая историография теряет свои опорные пункты, теряет возможность установить ту хозяйственную подпочву, без которой непонятны ни социальные, ни политические отношения»³⁷.

О том методологическом значении, какое Виноградов придавал возникновению социально-экономической школы, свидетельствует его взгляд на периодизацию истории. В свете новых представлений, выдвинутых этой школой, он полагал несостоятельной традиционную периодизацию истории, покоившуюся на событиях политико-культурного характера, и подчеркивал большое научное значение новой, основывающейся на смене форм эксплуатации непосредственных производителей. Согласно этой периодизации средневековая история начинается тогда, когда рабский труд уступает место крепостному, а новую историю характеризует преобладание труда свободного. Виноградов подчеркивал, что такая постановка вопроса привела к углублению исторического исследования, что благодаря ей «был собственно говоря открыт новый мир»³⁸.

С этих позиций Виноградов подходит к оценке признанного столпа буржуазно-юнкерской историографии XIX в. Ранке. Именно потому, что в своих исследованиях Ранке был чужд этому «новому миру» социально-экономических отношений, он для Виноградова представлял вчерашнее слово науки, или, выражаясь

³⁴ E. Fueter. *Geschichte der neueren Historiographie*. 2. Auflage. München und Berlin, 1925, S. 557.

³⁵ Ibidem, S. 566.

³⁶ См. G. P. Gooch. *History and Historians in the Nineteenth Century*. 3. Ed., Boston, 1959, p. 523—529.

³⁷ П. Г. Виноградов. *История средних веков*. М., 1884/85 ак. год, стр. 28.

³⁸ П. Г. Виноградов. *История средних веков*. М., 1892, стр. 18.

его собственными словами, «общие воззрения предшествующей эпохи в развитии историографии»³⁹.

Эта мысль получила обоснование и развитие в специальной статье, посвященной научному творчеству Ранке⁴⁰. В ней дается традиционно высокая оценка Ранке как одного из великих создателей исторической науки XIX в., не имеющего себе равных в области исторической критики. Однако при всем этом общее отношение автора статьи к историческим взглядам Ранке достаточно критическое. «Самое слабое место, соответственно общему складу Ранке,— пишет он,— занимает в его работах роль материальных факторов и тех хозяйственных, социальных, правовых процессов, которые не находят себе непосредственно выражения на поверхности государственной жизни, хотя самым решительным образом влияют на нее»⁴¹. Разъясняя это положение, Виноградов указывает далее, что крупнейшие социальные движения, подобные крестьянской войне в Германии, менее привлекают внимание Ранке, чем сравнительно незначительные колебания международной политики, что немецкий историк, рассматривая падение Римской империи, оставляет в стороне «коренной переворот от рабства к крепостничеству, на котором зиждется переход от древнего мира к средним векам» и т. д. Но главный интерес для нас представляет то методологическое обоснование, которое Виноградов дает своей критике. Отмечая, что односторонность Ранке есть следствие не упущения или ошибки, а определенной постановки вопроса, он продолжает: «Такая постановка вопроса, конечно, вызывает критику, потому что... материальный строй является как бы фундаментом всей высшей культуры и скорее может обойтись без нее для своего объяснения, чем отсутствовать в числе объясняющих ее факторов»⁴².

В связь с рабочим движением 30—40-х годов XIX в. и в особенности, революцией 1848 г. Виноградов ставит и другое важное достижение европейской историографии XIX в.— ее обращение к изучению истории масс. «Для нас важен тот факт,— подчеркивал он в одном из лекционных курсов,— что для всех политических элементов около половины текущего столетия возник роковой вопрос о том, чтобы оформить, определить свои отношения к массе»⁴³. Причем в отличие от Гуча и Фютера, Виноградов, рассматривая этот вопрос, обращает главное внимание не на консервативных историков, типа Рила, изображавших народ косной силой, противостоящей всякому движению вперед, а на ученых, принадлежавших к демократическим течениям исторической

³⁹ П. Г. Виноградов. Очерки европейской историографии.— ЖМНП, 1884, № 1, стр. 246.

⁴⁰ П. Г. Виноградов. Ранке и его школа,— «Русская мысль», 1888, № 4.

⁴¹ Там же, стр. 223.

⁴² Там же.

⁴³ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год, стр. 23.

мысли XIX в. В частности, он специально выделяет «демократическую школу» Мишле, самое возникновение которой ставится в прямую связь с обострением социальной борьбы во Франции 30-х годов. Представляет интерес его отношение к известной «Истории Франции» Мишле. «Лучшими местами» в этой книге он считает «те, где обрисовывается влияние масс, как, например, история Жанны д'Арк»⁴⁴.

Ряд оценок, данных Виноградовым отдельным историкам, позволяет говорить о том, что он сам считал народные массы важным фактором исторического процесса и в зависимости от признания или отрицания этого положения теми или иными учеными формулировал свое отношение к ним. Так, он видит одну из главных заслуг Гердера перед исторической мыслью в том, что «у него уже открылись глаза на то, что действительным творцом истории является не личность или не личность главным образом, а народ, действующий главным образом через личность»⁴⁵. С другой стороны, он усматривает «коренную ошибку» автора известного исследования по истории английского самоуправления Гнейста в «принижении демократических элементов не только в городской, но и в сельской жизни Англии»⁴⁶.

Памятуя о либеральной ограниченности трактовки Виноградовым понятия «народ», мы должны признать, что его постановка вопроса при всей ее недостаточности являлась научно-плодотворной. Это обнаруживается как в конкретно-исторических исследованиях Виноградова, посвященных судьбам английского крестьянства в средние века, так и в его историографических представлениях.

Исходя в своих историографических обзорах из признания важности положения о народе как деятеле исторического процесса, Виноградов сумел с большей степенью приближения к объективно-истинному отражению истории исторической науки, чем многие другие буржуазные историографы, раскрыть характерные черты в ее развитии.

Последовательно проводя мысль о зависимости эволюции исторической науки от условий и потребностей общества, подчеркивая, по собственному выражению, тесную связь истории и политики, Виноградов, однако, был далек от проявившихся в полной мере несколько позднее ликвидаторских взглядов на историческую науку, сводящих ее место в обществе к роли простой служанки политики. Выступивший одним из первых с подобными взглядами в русской историографии, Виппер прямо отождествлял

⁴⁴ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1893, стр. 13. Не будет далеким от истины предположение, что высокая оценка Жанны д'Арк как выразительницы национального самосознания, данная самим Виноградовым в его лекционных курсах по истории средних веков, в определенной степени навеяна концепцией Мишле.

⁴⁵ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1899/1900 ак. год, стр. 7.

⁴⁶ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1889, стр. 29.

историю, как и другие общественные науки, с автобиографией общества, которая постоянно и на всем своем протяжении переписывается с новых точек зрения, образуемых силой вновь возникающих общественных впечатлений⁴⁷.

Со взглядами, подобными этому, решительно полемизировал Виноградов. Указывая, что «все главные повороты в развитии средневековой историографии даны ей поворотами, изменениями политического строя нового времени», он вместе с тем прямо предостерегал: «... Было бы весьма ошибочно заключать из этого, что средневековая историография, которая в данном случае является примером всякой вообще историографии, перевертывалась и вывертывалась сообразно с появлением и развитием различных политических партий. Правда, толчки средневековой историографии были даны из политической области, из сферы практической политики... Однако же, несмотря на это, средневековая историография, как и всякая другая, не представляет собою простой игрушки действующих политических партий, не является простым отражением того, что совершается в действующей политике»⁴⁸.

Сформулированное здесь положение является основополагающим во всей трактовке Виноградовым интересующего нас вопроса, конкретизируясь, в частности, в анализе движения исторических школ. В его изображении смена исторических школ выступает как необходимый объективный процесс, в котором находит свое воплощение закономерный характер развития исторической науки. «Школы сменяют друг друга,— пишет он,— не в силу каприза или талантливости отдельных ученых, а в силу общих условий, действующих помимо прямого заимствования и сплетающихся разноплеменных исследователей в теоретические группы»⁴⁹.

Рассматривая эти общие условия, определяющие развитие исторической мысли, Виноградов различает два ряда факторов: 1) общественно-политические условия и потребности; 2) внутренняя логика развития самой науки и влияния на нее со стороны других наук. Первый ряд факторов он в соответствии со своими общими историографическими представлениями рассматривал как основополагающий, вызывающий к жизни ту или иную школу. Толчок для ее образования, по его убеждению, приходит из практики, т. е. из общей исторической жизни, отовсюду облегающей науку, образующей ученых, подсказывающей решения»⁵⁰. Так, под

⁴⁷ Р. Ю. Виппер. Новые направления в философии общественной науки.— Р. Ю. Виппер. Две интеллигенции и другие очерки. М., 1912, стр. 142—143. Впервые эта статья была опубликована в журнале «Мир божий» в 1903 г.

⁴⁸ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год, стр. 29.

⁴⁹ П. Г. Виноградов. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887, стр. 33.

⁵⁰ Там же.

влиянием революции 1789 г. возникла либеральная школа, рабочее движение 30—40-х годов и революция 1848 г. породили социально-экономическую школу и т. п.

Отсюда, однако, не следует, что каждый крупный поворот в жизни общества ведет к тому, что историческая наука начинает сжигать то, чему поклонялась раньше, и что, таким образом, об объективной истине в исторической науке не может быть и речи. Значение Виноградова как историографа в том как раз и заключается, что он, подчеркивая социально-политическую обусловленность развития исторической науки, в то же время настоятельно указывал на ее относительную самостоятельность. В его изображении смена одной школы другою не является простым отрицанием старого, каждая из них вносит свой вклад в науку, и в самом чередовании их реализуется поступательное развитие исторической мысли. Отметив, что исторические школы устанавливают «известные исходные пункты на основании практической политики», руководствуясь при этом определенными венаучными интересами и пристрастиями, Виноградов тут же подчеркивает, что они тем самым отнюдь не перестраивают соответственно своему пристрастию весь исторический материал. «Если бы это было так,— справедливо заявляет он,— то об истории можно было бы говорить только как о запасе случайных аргументов для случайно сменяющихся политических партий. Не стоило бы ею заниматься в таком случае»⁵¹. Он указывает на преемственность в движении школ, подчеркивая, что каждая новая немыслима без предшествующих, которые ставят задачи для последующих, намечая путь развития науки⁵².

Историческая школа для Виноградова — «живой организм, а не простая совокупность отвлеченных мыслителей», организм, развитие которого происходит по определенным законам⁵³. Рассматривая эти законы, он порой поднимается до понимания внутренне противоречивого, диалектического характера развития исторической науки как вечно текущего, со своими приливами и отливами, процесса, в ходе которого происходит обновление данных науки: что-то отбрасывается, что-то входит в научный оборот, становится общим достоянием науки, что-то видоизменяется, но при этом одно остается неизменным — тенденция поступательного развития науки. «Историографическая работа,— подчеркивает Виноградов,— подобна реке, которая часто изгибается и как бы возвращается назад, но в действительности всегда движется вперед»⁵⁴.

Выдвигая два ряда факторов, под влиянием которых происходит развитие исторической науки, Виноградов, не разделял их

⁵¹ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1889, стр. 35.

⁵² П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1893, стр. 22.

⁵³ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год, стр. 29.

⁵⁴ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1893, стр. 22.

непроходимой гранью. Более того, в его изображении они нередко взаимодействуют, влияя в последнем счете в одном и том же направлении. Именно так, в частности, объясняется генезис социальной историографии. Наряду с решающим влиянием социально-политических потрясений в Западной Европе 30—40-х годов XIX в., Виноградов указывает на внутреннюю логику развития самой историографии, а также на влияние других наук, в первую очередь естествознания⁵⁵.

«Историческая литература,— писал Виноградов, формулируя в общем виде свое понимание характера ее развития,— представляется наблюдателю не как случайная последовательность талантливых и трудолюбивых, гениальных и ограниченных сочинений. При сколько-нибудь внимательном отношении окажется, что помимо личной талантливости, помимо блеска изложения или исследования того или другого отдела, все отдельные явления литературы мало-помалу сложатся в стройное целое, обладающее органическим развитием, в котором случайность, личный подвиг, личный талант подчиняется общим течениям, общим направлениям»⁵⁶.

Отсюда, естественно, вытекали принципы, которыми руководствовался Виноградов как историк исторической науки. В его историографических обзорах мы встречаем сравнительно немного имен. Главное внимание ученого сосредоточивается на выяснении общих тенденций поступательного развития науки. Имена же отдельных историков и их исследования привлекаются лишь постольку, поскольку они наиболее ярко выражают эти тенденции. Сам Виноградов, выступая против превращения историографического обзора в библиографический перечень, подчеркивал, что «дело не в именах, а в том, как развивались известные направления, в зависимости от каких обстоятельств происходили коренные изменения в теоретических воззрениях»⁵⁷. В соответствии с этим и построены его собственные историографические обзоры. В них мы почти не встречаем развернутых характеристик ученых и их произведений, практически полностью отсутствует биографический материал. Они богаты другим — живой авторской мыслью, стремлением разглядеть за пестрым многообразием имен и работ, национальных и иных особенностей — ведущие тенденции развития исторической науки в ее органической зависимости от общественных потребностей.

При этом представляет интерес удачная, на наш взгляд, попытка решения Виноградовым одной из наиболее трудных задач историографического исследования — установления оптимального соотношения национального и интернационального моментов в

⁵⁵ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1889, стр. 33; ср. *он же*. История средних веков. М., 1903, стр. 21.

⁵⁶ П. Г. Виноградов. История Греции. М., 1900/01, стр. 3.

⁵⁷ П. Г. Виноградов. Государственное право Англии. М., 1887/88 ак. год, стр. 6.

воссоздании общей картины развития европейской исторической мысли. Виноградов сознательно отказывается от традиционного изложения историографического материала по главным европейским странам, стремясь в первую очередь установить общие, не зависящие от национальных различий закономерности в развитии исторической науки. Крупнейшие события национальной истории, подобно революциям конца XVIII в. и 1848 г. во Франции, выступают в его историографических обзорах поворотными пунктами развития всей европейской исторической мысли. Он настоятельно подчеркивает невозможность разрубать единое целое по национальным рубрикам⁵⁸ и последовательно проводит этот принцип в своей историографической практике.

Однако это не означает, что, рассматривая общее в развитии европейской исторической мысли XIX в., Виноградов игнорировал особенное, порожденное специфическими условиями той или другой страны. Под таким именно углом зрения он излагал, например, характерные черты немецкой медиевистики. Он с нескрываемой иронией говорил о том, как политическая эволюция в Германии XIX в. влияла на изменение господствующих представлений немецкой науки о характере политической организации германцев в древности и в раннее средневековье⁵⁹. С аналогичных позиций Виноградов рассматривал взгляды романистов⁶⁰. Но контроверсы романистов и германистов привлекали внимание ученого не сами по себе. Они нашли место в его историографическом обзоре лишь постольку, поскольку являлись, с его точки зрения, наиболее ярким выражением тех общих тенденций, которые возобладали в европейской науке первой половины XIX в. и которые заключались в выпячивании на передний план в историческом процессе национального фактора⁶¹.

В качестве другого примера приведем характеристику Виноградовым европейской историографии древней Греции. Рассматривая ее общие черты, он указывает также на ее особенности в разных европейских странах, обусловленных спецификой социальнополитического развития в каждой из них⁶². В итоге национальные особенности в его изображении лишь рельефно выделяют общие закономерности развития исторической науки.

Как историограф Виноградов отнюдь не бесстрастен. Рассматривая различные направления и школы, он дает им вполне определенные оценки. Обращает на себя внимание направленность этих оценок. Виноградов не скрывает своего сочувственного отно-

⁵⁸ П. Г. Виноградов. Государственное право Англии. М., 1887/88 ак. год, стр. 6.

⁵⁹ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год, стр. 13—17. См. также его рецензию на книгу Г. Вайца «История немецкого государственного строя» («Критическое обозрение», 1879, № 6).

⁶⁰ П. Г. Виноградов. История средних веков. М., 1884/85 ак. год, стр. 12—14.

⁶¹ Там же, стр. 9—10.

⁶² П. Г. Виноградов. История Греции. М., 1885/86 ак. год, стр. 13.

шения к целым школам и отдельным ученым, развивавшим прогрессивные в рамках буржуазной методологии идеи, и критически оценивает историков, придерживавшихся реакционных взглядов. Особенно показательна в этом плане занятая им позиция в спорах вокруг вопроса о характере аграрного развития в раннее средневековье. Сумев связать возникновение марковой теории Маурера с социальными потрясениями, переживавшимися европейским обществом около середины XIX в., Виноградов был едва ли не первым крупным ученым, который подошел к пониманию действительной природы начавшегося в последней четверти того же столетия похода против нее в буржуазной науке.

Убежденный защитник общинной теории, внесший своими трудами значительный вклад в ее обоснование и развитие, Виноградов уже в 80-е годы обращает внимание на широкое наступление, предпринятое против ее основ в разных европейских странах. Он подчеркивал, что «ученая реакция против школы Маурера пошла так далеко, являясь в одинаковых формах при таких различных местных условиях, что общую подкладку ее приходится искать в фактах, лежащих за пределами чисто исторического изучения»⁶³. К сожалению, Виноградов не счел нужным пояснить, о каких фактах идет здесь речь. Однако о том, что он под ними понимал, дает основание судить его отношение к одному из первых крупных представителей этой реакции Ф. Сибому. Он прямо писал, что Сибом, «банкир, экономист и практический политик», обратился к изучению аграрных отношений в средневековой Англии «не по случайным причинам, не ради отвлечения мысли от обычных занятий», а в «теснейшей связи со своими политическими и экономическими убеждениями»⁶⁴.

Несомненное научное значение имела аргументированная критика Виноградовым куланжистской концепции генезиса западноевропейского феодализма, которую он в целом оценивал как неудачную. В своей статье «Фюстель де-Куланж. Итоги и приемы его ученой работы» он предпринял глубокий анализ исследовательских приемов французского противника марковой теории, его исторического метода. Поставив здесь вопрос о том, насколько куланжистские построения выдерживают научную критику, Виноградов всей своей работой дал убедительный отрицательный ответ на него⁶⁵.

⁶³ П. Г. Виноградов. Исследования по социальной истории Англии в средние века, стр. 28—29.

⁶⁴ П. Г. Виноградов. Очерки западноевропейской историографии.— ЖМНП, 1883, № 11, стр. 177.

⁶⁵ П. Г. Виноградов. Фюстель де-Куланж. Итоги и приемы его ученой работы.— «Русская мысль», 1890, № 1, стр. 84. Подробнее о виноградовской критике Фюстеля см.: М. А. Алпагов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.—Л., 1949, стр. 389; Г. К. Сабрегдин. К критике куланжистской методики исторического исследования. «Методологические и историографические вопросы исторической науки», вып. 2. Томск, 1964, стр. 177—178.

Виноградов выступил в числе первых критиков Допша. В содержательной рецензии на книгу Допша «Хозяйственное развитие Каролинского периода преимущественно в Германии» он аргументированно показал несостоятельность основных положений венского профессора. Нельзя не согласиться с заключительным выводом рецензии. Суммируя свой анализ двухтомника Допша, Виноградов пишет: «Эти два тома дают ряд интересных наблюдений и показывают, что ход средневековой истории был более сложным и разнообразным, чем это обычно предполагалось, но они не доказали, что исследование средневековой истории в своих основных принципах шло последние 80 лет ошибочными путями»⁶⁶.

Приведенный нами материал, не исчерпывая всего историографического наследия буржуазного ученого, дает тем не менее основание рассматривать Виноградова как крупного оригинального историка исторической науки. Его историографические представления сливаются в стройную концепцию, призванную объяснить главные моменты в эволюции европейской исторической мысли прошлого столетия.

Конечно, со многим в этой концепции мы согласиться не можем. В первую очередь это относится к определению места марксизма в развитии исторической науки. Не сумев вследствие классовой ограниченности своих идейно-методологических позиций понять действительное значение открытой Марксом материалистической теории исторического процесса, Виноградов лишился возможности дать подлинно научную картину развития главных тенденций исторической мысли XIX в. Не смог он должным образом оценить и отчетливо обнаружившийся в конце этого столетия кризис буржуазной историографии, хотя и выступил против некоторых его проявлений (критика общинной теории, отрицание господства в раннее средневековье натурального хозяйства).

Вместе с тем, как мы видели, в виноградовской концепции отразились и некоторые объективно-истинные моменты развития исторической науки в прошлом веке. Своим стремлением дать всеобъемлющее изображение развития науки, показать это развитие как продукт органического взаимодействия различных факторов и прежде всего общественной практики, Виноградов выступил как новатор историографического исследования. Высказанные им на этот счет соображения, равно как и сама его практика изучения историографии, не утратили своего значения и в наши дни, что и определяет наш интерес к этому выдающемуся представителю русской исторической науки.

⁶⁶ «The English Historical Review», 1914, vol. XXIX, No. 113, p. 141.

ИСТОРИЯ ДЕКАБРИСТОВ В ТРУДАХ В. И. СЕМЕВСКОГО

Г. А. Невелев

Научное наследие В. И. Семевского, выдающегося представителя буржуазно-демократического направления в русской историографии конца XIX — начала XX в., посвящено двум проблемам истории России — крестьянству и крестьянскому вопросу в России XVIII — первой половины XIX в. и истории общественной мысли.

В советской историографической литературе накоплен богатый материал для характеристики исторических взглядов Семевского. обстоятельно рассмотрены его труды по истории крестьян и крестьянского вопроса в России, его вклад в историографию Сибири¹. В научный оборот введены ценные документы рукописного собрания историка, сосредоточенного в архивохранилищах Москвы и Ленинграда². В статьях С. И. Волкова и Ю. М. Крит-

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 405—409; С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет.— «Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук». Л., 1948, стр. 45—47; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 207—217; «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1961, стр. 324—329; В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. II. (Эпоха промышленного капитализма). Харьков, 1962, стр. 220—224; А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Л., 1962, стр. 142—150; С. И. Крандиевский. Очерки по историографии экономической истории (XVII—XIX вв.). Харьков, 1963, стр. 220—223; В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970, стр. 285—295; Ю. М. Критский. Исторические взгляды В. И. Семевского. Автореф. канд. дисс. Л., 1971. В дореволюционной литературе историческая концепция В. И. Семевского рассматривалась в статьях: А. А. Кизеветтер. В. И. Семевский в его ученых трудах.— «Голос минувшего», 1917, № 1, стр. 199—222; А. А. Корнилов. Значение трудов В. И. Семевского в русской историографии.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1917, № 2, стр. 45—88.

² См. «Неопубликованное письмо Н. Е. Федосеева к В. И. Семевскому». Публикация Б. П. Козьмина.— «Пролетарская революция», 1928, № 4(75), стр. 178—182; Н. Ростов. Архив В. И. Семевского.— «Литературное наследство», 1933, № 7-8, стр. 418—430; С. И. Волков. Фонд В. И. Семевского (из фондов Академии наук СССР).— «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 151—256; Н. Н. Мигрофанов. В. Г. Короленко и В. И. Семевский.— «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 105—109; Ю. М. Критский. Эпистолярное наследие В. И. Семевского в архивах Москвы и Ленинграда.— «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 300—306.

ского сделаны первые шаги по созданию научной биографии Семевского³.

Однако изучение исторического мировоззрения Семевского строится в основном на анализе его работ о крестьянах, а труды по истории общественного движения в большинстве случаев рассматриваются как производные, механически отразившие все народнические особенности «крестьянской» концепции. В научной литературе нет ни одного историографического исследования, в котором прослеживалась бы эволюция взглядов Семевского на движение декабристов и давалась бы обобщающая характеристика деятельности историка в области декабриствоведения⁴. Такой подход к декабристоведам занятиям Семевского, отражаясь на полноте и уровне его историографических характеристик, существенно затрудняет анализ научного творчества историка.

Основная задача этой статьи — попытаться проследить процесс формирования и развития исследовательской концепции автора «Политических и общественных идей декабристов».

Василий Иванович Семевский родился 24 декабря 1848 г. в г. Полоцке Витебской губ. в небогатой дворянской семье. Рано оставшись без родителей, Семевский был отдан старшим братом Михаилом Ивановичем на воспитание В. И. Водовозову, известному педагогу и писателю, который оказал огромное влияние на формирование нравственного облика своего воспитанника. В 1859 г. он был определен во Второй кадетский корпус в Петербурге и прошел там пять классов. Затем, в 1866 г., он был переведен в Первую Петербургскую гимназию, где закончил курс в 1868 г. с золотой медалью. Увлечение позитивизмом привело Семевского в Медико-хирургическую академию. Вера в основополагающее значение естествознания для всех наук заставляла Семевского серьезно заниматься анатомией, посещать лекции Сеченова, Грубера, Зинина. После двухлетних занятий в академии Семевский в 1870 г. перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Мировоззрение Семевского складывалось в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. во время подъема общественного движения, когда под влиянием развивавшегося капитализма в идейной жизни России развернулась острая борьба вокруг важнейших проблем политического, социального и экономического развития

³ В. И. Волков. В. И. Семевский (к научной биографии).— «История СССР», 1959, № 5, стр. 113—122; Ю. М. Кригский. В. И. Семевский и Петербургский университет.— «Вестник ЛГУ», 1969, № 2, вып. 1, стр. 165—168; он же. В. И. Семевский и цензура.— «История СССР», 1970, № 3, стр. 103—107.

⁴ О высказываниях В. И. Семевского по истории декабристов см.: П. П. Парадизов. Очерки по историографии декабристов. М.—Л., 1928, стр. 161—219; М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 30—31; С. В. Окунь. Движение декабристов в советской литературе.— «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России», ч. I. Л., 1967, стр. 86—87.

страны. Это был период широкого распространения народнических представлений. Молодое поколение передовой интеллигенции оказалось целиком захваченным высокими общественными идеалами служения народу. Под влиянием сочинений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и идеологов революционно-народнической доктрины (П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева) закладывались основы мировоззрения историка.

В 70-е годы Семевский сблизился с кругами демократической интеллигенции. Он активно работал в молодежном кружке, организованном «с целью рассылки хороших народных книг в провинцию»⁵, принимал участие в политическом клубе, на заседаниях которого обсуждался вопрос о создании политических партий. В этом клубе участвовали К. К. Арсеньев, В. П. Воронцов, Н. И. Кареев, В. В. Лесевич, Н. К. Михайловский, Вл. Соловьев, С. Н. Южаков, И. И. Янжул.

В 90-е годы Семевский был близок к кружку М. А. Антоновича⁶. На нечетных вторниках у Семевского можно было встретить Н. К. Михайловского, Н. Ф. Анненского, В. А. Мякотина и др. Он часто бывал на литературных средах в гостинице «Метрополь», где по инициативе Н. К. Михайловского и С. Н. Кривенка собирались журналисты народнического направления из «Отечественных записок», «Северного вестника» и «Русского богатства». «В жизни петербургской интеллигенции последних десятилетий XIX века,— писал В. А. Мякотин,— не было, кажется, ни одного крупного события, ни одной видной организации, в которой не принимал бы участия В. И. Семевский»⁷.

В 80—90-е годы XIX в. политическая сущность народнической идеологии по мере того, как менялся политический и экономический облик ее социальной основы — русского крестьянства,— претерпевала существенную качественную эволюцию. К началу нового этапа в русском освободительном движении в условиях обострявшейся классовой борьбы народничество выродилось в «самую джонинную теорию мелкобуржуазного радикализма»⁸, полностью превратившись в «культурнический оппортунизм»⁹.

Под воздействием просветительного направления в народничестве и главным образом трудов Н. К. Михайловского¹⁰ формиро-

⁵ Б. Э. Керриц. К воспоминаниям о В. И. Семевском.— «Голос минувшего», 1923, № 1, стр. 3.

⁶ М. А. Антонович — В. И. Семевскому, 1 октября 1896 г.— Архив АН СССР, ф. В. И. Семевского (№ 489), оп. 3, д. 78, лл. 1, 2.

⁷ Памяти В. И. Семевского (заметки В. Мякотина, Н. Русакова, А. Кауфмана).— «Русские записки», 1916, № 9, стр. 307.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 303.

⁹ Там же, стр. 283.

¹⁰ В 1900 году в адресе, преподнесенном Н. К. Михайловскому в день сорокалетия его общественно-литературной деятельности, Семевский писал: «Я позволю себе обратиться к Вам таким образом потому, что наряду с большинством той литературной группы, к которой я принадлежу, чувствую, как многим мы Вам обязаны в своем научном и

вались общественно-политические взгляды молодого историка, которые и в дальнейшем развивались в тесной связи с тем течением в народничестве, которое, по выражению В. И. Ленина, «расплывалось в либерализме»¹¹.

Рано почувствовав интерес к истории, Семевский еще в кадетском корпусе много читал, особенно Н. И. Костомарова, составлял обширные конспекты и заметки по русской истории. В университете он избрал главным предметом своих занятий историю России (не без влияния старшего брата, основателя «Русской старины»), и в 1872 г. после блестящего окончания университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре русской истории¹², которую возглавлял в то время профессор К. Н. Бестужев-Рюмин.

Сдав магистерский экзамен в 1874 г., Семевский избрал темой диссертации историю крестьян в царствование Екатерины II. К 1881 г. работа была завершена, и в февральской книге «Русской мысли» Семевский опубликовал введение к своему исследованию под названием «Не пора ли написать историю крестьян в России?»¹³. Эта статья, приуроченная к двадцатилетию крестьянской реформы, явилась своеобразной научной программой историка. В ней автор излагал свои взгляды на значение и задачи русской истории как науки, а также некоторые наблюдения над логикой исторического процесса.

Движущей силой исторического развития Семевский считал «общественное самосознание», которое обнажает внутренние социальные неустойчивости и заставляет общество входить в столкновение с властью. Мысль передовых общественных сил «начинает работать над вопросом о необходимости создания нового общественного строя — и вот, — заключает историк, — рано или поздно старый порядок рухнет под давлением общего неудовольствия»¹⁴. Однако Семевский, подобно многим тогдашним народникам, отрицательно относился к политическим переворотам, полагая, что они не ведут к существенному изменению в положении народа. Так, Михайловский доказывал, что конституционные преобразования и политические свободы способны решить социальную проблему только тогда, когда они проводятся вместе с улучшением экономического положения народа. Политические реформы, по его мнению, должны следовать за экономическими¹⁵. Выдвигая главным критерием общественного прогресса благо народа, Семев-

общественном миросозерцании» (См.: П. П. Парадизов. Очерки по историографии декабристов, стр. 179).

¹¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 77.

¹² Архив АН СССР, ф. 489, оп. 2, д. 2.

¹³ В. И. Семевский. Не пора ли написать историю крестьян в России? — «Русская мысль», 1881, № 1, стр. 215—265.

¹⁴ Там же.

¹⁵ М. Г. Седов. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского. — «Общественное движение в пореформенной России». М., 1965, стр. 196—198.

ский утверждал, что социальные изменения и усовершенствования приносят гораздо больше пользы народу, нежели борьба за создание нового общественного строя и политические свободы¹⁶.

Отчасти эти рассуждения лишь воспроизводили известное мнение народников о примате социального над политическим. Однако Михайловского, например, в 80-е годы теория о первенстве социального сравнительно с политическим не заставляла считать революцию ненужной или бесполезной¹⁷, тогда как Семевского она привела к прямому отрицанию революционного пути в деле общественного преобразования и к позиции либерала, верящего в то, что правительство можно убедить в необходимости глубоких социальных реформ.

Эти выводы служили Семевскому теоретической посылкой для обоснования социальной функции и основных задач исторической науки. Рассматривая традиционные направления историографии, автор указывал на важность изучения двух тем: истории умственного развития и истории экономического положения народа. Хотя последняя тема не без боя занимала место в литературе, вызывая возражения историков прежних школ, по его мнению, трудам именно этого направления будет принадлежать будущее. В этом Семевского убеждал не столько опыт исторического развития, выявивший преобладающее значение истории экономических условий, сколько глубокая вера в практическую ценность исследований хозяйственной жизни и быта народа. Важность изучения народной жизни, указывал Семевский, возрастает тем более, что вера в могущество политических реформ начинает пошатываться, и в русском обществе начала 80-х годов «все сильнее слышатся требования важных социальных изменений»¹⁸. Добытые наукой знания, по мысли автора, должны были не только помочь в этой работе, но и оказать влияние на направление преобразовательной деятельности в государстве.

Таким образом, назначение исторической науки, по Семевскому, состоит в том, чтобы, исходя из интересов народа, подготавливать социальные преобразования в обществе и с научными данными в руках указывать на необходимость тех или иных социальных реформ. Поэтому «ученые должны прежде всего внимательно изучить прошлое и настоящее положение народа»¹⁹. Так

¹⁶ В своих «Автобиографических набросках», вспоминая разговор с К. Н. Бестужевым-Рюминым по поводу диссертации, Семевский привел слова, сказанные им в ответ на возражения профессора: «...если Вы внимательно вчитаетесь, то увидите, что я вовсе не одобряю чисто политических переворотов и указываю на необходимость социальных изменений» («Голос минувшего», 1917, № 9—10, стр. 19).

¹⁷ М. Г. Седов. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского, стр. 202, 205.

¹⁸ В. И. Семевский. Не пора ли написать историю крестьян в России?, стр. 218.

¹⁹ Там же, стр. 223.

логически выводилась у Семевского основная задача исторического исследования — изучение истории русского народа.

Первым этапом этого изучения, по его мнению, должна стать разработка истории крестьян. «История русских крестьян,— писал Семевский,— есть долг нашей науки народу»²⁰. Историк призывал молодых ученых к совместной работе по собранию и описанию печатных и архивных материалов для будущей «полной истории русских крестьян». Доказывая глубокую взаимосвязь историографических занятий с современностью, Семевский подчеркивал активную роль исторических исследований в деле улучшения положения народа и рассматривал историческое познание в целом как необходимый начальный этап социальных и политических преобразований в обществе. Определяя основные задачи, социальную функцию и исследовательские темы исторической науки, Семевский ставил во главу угла интересы русского народа. Однако по своим политическим взглядам историк последовательно придерживался позиции либерального народника-реформиста, отрицающего революцию как метод социального преобразования²¹.

Но даже такой умеренный радикализм введения к «Крестьянам в царствование императрицы Екатерины II» сделал невозможным защиту диссертации в Петербургском университете. Дав первоначально благоприятный отзыв о работе, К. Н. Бестужев-Рюмин после событий 1 марта 1881 г. изменил свое мнение и стал настаивать на неблагонадежности сочинения; причем особенно опасным профессору показалось введение. Семевский уступил и, сделав некоторые изменения в тексте, подал прошение о допущении к диспуту. Однако К. Н. Бестужев-Рюмин сумел убедить факультетский совет в ненаучности диссертации, и на заседании 17 октября 1881 г. факультет признал, что труд Семевского «не включает в себе ни правильной постановки исследуемого вопроса в отношениях его к общему ходу русской истории, ни вообще правильной в научном отношении оценки исторических явлений и поэтому не может быть признан удовлетворительным как диссертация для получения искомой ученой степени»²².

Потерпев неудачу в Петербурге, Семевский добился диспута в Московском университете и 17 февраля 1882 г. защитил диссертацию на степень магистра русской истории. Оппонентами на диспуте выступили проф. Н. А. Попов и проф. В. О. Ключевский.

«Петербургская история» повторилась с Семевским при его баллотировке на должность доцента в Харьковском и Новороссий-

²⁰ В. И. Семевский. Не пора ли написать историю крестьян в России?, стр. 223.

²¹ Таким образом изучение взглядов историка начала 80-х годов XIX в. не подтверждает вывода С. И. Волкова о том, что в эти годы Семевский выступал «как революционный народник, призывающий к революционному переустройству социального и политического строя России» (В. И. Волков. В. И. Семевский (к научной биографии), стр. 121).

²² В. И. Семевский. Автобиографические наброски, стр. 37.

ском университетах. Академическая наука с неприязнью встречала молодого ученого, взгляды на историю которого были «слишком» демократичны, непозволительно смелы и не соответствовали традиционному в буржуазной науке типу беспристрастного историка-повествователя.

Неудачи не заставили Семевского отказаться от мысли о кафедре. После долгих обсуждений он был принят в приват-доценты Петербургского университета, и попечитель учебного округа, не осведомленный об истории с его диссертацией, представленный курс по истории крестьянского вопроса в России утвердил.

Первоначально одобрив программу курса, факультет, однако, полагал неудобным чтение лекций по предложенному молодым приват-доцентом предмету. «Не могу не поделиться крайне радостною для меня вестью,— сообщил Семевский А. Н. Пышину 30 ноября 1882 г.,— во вчерашнем заседании совета филологического факультета потерпел самое полное фиаско по моему делу. Весь совет дал им самую простую головоломку. Громадным большинством совет постановил допустить меня к чтению лекций и ходатайствовать перед попечителем об утверждении этого постановления»²³.

По воспоминаниям современников лекции Семевского пользовались необыкновенной популярностью в университете. Несмотря на необязательность читаемого курса, его аудитория была всегда переполнена.

Преподавательская деятельность ученого длилась недолго. Осенью 1884 г. по доносу Бестужева-Рюмина факультет потребовал от молодого приват-доцента изменить программу курса и на некоторое время вообще прекратить лекции. Занятия возобновились только в следующем году, и на второе полугодие 1885/86 учебного года Семевский объявил курс о царствовании Александра I. Но уже 2 января 1886 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов сделал распоряжение о прекращении лекций по русской истории приват-доцента Семевского. Прекращение лекций вызвало протест со стороны студентов; в преподнесенном адресе они выразили свое сочувствие «честному русскому историку крестьян»²⁴.

После увольнения из университета Семевский целиком посвятил себя исследовательской работе по русской истории.

В начале 80-х годов историк расширил научную тему, заинтересовавшись историей крестьянского вопроса в России. Богатейший архивный материал, собранный Семевским еще при работе над магистерской диссертацией, и прекрасное знание истории крестьян позволили ему не ограничиться рамками екатеринин-

²³ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Н. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР ГПБ), ф. А. Н. Пыпина (№ 621), д. 763, л. 5.

²⁴ С. Г. Сватиков. Увольнение В. И. Семевского и петербургское студенчество.— «Голос минувшего», 1916, № 12, стр. 233—235.

ского царствования и изучить развитие этого вопроса вплоть до реформы 19 февраля 1861 г.

Новое капитальное исследование «Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX века» вышло в свет в 1888 г. В этом труде, посвященном общему обзору истории крестьянского вопроса в России в XVIII и первой половине XIX в. и представлявшем собой «сжатую характеристику отношения законодательства, литературы, общества и народа к вопросу об уничтожении крепостного права»²⁵, Семевский довольно подробно останавливался на отношении декабристов к крестьянскому вопросу.

Но это было не первое обращение историка к декабристам. Впервые вопросы истории тайных обществ затрагивались Семевским в лекционном курсе «История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX в.», читанном в Петербургском университете во второй половине 1882/83 учебного года.

Отсылая слушателей за подробностями относительно этой эпохи к книге А. Н. Пыпина «Общественное движение при Александре I», Семевский видел значение будущих декабристов, вернувшихся из заграничных походов и познакомившихся там с «иными формами жизни», в том, что они содействовали распространению освободительных идей, «брошенных» в русское общество еще в первые годы царствования Александра I²⁶. С точки зрения отношения к крестьянскому вопросу Семевский делил декабристов на два течения — сторонников политических реформ и сторонников социальных изменений, оставляя в стороне все другие различия во взглядах.

Эти мысли явились лишь первым наброском темы, которая получила более законченное решение в книге «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Собственно, из всех аспектов истории декабристов в труде обстоятельно был рассмотрен только один, — их отношение к вопросу об отмене крепостного права²⁷. Однако для Семевского это был главный социальный вопрос русского общества второй половины XVIII и первой половины XIX в., и отношение к нему, по его мнению, без труда вскрывало политический смысл и историческое значение того или иного общественного движения этого времени. Кроме того отношение к этому вопросу, по Семевскому, отражало определенный и глубоко закономерный этап в развитии самой идеи освобождения крестьян.

²⁵ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб., 1888, стр. 1.

²⁶ «История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX в. Лекции, читанные во второй половине 1882—1883 гг. приват-доцентом С.-Пб. университета Семевским. Издание студента И. Белогостицкого». СПб., 1883, стр. 14, 16, 17.

²⁷ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, стр. 501—512.

Поэтому причины возникновения декабризма историк выводил из предшествующего развития мысли об отмене крепостного права в России. Изложив историю крестьянского вопроса в первую половину царствования Александра I, автор заключал, что желание императора освободить крестьян не привело к сколько-нибудь заметному ограничению крепостного права. Эта медлительность правительства, по мнению Семевского, явилась «одной из главных причин того недовольства молодого, интеллигентного поколения, которое выразилось в составлении тайного общества»²⁸. Изучив все доступные в 80-е годы XIX в. материалы по истории декабристов, автор дал в отдельной главе подробный свод высказываний, мнений и взглядов членов тайных обществ по крестьянскому вопросу. При этом Семевский очень неохотно делал обобщения, больше заботясь о полноте описания, иногда даже в ущерб стройности и последовательности изложения. Но, как верно заметил один из биографов историка, то, что Семевский не всегда формулирует свои выводы, еще не значит, что у него этих выводов нет.

Оценивая вклад декабристов в решение крестьянского вопроса, историк считал, что деятельнее всех работал в этом направлении Н. И. Тургенев. Его заслуга в крестьянском деле не только в составлении записок по ограничению крепостного труда, проектах прекращения продажи крестьян без земли, — которые были «одни из наиболее необходимых и практических»²⁹, — но и в том, что он в своей программе все политические вопросы подчинял вопросу освобождения крестьян³⁰.

В то время, как остальные декабристы «ставили это освобождение не на первом, а на втором месте, выдвигая на первый план реформы политические». В этом, по мнению Семевского, заключалась основная слабость движения, приведшая к поражению 14 декабря 1825 г., либо Россия в царствование Александра I «настоятельно нуждалась в социальных преобразованиях, а не в политических изменениях»³¹.

Итак, противоречие между программными требованиями и идеалами членов тайных обществ, с одной стороны, и потребностями современного им общества, с другой, — такова причина неуспеха декабристского движения. Продолжив правительственную инициативу в крестьянском вопросе, декабристы сделали основным пунктом своей программы политические требования и отодвинули на второй план освобождение крепостных крестьян, поэтому все движение в целом Семевский расценивал как течение политического либерализма.

²⁸ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, стр. XXV.

²⁹ Там же, стр. 454.

³⁰ Там же, стр. 504—505.

³¹ Там же, стр. 499.

Симпатии историка несомненно на стороне Н. И. Тургенева и «тех людей, которые готовы были сознательно отказаться на время от того более свободного положения, которое создает для интеллигенции политическая свобода, ради блага миллионов крепостных»³². Подводя итоги рассмотрению первой четверти XIX в., автор выделял два преобладающих течения в общественной мысли: стремление к политическим реформам (политический либерализм) и желание освободить крепостных.

«Представители первого направления, — писал Семевский, — потерпели решительное поражение 14 декабря 1825 г.: самодержавие победило, но вместе с тем самодержец должен был не только взять на себя решение этой задачи, которую декабристы собирались возложить на временное правительство, т. е. выработать основные начала освобождения крестьян, но и применить эти начала к делу»³³. Таким образом, движение декабристов под пером Семевского превращалось в одно из направлений в решении крестьянского вопроса в первой четверти XIX в.

При этом рассмотрение Семевским истории крестьянского вопроса, изображавшегося в виде задачи № 1 всего общества, над которой в первой четверти XIX в. «ломали голову и государственные люди, и ученые, и многие лучшие представители высшего сословия»³⁴, существенным образом искажало объективные цели и историческое значение декабризма.

Повторяя ошибку народников, которая «состояла в том, что они брали вопрос утопично, абстрактно, вне отношения к конкретной исторической обстановке»³⁵, Семевский стирал грани между крепостниками и представителями антикрепостнического направления и представлял развитие идеи об освобождении крестьян в виде единого потока. В результате он приходил к утверждению о том, что проекты освобождения крестьян, выработанные лучшими представителями русской интеллигенции, позднее становятся правительственной программой реформ. Эта мысль, а также рассуждение о борьбе социального начала с политическим явились, по сути дела, главной идейной базой всего исследования и, в том числе, трактовки декабристов.

Своеобразная «крестьянская» окраска, которую приобрело движение в изложении историка, отнюдь не скрывала основные положения либеральной традиции в декабристской историографии. Это с удовлетворением было отмечено Пыпиным в его рецензии на книгу³⁶. Исторические очерки Пыпина «Общественное движение при Александре I», придавшие «особому мнению» Н. И. Тургенева

³² Там же, стр. 450.

³³ Там же, стр. XXVI.

³⁴ Там же, т. II, СПб., 1888, стр. 1.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 164.

³⁶ А. В. — н. История крестьянского вопроса. — Рец.: В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, II. СПб., 1888. — «Вестник Европы», 1888, № 7, с. 282.

в отношении декабристского движения форму научной концепции, явились для Семевского, пожалуй, основным учебником по истории русской общественной мысли. «Я более, чем кто-нибудь, обязан этому труду, — писал он впоследствии в поздравительном письме Пыпину в связи с его юбилеем. — Когда от истории крестьян мне приходилось делать экскурсии в область истории общественных идей, я обыкновенно работал над вопросами, близко соприкасающимися с теми, над которыми так плодотворно трудился и Вы. Я чувствую поэтому особую потребность, как один из многочисленных Ваших учеников, поздравить Вас в сегодняшний замечательный день...»³⁷ Несколько позднее, в 1904 г., Семевский писал: «С этим трудом («Общественное движение при Александре I». — Г. Н.) связаны светлые воспоминания наших университетских годов: по статьям Пыпина мы учились любить не только русскую историю... но — что еще важнее — любить политическую свободу, сочувствовать людям, за нее борющимся, за нее пострадавшим»³⁸.

Собственно об исследовательской концепции движения декабристов говорить еще рано. «Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX века» был первым приближением к теме. Тем не менее, никоим образом не принижая заслуги Семевского по собиранию и обработке большого исторического материала, нужно признать, что в плане развития декабристоведения книга историка не выходила за рамки пыпинской концепции и не содержала принципиально новых мыслей.

В этом исследовании особенно ярко проявились особенности научного метода историка. Анализ его трудов с очевидностью подтверждает мнение о том, что на методологию Семевского большое влияние оказал субъективно-социологический метод. В этом нетрудно убедиться, сопоставив основные элементы методологии историка со взглядами на теорию и практику исторического познания основателя субъективной социологии Михайловского.

Обосновывая принципы субъективно-социологического метода применительно к историографии, Михайловский, ссылаясь на трудности «социальной гносеологии», относительность фактических знаний и невозможность объективного рассмотрения исторических событий, доказывал необходимость в практике исторического изучения «довольствоваться только оценкой взаимных отношений между явлениями и отсюда выводить их законы»³⁹.

³⁷ В. И. Семевский — А. Н. Пыпину, 1903. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 26, лл. 1—2.

³⁸ В. И. Семевский. Памяти А. Н. Пыпина. — «Русская мысль», 1904, № 12, стр. 166. В 80—90-е годы XIX в. между двумя историками сложились близкие товарищеские отношения. Пыпин пользовался богатой библиотекой Семевского, бывал у него на «вторниках» (А. Н. Пыпин — В. И. Семевскому — ЦГАЛИ СССР, ф. А. И. Кондратьева (№ 2232), д. 193; ф. А. Н. Пыпина (№ 395), оп. 3, д. 8; Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 592).

³⁹ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1911, стр. 65.

Исходя из этого, истинность всякого исторического исследования, по Михайловскому, целиком зависела от априорно выработанной нравственной позиции и общественных взглядов ученого. Семевский целиком воспринял утверждение Михайловского о том, что всякое мнение об исторических событиях есть результат моральной оценки и с точки зрения определенного общественно-политического идеала, поэтому историк, в сущности, не исследовал в строгом смысле этого слова, а оценивал исторические явления.

Существенный отпечаток на методологию Семевского наложил теория прогресса Михайловского и в частности его учение о «борьбе за индивидуальность». Исторический процесс в свете этого учения представлялся Михайловскому в виде непрерывающейся борьбы различных общественных сил и социальных элементов.

Семевский, казалось бы, последовательно придерживался этих взглядов в своей историографической практике. Для него был характерен структурный подход к истории общественной мысли, при котором основным объектом анализа становились характер сочетания различных социальных сил, изучение особенностей их взаимоотношений. Защищая этот метод рассмотрения исторических явлений, Михайловский писал, что «основанием расположения исторического материала может и, смею сказать, должно быть принято взаимное отношение общественных сил»⁴⁰. По существу исследование Семевским истории крестьянского вопроса в России в XVIII—XIX вв. было не чем иным, как тщательным изучением комбинаций разных общественных групп и их аграрных программ.

Однако Семевский сделал небольшое, но весьма существенное отступление от учения Михайловского. «Борьбу за индивидуальность» по Михайловскому он понял не как борьбу общественных сил, а как теорию о филиации и саморазвитии общественных идей, и формально следуя методологическим выводам автора учения, Семевский поставил в центре своего изучения идейный момент, не сумев подняться над традиционным контовским взглядом на «умственный элемент» как на центральный фактор социального развития.

Но в технике конкретного исторического исследования Семевский выступал верным последователем принципов Михайловского. Последний исходил из убеждения, что знания об истории общества, будучи совершенно относительны, должны основываться на учете всех действующих факторов и выводиться путем сравнения. Только концепция «множественных факторов» могла, по мнению Михайловского, стать основой многопричинного объяснения исторического процесса: «Чтобы уловить законы социальной динамики, т. е. общественного прогресса, мы должны одновременно

⁴⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1911, стр. 883.

следить за движением всех общественных элементов сразу»⁴¹.

Отсюда стремление Семевского к наиболее полному и всестороннему описанию исторического события, его любовь к сравнениям, сопоставлению различных проектов, взглядов и т. д. Каждый новый труд историка, как правило, исчерпывал весь печатный и рукописный материал по теме. Однако этот тщательно обработанный и критически выверенный свод материалов не всегда превращался у Семевского в настоящее историческое исследование. Описательность была важным элементом научного метода историка. Так, В. О. Ключевский в наброске рецензии на книгу «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века», несколько утрируя, правда, писал: «Что дает книга? Хронологически-библиографическое изложение мнений по крестьянскому делу и беллетристическое изображение крестьянского быта с летучими этическими замечками о них и выговорами их авторам за недостаток свободомыслия, да краткие перечни законодательных мер по этому делу с такими же прибавками — вот и все»⁴².

Основные выводы книги «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», построенные на теории о первенстве «социального» сравнительно с «политическим» получили дальнейшее развитие в статье «Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века», опубликованной Семевским в 1897 г.

В этом исследовании историк предпринял попытку создать цельную картину идейной борьбы в России в конце XVIII — первой половине XIX в. По-прежнему считая стремление к ограничению крепостного права и стремление к реформам в области государственного устройства главными идейными направлениями русского общества, Семевский сводил всю историю общественной мысли к взаимоотношениям между представителями этих течений. Упростив таким образом донельзя исследовательскую проблему, историк предложил стройную схему идейной борьбы в России в первую четверть XIX в., выделяя в ней следующие либерально-политические группы: 1) либералы, желающие введение конституции ранее освобождения крестьян (М. М. Сперанский); 2) либералы, желающие одновременно дарования и конституции и свободы крестьянам (декабристы); 3) либералы, желающие и политических преобразований и освобождения крестьян, но отводящие первое место крестьянской реформе (самым видным и талантливым представителем этого направления был Н. И. Тургенев); 4) либералы-конституционалисты, которые в

⁴¹ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1911, т. I, стр. 78.

⁴² В. О. Ключевский. Соч., т. VIII. М., 1959, стр. 482. В. О. Ключевский выступал официальным оппонентом на докторском диспуте Семевского, который состоялся 16 февраля 1889 г. в Московском университете. В качестве диссертации был представлен «Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX века» (Отчет о диспуте Семевского см.: «Русские ведомости», 1899, № 48).

то же время были крепостниками⁴³. Все эти группы в широком плане составляли движение политического либерализма.

Нетрудно заметить, что в основу этого построения легла концепция, изложенная Семевским в 1888 г. в «Крестьянском вопросе в России в XVIII и первой половине XIX в.», с той лишь разницей, что теперь эта концепция была призвана объяснить развитие всей общественной мысли в России XIX в.

Проследивая историю тайных обществ и делая упор на идейном единстве всех либеральных течений, Семевский уже не противопоставлял так резко бездеятельность правительства и стремление декабристов довести до конца либеральные начинания Александра I. Дело в том, что, по мнению автора, противоречие между декабристами и правительством существовало только в крестьянском вопросе; в остальном они придерживались общей позиции политического либерализма. Поэтому поражение восстания трактовалось как поражение всего политического либерализма, в том числе и политики Александра I: «14-го декабря 1825 г. либеральные мечтания русского общества потерпели решительное крушение»⁴⁴.

Итак, десятилетие, прошедшее со времени выхода в свет монографии о крестьянском вопросе, не внесло существенных позитивных изменений в концепцию Семевского. Напротив, в работе Семевского 1897 г. проследживается тенденция к стиранию даже тех различий между либерально-политическими группами, которые были намечены автором в исследовании 1888 г.

Между тем, состояние исторической литературы 80—90-х годов XIX в. было таково, что попытка Семевского осветить отношение декабристов к крестьянскому вопросу и дать очерк общественного движения первой четверти XIX в., основываясь практически на одном печатном материале, должна быть высоко оценена. Находясь в сложных исследовательских условиях, располагая ограниченным количеством источников, историк не обходил историю тайных обществ в России в своих трудах, поддерживая тем самым в науке интерес к декабристской теме. Это была несомненная заслуга Семевского, деятельность которого оживляла изыскательскую работу в русском декабристоведении, переживавшем в эти годы упадок.

В 1903 г. Семевский получил доступ в секретные фонды Государственного архива к делам декабристов и в том числе к занятиям «Русскою правдою» Пестеля («с обязательством ограничиться... выписками, не снимая с нее полной копии») ⁴⁵. С этого времени Семевский начал многолетнее систематическое изучение

⁴³ В. И. Семевский. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века.— «Историческое обозрение», 1897, т. 9, стр. 278—279.

⁴⁴ Там же, стр. 281.

⁴⁵ Разрешение заниматься в архиве было получено Семевским одним из первых 10 марта 1903 г. (Архив АН СССР, ф. 489, оп. 2, д. 21, л. 6).

архивных материалов декабристской эпохи. В архиве историка сохранился карточный указатель, который отразил начальный этап в разработке темы. Вот названия карточек: 1. Причины недовольства при Александре I и учреждения тайных обществ; 2. Предположения декабристов о реформе государственного строя; 3. Декабристы: а) по алфавиту; б) крестьянский вопрос; в) тайные общества декабристов, суд; 4) Привлекавшиеся по делу декабристов; 5. М. Ф. Орлов и Дмитриев-Мамонов; 6. Рылеев; 7. Кн. С. П. Трубецкой; 8. Бар. В. И. Штейнгель; 9. М. А. Фон-Визин; 10. Якушкин; 11. Н. Муравьева; 12. П. И. Пестель; 13. А. и И. В. Поджио; 14. Разные общества ⁴⁶.

Свежий материал пролил новый свет на исследовательскую тему и многое изменил в прежних представлениях. В 1904 г. Семевский заново переписал главу «Крестьянский вопрос в обществах декабристов», впервые помещенную в труде «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века».

В новом варианте главы, опубликованном в 1905 г. ⁴⁷, история декабристов в изложении Семевского уже выходила за рамки крестьянского вопроса и приобрела большую самостоятельность. Установив по документам Союза Спасения и Союза Благоденствия, что целью тайного общества ⁴⁸ была «пропаганда либеральных взглядов в крестьянском деле, гуманное обращение с крестьянами и борьба на легальной почве с злоупотреблениями крепостным правом» ⁴⁹, историк приходил к выводу о том, что главной причиной образования тайного общества было существование крепостного права в России ⁵⁰.

Подробно останавливаясь на взглядах декабристов по крестьянскому вопросу, Семевский с особенной тщательностью разбирал конституцию Н. М. Муравьева и «Русскую Правду» П. И. Пестеля. Крестьянские взгляды Муравьева, который в своей конституции «не шел далее представления крестьянам в дар двух десятин на двор с введением подворного землевладения», не могли, разумеется, вызвать симпатии у убежденного сторонника общины Семевского ⁵¹. Гораздо большее значение историк придавал проекту Пестеля, «самого влиятельного члена Южного общества и самого выдающегося из всех декабристов».

Решение Пестелем крестьянского вопроса, по мнению историка, было передовым во всех отношениях. Во-первых, «Русская

⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 489, оп. 1, д. 961, л. 4.

⁴⁷ Переделанный очерк был опубликован как статья «Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века» в сборнике «Крестьянский строй» (т. I. СПб., 1905).

⁴⁸ «Тайным обществом» Семевский называет все декабристские организации.

⁴⁹ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века.— «Крестьянский строй», т. I, стр. 211—212.

⁵⁰ Там же, стр. 209.

⁵¹ Там же, стр. 219—223.

Правда» обосновывала необходимость уничтожения крепостного права и решительно выступала за освобождение крестьян с землей; во-вторых, наряду с личной собственностью на землю она признавала и общинное землевладение. Сопоставляя взгляды Н. И. Тургенева и Пестеля, Семевский отмечал, что в способе решения главного из социальных вопросов, уничтожения крепостного права, они сильно расходились. «Тургенев до отъезда из России не считал возможным освобождение крестьян с землей... Пестель же, во взглядах которого была значительная доза того, что в тридцатых годах стали называть социализмом, желал наделения крестьян весьма значительным количеством земли, причем, наряду с правом частной собственности желал сохранить или даже и вновь ввести собственность общественную»⁵².

Подчеркивая важность аграрного плана Пестеля для решения социальных вопросов, Семевский между тем еще в начале главы указывал, что для декабристов «освобождение крестьян было нераздельно с политической свободой». Однако вслед за этим утверждением не следовал (как в работах 1888 и 1897 гг.) вывод о том, что причиной неуспеха движения явилось подчинение социальных требований в программе декабристов политическим целям.

К 1904 г. Семевский отказался от противопоставления «социального» — «политическому», на котором строились эти выводы раньше. И он не только искусственно изолировал поэтому историю декабристов от общественного движения начала XIX в., стараясь избежать вопросов об исторической роли декабризма и причинах его поражения, но и принципиально изменил свое отношение к Н. И. Тургеневу и П. И. Пестелю.

В труде «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» Семевский из декабристов отдавал предпочтение Н. И. Тургеневу за то, что тот в своей программе большое внимание уделял социальным преобразованиям, нежели политическим. В разбираемом же очерке на первый план выступила личность Пестеля, взгляды которого по крестьянскому вопросу были во многом созвучны народническим представлениям историка. Высокая оценка Пестеля была следствием не только привлечения новых архивных источников, но знакомства с работами А. И. Герцена и Н. П. Павлова-Сильванского, на которых Семевский ссылаясь в статье⁵³.

Однако многие черты концепции декабризма, сложившейся в 80—90-е годы XIX в., остались неизменными. Прежде всего это относится к подчеркиванию Семевским преемственной связи между всеми общественными течениями и правительством. И хотя де-

⁵² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века. — «Крестьянский строй», т. I, стр. 234.

⁵³ Там же, стр. 229, 234; См.: Архив АН СССР, ф. 489, оп. 1, д. 945, л. 78; ЦГАОР СССР, ф. В. И. Семевского (№ 801), оп. 1, д. 101.

кабристы больше не трактовались как одно из направлений в решении крестьянского вопроса в России, их деятельность в конечном счете сводилась лишь к борьбе за освобождение крестьян и ограничение крепостного права, что, по мнению историка, было задачей всего общества, в том числе и царского правительства.

Общий взгляд на декабристское движение не претерпел у Семевского принципиальных изменений. История декабристов по-прежнему в основном излагалась по Пыпину. Семевский сам признавал это, когда в 1904 г. в статье «Памяти А. Н. Пыпина» писал о его книге «Общественное движение при Александре I»: «Названная книга А. Н. Пыпина, имевшая уже три издания, не устарела до сих пор, не устарела даже после трудов Н. К. Шильдера. Повторяем, все остальное (кроме проектов М. М. Сперанского.— Г. Н.) в сочинении Пыпина может быть дополнено новыми материалами, но до сих пор остается, по существу, совершенно непоколебимым... Дальнейшие научные труды подтвердили «суждения и взгляды» Пыпина о времени Александра I»⁵⁴.

Революция 1905 г. вызвала естественный интерес к прошлому русского освободительного движения. Исследовательская работа в области декабристovedения в эти годы началась с широкой публикации ранее запретных исторических документов. Для осуществления этой задачи образовался кружок в составе В. Я. Богучарского, М. К. Лемке, В. И. Семевского и П. Е. Щеголева. Было задумано издание наиболее важных материалов по истории общественной мысли в виде выпусков «Общественные движения в России в первую половину XIX века». В первом и единственном томе серии, посвященном декабристам, Семевским были помещены два биографических очерка («Михаил Александрович Фон-Визин» и «Барон Владимир Иванович Штейнгель»), основанных на неопубликованных источниках⁵⁵.

В 1905 г. он активно содействовал получению в Комитете иностранной цензуры разрешения на опубликование «Записок декабриста» И. Д. Завалишина. Историк предполагал также участвовать в трехтомной «Истории декабристов». В планах издания

⁵⁴ В. И. Семевский. Памяти А. Н. Пыпина, стр. 168.

⁵⁵ «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I (Декабристы: М. А. Фон-Визин, Е. П. Оболенский и В. И. Штейнгель). Составили: В. И. Семевский, В. Я. Богучарский, П. Е. Щеголев. СПб., 1905, стр. 1—87, 281—321. Семевский составил также биографические очерки других декабристов: С. П. Трубецкой.— «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрон», т. 66, СПб., 1904, стр. 921—924; Н. И. Тургенев.— Там же, т. 67. СПб., 1902, стр. 106—113; Н. И. Тургенев.— «Главные деятели освобождения крестьян». Под ред. Вангерова.— Приложение к «Вестнику и библиотеке самообразования» за 1903 г., стр. 39—43; В. И. Штейнгель.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрон, т. 78. СПб., 1903, стр. 885—889; И. Д. Якушкин.— Там же, т. 82. СПб., 1904, стр. 635—640; И. В. Поджио.— «Галерея шлиссельбургских узников». Под ред. Н. Ф. Анненского, В. Я. Богучарского, В. И. Семевского и П. Ф. Якубовича, ч. 1. СПб., 1907, стр. 17—28.

были намечены статьи Семевского: «Либералист Н. Тургенев», «Северное общество», «Конституционные и республиканские идеи в Северном и Южном обществах», «14 декабря в истории революции»; очерки «Н. Муравьев» и «С. Трубецкой» (в главе «Важнейшие деятели Северного общества») ⁵⁶.

Подробно изучив содержание следственного дела декабристов в Государственном архиве, Семевский обратился к фондам Военно-ученого архива, архивов военно-судного управления, Государственного совета, Департамента полиции Министерства внутренних дел, рукописных отделов Публичной библиотеки и библиотеки Академии наук.

Собрав огромный материал по истории тайных обществ в России ⁵⁷, Семевский приступил к написанию монографии, ограничив при этом исследовательскую тему изучением идеологии декабристов. Труд «Политические и общественные идеи декабристов», законченный историком в 1909 г., явился самым полным в дореволюционной историографии собранием детально изученных данных о развитии декабристской идеологии и в этом смысле подводил итоги в разработке идейной истории тайных обществ в России первой четверти XIX в.

Возникновение декабризма Семевский объяснял двумя группами влияний: «положительными», — явившимися главными причинами «вольномыслия»; «отрицательными», — приведшими к организации собственно тайных обществ. Под «положительными» влияниями историк имел в виду прежде всего «влияние воспитания и обучения, литературы русской и иностранной, профессорских лекций, наблюдений во время пребывания за границей, влияние политического строя Европы и Америки, западно-европейских политических событий, введения конституционного строя в различных государствах, а также в Финляндии и Польше и, наконец, революционных движений в Западной Европе и Америке» ⁵⁸.

⁵⁶ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. П. Е. Щеголева (№ 627), оп. 3, д. 105, л. 4, 8; Архив АН СССР, ф. 489, оп. 1, д. 920, л. 8. Подробнее об истории издания см.: Г. А. Невелев. П. Е. Щеголев как историк декабристского движения. — «Вестник ЛГУ», 1966, вып. 4, № 20, стр. 56—59.

⁵⁷ Обширные архивные выписки, биографические сведения, библиографические справки составили особый домашний архив, в котором материалы распределялись по следующим разделам: 1) Дела о декабристах в Государственном архиве; 2) Образовательный ценз декабристов Южного тайного общества; 3) Образовательный ценз декабристов Северного тайного общества; 4) Причины недовольства; 5) Причины «вольномыслия» и общественного недовольства; 6) Предположения декабристов о реформе Государственного строя; 7) Привлекавшиеся к делу декабристов; 8) Рылеев; 9) Кн. Трубецкой; 10) Барон В. И. Штейнгель; 11) М. А. Фон-Визин; 12) И. Д. Якушкин; 13) Н. М. Муравьев; 14) П. И. Пестель; 15) А. и И. В. Поджо; 16) Образовательный ценз Общества Соединенных славян; 17) Крестьянский вопрос на Западе (ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, д. 205, лл. 1—1147).

⁵⁸ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 199.

Такая трактовка процесса идейного созревания членов тайных обществ была закономерным следствием подхода исследователя к явлениям «умственной» истории вообще. Семевский, считая умственное движение руководителем общественного развития, последовательно придерживался взгляда «старого» позитивизма о том, что «высота умственного уровня, свойства верований и мнений в данную историческую эпоху, определяя нравственный, политический и экономический склад общества, дают исследователю руководящую нить, без которой он запутался бы в массе фактов»⁵⁹.

Объясняя причины вольномыслия декабристов главным образом идейными воздействиями Запада, Семевский подкреплял свою схему данными об образовательном уровне членов тайных обществ, о котором в науке высказывались мнения весьма противоречивые. Внимательно рассмотрев материал следствия, Семевский пришел к выводу, что образовательный ценз декабристов должен быть признан высоким⁶⁰. Но, выступив таким образом против известного утверждения М. И. Богдановича о «недостаточной образованности» декабристов, Семевский использовал сведения об образовательном цензе привлекавшихся по делу тайного общества так же, как это делал сам М. И. Богданович и впоследствии большинство либеральных авторов: степень образованности стала основным показателем прогрессивности общественного деятеля.

По мнению Семевского, политическое развитие многих декабристов началось со времени посещения русской военной молодежью Западной Европы в 1813—1814 гг.: «...Непосредственное наблюдение западной цивилизации побудило её деятельно приняться за пополнение своего образования»⁶¹. Рассматривая декабристов в порядке их «образованности», историк по крупицам собирал указания «на то влияние, какое имело чтение, особенно произведений иностранных авторов, на развитие либеральных идей»⁶².

Семевский учитывал и воздействие русской литературы. Он отмечал влияние сочинений А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, И. П. Пнина, говорил о положительной роли передовой русской профессуры: А. П. Куницына, К. И. Арсеньева, К. Ф. Германа, X. А. Шлёцера-сына⁶³.

Характеризуя влияния «отрицательные», приведшие к возникновению тайных обществ, историк подробно рассмотрел отношение декабристов к явлениям русской действительности, используя прежде всего свидетельства самих декабристов. Эта глава, оза-

⁵⁹ Н. К. Михайловский. Поли. собр. соч., т. I, стр. 66.

⁶⁰ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 201.

⁶¹ Там же, стр. 208.

⁶² Там же, стр. 210.

⁶³ Там же, стр. 28, 182, 184, 230, 555, 594, 616.

главленная «Отношение декабристов к нашему политическому и общественному строю», является несомненно заслугой Семевского. Она дает не только яркую критику тех внутренних неустойчивостей и общественных противоречий, которые должны были вызвать протест русской интеллигенции, но и свидетельствует об изменениях, происшедших в трактовке Семевским царствования Александра I. В предшествующих своих работах историк практически стирает грань между Александром I и декабристами, подчеркивая «либерализм» императора и его искреннее намерение ограничить крепостное право.

В книге «Политические и общественные идеи декабристов» Семевский отошел от этой традиционной для буржуазного декабристоведения схемы. Описывая события русской истории первой четверти XIX в., он отчетливо показал реакционный характер политики Александра I, его готовность, «покончив с внешним врагом, бороться с врагами внутренними». Этот вывод вносил существеннейшие коррективы в позицию автора в вопросе о появлении тайных обществ в России.

Вплоть до 1905 г. историк рассматривал декабристское движение как результат медлительности правительства в области социальных преобразований. По иному была решена эта проблема в книге о декабристах. «Возникновение тайных обществ в России при Александре I,— писал Семевский,— объясняется недовольством русской интеллигенции существовавшим тогда политическим и общественным строем, мерами правительства внутри России и его иностранной политикой»⁶⁴.

Высказанный взгляд в свою очередь привел к изменению содержания, вкладываемого Семевским в понятие «политическое течение». Прежде, называя движение декабристов политическим, историк тем самым подчеркивал их пренебрежение к социальным реформам и стремление в первую очередь к преобразованиям политического характера. На этом основании Семевский объединял и декабристов и Александра I в одном направлении политического либерализма. Последующее исследование не подтвердило первоначального мнения. «В обоих обществах,— отмечает Семевский,— две реформы были неотделимы одна от другой: политическая — уничтожение самодержавия, и социальная — уничтожение крепостного права»⁶⁵. Таким образом, борьба с самодержавием и неразрывно связанная с ней борьба за уничтожение крепостничества в России — вот что определяло в труде 1909 г. политический характер декабристского движения.

Отказавшись от рассмотрения внешней истории тайных обществ, историк большую часть своей книги посвятил анализу социально-политической программы преобразования России, изложенной в конституционных проектах и замыслах декабристов.

⁶⁴ Там же, стр. 68.

⁶⁵ Там же, стр. 639.

Так же как и в статье 1905 г., Семевский отрицательно относился к Конституции Н. Муравьева. Установление высокого имущественного ценза для участия в выборах, лишение политических прав всех бывших крепостных и предложения по аграрному вопросу, по мнению Семевского, составляли серьезные недостатки проекта. Н. Муравьеву Семевский противопоставлял главу Южного общества Пестеля, который был, по словам автора, «самым выдающимся из всех декабристов»⁶⁶.

Проследившая развитие «политических и общественных идей» Пестеля, историк попытался на примере этого декабриста подтвердить жизненность своей схемы. Воспользовавшись главным образом материалами следствия, Семевский показал, как в результате сложного влияния политических наук Пестель «стал приверженцем демократических идей». «Что касается его специальных воззрений и особенно наиболее важной части их — программы поземельной реформы, то нужно думать, — отмечал историк, — что в основу их легли личные наблюдения над нашим общинным землевладением... Но столь же важным, если не более влиятельным, источником его воззрений должны были быть произведения западно-европейских литератур, из которых Пестель, конечно, мог почерпнуть лишь некоторые общие идеи, повлиявшие на создание его плана аграрной реформы»⁶⁷. Приведенные слова Семевского свидетельствуют о том, что он, понимая, по-видимому, условность разделения влияний на отрицательные и положительные, не всегда его выдерживал и, в частности, социально-экономические взгляды Пестеля объяснял и западными воздействиями и влиянием крепостнической действительности царской России.

В преобразовательных планах Пестеля основное внимание Семевского привлекали предложения по аграрному вопросу. В этом сказывались давние исследовательские интересы историка, а также то, что «Русская Правда» Пестеля решала аграрный вопрос на основе общинного землевладения, активным сторонником которого был сам Семевский.

«Многолетнее изучение истории наших крестьян, — писал историк в 1906 г., выступая против столыпинских аграрных законов, — привело меня к глубокому убеждению в величайшей важности и благодатности для земледельческого населения общинного землевладения»⁶⁸. Правда, мотивы, по которым Семевский выступал в защиту общины в начале XX в., существенно изменились. «Разумеется, общинное землевладение, — писал далее Семевский, — не есть целительное средство от всех без исключений зол... Но, сравнивая быт крестьян-общинников и крестьян, вла-

⁶⁶ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 500.

⁶⁷ Там же, стр. 533.

⁶⁸ В. И. Семевский. Правительственное покушение против общинного землевладения. — «Народно-социалистическое обозрение», № XI, 1906, стр. 18.

деющих землею подворно, я всегда находил в нашей истории убедительные доказательства того, что земельная община более чем подворное земледелие предохраняет крестьян и от обезземеливания и от развития крайнего имущественного неравенства...»⁶⁹. Взгляды Пестеля, таким образом, оказались созвучными либерально-народническим убеждениям Семевского, и историк давал им поэтому высокую оценку.

В характеристике Пестеля ярко проявился так называемый «оценочный» метод исторического познания, свойственный Семевскому. Однако недостатки субъективистской методологии у Семевского в 1909 г. не сказывались так явно, как в прежних его работах.

Субъективизм метода и возможность произвольных выводов и обобщений, которыми изобиловали исследования либерально-народнических авторов, существенно ограничивались, а иногда сводились на нет привлечением обширнейшего фактического материала, стремлением к всестороннему освещению исторических событий, глубокой научной добросовестностью Семевского-историка.

Итак, декабризм представлялся Семевскому течением общественной мысли, возникшим в результате сложных двусторонних влияний и направленным на изменение существовавшего политического и общественного строя России. По принципиальному вопросу темы — о причинах возникновения декабристского движения — концепция историка по существу смыкалась с общепринятым толкованием либеральных авторов, основное содержание которого может быть сведено к тезису о том, что заговор декабристов был отголоском политических переворотов и революционных идей Запада.

«Западничество» буржуазной литературы о декабристах было закономерным следствием общего методологического порока, присутствующего всему позитивистскому обществоведению, — отрицания социально-экономической обусловленности явлений общественной жизни и рассмотрения истории общественной мысли как последовательной смены и филиации общественных идей. При этом идейное развитие, само трактуемое как плод духовной жизни общества, превращалось в первопричину и движущую силу исторического процесса. В равной степени этот недостаток был свойствен и Семевскому.

Единство Семевского с буржуазной исторической наукой особенно ярко выразилось в его критике попытки классовой характеристики движения декабристов, предпринятой в 1907 г. в статье «Декабристы» (К. Н. Левина и М. Н. Покровского) и в 1912 г. в IV томе «Русской истории с древнейших времен» Покровского⁷⁰.

⁶⁹ Там же, стр. 19.

⁷⁰ К. Н. Левин, М. Н. Покровский. Декабристы.— «История России в XIX веке», вып. I—II. СПб., 1907, стр. 67—137; М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. IV. М., 1912, стр. 280—331.

Солидаризуясь по сути с А. А. Кизеветтером, назвавшим произведение историков о декабристах «митинговой полемикой в форме исторических очерков»⁷¹, Семевский считал, что рассматривать взгляды декабристов как классовые означало выносить оценку «с современной точки зрения, произносить над ними суд, забывая об условиях развития общества того времени»⁷². Защищая идеологию декабристов от «несправедливых во многих отношениях нападок» Левина и Покровского и доказывая «внеклассовость» декабристской идеологии, Семевский выступал с идеалистических позиций буржуазного историка.

Однако концепция Семевского имела существенные особенности. Семевский разделил единую проблему о происхождении декабризма на две самостоятельные темы: 1) идеологические истоки декабристов, 2) образование тайных обществ. Само по себе такое разделение было ошибочным. Но этот методологически неверный подход к проблеме вызвал пристальное внимание исследователя к анализу исторических условий России первой четверти XIX в. и таким образом оказал благоприятное влияние на исследование в целом. Так, выводя идеологию декабристов из западных заимствований, историк отмечал, что эти влияния способствовали «пробуждению сознательного отношения ко всем отрицательным сторонам современной жизни»⁷³. Такое умеренное, ограниченное «западничество» Семевского, повышая значение условий русской действительности в процессе формирования декабризма, уже выделяло его среди буржуазных исследователей. В то же время, рассматривая Пестеля как «гениального общественного деятеля, далеко опередившего своих современников в России в области и политических и социальных воззрений»⁷⁴, Семевский, несомненно, развивал герцено-огаревскую традицию в историографии декабризма⁷⁵. Правда, в революционные и особенно послереволюционные годы большинство буржуазных авторов изменили свой взгляд на Пестеля и изображали его уже как выдающегося политического деятеля. Первым возвысил свой голос в защиту Пестеля А. А. Корнилов. В очерке «Н. И. Тургенев и «Союз Благоденствия»» он писал: «В литературе, касающейся декабристов, ни на кого не было

⁷¹ А. А. Кизеветтер. Царствование Александра I в новом освещении.— «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 114.

⁷² В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 601—602; см. также: В. И. Семевский. Рец.: М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен.— «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 250—254.

⁷³ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 68.

⁷⁴ Там же, стр. 550. В наброске статьи «В. Г. Белинский и современные ему общественные течения» Семевский писал: «Самым выдающимся членом Южного общества был полковник П. И. Пестель, один из наиболее образованных людей своего времени» (ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, д. 103, л. 1).

⁷⁵ См.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 30.

столько нареканий, инсинуаций и даже очевидных клевет, сколько на этого замечательного человека. В то же время его биография и участие в тайных обществах двадцатых годов остаются и до сих пор недостаточно разъясненными»⁷⁶.

Гипертрофируя противопоставление «революционер и либералы» и в конечном счете искажая первоначальный смысл концепции Н. П. Павлова-Сильванского⁷⁷, Корнилов и вслед за ним другие либеральные историки всячески принижали личности остальных декабристов, выделяя при этом Пестеля как единственного носителя «республиканских замыслов и якобинских приемов деятельности». «Признание» Пестеля в буржуазно-либеральной литературе было односторонним. Называя Пестеля «наиболее выдающейся личностью в среде декабристов», либеральное декабристоведение имело в виду только его глубокий ум, широкое образование, определившееся мировоззрение, черты характера, но оно не признало главного в Пестеле-декабристе — его политические и общественные взгляды, его социально-политическую программу преобразования России.

В отношении к Пестелю особенно ярко проявилось отличие точки зрения Семевского, явившейся результатом глубокого усвоения элементов революционной концепции, от господствовавшего в буржуазной историографии стремления затушевать революционность Пестеля, представить декабристов невинными либералами, ставшими «жертвами рокового сцепления обстоятельств, сделавшего из них заговорщиков»⁷⁸.

По справедливому замечанию П. П. Парадизова, одна из основных заслуг Семевского «заключается в том, что положения, лишь в общей форме выдвинутые Герценом, он прочно обосновал, документально доказав огромную роль Пестеля в тайных обществах 20-х годов»⁷⁹.

Итак, несмотря на принципиальное единство концепции Семевского с буржуазно-либеральным декабристоведением, его труд «Политические и общественные идеи декабристов», созданный в 1905—1909 гг., выделялся верностью герценовской традиции, демократизмом в трактовке отдельных вопросов темы, широким исследовательским охватом, сочетавшимся с богатой источниковедческой базой, пристальным вниманием к социально-политической программе декабризма — одной из центральных проблем в изучении движения. Эти противоречивые особенности научной

⁷⁶ А. А. Корнилов. Очерки истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905, стр. 61.

⁷⁷ Подробнее о декабристской концепции Н. П. Павлова — Сильванского см.: Г. А. Невелев. Н. П. Павлов-Сильванский — историк декабристов. — «Освободительное движение в России», вып. 1. Саратов, 1971, стр. 53—69.

⁷⁸ А. А. Кизеветтер. Декабристы. — «Ежемесячный журнал», 1916, кн. 1, стр. 204.

⁷⁹ П. П. Парадизов. Очерки по историографии декабристов, стр. 208.

позиции историка, обусловившие своеобразие его трактовки движения декабристов и историографическое значение исследования в целом, дополнялись отличием точки зрения Семевского от работ по истории общественной мысли поздненароднических авторов.

Демократизм Семевского, вызвавший отличие его научных взглядов от дворянско-буржуазной историографии, с одной стороны, и заметное «отставание» историка от попятного движения либерального народничества, — с другой, проявлялся, таким образом, не только в его общеисторических воззрениях, т. е. в понимании основных задач, проблем и социальной функции исторической науки, но и в конкретной исследовательской практике.

Исследование «Политические и общественные идеи декабристов», явившееся своеобразным итогом развития дореволюционного декабристоведения, было выдающимся событием историографии. Семевский впервые в исторической науке обратился к обстоятельному изучению декабризма на широком историческом фоне, детально рассмотрев, в частности, истоки и процесс вызревания декабристской идеологии, этапы развития движения, аграрные взгляды декабристов, которые после работ А. И. Герцена усиленно замалчивались, влияние и использование декабристами опыта западноевропейского революционного движения конца XVIII — начала XIX в., их исторические взгляды, а также отношение к судебной реформе, печати, армии и т. д.

Выросший на передовых традициях русского демократического движения, Семевский создал фундаментальный труд, который не только впитал в себя практически все источники по теме и расширил саму проблему изучения, но и документально закреплял элементы прогрессивных историографических концепций, объективно препятствовал публиковавшимся материалами фальсификации событий 14 декабря 1825 г. Семевский противостоял «веховскому» ренегатству буржуазной исторической науки в изображении истории революционного движения в России, стремительно нараставшему после революции 1905—1907 годов.

Таково основное научное и общественно-политическое значение изысканий Семевского в области декабристоведения в 1905—1909 гг.

Современники по достоинству оценили монографию историка⁸⁰. «Книга Ваша, — писал в своем письме Б. Л. Модзалевский, — не сомневаюсь, будет у всех исследователей настольною по обилию и богатству собранных Вами сведений»⁸¹. «Получил Вашу замечательную книгу, — сообщал Семевскому Е. В. Тар-

⁸⁰ См.: «Киевская мысль», 18 июня 1909 г., № 166; «Русская мысль», 1909, № 8, стр. 47—58; «Русское богатство», 1909, № 11, стр. 164—165; «Исторический вестник», 1910, т. СХІХ, стр. 306—309.

⁸¹ Б. Л. Модзалевский — В. И. Семевскому, 3 мая 1909 г. — Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 486, л. 4.

ле,— и засел за чтение ее. Наконец, у нас есть настоящая история декабристов»⁸².

Труд Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» завершил период восходящего развития буржуазного декабристоведения в начале XX в. В записке 1916 г. «Что нужно сделать после моей смерти с моими печатными работами, не вошедшими в отдельно изданные тома моих сочинений», историк писал: ««Политические и общественные идеи декабристов» можно печатать и без поправок, если я не успею их сделать...»⁸³ Появившиеся после 1909 г. заметки Семевского действительно свидетельствовали о том, что взгляды исследователя не претерпели сколько-нибудь заметной эволюции⁸⁴. Незадолго до своей кончины Семевский возвратился к истории декабристов и готовил статью об отношении декабристов к Польше для исторического сборника, подготовлявшегося к печати с С. П. Мельгуновым и Л. С. Козловским⁸⁵.

Смерть настигла Семевского за работой в библиотеке Академии наук 21 сентября 1916 г.

⁸² Е. В. Тарле — В. И. Семевскому, 23 сентября 1909 г.— Там же, он. 3, д. 681, л. 6.

⁸³ Е. В. Тарле — В. И. Семевскому, 23 сентября 1909 г.— Там же, он. 2, д. 6, л. 5.

⁸⁴ См.: В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России до половины XIX в.— «Одесские новости», 19 февраля 1911 г.; он же. Декабристы и крестьянский вопрос.— «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», т. II. М., 1911; он же. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования имп. Александра I.— «Отечественная война и русское общество», т. II. М., 1911; он же. Политические и общественные идеи декабристов.— «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV. М., 1912; он же. Дело о декабристе кн. Вал. Голицыне.— «Голос минувшего», 1913, № 2; он же. Предисловие к «Записке декабриста 1823».— «Голос минувшего», 1916, № 10; Рецензии; он же. П. Е. Щеголев. Исторические этюды. СПб., 1913.— «Голос минувшего», 1913, № 10; он же. М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья.— «Голос минувшего», 1914, № 6; он же. С. Д. Толъ. Массонское действо.— «Голос минувшего», 1914, № 7; он же. А. Н. Пыпин. Русское масонство.— «Голос минувшего», 1916, № 10.

⁸⁵ Л. С. Козловский. В. И. Семевский и польский вопрос.— «Голос минувшего», 1916, № 10, стр. ХСІХ.

III

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ШАГОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ИСПАРТ)

Е. Н. Городецкий

Публикуемый ниже документ является весьма интересным свидетельством первых же шагов Истпарта, после постановления Совнаркома 21 сентября 1920 г. о создании этого важного центра историко-партийной науки¹.

Прошло немногим более двух недель и один из руководителей Истпарта, старейший большевик М. С. Ольминский выехал в Петроград для организации работы по сбору материалов и воспоминаний среди активных участников Октябрьской революции.

Выступление Ольминского на пленуме Петроградского Совета 7 октября 1920 г. раскрывает перед нами самые первоначальные замыслы руководителей Истпарта. Этот документ интересен еще и тем, что в нем ясно звучит убежденность не только в научном, но и в практически-политическом значении работы Истпарта.

В своем выступлении Ольминский обозначил широкий круг проблем, которыми и решил заняться новый центр исторической науки: история революционного движения, начиная с 70-х годов XIX в., история трех русских революций, история советского и партийного строительства, история созидания нового общественного строя.

Ольминский выступал в городе, который явился колыбелью революции и естественно, что он в центре своего выступления поставил задачу собирания воспоминаний участников революционных событий.

¹ См. «Декрет об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии» («Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства», 1920, № 80, ст. 386).

Документ извлечен нами из фонда Петроградского Совета Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ф. 1000, он. 4, д. 7, лл. 2—5).

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М. С. ОЛЬМИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ
И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 7 ОКТЯБРЯ 1920 Г.**

Товарищи, в только что опубликованном предложении Центрального Комитета Коммунистической партии предложено ознаменовать годовщину Октябрьской революции в первую очередь устройством массовых собраний для подведения итогов советского строительства за три года. Конечно, товарищи, это будут итоги не бухгалтерские, а подвести политические итоги — это значит дать историю советского строительства и партийной работы за три года. Совет [Народных] Комиссаров учреждает Комиссию для изучения Октябрьской революции и истории партии, а кроме того, годовщина Октябрьской революции ознаменовывается в первую очередь историческим освещением событий. Вот какое значение придает Центральный Комитет истории партии. Почему так? Потому что марксизм получает свое учение не как религия, путем откровения на горе Синайской или где-нибудь в другом месте на вечные времена, а марксизм получает свое учение из постоянного наблюдения вечно движущейся вперед жизни. Изучая прошлое, марксизм предсказывает будущее. Без изучения прошлого мы должны были бы действовать вслепую, мы не знали бы, куда мы идем и что из этого выйдет. Вы знаете, что большинство сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, о каком бы современном вопросе они ни говорили, в значительной степени заполнены ссылками на историю. Знаем ли мы свою историю за эти три года? Нет, товарищи. Почти не было книг по истории, например, октябрьских дней 1917 года. Нет сколько-нибудь полного изложения и даже нельзя его сейчас составить, нельзя написать. Почему? Потому, что нет материалов, на основании которых можно было бы писать. Старые архивы для этого не годятся, газет слишком недостаточно. И вот сами участники могли бы осветить события. Каждый видел один какой-нибудь уголок, одно какое-нибудь дело. Если человек стоял в центре, он знал, что делает центр, но не знал, как и что делают так называемые низы. Историю Октябрьской революции и историю трехлетнего советского строительства можно будет написать только тогда, когда за это дело возьмутся сотни тысяч рядовых работников.

Архив Октябрьской революции находится в нашей памяти. Только этот архив очень скверный, очень быстро подробности сглаживаются из памяти, особенно в такие годы, когда одно крупное событие следует за другим. Очень быстро события путаются, мы забываем, что было раньше, что позже, мы путаем

фамилии действующих лиц и т. д. Вот почему является спешным и неотложным делом, чтобы участники событий 1917 года и последующих лет принялись за то, чтобы написать воспоминания, где ты был в такие-то дни — будь то Октябрьский переворот 1917 года, будь то борьба за Петроград в октябрьские дни 1919 года, будь то советское строительство не революционное, не военное, а так называемое мирное, будь то история какого-нибудь заводского комитета, работа на каком-нибудь отдельном заводе, поднятие производительности труда и т. п., будь то история субботника, на котором каждый из нас был — пусть все это заносится, по возможности, каждым, как воспоминание, пусть все это сдается в комиссию по истории революции и истории партии, или же в историко-революционный музей, который здесь уже основан в Петрограде, в бывшем Зимнем Дворце.

Товарищи, этим дело не ограничивается. Ведь Октябрьская революция не совершилась как-нибудь случайно, моментально. Нет, русский пролетариат готовился к ней, работал для нее приблизительно 40 лет, считая с первого момента, когда рабочие организации задалась политическими целями, считая с основания Северного Союза русских рабочих и деятельности незабвенного, рано погибшего на виселице товарища Степана Халтурина. Он не был социал-демократом, тогда еще социал-демократии не было, но мы в своей истории революционной борьбы пролетариата никак не можем обойти его молчанием, не можем молчать о той организации, которую он создал.

Возьмите более позднее время, возьмите 9-е января 1905 года. Этот год дал школу революционному большинству деятелей октябрьских дней, он показал, что со старым строем, с самодержавием и с буржуазией никакое соглашательство невозможно, что можно действовать, только перервавши им глотку. Вспомните Ленские события, вспомните период «Звезды» и «Правды». Как важно, чтобы все это было освещено, чтобы было ясно показано, как подготовлялась Октябрьская революция. Я для примера укажу на то, что недавно был II Конгресс Коммунистического Интернационала. Исполнительный Комитет III Интернационала составил тезисы к этому Конгрессу, проекты резолюций. И если вы читали их и знаете историю периода «Звезды» и «Правды» 1912—14 гг., то вы увидите, что эти тезисы, эти проекты резолюций во многом являются описанием того, что мы делали в 1912—14 гг. Таким образом, наша практика является теперь, в 1920 году, указанием для германских, английских и других товарищей, что они должны делать, как они должны следовать нашему примеру, для того чтобы ниспровергнуть буржуазию.

Я обращаю внимание еще на одно обстоятельство. Товарищи, обязательно сообщайте самым подробным образом имена, фамилии, с какого завода, какой волости и губернии обо всех товарищах, которые погибли за дело революции, или остались в живых, но выдавались своей деятельностью, будь то на фронте, будь

то на заводе или в советских учреждениях. У нас в верхах один стон стоит: нет людей. Старые революционеры до того истощены, что от пустяшной болезни мрут, как недавно умерла тов. Инесса от холеры. Неужели некому на смену придти? Нет, я уверен, что на смену могут придти много людей, тысячи пришли бы, но мы их не знаем. Почему? Потому, что имен их нигде нет. Мы знаем несколько десятков, может быть, сотню — другую имен, которые постоянно у нас в газетах и в речах, а где те рядовые работницы, которые во время обороны Петрограда от Юденича шли за ранеными и одна часть их погибала, а другая успевала спасти товарищей; где имена путиловцев, которые спасли Петроград, где имена курсантов, красноармейцев, которые выдвинулись преданностью делу. Не найдешь этих имен.

И когда нужны люди, чтобы выдвинуть их на более ответственную работу, все говорят, что нет людей. Не пойдешь же на улицу или на большое собрание, на митинг, для того чтобы приглашать товарищей на ту или другую работу, назначать их тем или другим комиссаром. Этого делать нельзя. Нужно знать человека. А знать можно или по личному знакомству, — тогда говорят, это кумовство, — или, если мы будем публиковать имена всех выдающихся товарищей.

И мое последнее слово к вам: пишите воспоминания с обязательным указанием имен, фамилий всех товарищей, которые чем-нибудь выдвинулись на почве революционной советской работы (Аплодисменты).

ГАОРСС, ЛО, ф. 1000, ф. 4, д. 7, л.л. 2—5

О МЕМУАРАХ М. М. КОВАЛЕВСКОГО «МОЯ ЖИЗНЬ»

М. А. Алпатов, Ю. Н. Емельянов

О Максиме Максимовиче Ковалевском (1851—1916) существует богатая литература¹. Источниками для суждений о его научном творчестве являются как многочисленные труды этого ученого, так и автобиографические очерки, с которыми он время от времени выступал в печати². Теперь в распоряжении науки оказался еще один чрезвычайно важный источник — полная автобиография М. М. Ковалевского «Моя жизнь».

Интернированный австрийскими властями в Карлсбаде в самом начале Первой мировой войны, М. М. Ковалевский получил вынужденный досуг. В своем новом положении он мог только писать, а писать он мог только о том, что не требовало ни источников, ни пособий. И выход был найден — источником стала его собственная память: Ковалевский стал писать собственную биографию. Его задача облегчалась тем, что об отдельных периодах своей жизни он уже писал, ему оставалось лишь восполнить

¹ О М. М. Ковалевском см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 60, 61, 63, 130, 134, 139, 140; т. 34, стр. 22, 24, 25, 64, 69, 78, 82, 85, 87, 161, 169, 185, 277, 286, 323; *К. А. Тимирязев*. Памяти друга.— *К. А. Тимирязев*. Сочинения, т. VIII. М., 1939, стр. 323—340; *А. Н. Савин*. Социальная история Англии XV и XVI веков в новой историографии.— *ЖМНП*, 1901, июнь, отд. I; *он же*. М. М. Ковалевский как историк.— «Исторические известия», 1916, № 1; *Н. Г. Грацианский*. М. М. Ковалевский как историк средневековья.— «Вестник Европы», 1916, № 6; *Н. И. Кареев*. М. М. Ковалевский в своих исторических работах.— «Право», 1916, № 13; *А. А. Боголепов*. М. М. Ковалевский как историк политической мысли. Пг., 1916; *А. Н. Максимов*. Работы М. М. Ковалевского в области первобытного права. М., 1916; «М. М. Ковалевский ученый, государственный и общественный деятель и гражданин». Сб. статей. Пг., 1917; *Е. А. Косминский*. Аграрная история Англии и русская историческая школа.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1945, № 3; *он же*. Изучение истории западного средневековья.— «Вестник АН СССР», 1945, № 10-11; *П. Ф. Лаптин*. Проблемы общины в трудах М. М. Ковалевского.— «Вопросы истории», 1955, № 9; *Б. Г. Сафронов*. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960; *А. П. Казаков*. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский). Л., 1969; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II—III. М., 1960—1963.

² *М. М. Ковалевский*. Мое научное и литературное скитальчество.— «Русская мысль», 1895, кн. 1; *он же*. Воспоминания об И. С. Тургеневе.— «Минувшие годы», 1908, № 8; *он же*. Две жизни.— «Вестник Европы», 1909, № 7; *он же*. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века.— Там же, 1910, № 5.

образовавшиеся лакуны. Так возникло полное жизнеописание Ковалевского, созданное им самим.

После смерти Ковалевского в Петербурге (1916 г.) рукопись «Моя жизнь» перешла к его наследникам. После Октябрьской революции рукопись вместе с ее владельцами оказалась в эмиграции в Париже. Машинописная копия этого текста, состоящая из 10 глав (646 страниц), в 1947 г. была передана Петром Евграфовичем Ковалевским, родственником М. М. Ковалевского, через советское торгпредство в Париже в СССР³. В настоящее время она хранится в Архиве АН СССР⁴.

Ныне мы публикуем отрывок из I главы автобиографического труда Ковалевского. Следует иметь в виду, что этот труд автор писал, когда позади уже был большой жизненный опыт. Повествование ведется в двух планах: автор рассказывает в каком аспекте он воспринимал давние события как их современник, но зачастую тут же скептически прищуренным оком окидывает эти же события с высоты протекших десятилетий. Читатель получает, таким образом, возможность судить, какие перемены во взглядах автора произошли между этими хронологическими рубежами. Если это верно по отношению к страницам его автобиографии, написанной давно, то это тем более верно по отношению к тем ее главам, которые он писал, когда за спиной была уже вся жизнь — последние части этого труда писались за два года до смерти их автора.

Публикуемый отрывок принадлежит к этим «недостававшим», заново написанным и не публиковавшимся частям жизнеописания крупного русского ученого. Отрывок этот несет на себе особую нагрузку — он рассказывает о самом выборе харьковским студентом Максимом Ковалевским своего пути в жизни и науке. В заключительных строчках публикуемого текста сам его автор подчеркивает, что именно Харьковский университет «оказал мне ту услугу, что... дал мне направление для моей дальнейшей деятельности». Собственный рассказ автора дает читателю совершенно отчетливое представление о месте университетских лет в научном творчестве Ковалевского.

Университетские годы нашего автора (конец 60-х — начало 70-х годов XIX в.) были тем временем, когда в России тянулася полоса так называемых великих реформ: «Новые суды только что появились в Харькове. Они приковали к себе всеобщее внимание»; рядом с этим «стали пускать у нас корни и земские учреждения». Формировался новый тип общественного деятеля, порожденный наступившими переменами. В частности, в Харькове выступал тогда знаменитый Анатолий Федорович Кони, казав-

³ См. «История СССР», 1969, № 4, стр. 59.

⁴ Архив АН СССР, разряд IV, д. 85. В настоящее время Сектор истории исторической науки Института истории СССР АН СССР готовит рукопись к изданию.

шийся чудом «столько же природы, сколько и искусства». Такие люди собирали огромную аудиторию, «публики набивалось так много, что негде было пасть яблоку». Все это создавало у либерально настроенной интеллигенции впечатление, что царская Россия, вступившая на путь реформ, становится в общий ряд с западноевропейскими парламентскими государствами.

Новые веяния прямым образом коснулись университета, куда только что поступил молодой Ковалевский. Популярность того или иного профессора во многом зависела от того, насколько он учитывал новые общественные настроения. В университетах было официально введено преподавание государственного устройства западных государств. «Профессора умели приспособить свои лекции к этим новым явлениям жизни, давая нам широкую картину системы местного самоуправления в других странах и прежде всего в Англии». Студент Ковалевский был во власти новых идей, и это определило для него выбор факультета. На юридический факультет он пошел вовсе не потому, что хотел стать деятелем ведомства юстиции. Наоборот, уже его студенческий опыт показал, что к практической судебной казуистике у него не было никаких способностей. На юридический факультет он пошел, будучи убежденным, что именно там он получит наиболее глубокие ответы на волновавшие его проблемы, поставленные современностью.

К таким проблемам принадлежал «всего более волновавший меня вопрос о поступательном ходе развития человечества». Это не была абстрактная идея; у студента Ковалевского уже стало складываться представление о «механизме» исторического прогресса. «Меня интересовала тогда, как и теперь, тесная зависимость между ростом государственных учреждений и изменениями общественного уклада, в свою очередь вызванными эволюцией экономических порядков. История учреждений и история обществности — таковы были наиболее интересовавшие меня темы». Он смотрел на себя как на «забегающего вперед студента». Ему хотелось подняться над сутолокой исторического процесса, бросить на него общий взгляд или, как он говорил, увидеть все это «с высоты птичьего полета». Этого можно было достигнуть, во-первых, при помощи социологии. И уже на студенческой скамье Ковалевский начинает увлекаться позитивизмом Герберта Спенсера. Впоследствии, как известно, Спенсер займет в построениях Ковалевского огромное место. Во-вторых, общественный прогресс, по убеждению молодого студента, отчетливо прослеживается на истории государственного права, на истории государственных учреждений страны. Это связывало его с областью юридических наук, и в эти годы стояло у него на первом плане.

Подобный ход мысли определил для Ковалевского и выбор учителя среди университетских профессоров. Этот выбор пал на Д. И. Каченовского. Дело в том, что Каченовский находился именно на тех рубежах научной мысли, которые интересовали

юного студента. Специальностью этого профессора было международное право, но одновременно он занимал кафедру государственного права европейских стран. Ковалевский не стал заниматься международным правом, как настаивал Каченовский, но посвятил себя изучению государственного устройства западных стран и его правовых основ. Так определились научные интересы студента Ковалевского. Однако студент следовал не всем канонам своего профессора. Читатель увидит, что в споре Каченовского с Герценом о роли государственного права симпатии Ковалевского были на стороне Герцена. Наш автор был представителем того взгляда, широко распространенного в либеральной науке, согласно которому Герцен считался одним из столпов русского либерализма. Кроме того, вопреки своему учителю, Ковалевский интересовался Прудоном. «Странный почин для человека, желающего специализироваться по государственному праву», — говорил Каченовский. Но прудонизм интересовал Ковалевского, потому что это «социализм не боевой, он ждет изменений в общественном строе не от насильственного переворота, а от медленного изменения самих нравственных понятий людей, от развития человеческой солидарности или от того, что Прудон называл взаимностью (*mutualité*)».

Так Ковалевский казался самому себе в годы своего студенчества. Но писался публикуемый рассказ об этом, как уже было сказано, в конце жизни автора. Как же смотрел Ковалевский времен Первой мировой войны на Ковалевского — студента Харьковского университета? Он глянул по-иному на свою юность, а причиной тому был его собственный опыт. По-иному выделась ему теперь сама «эпоха великих реформ». Вслед за ней, как известно, пришла реакция 80-х годов XIX в., определившая политику царизма и на дальнейший период. Студент Ковалевский ждал парламентаризма. Но вот после 1905 г. он ходатайствует за члена Государственной думы Ф. И. Иваницкого перед товарищем министра внутренних дел, и тот популярно объясняет ему суть происходящих в России перемен: «Если бы не то глупое время, которое вы, вероятно, назовете освободительным, ваш протеже уже давно сослан был бы в Туруханский край... вместо этого, его выбрали в члены Думы и дали ему возможность галдеть».

По-другому выглядели и ученые идеи, казавшиеся столь величественными на рубеже 60—70-х годов. Каченовский верил, что международное право оказывает могучее влияние на судьбы человечества. Ковалевский же с самого начала брал под сомнение этот тезис своего учителя, но «тогда я еще был слишком мало искушен событиями, чтобы не поверить на слово талантливому лектору». А став свидетелем многочисленных нарушений международного права, он приходит впоследствии к выводу, что «не международное право изменяет судьбы человечества, а судьбы последнего влияют на изменение международного права». Частые нарушения международного права являются, по мысли Ковалев-

ского, одним из выражений неравномерности исторического процесса: «Прямолинейного прогресса история не знает ни в чем. Поступательный ход человечества идет по кривой линии с частыми поворотами назад».

Поколебалась вера и в успех главной идеи, которой всю жизнь служил Ковалевский — в русский парламентаризм по западным образцам. В данном тексте для этого нет материала, но известно, что Ковалевский с большим успехом читал в Московском университете государственное право европейских держав. Министр просвещения Делянов признал влияние Ковалевского и его предмета «растлевающим», и популярный профессор был уволен в 1887 г. «без объяснения причин». К. А. Тимирязев так передает мнение Ковалевского по этому поводу: «Я привык думать, что моя кафедра... была учреждена по мысли Александра II для того, чтобы подготовить россиян к конституции, и я добросовестно исполнял принятое на себя обязательство. А какой-то арлекин... выгнал меня за это из университета»⁵. Подобные оценки Ковалевским судьбы своих юношеских идеалов тем более красноречивы, что после 1905 г. по своим политическим взглядам он стоял правее кадетов, пытаясь, правда, безуспешно, создать промежуточную между кадетами и октябристами партию.

До сих пор историографы судили о студенческих годах Ковалевского по косвенным данным. Теперь они будут судить по его собственным свидетельствам.

М. М. Ковалевский

«МОЯ ЖИЗНЬ»

Глава I

III. Университет

После выпускного экзамена с отличием я настолько был пресыщен тем, что нам выдавали за науку, что первые месяцы только играл в карты и посещал провинциальные балы, рауты и обеды. Мне было меньше 17 лет и я далеко не решил еще, какой факультет мне избрать. Единственные предметы, меня увлекшие больше, благодаря домашним урокам, чем гимназическому преподаванию, были история и литература. Записавшись на юридический факультет, я думал одно время перевестись на словесный. От этого решения я отказался, попав на лекции проф[ессора] Рославского-Петровского¹. Этот старик, украшенный не одними сединами, но и звездами, в молодости написал недурной курс статистики². При мне он читал историю Древнего Востока³. Во вступительной лекции он объявил нам, что содержанием его кур-

⁵ К. А. Тимирязев. Памяти друга, стр. 335—336.

са будет изучение имен фараонов 32-х династий, причем он будет пользоваться в одинаковой мере иероглифическими надписями и историком Манефоном⁴. Эта интересная перспектива сразу отрезала у меня всякую охоту. С лекции Рославского-Петровского, которого, кстати сказать, скоро не стало, так как он внезапно сошел с ума (не было ли сумасшествием и самая мысль читать первокурсникам намеченный им предмет), я попал в аудиторию Каченовского*. Плавной речью он излагал свои соображения о влиянии международного права на изменение судеб человечества. Свидетель современной войны⁵, в течение которой поправы не одно право, но и всякая нравственность, я, пожалуй, не прочь думать, что оба понятия стоят скорее в обратном отношении: не международное право изменяет судьбы человечества, а судьбы последнего влияют на изменение международного права. Но тогда я еще был слишком мало искушен событиями, чтобы не поверить на слово талантливому лектору, не разделить его восторга к предмету, правильное понимание которого будет иметь своим последствием людское счастье.

Этот обзор всей истории с птичьего полета заставил работать мою фантазию. Лектор обещал доказать свою основную мысль в ближайших лекциях по истории международных отношений — с древности и до наших дней. Параллельно этому росту складывались и те нормы разума и справедливости, к которым сводится, в конце концов, все международное право. Голландский правовед Бенкерсгук⁶ не даром сказал: «Ratio ipsa inquam, ratio est juris gentium anima»⁷**. Я стал посещать лекции Каченовского, читавшего студентам 4-го курса пять раз в неделю. Это заставило меня пропускать лекции собственных профессоров и посвящать свободное время, свободное от беспутной светской жизни, чтению исторических книг. Я поглотил несколько томов Лорана — «Этюды по истории человечества»⁸, я прочел «Средние века» Галлама⁹, «Истории цивилизации Европы и Франции» Гизо¹⁰ и «Историю цивилизации Англии» Бокля¹¹. Все эти книги заставили работать мою научную фантазию, но не в направлении к изучению догмы права. Лекции Стоянова¹² по сравнительной истории законодательства, которые я также посещал с интересом, только поддерживали во мне эти исторические пристрастия. История римского права читалась только на 2-м курсе, но запрос на широкое освещение хода развития человеческой культуры побудил меня наброситься и на этот предмет. Его читал Станиславский¹³ — один из самых начитанных юристов, каких мне пришлось слушать в России. Он одновременно занимал и кафедру энциклопедии права. О возвышенности его умственного полета можно судить хотя бы по начальным словам его литографированного курса: «В жизни рода человеческого всегда и везде встречаются

* В тексте везде Качановский исправлено нами на Каченовский.

** Латинская фраза вписана от руки.

глубоко укоренившаяся в людях вера в бытие Верховного Существа, в добро и нравственность, право, справедливость и правду». Курс продолжался установлением различия между моралью и правом, изучением источников права, сжатым обзором основ гражданского, уголовного, государственного и международного права. Так как он был литографирован и лектор довольно близко держался составленного им текста, то я освободил себя от обязанности сидеть в аудитории. Только со второй половины года, когда лектор перешел к истории естественного права и стал с особым вниманием излагать политические доктрины древних и новых философов, начиная от Платона и оканчивая Гегелем, он своей ясной * и в то же время изящной передачей оригинальных сторон отдельных учений снова привлек меня в свою аудиторию. К этому времени усталость моя прошла, я стал понимать, что есть наука более забирющая вас, чем та, какую питали меня в гимназии.

Пустота провинциальной среды и той золотой молодежи, среди которой я вращался на расстоянии немногих месяцев, стала для меня очевидной. Я сблизился с несколькими товарищами, также искавшими не столько науки, сколько, как они говорили, выработки самостоятельного миросозерцания, стал показываться в их кружках, читать рефераты и участвовать в вызываемых ими прениях, — одним словом, зажил жизнью несколько забегавшего вперед студента, более озабоченного общим саморазвитием, чем изучением специальности. Не скажу, чтобы в то время в среде профессоров, по крайней мере Харьковского университета, замечалось бы течение, враждебное такому широкому пониманию задач университетского образования. Станиславский, напр[имер], в своей вступительной лекции, говоря о том, какое преимущество имеет университет над специальной школой, настаивал на возможности для студента пополнить факультетское преподавание посещением лекций по общеобразовательным предметам: философии, истории, естествознанию. Прослышав, что молодой доцент Потебня¹⁴ предпосылает своему курсу по истории русского языка обширное вступление методологического содержания, я и некоторые мои товарищи стали ходить на его лекции. Здесь впервые я услышал имена Конта и Джона Стюарта Милля¹⁵, и когда в ближайшем году доцент по гражданскому праву Цытович¹⁶ снабдил меня отдельными томами Конта, посвященными социологии, я набросился на них с жадностью, так как знал наперед, что найду в них ответ на все более волновавший меня вопрос о поступательном ходе развития человечества. Спешу прибавить, что другой молодой ученый — экономист Гаттенбергер¹⁷, которого мне пришлось слышать уже на 3-м курсе, только укрепил во мне это научно-философское направление своим обширным изложением методов общественных наук. Оно в значительной степени

* Слово ясной вписано от руки.

опиралось на логику Милля, но заключало в себе также и следы серьезного знакомства лектора с книгами Кнуса¹⁸ — этой исключительно логической головы в среде критиков классической школы.

К немалому изумлению моих товарищей по карточной игре и дворянским вечеринкам, я с большим успехом перешел на 2-й курс, в то время, как все они провалились на экзамене. До сих пор мне памятно их комическое появление в мою квартиру с громкой жалобой, что я их обманул, — запирался, мол, на ночь и зубрил записки. Так как они отстали от меня на год, то я постепенно вышел из их среды и зажил уже полной студенческой жизнью. В начале 2-го года моего пребывания в университете я у приват-доцента Леонида Евстафьевича Владимировича¹⁹ впервые встретился с Каченовским, который пригласил меня бывать на его пятницах. С этого времени я в течение 3-х лет был неоднократно посетителем его скромной гостиной. Он жил со своей старушкой-матерью²⁰, окружая ее уважением и заботами. К нему приходили многие профессора из числа так называемых левых. В его квартире впервые встретился я* с физиком Шимковым²¹, с химиком Бекетовым²², с окулистом Гиршманом²³. Я сохранил с последним прекрасные отношения и по настоящий день. В прошлом году мы праздновали пятидесятилетний юбилей со времени его вступления в ряды преподавателей университета.

Еще совсем молодым человеком, по окончании курса медицины в Харькове, он попал в Гейдельберг и оставил здесь настолько сильное впечатление, что, когда известный Патенкофер²⁴ узнал от моего дяди Рындовского²⁵, что он был в числе его учителей, он пригласил его к себе на обед, желая выразить тем уважение к человеку, содействовавшему созданию такого ученого. Гиршмана я помню красавцем-брюнетом с задумчивыми восточными глазами. На него смотрели, как на восходящее светило, и он оправдал вполне возложенные на него надежды. 50 лет он продолжает свою практику, живя сравнительно скромно, не заглядывая даже в то, что, уходя, оставляют на столе пациенты. Из близких и отдаленных мест стекаются к нему больные. Его имя популярно на всем юге России. Если случайно попадет к нему больной, не имеющий средств, то он купит ему и лекарства. Не такие люди, как он, способны обострить наши отношения к «иностранцам». Да ничего подобного этой племенной ненависти в то время нельзя было заметить ни в среде студентов, ни между профессорами. Были у меня товарищи поляки и евреи, караимы и черкесы; между ними мы не устанавливали различия. Донские казаки одни слыли за удалую молодежь, иногда сводившую счеты с полицией. Один из любимых лекторов был еврей, принявший протестантизм. Его звали Леонидом Евстафьевичем Владимировым. Он был красив, хорошо владел словом, выступал иногда в уголов-

* Буква я вписана от руки.

ных процессах, и мы шли за ним в суд столько, чтобы слышать его, сколько и молодого товарища прокурора, прибывшего из Москвы и скоро завоевавшего все симпатии.

Это был никто другой, как известный ныне всей России Анатолий Федорович Кони²⁶. Мне удалось слышать его в одном из громких процессов, положивших начало его репутации. Ум, красота и благородство речи, богатство образов, тонкий столько же психологический, сколько и юридический анализ, умение вовремя сделать удачную цитату — и выше всего этого, искреннее искание судебной правды, готовность найти смягчающее обстоятельство, желание не повредить подсудимому погоней за ораторскими эффектами и способность в блестящей импровизации, особенно выступавшей в ответных речах — все это вместе взятое заставляло смотреть на него, как на некое «чудо», столько же природы, сколько и искусства. Он не произносил громоносных речей по образцу публичных обвинителей Франции, он не насиловал также своего голоса, но сам этот голос был настолько звучен, произношение так отчетливо, что стоя даже в отдаленных рядах, легко было слышать всякое его слово. Я говорю «стоя», так как публики набивалось так много, что негде было пасть яблоку. Новые суды только что вводились в Харькове. Они приковывали к себе всеобщее внимание. Судоустройство и судопроизводство сделались впервые в России популярными предметами. Мы живо интересовались судом присяжных, судебной экспертизой и в меньшей мере теорией прямых и косвенных улик. На все эти вопросы давал нам ответ в своих лекциях и книгах молодой приват-доцент Владимирова, задумавший устроить и примерное разбирательство процессов в самом здании университета. Я выступал на них то в роли обвинителя, то в роли защитника и, наконец, судьи с беспристрастным резюме председателя.

В свободное время мы читали — кто в подлиннике, а кто в переводе — книгу Миттермейера о судопроизводстве в Англии²⁷ и Винера — о суде присяжных²⁸. Почти одновременно с новыми судами стали пускать у нас корни и земские учреждения. Профессора умели приспособить свои лекции к этим новым явлениям жизни, давая нам широкую картину системы местного самоуправления в других странах и прежде всего — в Англии. Когда, по желанию самого императора Александра II, введено было преподавание государственного права важнейших европейских держав²⁹, эту кафедру за неимением специалиста занял Дм[итрий] Ив[анович] Каченовский. В своем историко-догматическом курсе он отводил немало места и местному самоуправлению. Мы знакомимся из его лекций и с развитием института мировых судей и с историей суда присяжных, и с приходским управлением в Англии, с его главной заботой об общественном призрении бедных. Кто владел, подобно мне, иностранными языками, тому Каченовский советовал достать или просто давал прочесть книгу. Первое сочинение, из которого я более подробно ознакомился

со строем английского графства, английского города и прихода, была забытая теперь книга двух голландских писателей — Финка и Фанстретена³⁰; она вышла на французском языке и давала весьма живое описание английских порядков. Так как Каченовский не был из числа тех юристов, которых интересует одна структура и механика тех или других учреждений, так как он ясно понимал зависимость их от общественных условий и психологии того народа, среди которого они развились, то он наделил меня одновременно и книжкой Эскироса, наблюдательного французца, пожившего в Англии и нарисовавшего яркую картину ее местной жизни³¹. На русском языке имелась в это время только одна книга по тому же предмету. Это книга известного судебного деятеля, участника выработки основных положений к нашим судебным уставам, — Зарудного «Местное самоуправление и местные суды в Англии»³². Она ходила у нас по рукам. Сочинение кн[язя] Васильчикова «О местном самоуправлении» вышло многими годами спустя³³.

Другой талантливый лектор, оч[ень] любимый аудиторией, несмотря на отсутствие внешнего блеска, был хорошо известный впоследствии Петр Павлович Цытович. Он был сын сельского дьячка из Борзны Черниговской губ[ернии], прошел гимназию и университет, содержа себя уроками, был горд, самолюбив, замкнут в себе. Я еще гимназистом встретил его в первый раз у моей тетки Рындовской³⁴, где он был репетитором. В моем присутствии она пригласила его однажды остаться на обед. «Не имея сам средств угощать знакомых, поставил себе правилом не принимать приглашений» — таков был ответ. Этого бирюка я на 2-м курсе увидел перед собой на кафедре. Он читал нам гражданское право и догму Римского. Станиславский в это время уже перешел в Казанский университет, где его выбрали ректором. Цытович интересовался взаимоотношением гражданского права и политической экономии и известен своим переводом Данкварта³⁵. Его курс был отчасти построен на «теории приобретенных прав» Лассалья³⁶. Он подробно останавливался на вещном праве и «учении о собственности». Для тех, к счастью еще немногих, кого на лекциях беспокоила только судьба будущих экзаменов, его курс был не из легко усваиваемых. В полученном им анонимном письме ряд грубостей заканчивался обещанием помять ему ребра в случае провала. С этим письмом он пришел однажды в аудиторию и прочел его нам по окончании лекции, говоря, что предоставляет нам самим расправиться с этим Ноздревым и не имеет в виду дать делу дальнейшего хода. Этим он сразу завоевал наши симпатии. Нечего прибавлять, что Ноздрев не объявился. Цытович устраивал у нас примерное разбирательство сложных гражданских процессов. Я пробовал принять в них участие и был посрамлен. К судебной казуистике у меня не оказалось ни малейших способностей. Я мог бы сделаться только «совестным судьей».

Читая догму римского права, Цытович придерживался курса венского профессора Ардта³⁷. Цивилисты говорили мне впоследствии, что эта книга не дает верного понятия о пандектном праве в его первой начальной чистоте, а скорее о том понимании, какое дано было ему в Германии³⁸. Я недостаточно знаком с цивилистикой, чтобы иметь самому определенное суждение на этот счет. Я могу засвидетельствовать только то, что ни одна книга по римскому праву не казалась столь приближающейся к юридической логике или, выражаясь проще, к логике вообще, так как она, в конце концов, едина. Я прочел Ардта в подлиннике с большим удовольствием и приготовился по нем к экзамену. Историю римского права читал нам Стоянов³⁹, менее удачно выбравший свое руководство. Мы заучивали в угоду Рудорфу⁴⁰ один мудреный закон за другим, с указанием года и нередко консулов, при котором этот закон вышел. Все, что задержалось у меня в голове — это довольно полный очерк римского аграрного законодательства, в котором закон Лициния Сталона⁴¹ играет самое большее роль звучащего аккорда.

Я не сказал пока ни слова о преподавании у нас экономических наук. Одно время оно было всецело в руках Сокальского — филолога по образованию, который с грехом пополам и на расстоянии многих лет собрался напечатать, наконец, диссертацию под заглавием «Англо-саксонская община»⁴². Этот предмет стал мне со временем довольно близок. Достаточно будет сказать об этой книге, что, читая ее, так же трудно прийти к мысли о том, что англичанам когда-либо было известно общинное землевладение, как и при чтении «Нормандского завоевания» Фримана⁴³ или книги Кемпбеля об «англо-саксах»⁴⁴. Нассе⁴⁵ был первый, заговоривший о том, что еще до завоевания положено было начало системе открытых полей и крестьянских наделов. Сибому⁴⁶ и Виноградову⁴⁷ пришлось только углубить и своеобразно развить эту тему в двух отличных друг от друга направлениях. В Сокальском не было и следа самостоятельного исследователя, но это был человек умный, хорошо образованный, с заметными симпатиями к социализму, скорее английскому и французскому, нежели немецкому. Да и книга Маркса в то время только что появилась⁴⁸.

Сокальский прочел нам довольно интересный курс о статистике населения, ничего не сказал по вопросам нравственной статистики и запрудил нашу память ненужными подробностями по сельскохозяйственной статистике, статистике промышленной и торговой. Мы обязаны ему также изложением в течение целого года истории экономических доктрин. Курс его не был самостоятельным. Он читал, главным образом, на основании книги Кауца, которая в то время была почти единственной в своем роде⁴⁹. Как историк, он, к сожалению, слишком долго останавливался на экономических порядках Древнего Востока и, в частности, Вавилона, о которых в то время знали еще мало. Ведь

сколько лет прошло, прежде чем открыта была стелла в Сузе с начертанным на ней законом Гаммураби, современника Авраама, и обнаружены изложенные клинообразным письмом древние вавилонские договоры⁵⁰. Сам Иеринг⁵¹ в своем посмертном сочинении более фантазирует на тему древнеавилонского экономического и общественного или юридического уклада, чем дает анализ неоткрытых еще в то время источников. Нельзя же винить Сокальского в том, если он до разбора клинообразных надписей из библиотеки Асурбанипала⁵² давал нам только учение *à peu près**, то есть по-русски — «взгляд и нечто». Это проникновение в дебри истории было, к сожалению, причиной того, что с новейшими экономическими и социальными доктринами нам пришлось уже знакомиться по данному нам руководству, а им были лекции Николая Христофоровича Бунге — киевского профессора и впоследствии министра финансов⁵³. Эти лекции написаны были тяжелым языком и передавали различные доктрины в отталкивающем виде. Интересна в них была одна передача мыслей Прудона. Она свидетельствовала о глубоком впечатлении, произведенном на будущего министра финансов тем, что он назвал критическим социализмом. Этот критический социализм привлек и меня. Я добыл себе не только «Экономические противоречия», но и «Федеративный принцип» и многие другие томики талантливого французского публициста⁵⁴. Начитавшись его, я в тесном кружке студентов разных факультетов прочел первую свою написанную работу. Это был доклад, озаглавленный: «Теория анархии Прудона», в действительности, изложение его «теории взаимности»⁵⁵. «Странный почин для человека, желающего специализироваться по государственному праву», — сказал мне с улыбкой Каченовский, до сведения которого дошло одно заглавие моего реферата. Мой доклад наделал в Харькове достаточно шума, чтобы привлечь на наши дальнейшие собрания и жандармского генерала Ковалинского⁵⁶.

Сходились мы в доме одного молодого и талантливого человека, специализировавшегося по физике⁵⁷. Его жена⁵⁸, красивая молодая женщина очень передовых взглядов, составляла предмет моего нежного восторга, и я старался поделиться с нею тем, что знал о французских социалистах, останавливаясь особенно подробно на теории свободной любви. Она нередко прерывала меня, говоря: «Покажите книжку». Все мои рассуждения разбивались, как об утес, об ее привязанности не к супругу, а к молодому и в высшей степени талантливому врачу, за которого она одно время думала выйти замуж. Но этот олимпиец платил ей за страсть одной холодной дружбой, что глубоко возмущало меня и заставляло прозвать его Тентетниковым⁵⁹. Этим прозвищем оннисколько не обиделся и признал его подходящим. Я в своей жизни встречал мало более разносторонних натур, хороший знаток есте-

* *à peu près* (франц.). — почти. Фраза вписана от руки.

ственных наук — анатомии и физиологии, он вызывал в известном харьковском хирурге Груббе⁶⁰ большие надежды и был им оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Мой приятель и одновременно соперник был в то же время прекрасный музыкант, любил читать книги по философии и общественным наукам, был красив, говорил хорошо, производил на всех чарующее впечатление. И при всех этих качествах — при несомненном уме, большой памяти, способности к талантливому изложению — из него не вышло ни ученого, ни профессора, ни сколько-нибудь выдающегося практического врача, ни писателя, ни журналиста, ни музыканта. Должно быть данное мною прозвище заключало в себе некоторое предсказание. Шабельский — таково было имя этого выдающегося человека⁶¹. Умер он, состоя на службе в Палате мер и весов, куда определил его Менделеев. При встрече с последним в Париже я стал расспрашивать его о моем старом знакомом и услышал о нем только доброе. И по мнению Менделеева, он был умен и талантлив. Что же помешало ему занять в жизни то положение, какое естественно должно принадлежать уму и таланту? — Излишняя скромность. Но она в нем не была заметна. Отсутствие материальных средств. Но оно никогда не выступало в резкой форме. Не лежит ли действительный источник в том, что он не сумел вовремя специализироваться, что, имея разнообразные вкусы и склонности, он стремился удовлетворить всем им в равной степени, оставаясь дилетантом в то время, как он мог бы сделаться творцом, оставить след, и может быть глубокий, в естествознании или медицине. Люди несравненно менее способные, принадлежавшие к тому же кружку, но, к счастью для них, односторонние, пробившись же на места профессоров и в течение десятков лет загромождали собою кафедры и в провинциальных, и в столичных университетах.

Каченовский не был доволен моим сближением с людьми, которых он заподозривал в готовности идти далее либерально-конституционно-представительной проповеди. При встрече с моей матерью он посоветовал ей держать меня подальше от всех этих «истов». Она и без того была настороже, узнав, что я принимаю участие в каком-то «товариществе потребителей», возникшего несколько лет до нашего вступления в число студентов в Харькове. Это товарищество не преследовало никаких запретных целей, грешило альтруизмом. Оно оказывало широкий кредит в своей столовой людям недостаточным и потому погибло преждевременной смертью. На собрания, управлявшего им совета, являлся и я, нередко с желчной критикой того порядка ведения дел, которого я был свидетелем. Но люди, стоявшие во главе предприятия, были людьми бессребренными и, если и производили иногда нажим на казну, то в чужих интересах. Одного из них я встретил позднее в Москве. Он только что вернулся из административной ссылки с больною женой и без средств. Другие приняли

участие в том, что только с большой натяжкой можно назвать революционным движением в Харькове. Все дело ограничивалось разгромом одной полицейской части, с калачи которой в качестве красного знамени был вывешен кусок материи того же цвета. Начальство пришло в большой переполох. Мнимые революционеры обрили свои бороды, завели синие очки. Кое-кого из глазящей публики забрали. Действительные виновники произведенного переворота исчезли бесследно и даже заняли впоследствии довольно выгодное положение, не имевшее ничего общего ни с социализмом, ни с коммунизмом. Единственным последствием всей этой передраги было то, что за Харьковым установилась репутация «красного города». Последовавшее несколько лет спустя убийство генерал-губернатора князя Кропоткина* еще более упрочило за ним эту несчастную известность⁶². Говоря об этой «вспышке», весьма напугавшей доброго харьковского обывателя и усилившей в нем готовность покоряться придерживающим властям, я считаю нужным прибавить, что наш кружок остался ей совершенно чуждым. Благодаря Шабельскому он обнаружил даже большую политическую проницательность и дальновидность. Я смутно слышал, что какие-то агенты из столиц приехали в Харьков с целью расположить студентов к затевавшемуся в то время Нечаевскому движению⁶³. Шабельский пустился с ними в продолжительное собеседование и, расспросив их обо всем, пришел к тому верному заключению, что все так называемые центральные комитеты и общие собрания, на существовании которых настаивали прибывшие, сводятся к Нечаеву и кучке его сторонников, что ни один класс русского общества не поддерживает этой затеи и что было бы, следовательно, безумием связывать с нею улучшение быта рабочих или крестьян.

Быть может, ввиду этого отпора, лица, сочувствовавшие заговору, сочли нужным скомпрометировать кое-кого из нас фальшивым доносом. В один прекрасный день моя мать была перепугана появлением на квартиру частного пристава, принесшего для меня повестку от следователя по особо важным делам. Явившись к нему, я узнал, что мне присланы были какие-то прокламации для дальнейшего их распространения. В действительности, я никаких прокламаций не получал. Впоследствии выяснилось, что на меня сделан был донос каким-то студентом Э., фамилии его не привожу, так как он может быть еще в живых. Так как ничего другого, кроме этого одностороннего заявления, не было в руках следователя, и он сам, по-видимому, был порядочный человек, то делу не дано было дальнейшего хода, и я не подвергся даже тайному надзору полиции. Когда, несколько месяцев спустя, я вздумал сопровождать мою мать на воды в Карлсбад, мне без всякого замедления выдан был заграничный паспорт.

Вспоминаю об этом с целью показать, что в эпоху так назы-

* В тексте: Кропоткин.

ваемых великих реформ произвол администрации введен был в некоторые рамки и что она не разделяла тех взглядов, которые мне еще недавно пришлось выслушать из уст одного товарища министра внутренних дел. Я ходатайствовал перед ним о разрешении бывшему члену Первой Государственной Думы жить в своем имении в Харьковской губ[ернии] и в доказательство сослался на тот факт, что прокурор не считал возможным продолжить начатое против него судебное преследование за так называемую преступную пропаганду. Судебная палата согласилась с прокурором и дело было прекращено. «Хвалю за это наши суды,— ответил мне сановник,— но тех улик, которые для них недостаточны, для нас более, чем достаточно. Если бы не то глупое время, которое вы, вероятно, называете освободительным, ваш протезе уже давно сослан был бы в Туруханский край, разумеется, в административном порядке, вместо этого, его выбрали в члены Думы и дали ему возможность галдеть». Я ухватился за это последнее заявление и честным словом удостоверил, что мой протезе за все время существования Думы не открывал рта.— «Ввиду этого нового и важного сообщения,— ответил мне успокоившийся сановник,— я снесусь с местными властями и, если они ничего не имеют против возвращения вашего помещика в свое имение, ему дана будет возможность сделать это». Оказалось, что местные власти решительно ничего не имеют, и мой товарищ по представительству Харьковской губ[ернии] благополучно мог вернуться во свояси⁶⁴.

Лично я в течение моего пребывания в Университете был настолько увлечен заботой о саморазвитии, что так называемой повседневной политикой занимался весьма слабо. Меня интересовали общие теоретические вопросы и в них я шел весьма далеко, склоняясь, как я уже сказал, к учениям так называемого «критического социализма» Прудона. Это социализм не боевой, он ждет изменений в общественном строе не от насильственного переворота, а от медленного изменения самих нравственных понятий людей, от развития человеческой солидарности или от того, что Прудон называл взаимностью (*mutualité*)*. Я настолько проникся этими мыслями, что, желая дать им внешнее выражение, заказал себе в Карлсбаде печать, на которой выгравированы были три дорогих мне принципа: свобода, равенство, взаимность. Но моя заботливая мать отобрала эту печать, которую я в моем юношеском энтузиазме вздумал было скреплять мои письма. И, разумеется, к лучшему, а то, пожалуй, возникло бы дело о студенте Ковалевском, его печати и ряде скомпрометированных им лиц. Трудно ведь было допустить, что за этой печатью ничего не скрывается, кроме чисто теоретических пристрастий.

Последние два года моего пребывания в университете прошли в усиленной работе. Под влиянием Каченовского, я уже на 18-ом

* Слово *mutualité* написано от руки.

году жизни более или менее остановился на выборе специальности. Я стал серьезно заниматься государственным правом европейских держав. Каченовский склонял меня, правда, в сторону международного права, но оно казалось мне еще настолько висящим в воздухе, так мало обособившимся от общечеловеческой нравственности и вылившимся в общеобязательные нормы, что мне хотелось сосредоточиться на изучении чего-нибудь более положительного. Меня интересовала тогда, как и теперь, тесная зависимость между ростом государственных учреждений и изменениями общественного уклада, в свою очередь вызванными эволюцией экономических порядков. История учреждений и история общественности — таковы были наиболее притягивавшие меня темы. Я прочел довольно много книг, преимущественно на иностранных языках, по истории английского и французского государственного права, а также по вопросам народного представительства. Рассуждения Милля на этот счет⁶⁵, книги Токвиля о «Демократии в Америке» и его же «Старый порядок и революция»⁶⁶ были в числе моих любимейших сочинений. Я прочел и книгу Чичерина «О народном представительстве»⁶⁷, но она мало удовлетворила меня. Англичанин Кокс⁶⁸ и француз Батби⁶⁹, которыми Каченовский немало пользовался в своем курсе, также прочитаны были мною с большим вниманием. Каченовский не переставал давать мне книги из своей библиотеки, но она не была особенно богата по вопросам государственного права; зато университетская, в которую сочинения выписывались непосредственно из-за границы, по рекомендации профессоров и, по-видимому, минуя цензуру, заключала в себе более, чем достаточно материала для первоначального ознакомления с европейскими порядками. Книги позволялось брать на дом; библиотекарь Балясный, родственник Каченовского и которого я часто встречал на его пятницах, с большой обязательностью разыскивал для меня всю новую и новую умственную пищу.

Частые свидания с дорогим учителем и у него на дому, и во время прогулок по окрестностям счастливо направляли мой выбор, ставили передо мной все новые и новые темы и указывали средства удовлетворить моей любознательности. В провинциальном университете нет той беготни по лекциям, от которой страдают столичные профессора. Каченовский не имел других обязательных занятий, кроме читаемого им в университете курса. Остальное время уходило у него на чтение, подготовку лекций и писательство случайных статей. Они появлялись в «Вестнике Европы» и задевали иногда весьма широкие темы⁷⁰. Так, когда вышло сочинение бывшего министра Пасси «О формах правления и законах, управляющих их выбором» («Des formes de gouvernement et des lois qui les régissent») ⁷¹*, он посвятил этой замечательной книге подробный разбор, напечатанный им одновременно и на

* Французская фраза вписана от руки.

французском языке в журнале «Международного права и сравнительного законодательства», выходившем в Бельгии⁷². Ни книга Пасси, ни разбор Каченовского, однако, не удовлетворили меня. Бывший министр Людовика-Наполеона, которому справедливо ставили в вину, что он остался в кабинете и после насильственного переворота 24-го декабря, проводил красной нитью ту мысль, что большая или меньшая сила правительства и соответственно меньшая или большая сумма свободы, оставляемая в руках граждан, зависит от того, имеется или не имеется налицо так называемая им «разлагающие государство силы» («forces du dérouté»)*. Этими силами он признавал одинаково и национальную и классовую рознь. Вся история человечества подводилась им под один знаменатель. Периклова демократия искусственно вводилась в эту схему наряду с аграрным переворотом, затеянным Гракхами и с социальной революцией [18]48 года, с целью показать, что за ними необходимо следует олигархия и цезаризм.

Каченовский спорил с Пасси в частности, но принимал его основную мысль; она исключала возможность признания поступательного порядка в развитии государства. Она противоречила идее политического прогресса и косвенно противилась допущению дальнейшего развития демократии наряду с свободой. Я не удержался от того, чтобы не высказать Каченовскому моих сомнений. Он, разумеется, нимало не разделил их, но его научная терпимость была настолько велика, что он нисколько не поставил мне в вину моего юношеского задора и охотно обсуждал в наших общих прогулках частности широкой темы, нас разделявшей.

Иногда в своих работах он далеко уклонялся от своей специальности, увлекаясь, напр[имер], эпохой итальянского возрождения и посвящая целый ряд статей флорентинским рабочим, предшественникам и современникам Джигото, — тем рабочим, которым мы обязаны постройкой Собора «Божией Матери с Цветком» и других флорентинских храмов, в том числе Сан-Домиато, ныне кладбищенской церкви⁷³.

Каченовский был большим любителем Шекспира и, говоря нам о веке Елизаветы, умел использовать его трагедии и комедии для характеристики тогдашнего английского общества. Не меньшую равносторонность обнаруживал и другой наш профессор — Станиславский, известный своим переводом Данте на польский язык⁷⁴.

Так как для меня знакомство с Каченовским имело большое воспитательное значение и так как его личность, по-моему, доселе не получила той оценки, какую она заслуживает, то я позволю себе сообщить о нем несколько подробностей, не лишенных интереса для истории нашей культуры. Я однажды уже писал о Каченовском, но мои воспоминания появились в «Записках», более не существующего Харьковского юридического общества⁷⁵.

* Французская фраза вписана от руки.

Я бы мог ограничиться перепечаткой ранее сказанного, но этих «Записок» нет у меня под рукою. Постараюсь припомнить то, что я слышал от него и что говорили мне о нем знавшие его лица. Он был сыном мелкого чиновника Орловской губ[ернии]. С большим трудом проведен был через гимназию и университет рано овдовевшей матерью, если не ошибаюсь, при некоторой денежной поддержке богатой купеческой семьи Кузиных в Харькове. Еще в университете он научился английскому языку, а также французскому и немецкому, — научился настолько, что мог свободно писать на первых двух. Побывав в Москве, он познакомился с Грановским⁷⁶ и Кудряцевым⁷⁷, которые, по-видимому, оказали на него воспитательное влияние. Отправленный за границу для приготовления к профессорскому званию, он побывал не только в Париже, но и в Лондоне, и в Оксфорде. Здесь он прочел лекцию «о новейших успехах международного права», — лекцию, преисполненную имен, кратких и метких характеристик⁷⁸. Она составляла для нас камень преткновения, так как включаемая была в более распространенном виде в курс, вообще отводивший немалое место литературе международного права. В Оксфорде и Лондоне, а также в Брюсселе и Льеже Каченовский завязал сношения со многими профессорами и специалистами по его предмету. Некоторыми его знакомствами я и сам воспользовался впоследствии. Адвокат Вестлек⁷⁹, занявший уже при мне кафедру международного права в Кембридже, восторженно отзывался о Каченовском и охотно поместил в журнале «Международного права» в Брюсселе, которого он был одним из редакторов, мою заметку о его курсе. Из той же английской среды вышел со временем и переводчик известной докторской диссертации Каченовского «О каперах и призовом судопроизводстве» — доктор Пратт⁸⁰. В Лондоне Каченовский познакомился и с Герценом, в то время издававшим «Колокол»⁸¹. Впоследствии, в разговоре со мною, душеприказчик Герцена Вырубов⁸² рассказывал мне, как часто молодой ученый, хорошо принятый в доме великого русского публициста, спорил с ним, между прочим, по вопросу о том, сколько национальное право может считаться таковым. «Поезжайте мирить итальянцев с австрийцами, — говорил ему шутя Герцен, — увидите тогда, много ли вы добьетесь с вашим международным правом». Жив был бы Каченовский, он, вероятно, разделил бы скорбь людей, которые, как Лист⁸³, не теряя веры в то, что в отношениях государств рано или поздно установятся нормы права, являются ныне беспомощными свидетелями самого грубого нарушения элементарнейших начал международной справедливости. К чему было вписывать в закончивший Крымскую войну Парижский мир, что впредь не должно существовать другой блокады, кроме реальной⁸⁴. К чему было заключать новую Лондонскую конференцию 1907 г. для установления правил морской войны⁸⁵. Ведь ни Англия, ни Германия не считаются ни с чем при проведении в жизнь весьма спорного начала, что владычество над морями долж-

но принадлежать им одним. Подумаешь, мы снова вернулись к тем временам, когда Гуго де Гроту приходилось писать свое рассуждение о «Свободном море» («Mare liberum») ^{86*}, в опровержение притязаний столько же Португалии, сколько и самой Англии, знаменитый юрист которой Сельден истолковывал ее взгляды в своем «Mare clausum» ^{87*}. К чему также все рассуждения о правах нейтральных государств, когда Германия, нарушая принятое Пруссией еще в 30-х годах обязательство вводить свои войска в Бельгию, милостиво предлагая вознаградить ее за причиненные тем убытки. Какое также противоречие представляет то положение, что война ведется только между враждебными армиями и то метание бомб на частные жилища с высоты аэро- и гидропланов, которыми так бесстыдно гордится народ — носитель культуры, каким считают себя немцы.

Мне припоминается, как, склоняя меня к занятию международным правом, Каченовский рекомендовал избрать темой для диссертации разбор всех тех нарушений, какие Наполеон и его маршалы позволили себе по отношению к признаваемым уже в их время общеобязательным нормам военного права и нейтралитета. Я говорил ему, шутя, что этих нарушений, пожалуй, больше, чем самих правил и что меня пугает безбрежность возлагаемой на меня задачи. Но разве не то же самое повторяется и ныне на расстоянии более 100 лет. Разумеется, все это не доказывает того, чтобы скептицизм Герцена был последним и решающим словом — быть или не быть праву международному. Многие, перед чем останавливаются воюющие в наши дни, не стесняло бы совершить ни крестноносцев, ни тех варварских народов, которые положили конец существованию Римской империи. Прямолинейного прогресса история не знает ни в чем. Поступательный ход человечества идет по кривой линии с частыми поворотами назад.

Каченовский в течение всей жизни, несмотря на свои препирательства с Герценом, не из-за одного международного права, но и ввиду его поворота в сторону социализма и идеализации русской сельской общины с ее уравнительными переделами ⁸⁸, остался горячим поклонником редактора «Полярной звезды» и «Колокола». В одну из последних прогулок, какую мне пришлось сделать с ним, за несколько месяцев до его кончины ⁸⁹, он, сообщая мне о пришедшем известии, что Герцен умер в Париже ⁹⁰, почти машинально снял шляпу. Мы шли рядом. Никто не мешал свободному обмену мыслей между нами, и я услышал из уст моего дорогого учителя, нередко прерываемую кашлем, блестящую импровизацию. В немногих фразах он передал все значение Герцена для нашей еще молодой гражданственности: его протест против крепостной неволи, его поход против могущества бюрократии, прикрывающейся фактически несуществующим самодержавием, его проповедь религиозной терпимости, свободы мысли и

* Латинские названия вписаны от руки.

слова, наконец, ту самостоятельность, какую он обнаружил в оценке самой европейской культуры, в которой далеко не все казалось ему заслуживающим подражания. Один только человек пошел, как мне кажется, еще дальше Каченовского в своем понимании того, что был для нас Герцен, — это его душеприказчик Григорий Николаевич Вырубов, провозгласивший Герцена нашим Вольтером, т. е. воспитателем целых поколений, а не ограниченным временем и пространством политиком — вождем партий.

По возвращении из-за границы Каченовский отдался своему одновременно ученому и общественному служению. Он воспитал длинный ряд поколений в идеях гражданского равенства, публичной свободы, народного самоуправления. Когда на очередь поставлен был вопрос об отпущении крестьян на волю, Каченовский стал отводить в своем курсе десятки лекций историческому очерку возникновения, развития и падения рабства и крепостного права на Западе и, в частности, торга неграми. Когда русское общество заинтересовалось новыми судами и местным самоуправлением, из его лекций студенты имели возможность познакомиться и с мировым институтом, и с учреждением присяжных, и с земскими порядками, как Англии, так и континентальных государств Европы. Происходивший во Франции спор о централизации и децентрализации, — спор, в котором на одной стороне стояли Тьер⁹¹ и Дюпон-Уайт⁹², а на другой — Токвилль⁹³ и Прево-Парадоль⁹⁴, излагаем был с кафедры с целью ввести русских юристов в сферу тех интересов, из-за которых насаждались у нас новые порядки губернского и городского управления. Кто хотел ближе познакомиться с делом, тот получал из рук Каченовского не одни указания книг и брошюр, не нередко и самые сочинения.

Под его влиянием я стал интересоваться и ходом развития административного права во Франции со времен, когда Ришелье положены были начала централизации в лице интендантов⁹⁵ и до тех, когда Корменену⁹⁶ и Вильмену⁹⁷ удалось поднять сперва в печати, а затем и в законодательных собраниях вопрос о необходимости ограничить власть префекта — этого нового интенданта, вызванного к жизни Наполеоном I-м, выборными советами, так называемыми общими советами департаментов. Каченовский сильно настаивал также на необходимости порвать с традицией административной опеки, сделать возможным судебный контроль за чиновниками, создав у нас подобие того *contentieux administratif*^{98*}, тех административных судов, какие стали не столько возникать, сколько возрождаться во Франции с эпохи реставрации и июльской монархии. Он, разумеется, ничего бы не имел и против того, чтобы правительственные агенты подлежали той же подսудности, что и обыкновенные граждане, как это имеет место в Англии. Но считаясь с действительностью, с веками созданным всемогуществом дьяков-чиновников, он готов был

* *Французская фраза вписана от руки.*

помириться и с привитием к нам французских порядков административной юстиции. Но, так как ни местное самоуправление, ни институт присяжных, ни несменяемость судей, — этот лучший залог их независимости, не мыслимы при самоуправстве чиновников, то Каченовский прежде всего стал за систему народного представительства, за существование ограничивающих административный произвол избираемых палат, законодательствующих, голосующих ежегодно государственную роспись и осуществляющих контроль за органами исполнения. Назвать его сторонником парламентаризма в тесном смысле слова я бы не решился, но он стоял одинаково и за солидарность, и за ответственность всех членов кабинета, ответственность судебную столько же, сколько и политическую. При тогдашних условиях он не мог прямо высказывать своих мыслей, а воплощал их в исторические очерки судеб английского парламента, венгерского сейма, представительных палат Франции, Пруссии и Австрии. Занятие им дополнительной кафедры государственного права европейских держав открывало для него возможность такой косвенной пропаганды идей конституционализма и публичной свободы граждан. Но как самостоятельный исследователь он выступал только в сфере своей ближайшей специальности — международного права. Его магистерская диссертация «О свободе плавания на морях» осталась ненапечатанной⁹⁹, но того же нельзя сказать о том прекрасном исследовании по источникам первых рук, каким является его монография «О каперах и призовом судопроизводстве»¹⁰⁰. Она, как я уже сказал, была переведена на английский язык и ссылки на нее можно встретить во многих заграничных руководствах, между прочим, в известном курсе англичанина Лоримера «О международном праве»¹⁰¹. Статьями Каченовского дорожили в международном журнале по тому же праву, выходившем и доселе продолжающем выходить в Брюсселе¹⁰².

Свой курс Каченовский стал печатать отдельными выпусками. Их вышло всего 2¹⁰³. Но курс заключал в себе достаточно материала для целого десятка их. Из ненапечатанных отделов весьма интересным представляется очерк итальянской дипломатии эпохи возрождения и выработки в Италии некоторых основ того международного права, которое впоследствии нашло себе признание при заключении Вестфальского мира¹⁰⁴. Дальнейшая судьба того же права изложена была Каченовским частью по работам Лорана¹⁰⁵, частью по известной книге Витона¹⁰⁶. Обширный отдел отводим был им анализу сочинений старых юристов, начиная с предшественников Гуго де Грота и оканчивая представителями нового принципа в международных сношениях, — принципа национальности. Слушатели могли познакомиться, таким образом, и с теорией естественных границ и с учением о европейском равновесии не только в сочинениях отдельных писателей, но и в попытках реального проведения их в жизнь. Догматическую часть курса Каченовского составляли обычные отделы о самодержавии,

равенстве государств и т. д. и т. д. Но он вводил также в свое изложение попытки международного решения авторского права, почтовые и телеграфные конвенции и торговые договоры. Особенно обстоятельно обработан был им отдел военного права и нейтралитета, а всего слабее — частное международное право, так как Каченовский ни мало не был цивилистом. Отпечатанные выпуски касались вопроса о положении международного права в ряду других юридических дисциплин и истории его зарождения в древности и в средние века. Одно время Каченовский собирался издать вместе с профессором Капустиным¹⁰⁷ обширный трактат по международному праву, но вскоре оказалось, что их взгляды несогласимы и каждый пошел своей дорогой. Немало также ценных статей напечатал Каченовский в журнале, издаваемом в 60-х годах Евгенией Тур (графиня Салиас)¹⁰⁸. Я помню заглавие одной из этих статей «О характере французов и англичан»¹⁰⁹. Это своего рода опыт сравнительной народной психологии, отразивший на себе влияние того раздражения, какое вызвало в передовых кругах всей Европы переход Франции от республиканских порядков 1848 г. к дезаризму Наполеона III. И Каченовский уплатил дань тому довольно распространенному в 60-х годах воззрению, что чрезмерное увлечение идеей равенства заставило французов пожертвовать своей свободой, так что у читателя могло составиться то неправильное представление, что всеобщее право голосования в такой же мере ведет к тирании, как представительство одних владетельных классов — к ограниченному, конституционному образу правления. Французскому народу не могли простить плебесцита, давшего, так сказать, отпущение грехов виновникам кровавого переворота 24 декабря 1851 года¹¹⁰.

Не знаю, по какой причине сочинения Каченовского до сих пор не нашли издателя. Некоторое объяснение я нахожу в том обстоятельстве, что Стоянов, сменивший его на кафедре международного права, вместо того, чтобы издать, как мы ожидали, его лекции с некоторыми библиографическими указаниями, переработал их в самостоятельный курс, который и вышел с предисловием, гласившим, что читателю самому предоставляется решить, что внесено им нового в лекции Каченовского¹¹¹. Я не мог одобрить такого приема и открыто высказался на этот счет в статье, напечатанной мною в брюссельском «Журнале международного права»¹¹², и это испортило наши отношения и заставило перенести мой магистерский экзамен в Москву. Вместо того, чтобы сделаться харьковским профессором, я, благодаря этому, стал в течение 10 лет преподавать государственное право в первопрестольной¹¹³. Но об этом я еще буду иметь случай сказать более подробно впоследствии.

Последние годы своей жизни Каченовский провел в упорной борьбе с медленно подтачивающей его чахоткой. Он не хотел оставить преподавание, да и не мог этого сделать по недостатку средств. Нередко голос настолько изменял ему, что он просил

меня читать со скамьи частью составленную, частью только исправленную мною запись его курса. Он изредка прерывал меня, чтобы внести нужные дополнения и разъяснения. Этот курс перед моим отъездом передан был мною Стоянову и более ко мне не вернулся. Мы отнесли дорогого учителя на руках в его усыпальницу. Много речей было произнесено на его могиле, появилось несколько коротких отзывов о его жизни и затем он был забыт на долгие годы, если не навсегда¹¹⁴. А между тем, он вправде считаться у нас первым и, как я полагаю, самым блестящим представителем кафедры международного права. Мартенс приобрел, правда, более громкое имя своей деятельностью в «Международном институте» в Генте¹¹⁵. Его курс переведен был на все языки¹¹⁶. Он принимал участие, как служащий в дипломатическом корпусе, в заключении международных договоров. Он связал свое имя с изданием многотомного сборника «Трактатов России с иностранными державами»¹¹⁷. Он прожил достаточно долго, чтобы дать все то, что может дать человек, поставленный в самые выгодные условия для научной, преподавательской, дипломатической и журнальной деятельности. Каченовский не имел такого простора. Он всю жизнь свою оставался провинциальным профессором. Начальство косилось на него, заподозривая в либерализме. Как руководитель левого меньшинства в университетском Совете и как убежденный западник, он подвергался гонениям со стороны националистов. Одно время поставлен был вопрос о том, чтобы отставить его от кафедры ввиду резкого отношения к славянскому съезду в Москве¹¹⁸. В помещичьей среде его не любили, считая горячим противником крепостного права, чем он и был на самом деле. Я в детстве слышал его имя, сопровождаемое эпитетами интригана и заговорщика. Мне в то время и в голову не могло придти, что этому человеку суждено будет сделаться моим настоящим воспитателем и определить мою дальнейшую деятельность.

Я не сказал пока ни слова о некоторых других профессорах, которых мне пришлось слышать [на] 3 и 4 курсе. В числе их был всеми уважаемый старик Палюмбецкий, профессор уголовного права¹¹⁹. Его курс отличался большой отвлеченностью и потому с трудом был усваиваем студентами, но о редком профессоре можно сказать, что он доводил свои лекции до такой законченности и полноты. Палюмбецкий почти ничего не писал, но он внимательно следил за литературой своего предмета, постоянно совершенствуя свой курс. Нужно ли прибавлять, что он был * представителем классической школы. В то время еще не было речи о каких-либо сомнениях на счет ее неизбежности. Ломброзо¹²⁰ и его последователи вызвали настоящий переворот в постановке уголовного права только много лет спустя. Следуя немецким авторитетам, Палюмбецкий посвящал изложению раз-

* Слово был вписано от руки.

личных теорий наказания целые десятки лекций. Мы затвержи-вали, что наказание, как определил его Гегель, есть отрицание отрицания, которым в свою очередь признавалось преступление. О необходимости считаться с наследственностью или с общественной средою, как с ближайшими факторами преступности, нам с кафедры не говорилось. Самое большее, если лектор затрагивал эти темы в своем учении об увеличивающих и уменьшающих вину обстоятельствах. Зато догматический анализ преступности производим был очень тонко, и лектор нередко высказывал сожаление о том, что положительные законодательства не принимали в расчет всех тех различий, какие теоретикам угодно было устанавливать, напр[имер], в таких вопросах, как пьянство. Он насчитывал три его ступени. Первая определялась им таким образом: «Неумеренная веселость и увеличенная деятельность фантазии, которая переходит в быструю, беспорядочную смену представлений и соединяется с некоторым потемнением самосознания». Третья — тем существенно отличалась от предшествующих, что «завершалась глубоким сном». За исключением православного катехизиса, ни один предмет не требовал от нас большего упражнения памяти, как эта уголовная метафизика. Лектор был строгим экзаменатором и требовал от нас близкого к тексту ответа.

Политическая экономия преподаваема была Сокальским ¹²¹ — человеком с исторической начитанностью и несомненным тяготением к французскому социализму, но без достаточной эрудиции в собственной специальности. На экзамене он попрекнул меня тем, что я не вполне вдумался в его систему. Но на самом деле никакой самостоятельной системы у него не было, а были только попытки примирения классической теории английских экономистов с критикой Сисмонди ¹²², сенсимонистов и отчасти Прудона ¹²³.

Факультет постепенно стал обогащаться новыми силами, которых Сокальский сумел привлечь к преподаванию, как прикладной части политической экономии, так и финансового права. Первая читалась под именем права полицейского молодым приват-доцентом Гаттенбергером, который при мне начал свою карьеру, к сожалению, кончившуюся преждевременно благодаря ранней смерти ¹²⁴. Мы научились у него многому, что совершенно оставлено было втуне Сокальским, а именно: теории кредита, банков и денежного обращения, теории биржевых сделок, теории железнодорожного обращения. Финансовое право одно время стал читать у нас немец Валькер. Но он так плохо владел русским языком, что скоро остался без слушателей и предпочел уйти. Его заменил известный в настоящее время всей России председатель бюджетной комиссии Михаил Мартынович Алексеенко ¹²⁵. Он был еще очень молод, преувеличивал нашу способность к усвоению цифровых данных и отводил, к сожалению, чересчур много места в своем курсе истории русской налоговой системы со времен Московского царства.

В числе обязательных предметов для всех студентов было и богословие, и судебная медицина, и русская история. Богословие читалось даже два года, — апологетическое и догматическое. Лекции слабо посещались: профессор не мог, к сожалению, забыть собственной диссертации «О религиозном органе»¹²⁶, излагал нам ее в подробностях, отводя много места полемике с Фейербахом, Штраусом и Ренаном¹²⁷. Почти никто не готовился у него к экзамену. Подметив его слабость к разносу материалистов, мы обыкновенно довольствовались ожесточенными нападками на них в наших ответах и получали за то удовлетворительную отметку.

Гимназическая подготовка к естественным наукам была настолько слаба, что преподавателю судебной медицины Залесскому¹²⁸, очень способному и много обещавшему лектору, приходилось уделять чуть ли не половину своего курса сообщению нам необходимых сведений по анатомии и физиологии. К экзамену мы готовились по Шайнштейну, книга которого незадолго перед тем была переведена на русский язык¹²⁹.

Всего неудачнее было поставлено преподавание русской истории. Ученик Соловьева Генн[адий] Карпов¹³⁰, уверяя нас, что следует методу своего учителя, читал нам летопись Нестора с слабыми комментариями и старался заинтересовать нас спорами князей из-за занятия Киевского стола. Мы не в состоянии были разделить его пристрастие, и он, уступая нашему нескрываемому желанию расстаться с ним как можно скорее, покинул кафедру, не доведя своего курса до конца.

И вот, настала для меня пора окончательного экзамена. Его приходилось сдавать по всем предметам, прочитанным нам за 4 года. В короткий срок мы должны были перечитать массу тетрадей; некоторые изнемогали от непомерных усилий и не довели дело до конца. К числу их едва не присоединился и я. Но мать¹³¹ пригрозила мне, что уедет за границу одна, и я, не дочитав некоторых билетов, решил пойти на экзамен к Каченовскому. Судьба отнеслась ко мне жестоко, но справедливо. Я вынул нечитанный мною билет о влиянии международного права на исторические судьбы человечества. Выслушав мой ответ, Каченовский заметил мне, что я говорил не на тему и развивал перед ним свои мысли о влиянии исторических судеб человечества на изменение международного права. Эти мысли он считает, однако, правильными и отвечающими историческим данным, но так как они все же не могут считаться ответом на поставленный вопрос, то он, к сожалению, принужден уменьшить отметку. Чтобы исправить ее, мне пришлось затем уже по сдаче всех экзаменов дать письменный ответ по одному из вопросов международного права, и на этот раз мне не повезло. Пришлось писать на тему «О влиянии христианства и отцов церкви на установление понятий о международной справедливости». Я пустился в общие соображения и в одном месте приписал одному духовному отцу то, что было сказано другим. Исправив эту ошибку, Каче-

новский назвал свое поведение последней придиркой, поставил мне желанное «5» и дал мне возможность выйти из университета первым кандидатом.

Если я спрошу себя в настоящую минуту, что дал мне университет за 4 года моего пребывания в нем, то я должен буду по чистой совести сказать, что он не сделал из меня юриста. Любой немецкий студент выходит с большими познаниями в области цивилистики и криминалистики. Но зато он свободен от обременения своей памяти целым рядом данных, без которых может обойтись юрист-практик, как и юрист-теоретик. Для него не обязательны ни статистика, ни богословие, ни даже отечественная история. Зато он знает не только римское, но и каноническое право, которого у нас вовсе не читают. Стать доктором *utriusque juris* *¹³² можно было в Германии только под этим условием.

Университету я обязан, если не говорить о специальной подготовке по государственному и международному праву, прежде всего и главным образом, моим общим развитием. Он вызвал во мне известные запросы, породил определенные научные воззрения, дал направление моей не только теоретической, но и практической деятельности, оказал на меня не только образовательное, но и воспитательное влияние. И всего этого он достиг не одними лекциями и практическими занятиями, но и открытием мне возможности тесного товарищеского общения, возможности кружковой жизни с людьми, для которых не менее меня было дорого выработать себе определенное мирозерцание с помощью чтений и живого обмена мыслей. Вот почему сводить роль университетов к одним лекциям и семинариям, относиться к студентам как к посторонней публике, с которой профессор входит в непосредственное общение только на экзамене, препятствовать образованию между слушателями научных кружков и сходок, запрещать им посещение лекций на других факультетах, кроме избранного ими, отказываться от всякого личного обмена мнений с ними, от подачи им советов и литературных указаний — равнозначно сведению университета к роли специальной школы, роли, при которой он не может служить воспитанию и всестороннему развитию подрастающих поколений. Ранняя специализация в моих глазах является не полезною, а вредною. Те, кто пожелает посвятить себя научной работе и углублению в избранный ими предмет, найдут для этого достаточно времени, в годы предшествующие магистерскому экзамену и работе над диссертацией. Но кто в годы, когда не сформировавшийся еще ум ищет для себя решения основных вопросов жизни и духа, не найдет средств удовлетворить этому вполне естественному желанию на студенческой скамье, — останется навсегда недоконченным в своем развитии человеком. Даже для специальности необходима возможно широкая общая подготовка. А она особенно нужна там, где, как [в] России, средняя

* Фраза вписана от руки.

школа оставляет значительный пробел. Харьковский университет оказал мне ту услугу, что позволил мне заполнить эти пробелы и дал мне направление для моей дальнейшей деятельности. И за это, пожалуй, более воспитательное, чем образовательное влияние, я сохранил о нем добрую память.

Примечания

- ¹ Рославский-Петровский Александр Петрович (1816—1872) — историк и статистик, профессор истории Харьковского университета.
- ² См. «Лекции статистики, читанные в Харьковском университете адъюнктом Александром Рославским». Харьков, 1841; *он же*. Руководство к статистике. Харьков, 1844.
- ³ См.: А. П. Рославский-Петровский. Руководство к истории главных народов Древнего Востока и их цивилизаций, вып. 1—2. Харьков, 1865—1869.
- ⁴ Манефон — древнеегипетский историк конца IV — начала III в. до н. э., жрец в Ольвиополе.
- ⁵ Т. е. Первая мировая война.
- ⁶ Бингерсхук (Bynkershoek или Bijkershoek) Корнелис ван (1673—1743) — голландский юрист.
- ⁷ «*Ratio, ipsa, inquam, ratio est juris gentium anima*» (лат.) — «Разум, говорю я вам, есть рациональное зерно международного права» (см. Bynkershoek C. v. *Quaestionum juris publici libri duo, quorum primus est de rebus bellicis, secundus de rebus varii argumenti. Lugduni Batavorum, Apud Joannem van Kerckhem, 1737, с. 2*).
- ⁸ Лоран (Laurent) Франсуа (1810—1887) — бельгийский историк и юрист, профессор гражданского права Гентского университета (См. *F. Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. Histoire du droit des gens, vol. 1—18. Paris, 1865—1880*).
- ⁹ Галлам (Hallam) Генри (1777—1859) — английский историк (См.: *H. Hallam. A View of the State of Europe during the Middle Ages, vol. 1—3. London, 1818*). В Англии эта работа была переведена в 1848 г. с существенными дополнениями.
- ¹⁰ Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский историк и государственный деятель (См.: *F. Guizot. Cours d'histoire moderne, vol. 1—6. Paris, 1828—1830*. Сюда входят: «*Histoire de la civilisation en France*» и служащая введением к ней: «*Histoire de la civilisation en Europe*». На русском языке впервые см.: *Ф. Гизо. История цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции*. СПб., 1860; *он же*. История цивилизации во Франции от падения Западной Римской империи. СПб., 1861).
- ¹¹ Бокль (Buckle) Генри Томас (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист (См.: *Н.-Т. Buckle. Histoire of Civilization in England, vol. 1—2. London, 1857; Г.-Т. Бокль. История цивилизации в Англии, т. 1—2. СПб., 1862—1865*).
- ¹² Стоянов Андрей Николаевич (1830—1907) — до 1885 г. профессор истории законодательства Харьковского университета, читал также международное право, энциклопедию права и римское право; в 1876—1886 гг. декан юридического факультета.
- ¹³ Станиславский Антон Григорьевич (1817—1870) — с 1857 г. профессор энциклопедии и римского права Харьковского университета (См.: «Записки римского права (система), составленные по лекциям ординарного профессора А. Г. Станиславского». Харьков (18...)).
- ¹⁴ Потехин Александр Афанасьевич (1835—1891) — филолог, с 1875 г. — профессор Харьковского университета.

- ¹⁵ Конт (Comte) Огюст (1798—1857) — французский философ и социолог, основоположник позитивизма. Милль Д.-С.— см. примеч. 65.
- ¹⁶ Цитович (Цытович) Петр Павлович (1843—1913) — доцент Харьковского университета по кафедре гражданского права, впоследствии член совета Министерства финансов.
- ¹⁷ Гаттенбергер Константин Константинович (1843—1893) — юрист, профессор полицейского права Харьковского университета.
- ¹⁸ Книс (Knies) Карл Густав Адольф (1821—1898) — немецкий экономист, профессор Фрейбургского и Гейдельбергского университетов.
- ¹⁹ Владимиров Леонид Евстафьевич (1845—?) — криминалист, с 1873 г. профессор уголовного права Харьковского университета.
- ²⁰ Каченовская Вера Кондратьевна — мать Д. И. Каченовского.
- ²¹ Шимков Андрей Петрович (1839—?) — физик, профессор Харьковского университета.
- ²² Бекетов Николай Николаевич (1826—1911) — химик, в 1855—1887 гг. профессор Харьковского университета, с 1886 г. — академик.
- ²³ Гиршман Леонард Леопольдович (1839—1921) — окулист, заслуженный профессор и директор глазной клиники Харьковского университета.
- ²⁴ Петенкофер (Petenkoffer, в тексте: Патенкофер) Макс (1838—1901) — немецкий врач-гигиенист.
- ²⁵ Рындовский Григорий Семенович (1814—1898) — врач, профессор фармакологии Харьковского университета, учредитель Благотворительного и Музыкального обществ и Ботанического сада в Харькове.
- ²⁶ Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — юрист, общественный деятель; в 1867 г. — товарищ прокурора Харьковского окружного суда, с 1890 г. — академик, с 1891 г. — сенатор, почетный член Московского университета, в 1918—1922 гг. — профессор Петроградского университета.
- ²⁷ Миттермейер (Mittermaier) Карл Иосиф Антон (1787—1867) — немецкий юрист-криминалист, автор работы: «Das englische, schottische und nord-amerikanische strafverfahren im zusammenhange mit den politischen, sittlichen und socialen zuständen und in den einzelheiten der rechtsübung, dargestellt». Erlangen, 1851.
- ²⁸ Бинер (Biener) Фридрих-Август (1787—1861) — немецкий историк права, в 1810—1834 гг. — профессор Берлинского университета (См.: *F.-A. Biener. Beiträge zu der Geschichte des Inquisitions-process und der geschwornen-gerichte.* Leipzig, 1827).
- ²⁹ Учреждение кафедры государственного права, как самостоятельной, было утверждено университетским уставом 1863 г.
- ³⁰ Книга указанных авторов в советских книгохранилищах не обнаружена.
- ³¹ Эскирос (Esquiros) Анри Альфонс (1812—1876) — французский писатель и политический деятель, в 1849 г. — член Законодательного собрания, после поражения революции был изгнан из Франции, с 1851 г. жил в Англии (См.: *A. Esquiros. L'Angleterre et la vie anglaise.* Bruxelles, 1859; то же, на англ. яз., 2-е изд. — *English at home.* London, 1861).
- ³² Зарудный Митрофан Иванович (1834—1883) — юрист, член комиссий по подготовке судебных уставов. М. М. Ковалевский в данном случае дает неверное название, следует: *М. И. Зарудный.* Общественный быт Англии. Очерки земства, города и суда с характеристикою соответствующих учреждений Франции и современных преобразований в России. СПб., 1865.
- ³³ Васильчиков Александр Илларионович (1818—1881) — помещик, земский деятель, экономист и публицист, автор сочинения «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» (т. 1—3. СПб., 1869—1871).
- ³⁴ Рындовская (урожденная Познанская) Мария Игнатьевна — сестра Е. И. Ковалевского, матери М. М. Ковалевского.
- ³⁵ Данквардт (Dankwardt) Генрих — немецкий юрист, адвокат в Ростове — устанавливавший связь между юриспруденцией и народным хозяйством. Один из этюдов его книги «Nationalökonomie und Jurisprudenz»

- (In 4 Teilen. Rostock, 1854—1859) был переведен в России — «Гражданское право и общественная экономия». Этюды Данквардта. Пер. П. Цитовича. СПб., 1866.
- ³⁶ Лассаль (Lassale) Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в немецком рабочем движении — лассальянства. В данном случае Ковалевский имеет в виду работу Лассалья «Das System des Erworbenen Rechte». In. 2 Teilen (Leipzig, 1861). В этой работе Лассаль останавливался на вопросе обратного действия законов и характеристике римского и германского наследственного права в их историческом развитии. Стоя на идеалистических позициях он утверждал, что развитие права есть развитие идей.
- ³⁷ Арндт (Arndts von Arnesberg) Карл Людвиг (1803—1878) — немецкий юрист, профессор юриспруденции Боннского, Бреслауского, Мюнхенского, с 1855 г. — Венского университетов (См.: *K.-L. Arndts von Arnesberg. Lehrbuch der Pandekten. München, 1855*).
- ³⁸ Гражданское право, действовавшее в Германии в XVI—XIX вв., являлось, по существу, переработкой римского частного права и византийских пандектов, которые, в свою очередь, представляли собой систематизацию извлечений из сочинений римских юристов. Пандектное право оказало большое влияние на буржуазную теорию права.
- ³⁹ Стоянов Антон Григорьевич (1817—1883) — профессор римского права Харьковского университета (См.: *А. Г. Стоянов. Записки римского права. Составлено по лекциям. Харьков, [18...]*).
- ⁴⁰ Рудольф (Rudorff) Адольф-Август-Фридрих (1803—1873) — немецкий историк, профессор Берлинского университета. (См.: *A. Rudorff. Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1857—1859*).
- ⁴¹ Столон Гай Лициний Кальв — политический деятель Древнего Рима; в 377 г. до н. э. — народный трибун; в 367/366, 364 и 361 гг. до н. э. — первый плебейский консул. В первый год своего консульства, совместно с консулом Секстием Латераном, провел ряд законов, которые были направлены против роста крупного землевладения и привилегий патрициев и свидетельствовали об экономическом и политическом усилении плебса. Существенным моментом этих мероприятий явилось ограничение права «окуппации», т. е. взятия во временное и условное владение земли из «общественного поля», нормой не более 500 югеров (125 га).
- ⁴² Сокальский Иван Петрович (1830—1896) — профессор политической экономии и статистики Харьковского университета (См.: *И. П. Сокальский. Англо-саксонская сельская община. Первобытная англо-саксонская община. Харьков, 1872*).
- ⁴³ Фриман (Freeman) Эдуард (1823—1892) — английский историк, профессор Оксфордского университета (См.: *E. Freeman. The history of Norman Conquest of England, its causes and its results, vol. 1—6. Oxford, 1867—1879*).
- ⁴⁴ Ошибка. Автором работ на данную тему является Кембл (Kemble) Джон-Митчел (1807—1857), английский историк и филолог (См.: *J. M. Kemble. The Saxons in England. A History of the English Commonwealth till the period of the Norman Conquest, vol. 1—2. London, 1849; он же. Anglo-Saxons law and institutes; incunabula juris Anglicant. London, 1841*).
- ⁴⁵ Нассе (Nasse) Эрвин (1829—1890) — немецкий экономист, профессор Базельского, Ростокского и Боннского университетов.
- ⁴⁶ Сибом (Seebohm) Фредерик (1833—1912) — английский экономист, банкир. (См.: *F. Seebohm. The English Village Community. London, 1883*).
- ⁴⁷ Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — в 1884—1902 и 1908—1910 гг. — профессор всеобщей истории Московского университета, с 1903 г. — профессор юриспруденции Оксфордского университета.
- ⁴⁸ Речь идет о «Капитале» Карла Маркса (См.: *K. Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie, Bd. 1. Hamburg, 1867; Bd. 2—3,*

- hrsq. von Fr. Engels. Hamburg, 1885—1894; в рус. переводе: *К. Маркс*. Капитал. Критика политической экономии, пер. с нем. [Н. Даниельсона], т. I. СПб., 1872; т. II—III. СПб., 1885—1896).
- 49 Кауц (Kautz) Юлиус (1829—1909) — венгерский экономист, профессор Пештского университета, в 1892—1900 гг. — директор Австро-венгерского банка (См.: *I. Kautz. Theorie und geschichte der national-oekonomie. Progruälen zum volks — und staats — Wirthschaftlichen studium. Bd. 1—2. Wien, 1858—1860*).
- 50 Хаммурапи (в тексте: Гаммураби) — царь Вавилонии в 1792—1750 гг. до н. э., автор законов. Текст судебника был найден французской археологической экспедицией Жака де Моргана в 1901—1902 гг. в Иране (недалеко от г. Шупшера), в районе древнего г. Сузы.
- 51 Иеринг (Ihering) Рудольф фон (1818—1892) — немецкий юрист, профессор Базельского, Ростокского, Гиссенского, Венского и Геттингенского университетов.
- 52 Ашшурбанипал — ассирийский царь в 668—631 до н. э.
- 53 Бунге Николай Христианович (1823—1895) — экономист, с 1859 г. читал курс политической экономии в Киевском университете, ректор, в 1881—1886 гг. — министр финансов, с 1887 г. — председатель Комитета министров.
- 54 Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социолог и публицист, экономист, один из основоположников анархизма. Ковалевский имеет в виду работу Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (См.: *P. Proudhon. Système des contradictions économique, ou Philosophie de la misère, vol. 1—2. Paris, 1846*, а также: *P. Proudhon. Du principe fédératif et de la nécessité du reconstituer le parti de la revolution. Paris, 1863*).
- 55 В работе «Система экономических противоречий» Прудон выступил пропагандистом «слияния» в один класс пролетариата и буржуазии. Объявляя эксплуатацию пролетариата лишь «злоупотреблениями» со стороны буржуазии, он видел возможность их ликвидации в создании дарового кредита и организации взаимных (*mutuel* — (фр.) взаимность) услуг всех членов общества, т. е. в организации обществ взаимопомощи, кооперативов и т. п. Подобные рассуждения Прудона, затупевывавшие классовые противоречия, могли нанести серьезный вред рабочему движению. В 1847 г. с критикой взглядов Прудона и выступил К. Маркс (См.: *К. Маркс*. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты г-на Прудона». — *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 65—185).
- 56 Ковалинский Дмитрий Михайлович, — генерал-майор, начальник Харьковского губернского жандармского управления.
- 57 Ковальский Яков Игнатьевич (1845—?) — кандидат Харьковского университета, лаборант при физическом факультете. За участие в революционном движении неоднократно привлекался к следствию. После 1879 г. преподавал в Пажеском корпусе.
- 58 Ковальская Елизавета Николаевна (урожденная Солнцева) (1852—1933) — жена Я. И. Ковальского, революционерка, член партий «Земля и воля» и «Черный передел»; в 1881 г. была приговорена к бессрочной каторге; в 1903—1917 гг., находясь в эмиграции, состояла в партии эсеров; в 1918—1923 гг. — сотрудник Государственного архива, затем член редколлегии журнала «Каторга и ссылка». В своей автобиографии Е. И. Ковальская описывает свое знакомство с М. М. Ковалевским: «У меня организовался мужской кружок, занимавшийся общественными вопросами. Он не был еще революционным, но был «радикального направления». В этот кружок, между прочим, входил молодой студентом М. М. Ковалевский. Рядом с этим кружком я организовала исключительно женский, интересовавшийся социализмом. М. М. Ковалевский, владевший хорошо французским языком, имевший доступ в университетскую библиотеку, помогал мне извлечением из французских источников составлять рефераты из Фурье, Сен-Симона, Оуэна и других уто-

- пистов, хотя сам не сочувствовал социализму, считая его неосуществимым» («Энциклопедический словарь Гранат», т. 40, стр. 192; *Л. Левандовский*. Елизавета Николаевна Ковальская. М., 1928, стр. 14—15).
- ⁵⁹ Тентетников Андрей Иванович — персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (т. II).
- ⁶⁰ Грубе Вильгельм Федорович (1827—1898) — профессор, директор хирургической клиники Харьковского университета.
- ⁶¹ Шабельский — товарищ М. М. Ковалевского по Харьковскому университету.
- ⁶² Кропоткин Дмитрий Николаевич (1836—1879), кн., двоюродный брат П. А. Кропоткина, флигель-адъютант, харьковский генерал-губернатор. 9 февраля 1879 г. убит народовольцем Г. Гольденбергом.
- ⁶³ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882) — революционер-народник, анархист; в 1869 г. организовал общество «Народная расправа»; в 1872 г. был выдан швейцарскими властями русскому правительству и осужден на пожизненное заключение в Петропавловской крепости, где и умер.
- ⁶⁴ Речь идет об Иваницком Федоре Игоревиче (1869—?). Революционер-народник, в 1883 г. привлечался по делу В. Н. Фигнер, был приговорен к ссылке, где пробыл до 1891 г. Вернувшись из ссылки, Ф. И. Иваницкий принимал активное участие в освободительном движении, являясь и членом «Союза Освобождения», с 1905 г. — кадет. После роспуска I Государственной думы был выслан из Харьковской губ. за подпись Выборгского воззвания.
- ⁶⁵ Милль (Mill) Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ и экономист (См.: *J.-S. Mill. Consideration on Representative Government. London, 1861*; на русском языке впервые — *Д.-С. Милль. Размышления о представительном правлении*, вып. 1—2. СПб., 1863—1864).
- ⁶⁶ Токвиль (Tocqueville) Алексис (1805—1859) — французский историк, в 1848 г. — член Учредительного собрания, в 1849 г. — министр иностранных дел в кабинете Одилона Барро (См.: *A. Tocqueville. De la démocratie en Amérique, vol. 1—2. Bruxelles, 1835; он же. Democracy in America. Translated by Henry Reeve, vol. 1—4. London, 1835—1840*; на русском языке впервые: *А. Токвиль. Демократия в Америке*. Пер. с 12-го издания, пересмотренное, исправленное и дополненное сравнительным исследованием демократии в Соединенных Штатах Америки А. Якубович, т. 1—4. Киев, 1860; *он же. L'Ancien régime et la Révolution. Paris, 1856*; на русском языке впервые: *А. Токвиль. Старый порядок и революция*. Перевод с французского. СПб., 1860).
- ⁶⁷ Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, историк, философ, публицист, в 1861—1868 гг. — профессор Московского университета, в 1882—1883 гг. — московский городской голова (См.: *Б. Н. Чичерин. О народном представительстве*. М., 1866).
- ⁶⁸ Кокс (Cox) Эдуард Вильям (1809—1879) — английский юрист.
- ⁶⁹ Батби (Batbie) Ансельм Поликарп (1828—1887) — французский юрист и политический деятель, в 1873 г. — министр народного просвещения, сенатор.
- ⁷⁰ В «Вестнике Европы», кроме статьи об искусстве Флоренции (см. примеч. 73), Д. И. Каченовским была помещена еще лишь одна рецензия (См.: *К[аченовский]*. Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете. Харьков, 1868.— «Вестник Европы», 1868, кн. 12, стр. 917—923). В это время Каченовский сотрудничал, в основном, в «Русском слове» (См.: «Вступительная лекция по международному праву, читанная профессором Д. И. Каченовским по возвращении из-за границы в имп. Харьковском университете» (24 сентября 1859 года).— «Русское слово», 1860, кн. 4, стр. 1—17; *он же*. Воспоминания о Маколя (Дорогой памяти Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева).— Там же, 1860, кн. 7, стр. 55—111; *он же*. Труды общества, учрежденного в Англии для развития общественной науки. Transactions of the National association for promotion of the Social science.

- London, 1858—1860. 3 vols.— Там же, 1860, кн. 11, стр. 59—80; кн. 12, стр. 46—69; *он же*. Рассказы об Испании.— Там же, 1863, кн. 1, стр. 41—53. Наряду с этим Каченовский публиковал свои статьи и в других изданиях: «Прежнее и нынешнее положение русских университетов» («Одесский вестник», 1862), «Политические очерки. Понятие о государстве у французов» («Санкт-Петербургские ведомости», 1863, № 99), биографический очерк о К. Льюисе (там же, 1864), и в «Русской речи» (см. примеч. 108).
- 71 Пасси (Passy) Ипполит (1793—1880) — французский экономист и политический деятель, министр иностранных дел в кабинетах Тьера (1840 г.) и Одилона Барро (1849 г.). (См.: *H. Passy. Des formes de gouvernement et des lois qui les régissent. Paris, 1870*).
- 72 См.: *D. Katchénowsky. Nouvelles recherches sur les formes de gouvernement.— «Revue de droit international et de législation comparée», t. III. Bruxelles, 1871, pp. 12—54*. Этот журнал был основан в 1869 г. Г. Ролин-Жекуминсом, Т. Ассером и Д. Вестлаком, выходил в Брюсселе тремя сериями: серия 1 (тт. 1—30, 1869—1898); серия 2 (тт. 1—16, 1899—1914); в 1915—1919 гг. не издавался; и серия 3 (тт. 1—20, 1920—1939).
- 73 В это время Каченовским было прочитано два доклада на харьковских литературных вечерах: «Искусство и общественная жизнь Флоренции в XIV и XV столетиях» и «Причины постепенного упадка искусства в Западной Европе с половины XVI столетия». Итогом этих интересов явилось опубликование статьи «Флоренция и ее старые мастера» (см. «Вестник Европы», 1869, № 8, стр. 634—683; № 10, стр. 678—750), а также ряд небольших статей о Микельанджело и искусстве Западной Европы, опубликованных уже после смерти их автора в газете «Харьков» (1877—1878 гг.). Об этом см. также: *H. Ф. Сумцов. Художественные интересы Д. И. Каченовского (без места и года издания); он же. Труды Д. И. Каченовского по истории искусства.— Газета «Южный край», 1901, №№ 6905, 6906*.
- 74 См. *А. Г. Станиславский. Данте Алигьери. Биографический очерк. Харьков, 1864*.
- 75 См. *М. М. Ковалевский. Д. И. Каченовский. Характеристика Д. И. Каченовского в связи с личными о нем воспоминаниями. Харьков, (б/д); М. М. Ковалевский. Мое научное и литературное скитальчество.— «Русская мысль», 1895, кн. 1, стр. 61—80*.
- 76 Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — историк и общественный деятель, с 1839 г.— профессор всеобщей истории Московского университета.
- 77 Кудрявцев Петр Николаевич (1816—1858) — историк, с 1847 г.— профессор Московского университета, друг Т. Н. Грановского.
- 78 Лекция Д. И. Каченовского «Мемуар о современном состоянии международного правоведения» была им прочитана в 1859 г. и вскоре же опубликована в органе Юридического общества (См.: *D. Katchénowsky. On the present state of international jurisprudence.— «Papers of the Juridical Society», 1862*). Здесь же им была опубликована и биографическая заметка о немецком публицисте Вурме (см. «Papers of the Juridical Society», 1859), см. также некролог Каченовского на смерть Вурма («Русский вестник», 1859, кн. 3-4, стр. 136—144).
- 79 Вестлак (Westlake) Джон (1828—1913) — английский юрист, член парламента, в 1888—1908 гг.— профессор международного права Кембриджского университета.
- 80 Пратт (Pratt) Фредерик Томас (1799—1868), английский юрист, адвокат лондонской корпорации «Doctor's Commons», переводчик.
- 81 Знакомство Д. И. Каченовского с А. И. Герценом относится к 1858 г. В письме к М. К. Рейхель от 8 апреля 1858 г. Герцен так отзывался о нем: «Качен[овским] я бесконечно доволен — он очень умный и делильный человек» (*А. И. Герцен. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. XXVI. М., 1963, стр. 171*). Каченовский несомненно информировал Герцена о рос-

сийских делах и, прежде всего, харьковских. На это имеется ряд указаний. Так, например, в «Колоколе» (лист 20 от 1 августа 1858 г.) Герцен поместил статью «Харьковская история», по поводу которой М. К. Лемке говорил, что «по всей вероятности, написано со слов Каченовского» («Полное собрание писем и сочинений А. И. Герцена», т. IX. Пг., 1919, стр. 590; *А. И. Герцен*. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. XIII. М., 1958, стр. 573). На этот факт указывает и письмо Г. С. Рындовского Каченовскому в Лондон (*А. И. Герцен*. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. XIII, стр. 626).

«Колокол» издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым с 1 июля 1857 г. по 1 июля 1867 г. и было выпущено 245 номеров (листов).

- ⁸² Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913) — философ-позитивист, писатель, журналист.
- ⁸³ Лист (List) Франц фон (1851—1919) — немецкий юрист, автор курса «Международное право в систематическом изложении» (1-е издание: Берлин, 1898; всего вышло 11 изданий).
- ⁸⁴ Парижский конгресс работал с 25 февраля по 30 марта 1856 г.
- ⁸⁵ М. Ковалевский ошибается: лондонская декларация о праве морской войны была подписана 26 февраля 1909 г. (См.: «Лондонская морская конференция 1908—1909». СПб., 1910). Страны-участницы конференции (Германия, САСШ, Австро-Венгрия, Испания, Франция, Великобритания, Япония, Италия, Нидерланды и Россия), подписавшие декларацию, согласились с тем, что она «в существе своем соответствует началам международного права» (там же, стр. 195). Несмотря на это декларация не была ратифицирована ни одним из подписавших ее государств. Она рассматривалась как документ, в котором были зафиксированы общепризнанные правила и обычаи морской войны того времени. Однако, ни одно государство с началом Первой мировой войны, не придерживалось положений декларации.
- ⁸⁶ Гроций Гуго де Гроот (1583—1645) — голландский историк, юрист и дипломат. Его трактат «*De Mari libero*» («Свободное море») был направлен против исключительного права торговли Испании в Индии и защищал проект свободного пользования морями.
- ⁸⁷ Сельден (Selden) Джон (1584—1654) — английский юрист и историк. В книге «*Mare Clausum*» («Закрытое море») Сельден выступил против принципа Гроция «*Mare liberum*» и обосновал английские притязания на господство над морями.
- ⁸⁸ Во время своей первой заграничной командировки Каченовский сблизился с находившимся в Лондоне Б. Н. Чичериным. По свидетельству последнего, Каченовский был солидарен с ним в оценке Герцена, «и так же, как и я, был поражен отсутствием у него всякого серьезного основания» (*Б. Н. Чичерин*. Воспоминания. Т. 3. Путешествие за границу. М., 1932, стр. 53). Каченовским было одобрено письмо Чичерина к Герцену, опубликованное последним под названием «Обвинительный акт» (См. «Колокол», лист 29, 1 декабря 1858 г., стр. 235—239). Каченовский сказал, якобы, при этом Чичерину: «Вы ничего лучшего не писали. Псылайте непременно» (*Б. Н. Чичерин*. Воспоминания, стр. 54).
- ⁸⁹ Д. И. Каченовский скончался 21 декабря 1872 г. от туберкулеза легких.
- ⁹⁰ А. И. Герцен умер 9 (21) января 1870 г. от воспаления легких.
- ⁹¹ Тьер (Thiers) Адольф (1797—1877) — французский историк и государственный деятель, палач Парижской Коммуны. В 1836 и 1840 гг. — премьер-министр, в 1871—1873 гг. — президент республики.
- ⁹² Дюпон-Уайт (Dupont-White) Шарль (1807—1878) — французский адвокат и политический деятель; сторонник централизации и расширения компетенции правительственной власти.
- ⁹³ Токвиль А. см. прим. 66.
- ⁹⁴ Прево-Парадоль (Prévost-Paradol) Люсьен (1829—1870) — французский журналист, академик; либерал, впоследствии сторонник имп. Наполеона III.
- ⁹⁵ Ришелье (Richelieu) Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — герцог,

кардинал, французский государственный деятель. Создание Ришелье института интендантов преследовало цель укрепления абсолютистского государства. Назначенные на места интенданты выполняли административные функции и являлись исполнителями лишь королевской власти, будучи, в то же время, совершенно неподсудными парламентской юстиции. В 1648 г., во время Фронды, в некоторых провинциях должность интендантов была отменена, но уже в 1654 г. — вновь восстановлена. Лишь после революции 1789 г. часть их функций перешла к префектам.

- ⁹⁶ Корменен (Kormenen) Луи Мари де ла Ге (1788—1868) — виконт, французский юрист, политический деятель, в 1848 г. — вице-президент Учредительного собрания.
- ⁹⁷ Вильмен (Villemain) Абель Франсуа (1790—1870) — французский писатель и государственный деятель.
- ⁹⁸ Contentieux administratifs (франц.) — юридическая администрация, административные суды.
- ⁹⁹ М. Ковалевский ошибается — магистерская диссертация Д. И. Каченовского называлась «Исторический обзор положений международного права о владычестве над морями». Рукопись диссертации хранилась у Я. О. Балясного.
- ¹⁰⁰ См.: Д. И. Каченовский. О каперах и призовом судопроизводстве в отношении к нейтральной торговле. М., 1855. Каперство — нападение вооруженных частновладельческих судов воюющего государства на неприятельские торговые суда, а также на торговые суда нейтральных стран. Каченовский требовал уничтожения каперства. Парижская декларация 1856 г. провозгласила отмену каперства.
- Работа Каченовского была переведена на английский язык с коррективами самого автора (См.: *D. Kachenovsky. Prize Law: particularly with reference to the duties and obligations of Belligerents and Neutrals. Translated from Russian by F.-T. Pratt. London, 1867.* А. Н. Стоянов, характеризующу эту работу, писал: «Докторская его диссертация... составила капитальное приобретение для литературы международного права. Встреченная серьезно и в то же время лестною рецензиею известного германского публициста Вурма... книга эта теперь цитируется лучшими публицистами Англии, Франции и Германии» («Вестник Европы», 1873, кн. 2, стр. 951).
- ¹⁰¹ Лоример (Lorimer) Джеймс (1818—1890) — английский юрист, профессор международного права Эдинбургского университета (См.: *J. Lorimer. The institutes of Law, a treatise of the principles of jurisprudence as determined by nature. Edinburgh, 1872.*)
- ¹⁰² См.: *D. Kachenovsky. Exposé scientifique du droit international (1863—1866) par le comte Kamarowsky.* — «Revue de droit international et de législation comparée», t. VIII. Bruxelles, 1876.
- ¹⁰³ См.: Д. И. Каченовский. Курс международного права, ч. 1—2. Харьков, 1863—1866. Курс включал в себя введение, исторический обзор, и прерывался на средних веках; переведенный на английский язык, он не был напечатан из-за последовавшей смерти переводчика доктора Пратта (См.: «Вестник Европы», 1873, кн. 2, стр. 951).
- ¹⁰⁴ Вестфальский мир был подписан 24 октября 1648 г.
- ¹⁰⁵ Лоран Ф. см. прим. 8.
- ¹⁰⁶ Витон (Wheaton) Генри (1785—1848) — американский юрист и политический деятель, профессор Гарвардского университета (См.: *G. Wheaton. Elements of international law: with a sketch of the history of the science. London, 1836.*)
- ¹⁰⁷ Капустин Михаил Николаевич (1828—1899) — юрист, профессор международного права Московского университета, позднее — директор Демидовского лицея в Ярославле, попечитель Дерптского, а затем Петербургского учебных округов. Каченовский пишет о том, что они с Ка-

пустынным «действительно думали обработать по частям „библиографию или литературу международного права“, но этого не произошло, так как «я убедился, что расхожусь с ним как в основных взглядах на науку, так и в способах пользования ее материалами» (*Д. Каченовский. Курс международного права*, ч. 1. Харьков, 1863, стр. XIII—XIV).

- ¹⁰⁸ Салиас де Турнемир (псевдоним: Евгения Тур) Елизавета Васильевна, графиня (урожд. Сухова-Кобылина) (1815—1892), — писательница; в 1861 г. издавала газету «Русская речь. Обзорение литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России», №№ 1—38). В мае того же года газета слилась с «Московским вестником» и с № 39 стала выходить под названием «Русская речь и Московский вестник» (издатель — Е. В. Салиас де Турнемир, редактор — Е. М. Феоктистов). Газета выходила два раза в неделю и не имела четкого направления.
- ¹⁰⁹ См.: *Д. И. Каченовский. Заметки о характере французов и англичан.* — «Русская речь», 15 января 1861, № 5, стр. 72—76; 19 января, № 6, стр. 90—95. Кроме этого, Каченовским были опубликованы еще две статьи: «Мои встречи и беседы с г-жею Джемсон. Рассказ путешественника (Посвящается преподавательницам женской воскресной школы в Харькове)». — «Русская речь и Московский вестник», 27 августа 1861, № 69, стр. 253—258; 31 августа, № 70, стр. 269—273; 3 сентября, № 71, стр. 285—287; и «Новая Европа и новая Россия. Лекция, читанная 6 октября 1861 года в Харьковском университете». — Там же, 3 декабря 1861, № 97, стр. 705—710.
- ¹¹⁰ 24 декабря 1851 г., в результате антиконституционных действий, Луи Наполеон провозгласил себя императором Наполеоном III.
- ¹¹¹ См.: *А. Н. Стоянов. Очерки истории и догматики международного права.* Лекции, читанные в 1873—1874 академическом году в Харьковском университете. Харьков, 1875.
- ¹¹² См.: *Etudes sur l'histoire et la dogmatique du droit international.* Par le professeur A. N. Stoianow, Leçons données à l'Université de Kharkow durant l'année académique 1873—1874. Kharkow, 1875. — «Revue de droit international et de législation comparée», t. VII. Bruxelles, 1875, p. 703—704 (опубликовано без подписи).
- ¹¹³ В 1877—1878 гг. М. М. Ковалевский был профессором кафедры государственного права европейских государств Московского университета, где читал курсы сравнительного законодательства иностранных держав, истории американских учреждений, истории сословий на Западе и в России и т. д.
- ¹¹⁴ См.: *Я. Б. Дмитрий Иванович Каченовский.* Харьков, 10 января 1873 г. Некролог. — «Вестник Европы», 1873, кн. 2, стр. 948—952; *G. Rolin-Jaequemyns.* Necrologie. Dimitry Iwanowitsch Katschenowsky. — «Revue de droit international et de législation comparée», t. V. Bruxelles, 1873, p. 523—526. *А. Н. Стоянов.* Некролог Д. И. Каченовского. Харьков, 1874; *он же.* Воспоминания о Д. И. Каченовском. Харьков, 1874.
- ¹¹⁵ Мартенс Федор Федорович (Фридрих-Фромгольд) (1845—1909) — дипломат и юрист, с 1873 г. — профессор международного права Петербургского университета, в 1884 г. избран президентом европейского Института международного права.
- ¹¹⁶ См.: *Ф. Ф. Мартенс.* Современное международное право цивилизованных народов, т. 1—2. СПб., 1882—1883. Курс выдержал пять изданий (последнее — в 1904—1905 гг.) и, кроме того, переведен на немецкий, французский и испанский языки.
- ¹¹⁷ См.: *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. I—XV. СПб., 1874—1909.
- ¹¹⁸ С 23 апреля по 18 июня 1867 г. в Москве работала Всероссийская этнографическая выставка. В это же время, под предлогом посещения выставки, Московский славянский комитет организовал съезд представителей всех славянских народов. Около 80 депутатов, представлявших, прежде всего, буржуазно-националистические круги общественно-

сти славянских народов, находящихся под властью Турции и Австро-Венгрии, приняли участие в работе съезда (с 16 по 20 мая). Московские славянофилы и панслависты видели в съезде возможность закрепления за Россией главенствующей роли в славянском освободительном движении. Русское правительство покровительствуя съезду, надеялось через единение славян усилить свое влияние на Балканах. (См.: С. А. *Никигин*. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960). В это время одним из корреспондентов «Москвы» Каченовский был обвинен в «западничестве» на том основании, что этому съезду он «не придавал никакого особенного значения» (См.: М. *Де-Пуле*. Харьковский университет и Д. И. Каченовский. Культурный очерк и воспоминания из 40-х годов.— «Вестник Европы», 1874, кн. 2, стр. 570). В письме к Де-Пуле от 30 октября 1867 г. Каченовский по этому поводу писал следующее: «Журналистика лает и клеветает теперь на всех. В Москве фанатизм дошел до последней степени: нельзя спорить об интересах России, даже нельзя сходитьсь, не возбуждая против себя подозрительности... В последнее время я сам испытал московское недоброежелательство. Вам, вероятно, известна клевета, пущенная на мой счет по поводу славянского съезда. Она вышла, конечно, отсюда, из враждебного мне лагеря, но была принята радушно. Я не поднял руки в свою защиту... Но странно было бы мне оправдываться против таких обвинений» (Там же, стр. 573—574). Более четко его позиция по этим вопросам была определена задолго до съезда, еще в 1865 г.: «Мое западничество, разумеется, не исключает сочувствия к России; но я не могу смотреть глазами Аксакова ни на православие, ни на народность, ни на славянский мир» (Там же, стр. 574).

- 119 Палюбецкий Александр Иванович (1810—1897) — юрист, профессор уголовного права Харьковского университета, в 1849—1852 и 1872—1873 гг. — ректор, с 1862 г. — декан юридического факультета.
- 120 Ламброзо Чезаре (1836—1909) — итальянский психиатр, основатель антропологического направления буржуазной криминалистики.
- 121 Сокальский И. П. см. прим. 42.
- 122 Сисмонди (Sismondi) Жан Шарль Леонар Симонд де (1773—1842) — французский экономист и историк.
- 123 Прудон П.-Ж. — см. прим. 54.
- 124 Гаттенбергер К. К. — см. прим. 16.
- 125 Алексеевко Михаил Мартьянович (1847—1917) — экономист, профессор и ректор Харьковского университета, член III и IV Государственных дум, председатель думской бюджетной комиссии, октябрист.
- 126 Речь идет о Добротворском Василии Ивановиче (ум. 1894). Протоиерей, с 1858 г. — профессор богословия, логики и психологии Харьковского университета (См.: В. И. *Добротворский*. О религиозном органе в душе человека. — «Духовный вестник», 1895, кн. 10—12).
- 127 Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872) — немецкий философ; Штраус Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий богослов и философ-идеалист; Ренан Эрнест Жозеф (1823—1892) — французский историк религии, семиолог, философ-идеалист.
- 128 Залесский Николай Лаврентьевич (1835—?) — профессор судебной медицины Харьковского университета, фармаколог.
- 129 Шауэнштейн (Schauenstein) (в тексте: Шанштейн) Адольф (1827—?) — австрийский врач, с 1863 г. — профессор судебной медицины в Граце (См.: А. *Шауэнштейн*. Руководство к изучению судебной медицины для врачей и юристов с указанием на законодательства Австрии, Пруссии, мелких германских государств, Франции и Англии. Перевел с немецкого с примечаниями и сравнительными указаниями на русское законодательство И. Чацкий. М., 1865 (1-е немецкое издание — Vien, 1862).
- 130 Карпов Геннадий Федорович (1848—1890) — профессор русской истории Харьковского университета.
- 131 Ковалевская Екатерина Игнатьевна (урожд. Познанская) — мать М. М. Ковалевского.
- 132 *Utriusque juris (лат.)* — того и другого права.

ИЗ НАСЛЕДИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА
(Материалы об экономическом положении Швеции
в первой четверти XVIII в.)

А. И. Юхт

Публикуемые документы связаны с пребыванием Татищева в Швеции, куда он был послан Петром I осенью 1724 г. Металлургическая промышленность России остро нуждалась в специалистах. Горнозаводские школы, основанные Татищевым на Урале в 1721 г., не могли в течение короткого времени удовлетворить потребности заводов в опытных кадрах. Петр I, довольно часто практиковавший посылку своих уполномоченных в европейские страны для найма мастеров, решил с этой же целью отправить в Швецию Татищева. Швеция располагала развитой и технически оснащенной горнозаводской промышленностью и в то время была главным поставщиком железа на европейском рынке. Однако Петр I не ограничил задачу Татищева приглашением шведских мастеров и организацией обучения русских молодых людей, посланных в Швецию. Он выдвинул перед ним широкую программу изучения экономического и политического состояния этой страны, некогда грозной, но теперь уже побежденной в недавно минувшей Северной войне.

Татищев пробыл в Швеции почти полтора года (он вернулся в Россию в начале мая 1726 г.), побывал во многих ее районах, ознакомился с различными сторонами ее жизни. Все отрасли шведской экономики привлекали его внимание: горнозаводская и легкая промышленность, внутренняя и внешняя торговля, финансы, деятельность банка, монетное дело, пути сообщения (особенно каналы) и организация почтовой связи. Татищев посетил основные центры по добыче и переработке серебряной, медной и железной руды, наблюдал за работой нескольких десятков шахт, рудников, доменных и молотовых заводов, монетных дворов. Развитие в Швеции естественно-технических и гуманитарных знаний, деятельность научных и учебных заведений, система подготовки кадров для горнозаводской промышленности также интересовали Татищева. Он встречался и беседовал со многими людьми: государственными и военными деятелями, владельцами предприятий и мастерами, крупными инженерами-механиками (Полхем, Дур, Нильссон, Бахмансон и др.) и учеными — Филиппом Страленбергом, Генриком Бреннером, Эриком Бенцелиусом, Эриком Биорнером, со шведским архитектором Тессинным Младшим, под руководством которого в Стокгольме был построен величественный Королевский дворец, поэссой Софией Бреннер (кузиной Г. Бреннера) и др.

Страленберг помог Татищеву установить контакты с немецкими учеными. Свое пребывание в Швеции Татищев использовал для научных занятий в библиотеке Упсальского университета, где имелся обширный отдел «Rossica». Об этой библиотеке Татищев неоднократно упоминает в «Истории Российской». Благодаря помощи шведских коллег, он получил возможность ознакомиться и собрать материалы по истории (особенно древней) и географии России, которые хранились в архивах и библиотеках этой страны. Будучи в Мальмё, Татищев не удержался от соблазна и посетил Копенгаген в октябре 1725 г. (для этого ему следовало только пересечь Зундский пролив), где «имел случай со многими учеными разговаривать и потребные книги достать»¹.

Тессин, которого, как пишет Татищев, шведы «почитают за славнейшего в свете архитектора», показал русскому гостю свою коллекцию произведений искусства («вещи великого удивления достойные») и сказал, что получил от Петра I письмо, «коробку» собственноручной работы и по его просьбе делает некоторые чертежи².

Татищев предложил С. Бреннер написать поэму о Петре I. Чтобы облегчить задачу поэтессы, Татищев составил для нее записку «Краткое изъятие из великих дел Петра Великого, императора все-российского», в которой были кратко охарактеризованы личность и деятельность царя, дана общая оценка внутренней и внешней политики, итогов его правления³.

Татищев стремился собрать как можно больше данных о техническом опыте шведской горнозаводской промышленности. По его заказу были сделаны чертежи лучших шахт и рудников, водяных колес, плавильных печей, составлено описание процесса обжигания и плавки медной руды⁴. В Швеции он вел поденный журнал («книгу»), в котором записывал свои наблюдения и впечатления от увиденного, краткое содержание бесед с государственными деятелями. По возвращении в Россию Татищев передал этот журнал и другие материалы в Берг-коллегию. Полный текст поденных записей в фонде этого учреждения не удалось обнаружить. Публикуемый в извлечениях документ (№ 1) представляет собой выписку из журнала, которая была составлена в Берг-коллегии по требованию Кабинета императрицы осенью 1726 г.

В литературе давно установлен факт тяжелого экономического состояния Швеции во второй половине Северной войны⁵. В поденных записках Татищева приводятся свидетельства шведских

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 349.

² ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 71, л. 161 об.

³ Записка опубликована (П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, стр. 18—19).

⁴ А. И. Юхт. Поездка В. Н. Татищева в Швецию.— «Исторические записки», т. 88. М., 1971.

⁵ А. Брикнер. Медные деньги в России 1656—1663 и денежные знаки в Швеции 1716—1719. СПб., 1864, стр. 11, 109—112; Э. Берендтс. Государственное хозяйство Швеции, ч. I. СПб., 1890, стр. 438, 451, 464, 466, 472—

государственных деятелей, которые содержат дополнительные и очень яркие данные о громадном финансовом напряжении страны в конце войны, о полном истощении ее ресурсов. Дело дошло до того, что накануне военных действий в Норвегии шведская казна не имела денег не только на выплату хотя бы части жалования армии, но и на покушку продовольствия и необходимых воинских припасов.

В правящих кругах Швеции не было единства относительно путей выхода из создавшегося положения. Первый министр барон Герц предложил выпускать новые медные денежные знаки с номиналом в 32 талера серебром и содержанием меди в $\frac{1}{6}$ талера. При таком соотношении номинала и подлинной стоимости (192:1) реальная цена новых денежных знаков практически была равна нулю. Одновременно он рекомендовал ввести монополию казны на важнейшие товары шведского экспорта (железо и медь). Предложение Герца было отвергнуто членами Государственного совета. Они в свою очередь указали на три способа, любой из которых, по их мнению, позволил бы пополнить казну: 1) поставить на старых монетах клеймо и повысить их номинальную стоимость вдвое; 2) понизить содержание серебра в монетах на половину или на треть; 3) выпустить бумажные деньги.

Принципиальной разницы между предложениями Герца и Государственного совета не было. Единственной альтернативой для ликвидации экономического и финансового кризиса в Швеции было заключение мира. Но шведские правящие круги в то время не хотели встать на этот путь и продолжали пагубную для страны политику войны.

В публикуемом документе подробно излагается критика Государственным советом проекта Герца и в свою очередь Герцем предложений совета. Эти сведения, характеризующие борьбу в шведских правительственных кругах, отсутствуют в упомянутой выше работе А. Брикнера, специально посвященной введению новых денежных знаков в Швеции при Карле XII.

В конечном счете Карл XII согласился с предложением своего первого министра барона Герца о введении новых медных денежных знаков («минц-цейхов»). Но король, отбросив все предостережения, приказал сделать не 2 млн. этих знаков, как предлагал Герц, а 40 млн. Как и следовало ожидать, эта финансовая авантюра закончилась крахом и имела самые тяжелые последствия для страны (совершенное обесценение денег, безудержный рост цен на товары, громадное увеличение государственного долга, расстройство всего денежного обращения, упадок торговли и полнейшее разорение народных масс).

475, 513—514, 541; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Нипштадтский мир. М., 1959, стр. 47—51. Обзор шведских и английских работ, в которых приводятся данные о бедственном положении Швеции в конце войны см. в указанной монографии Л. А. Никифорова (стр. 20—33).

«Мниц-пейхи» были отменены после смерти короля (Карл XII был убит 30 ноября 1718 г. при осаде крепости Фридрихсгалль в Норвегии). Однако казна заплатила населению за эти денежные знаки только незначительную часть их стоимости, причем выплата растянулась на несколько лет. Денежная реформа была проведена в интересах господствующих классов, а ущерб, причиненный народу, фактически остался невозмещенным.

Для изучения экономики Швеции представляют интерес и другие данные, содержащиеся в рассматриваемом документе. Например, о действиях голландских купцов с целью снижения цен на шведскую медь, о мерах, принятых правительством Швеции против этих действий, о резком сокращении торговли через Стокгольм, Норчёпинг, Евле и другие балтийские порты в связи с действиями флотов держав Северного союза и каперов, о попытке построить канал между Стокгольмом и Гётеборгом и т. д.

Татищев записал в поденную книгу и мнение шведов о русских серебряных монетах. Оказалось, что монеты одного года и одной чеканки «в весе и доброте... великую разность имеют». Он в этом сам убедился, когда ему показали пробы монет различной нарицательной стоимости (от «рублевика» до «алтынника»). Сведения эти показались настолько важными Татищеву, что он немедленно сообщил о них Берг-коллегии, которая в свою очередь донесла об этом Сенату. В Стокгольме на монетном дворе Татищев увидел, что шведы вследствие нехватки собственного серебра употребляют в переплав «немалое число» русских серебряных монет. Как известно, русское правительство неоднократно запрещало вывоз серебра и золота за рубеж. Однако, несмотря на этот запрет, утечка серебряных монет продолжалась.

«Уроки» изучения шведских финансов и монетной системы не пропали даром для Татищева. Он крепко усвоил, что понижение веса и пробы монеты, стремление казны как можно больше извлечь доходов от монетной регалии ведет к расстройству денежного обращения, упадку торговли, к утечке более полновесной монеты за границу, к нарушению нормальных условий хозяйственной жизни страны. Впоследствии, будучи членом Монетной конторы в Москве, Татищев в октябре 1727 г. выступил против намерения правительства выпустить медных монет (из расчета 40 рубл. из пуда меди, в то время как рыночная цена составляла 7—8 рубл. пуд) на несколько миллионов рублей. Он указывал, что чеканка легковесных медных денег принесет только вред и отрицательно скажется на состоянии экономики страны. Однако казна, нуждаясь в средствах, отвергла мнение Татищева⁶.

Второй документ, написанный в форме донесения, представляет собой краткий отчет Татищева Екатерине I об итогах его поездки в Швецию. Он характеризует широту интересов Татищева, его разностороннюю деятельность в Швеции с одной стороны, а с дру-

⁶ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 199—200.

гой — содержит богатейшие сведения об экономическом положении этой страны в ближайшие годы после окончания Северной войны. Основное место в отчете занимает анализ состояния шведской горнозаводской промышленности. До поездки в Швецию Татищев в течение нескольких лет руководил заводами на Урале, а затем работал совместно с таким крупным металлургом как В. И. Геннин, поэтому мог со знанием дела судить об уровне развития горнозаводской промышленности Швеции, изучить опыт ее работы, оценить достоинства и недостатки.

Во всех исследованиях по истории Швеции единодушно отмечается, что спустя несколько лет после Ништадтского мира 1721 г. шведы добились несомненных успехов в восстановлении и развитии металлургической промышленности. Рост производства сопровождался увеличением вывоза железа (главным образом в Англию) — основной статьи (70—75%) шведского экспорта. Продажа железа, отчасти меди позволяла Швеции, во многом зависевшей от импорта, приобретать жизненно необходимые для нее товары (прежде всего хлеб и другие продовольственные продукты)⁷. Татищев также подчеркивает успехи шведской металлургии и приводит конкретные данные о размерах ежегодного производства железа (3—4 млн. пуд.), меди (50—80 тыс. пуд.), серебра (20—100 пуд.) и экспорта железа (2,5 млн. пуд.). Но он не ограничился констатацией этого факта, а указал на основные причины, которые обусловили подъем промышленности. Причины эти следующие: высокая производительность труда, наличие квалифицированных кадров и учебных заведений, готовящих такие кадры, учет достижений других стран, помощь науки производству.

Шведы добились высокой производительности, ибо на рудниках и заводах широко используют машины, действующие водой, «которые подают великую в работах помощь». Благодаря этому производство железа обходится им примерно в такую же цену, что и русским, хотя шведские руды не лучшего качества, а труд рабочих и уголь вдвое дороже, чем в России. В Швеции большое внимание уделяется научным работам по обогащению руд, изучению плавки металлов и сохранению лесов. Химическая лаборатория регулярно публикует результаты своих изысканий. Большую пользу приносит Минералогический музей, где собраны образцы различных металлов, руд, минералов всех частей света.

Большой интерес представляют замечания Татищева о государственном бюджете Швеции, промышленной политике правительства и социальном составе владельцев предприятий. Сообщив данные о годовой сумме таможенных пошлин от внутренней и внешней торговли (сбор их был отдан на откуп), примерные размеры

⁷ Э. Берендтс. Указ. соч., стр. 560—561; L. Stavenow. Geschichte Schwedens 1718—1772. Gotha, 1908, S. 112; И. Андерссон. История Швеции. М., 1951, стр. 263; Г. А. Некрасов. Внешняя торговля Швеции в 20—30-х годах XVIII в. (по материалам советских архивов).— «Скандинавский сборник», II. Таллин, 1957; и др.

земских налогов и «питейного» сбора, он подчеркивает, что они относительно невелики по сравнению с доходами, которые казна получает от горнозаводской промышленности. Суть промышленной политики шведского правительства Татищев видит в отказе от казенного предпринимательства и развитии частной инициативы, в определенной регламентации деятельности владельцев предприятий. Такая политика, по мнению Татищева, создавала благоприятные условия для подъема металлургии Швеции.

Публикуемые документы хранятся в фонде Кабинета Петра I Центрального государственного архива древних актов в Москве (ЦГАДА). Можно полагать, что издание этих документов сделает возможным более широкое использование их как источника по изучению истории Швеции и жизни В. Н. Татищева — выдающегося историка и крупного государственного деятеля России первой половины XVIII в.

№ 1

1726 г. Не ранее 17 октября.—

Выписка из поденного журнала В. Н. Татищева о монетном деле и финансах Швеции во время и после Северной войны

(л. 18). Выписано из дневной записки советника Татищева¹, что он во Швеции о сочинении денег чрез разговоры, смотрение и полученные от приятелей письма уведомился и Берг-коллегии объявил.

1.

1724 декабря 24 был я у г[рафа] Б[онди]², и он мне в разговоре о деле плотов³, их причине, пользе и вреде сказывал тако: причина-де оных есть первая — галанцы, ища способа како бы с меди швецкой цену принуждением збавить (ибо оные ведали, что нам медь тогда очень дешево ставилась), закупили меди вдруг толикое число, колико за настоящую цену сыскать могли, которою не токмо Голандия, но в другия государства в отпуск года на два удовольствоватца могли. Сие учиня, на другой год не хотели настоящей цены платить, но давали пред прежним с великою убавкою, и хотя промышленники заживныя на то не склонялись, но многия убогия, не взирая на вред государственной и своя пользы великой ущерб, продавали, уступя пред прежним четвертую часть и ниже. Сие видя Сенат⁴, что промыслы горныя могут разориться, наипаче же что тогда корона так великого числа денег, чтоб за медь промышленникам заплатить не имела, а чюжестранных купцов, кроме голанцов, мало было, того ради определили чтоб меди [ниже] настоящей цены никто продавать не дерзал, а ежели кому есть нужда, те бы свою медь переделали в деньги тако, чтоб весом оныя были против настоящей цены, прибавя на работу, токмо и оными б,

яко и серебряными, покупали нужные товары и работникам платили. Сим убогих промышленников от принужденной продажи и разорения удержали.

По прошествии времени как галанцы почали паки медь за настоящую цену покупать, тогда дело медных денег отставлено, поже промышленники в переделе имели затруднение и в пошлине убыток, ибо купцы вывозили оныя плоты, яко и дельную медь, безпошлинно.

Потом случилось другой раз, что галанцы, привезши знатное число меди из Индии, швецкой купить по настоящей цене не хотели, тогда паки плоты делать начали, по 60 плотов из шифсфунта (то есть близ девяти пуд, а денег на наш счет 38 рублей 40 коп. или 60 ефимков голанских), которое в начале сей войны⁵ продолжалось. Но король Карл 12⁶, приняв совет барона Герца⁷, но не во всем тому последуя, велел на серебряные деньги прибавить на 100 по 25, то есть короллин, которой ходил за 20 коп., велено брать за 25, а на медныя на сто по 50 и делать из шифсфунта по 90 плотов. Тож-де учинил и с мицц-цейхами, о которыхы Герц написал, чтоб токмо зделать до 2 миллионов, а его величество зделал до 40 миллионов, чрез что все товары привозныя поднялись вдвое и втрое, серебряныя деньги всяк повез из государства, от чего-де многое число купцов и других богатых людей розорилось так, что и исправления тому не видно, разве-де надеемся торг исправить, когда манету в прежнее состояние приведем.

(л. 18 об.). При том же говорил: вы-де чаю сами знаете какой вред великой у вас от медных денег и перемены в манете зделался, что многое число ваших старых денег от особливо первых рублевиков вывезено из России в разные государства⁸...*

(л. 19 об.)...Потом говорил он [президент] ** о наших деньгах, что якобы великая неосторожность была, ибо-де в весу и в доброту внутренней манеты одного года и одного чекана великую разность имеют. И потом послал на манетной двор, велел принести пробы русских денег, между оными были 2 рублевика 1720 году, один по пробе 11 лотов 12 гранов, другой 11 лот 14 гранов, протчие рублевика, полтинники, гривенники и алтынники по годам как в доброту, так и в весу большую разность имеют. Червонныя також трех рук были: 1-е, что деланы в Росии чистыя, 2-е, деланные в Германии с немецкою подписью, 3-ьи с крестом, во оных разность невеликая и хвалил более последняя. А о серебряных удивляясь, толковал, что сие начальников несмотрение может де великой государству вред нанести. (При оных же и плакат российской о деле денег, переведеной на швецкой язык, приложен).

* Далее опущен текст о чеканке и пробе медных монет в Швеции в XVII — начале XVIII в.

** В опущенной части текста фамилия дана с сокращением Б. Штр.

4.

Каким образом серебро во Швеции плавят, пробуют, весят, тиснят, отбеливают, которого он, советник Татищев, через 8 дней смотрел, оное обстоятельство писано по числам, притом видел он что немалое число русских денег в сплав употреблено.

5.

1725 * дня объявлено ему, советнику, за тайность, о причине употребления минц-цейхов и что за вред ис того произошел, которое показывал ему на письме и из оного кратко выписать допустил.

Во время нам несчастливо тяжкой войны, видя его величество, что со всеми многими и так сильными государи вдруг воеваться возможности не было, оставя все протчия провинции, учинил токмо предосторожность от нападения внутрь Швеции, а сам возномерился нападение в Норвегию учинить⁹. И! хотя он войско сильное собрал, однакож казна государственная в такой скудности уже была, что обыкновенными податями и чрезвычайными внутренними зборами не токмо на заплату жалованья половинного, но на покупку харчевых запасов и воинских нуждных припасов не доставало, а особливо которые из других государств привозятся.

И хотя ево величество для умножения денег повелел мелкия деньги уменьшить, чтоб королин ходил за 25, а талер серебряной за 48 и наделать плотов, колико меди быть могло, однакож сие малую помощь или ничего учинить могло (здесь талер упоминаетца полплота).

Сие барон Герц уведав (ибо быв тогда во отлучении), умыслил изобрести способ делать медные минц-цейхи (то есть знаки денег), которые хотя б великостию малы, токмо б (л. 20) чисто зделаны были, дабы не всяк подделаться мог. В представление зделал первую 1715 з знаком кароны¹⁰, которая великостию и достоинством против $\frac{1}{6}$ копейки, но цену ей положил 32 коп. серебряных, а битой талер тогда ходил 64 коп. И тако 2 оных знака за ефимок ходить удостоил, притом же объявил, чтоб их не более 2-х миллионов зделано было. Сверх того представлял, чтоб добрыми способами чрез купечество от галанцов миллион или 2 талеров приспособить, к[о]торому мнил быть мануполиум главнейших товаров за лутшее.

На оное тогда Сенат мнение свое объявил, чтоб оных знаков не делать, а вместо того представляли для у[м]ножения монеты 3 разныя способа.

1. Повысить серебряные и медныя деньги таким образом, как в Риге и Штетине случаи были, что клали на манеты особой штемпель и оныя удостоили против нечekanеных ходить вдвое, то есть 5-ти копеешник за 10, каролин за 40 и протчие, а некле-

* Пропуск даты в документе.

меной каролин ходил за 20 коп., но когда в казну пришел, то из казны, не заклеяв, не отдавали и тем чрез долгое время те гварнизоны содержали.

2. Или, старья деньги собирая в казну, делать новья деньги такова же весу, токмо внутренней (л. 20 об.) доброты убавить треть или половину и наградить тягость вместо серебра медью.

3. Или зделать билеты бумажные, как во Франции и Дании, и оным ходить вместо денег.

Представя к тому их рассуждение.

1. Понеже в Балтийское море к пристаням шведским, где наибольшей отпуск шведских товаров, то есть Штокгольм, Нордкенинг *, Гевель ** и протчим, купецким караблям приход неприятельския флоты и капоры превреждают, которыя так великой небезопасности ради товаров необходимо нам нужных привозить и наших меди и железа принимать не могут. А хотя с Западного моря к Готембургу *** есть свободнейшей приход, но мы туда всех наших товаров, колико в отпуск потребно, поставить возможности не имеем, но принуждены купить все за деньги, того ради всяк может видеть, что оныя купцы не ино как токмо деньги из Швеции везут, отчего денег у нас каждодневно умалется, заказать же сего без пресечения всего торгу, а торг пресечь ни на полгода без крайнего Швеции разорения и пагубы всего народа есть невозможно, понеже мы многих военных припасов и нужнейших яко селитры и свинца, паче же и хлеба во Швеции потребного множества не имеем.

2. Хотя сии обе притчины как деньги вывозить, так нужной харч и военные припасы запретить не безвредно, но последнее есть невозвратно разорительно, того ради в первом дать закрытную свободу и для сего деньги во внутренней доброте умаленныя будут нам в пользу, ибо купцы вскоре неравности (л. 21) оных с прежними узнать не могут, и хотя их многое число из государства вывезут, но Швеции в том великого убытка не будет и протчее сему в приклад показали недавное во Франции денег пременение.

3. Билеты бумажныя також торгу не останоят, ибо оныя, яко заемныя каронныя письма, всяк без опасности брать может, к тому ж купцам оныя возить и хранить свободно, токмо чтоб бумага и печать так зделаны были, чтоб подделаться трудно было, а наипаче в полгода оныя переменять и на новых новья знаки полагать, ибо в так краткое время подделаться будет весьма неудобно.

4. Клейменныя деньги хотя равно как и билеты вскоре внутреннее свое недостоинство явят, однакож для знака государственного брать всяк будет без опасности в надежде той, что корона по изправлении доходов за свою честь доброю манетою за оныя заплатить не оставит, того ради надлежит при первой оных выдаче объявить со обнадеживанием в заплате листами.

* Норчёпинг.

** Евал.

*** Гётеборг.

Ежели же купцы, а особливо чужестранные, для недостойнства денег товары свои в цене возвысят, то при возвращении тех клейменных денег или билетов надлежит доброй манетою платить с убавкою по препорции прибавленного на товары, то есть ежели вексель или товары подыметя $\frac{1}{4}$ против нынешнего, то при заплате за те деньги удержать в казне ту ж $\frac{1}{4}$ или за 4 королина платить добрыми токмо 3, от чего ни купечество, ни корона великого убытка не понесут.

5. От минц-цейхов же суть многия к государственному разорению но без опасности, яко 1) всякому под оныя (*л. 21 об.*) для их малости и подлой метали подделаться легко, а за оныя воровския принуждена будет карона платить, яко и за правильныя или свои собственныя, доброю манетою излишнее; 2) понеже купцы чужестранныя, как выше показано, товаров наших получить не могут и будут брать серебряныя токмо деньги, которых надолго не станет, а потом когда тех не будет, то торгу конечно надобно пресечтца, ибо сих брать не похотят, и тако мы останемся без денег и бес торгу; 3) ежели же из голанцов капиталисты такия и сыщутся, что товары свои могут на несколько лет в долг отдавать и будут минц-цейхами втрое и более требовать, которое нам чинить будет необходимо; 4) таковыя купцы не будут тех минц-цейхов держать, но закупят наших товаров, меди и железа, по такой цене, как и за серебряныя, ибо наши промышленники такого великого числа денег, чтоб неколико лет без продажи товаров своих и остановки промысла промышлять могли, не имеют и тако принуждены будут продавать за что могут, токмо б купцы сыскались, отчего чужестранным купцам великая польза, а нашим промышленникам и купцам разорение будет; 5) а наипаче же сие, что хотя б по окончании войны швецкия [купцы] в состояние прежнее пришли и товаров довольно могли из государства отпустить, но голанцы, имея уже (*л. 22*) в руках за дешевую цену довольно число, нашим промышленником за настоящую цену продавать не допустят, и тако заводы и все купечество наше к разорению приведут.

На оное со стороны Герцовой показано.

1. Деньги клеймить есть дело весьма вредное, понеже такой чекан велик быть не может, того ради потделаться всякому, кто токмо чекан вырезать и молотом ударить умеет, не трудно, и когда мы 1000 заклеим, то десять тысяч найдется посторонних, за которое корона прибавочное с великим убытком платить повинна, а узнать правых от неправых для малости чекана весьма трудно, наипаче же в числах великих.

2. Денег серебряных niskой пробы делать и в прежнем достоинстве содержать долго невозможно для того: 1) голанцы так в сем осторожны, что как токмо скоро деньги новыя увидят, немедленно опробуют и по препорции внутренней их доброты вексель и товарам их цену учредят. 2) Кроме пробованья, отбел на оных долго не удержится, чрез что меньше полугода недостойнство их откроетца и тако и обретающегося в них сребра достоинства унич-

тожено будет. 3) Ежели в них такая материи прибавить, которая белость умножают, то оное, кроме того что выше объявлено, больше вред государству нанесет, ибо оных впредь без разделу переделывать невозможно, в разделе же не токмо прибавленные материи, но и немалая часть серебра погибнет. Сверх того, сие во всем свете почитается за воровство и обман, которое и портекулярному совестному человеку неприятно о себе слышать, коль же паче государю и государству такое поношение в вечность оставить (л. 22 об.).

3. Билеты бумажныя есть власно те же минц-цейхи или малая равность в легости, но противно тому собственно никоего достоинства в себе не имеют, опасностям же большим подлежат: 1) згорит, подмочится и замарается бумага скоряе может, нежели минц-цейх, и таким случаем может великое число денег вдруг погибнуть, от которого всяк опасаться будет; 2) понеже в таких ерлыках великия числа денег заключаться будут, для которого скоряе охотник к поддельванию сыщется и хотя корону таким поддельным не вскоре обмануть можно, но портекулярным неправого с правым разпознать не всякому возможно, и тако могут многия шведския купцы безвинно раззориться. В приклад же сему аглинския банковыя письма довольно предосторожены, но, презрев оное, многократно банк и купцы обмануты бывають, чему правых случаев в свидетельство показать довольно имеетя.

4. Сии же минц-цейхи есть дело безпоносное и от вышеобъявленных вредов многократно пред теми безопаснейшее, ежели токмо тому последующия предосторожности учинены были:

1) Оныя минц-цейхи в их знаках надобно часто переменять, дабы чужестранцы подделався в государство привозить не могли, перемене же быть таким образом: вначале велеть делать решетку, которая кладется по краю, и оную сослать в Австафорс, где кружков толикое число как повелено будет нарежут, решетки по краю положат и в Штокгоlm запечатав пришлют, которыя велеть на денежном дворе тиснить с такою осторожностью, чтоб никто оных без указа достать прежде времени не мог. А когда время перемены назначено будет, то оныя розослать по рентереем, где колико потребно быть мнится, и объявля в народ указами, чтоб всяк старья в рентерею отдавал, а новыя принимал на объявленной срок, которого более 3-х седмин не продолжать. И ежели где в рентереи против приему старых числа новых не достанет, то платить по сроку старыми, считая каждую по 1 или по 2 коп. Ежели ж где новых останется, то употреблять (л. 23) в расход по 32 коп., а старья по чему повелено будет. Чрез сие при всякой перемене можно видеть не явится ли излишняго числа в приеме, отставленные ж без передела в народе ходить будут по достоинству. И тако сии с порядочною и осторожною переменою употреблять, доколе доходы государственным в лутшее состояние придут.

2) Дабы на привозныя товары цены не прибывало, а со шведских також и вексель не упадал, надлежит зделать генеральную

мануполиум, то есть все главныя шведския товары взять от промышленников за настоящую высшую цену в казну и оныя продавать чужестранным купцам на их товары с такою равномерностию, чтоб передачи у промена не было, разве для нынешних великих небезопасностей уступить им $\frac{1}{10}$. А для сего торгу определить комисию из людей искусных и пожиточных как от купечества, так из шляхетства, подтвердя накрепко, чтоб цена против доброй манеты на обе стороны хранена была, и взятыя от иностранцов товары отдавать промышленником и купцам по той же цене, по чему принеты будут. Ежели же либо чужестранные купцы коих товаров принять не похотят, то платить шведцким купцам и промышленникам немедленно готовыми деньгами из казны, чтоб их промыслы за недостатком денег не остановились.

3) Сие мнение токмо для настоящего, а для предбудущего весьма короне шведской надлежит стараться, чтоб чрез землю, озерами, реками и каналами сделать от заводов свободной к Готенбурху проход, дабы война * (*л. 23 об.*) на Балтинском море случившаяся, торгу во Швеции, как ныне, разорить не могла.

Сие все и большия партекулярныя предложения разсмотря, его величество изволил Герцово принять за лучшее и вначале повелел все в казне и в банке обретающияся и впредь входящия деньги серебряныя и плоты удержать, а употребить минц-цейхи, которых в начале 1716 ** году употреблено 4 милиона. И хотя уже представление Герцово было усугублено, однакож еще ходили они равно с серебряными, також в векселе и цене товаров великой пременности не зделалось. Но его величество, не довольствуясь тем числом против сенацких и Герцовых покорнейших напоминаниев, велел число оных умножать до 40 милионов, чрез что так вексель упал, что за ефимок голанской платили по 10 до 15 минц-цейхов, а сначала было токмо $2\frac{1}{2}$, следственно же и товары привозныя поднялися.

Сие есть наибольшая притчина разорения Швеции, от которого вошла корона в так удивительно великия долги и суще такой, когда товары чужестранные поднялися в 5 раз и больше, нежели пред тем были, которых необходимо нужно было купить, то хотя тогда минц-цейхами для их множества казалось платить не трудно, однако ж по отставлении минц-цейхов должна была корона заплатить серебряными деньгами по 32 коп. за каждой, итако за аршин сукна, которой больше ефимка не стоил, надобно было по малой мере 4 ефимка заплатить (*л. 24*).

Сверх того барон Герц, имея торг всего государства и деньги серебряныя в своих руках, выписывал многия товары на свой щет и продавал в казну по цене такой, как на минц-цейхи тогда была, хотя с некоторою и уступкою, но брал за то из казны деньги серебряныя и высылал в Гамбург великое число. Итако Швеция в

* В тексте вода.

** В тексте 1726.

краткое время почитай всех серебряных денег лишилась и сныя минц-цейхи ходили сначала год, другия и третии по полугоду, а наконец по неколику месяцев переменяли новыми, итак оных в 4 года 10 разных сортов было, отставленные же по перемене ходили по 2 коп., Канал от Штокгольма к Готембурху начат был делать подрядом, но по смерти его величества оставлен.

6.

В заключении дневной записки Татищева написано.

Известия от разных людей слышанныя и самим виденныя: 1) коим образом минц-цейхи переведены, 2) како серебряныя деньги возвращают, 3) в каком определении банк государственной учрежден и какия письма или ерлыки употребляютца (л. 24 об.).

1.

О исправлении медных денежных знаков во Швеции.

1720, по смерти короля Карла 12, на Сейме¹¹ разсудили за благо, чтоб минц-цейхи отставить и ходить по-прежнему серебряным деньгам и плотам, того ради объявили, чтоб всяк, кто имеет минц-цейхи, которыя тогда по 32 коп. ходили, приносили в казну, а из казны платить за них каролинами и плотами, за каждой по 16 коп. Но понеже корона толикого числа готовых денег на заплату не имела, того ради определила платить токмо по 2 коп. за минц-цейх, а по 14 коп. оставить в долг, и в том давать письма из рентерей. Оныя минц-цейхи, которыя в казну собрались, також и старья, которыя в народе по 2 коп. ходили, велели их¹ счислять по 3 за серебряную копейку, и для того велели их¹ такими клеймом как и рундштыки, то есть треть копейки, перетиснить. Но понеже многое купечество жаловались, что им великое раззорение будет ежели вскоре достальных по данным письмам не заплатят, наипаче же чужестранныя поставляли себе за грабление, того ради станы государственныя прибавили на некоторыя нуждныя отпускныя и ненужныя привозныя товары (л. 25) пошлину вновь от 2 до 5 на сто и называли оное лиценц.

За сию пошлину велели принимать те долговья письма, которых уже многое число в казну возвращено и остается малая часть. Сим учреждением корона от так великого долгу избавляется и купечество в раззорение не впало, ибо хотя за их минц-цейхи почитай токмо $\frac{1}{4}$ заплачена, а $\frac{3}{4}$ пропало, однакож они за свои товары тогда получали их более, нежели вчетверо. Обида же токмо осталась тем, которыя в службе были и жалованья получали, однако от их убожества государство великого вреда не имеет, ибо ни торгу, ни заводам разорения нет.

¹⁻¹ Написано на полях со знаком вставки в текст.

2.

О возвращении в Швеции серебряных денег

По отставке минц-цейхов, хотя во Швеции как в казне государственной, так и в народе золотых, серебряных денег и плотов мало было, что едва сыскать кто мог, однакож имея довольно число готовой меди, наделали плотов в краткое время толико, что вскоре могли войска удовольствоваться и торг в действо привести. А понеже серебра не доставало, чтоб серебряныя деньги делать могли, того ради между серебряными и медными деньгами учинилась разность немалая, и кто хотел (*л. 25 об.*) серебряных денег достать, тот принужден был медными 10 на 100 наддать. Сие видя высокое правительство определили, чтоб пошлина в пристанях ничим иным как шведскими серебряными деньгами плачена была, неимеющий же должен медными с наддачею заплатить. И сим не токмо скрытыя в Швеции серебряныя деньги в хождение приведены, но многое число из Галандии, Гамбурга, Любека и других мест в краткое время возвращено, отчего и наддача или разность их с медными умалилась. Сие мне самому видимо было, что с приезда моего в Швецию разность была 6 и 7 на 100, при отъезде же моем королины 4, а пятикопеешники 3 и 2 на 100 разность содержали, червонныя сначала были по $202\frac{2}{3}$ копейки, а при отъезде моем не всяк хотел брать за 192 коп. Ефимки были по 100 коп., а стали по $85\frac{1}{3}$ коп.; вексель сначала моего приезда в Штокгольме за галанской талер платили по $90\frac{2}{3}$ коп., а при отъезде моем по 84 коп. И тако видимо, что Швеция сим образом как денег серебряных умножила, так и торг свой довольно исправила.

3.

О учреждении банка и банковых писем

Понеже во Швеции наибольшее число медных денег, то есть плотов, которыхы хотя (*л. 26*) внутренним достоинством равны серебряным, но для тяжести их не токмо в дальней путь вести, но и в городе для покупок многое число носить неспособно, от чего б купечеству был великой труд, ибо во отлежащая места, где кому для покупки каких внутренних потреб нужды были, надобно провоз дорогой и страхи в пути терпеть. Ежели же бы оное серебряными исполнять, то б зделалась наддача великая, следовательно надобно меди в цене упасть, векселей же во всякой город и на малыя числа не всегда достать было можно. Того ради высокое правительство учредили государственный банк, в котором быть всем государственным и партикулярных людей деньгам в хранении, для правления оного определили камисаров, казначеев, книгодержателей и протчих служителей как из шляхетства, так ис купечества, людей добрых и пожиточных, с таким порядком...*

* Далее опущен текст, содержащий описание банковых операций.

(л. 27 об.)... Банк никому не должен излишнего числа, нежели тот имеет, давать ни по какому требованию или указу, також не может никому объявить, что чьих денег в банке лежит, разве о том Сеймом потребовано будет. Ежели ж после кого наследников не останется, или живота и всех именей лишен будет, или кто потеряв свой ярлык, (л. 28) без которого денег отдать из банка не надлежит и оныя деньги останутся в банке, однакож до таких денег королевское величество и Сенат до Сейма требования иметь и банк отдавать не может. Сие так утверждено, что королевское величество при коронации с прочими основательными правами присягою утвердить должен.

Чрез сей способ во Швеции как корона, так и народ, денег в собственных своих казнах не имеют, но почитай все в банке, разве кто для мелких расходов неколико денег имеет, а ходят токмо письма, ибо кому в правинцию послать денег потребно, то пошлет токмо банковской ярлык, по которому везде деньги из рентереи без убытка и волокит получит, понеже камисары для легости провоза и лучшего щета приятнее ярлыки, нежели деньги, примают. К тому же во Швеции для корреспонденции почта так учреждена, что всякую седмицу в каждой погост, следственно в каждую деревню, письмо дойти и отповедь в отдаленное место получить можно, не имея никоего страха, чтоб письмо кто удержать, меньше же распечатать мог. Купечество же еще в том великую пользу имеют, что никогда денег не принимают, ни отдают, но токмо все счисление их денег на письме, чим потеряннем времени и прочетов избавляются от пожара, и воров в домах своих безопасны.

ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 74, лл. 18—18 об., 19 об.—26, 27 об.—28. Подлинник.

1726 г. октября 17.—
Донесение В. Н. Татищева Екатерине I
о результатах его поездки в Швецию

(л. 34). Всепресветлейшая, всемилостивейшая государыня императрица и самодержица всероссийская.

Прешедшаго 1724 года блаженный и вечно достойный памяти е.и.в. всемилостивейший наш государь изволил меня послать во Швецию¹² для последующего.

1. Обретающиеся тамо горные промыслы, и заводы, и денежное дело и протчия мануфактуры осмотреть и чтоб о состоянии и порядках при оных обстоятельно уведомился.

2. Потребных мастеров и ремесленников, приняв в службу его величества, сюда привести.

3. Взять мне колико потребно из школ молодых людей и оных тамо роздать в научение к потребным разным горным ремеслам.

4. Смотреть и уведомляться о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях одного государства.

Сие его величества повеление было словесное. Да сверх того, по указу его величества, дан от Берг-коллегии о принадлежащих до тоя делех наказ¹³, по которому, быв я тамо, повеленное тщился со всею моею возможною верностью и прилежностью исполнить. По прибытии же моем о касающемся до вышеписанных первых трех статей, что зделал, видел или уведомился Берг-коллегии подал обстоятельное известие¹⁴.

И понеже сие дело вашему величеству для его пользы ко известию, того ради уповая, что милостивно о том известиться соизволите, но дабы пространства ради поданныя известия в Берг-коллегию слушанием ваше величество не утрудило, того ради сим сокращением со всенижайшею покорностью дерзаю донести.

1.

В начале был я в Швеции в трех серебряных, в четырех медных, шести железных лутчих их ямах и видел внутреннее состояние, учреждение и порядки в работах, також на заводах серебряных двух, медных четырех, зеленой меди двух, свинцовых одну, на серебряных и купоросных квасцовых двух, на железных доменных, молотовых тридцати шести мануфактурах, оружейных трех, стальных двух, пороховых одних, мелочных железных одних, на денежных дворах серебряных одних, медных одних. Сверх сего неколиких шерстяных, то есть суконных и чулошных обоев, холщевых выбоек бумажных и протчих мануфактур (л. 34 об.) осматривал, примечая о их с нашими сходстве и разности, уведомлялся в чем какая и от чего наиболее польза или вред происходит, которое все в дневной моей книге записывал, или в памяти моей, колико

шоятность допустила, содержу. И где случай позовет в пользу ва-шего величества и всего отечества действием произвести желаю. Кратко же о пользе сих, наипаче горных заводов, последующее приметил.

1. Хотя швецкого государства наибольшей казенной доход состоит от промыслов и заводов горных, ибо протчие доходы весьма невелики, как видно что сего года всю пошлину морскую и внутреннюю всея Швеции отдали на откуп за 500 тысяч рублей на наш счет. Поголовной же земской, то есть з государственных вотчин и питейной збор противу российского едва можно ль в треть положить. Однако ж, не взирая на малость оных и множество сих богатств, ни единого промысла и завода на казенном иждивении не содержат, но все розданы подданным как шляхетству, так и купечеству и крестьянству. Великия, а особливо все промыслы, то есть рудокопные ямы в компании для того, ежели кто вновь удобное место ко устроению водяного завода и довольство лесов сыщет, чтоб мог руду из оной же ямы получать, токмо служители Берг-коллегии надзирают, чтобы между ими обида не происходила и не-разумием ямы не повреждали. Малыя же заводы, яко железные, молоты разныя, плавильные печи и другия заводы содержат одинакия промышленники, токмо Берг-коллегия смотрит, чтоб строе-ние оных так было, дабы леса в вечность не оскудевали. И для того, взирая на довольство лесов, вновь строить доущают и время колико месяцев в год работать на оном имеет определяют, отчего так заводов размножено и припасов на оных числом изготовляются, что верить неизвестному сумнительно, ибо каждогодно железа от трех до четырех миллионов, меди от шетидесят до восмидесят тысяч, серебра от дватцети до ста пуд делают.

2. Довольно я со удивлением приметил, что шведския руды некоторые хуже гораздо наших, а крушцы, сделанные из них, наши превосходят, мастера же яко и у нас простые крестьяне и раз-суждения в разности руд более наших не имеют. Також лесов во Швеции видится великих нет и расти для каменистого и студено-го положения так скоро как во многих российских правинциях не могут, однако ж недостатка не имеют, но сему всему помоществу-ют люди в химии и мафе[ма]тике искусные, ибо многое число не-престанно о том трудятся как худым рудам и во оскудении лесов помощи показать, за что оныя получают довольное награждение, а промышленники приумножают свою и государственную корысть (л. 35).

Не без удивления и сие, что все швецкия ямы вельми углубели, яко салбергская и фалунская по 150 и до 160 сажен отвесной глы-бины. Уголь и работники пред нашими вдвое дороже, руды нашим равны или мало что лутче, зделанные же крушцы (метали) недо-роже нашего или еще некоторых, близ Москвы лежащих, и дешев-ле ставятся. Причиною же сему многоразличныя машины, дейст-вуемья водою, в которых за неколико сот человек одно колесо ис-правляет. Из оных же о некоторых при Фалуне упоминаю. Пер-

вая. Одним водяным колесом из трех ям (шахтов) 156 сажен вверх воды подымает и вдвое больше, нежели на то колесо подает и оною поднятою из ям водою другия колеса ворочает. Второе. Одним колесом на вышние горы стоящим, на которое яко и протчия при тех копях вода с высочайших гор фантанною взведена. Оная машина из трех ям неравной глубины сажен по 100 и по 130 руды вдруг до 50 пуд подымает.

Третье. Такое ж колесо подымает из глубины 54 сажени руды вдруг пуд до 100, бес коната и цепи, токмо двумя деревянными движущимися брусками, которого нигде в Европе не обретается. При сем заводе таковых разных машин 13, которые изобрел Полгейм¹⁵. А плочено ему ис казны государственной по малой мере по 20 и до 40 тысяч ефимков за машину, а за другие получает четвертую часть от прибыли. При протчих же заводах везде различныя машины подают великую в работах помощь.

4. Был я у оного Полгейма на собственных ево заводах, видел плотину длиною около 40 сажен, вышины 7 аршин, зделанную из одних досок без земли и камня, которое колико не видевшему невероятно, так видевшему удивительно и в употреблении полезно, ибо весьма скоро малыми людьми и дешево зделать можно и суще ежели таковую плотину строить рубленую и насыпать землю, то надобно до 500 человек работников и станет по малой мере в 3 тысячи рублей, сия же 50 человеки и едва более 300 рублей зделать удобно. Онаы земляныя плотины ежели повредятся, то починка требует времени и иждивления немалого, а сию в неколико часов тремя человеки починить возможно. Сверх того, при оных земляных плотинах и то великой вред, что великое число леса требуют и тем заводы в угле и дровах оскужают (*л. 35 об.*), и хотя б сие потребно чертежем в народ объявить. Однако ж не видевшему к поятию трудно. Того ради всенижайше мню, ежели ваше величество соизволите, то могу на удобном месте при заводах таковую построить, которой в действе и пользе видевшим удобнее к поятию быть может. Таковых многообразных к пользе заводской способов обретается многократно более. Но, не смея пространством ваше величество утруждать, оное оставляю токмо о корени оных искусств всенижайше доношу.

5. Хотя в Швеции Академии и училища древния суть, однако ж для пользы заводов ныне вновь устроили особливую экономическую школу, где наиболее в физике и в мафематике, а особливо в механике молодым людям действиями показывают. Зимую учащиеся бывают все в школах, а летом ездят по заводам как учреждение оная (отданное от меня в кабинет вашего величества) обстоятельно показывает¹⁶. Сверх сего непрестанно Берг-коллегия имеет двух человек в посылке по заводам чужестранным, выбирая охотников и способных к поятию имеющих в физике, мафематике и химии основания, которые на иждивление государства ездят, не токмо в Европе, но в Азию и Америку по всем заводам. И когда оные возвратятся, то их определяют к надзиранию заводов

и производят в члены Берг-коллегии, а на их места других отпускают и дается на год человеку по 500 рублей чрез что не токмо в коллегии, но и по заводам людей искусных довольно имеют.

6. Не без великой пользы тамо Берг-коллегия содержит химическую лабораторию, человеку искусному и прилежному врученную и определено ему в год на расходы к тому принадлежащая 2 тысячи рублей, которые трудятся взыскивать о удобрении металлей и лутчих с оными в огне поступках. И ежели что сыщут, то каждую четверть года чрез письменныя действия всенародно объявляют. Сверх сего имеют драгоценной собранный кабинет разных металлей, минералей и полезных камней, которой вольно всякому смотреть. И тако всяк легко может от видения разности еуропских, азиатических, американских и других частей света руды и камня знать в чем есть польза по виду знать и по случаю обретенное коллегии приносить и чрез то непрестанно вновь обретают, которого пользы прежде не зная многия металы и камни без пользы в земле лежали. И ежели (л. 36) в. и. в. по оным примерам в России для пользы государственной и вашей вечныя славы учредить позволите как уже блаженные и вечно достойный памяти е. и. в. намерен был, то уповаемо не меньшия пользы в России яко и во Швеции от заводов получить. Оное же его величества намерение явно в сочиненном плакате¹⁷, которой лежит в высоком Сенате и за скорым его величества от нас в вечное преселение в действо не произведен.

2.

Приметил же я во оном государстве в делах к сему принадлежащих и вреду.

1. Ямы древние, медные и железные, весьма в худом состоянии, непрестанно валятся и людей побивают так, что во многих местах, видя добрую руду, тронуть никто не смеет, а особливо в Фалуне иттить в яму есть велик страх, ибо редкая седмица, чтоб где не обрушилось, для которого меня долго удерживали и бесписьма обязательного (что я все страхи презрев в глыбочайшия итти намерен) не пустили. А причина тому, что в древния времена, не имея искусных надзирателей, компания по своей воле поступала и от того ямы все обвалились. И хотя ныне под оным обвалом лучшия порядки и предосторожности имеют, однако ж от тех древних натрученей от рушения удержать не могут.

2. Хотя Швеция každогодно великое число железа за границы отпускает, как по росписи таможенной 1723 году¹⁸ является в отпуску близ полутретья миллиона пуд, однако ж сказывают, что в разных железных мелочах на треть или близ половины тоя цены из Англии, Франции и Голландии паки получают, яко я видел не токмо в Штокгольме и других приморских городех, но внутрь земли по лавкам всякие мелочи железные, то есть ножи, ножницы, бритвы, разные столярные, плотничные, токарные и

других ремесл снасти чужестранной работы великое число. И продают, хотя пред деланными во Швеции дешевле, однако ж по свидетельству некоторых вещьлюбивых приходит в оных работах пуд от 20 до 50 рублей и более. Швецкие же свое железо в полосах продают пуд от 55 до 65 коп., сталь в бочках пуд по 130 и по 160 копеек и тако агличаня отсюда за работу, уголь и угар получают от Швеции с пуда от 18 до 48 рублей. И хотя некоторые охотники, собрав компанию, выписали из Англии и Франции мастеров и устроили завод делать разная мелочи и уже довольное число разных вещей весьма чистой работы наделано, но она компания как видно уже разоряется (*л. 36 об.*) Причина же тому:

1) Оные промышленники положили на вывоз мастеров, строение заводов, обучение шведских работников великое число денег и, не видя никоей от короны помощи, принуждены для содержания тоя положить прибыль на зделанное паче меры, что пред английскими и французскими ценою вдвое и более стало, того ради купить никто не хочет.

2) Худоба же и впрде сих заводов, что они вещи делают все надмеру чисто и дорогоценно, которые хотя и равно с английскою и французскою ценою продавали, то б охотников многих купить не было, разве б кто за диковинку или от великого имени купил и то число малое, например, бритвы по червонному, ножи складные, ножницы по рублю и до двух, стволы фузейные или пара пистолетных по десяти червонных и тому подобное, которое хотя уже пред привозными ценою не дороже, но купить охотников мало и тако немалое число денег лежит бес плода.

3) Учеников довольное числа не имеют, ибо охотников к тому мало, а учившиися вольно отходят, от короны же никоей вольности или помощи в том пред горными промыслами не показано, но еще некоторое и умалено. И тако, ежели привозных мастеров отпустить, которые великое жалование получают или помрут, то они мастеров довольства иметь не могут. Сие раззорение свое видя, та компания просила, чтоб им о работниках и учениках дать большие вольности, товары такие привозить запретить или пошлиною привозныя отяготить и неколико денег им на урочные годы без роста ис казны дать. На которое хотя многие благоразсудныя из сенаторей и членов Берг- и Коммерц-коллегий согласуют, но без сейму учинить, а на сейме согласить всех неискусных людей не могут. О сем советник Коммерц-коллегии преславный механик Полгейм в поданном на сейм доношении пространно пользу государственную изъяснил, показуя в пример прилежности их величеств императора всероссийского и короля французского, но ис того ничто не воспоследовало.

При сем же дерзаю всенижайше напаятовать, что е. и. в. блаженныя и вечно достойныя памяти наш всемилостивейший государь изволил великое намерение иметь таковыя заводы для пользы государственной в России устроить, о котором я по его повелению предложение¹⁹ написал, которое его величество, с ве-

ликою милостию выслушав, приял за благо и повелел отдать в Сенат для решения, но за скорым по той его величества от нас в вечное преселение оное осталось тамо и доднесь не слушано.

3.

О поступках денежных дворов как на серебряном чрез восемь дней, а на медных чрез три дни с великою прилежностью при-сматривался, також как премены денег в государстве были и что от того случилось, и как о наших деньгах рассуждают слышал рассуждение от людей знатных (л. 37) и искусных. О ином же получил и на письме, за тайность которого пространства ради к сему не приобщил, но отдал все в Берг-коллегию^{19a}. Однако ж мню, что оное для известия вашему величеству и вашим высоко-тайным советникам небесполезно.

4.

Мастеров никаких мне во Швеции принять не допустили, показуя на то, якобы имеют запретительные права²⁰. Того ради принять не мог, кроме одного мастера, умеющего твердые камен-ния резать и обтирать, который послан в Сибирь²¹. Противно же сему шведские сенаторы неоднократно просили меня, чтобы я им помогствовал в отпуске из России в Швецию соляных товаров, понеже они обрели места, подобные пермским соляным промыс-лам, но на оное я им иного сказать не мог, что ваше величество равномерно в том поступить соизволите, то есть, ежели похотят, чтоб послали своих людей для обучения в руки, а мастеров отпу-скать имеем, таковые ж права как и шведския.

5.

Учеников русских при заводах шведских роздал 16 человек, а имянно: маркшейдерскому, то есть устроению и содержанию промыслов и заводов, двух, машинному двух, обжигочному двух, плавильному меди двух, переплавному меди двух,ковки меди двух, пробирному и знаменованию двух, при серебряных заводах всему заводскому поступку двух. Серному, купоросному и квас-цовому учеников отдать недостало. Оные отданные ученики при мне уже в ремеслах своих положили доброе основание и надеюся, конечно, немалую от них пользу заводам российским получить²².

Сверх сего о делах, пространного описания требующих, трудить ваше величество не смею, но желаю оное верно и прилежностью в действе показать, ежели где мне о том трудитесь повелите.

О делах, которые до Берг-коллегии не касаются, какие известия письменные собрал, оные отдал в кабинет вашего величества²³. Ныне же еще имею записку, что я в бытность мою при канале Арбургском и в Карлскруне²⁴ видел и увидал, и оное при сем приношу.

Вашего императорского величества
всепокорный нижайший раб
Василий Татищев

дня 17 октября 1726 г.

ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 81, лл. 34—37. Подлинник.

Примечания

- ¹ В. Н. Татищев был пожалован в советники Берг-коллегии в июне 1724 г.
- ² Граф Бонде (Бонди) — шведский государственный советник.
- ³ Плоты — пластины из меди номинальной стоимости, употреблявшиеся в Швеции в разные периоды в качестве денежных знаков.
- ⁴ Сенатом В. Н. Татищев называет Государственный совет, т. е. фактически правительство Швеции.
- ⁵ Имеется в виду Северная война 1700—1721 гг.
- ⁶ Карл XII — король шведский (1697—1718 гг.).
- ⁷ Герц — первый министр. После смерти Карла XII был предан суду и казнен.
- ⁸ О содержании своего разговора с гр. Бонде Татищев на другой день, 25 декабря 1724 г., сообщил в Петербург (ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 71, лл. 160—161 об.).
- ⁹ Шведская армия во главе с Карлом XII вторглась в Норвегию в 1716 г. с целью захвата этой страны и получения доступа к Северному морю.
- ¹⁰ Чтобы не допустить подделки денежных знаков, было решено время от времени выпускать новые и обменивать на них старые. При Карле XII было выпущено 8 различных денежных знаков (с изображением короны, женской фигуры, рыцаря и т. д.).
- ¹¹ Сеймом Татищев называет шведский риксдаг — сословно-представительный орган. В результате реформ 1719—1723 гг. королевская власть в Швеции была сильно ограничена риксдагом.
- ¹² В. Н. Татищев был послан в Швецию по именному указу Петра I от 1 октября 1724 г. (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 4, л. 416).
- ¹³ В инструкции Татищеву указывалось сколько и каких шведских специалистов следовало пригласить в Россию. Коллегия поручала ему во время пребывания в Швеции выяснить: 1) размеры налога, взимаемого казной с владельцев медеплавильных и железодельных заводов; 2) все, что касалось производства плотов. Вопрос этот интересовал Берг-коллегию, потому, что предполагалось организовать изготовление плотов в Екатеринбурге; 3) размеры ежегодного производства и себестоимость на шведских заводах пуда железа и меди до, во время Северной войны и в послевоенный период (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 103, лл. 111—114 об.).
- ¹⁴ К сожалению, этого обстоятельного отчета Татищева о своей поездке в Швецию, несмотря на сплошной просмотр в фонде Берг-коллегии дел за 1724—1727 гг., не удалось обнаружить. Не удалось найти также многие его донесения из Швеции в Берг-коллегию, а также полный текст поденного журнала, который он вел, будучи там, и по возвращении в Россию вместе с отчетом передал в коллегию. Возможно, что эти материалы Татищева, скорее всего сосредоточенные в одном архивном «деле» (если

они вообще сохранились), были впоследствии запрошены из Берг-коллегии Сенатом, Коллегией иностранных дел или другим учреждением и находятся в их фондах.

¹⁵ Кристофер Полхем (Полгейм) — шведский инженер-механик. О изобретенных им машинах Татищев неоднократно с восхищением писал Екатерине I и канцеляристу, а впоследствии кабинет-секретарю И. А. Черкасову.

¹⁶ Татищев имеет в виду «Прожект о сочинении экономической школы в Швеции», перевод с которого он послал в Кабинет императрицы в 1725 г. Упоминание об этом проекте имеется в «Росписи вещам, которые куплены в Швеции в дом е.и.в.» (ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 94, л. 318 и об.).

¹⁷ Татищев имеет в виду намерение Петра I шире привлечь частный капитал к развитию металлургической промышленности. По поручению царя, он составил в феврале 1724 г. проект о создании компании по эксплуатации меднорудных богатств Урала. Суть этого проекта заключалась в том, чтобы предоставить промышленникам, по сравнению с существующим законодательством и практикой, большие льготы и привилегии. Татищев считал, что неизбежные в этом случае материальные жертвы казны с течением времени будут сторицей возмещены экономическим процветанием страны, ростом ее богатства и могущества. Петр I в принципе одобрил основные идеи проекта, сделал несколько замечаний и предложил все вопросы, связанные с его реализацией, обсудить в Сенате.

До кончины Петра I (28 января 1725 г.) Сенат не успел принять решения, а позже предложения Татищева были отвергнуты. Попытка Татищева после возвращения из Швеции обратить внимание Екатерины I на свой проект (см. настоящий документ, стр. 355) успеха не имела (А. И. Южг. Проекты В. Н. Татищева 1721—1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и в Сибири.— «История и историки. Историографический ежегодник. 1971». М., 1973, стр. 309—320, 325—330).

¹⁸ Таможенную роспись о вывозе товаров из Стокгольмского порта («Табель, koliko и куда каких товаров отпущено из Штокгольмской пристани в 1723 году») Татищев достал в Швеции и прислал в Петербург (ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 74, лл. 53, 54, 61). Подробнее об этом документе см.: Г. А. Некрасов. Внешняя торговля Швеции в 20—30-х годах XVIII в. (По материалам советских архивов).— «Скандинавский сборник», II. Таллин, 1957; *он же*. Торгово-экономические сношения России со Швецией в 20—30-х годах XVIII в.— «Международные связи России в XVII—XVIII вв.» М., 1966.

¹⁹ См. прим. 17.

^{19a} См. док. № 1.

²⁰ Петр I, отправляя Татищева в Швецию, полагал, что она, заключив в феврале 1724 г. союзный договор с Россией, не будет (подобно другим европейским государствам) препятствовать выезду шведских мастеров в Россию. Однако эти надежды не оправдались. Татищев в первом же донесении из Стокгольма от 18 декабря 1724 г. писал в Берг-коллегию, что в беседе с ним министр граф К. Гилленборг сказал: шведы «великое сумнение имеют, дабы российское железо и медь их торгу великого вреда не нанесло». Россия, продолжал министр, продает свое железо «дешевою ценою», в результате чего «Швеции великой в продаже ущерб уже явен» (ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 71, л. 159 об.). Последнее утверждение не соответствовало действительности. Во-первых, Россия вывозила в 1722—1727 гг. в среднем 40 тыс. пудов железа в год. (Данные об экспорте казенного железа. Какое количество железа вывозили за границу частные владельцы неизвестно. В то время только Демидовы и Меллеры были связаны с внешним рынком.— Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 275, 440—441.) Разумеется, экспорт такого незначительного количества русского железа по сравнению со Швецией, вывозившей около 2,5 млн. пудов в год, не мог оказать влияния на цены. Во-вторых, если

первые партии русского железа после окончания Северной войны (в 1722—1723 гг.) были проданы по более низким ценам, то начиная с 1724 г. продажные цены на русское железо в основном определялись общей конъюнктурой на мировом рынке (*Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 274—275*). Но в целом опасения шведов имели основания. Рассматривая русскую металлургию как опасного конкурента в недалеком будущем, шведы, конечно, не имели намерения помогать ее развитию. Все попытки Татищева убедить шведских министров в том, что их страхи преувеличены, успеха не имели. Ему запретили принимать на русскую службу шведских специалистов.

²¹ Речь идет о мастере-гранильщике Кристиане Рефе, которого Татищев пригласил в Россию и заключил с ним контракт на 5 лет. Реф должен был «сыскивать» в России аспид, мрамор, и «прочие подобные тому каменья», а также «онге резать, гранить и приготавливать». После прибытия в Петербург Реф был отправлен в Екатеринбург, где успешно занимался своим мастерством и выучил нескольких русских учеников (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 750, лл. 188—204; *Н. К. Чупин. Сборник статей, касающихся Пермской губернии, вып. I. Пермь, 1882, стр. 94*).

²² Ученики в Швеции изучали главным образом те специальности, в которых особенно нуждалась горнозаводская промышленность России. Они были отобраны Татищевым из школьников Морской академии, артиллерийской и инженерной школ Петербурга. После возвращения из Швеции их определили на заводы Урала, Сибири и европейской части России. Многие из них оправдали надежды Татищева, впоследствии стали опытными специалистами и заняли руководящие административно-технические должности.

²³ Помимо задач, определенных инструкцией Берг-коллегии, Татищев в Швеции выполнял другие важные задания Петра I, связанные с изучением финансов и торговли Швеции. По поручению Кабинета императрицы и ряда центральных учреждений Татищев закупил в Швеции оборудование, различные вещи, книги и пр. Особенно много вещей приобрел он для Кабинета (картины, зеркала, серебряные медали, книги, образцы шведского мрамора и т. д.), которые были переданы в Кунсткамеру. Эта сторона деятельности Татищева отражена в документах, которые отложились главным образом в Кабинете Петра I (ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 68, лл. 548—562; кн. 71, л. 852; кн. 84, лл. 30—31; кн. 84, лл. 30—33; кн. 94, л. 318 и об. и др.).

²⁴ Речь идет о двух записках Татищева: первая — «Дневная записка Берг-коллегии советника Татищева, что он, быв при канале Арбутском, видел и слышал» (ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 74, л. 29 и об.); вторая — «О бытии его ж советника Татищева в Карлскруне, того ж 1725 года» (там же, лл. 29 об.—32) — содержит описание адмиралтейства, доков и кораблей главной базы шведского военного флота.

Обе записки опубликованы (*П. П. Пекарский. Известия, собранные В. Н. Татищевым в бытность его в Сибири и Швеции. 1721—1726 гг.—«Записки Русского географического общества», 1863, кн. III, стр. 114—124*).

IV

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Ф. СЕМЕНОВ (1896—1973) И ЕГО НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Е. Москаленко, И. Н. Осинковский

Виктор Федорович Семенов принадлежал к первому поколению советских историков-медиевистов. Он родился 28(16) апреля 1896 г. в селе Ведяпцы Ардатовского у. Симбирской губ. (ныне Мордовская АССР). Учился в Алатырском духовном училище и в Симбирской духовной семинарии, откуда в 1917 г. перешел на историко-филологический факультет Казанского университета, где слушал лекции Н. Н. Фирсова, П. А. Архангельского, И. А. Стратонова по русской истории, по всеобщей — Н. П. Грацианского, М. В. Бречкевича, С. П. Сингалевича. Особенное влияние, по его собственному признанию, оказал на него Н. П. Грацианский.

Закончив в 1921 г. Казанский университет, Семенов в течение некоторого времени преподавал в средних школах Казани, а в 1924 г. переехал в Москву и начал работать на рабфаке им. М. Н. Покровского при I МГУ. Одновременно он поступил в аспирантуру Института истории РАНИОН по секции истории Запада. Об этом периоде своей деятельности Виктор Федорович вспоминал: «Здесь моими руководителями были в известной степени и Д. М. Петрушевский, и А. Д. Удальцов, а также Н. П. Грацианский, В. П. Волгин, П. Ф. Преображенский, Н. М. Лукин и др. В начале я склонялся было к новой истории. Свой главный доклад делал по истории английских левеллеров. На базе этой работы была написана небольшая монография «Великая Английская революция», опубликованная позже, в 1931 году. Но занимался также темами и по истории средних веков в Англии и даже по русской истории (аграрное движение в России 1905—1907 гг.), участвовал в семинаре М. Н. Покровского в Институте красной профессуры. Таким образом, с точки зрения научной связи в это время, я был, можно сказать, в центре тогдашней исторической науки. Е. А. Косминский, В. М. Лавровский, С. Д. Сказкин — тогда еще молодые историки — также были моими хорошими знакомыми

на правах, пожалуй, больше старших товарищей, чем руководителей...»¹.

В 1929 г. Виктор Федорович окончил аспирантуру и был направлен на работу в кабинет истории Англии Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Там он принял участие в подготовке к печати IX, X, XII (часть 2) и XXVI томов первого издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В те же годы им был опубликован ряд статей по истории марксизма и рабочего движения. Кроме того, в первой половине 30-х годов Виктор Федорович преподавал новую историю в некоторых вузах Москвы.

С 1935 г. Семенов полностью переходит на педагогическую работу, а в научном плане сосредотачивает свое внимание на истории Англии позднего Средневековья. В начале он доцент, затем профессор кафедры истории средних веков МГПИ им. К. Либкнехта, где кафедрой заведывал Н. П. Грацианский. 21 марта 1941 г. Виктор Федорович успешно защитил в Институте истории АН СССР докторскую диссертацию «Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в.» Официальными оппонентами выступили Е. А. Косминский, С. И. Архангельский и В. М. Лавровский.

Во время Великой Отечественной войны Семенов трудился в институте, который был эвакуирован в г. Ойрот-Туру (ныне Горно-Алтайск). Возвратившись в сентябре 1943 г. в Москву, Виктор Федорович стал профессором кафедры истории средних веков МГПИ им. В. И. Ленина, где он работал по совместительству еще до войны и где заведывал кафедрой также Н. П. Грацианский. После трагической гибели последнего (3 ноября 1945 г.) эту кафедру возглавил Семенов (с 1950 г. она стала кафедрой истории древнего мира и средних веков) и руководил ею до самой кончины — в течение 27 с лишним лет.

Вторую половину 40-х и начало 50-х годов Виктор Федорович был занят написанием учебника по истории средних веков для учительских, а позже — для педагогических институтов. С 1952 по 1958 г. он состоял также старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, где написал ряд глав для двухтомника «Английская революция XVII в.» (М., 1954 г.), и участвовал в редактировании V тома «Всемирной истории» (М., 1958 г.), был автором отдельных разделов в сборниках по новой истории. С конца 50-х годов Семенов вновь возвратился к изучению аграрной истории Англии, расширив на сей раз хронологические рамки своих штудий. Он поставил перед собой цель дать историю английской деревни накануне революции XVII в.

До последнего дня своей жизни Виктор Федорович продолжал трудиться. Еще утром 11 марта 1973 г. он работал в Ленинской

¹ Биографические данные взяты из «Curriculum vitae» (Жизнеописания) В. Ф. Семенова, написанного им 14 марта 1971 г. и из его письма от 18 мая того же года, присланных А. Е. Москаленко.

библиотеке, а вечером в тот же день по дороге домой внезапно скончался.

Для Семенова как исследователя характерны многообразие научных интересов, стремление к широким обобщениям, основанным на тщательном анализе источников и творческом применении марксистской методологии.

Основные исследования Виктора Федоровича связаны с проблемами аграрной истории Англии XV—XVII вв. Его работы в этой области продолжают и развивают лучшие традиции русских и советских медиевистов — М. М. Ковалевского, П. Г. Виногорова, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина, Е. А. Косинского. Наиболее значительной работой В. Ф. Семенова является его докторская диссертация, опубликованная из-за войны лишь через восемь лет после защиты². Используя широкий круг разнообразных источников — литературные выступления и памфлеты конца XV — середины XVI в. против огораживания, тюдоровское законодательство и особенно данные правительственных комиссий по расследованию об огораживаниях 1517—1518 гг., — автор не только ярко изобразил общий процесс огораживания в Англии конца XV — первой половины XVI в., но и установил особенности огораживаний в отдельных районах страны, социальные последствия и их влияние на различные категории сельского населения Англии.

В отличие от английских буржуазных историков, рассматривавших крестьянские движения средневековой Англии как исключительно консервативные, ставившие своей целью, якобы, не разрушение, а укрепление традиционных общинно-феодальных отношений³, Семенов подчеркивает прогрессивную сторону изученных им крестьянских движений, — борьбу крестьян за землю, за свободный труд, за свободное развитие товарно-денежных отношений в стране. Монография Семенова об английских огораживаниях вызвала сочувственные отзывы не только в Советском Союзе, но и в Англии (в печатных отзывах Ричарда Тоуни и Р. Хилтона).

Продолжая начатое в указанной монографии исследование аграрной истории Англии эпохи генезиса капитализма, Виктор Федорович опубликовал ряд статей⁴, которые входят в новую еще

² В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М.—Л., 1949. Отдельные разделы этой работы были опубликованы ранее.

³ J. M. Trevelyan. English Social History. London, 1945, p. 13—14; R. H. Tawney. The Agrarian Problem of the XVI century. London, 1912, p. 339—340.

⁴ См. В. Ф. Семенов. Положение обычных держателей Юго-Западной Англии во второй половине XVI — начале XVII в. (По данным описей маноров Пемброк и Монтгомери). — «Средние века». Вып. 25. М., 1964; *он же*. Английская деревня второй половины XVI — первой половины XVII в. (По материалам Юго-Западной Англии). — «Проблемы экономического и политического развития стран Европы». Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, № 217, 1964; *он же*. Раннее капиталистическое

не увидевшую свет монографию, посвященную судьбам английской деревни во второй половине XVI — начале XVII в. Мастерский анализ большого количества источников (в частности описей маноров графов Пемброк и Монтгомери 1566—1567 и 1631—1632 гг. и ряда других материалов), их тщательное статистическое обследование, позволили автору проследить сложный процесс генезиса раннего капиталистического фермерства Юго-Западной Англии, выяснить удельный вес, экономическую структуру и типы фермерских хозяйств, а также исследовать характер договорных отношений фермеров с лендлордами. Семенову удалось установить направление и формы эволюции фермерской ренты на протяжении второй половины XVI — первой половины XVII в. и таким образом выявить специфику раннего капиталистического фермерства в Англии. Сравнительный анализ экономики маноров графов Пемброков в 60-х годах XVI в. и в начале 30-х годов XVII в. показал также эволюцию английского манора накануне революции, когда элементы старых средневековых манориальных отношений переплетались с элементами аграрного капитализма (связь лорда с капиталистическим фермерством, использование наемного труда, употребление части земельных доходов на колониально-торговые цели).

Значительное место в творчестве Семенова занимают также проблемы Английской революции XVII в., чартизма и истории марксизма. Интересны его историографические обзоры и многочисленные критические статьи. Виктор Федорович первым у нас начал заниматься средневековой историей Венгрии, опубликовав в 1955 г. статью «Золотая булла 1222 г. и ее значение в развитии венгерского феодализма».

Семенов был незаурядным педагогом. Его учебник по истории средних веков, написанный на основе лекционных курсов, прочитанных им в педагогических институтах им. К. Либкнехта и им. В. И. Ленина, выдержал пять изданий и переведен на украинский, немецкий, польский, албанский, болгарский, венгерский и китайский языки. В методическом отношении это лучшее из имеющихся у нас пособий по данному предмету. Перу Семенова принадлежит также большое количество методических разработок в области преподавания истории средних веков в высшей школе.

Виктор Федорович подготовил более 30 кандидатов исторических наук, работающих в вузах и других научных учреждениях СССР.

Семенов вел также большую общественную работу в качестве члена экспертной комиссии ВАК при Министерстве высшего образования СССР, члена ученой исторической комиссии ГУВУЗ Министерства просвещения РСФСР, члена ученого совета МГПИ

фермерство в Англии в XVI — первой половине XVII в. — «Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве». Сб. статей к 80-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1965.

им. В. И. Ленина и бессменного председателя ученого совета исторического факультета. В истории советской медиэвистики Виктору Федоровичу Семенову принадлежит видное и почетное место.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. Ф. СЕМЕНОВА *

1930

- Предисловие.— В кн.: *Алгаев Ал.* Свободнорожденный (Джон Лильберн). Ист. роман из эпохи Английской революции, с предисл. В. Семенова [Харьков], [1930], стр. 3—7.
- Рец.: *Васюгинский В. А.* Разрушители машин в Англии. М., 1929, стр. 148.— «Летописи марксизма», 1930, т. 2(12), стр. 213—216.
- Рец.: *Grubb Isabel.* Quakerism and Industry before 1800. London. 1930, p. 192.— «Летописи марксизма», 1930, т. 3, (13), стр. 220—222.
- Пер.: *Фокс Ральф.* Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и их источники.— Там же, стр. 3—29.

1931

- Великая английская революция.— В кн.: *Пакуль Н. М.* Нидерландская революция XVI в.; *Семенов В. Ф.* Великая английская революция. М., 1931, стр. 97—206.

1932

- Подгот. к печати: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. IX. М., 1932. XVI, 770 стр. (совместно с Р. Фоксом).
- Собрание сочинений Маркса — Энгельса, т. X.— «Литературное наследство», т. 3. М., 1932, стр. 332—335 (Сообщение о предстоящем выходе из печати).
- Рец.: *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет (1804/05—1929/30), т. 1—2. Казань, 1930.— «Историк-марксист», т. 20. 1930, стр. 192—194.

1933

- Подгот. к печати: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. X. М., 1933. XII, 820 стр., 5 карт (Совместно с Р. Фоксом).
- Подгот. к печати: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. XII, ч. 2. М., 1933. XV, 624 стр.
- Жизнь и деятельность К. Маркса. 1818—1883—1933. Путеводитель к выставке-передвижке. М., 1933, 124 стр.
- Жизнь и деятельность Карла Маркса. Объяснительный текст к серии диапозитивов. М., Фабрика «Диафото», № 7, 1933, 26 стр.
- Маркс о Гражданской войне в Америке.— «Мировое хозяйство и мировая политика», 1933, № 1, стр. 119—123.
- Маркс и Энгельс и чартизм.— «Историк-марксист», 1933, кн. 1 (29), стр. 67—93.
- Рец.: X том Маркса и Энгельса.— «Книга и пролетарская революция», 1933, № 2, стр. 42—48.
- Рец.: Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. 2.— «Вестник Коммунистической академии», 1933, № 4, стр. 101—104.

* Список составлен А. Е. Москаленко. В него не включены мелкие статьи справочного характера из энциклопедий (БСЭ, МСЭ, СИЭ). Сам В. Ф. Семенов насчитывал их до двухсот.

- Промышленная революция в Англии второй половины XVIII в.— В кн.: *Ефимов А. и Фрейберг Н.* История. Эпоха промышленного капитализма. Учебник для средн. школы 7 и 8 года обучения. М., 1933, гл. 1, стр. 5—20.
- Чартистское движение в Англии.— Там же, гл. 3, стр. 83—102.
- Английская революция XVII века.— В кн.: «Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах». Под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина. М., 1933, гл. 1, стр. 9—58.
- Промышленный переворот в Англии.— Там же, гл. 2, стр. 59—94.
- Рабочее движение в Англии первой половины XIX века (чартизм).— Там же, гл. 4, стр. 235—294.
- Пер. с англ.: Фокс Ральф.* Англия в эпоху империализма. М., 1933, 86 стр.

1934

- Восстание Уота Тайлера.— «Борьба классов», 1934, № 11, стр. 74—82.
- Чартизм.— БСЭ, т. 61, 1934, стлб. 67—76.
- Английская революция XVII века. Англия во время промышленного переворота.— В кн.: «Новая история в документах и материалах». Под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина. Изд. 2-е, доп., вып. 1. [М.], 1934. Введение, стр. 1—96.
- Рабочее движение в Англии первой половины XIX в. (Чартизм).— Там же, гл. 3, стр. 266—328.
- Рец.: Маркс и Энгельс* в период от поражения революции 1848 г. до возникновения I Интернационала (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XII, ч. 2 (Статьи и корреспонденции 1860—1864 гг.), 1933.— «Книга и пролетарская революция», 1934, № 5, стр. 76—80.
- Рец.: Серебрякова Г.* Юность Маркса. Роман. Кн. 1. М., 1934, 194 стр.; *Виноградская П.* Женни Маркс. М., 1933, 215 стр.— «Борьба классов», 1934, № 10, стр. 101—102.
- Рец.: Вольский Ст.* Кромвель. М., 1934, стр. 303.— «Известия», 23 декабрь 1934 г., № 299.

1935

- Подгот. к печати и наблюдение за печатанием: Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. XXVI. М., 1935, XII, 536 стр.
- Рец.: Маркс и Энгельс* в эпоху I Интернационала и Парижской коммуны. (*Маркс и Энгельс.* Сочинения. Под ред. В. Адоратского, т. XXVI, 1935. 536 стр.— «Книга и пролет. революция», 1935, № 2, стр. 32—39).
- Английская революция XVII века. Англия во время промышленного переворота.— В кн.: «Новая история в документах и материалах». Под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина. Изд. 3-е, стереотипное, вып. 1. М., 1935. Введение, стр. 1—96.
- Рабочее движение в Англии первой половины XIX в. (Чартизм).— Там же, гл. 3, стр. 266—328.
- Рец.: Авербух Р. А.* Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935, 332 стр., 2 л. карт.— «Книга и пролетарская революция», 1935, № 11-12, стр. 71—74.

1936

- Левеллеры в Английской революции XVII в.— «Борьба классов», 1936, № 1, стр. 87—97.
- Новая литература о Томасе Море.— «Историк-марксист», 1936, кн. 2, стр. 125—131.
- Рец.: Новый том писем Маркса и Энгельса. Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. XXVII. Письма 1878—1887 гг. М., 1935, 739, XI стр.— «Книга и пролетарская революция», 1936, № 2, стр. 32—42.

- Рец.*: Из истории английской буржуазной революции. *Архангельский С. И.* Аграрное законодательство Великой английской революции 1643—1648 гг., ч. 1. М.—Л., 1935 (вышла в 1936), 301 стр.—«Книга и пролетарская революция», 1936, № 4, стр. 54—55.
- Рец.*: *Косминский Е. А.* Английская деревня в XIII веке. М., 1935, 279 стр.—«Борьба классов», 1936, № 6, стр. 122—124.
- Ред.*: *Снеиурев В.* Конкистадоры (испанские завоеватели). Ист. хроника XVI столетия. М., 1936, 264 стр.

1937

- Восстание Роберта Кета.—«Ученые записки МГПИ им. К. Либкнехта». Серия историческая, вып. 1, 1937, стр. 33—69.
- Лильберн Джон. Памфлеты М., 1937. 120 стр. (*Сост., пер. и предисл.*) Кромвель.—БСЭ, т. 35, 1937, стлб. 214—216.
- Рец.*: *Косминский Е. А.* и *Петрушевский Д. М.* Английская деревня в XIII—XIX вв. и восстание Уота Тайлера. М.—Л., 1935, 232 стр.—«Историк-марксист», 1937, кн. 1, стр. 175—176.
- Рец.*: *Лавровский В. М.* Основные проблемы аграрной истории Англии конца XVIII и начала XIX веков. М.—Л., 1935, 80 стр., таблицы.—Там же, стр. 176—178.
- Рец.*: Новое исследование о варварах (*Lot Ferdinand. Les invasions germaniques. Paris, 334 p.*)—«Книга и пролетарская революция», 1937, № 3, стр. 86—88.
- Рец.*: Средневековый город. (*Стоклицкая-Терешкович В. В.* Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М., 1936, 341 стр.; «Немецкий город XIV—XV вв.» Сб. материалов. Вводи. статья, подбор матер., пер., прил. и коммент. В. В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936, 176 стр.)—«Книга и пролетарская революция», 1937, № 6, стр. 84—86.
- Рец.*: *Косминский Е. А.* Английская деревня в XIII в. М., 1935, 279 стр.—«Историк-марксист», 1937, кн. 3, стр. 206—209.
- Рец.*: Нидерландская революция. (*Пиренн А.* Нидерландская революция. Пер. Ф. А. Коган-Бернштейн. Ред. и вводи. статья Е. А. Косминского. М., 1937, 572 стр.—«Книга и пролетарская революция», 1937, № 8, стр. 89—91).
- Рец.*: «Древние германцы». Сб. документов. Сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский и А. И. Неусыхин. Вводи. статья и ред. А. Д. Удальцова. М., 1937. 224 стр.—«Историк-марксист», 1937, кн. 5—6, стр. 224—226.

1938

- К 250-летию английской «Славной революции» 1688 года (1688—1938).—«Историк-марксист», 1938, кн. 3, стр. 36—52.
- Левеллеры.—БСЭ, т. 36, 1938, стлб. 146—147.
- Лильберн.—Там же, стлб. 827—828.
- Англия в XVI—XVII вв.—В кн.: «Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. 2, ч. 2. М., 1938, стр. 212—271.
- Рец.*: Книга об Английской революции XVII в. (*Савин А. Н.* Лекции по истории Английской революции. Изд. 2-е. Под общ. ред. Е. А. Косминского. М., 1937, 388 стр.)—«Книга и пролетарская революция», 1938, № 2, стр. 102—105.
- Рец.*: Средневековые города Бельгии (*Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. Пер. с франц. под ред. Е. А. Косминского. М., 1937, 555 стр.)—«Книга и пролетарская революция», 1938, № 8-9, стр. 122—125.
- Рец.*: Феодалная монархия во Франции и Англии X—XIII вв. (*Пти-Дютаи Шарль.* Феодалная монархия во Франции и Англии X—XIII вв. Пер. с франц. С. П. Моравского. М., 1938. 423 стр.)—Там же, стр. 125—128.

- Рец.: Грацианский Н. П. и Скалкин С. Д.* Хрестоматия по истории средних веков, т. II, ч. 1, 294 стр.; т. II, ч. 2, 360 стр. М., 1938.— «Историк-марксист», 1938, кн. 4, стр. 168—170.
- Рец.: Щеголев П.* Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв. Курс лекций. Л., 1938.— «Историк-марксист», 1938, кн. 6, стр. 182—185.

1939

- Огораживание.— БСЭ, т. 42, 1939, стлб. 713—715.
- Англия в XVI—XVII ст.— В кн.: «Хрестоматія з історії середніх віків». Під ред. Н. П. Граціанського і С. Д. Скалкина, т. 2, ч. 2. Київ, 1939, стор. 183—236 (Пер. с рус. изд. 1938 г.).
- Рец.:* «История средних веков», т. 1. Под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., 1938, 589 стр.— «Историк-марксист», 1939, № 1, стр. 158—164 (Совместно с Я. Я. Зутисом, Э. М. Мосиной, М. М. Смирным).

1940

- Предисловие.— В кн.: *Нейман Альфред.* Дьявол. Пер. с нем. М., 1940, стр. 3—10.
- Предисловие.— В кн.: *Стивенсон Р.* Черная стрела. Повесть о двух розах. Пер. с англ. Н. и М. Чуковских. М., 1940, стр. 3—10.
- Методические указания.— В кн.: «Программы и методические указания для заочников педагогических институтов. Исторический факультет. История средних веков». [М.], 1940, стр. 23—56.
- Методические указания к программе по истории средних веков. Ташкент, 1940, 42 стр. (перепечат. с моск. изд.).

1941

- Византийская империя в VI—XI вв. Арабский халифат. Крестовые походы. Средневековые города. Англия в XII—XV вв. Стенограммы 4, 5 и 7 лекций, прочитанных на Ленинских курсах при ЦК ВКП(б) в 1941 г. М., 1941, 40 стр.
- Рец.:* Новый учебник по истории средних веков. (История средних веков. Учебник для 6—7 классов средней школы. Под ред. Е. А. Косминского. 1940, 288 стр.) — «Политическая и социально-экономическая литература», 1941, № 2, стр. 37—41.
- Рец.:* Монография о парламентских огораживаниях в Англии (*Лавровский В. М.* Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в. М., 1940, 200 стр. 25 л. табл. *Прил.:* Карты парламентского огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в., 59 стр.) — «Политическая и социально-экономическая литература», 1941, № 4, стр. 46—48.

1942

- Долгий парламент и демократия в 1640—1641 гг. (к 300-летию Английской революции).— «Исторический журнал», 1942, № 1-2, стр. 99—111.
- Огораживания в Англии конца XV — начала XVI века. По данным правительственных комиссий 1517—1518 гг.— В кн.: «Средние века», вып. 1. М.— Л., 1942, стр. 97—122.
- Рец.:* «Книга для чтения по истории средних веков». Под ред. С. Д. Скалкина, ч. 1 (Раннее средневековье). М., 1940, 239 стр.— «Исторический журнал», 1942, № 8, стр. 75—78.
- Московский государственный институт имени К. Либкнехта [в дни войны].— «Исторический журнал», 1942, № 7, стр. 156.

1943

Англо-русские отношения в царствование Петра I.— «Исторический журнал», 1943, № 10, стр. 43—50.

1944

Военная деятельность Кромвеля (1641—1651).— «Исторический журнал», 1944, № 10, стр. 63—74.

1945

Политика Кромвеля в Ирландии 1649—1950 гг.— «Вопросы истории», 1945, № 5-6, стр. 85—96.

Рец.: *Buchan John. Oliver Cromwell. London, 1942, 554 p.*— «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 139—141.

1946

Восстание Кета Норфолкского в 1549 г. и огораживания.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 37, Ист. фак., вып. 3, 1946, стр. 91—105.

Н. П. Грацианский как историк.— Там же, стр. 7—19.

Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д. М. Петрушевского.— В кн.: «Средние века», вып. 2. М.—Л., 1946, стр. 222—243.

История средних веков.— В кн.: «История древнего мира и средних веков. Метод. указания для заочников пед. ин-тов». М.—Л., 1946, стр. 125—186.

Защита диссертаций в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина.— «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 151—154.

Рец.: *Stenton F. M. Anglo-Saxon England.— «The Oxford History of England», ed. by G. N. Clark, vol. 2. Oxford, 1943, 748p.*;— «Вопросы истории», 1946, № 5-6, стр. 126—129.

Рец.: *Haller William and Davies Godfrey. The Leveller Tracts. 1647—1653. New York. Columbia University press. 1944, 481 p.*— «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 129—130.

1947

«История средних веков. Темы контрольных работ для заочников учительских институтов». М., 1947, 10 стр.

Английские исторические журналы за годы войны.— «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 131—136.

Рец.: «*Irish Historical documents 1172—1922*», edited by Edmund Curtis and R. B. McDowell. London, Methuan and Co, 1941, 333 p.— «Вопросы истории», 1947, № 2, стр. 119—121.

Рец.: *Холореншоу Г. Левеллеры и Английская революция. Пер. с англ. С. М. Раскиной. М., 1947. 148 стр.*

Предисловие.— Там же, стр. 5—10.

Рец.: *К. Хилл. Английская революция. Пер. с англ. Ш. А. Бочиной. М., 1947, 184 стр.*

Предисловие.— Там же, стр. 5—11.

Рец.: *Дьяков В. Н. История римского народа в античную эпоху, ч. 1 (Древнейший период. Возникновение классового общества и государства в Риме).*— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 46, 1947, 136 стр.

- История средних веков. Методическое пособие для студентов-заочников педагогических институтов. М., 1948, 76 стр.
- Основные направления в современной английской медиевистике.— «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 113—124.
- Рец.: *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М., 1947, 484 стр.— «Вопросы истории», 1948, № 2, стр. 141—145.
- Рец.: *Виппер Р. Ю.* История средних веков. М., 1947, 295 стр.— «Вопросы истории», 1948, № 5, стр. 119—123.
- Ред.: «Хронологические таблицы. История древнего мира. История средних веков. Новая история. История СССР. Для заочников педагогических институтов». М.—Л., 1948, стр. 43—93 (Раздел истории средних веков).

1949

- Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. Из истории обезземеления крестьян в Англии. М.—Л., 1949, 372 стр.
- Рец.: *Архангельский С. И.*— «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 138—141.
- История средних веков. Учебник для учительских институтов. М., 1949, 424 стр. с илл.
- Рец.: *Мосина З. М., Удальцова З. В.*— «Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 149—153.
- Одна из очередных фальсификаций истории.— «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 104—111 (О кн.: *Jacques Pirenne. Les grande courants de l'histoire universelle, vol. 2. Paris, 1947*).
- Ред.: Средневековый город.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 59, Кафедра истории средних веков, вып. 3. М., 1949, 148 стр.
- Предисловие: Сборник источников по истории средневековых городов Германии, Англии и Франции XII—XV вв.— Там же, стр. 3—8.

1950

- «Памфлетная война» Долгого парламента с Карлом I.— «Ученые записки МОПИ», т. 26, Труды кафедры истории средних веков, вып. 1. М., 1950, стр. 3—23.
- Английская буржуазная революция XVII века.— БСЭ. Изд. 2-е, т. 2. М., 1950, стр. 386—391.
- Англия XVI—XVII вв.— В кн. «Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. 3. М., 1950, стр. 255—293.
- Ред.: «Салическая правда». Пер. Н. П. Грацианского. М., 1950, 168 стр. Введение.— Там же, стр. 3—12.

1951

- История средних веков. Учебник для учительских институтов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1951, 424 стр.; 9 л. карт.
- Рец.: *Максимович Г. А. и Колесницкий Н. Ф.*— «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 141—146.
- История средних веков. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников педагогических и учительских институтов. М., 1951, 104 стр.
- Предпосылки и начало Английской буржуазной революции середины XVII в.— В кн.: «Новая история», т. 1 (1640—1789 гг.). Под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева и С. Д. Сказкина. М., 1951, гл. 1, стр. 5—31 (совместно с Б. Ф. Поршневым).
- Англия в XVIII в. Начало промышленного переворота.— Там же, гл. 5, стр. 106—127.
- Рец.: *Барз М. А.* Кромвель и его время. М., 1950, 272 стр.— «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 139—142.

1952

История средних веков. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников педагогических и учительских институтов. Алма-Ата, 1952, 134 стр.

Революционное движение в Англии в 1848 г. Новый подъем борьбы за народную хартию.— В кн.: «Революции 1848—1849», т. 2. Под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М., 1952, гл. 54, стр. 279—298.

1953

Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах.— В кн.: «Средние века», вып. 4. М., 1953, стр. 209—224.

Предпосылки и начало английской буржуазной революции середины XVII в.— В кн.: «Новая история», т. 1 (1640—1789 гг.). Под ред. Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича. 1953, гл. 1, стр. 5—34 (совместно с Б. Ф. Поршневым).

Англия в XVIII в. Начало промышленного переворота.— Там же, стр. 110—136.

Кромвель.— БСЭ, изд. 2-е, т. 23. М., 1953, стр. 478—479 [Без подписи].

Левеллеры.— БСЭ, изд. 2-е, т. 24. М., 1953, стр. 391—392 [Без подписи].

Восстание английских крестьян под руководством Роберта Кета.— В кн.: «Книга для чтения по истории средних веков». Под ред. С. Д. Сказкина, ч. 3 (Позднее средневековье). М., 1953, стр. 116—125.

Блестящая страница польской истории.— «Славяне», 1953, № 12, стр. 21—24, (О польских гуманистах).

Контрольные работы по истории средних веков. Для студентов-заочников педагогических институтов. М., 1953, 64 стр.

Рец.: *Смирин М. М.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией. М., 1952.— «Советская книга», 1953, № 8, стр. 61—65.

1954

В. И. Ленин и И. В. Сталин о феодализме в связи с задачами буржуазно-демократической революции.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 68, 1954, стр. 5—38.

Английский абсолютизм в первой половине XVIII в. и назревание революции.— В кн.: «Английская буржуазная революция XVII века», т. 1. Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М., 1954, гл. 2, стр. 69—106.

Долгий парламент и начало революции.— Там же, гл. 5, стр. 144—164.

Гражданская война 1642—1646 гг.— Там же, гл. 6, стр. 167—199.

Реставрация Стюартов.— Там же, т. 2, гл. 22, стр. 124—145.

Переворот 1688 г.— Там же, гл. 23, стр. 146—162.

Лилбёрн.— БСЭ, изд. 2-е, т. 25. М., 1954, стр. 124 [Без подписи].

Огораживание.— БСЭ, изд. 2-е, т. 30. М., 1954, стр. 506 [Без подписи].

Переяславская рада (Краткая историческая справка).— «Славяне», 1954, № 1, стр. 25—28.

Рец.: *Хилтон Р. и Фаган Г.* Восстание английского народа в 1381 г. Пер. с англ. Под ред. и с предисл. Е. А. Косминского. М., 1952, 194 стр.— В кн.: «Средние века», вып. 5. М., 1954, стр. 387—393.

Ред.: «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 68, Кафедра средних веков и древнего мира, вып. 4, 1954, 196 стр.

1955

Венгерская Золотая булла 1222 года.— В кн.: «Средние века», вып. 6. М., 1955, стр. 76—96.

Золотая булла 1222 г. и ее значение в истории средневековой Венгрии.— «Ученые записки МПИ», т. 22, Труды кафедры истории средних веков, вып. 2, 1955, стр. 25—50.

Восстание на севере Англии 1569—1570 гг. (Из истории крестьянских движений в Англии второй половины XVI века).— В кн.: «Из истории политических идей». Сб. статей к 70-летию В. П. Волгина. М., 1955, стр. 190—204.

Петрушевский Д. М.— БСЭ, изд. 2-е, т. 32. М., 1955, стр. 623.

Рец.: «Past and Present». Журнал английских прогрессивных историков.— «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 121—126.

Рец.: Новая работа советских историков («История Болгарии». Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина и Л. Б. Валева, т. 1. М., 1954).— «Славяне», 1955, № 6, стр. 57—60.

1956

История средних веков. Учебник для педагогических институтов. М., 1956, 552 стр.

Программа по истории средних веков для педагогических институтов. М., 1956, 30 стр.

Ред.: А. Л. Морган. Английская утопия. Пер. с англ. О. В. Волкова. М., 1956, 280 стр.

Вступительная статья.— Там же, стр. 3—15.

1957

Абсолютизм Тюдоров в новейшей английской историографии.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 104, 1957, стр. 79—97.

Ред.: «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 104, Кафедра истории древнего мира и средних веков, вып. 5, 1957, 132 стр.

1958

Исторія середніх віків. Київ, 1958, 528 стр.

Жаке́рия. Пособие для учителя. Л., 1958, 36 стр.

Рец.: Соколова М. Н. Преподавание истории в школе. 1959, № 6, стр. 103—105.

Ред.: «Всемирная история», т. 5. М., 1958, 784 стр. (Раздел по истории Западной Европы).

Англия в годы реставрации.— Там же, гл. III, разд. 1, стр. 70—81.

Швеция во второй половине XVII в. Обострение балтийского вопроса.— Там же, гл. VI, стр. 145—155.

Германские княжества во второй половине XVII и в XVIII в. Возвышение Пруссии.— Там же, гл. XVII, стр. 401—433 (совместно с О. Л. Вайнштейном).

Австрия.— Там же, гл. XVIII, разд. 1, стр. 434—444 (за исключением текста о культуре).

Португалия.— Там же, гл. XXIII, разд. 3, стр. 605—608.

Влияние революции 1848—1849 гг. во Франции, Германии и Италии на другие страны Европы.— В кн.: «Новая история», т. 2 (1789—1870 гг.). Под ред. И. С. Галкина, Н. А. Ерофеева, М. Н. Михайлова, А. Л. Нарочницкого, Ф. В. Потемкина (отв. редактор). М., 1958, гл. 32, стр. 533—547.

Чартизм в английской литературе.— «Новая и новейшая история», 1958, № 1, стр. 138—151.

1959

Проблемы политической истории Англии XVI в. в освещении современных буржуазных историков.— «Вопросы истории», 1959, № 4, стр. 106—123.

Ред.: Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. Пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. М., 1959, 608 стр.

Предисловие.— Там же, стр. 5—14.

Ред.: Данилова Г. М. Возникновение феодальных отношений у франков VI—VII вв. Петрозаводск, 1959, 260 стр.

1960

Альбом по истории средних веков. Пособие для учителей и студентов. М., 1960, 344 стр., XII л. табл. (совместно с А. А. Кирилловой).

Описи земель Вильяма Герберта графа Пемброка как источник по истории южно-английского манора второй половины XVI века.— В кн.: «Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв.». М., 1960, стр. 7—29.

Ред.: «Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVI вв». М., 1960, 236 стр.

От редакции.— Там же, стр. 3—6.

Ред.: Кемп-Ашраф П. М. Африканцы в демократическом движении Англии начала XIX века. Пер. с англ. И. П. Ястребовой. М., 1960, 564 стр.

Вступительная статья.— Там же, стр. 5—8.

Ред.: Из истории Древнего Рима.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 153, 1960, 96 стр.

1961

История средних веков. Учебник для педагогических институтов, изд. 2-е. М., 1961, 588 стр., альбом карт.

Рец.: Енько А. Г.— «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 155—157.

Историография чартистского движения.— В кн.: «Чартизм». Сб. статей. М., 1961, стр. 5—63 (Совместно с В. М. Лавровским).

A Russian view of the English Revolution.— «Past and Future». London, 1961, September, No 2/6.

Рец.: Архангельский С. И. Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII века. М., 1960, 356 стр.— «Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 160—162.

1962

Дискуссия о характере Тюдоровского абсолютизма.— «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 191—193 (О дискуссии на страницах английского журнала «The Historical Journal». Cambridge).

Рец.: Mac Kisak M. The Fourteenth century (1307—1399).— «Oxford History of England», vol. V. Oxford, 1955, 598 p., 6 maps.— «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 178—182.

Английский историк о балтийской политике Кромвеля.— «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 186—187.

1963

Генрих VII; Генрих VIII.— СИЭ, т. 4. М., 1963, стлб. 204—206.

Англия.— В кн.: «Хрестоматия по новой истории», т. 1 (1640—1815 гг.). М., 1963, стр. 9—92.

Ред.: «Хрестоматия по новой истории», т. 1 (1640—1815 гг.). М., 1963 (раздел по западным странам, стр. 9—471).

1964

Положение обычных держателей юго-западной Англии во второй половине XVI—начала XVII в. (По данным описей маноров Пемброк и Монтгомери).— В кн.: «Средние века», вып. 25. М., 1964, стр. 228—250.

- Английская деревня второй половины XVI — первой половины XVII в. (По материалам юго-западной Англии).— В кн.: «Проблемы экономического и политического развития стран Европы. (Из истории средних веков и древнего мира)». М., 1964, стр. 3—37 («Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 217).
- Преддосылки и начало Английской буржуазной революции середины XVII в.— В кн.: «Новая история», т. 1 (1640—1789 гг.), изд. 3-е. Под ред. Б. Ф. Поршнева (отв. редактор), С. Д. Сказкина и Е. Б. Черныяка. М., 1964, гл. 2, стр. 30—56.
- Англия в XVIII в. Начало промышленного переворота.— Там же, гл. 6, стр. 130—152.
- Елизавета Тюдор.— СИЭ, т. 5. М., 1964, стлб. 487—488.
- Рец.: Самойло А. С.* Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период истории США. М., 1963, 324 стр.— «Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 150—152.
- Рец.: Jacob E. F.* The Fifteenth century (1399—1485).— «Oxford History of England», vol. 6. Oxford, 1961, 775 p., 6 maps.— «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 188—191.
- Рец.: Осипова Т. С.* Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.). М., 1962.— В кн.: «Средние века», вып. 26. М., 1964, стр. 142—143.
- Ред.: Проблемы экономического и политического развития стран Европы. (Из истории средних веков и древнего мира).*— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 217, 1964, 252 стр.

1965

- Раннее капиталистическое фермерство в Англии в XVI — первой половине XVII в. (По материалам юго-западной Англии).— В кн.: «Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве». Сб. статей к 80-летию Н. М. Дружинина. М., 1965, стр. 52—84.
- Англия (1815—1850).— В кн.: «Хрестоматия по новой истории», т. 2 (1815—1870 гг.). М., 1965, стр. 8—90.
- Ред.: «История средних веков».* Сб. статей.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 237, 1965, 168 стр.

1966

- Программы педагогических институтов. История средних веков для специальности «История». М., 1966, 30 стр.

1967

- Огороживания.— СИЭ, т. 10. М., 1967, стлб. 464—467.
- Проблема аграрного переворота в Англии XVI—XVII вв. в английской историографии.— В кн.: Вопросы историографии.— «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», № 275, 1967, стр. 69—97.

1968

- Рец.: Лавровский В. М.* Исследования по аграрной истории Англии XVII—XIX вв. М., 1966, 256 стр.— «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 175—177.

1969

- Из истории раннего капиталистического фермерства в Англии XVII в. (ферма Роберта Лодера по его записям от 1610—1620 гг.).— В кн.: «Проблемы экономического и политического развития стран Европы в средние века и античную эпоху» («Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 294, 1969, стр. 6—23).

Ред.: Проблемы экономического и политического развития стран Европы в средние века и античности.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1969, № 294, 310 стр.

Предисловие.— Там же, стр. 3—5.

Ред.: Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XVII вв.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 321, 1969, 320 стр.

1970

История средних веков. Учебник для педагогических институтов, изд. 3-е. М., 1970, 608 стр.

Проблема феодализма-крепостничества в канун и во время первой русской революции 1905—1907 гг.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1970, № 370, стр. 194—218.

Рец.: *Смирин М. М.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969, 407 стр.— «Вопросы истории», 1970, № 7, стр. 159—161.

1972

Н. В. Гоголь — историк-медиевист.— В кн.: «Из истории западноевропейского средневековья». Сб. статей. М., 1972, стр. 3—20.

Ред.: Из истории Западноевропейского средневековья. Сб. статей. М., 1972, 284 стр.

Шекспировская Англия (Специальный курс по истории средних веков).— В кн.: «Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР». Сб. статей. М., 1972, стр. 159—162.

1973

Уота Тайлера восстание.— СИЭ, т. 14. М., 1973, стлб. 834—836.

**АНОНИМНЫЕ РЕЦЕНЗИИ
НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ
В «РУССКОМ БОГАТСТВЕ»
(1895—1917 гг.)**

М. Д. Эльзон

Литературный, научный и общественно-политический журнал «Русское богатство» (1876—1918 гг.) принадлежал к числу наиболее заметных явлений русской демократической журналистики второй половины XIX — начала XX в. Эволюционировав от органа легального народничества (при Н. К. Михайловском) к так называемым «народным социалистам» (занимавшим промежуточное положение между эсерами и кадетами), журнал принял умеренно-либеральный характер. Эта эволюция сказалась на содержании всех его разделов, в том числе — критико-библиографического.

Литературно-научный профиль журнала определил удельный вес в нем материалов исторической тематики: количество их заметно уступало собственно беллетристическим, литературно-критическим, историко-литературным и искусствоведческим публикациям, но было равновелико материалам на философские и политико-экономические темы.

В работе журнала участвовали видные историки того времени: П. Н. Ардашев, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, В. А. Мякотин, М. А. Рейснер, и др. Здесь же публиковался начинающий Е. В. Тарле¹. Тематика их выступлений была достаточно разнообразна: вопросы древней, новой и новейшей истории, история России и зарубежных стран, история культуры, политики и т. п.

Сказанное может служить характеристикой и критико-библиографического отдела, в частности, рецензий, составивших основу настоящего указателя.

Традиции русской журналистики обусловили анонимный характер названных материалов: рецензии отражали коллективную точку зрения редакции и в силу этого публиковались *без подписи* авторов. По той же причине последние не названы и в «Указателе статей, помещенных в журнале «Русское богатство»

¹ Библиографический список 68 анонимных рецензий Тарле, помещенных на страницах «Русского богатства» опубликован В. И. Дурновцевым (См. В. И. Дурновцев. Материалы академика Е. В. Тарле.— «Советские архивы», 1974, № 2).

с 1893 по 1911 г.» (СПб., 1911). Между тем для историографа, равно как при изучении журнала, а также при исследовании жизни и деятельности его наиболее заметных участников такого рода сведения имеют первостепенное значение.

Хронологический охват указателя обусловлено обнаружение вполне достоверных источников, а именно сохранившихся гононарных ведомостей за 1895—1909, 1911—1918 гг., находящихся в архиве историка литературы А. Г. Горнфельда (1867—1941) (Рукописный Отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 211, №№ 1255—1277), и за 1910 г.— в архиве редакции журнала (Отдел Рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, ф. 266, оп. 5, № 77. *Сообщено В. Л. Бессоновым*) *.

Стремясь к максимальной достоверности, составитель исключил сведения из ведомостей за 1893—1894 гг. (РО ГПБ, ф. 211, №№ 1253—1254), поскольку они не дают оснований для точного установления авторов конкретных рецензий.

За ценные советы и указания, сделанные в процессе работы, составитель приносит глубокую благодарность А. П. Толстякову.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ АНОНИМНЫХ РЕЦЕНЗИЙ С РАСКРЫТИЕМ АВТОРСТВА

«Русское богатство»:

1895

- [*Никольский А.*]. М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. 1. М., 1895.— № 2, стр. 77—81.
[*Никольский А.*].— А. Градовский. Государственное право важнейших европейских держав. СПб., 1895.— № 2, стр. 81—82.
[*Мякогин В. А.*]. Б. Порозовская. А. Д. Меньшиков. СПб., 1895.— № 11, стр. 75—76.
[*Мякогин В. А.*]. Е. Шмурло. Восток и Запад в русской истории. Юрьев, 1895.— № 12, стр. 42—45.

1896

- [*Ардашев П. Н.*]. М. Корелин. Падение античного миросозерцания. СПб., 1895.— № 1, стр. 95—96.
[*Ардашев П. Н.*]. Ф. Штрайслер. История культуры. Одесса, 1896.— № 1, стр. 96—97.
[*Мякогин В. А.*]. Е. Белов. Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895.— № 2, стр. 27—33.
[*Мякогин В. А.*]. П. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895.— № 2, стр. 33—35.
[*Ардашев П. Н.*]. Е. Лависси и А. Рамбо. Культура и цивилизация Западной Европы в эпоху крестовых походов. М., 1895.— № 3, стр. 54—55.
[*Мякогин В. А.*]. А. Мерцалов. Очерки из истории смутного времени. СПб., 1895.— № 3, стр. 55—58.

* Указатель завершается 1917 г., поскольку в 1918 г. рецензии на историческую литературу в журнале опубликованы не были.

- [*Мякотин В. А.*]. С. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.— № 6, стр. 109—112.
- [*Ардашев П. Н.*]. М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. 2. М., 1895.— № 7, стр. 64—65.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Михневич. Русская женщина XVIII ст. Киев, 1896.— № 9, стр. 109—112.
- [*Мякотин В. А.*]. Д. Багалей. Опыт истории Харьковского университета, т. I, вып. 2. Харьков, 1896.— № 9, стр. 112—114.
- [*Мякотин В. А.*]. М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 1. Юрьев, 1895.— № 9, стр. 116—117.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 2. СПб., 1896.— № 10, стр. 57—65.
- [*Сторожев В. Н.*]. П. Михайлов. Роль и значение первобытной женщины. СПб., 1897.— № 10, стр. 65—67.
- [*Эфруси Б. О.*]. Д. Ингрэм. История рабства от древнейших до новых времен. СПб., 1896.— № 10, стр. 73—76.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.— № 11, стр. 50—56.
- [*Луцицкий И. В.*]. Л. Грегуар. История Франции в XIX в., т. 3. М., 1896.— № 11, стр. 56—57.
- [*Луцицкий И. В.*]. А. фон Шахк. История норманнов в Сицилии. СПб., 1896.— № 11, стр. 57—60.
- [*Горнфельд А. Г.*]. Э. Тэйлор. Первобытная культура, изд. 2. СПб., 1896; М. Гернес. История первобытного человечества. СПб., 1896; И. Тоннегер. История человеческой культуры. СПб., 1896.— № 12, стр. 37—40.

1897

- [*Бородаевский С. В.*]. К. Бюхер. Женский вопрос в средние века. Одесса, 1896.— № 1, стр. 46.
- [*Луцицкий И. В.*]. Ю. Белох. История Греции, т. I. М., 1897.— № 2, стр. 48—50.
- [*Луцицкий И. В.*]. «Общественная жизнь Англии», т. I. М., 1896.— № 2, стр. 54—56.
- [*Мякотин В. А.*]. «Т. Н. Грановский и его переписка», в 2 томах. М., 1897; Ч. Ветринский (В. Е. Чешихин). Т. Н. Грановский и его время. М., 1897.— № 3, стр. 151—156.
- [*Мякотин В. А.*]. М. Литвинов. История крепостного права в России. М., 1897.— № 3, стр. 166—170.
- [*Горнфельд А. Г.*]. И. Бэрд. Реформация XVI в. в ее отношении к новому знанию и мышлению. СПб., 1897.— № 4, стр. 53—56.
- [*Мякотин В. А.*]. И. Рева. Регесты и надписи, вып. 1. СПб., 1896.— № 4, стр. 63—65.
- [*Луцицкий И. В.*]. Е. Лависс и А. Рамбо. Всеобщая история с IV ст. до нашего времени, т. I. М., 1897.— № 5, стр. 44—47.
- [*Луцицкий И. В.*]. Д. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, т. I. СПб., 1897.— № 5, стр. 47—48.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.— № 5, стр. 48—52.
- [*Мякотин В. А.*]. П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, т. I. М., 1897.— № 7, стр. 61—65.
- [*Мякотин В. А.*]. М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 2. Юрьев, 1897.— № 7, стр. 66.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI. СПб., 1897.— № 7, стр. 67—71.
- [*Мякотин В. А.*]. «Рефераты, читанные в 1895 г.» М., 1896 (Изд. Исторического общества при Московском университете).— № 7, стр. 71—72.

- [*Мякотин В. А.*]. П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1897.— № 8, стр. 26—28.
- [*Плотников М. А.*]. К. Шульмейстер. Шпионство при Наполеоне I. СПб., 1897.— № 9, стр. 50—52.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Щеглов. Речь перед докторским диспутом. Ярославль, 1896; Государственный совет в царствовании имп. Александра I. Ярославль, 1895.— № 10, стр. 102—105.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII ст. Казань, 1896.— № 10, стр. 105—107.
- [*Мякотин В. А.*]. «Освобождение крестьян на Западе и история помещельных отношений в Германии». М., 1897.— № 10, стр. 107—109.
- [*Мякотин В. А.*]. А. Фадеев. Воспоминания. Одесса, 1897.— № 10, стр. 109—111.
- [*Мякотин В. А.*]. М. Острогорский. Учебник русской истории. СПб., 1897.— № 10, стр. 111—112.
- [*Гримм Э. Д.*]. В. Грибовский. Народ и власть в византийском государстве. СПб., 1897.— № 11, стр. 33—37.

1898

- [*Мякотин В. А.*]. «Историческое обозрение», т. 9. СПб., 1897.— № 1, стр. 43—45.
- [*Плотников М. А.*]. И. Лучицкий. Новые исследования по истории крестьян во Франции XVIII в., вып. 1. Киев, 1898.— № 1, стр. 48—50.
- [*Кареев Н. И.*]. В. Надлер. Лекции по истории французской революции и империи Наполеона. Харьков, 1898.— № 2, стр. 94—97.
- [*Мякотин В. А.*]. Ф. Уманец. Гетман Мазепа. СПб., 1897.— № 2, стр. 97—101.
- [*Клеменуц Д. А.*]. Э. Клодт. Первообытный человек. М., 1898.— № 3, стр. 42—45.
- [*Мякотин В. А.*]. П. Мессарош. Финляндия — государство или русская окраина? СПб., 1897.— № 4, стр. 45—51.
- [*Мякотин В. А.*]. У. Эшли. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897.— № 5, стр. 52—54.
- [*Соловьев Е. А.*]. Г. Джаншиев. Эпоха великих реформ, изд. 7-е. М. 1898.— № 6, стр. 77—78.
- [*Мякотин В. А.*]. К. Кавелин. Собрание сочинений, т. 2. СПб., 1898.— № 6, стр. 78—79.
- [*Мякотин В. А.*]. М. Щербатов. Сочинения, т. 2. СПб., 1898.— № 6, стр. 79—80.
- [*Мякотин В. А.*]. Г. Евреинов. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898.— № 6, стр. 80—83.
- [*Мякотин В. А.*]. К. Ярош. Психологическая параллель. Иоанн Грозный и Петр Великий. Харьков, 1898; он же. Характеры былого времени. Харьков, 1898.— № 7, стр. 52—57.
- [*Мякотин В. А.*]. И. Иванов. Петр Великий, его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1898.— № 7, стр. 57—59.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII. СПб., 1898.— № 8, стр. 72—77.
- [*Мякотин В. А.*]. Е. Шумигорский. Е. И. Нелидова. СПб., 1898.— № 8, стр. 77—79.
- [*Соловьев Е. А.*]. И. Шерр. Комедия всемирной истории. СПб., 1898.— № 9, стр. 28.
- [*Горнфельд А. Г.*]. Д. Бохан. Игорь, князь Северский. Минск, 1898.— № 11, стр. 77—79.
- [*Мякотин В. А.*]. В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898.— № 12, стр. 58—65.

- [Хрусталеv-Носарь Г. С.]. А. Тойнби. Промышленный переворот в Англии в 18-м столетии. М., 1898.— № 2, стр. 71—73.
- [Горнфельд А. Г.]. А. Петрункевич. Маргарита Ангулемская и ее время. СПб., 1899.— № 3, стр. 75—76.
- [Мякотин В. А.]. Е. Церетели. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. СПб., 1898.— № 3, стр. 76—80.
- [Мякотин В. А.]. «Русская история с древнейших времен до Смутного времени». М., 1898.— № 4, стр. 69—71.
- [Мякотин В. А.]. Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1898.— № 4, стр. 71—72.
- [Мякотин В. А.]. Н. Волконский. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань, 1898.— № 4, стр. 72—74.
- [Берлин П. А.]. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, собственности и государства. СПб., 1899; Э. Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. М., 1898.— № 5—8, стр. 73—77.
- [Берлин П. А.]. М. Ковалевский. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899.— № 6—8, стр. 77—79.
- [Водовозова-Семевская Е. П.]. В. П. Б.—ва [В. П. Бькова]. Записки старой смолянки, ч. 1. СПб., 1898.— № 5—8, стр. 103—106.
- [Мякотин В. А.]. И. Иванов. Император Александр II. М., 1899.— № 6—9, стр. 36—37.
- [Мякотин В. А.]. А. Рамбо. Живописная история древней и новой России, изд. 2-е. М., 1898.— № 6—9, стр. 37—39.
- [Мякотин В. А.]. «Историческое обозрение», т. 10. СПб, 1899.— № 6-9, стр. 39—40.
- [Мякотин В. А.]. П. Кулиш. Воспоминания детства. Бахмут, 1899.— № 7-10, стр. 28—29.
- [Мякотин В. А.]. К. Кавелин. Собрание сочинений, т. 3. СПб., 1899.— № 7-10, стр. 33—35.
- [Мякотин В. А.]. Н. Пирогов. Севастопольские письма. СПб., 1899.— № 7-10, стр. 35—37.
- [Мякотин В. А.]. Ф. Благовидов. Обер-прокуроры св. Синода в XVIII и первой половине XIX в. Казань, 1899.— № 8-11, стр. 35—39.
- [Мякотин В. А.]. А. Кролюницкий. Опыт методики элементарного курса истории, изд. 2. СПб., 1899.— № 8-11, стр. 39—41.

1900

- [Колосов Е. Е.]. Э. Чепей. Аграрный переворот в Англии в XVI в. СПб., 1899.— № 1, стр. 104—105.
- [Кроль М. И.]. Э. Бернштейн. Общественное движение в Англии XVII в. СПб., 1899.— № 1, стр. 106—109.
- [Ляцкий Е. А.]. «Историческая записка имп. Лицея в память цесаревича Николая за 30 лет». М., 1899.— № 2, стр. 70—76.
- [Мякотин В. А.]. Н. Загоскин. История права русского народа. Казань, 1899.— № 3, стр. 83—86.
- [Мякотин В. А.]. Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.— № 3, стр. 86—90.
- [Лурия А. П.]. Л. Гейгер. Немецкий гуманизм. СПб., 1899.— № 4, стр. 61—63.
- [Горнфельд А. Г.]. А. Гаусрат. Средневековые реформаторы. СПб., 1900.— № 4, стр. 63—66.
- [Горнфельд А. Г.]. Ф. Грегоровиус. История города Афин в средние века. СПб., 1900.— № 4, стр. 66—67.
- [Ляцкий Е. А.]. А. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900.— № 6, стр. 66—67.
- [Мякотин В. А.]. И. Гревс. Очерки из истории римского землевладения. СПб., 1900.— № 7, стр. 33—38.

- [*Мякогин В. А.*]. К. Кавелин. Собрание сочинений, т. 4. СПб., 1900.— № 9, стр. 68—69.
 [*Мякогин В. А.*]. И. Энгельман. История крепостного права в России. М., 1900.— № 9, стр. 69—70.
 [*Мякогин В. А.*]. «Регесты и надписи», т. I. СПб., 1900.— № 11, стр. 76—78.

1901

- [*Ляцкий Е. А.*]. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 6. Оренбург, 1900.— № 1, стр. 66—68.
 [*Горнфельд А. Г.*]. А. Быкова. Рассказы из истории Англии. СПб., 1900.— № 2, стр. 52.
 [*Мякогин В. А.*]. Д. Левшин. Т. Н. Грановский. СПб., 1901.— № 3, стр. 38—44.
 [*Горнфельд А. Г.*]. А. Гаусрат. Средневековые реформаторы, т. 2. СПб., 1900.— № 4, стр. 64—65.
 [*Елпатьевский С. Я.*]. Гиббинс и Сатури. История современной Англии. СПб., 1901.— № 5, стр. 99—100.
 [*Горнфельд А. Г.*]. Р. Гюнтер. История культуры. СПб., 1901.— № 6, стр. 99—100.
 [*Мякогин В. А.*]. В. Грибовский. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования имп. Екатерины II. СПб., 1901; «Материалы для истории высшего суда и надзора в России в первую половину царствования имп. Екатерины II». СПб., 1901.— № 6, стр. 100—104.
 [*Мякогин В. А.*]. И. Гофштетер. Забытый государственный человек — Н. А. Милютин. СПб., 1901.— № 6, стр. 104—105.
 [*Мякогин В. А.*]. М. Щербатов. Сочинения. СПб., 1901.— № 6, стр. 106.
 [*Мякогин В. А.*]. В. Спасович. Сочинения, т. II. СПб., 1900.— № 6, стр. 106—108.
 [*Мякогин В. А.*]. «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии». Сб. статей, сообщений, описей и документов. Нижний-Новгород, 1900.— № 7, стр. 48—50.
 [*Мякогин В. А.*]. С. Либрович. Царь в плену. СПб., 1901.— № 7, стр. 51—52.
 [*Рагнер М. Б.*]. Г. Гиббинс. История торговли Европы. СПб., 1901.— № 8, стр. 56—57.
 [*Тарле Е. В.*]. Е. Волкова. Аравия и Магомет. М., 1901.— № 10, стр. 52—53.
 [*Тарле Е. В.*]. Б. Кинг. История объединения Италии. М., 1901.— № 10, стр. 53—55.
 [*Тарле Е. В.*]. Г. Гельмольт. Всемирная история, вып. I—XVI. М., 1900; «История человечества». Под ред. Г. Гельмольта, вып. 1. СПб., 1901.— № 12, стр. 67—70.
 [*Тарле Е. В.*]. Г. Вейнгартен. Народная реформация в Англии XVII в. М., 1901.— № 12, стр. 70—72.

1902

- [*Тарле Е. В.*]. Ф. Де-Куланж. История общественного строя Древней Греции. СПб., 1901.— № 1, стр. 64—66.
 [*Тарле Е. В.*]. А. Бергер. Культурные задачи реформации. СПб., 1901.— № 1, стр. 66—67.
 [*Мякогин В. А.*]. В. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. 2. СПб., 1901.— № 2, стр. 26—28.
 [*Тарле Е. В.*]. О. Тьерри. Городские коммуны во Франции в средние века. СПб., 1901.— № 3, стр. 24—26.
 [*Тарле Е. В.*]. Б. Ван-Мюйден. История швейцарского народа, т. 3. СПб., 1902.— № 4, стр. 77—81.

- [Тарле Е. В.]. М. Стасюлевич. История средних веков. СПб., 1902.— № 4, стр. 81—82.
- [Мякотин В. А.]. П. Пирлинг. Из смутного времени. СПб., 1902.— № 5, стр. 110—111.
- [Мякотин В. А.]. Г. Носович. Как крестьяне из людей вольных стали крепостными. Ревель, 1901.— № 5, стр. 112—113.
- [Тарле Е. В.]. С. Котляревский. Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв. М., 1901.— № 6, стр. 64—66.
- [Тарле Е. В.]. Н. Кареев. Политическая история Франции в XIX в. СПб., 1902.— № 6, стр. 66—67.
- [Тарле Е. В.]. А. Дживелегов. Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902.— № 6, стр. 76—78.
- [Каррик В. В.]. К. Каутский. Противоречия классовых интересов в 1789 г. СПб., 1902.— № 7, стр. 115—116.
- [Тарле Е. В.]. В. Кеннингэм. Западная цивилизация с экономической точки зрения. М., 1902.— № 7, стр. 117—120.
- [Мякотин В. А.]. С. Алексеев. Местное самоуправление русских крестьян XVIII—XIX вв. СПб., 1902.— № 7, стр. 120—123.
- [Тарле Е. В.]. П. Ардашев. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902.— № 8, стр. 27—30.
- [Тарле Е. В.]. И. Степанов и В. Базаров. Общественные отношения во Франции XVII и XVIII вв. СПб., 1902.— № 8, стр. 30—32.
- [Тарле Е. В.]. Ш. Сеньобос. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902.— № 8, стр. 32—33.
- [Мякотин В. А.]. П. Миллюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1902.— № 8, стр. 34—35.
- [Мякотин В. А.]. В. Ключевский. Боярская дума в Древней Руси. М., 1902.— № 8, стр. 35—36.
- [Мякотин В. А.]. С. Князьков. Как сложилось и как пало крепостное право. СПб., 1900; «Иван Грозный и его время». М., 1901; «Как начался раскол русской церкви». М., 1902.— № 8, стр. 36—39.
- [Мякотин В. А.]. И. Забелин. История города Москвы. М., 1902.— № 9, стр. 33—35.
- [Мякотин В. А.]. «Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729—1730 гг.». Чернигов, 1901.— № 9, стр. 35—36.
- [Мякотин В. А.]. О. Лернер. Одесская старина. Одесса, 1902.— № 9, стр. 36—37.
- [Тарле Е. В.]. З. Рагозина. Древнейшая история Востока. СПб., 1902.— № 10, стр. 34—36.
- [Тарле Е. В.]. В. В. [?]. На рубеже XIX ст. СПб., 1902.— № 10, стр. 36—38.
- [Тарле Е. В.]. В. Пискорский. История Испании и Португалии. СПб., 1902.— № 11, стр. 64—65.

1903

- [Мякотин В. А.]. А. Никольский. Земля, община и труд. СПб., 1902.— № 1, стр. 39—43.
- [Мякотин В. А.]. А. Бобрищев-Пушкин. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902.— № 1, стр. 43—46.
- [Мякотин В. А.]. В. В. [В. П. Воронцев (?)]. К истории общины в России. М., 1902.— № 2, стр. 41—43.
- [Мякотин В. А.]. М. Ковалевский. Очерк всеобщей истории. М., 1902; Русская история. М., 1902.— № 2, стр. 43—47.
- [Тарле Е. В.]. Р. Виппер. Учебник древней истории. М., 1902.— № 2, стр. 47—50.
- [Ардашев П. Н.]. С. Арнольди. Задачи понимания истории. СПб., 1903.— № 4, стр. 53—57.
- [Ардашев П. Н.]. Н. Тарасов и С. Моравский. Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV—XIII вв., М., 1903.— № 4, стр. 57—59.

- [Ардашев П. Н.]. Ш. Ланглюа. Инквизиция по новейшим исследованиям. М., 1903.— № 5, стр. 85—89.
- [Коркилов А. А.]. С. Татищев. Имп. Александр II, его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1903.— № 6, стр. 16—21.
- [Ардашев П. Н.]. Н. Кареев. Государство-город античного мира. СПб., 1903.— № 6, стр. 22.
- [Ардашев П. Н.]. Р. Виппер. Учебник истории средних веков. М., 1903.— № 6, стр. 23—25.
- [Ардашев П. Н.]. В. Бузескул. Введение в историю Греции. Харьков, 1903.— № 7, стр. 37—39.
- [Мякотин В. А.]. М. Помяловский. Очерки русской истории. СПб., 1903.— № 11, стр. 32—36.
- [Мякотин В. А.]. Е. Щепкина. Краткий очерк русской истории с древнейших времен до 1881 г. СПб., 1903.— № 11, стр. 36—38.
- [Мякотин В. А.]. С. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903.— № 11, стр. 38—39.
- [Мякотин В. А.]. С. Шубинский. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1903.— № 11, стр. 39—40.
- [Кареев Н. И.]. Н. Костомаров. Собрание сочинений, кн. I, тт. 1—3. СПб., 1903.— № 12, стр. 41—42.
- [Кареев Н. И.]. С. Арнольди. Современные учения о нравственности и ее история. СПб., 1904; «Цивилизация и дикие племена». СПб., 1904.— № 12, стр. 42—45.
- [Камнев М. С.]. «Главные деятели освобождения крестьян». СПб., 1903.— № 12, стр. 47—49.
- [Ардашев П. Н.]. Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века, тт. 1—2. СПб., 1903.— № 12, стр. 49—50.
- [Ардашев П. Н.]. Ф. Де-Куланж. Древне-гражданская община. М., 1903.— № 12, стр. 50.
- [Ардашев П. Н.]. А. Мишель. Идея государства. СПб., 1903.— № 12, стр. 51—52.
- [Ардашев П. Н.]. Е. Тарле. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в. СПб., 1904 г.— № 12, стр. 52—54.

1904

- [Мякотин В. А.]. М. Богословский. Областная реформа Петра Великого. М., 1902.— № 1, стр. 21—23.
- [Мякотин В. А.]. В. Икономов. Накануне реформ Петра Великого. М., 1903.— № 6, стр. 115—117.
- [Мякотин В. А.]. С. Чистяков. История Петра Великого. СПб., 1903.— № 6, стр. 117—118.
- [Мякотин В. А.]. П. Майков. И. И. Бецкой. СПб., 1904.— № 7, стр. 136—138.
- [Мякотин В. А.]. Издания Товарищества «Донская речь» в Ростове-на-Дону, №№ 1—61; Б. С. [А. И. Свидерский] Труд и капитал. Ростов-на-Дону, 1903; В. Строев. Очерки государства Московского перед реформами. Ростов-на-Дону, 1903.— № 7, стр. 138—139.
- [Камнев М. С.]. П. Голубев. Историко-статистические таблицы по Пермской губ. Пермь, 1904.— № 8, стр. 33—35.
- [Ардашев П. Н.]. Н. Кареев. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб., 1904.— № 10, стр. 125—126.
- [Ардашев П. Н.]. И. Бондаренко. Английский город в средние века. Одесса, 1904.— № 10, стр. 127—128.
- [Ардашев П. Н.]. В. Бузескул. Введение в историю Греции. Харьков, 1904.— № 10, стр. 128—129.
- [Кареев Н. И.]. П. Фон Герих. Очерки политической истории Европы XIX ст. (1815—1870). СПб., 1904.— № 10, стр. 129—132.
- [Русанов Н. С.]. С. Лозинский. История французской республики. Киев, 1904.— № 12, стр. 39—43.

- [Горнфельд А. Г.]. «Главные деятели и предшественники судебной реформы». СПб., 1904.— № 1, стр. 150—151.
- [Игнатович И. И.]. А. Повалишин. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903.— № 3, стр. 100—102.
- [Миллюков П. Н.]. А. Фаресов. Семидесятники. СПб., 1905.— № 4, стр. 54—56.
- [Штернберг Л. Я.]. Т. Богданович. Очерки из прошлого и настоящего Японии. СПб., 1905.— № 4, стр. 66—68.
- [Николаев А. А.]. И. Якушкин. Записки. М., 1905.— № 5, стр. 127—129.
- [Кареев Н. И.]. А. Грант. Греция в век Перикла. М., 1905.— № 6, стр. 88—89.
- [Кареев Н. И.]. В. Эндруз. История Соединенных Штатов. СПб., 1905.— № 6, стр. 89—90.

1906

- [Мякогин В. А.]. В. Семевский и др. Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., 1905.— № 2, стр. 107—108.
- [Мякогин В. А.]. П. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. СПб., 1905.— № 2, стр. 108—109.
- [Русанов Н. С.]. Э. Шампъен. Франция накануне революции по наказам 1789 г. СПб., 1906.— № 2, стр. 116—120.

1907

- [Горнфельд А. Г.]. «Галерея шлиссельбургских узников», ч. 1. СПб., 1907.— № 4, стр. 119—122.
- [Рейснер М. А.]. Э. Мейер. Экономическое развитие древнего мира. М., 1906.— № 7, стр. 193—195.
- [Рейснер М. А.]. Н. Кажанов. Социально-хозяйственная эволюция и смена цивилизаций. СПб., 1907.— № 7, стр. 195—196.
- [Рейснер М. А.]. Ш. Сеньобос и М. Уоллес. История России в XIX—XX ст. СПб., 1906.— № 7, стр. 197—199.
- [Рейснер М. А.]. С. Мельгунов. Церковь и государство в России. М., 1907.— № 7, стр. 204—205.
- [Горнфельд А. Г.]. С. Урусов. Очерки прошлого, т. I. М., 1907.— № 7, стр. 209—212.
- [Камнев М. С.]. В.—ъ [?] Русские женщины на эшафоте. М., 1907; он же. Шлиссельбургцы. Л. Ф. Янович. СПб., 1907.— № 9, стр. 154—156.
- [Якубович П. Ф.]. «Декабристы». М., 1907; «Памяти декабристов». М., 1907.— № 12, стр. 180—182.

1908

- [Мякогин В. А.]. М. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. М., 1907; Мемуары декабристов. Киев, 1906.— № 1, стр. 179—181.
- [Мякогин В. А.]. А. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907.— № 1, стр. 182—183.
- [Мякогин В. А.]. «История России в XIX в.», вып. 1—7. СПб., 1907.— № 2, стр. 208—214.
- [Кулишер И. М.]. Э. Бернштейн. История рабочего движения в Берлине. СПб., 1908.— № 3, стр. 144—146.
- [Рейснер М. А.]. Р. Пельман. Очерк греческой истории в связи с источниковедением. СПб., 1906.— № 3, стр. 156—157.
- [Игнатович И. И.]. «Русский двор 100 лет тому назад». СПб., 1907.— № 4, стр. 144—147.

- [Иенатович И. И.]. А. Брикнер. Смерть Павла I. СПб., 1907; Е. Шумигорский. Имп. Павел I. СПб., 1907; он же. Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907; он же. Убийство имп. Павла. Ростов-на-Дону, 1907.— № 4, стр. 147—149.
- [Рейснер М. А.]. В. Кожевников. Великая крестьянская война в Германии. СПб., 1907.— № 4, стр. 150—151.
- [Рейснер М. А.]. Э. Дженкс. Происхождение верховной власти. СПб., 1907.— № 4, стр. 151—152.
- [Конский П. А.]. Н. Кареев. Западноевропейская абсолютная монархия 16—18 вв. СПб., 1908; он же. Происхождение современного государства. СПб., 1908.— № 6, стр. 182—184.
- [Мякогин В. А.]. М. Колчин. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. М., 1908.— № 9, стр. 186—187.
- [Мякогин В. А.]. А. Пругавин. Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости. М., 1908.— № 9, стр. 187—188.
- [Мякогин В. А.]. А. Лазаревский. Малороссийские посполитные крестьяне. Киев, 1908.— № 9, стр. 188—189.
- [Мякогин В. А.]. С. Мельгунов. Студенческие организации 80—90-х годов в Московском университете. М., 1908.— № 9, стр. 189—190.
- [Мякогин В. А.]. П. Милюков. Вторая Дума. СПб., 1908.— № 9, стр. 190—193.
- [Мякогин В. А.]. Н. Сильванский. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907.— № 10, стр. 179—181.
- [Мякогин В. А.]. М. Ковалевский. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908.— № 10, стр. 181—184.
- [Мякогин В. А.]. М. Гершензон. История молодой России. М., 1908.— № 12, стр. 179—182.
- [Бутенко В. А.]. Э. Гримм. Революция 1848 г. во Франции. СПб., 1908.— № 12, стр. 182—186.
- [Бутенко В. А.]. А. Дживелегов. Начало итальянского Возрождения. М., 1908.— № 12, стр. 186—187.
- [Бутенко В. А.]. Ф. Де-Куланж. Римский колонат. СПб., 1908.— № 12, стр. 187—189.
- [Бутенко В. А.]. Р. Виппер. Очерки истории Римской империи. М., 1908.— № 12, стр. 189—192.

1909

- [Мякогин В. А.]. В. Ключевский. Курс русской истории, т. 3. М., 1908.— № 1, стр. 165—166.
- [Мякогин В. А.]. Е. Вишняков и В. Пичета. Очерки русской истории. М., 1908.— № 1, стр. 166—168.
- [Мякогин В. А.]. М. Драгоманов. Политические сочинения, т. I. М., 1908.— № 1, стр. 168—170.
- [Мякогин В. А.]. Н. Фирсов. Пугачевщина. СПб., 1909.— № 3, стр. 193—194.
- [Мякогин В. А.]. «История России в XIX в.», вып. 8—16. СПб., 1909.— № 3, стр. 194—198.
- [Бутенко В. А.]. В. Бузескул. История афинской демократии. СПб., 1909.— № 5, стр. 195—198.
- [Бутенко В. А.]. А. Ону. Выборы 1789 г. во Франции, ч. 1. СПб., 1908.— № 6, стр. 164—167.
- [Мякогин В. А.]. «Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола», вып. 1. СПб., 1908; вып. 2. СПб., 1909.— № 7, стр. 126—128.
- [Мякогин В. А.]. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II. М., 1909.— № 8, стр. 106—110.
- [Мякогин В. А.]. А. Мулюкин. Приезд иностранцев в Московское государство. СПб., 1909.— № 9, стр. 121—122.
- [Мякогин В. А.]. А. Пругавин. Раскол сверху. СПб., 1909.— № 9, стр. 122—123.

- [*Мякотин В. А.*]. В. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.— № 11, стр. 164—165.
- [*Иванович И. И.*]. В. Горн. Крестьянские движения за полтора века. М., 1909.— № 12, стр. 105—108.
- [*Мякотин В. А.*]. «О смертной казни». М., 1909.— № 12, стр. 108—110.

1910

- [*Мякотин В. А.*]. М. Гершензон. Исторические записки. М., 1910.— № 1, стр. 150—154.
- [*Мякотин В. А.*]. «История России в XIX в.», вып. 17—28. М., 1909.— № 1, стр. 154—158.
- [*Мякотин В. А.*]. «Итоги XVIII в. в России». М., 1910.— № 1, стр. 158—159.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев-Посад, 1909.— № 2, стр. 137—140.
- [*Мякотин В. А.*]. Б. Вяземский. Верховный тайный совет. СПб., 1909.— № 2, стр. 140—142.
- [*Горнфельд А. Г.*]. «Указатель книг по истории и общественным вопросам». СПб., 1910.— № 2, стр. 144—146.
- [*Русанов Н. С.*]. Е. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909.— № 4, стр. 93—97.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. СПб., 1909; он же. Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. СПб., 1910.— № 4, стр. 97—98.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Ключевский. Курс русской истории, т. 4. М., 1910.— № 4, стр. 99—100.
- [*Мякотин В. А.*]. «Сборник статей, посвященных памяти В. О. Ключевского». М., 1909.— № 4, стр. 100—101.
- [*Мякотин В. А.*]. «Рассказы по русской истории». М., 1909.— № 4, стр. 101—103.
- [*Мякотин В. А.*]. А. Изгоев. Русское общество и революция. М., 1910.— № 5, стр. 129—133.
- [*Мякотин В. А.*]. «Памятники русской истории». М., 1909—1910.— № 5, стр. 141—143.
- [*Бутенко В. А.*]. Н. Кареев. История Западной Европы в новое время, т. VI. СПб., 1909.— № 7, стр. 154—156.
- [*Мякотин В. А.*]. П. Бирюков. Духоборцы. М., 1910.— № 8, стр. 103—105.
- [*Мякотин В. А.*]. А. Кизеветтер. Местное самоуправление в России. М., 1910.— № 8, стр. 105—106.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Веретенников. История тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910.— № 8, стр. 106—109.
- [*Мякотин В. А.*]. С. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909.— № 8, стр. 109—111.
- [*Бутенко В. А.*]. П. Ардашев. Дополнение к лекциям по всемирной истории М. Н. Петрова, т. 5 (История Западной Европы в новейшее время). СПб., 1910.— № 8, стр. 111—113.
- [*Бутенко В. А.*]. А. Петрункевич. Кола ди Риенцо. СПб., 1909.— № 8, стр. 113—115.
- [*Бутенко В. А.*]. Н. Кареев. Общий курс истории XIX в. СПб., 1910.— № 9, стр. 183—185.
- [*Бутенко В. А.*]. «Общая история европейской культуры», тт. 1—2. СПб., 1910.— № 9, стр. 185—186.
- [*Русанов Н. С.*]. Ю. Пфлуг-Гартунг. Всемирная история. СПб., 1910.— № 11, стр. 129—134.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Грабенский. История польского народа. СПб., 1910.— № 11, стр. 134—136.
- [*Мякотин В. А.*]. М. Покровский и др. Русская история с древнейших времен, т. I, кн. 1. М., 1910.— № 11, стр. 136—139.

- [*Мякогин В. А.*]. «История России в XIX в.», вып. 29—34. М., 1910.— № 1, стр. 167—169.
- [*Мякогин В. А.*]. Ф. Уманец. Александр и Сперанский. СПб., 1910.— № 1, стр. 169—170.
- [*Мякогин В. А.*]. «Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества», вып. 3. СПб., 1910.— № 1, стр. 170—171.
- [*Кудрявцев А. П.*]. Ю. Делевский. Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910.— № 1, стр. 179—183.
- [*Мякогин В. А.*]. «Великая реформа 19 февраля 1861—1811 гг.» М., 1911.— № 3, стр. 116—119.
- [*Мякогин В. А.*]. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910.— № 3, стр. 119—121.
- [*Мякогин В. А.*]. «Крепостное право и крестьянская жизнь». М., 1911.— № 3, стр. 121—122.
- [*Мякогин В. А.*]. «Рабство и воля». М., 1911.— № 3, стр. 122—123.
- [*Мякогин В. А.*]. «К воле». М., 1911.— № 3, стр. 123—124.
- [*Мякогин В. А.*]. Н. Пирогов. Сочинения, в 2 томах. СПб., 1911.— № 4, стр. 83—84.
- [*Мякогин В. А.*]. И. Головин. Мемуары. М., 1911.— № 4, стр. 84—85.
- [*Мякогин В. А.*]. «Крепостное право в России и реформа 19 февраля». М., 1911.— № 4, стр. 85—86.
- [*Мякогин В. А.*]. «Освобождение крестьян». СПб., 1911.— № 4, стр. 86—87.
- [*Бутенко В. А.*]. В. Бузескул. Исторические этюды. СПб., 1911.— № 5, стр. 177—178.
- [*Бутенко В. А.*]. «История нашего времени», вып. 1—2. М., 1911.— № 5, стр. 179.
- [*Бутенко В. А.*]. А. Дживелегов. История современной Германии, ч. 2. СПб., 1910.— № 5, стр. 180—181.
- [*Бутенко В. А.*]. В. Герье. Французская революция 1789—1795 гг. в освещении И. Тэна. СПб., 1911.— № 6, стр. 152—153.
- [*Мякогин В. А.*]. «Великая реформа 19 февраля 1861—1911 гг.», тт. 4—6. М., 1911.— № 6, стр. 154—157.
- [*Мякогин В. А.*]. «Освобождение крестьян. Деятели реформы». М., 1911.— № 6, стр. 157—158.
- [*Мякогин В. А.*]. С. А. Муромцев. Сборник статей. СПб., 1911.— № 12, стр. 148—149.
- [*Мякогин В. А.*]. К. Валишевский. Первые Романовы. М., 1911; он же. Петр Великий. М., 1912.— № 12, стр. 149—152.
- [*Мякогин В. А.*]. В. Веретенников. Из истории Тайной канцелярии. Харьков, 1911.— № 12, стр. 152—153.
- [*Мякогин В. А.*]. И. Козловский. Андрей Винтус, сотрудник Петра Великого. СПб., 1911.— № 12, стр. 153—154.
- [*Мякогин В. А.*]. «История России в XIX в.», вып. 35. М., 1911.— № 12, стр. 154—155.
- [*Мякогин В. А.*]. Е. Эфрусси. История России. М., 1911.— № 12, стр. 155—156.
- [*Мякогин В. А.*]. В. Макаров. Очерк истории старообрядчества от Никола до наших дней. М., 1911.— № 12, стр. 156—157.

- [*Мякогин В. А.*]. Н. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. 2. Сергиев-Посад, 1912.— № 1, стр. 154—160.
- [*Мякогин В. А.*]. В. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. М., 1912.— № 1, стр. 160—163.
- [*Мякогин В. А.*]. «Отечественная война и русское общество», в 2 томах. М., 1911.— № 2, стр. 168—170.

- [*Мякотин В. А.*]. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912.— № 2, стр. 170—171.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1912.— № 2, стр. 172—173.
- [*Мякотин В. А.*]. Н. Кареев. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? СПб., 1912.— № 2, стр. 173—174.
- [*Мякотин В. А.*]. Д. Багалей. Очерки из русской истории, т. I. Харьков, 1911.— № 2, стр. 174—175.
- [*Русанов Н. С.*]. Г. Лян. История инквизиции в средние века. СПб., 1911.— № 2, стр. 176—179.
- [*Мякотин В. А.*]. М. Ключков. Население Руси при Петре Великом по переписям того времени, т. I. СПб., 1911.— № 3, стр. 125—127.
- [*Мякотин В. А.*]. «Книга для чтения по истории нового времени», т. 2, М., 1911.— № 3, стр. 128—129.
- [*Мякотин В. А.*]. Я. Гуревич. Историческая хрестоматия по русской истории, т. 3. СПб., 1911.— № 3, стр. 130.
- [*Мякотин В. А.*]. Д. Троицкий. Двенадцатый год. М., 1911.— № 3, стр. 130—131.
- [*Горнфельд А. Г.*]. М. Соловейчик. Очерки по еврейской истории и культуре. СПб., 1912.— № 3, стр. 131—132.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.— № 4, стр. 162—163.
- [*Мякотин В. А.*]. И. Кречетович. Крестьянская реформа в Оренбургском крае, т. I. М., 1911.— № 4, стр. 163—165.
- [*Мякотин В. А.*]. «Отечественная война и русское общество», т. 3. М., 1912.— № 4, стр. 165—167.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Тукалевский. Искания русских масонов. СПб., 1911.— № 4, стр. 167—168.
- [*Мякотин В. А.*]. И. Алешинцев. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.). СПб., 1912.— № 4, стр. 168—171.
- [*Мякотин В. А.*]. Г. Тельберг. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.— № 6, стр. 157—159.
- [*Мякотин В. А.*]. И. Новомбергский. Слово и дело государевы, т. I. М., 1911.— № 6, стр. 159—161.
- [*Мякотин В. А.*]. В. Яевич-Бородаевская. Борьба за веру. СПб., 1912.— № 6, стр. 161—162.
- [*Мякотин В. А.*]. Б. Кистяковский. Страницы прошлого. М., 1912.— № 7, стр. 142—146.
- [*Мякотин В. А.*]. «Историческая библиотека». М., 1912.— № 7, стр. 146—147.
- [*Мякотин В. А.*]. Т. Толычева. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912.— № 7, стр. 147.
- [*Мякотин В. А.*]. «Россия и Наполеон». М., 1912.— № 7, стр. 147—148.
- [*Мякотин В. А.*]. «Отечественная война и русское общество», т. 4. М., 1912.— № 7, стр. 148—149.
- [*Пешехонов А. В.*]. А. Лосицкий. Распадение общины. СПб., 1912.— № 7, стр. 149—152.
- [*Кулишер И. М.*]. Г. Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912.— № 7, стр. 152—154.
- [*Мякотин В. А.*]. «Отечественная война и русское общество», т. 5. М., 1912.— № 8, стр. 120—122.
- [*Горнфельд А. Г.*]. Д. Зандберг. Историческая беллетристика в школе. М., 1912.— № 9, стр. 214—215.
- [*Кулишер И. М.*]. В. Шер. История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве. М., 1911.— № 9, стр. 227—230.
- [*Кулишер И. М.*]. М. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, т. I. Киев, 1911.— № 10, стр. 400—403.
- [*Мякотин В. А.*]. А. Корнилов. Курс истории России XIX в. М., 1912.— № 11, стр. 388—392.

- [*Мякогин В. А.*]. М. Грушевский. Культурно-национальный рух на Украине в XVI—XVII вици. Київ—Львів, 1912.— № 11, стр. 392—393.
- [*Мякогин В. А.*]. Ц. Лежье. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 1912.— № 11, стр. 393—394.
- [*Мякогин В. А.*]. Т. Богданович. Александр I. М., 1912.— № 11, стр. 394.
- [*Тарле Е. В.*]. А. Карсавин. Монашество в средние века. СПб., 1912.— № 11, стр. 395—396.
- [*Тарле Е. В.*]. П. Виллари. Д. Савонарола и его время, т. I. СПб., 1913.— № 12, стр. 382—384.
- [*Мякогин В. А.*]. «Отечественная война и русское общество», т. 6. М., 1912; т. 7. М., 1912.— № 12, стр. 384—386.

1913

- [*Мякогин В. А.*]. «Французы в России». М., 1912.— № 3, стр. 374—376.
- [*Тарле Е. В.*]. А. Анучин. Берлинский конгресс 1878 г. СПб., 1912 г.— № 3, стр. 376—377.
- [*Тарле Е. В.*]. Н. Зейпель. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913.— № 3, стр. 377—379.
- [*Мякогин В. А.*]. К. де-Ремюза. Мемуары, т. I. М., 1912.— № 4, стр. 378—379.
- [*Тарле Е. В.*]. Г. Роос. С Наполеоном в Россию. М., 1913.— № 4, стр. 379—381.
- [*Мякогин В. А.*]. «Государи из дома Романовых», в 2 томах. М., 1913.— № 4, стр. 381—382.
- [*Тарле Е. В.*]. Ж. А. де-Гобино. Век Возрождения. М., 1913.— № 5, стр. 340—341.
- [*Мякогин В. А.*]. «Историческое обозрение», т. 17. СПб., 1912.— № 5, стр. 343—344.
- [*Петрищев А. Б.*]. Е. Козлинина. За полвека. М., 1913.— № 5, стр. 353—355.
- [*Тарле Е. В.*]. С. Булгаков. Очерки по истории экономических учений. М., 1913.— № 6, стр. 353—355.
- [*Луцицкий И. В.*]. Е. Тарле. Континентальная блокада. М., 1913.— № 7, стр. 332—334.
- [*Мякогин В. А.*]. А. Чарторижский. Мемуары и переписка с имп. Александром I, т. I. М., 1912.— № 7, стр. 335—337.
- [*Мякогин В. А.*]. С. Шуазель-Гуффье. Исторические мемуары об имп. Александре I и его дворе. М., 1912.— № 7, стр. 337—338.
- [*Мякогин В. А.*]. «История современной России». СПб., 1912.— № 7, стр. 338—339.
- [*Мякогин В. А.*]. В. Бузескул. Античность и современность. СПб., 1913.— № 8, стр. 374—375.
- [*Мякогин В. А.*]. П. Васенко и др. Начало династии Романовых. СПб., 1912.— № 8, стр. 375—376.
- [*Мякогин В. А.*]. Б. Сыромятников. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. М., 1913.— № 8, стр. 377—378.
- [*Мякогин В. А.*]. А. Р. [?] Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912.— № 8, стр. 378—380.
- [*Мякогин В. А.*]. «Смутное время в Московском государстве». М., 1913.— № 9, стр. 365—366.
- [*Русанов Н. С.*]. И. Тэн. Наполеон Бонапарт. М., 1912.— № 9, стр. 366—369.
- [*Тарле Е. В.*]. М. Петров. Лекции по всемирной истории, тт. 3—4. СПб., 1913.— № 10, стр. 387—389.
- [*Тарле Е. В.*]. Ф. Тарановский. Заметки о Монтескье. Ярославль, 1913.— № 11, стр. 413—414.

- [Тарле Е. В.]. М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, тт. 2—3. СПб., 1914.— № 12, стр. 394—396.
- [Шаскольский П. Б.]. Г Винклер Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913.— № 12, стр. 396—399.
- [Тарле Е. В.]. Ж. Ленотр. Париж в дни революции. М., 1913.— № 12, стр. 399—400.
- [Тарле Е. В.]. Э. Фукс. Иллюстрированная история нравов, тт. 1—2. М., 1913.— № 12, стр. 401—403.
- [Кулишер И. М.]. И. Любименко. История торговых сношений России с Англией, вып. I. Юрьев, 1912.— № 12, стр. 405—406.

1914

- [Тарле Е. В.]. П. де Сен-Виктор. Боги и люди. М., 1914.— № 1, стр. 407—410.
- [Шаскольский П. Б.]. Г. Буассье. Картины римской жизни времен цезарей. М., 1913.— № 1, стр. 410—413.
- [Тарле Е. В.]. Е. Сидоренко. Итальянские угольщики начала XIX в. СПб., 1913.— № 1, стр. 413—415.
- [Тарле Е. В.]. К. Кузнецов. Опыты по истории политических идей в Англии. Владивосток, 1913.— № 1, стр. 415—417.
- [Тарле Е. В.]. Е. Сабанеева. Воспоминания о былом. СПб., 1914; А. Лабзина. Воспоминания. СПб., 1914.— № 2, стр. 366—367.
- [Тарле Е. В.]. Ж. Орсье. Агриппа Неттесгеймский. М., 1913.— № 2, стр. 372—374.
- [Тарле Е. В.]. В. Герье. Зодчие и подвижники «божьего царства». М., 1913.— № 2, стр. 374—377.
- [Тарле Е. В.]. Н. Идельсон. Революционный трибунал во Франции. СПб., 1914.— № 3, стр. 406—407.
- [Мякотин В. А.]. П. Щеголев. Исторические этюды. СПб., 1913.— № 4, стр. 380—381.
- [Мякотин В. А.]. Ж. Жоржелъ. Путешествие в Петербург. М., 1913.— № 4, стр. 381—382.
- [Тарле Е. В.]. Н. Тарасов и С. Моравский. Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV—XIII вв. М., 1914.— № 4, стр. 385—386.
- [Тарле Е. В.]. В. Мелихов. Из истории иудейско-римских гонений на христиан. Харьков, 1913.— № 4, стр. 386—388.
- [Мякотин В. А.]. «Война и мир». М., 1912.— № 5, стр. 335—336.
- [Тарле Е. В.]. Г. Бемер. Иезуиты. М., 1913.— № 5, стр. 341—342.
- [Тарле Е. В.]. Н. Борецкий-Боргфельд. Колониальная история западноевропейских колониальных стран. СПб., 1914.— № 5, стр. 343—344.
- [Мякотин В. А.]. В. Богучарский. Активное народничество 70-х гг. М., 1912.— № 6, стр. 325—328.
- [Мякотин В. А.]. К. Михайлов. Имп. Александр I — старец Феодор Козьмич. СПб., 1914.— № 6, стр. 328—330.
- [Мякотин В. А.]. О. Пирлинг. Не умер ли католиком Александр I? М., 1914.— № 6, стр. 330—331.
- [Кулишер И. М.]. В. Бондаренко. Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Иоановны. М., 1913.— № 6, стр. 331—333.
- [Тарле Е. В.]. С. Дубнов. Новейшая история еврейского народа. СПб., 1914.— № 6, стр. 333—335.
- [Тарле Е. В.]. Д. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М., 1914.— № 6, стр. 338—341.
- [Тарле Е. В.]. С. Лозинский. История инквизиции в Испании. СПб., 1914.— № 7, стр. 345—348.
- [Тарле Е. В.]. Н. Кареев. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV г. роялистическим? СПб., 1914.— № 7, стр. 348—349.

- [Тарле Е. В.]. Ф. Руффины. Религиозная свобода, вып. 1. СПб., 1914.— № 7, стр. 349—351.
- [Мякотин В. А.]. М. Гершензон. Грибоедовская Москва. М., 1914.— № 7, стр. 352.
- [Мякотин В. А.]. И. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. СПб., 1914.— № 7, стр. 352—354.
- [Мякотин В. А.]. А. Чарторижский. Мемуары, т. 2. М., 1913.— № 7, стр. 354—355.
- [Горнфельд А. Г.]. М. Волконская. Записки. СПб, 1914.— № 7, стр. 355—356.
- [Мякотин В. А.]. М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.— № 8, стр. 312—313.
- [Мякотин В. А.]. А. Амфитеатров. 1812 г. СПб., 1914.— № 9, стр. 357—359.
- [Мякотин В. А.]. Е. Комаровский. Записки. СПб., 1914.— № 9, стр. 360—361.
- [Мякотин В. А.]. «Записка о ритуальных убийствах» и ее источники. СПб., 1914.— № 9, стр. 361—362.

«Русские записки» *

- [Мякотин В. А.]. А. Яковлев. Записки. М., 1915.— № 2, стр. 413—415.
- [Мякотин В. А.]. И. Линниченко. Речи и поминки. Одесса, 1914.— № 2, стр. 415—416.
- [Мякотин В. А.]. М. Коваленский. Московская политическая литература XVI в. СПб., 1914.— № 2, стр. 416—417.
- [Мякотин В. А.]. Н. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914.— № 2, стр. 417—418.

1915

- [Кулишер И. М.]. Д. Холиок. История родзельских пионеров. М., 1914.— № 1, стр. 372—374.
- [Тарле Е. В.]. Г. Буасье. Цицерон и его друзья. М., 1915.— № 3, стр. 356—358.
- [Тарле Е. В.]. Ж. Аррен. Вильгельм II. СПб., 1914.— № 3, стр. 362—366.
- [Тарле Е. В.]. Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М., 1915.— № 3, стр. 366—367.
- [Тарле Е. В.]. Б. Бузескул. Введение в историю Греции. Пг., 1915.— № 4, стр. 368—369.
- [Мякотин В. А.]. Н. Лагов. Галичина. Пг., 1915.— № 4, стр. 371—373.
- [Тарле Е. В.]. Ч. Сароли. Англо-германская проблема. М., 1915; Крэмб. Германия и Англия. М., 1915.— № 4, стр. 377—380.
- [Тарле Е. В.]. А. Белгородский. Порабощенное славянство в Австро-Венгрии и Германии. Пг., 1915.— № 5, стр. 330—331.
- [Тарле Е. В.]. Потоцкая. Мемуары. Пг., 1915.— № 5, стр. 331—333.
- [Шаскольский П. Б.]. Д. Петрушевский. Великая хартия вольностей. М., 1915.— № 5, стр. 333—335.
- [Тарле Е. В.]. А. Амфитеатров. Мандрагора. Пг., 1915.— № 5, стр. 335—337.
- [Тарле Е. В.]. Кармен Сильва. Под родным кровом. Пг., 1915.— № 5, стр. 337—339.
- [Тарле Е. В.]. Г. Готеро. Франкмасонство. Сергиев-Посад, 1914.— № 6, стр. 319—321.
- [Тарле Е. В.]. «Из-за чего мы воюем?» Пг., 1915.— № 6, стр. 323—324.
- [Тарле Е. В.]. Б. Нольде. Внешняя политика. Пг., 1915.— № 6, стр. 324—326.

* С ноября 1914 г. до марта 1917 г. журнал «Русское богатство» выходил под названием «Русские записки».

- [Тарле Е. В.]. Г. Ферреро. Величие и падение Рима, т. I. М., 1915.— № 6, стр. 326—328.
- [Тарле Е. В.]. И. Кулишер. Коммунальное обложение в Германии Пг., 1914.— № 6, стр. 328—330.
- [Тарле Е. В.]. В. Герье. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.— № 7, стр. 327—329.
- [Тарле Е. В.]. Е. де-Витте. Массонство в Австрии и Германии. Шамордино, 1915.— № 10, стр. 355—357.
- [Мякогин В. А.]. С. М. Соловьев. Записки. Пг., 1915.— № 11, стр. 315—319.
- [Мякогин В. А.]. И. Катаев. Дореформенная бюрократия СПб., 1914.— № 11, стр. 319—320.
- [Мякогин В. А.]. В. Пичета. Юрий Крижанич. СПб., 1914.— № 11, стр. 320—321.
- [Мякогин В. А.]. В. Бочкарев. Московское государство XV—XVII вв. СПб., 1914.— № 11, стр. 321—322.
- [Мякогин В. А.]. Н. Фирсов. Петр III и Екатерина II. Пг., 1915.— № 11, стр. 322—324.

1916

- [Тарле Е. В.]. Стендаль. Красное и черное, в 2 томах. М., 1915.— № 1, стр. 310—313.
- [Тарле Е. В.]. Г. Ферреро. Величие и падение Рима, т. 2. М., 1916.— № 1, стр. 316—318.
- [Тарле Е. В.]. Д. Брæстед. История Египта, в 2 томах. М., 1915.— № 1, стр. 318—319.
- [Мякогин В. А.]. Н. Василенко. Очерки по истории Западной Руси и Украины, т. 3. Киев, 1916.— № 2, стр. 328—330.
- [Тарле Е. В.]. В. Герье. Расцвет западной теократии. М., 1916.— № 2, стр. 330—332.
- [Мякогин В. А.]. А. Корнилов. Русская политика в Польше. Пг., 1915.— № 3, стр. 316—318.
- [Мякогин В. А.]. Депутат от России (воспоминания и переписка О. А. Новиковой), в 2 томах. Пг., 1915.— № 3, стр. 318—319.
- [Кулишер И. М.]. П. Остроухов. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1915.— № 4, стр. 314—317.
- [Мякогин В. А.]. И. Горбачевский. Записки. М., 1916.— № 6, стр. 253—255.
- [Мякогин В. А.]. В. Хижняков. Воспоминания. Пг., 1916.— № 7, стр. 279—281.
- [Мякогин В. А.]. Л. Сапега. Мемуары. Пг., 1915.— № 7, стр. 281—283.
- [Мякогин В. А.]. А. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916.— № 9, стр. 320—321.
- [Мякогин В. А.]. Н. Шаховская. В монастырской вотчине XIV—XVII в. М., 1915; Н. Комовская. В стране Великого хана. М., 1916; Н. Коваленская. Вельможа в фаворе и ссылке. М., 1916.— № 9, стр. 328—329.
- [Кулишер И. М.]. Е. Тарле. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. Юрьев, 1916.— № 9, стр. 327—330.
- [Кареев Н. И.]. И. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1916.— № 9, стр. 330—331.
- [Шульгин А.]. П. Митрофанов. Леопольд II Австрийский, т. I, ч. 1. Пг., 1916.— № 11, стр. 314—316.

1917

- [Кареев Н. И.]. Д. Петрушевский. К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915.— № 1, стр. 313—314.
- [Горнфельд А. Г.]. Ф. Шмидт. Законы истории, вып. 1. Харьков, 1916.— № 1, стр. 314—316.
- [Тарле Е. В.]. Р. Виппер. История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916.— № 1, стр. 317—318.

КАНДИДАТСКИЕ И ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ

В 1964—1973 гг.

(Библиография)

О. А. Афанасьев

В целях дальнейшего развития историографической работы в научно-исследовательских институтах и вузах страны редакция ежегодника «История и историки» публикует в настоящем выпуске библиографию «Кандидатские и докторские диссертации по историографии, защищенные в 1964—1973 гг.», подготовленную сектором истории исторической науки Института истории СССР Академии наук Союза ССР.

Библиография составлена на основе следующих материалов: дополнительных выпусков «Книжной летописи», содержащих сведения о рефератах кандидатских и докторских диссертаций; бюллетеней «Каталог докторских и кандидатских диссертаций», выпускаемых Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, а также ее карточных каталогов.

В библиографии учтены кандидатские диссертации, утвержденные научными советами по месту защиты, и докторские диссертации, утвержденные ВАК. Библиография построена по хронологически-алфавитному принципу*.

1964

- Акрамова Х. Ф.* Жизнь и научная деятельность чл.-корр. Академии наук СССР Михаила Степановича Андреева. М., (Кд).
- Беляков А. П.* Историография трудового подвига советского народа в период Великой Отечественной войны. М., (Кд).
- Величко О. И.* Критика западногерманской буржуазной историографии социалистической индустриализации СССР. М., (Кд).
- Гавриличев В. А.* Великая французская революция в немецкой буржуазно-юнкерской историографии 50—60-х годов XIX века. Томск, (Кд).
- Гумеров Ф. Х.* Против буржуазной фальсификации ленинских принципов партийного строительства. М., (Кд).
- Иванова Л. В.* Развитие советской исторической науки в 1917—1929 гг. (Подготовка кадров историков-марксистов). М., (Кд).
- Киреева Р. А. В. О.* Ключевский как историк русской исторической науки. М., (Кд).
- Коваленко Л. А.* Демократические течения в историографии Украины XIX века. Киев, (Дд).

* Кд — кандидатские диссертации, Дд — докторские диссертации.

- Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (XVII — первая половина XIX в.). М., (Дд).
- Оприщенко А. Л.* Историография социалистического соревнования рабочего класса СССР. М., (Кд).
- Пюттер В.* Критика западногерманских фальсификаторов по вопросу о причинах принятия новой программы Коммунистической партии Советского Союза. М., (Кд).
- Рахмиров П. Ю.* Реакционная историография антифашистского сопротивления и верхушечной оппозиции в гитлеровской Германии. Пермь, (Кд).
- Харламова В. М.* Против буржуазной фальсификации вопроса о взаимоотношениях КПСС с массовыми организациями трудящихся. М., (Кд).
- Цамугали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX века. Л., (Кд).
- Чинчиков А. М.* Историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917—1963 гг.). М., (Кд).

1965

- Андреев А. Г.* Критика англо-американских буржуазных фальсификаторов внешнеполитической деятельности Коммунистической партии и Советского правительства в первые месяцы Советской власти (ноябрь 1917 г.— август 1918 г.). Л., (Кд).
- Арутюнян Ш. Р.* Развитие исторической науки в Советской Армении (1920—1963 гг.). Ереван, (Дд).
- Вондарчик В. К.* История белорусской этнографии второй половины XIX — начала XX в. Минск, (Дд).
- Верхось В. П.* Новейшая историография Великой Октябрьской социалистической революции (после XX съезда КПСС). М., (Кд).
- Ермолаев И. П.* Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX — начало XX в.). Куйбышев, (Кд).
- Кошелев Л. В.* Политические течения французской послевоенной историографии и публицистики по проблемам колониализма и колониальной политики IV Французской республики (1946—1964 гг.). М., (Кд).
- Кришьянсон Л. Э.* Историография истории Коммунистической партии Латвии с 90-х годов XIX в. до 1919 года. Л., (Кд).
- Лукин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, (Дд).
- Мочалов Л. В.* Английская историография рабочего движения Великобритании на первом этапе общего кризиса капитализма. М., (Кд).
- Петров П. И.* Завоевательные походы Надира-шаха в Индию и Среднеазиатские ханства в освещении Мухамад-Казима. М., (Дд).
- Петряев К. Д.* Современная советская историография истории Германии 1871—1914 гг. Одесса, (Дд).
- Соколова А. М. Д. М.* Петрушевский и освещение им восстания английского народа в 1381 году. М., (Кд).
- Станкова С. В.* Франц Меринг как историк. М., (Кд).
- Фазили А. Г.* История древнего Азербайджана в трудах современных иранских историков. Баку, (Кд).
- Черкасов Н. С.* Историографические проблемы немецкого движения сопротивления. Томск, (Кд).
- Черных А. Г.* Борьба В. И. Ленина за марксистскую концепцию истории Великой Октябрьской социалистической революции в России. Владивосток, (Дд).
- Чесноков В. И. В. И.* Невский как историк революционного движения в России. Воронеж. (Кд).

- Аплатов С. И.* Американская историография о политике США в Германии и германской проблеме после II мировой войны. Одесса, (Кθ).
- Джуракулов М.* История изучения каменного века Средней Азии. Самарканд, (Кθ).
- Заборов М. А.* Введение в историографию крестовых походов. (Латинская хронография XI—XIII вв.). М., (Дθ).
- Иванов В. В.* Принцип историзма в ленинской критике либерального народничества (по произведениям 90-х годов). Томск, (Кθ).
- Иоффе Г. З.* Англо-американская буржуазная историография февральской революции в России. М., (Кθ).
- Кизельштейн Г. Б.* Политические взгляды Б. Н. Чичерина в 1848—1867 годах. М., (Кθ).
- Константинова А. Д. М. С.* Куторга как историк античности. Казань, (Кθ).
- Марков П. Г. А. Я.* Ефименко — историк Украины. Киев, (Кθ).
- Мозильницкий В. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.—начала 90-х годов. Томск, (Дθ).
- Никифоров В. Н.* Советские историки и проблемы истории Китая, (Дθ).
- Овчинникова Л. В.* Буржуазные и реформистские историки ФРГ о предпосылках возникновения и причинах слабости Веймарской республики. М., (Кθ).
- Олегина И. Н.* Английская и американская историография о политике индустриализации СССР. Л., (Кθ).
- Пьянков И. В.* Восточные сатрапии державы Ахменидов в сочинениях Ктесия. Душанбе, (Кθ).
- Салов В. И.* Современная западногерманская буржуазная историография (Проблемы новейшей истории). М., (Дθ).
- Сергеев А. В. В. И.* Григорович как историк славян. Казань, (Кθ).
- Таран В. П.* Историография сплошной коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, (Кθ).
- Тетюшев В. И.* Против фальсификации истории социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР в буржуазной историографии. М., (Кθ).
- Тулъчинский М. Р.* Западногерманский «остфортшунг». Основные направления изучения истории ПНР, СССР и ЧССР. М., (Кθ).
- Циунчук А. Г.* Историография социал-демократических кружков Поволжья. 1890-е — середина 1930-х гг. М., (Кθ).
- Чумаченко Э. Г. В. О.* Ключевский — источниковед. М., (Кθ).
- Шаранов Г. В.* Социалистический путь разрешения аграрно-крестьянского вопроса и буржуазная историография. М., (Дθ).

1967

- Аплатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — середина XVIII в.). М., (Дθ).
- Белянцев Е. И.* Некоторые проблемы изучения некапиталистического пути развития Коми в первые годы Советской власти. Горький, (Кθ).
- Бижанов М. К.* Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей. Алма-Ата, (Кθ).
- Васьковский О. А.* Советская историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны и иностранной интервенции на Урале. Свердловск, (Дθ).
- Водолагин В. М.* Октябрьское вооруженное восстание в советской исторической литературе. М., (Кθ).
- Газарян В. Д.* Исторические взгляды Хачатура Абовяна. Ереван, (Кθ).
- Гобеев О. В.* Разоблачение буржуазной фальсификации национальной политики СССР. М., (Кθ).

- Житомирская И. П.* Русская революционная демократическая подцензурная печать о внешней политике царизма. М., (Кд).
- Игнатенко Т. А.* Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР. М., (Кд).
- Кулаков А. А.* Из истории создания и деятельности Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии) 1920—1928 гг. Л., (Кд).
- Нарзикулов И.* Английский менор XVI—XVII вв. в трудах А. Н. Савина и современное состояние проблемы. Киев, (Кд).
- Реутов Г. Н.* Английская буржуазная историография второй мировой войны. (Происхождение войны, внешняя политика Англии и международные отношения 1939—1945 гг.). Л., (Дд).
- Сарузанян Н. Б.* Проблема присоединения Восточной Армении к России в дореволюционной армянской историографии. Ереван, (Кд).
- Семенов А. В.* Фальсификация истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны современной реакционной историографией США. Минск, (Кд).
- Скажун О. Ф.* Исторические взгляды А. Я. Ефименко. Харьков, (Кд).
- Смоленский Н. И.* Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования. Томск, (Кд).
- Снхчян И. А.* Некоторые вопросы русской ориентации армян и армянское освободительное движение в трудах Лео. Ереван, (Кд).
- Хижняк В. П.* Критика современных буржуазных фальсификаторов внешнеполитической программы КПСС. М., (Кд).
- Чапкевич Е. И.* Е. В. Тарле и освещение им внешней политики России. М., (Кд).
- Шафир В. И.* Критика буржуазных фальсификаторов истории узбекской советской интеллигенции (1946—1965 гг.). Ташкент, (Кд).

1968

- Андросенкова З. М.* История рабочего движения в России в советской историографии 20-х — первой половины 30-х гг. Л., (Кд).
- Атласов Г. В.* Проблемы античной Македонии в современной французской историографии. Казань, (Кд).
- Бережный Л. А.* Критика методологии современной американской буржуазной историографии Китая (проблема общественного развития в 19 — первой половине 20 века). Л., (Дд).
- Буланенко Л. С.* История германской социал-демократии и рабочего движения 1900—1914 гг. в современной англо-американской историографии. Одесса, (Кд).
- Дорошенко В. А.* Коммунистическая Академия и ее роль в разработке вопросов отечественной истории (1918—1935 гг.). М., (Кд).
- Зенушкина И. С.* Разоблачение современных американских буржуазных фальсификаций национальной политики КПСС в период установления и укрепления Советской власти. М., (Кд).
- Касымов Ф. Х.* Советская историография Бухарской Народной Советской республики. Ташкент, (Кд).
- Кислягина Л. Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785—1803 гг.). М., (Кд).
- Когонашвили К. К.* Педагогическая деятельность и методические взгляды Михаила Николаевича Покровского М., (Кд).
- Комаренко Н. В.* Журнал «Летопись революции». Историографический очерк. Киев, (Кд).
- Косых Г. Т.* Против фальсификации английской буржуазной историографией тактики большевистской партии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Л., (Кд).
- Кулиев Н. М.* Проблема социалистической революции в азербайджанской советской историографии (1920—1931 гг.). Баку, (Кд).

- Левуш Х. З.* Проблемы народных и еретических движений XI—XIV веков в историографии ГДР. Томск, (Кθ).
- Масов Р.* Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане. Душанбе, (Кθ).
- Матлина А. А.* Критика концепции «мирной регулируемой революции» (Латино-американская политика Соединенных Штатов в американской буржуазной историографии 1959—1966 гг.). М., (Кθ).
- Николаева А. Т.* Русское источниковедение XVIII в. М., (Дθ).
- Никольская М. Н.* Русская печать о войне Северной Америки за независимость в XVIII в. М., (Кθ).
- Павленко В. Б.* Советская историография о деятельности Коммунистической партии Украины в период борьбы против австро-немецкой оккупации и внутренней контрреволюции (1918 год). Киев, (Кθ).
- Пирозов В. М.* Советская историография разгрома белогвардейской армии Врангеля (1920—1931 гг.). Воронеж, (Кθ).
- Резник А. А.* Историография комсомола периода его возникновения и первых лет деятельности (1917—1920 гг.). Л., (Кθ).
- Санцевич А. В.* Проблемы истории Украины 1945—1965 гг. в советской историографии. Киев, (Дθ).
- Тараманов Д. Д.* Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине в исторических журналах 20-х годов. Харьков, (Кθ).
- Тумаринсон В. Х.* Разоблачение В. И. Лениным меньшевистско-эсеровской фальсификации характера Великой Октябрьской социалистической революции и сущности Советской власти. М., (Кθ).

1969

- Альбина Л. Л.* «Политическое завещание» Ришелье в источниковедении и историографии Франции XVII—XX вв. Л., (Кθ).
- Антонов В. Ф.* Историческая концепция П. Л. Лаврова и оценка им основных этапов всемирной и русской истории. М., (Дθ).
- Бендрикова Л. А.* Французская историография революции 1848—1849 годов во Франции (1848—1968). М., (Дθ).
- Бокиев О.* Социально-экономический строй Таджикистана во второй половине XIX века в русской дореволюционной исторической литературе. Л., (Кθ).
- Вандалковская М. Г. М. К.* Лемке — историк русского революционного движения. М., (Кθ).
- Волкова Ю. Е.* Советская историография национальной политики КПСС в первые годы диктатуры пролетариата 1917—1920 гг. (На материалах Средней Азии). М., (Кθ).
- Гарушняк Ю. М.* Движение 4 мая 1919 года в Китае (Проблема историографии). М., (Доклад по работам, опубликованным в 1957—1966 гг. и представленным на соискание ученой степени кандидата исторических наук).
- Гриневич Ю. П.* Становление историко-партийной науки и ее развитие в 20-х гг. М., (Кθ).
- Гурницкий К. И.* Исторические взгляды А. Е. Крымского. Ужгород, (Кθ).
- Иванов Ю. Н.* Отражение революционно-народнического движения в литературном наследии С. М. Степняка-Кравчинского. Воронеж, (Кθ).
- Камалетдинова Н. М.* Критика буржуазной фальсификации политики КПСС в области развития культуры и языков народов СССР. (На материалах республик Средней Азии и Казахстана). М., (Кθ).
- Качурина А. В.* Партия большевиков — вдохновитель и организатор Октябрьского вооруженного восстания в Москве. (Историографический очерк). М., (Кθ).
- Королевский С. М.* Вопросы истории и археографии Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Харьков, 1969 (Доклад о содержании основных опубликованных работ, представленных по совокупности на соискание ученой степени доктора исторических наук).

- Котов В. Н. В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки. Киев, (Дд).*
- Красавина С. К. Идеино-политическая борьба в византийской историографии XV в. и место в ней греческого историка Дуки. М., (Кд).*
- Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, (Кд).*
- Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография Советского общества. М., (Дд).*
- Маслов Н. Н. Основные проблемы общей историографии истории КПСС. Л., (Дд).*
- Муравьев В. А. Теория феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. М., (Кд).*
- Наумов Н. В. Французская буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1967 гг.). М., (Кд).*
- Носов А. П. Борьба В. И. Ленина за партийность исторической науки. М., (Дд).*
- Писарева Т. А. Борьба партии за разработку и осуществление новой экономической политики в советской историографии. М., (Кд).*
- Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны и интервенции в Сибири. Томск, (Дд).*
- Рабиц Р. Г. Критика буржуазных фальсификаторов истории рабочего класса Узбекистана. Ташкент, (Кд).*
- Рю, Хакку. Японская историография истории Кореи раннего периода. М., (Кд).*
- Сидоренко А. А. Научно-историческая и политическая деятельность М. Н. Покровского. Дооктябрьский период. М., (Кд).*
- Синцов Ю. Я. Основные проблемы коллективизации крестьянских хозяйств в СССР в советской историографии 20-х годов. М., (Кд).*
- Склезнев Е. В. Разоблачение современных буржуазных фальсификаций деятельности КПСС в области военного строительства. М., (Кд).*
- Соколов В. М. История советской исторической науки в Мордовской АССР. Саранск, (Кд).*
- Соколов О. Д. Исторические взгляды М. Н. Покровского и его место в советской историографии. М., (Дд).*
- Тамм Е. П. Культурное строительство на Украине в советской историографии (20-е — начало 30-х годов). Харьков, (Кд).*
- Ткаченко И. В. Проблема становления ленинской концепции истории партии и разоблачение меньшевистско-троцкистской фальсификации в историко-партийной литературе первой половины 20-х годов. Л., (Кд).*
- Токарев А. И. Разработка В. И. Лениным научной концепции истории партии периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., (Кд).*
- Турга В. В. Советская историография революции 1905—1907 гг. в Казахстане. Алма-Ата, (Кд).*
- Фарсоби́н В. В. Отечественная историография о предмете и задачах источниковедения. М., (Кд).*
- Фимин Д. Н. Становление и основные направления деятельности партийно-государственного контроля (ЦКК — РКИ) в советской историографии (1956—1966 гг.). Харьков, (Кд).*
- Фоминых С. Ф. Американская буржуазная историография гражданской войны и интервенции в Сибири. Томск, (Кд).*
- Ченцов Ю. Д. Советская историография деятельности КПСС по осуществлению сплошной коллективизации сельского хозяйства в РСФСР. Воронеж, (Кд).*
- Шарифжанов И. И. Актон и современная англо-американская буржуазная историография. Томск, (Кд).*
- Шевченко С. М. Исторические взгляды И. Я. Франко. Киев, (Кд).*

- Алимджанов А. К.* Хозяйственное строительство в Туркестанской АССР в советской историографии Узбекистана (50—60 гг.). Ташкент, (Кд).
- Андреев Л. Я.* Гражданская война на Украине в 1920 году в советской историографии (20-е — начало 30-х годов). Харьков, (Кд).
- Андропова Р. О.* Решение национальной проблемы в СССР и критика западногерманской историографии (По материалам истории Средней Азии и Казахстана). Ташкент, (Кд).
- Асаинов М. А.* История изучения Казахстана в первой половине XIX в. Алма-Ата, (Кд).
- Багоцыренов В. Б.* Советская историография Бурятской АССР (1917—1967 гг.). М., (Кд).
- Бейлис Л. С.* Становление марксистской историографии в Болгарии (с конца XIX в. до социалистической революции 1944 г.). Проблема Болгарского Возрождения. Львов, (Дд).
- Беспалов Н. Е.* Ленинская концепция возникновения партии большевиков в историко-партийной литературе 1917—1927 гг. М., (Кд).
- Блинов А. И.* Основные социально-экономические проблемы периода реконструкции юга в истории США. Новомосковск, (Дд).
- Вебер Б. Г.* Историографические проблемы нового времени. М., (Дд).
- Верма Н. П.* Проблемы Индии в прогрессивной русской общественной мысли 60-х—80-х годов XIX века. Л., (Кд).
- Гамрекели Г. Д.* Саллюстий как историк. Тбилиси, (Кд).
- Гвоздик Н. С.* Проблемы истории советского общества в исторической литературе Германской Демократической Республики (1949—1969 гг.). Киев, (Кд).
- Годовикова Л. Н.* Исторические сочинения Поссевино о России XVI в. М., (Кд).
- Гончарук П. С.* Исторические взгляды кирилло-мефодиевцев (1846—1847 гг.). Киев, (Кд).
- Дмитриев С. С.* Образование и первые годы деятельности Коммунистической партии Великобритании в освещении советской историографии. Вологда, (Кд).
- Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада в 1917—1941 гг. М., (Дд).
- Евланова М. Н.* Рабочий класс СССР периода Великой Отечественной войны в историко-партийной историографии. М., (Кд).
- Жарков М. Г.* Критика фальсификаций истории Великой Октябрьской социалистической революции и поражения контрреволюции в годы гражданской войны в западногерманской историографии послевоенного периода. Минск, (Кд).
- Журавский Ю. И. В. И.* Ленин — вождь Великого Октября в советской историографии 1917—1927 годов. Харьков, (Кд).
- Игрицкий Ю. И.* Основные проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции в современной англо-американской буржуазной историографии. М., (Кд).
- Кашкин Б. И.* Создание и деятельность Истпарта ЦК КП(б)У (1921—1929 гг.). Киев, (Кд).
- Кирюшин Е. И.* Борьба В. И. Ленина против меньшевистской фальсификации истории партии периода первой русской революции 1905—1907 гг. М., (Кд).
- Корогод В. Л.* Историография деятельности Коммунистической партии Украины по осуществлению ленинского кооперативного плана в 1927—1937 гг. Киев, (Кд).
- Корчагова М. Н.* Англо-американская буржуазная историография о крестьянстве в Октябрьской революции. М., (Кд).
- Критский Ю. М.* Исторические взгляды В. И. Семевского (1848—1916 гг.). Л., (Кд).

- Куликова А. М.* Востокоедное образование в Петербургском университете в первой половине XIX века и учреждение факультета восточных языков. Л., (Кд).
- Кундюба Д. И.* Советско-американские отношения и освещение их в буржуазной историографии (1933—1939 гг.). Киев, (Кд).
- Маргыннов Н. Д. Ф.* Лассаль и лассальянство в западногерманской историографии. Воронеж, (Кд).
- Матвеева И. Н. М. М.* Хвостов как историк античности. Казань, (Кд).
- Мегрелишвили Т. Н.* Вопросы истории социальных отношений и общественной мысли Грузии во второй половине XIX века в грузинской советской историографии. Тбилиси, (Кд).
- Мерцалов А. Н.* Современная западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., (Дд).
- Митряев А. И.* Советская историография гуситского движения. Харьков, (Кд).
- Михайлов Ю. А.* Принцип историзма в исследовании К. Марксом и Ф. Энгельсом Гражданской войны в США (Из истории обоснования и развития марксистской концепции историзма). Казань, (Кд).
- Мовчан С. П.* Филип Филипович — исследователь новейшей истории Югославии. Львов, (Кд).
- Наджафарова И. А.* «Рисола» Ахмада Дониша как исторический источник и некоторые особенности творчества А. Дониша как историка. Душанбе, (Кд).
- Нардин В. В.* Историческая концепция М. Н. Покровского. М., (Кд).
- Ольшевская М. И.* Историография истории Северной Осетии в период империализма (1890—1917 гг.). Орджоникидзе, (Кд).
- Погудин В. И.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства СССР. Историография и проблемы изучения. М., (Дд).
- Пода Н. В.* Критика В. И. Лениным либерально-народнической концепции пореформенного развития России. Одесса, (Кд).
- Персов М. С.* Обобщение и использование исторического опыта в работах В. И. Ленина. Саратов, (Дд).
- Пильгуй В. П.* Критика буржуазных фальсификаторов по вопросам борьбы за единство Коммунистической партии Советского Союза (1921—1929 гг.). М., (Кд).
- Полтаранин И. А.* Переселенческий вопрос и проблема общины в трудах А. А. Кауфмана. Усть-Каменогорск, (Кд).
- Рагуотис Б.* Антанас Бимба — публицист и историк литовской культуры. Вильнюс, (Кд).
- Романенко А. З.* Историография петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Л., (Кд).
- Россинский А. Я.* История отечественного подводного флота в русской и советской литературе (до 1941 г.). Л., (Кд).
- Рыкалов В. С.* Французская историография советско-французских отношений 1907—1945 гг. М., (Кд).
- Рябков А. Н.* Советское крестьянство в период гражданской войны (Историография). М., (Дд).
- Сверчевская А. К.* Советская историография вопроса о национально-освободительном движении 1918—1923 гг. в Турции. М. (Доклад об опубликованных работах, представленных на соискание ученой степени кандидата исторических наук).
- Селезнев К. Л.* Проблемы истории научного коммунизма в XIX веке и научной биографии К. Маркса и Ф. Энгельса. М. (Доклад об опубликованных работах, представленных по совокупности на соискание ученой степени доктора исторических наук).
- Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию Академии наук в годы первой революционной ситуации в России (конец 50-х — начало 60-х годов XIX в.). Л., (Кд).
- Стецкевич Т. А.* Ислам в современной советской историографии (1954—1969 гг.). Казань, (Кд).

- Таджибаев Ю.* Крестьянство в Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — март 1918 гг.). Историография. М., (Кд).
- Таран Л. В.* Эволюция традиционного направления французской историографии (70-е годы XIX в.— 60-е годы XX в.) и творческий путь Пьера Ренувена. Ужгород, (Кд).
- Тепляшина Е. И. В. И. Ленин — вождь Октябрьского вооруженного восстания* (Историографический обзор). М., (Кд).
- Хамраев У.* Мухаммад Амин и его сочинение «Мухит ат-таварих». Ташкент, (Кд).
- Хмылев Л. Н.* Методологические аспекты кризиса русской либеральной историографии (90-е годы XIX в.— 1917 г.). Томск, (Кд).
- Шевцов В. И.* Густав Эверс и его место в русской историографии. Воронеж, (Кд).
- Шиловецва В. С.* Проблема кризиса и падения Римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развитие капитализма (вторая половина XVIII—XIX в.). Харьков, (Кд).
- Щербань Н. В.* Критика современной англо-американской буржуазной фальсификации хозяйственной политики КПСС в восстановительный период (1921—1925 гг.). М., (Кд).

1971

- Арсенин Н. Д.* Курская битва и ее освещение в исторической литературе. М., (Кд).
- Афанасьев Ю. Н.* Современная французская буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., (Кд).
- Бирон А. К.* Проблемы истории Латвии периода капитализма и социализма в советской историографии. Рига, (Дд).
- Бугенко В. И.* Колхозное строительство на Украине в 1917—1929 годах в советской историографии. Харьков, (Кд).
- Васильева Л. М.* Историография Осетии второй половины XIX века. Орджоникидзе, (Кд).
- Волков Л. В.* Проблемы истории позднего феодализма в России в советской исторической науке (1917 г.— середина 30-х годов). М., (Кд).
- Гавриленко Г. П.* Советская историческая литература о деятельности партийных организаций Северного Кавказа по завершению коллективизации сельского хозяйства. Ростов-на-Дону, (Кд).
- Ершова В. М. О. А.* Добиаш-Рождественская — историк западноевропейского средневековья. Петрозаводск, (Кд).
- Жаровский Н. П.* Историография гражданской войны в СССР (По материалам советских военных журналов 20-х годов). Харьков, (Кд).
- Иванов В. В.* Проблема соотношения истории и современности в марксистско-ленинской методологии исторического исследования. М., (Дд).
- Каплюк В. З.* Проблемы раннебуржуазной революции в Германии в историографии ГДР. Томск, (Кд).
- Кузьмин А. Г.* Начальный этап древнерусского летописания. М., (Дд).
- Куклина И. В.* Античная литературная традиция о древнейших племенах на территории СССР. Л., (Кд).
- Кунцевич Ф. К.* Современная историография деятельности В. И. Ленина по руководству обороной страны (вторая половина 50-х — 1970 г.). М., (Кд).
- Мальков В. Л.* Социальные движения и социальная политика новейшего капитализма в США. Исследование по истории и историографии «нового курса». М., (Дд).
- Марцил П. В.* Фальсификация истории второй мировой войны в учебной литературе ФРГ как средство идеологической обработки западногерманской молодежи. М., (Кд).
- Мишаков В. П.* Разоблачение фальсификации «остфоршунгом» ленинских принципов экономической политики переходного периода. М., (Кд).

- Мусяненко В. В.* Деятельность большевистских организаций Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Историография проблемы. Киев, (Кд).
- Науом В. М.* Разоблачение буржуазных фальсификаторов ленинской внешней политики (1921—1923 гг.). М., (Кд).
- Науом В. П.* Советская историография империалистической интервенции и гражданской войны в СССР. М., (Дд).
- Невелев Г. А.* Декабристы в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Л., (Кд).
- Павлов Б. И.* Американская военная историография на службе империалистической агрессии во Вьетнаме. М., (Кд).
- Панкратова М. Г.* Некоторые проблемы социально-экономической истории России конца XIX — начала XX века в современной американской историографии. М., (Кд).
- Пастух Б. С.* Советская историография создания и идейно-организационного укрепления Коммунистической партии Туркмении. М., (Кд).
- Пинчук Ю. А. Н. И. Костомаров как историк Украины.* Киев, (Кд).
- Порецкий В. А.* Против фальсификации аграрной программы большевиков и ленинского декрета «О земле» в современной буржуазной англо-американской историографии. М., (Кд).
- Рциладзе Р. С.* Поздний Вавилон в «Истории» Геродота. Тбилиси, (Кд).
- Сенчаков А. Г.* Немецкое движение Сопротивления в освещении историков-марксистов ГДР. Воронеж, (Кд).
- Сидамонидзе У. И.* Историография буржуазно-демократического движения и победы социалистической революции в Грузии (1917—1921 гг.). Тбилиси, (Дд).
- Сухоруков С. Р.* Советско-германские отношения 1918—1933 гг. в освещении западногерманской буржуазной историографии. М., (Кд).
- Талашова Н. С.* Восточные походы Александра Македонского в германской буржуазной историографии новейшего времени. Казань, (Кд).
- Толстова Н. Н.* Тувинский народ в исторической науке СССР. Горький, (Кд).
- Узакова М. М.* Современная буржуазная историография США о Великой Октябрьской социалистической революции. М., (Кд).
- Фадеев А. Д.* Освещение в латиноамериканской литературе вопросов истории Октябрьской революции. М., (Кд).
- Харитонов М. Я.* Историко-партийная литература о союзе рабочего класса и крестьянства в строительстве коммунизма. М., (Кд).
- Шикло А. Е.* Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., (Кд).
- Шоймер Г. Е.* Проблемы историографии антифашистского движения сопротивления в Болгарии в годы второй мировой войны (Очерк болгарской историографии 1948—1970 гг.). Петрозаводск, (Кд).
- Якунин В. К.* Борьба М. Н. Покровского против дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Днепропетровск, (Кд).

1972

- Ашишмин Л. С.* Разработка В. И. Лениным методологических основ исследования стачечной борьбы пролетариата России. М., (Кд).
- Белковец Л. П.* Сибирь в трудах И. Т. Гмелина. Томск, (Кд).
- Бира Ш.* Монгольская историография в XIII—XVII вв. М.—Улан-Батор, (Дд).
- Большаков А. Е.* Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства европейских стран социализма. М., (Кд).
- Бондаров П. Я.* Проблемы аграрных отношений в Латвии и аграрной политики КПЛ в трудах П. И. Стучки (1905—1917). Рига, (Кд).
- Бурдуга М. Э.* Брестский мир в советской историографии (1918—1968 гг.). Харьков, (Кд).

- Гаджиев К. С.* Неолиберальное направление в современной американской буржуазной историографии (Основные концепции и методологические принципы на примере творчества Артура М. Шлезингера-младшего, Ричарда Хофстедтера и Льюиса Харца). М., (Кθ).
- Горяинов А. Н.* Из истории русского славяноведения. К вопросу об историографическом значении русских указателей славяноведческой литературы конца XIX — начала XX в. Воронеж, (Кθ).
- Егоров В. Г.* Проблемы истории первой русской революции 1905—07 гг. в советской историографии (20-е — начало 30-х годов). М., (Кθ).
- Есмагамбетов К. Л.* Проблемы истории Казахстана XIX — начала XX в. в англо-американской историографии. Алма-Ата, (Кθ).
- Желвакова И. А.* Исторические сборники А. И. Герцена. Опыт источниковедческого и историографического анализа. М., (Кθ).
- Карапегян М. С.* Армянская советская историография армянского национально-освободительного движения второй половины XIX века. Ереван, (Кθ).
- Косаковский А. А.* Западногерманская буржуазная историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. М., (Кθ).
- Лаптева Л. П.* Русская литература о гуситском движении (40-е годы XIX в.—1917 г.). М., (Дθ).
- Ногкин В. И.* Основные вопросы социальной структуры советского общества (1926—1938 гг.) в современной буржуазной англо-американской историографии. М., (Кθ).
- Поджио Д. Г.* Критика фальсификации деятельности Коммунистической партии по образованию СССР (1917—1922 гг.) в современной буржуазной историографии. Киев, (Кθ).
- Рашковский Е. Б.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции Арнольда Джозефа Тойнби (Опыт критического анализа). М., (Кθ).
- Ртищев Ю. И. Н. Н.* Батурин — историк ленинской школы. Воронеж, (Кθ).
- Сахаров А. М.* Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (Из истории русской исторической науки). М., (Дθ).
- Слонимский М. М.* Проблема периодизации древней истории в советской историографии. Липецк, (Дθ).
- Смагина С. М.* Освещение в советской исторической литературе тактики Коммунистической партии по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в первые годы нэпа (1921—1925 гг.) (По материалам Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, (Кθ).
- Сторчак А. И.* Народное движение на Украине в 17—18 вв. в украинской демократической историографии второй половины 19 в. (А. Я. Ефименко, О. И. Левицкий, И. П. Новицкий). Киев, (Кθ).
- Шустова И. Н.* Против фальсификации англо-американской буржуазной историографией деятельности КПСС при переходе к нэпу. Рязань, (Кθ).

1973

- Алагорцева А. И.* Журнал «Историк-марксист» (1926—1941 гг.) и его роль в развитии советской исторической науки. М., (Кθ).
- Алимов Х. А.* Советская историография культурного строительства в Узбекской ССР (1938—1965 гг.). Ташкент, (Кθ).
- Ахтямова Ю. С.* Национальная политика Советской власти в Средней Азии в американской буржуазной историографии (1917—1970 гг.). Ташкент, (Кθ).
- Вирюльв И. М.* Советская историография предистории Ноябрьской революции в Германии (февраль 1917 — октябрь 1918 гг.). Днепропетровск, (Кθ).
- Воробьев А. Я.* Георг фон Бюлов как историк-политик. Томск, (Кθ).

- Глухов В. П.* Первая мировая война в немецкой буржуазной историографии 1918—1939 гг. М., (Кд).
- Грук П.* Борьба ФКП за объединение антимонополистических сил в советской историографии (1934—1972 гг.). М., (Кд).
- Гурьев В. С.* Идеино-методологические основы культурно-исторической концепции Я. Буркхардта. Томск, (Кд).
- Жигалкина О. И.* «Среднеазиатский вопрос» в английской историографии 60—90-х годов XIX в. М., (Кд).
- Звензловский А. С.* Основные концепции французской буржуазной историографии второй мировой войны. (Критический анализ). М., (Кд).
- Зенкина Н. А.* Критика исторической концепции В. Тарна. Казань, (Кд).
- Карпачев М. Д.* Русское революционное народничество в освещении английской и американской буржуазной исторической литературе. Воронеж, (Кд).
- Карташев Н. Т.* Основные проблемы истории второй мировой войны в оценке новейшей английской военно-исторической литературы (1960—1971 гг.). М., (Кд).
- Климин И. И.* Критика французской буржуазной историографии ленинской аграрной политики Коммунистической партии (1917—1927 гг.). Л., (Кд).
- Коржавин В. К.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. М. Ядринцева. Новосибирск, (Кд).
- Королева Н. А.* Социально-экономические проблемы крестьянской войны тайпинов в современной историографии. Л., (Кд).
- Краснов Ю. К.* Вопросы внешней политики России в трудах М. Н. Покровского. Казань, (Кд).
- Машотас В. В.* Революционно-освободительное движение на Западной Украине в советской и прогрессивной зарубежной украинской историографии и библиографии 1919—1967 гг. Львов, (Кд).
- Орехов В. А.* Против фальсификации истории возникновения большевизма в современной буржуазной историографии Англии и США. М., (Кд).
- Панова Е. Я.* Разоблачение В. И. Лениным меньшевистско-эсеровской фальсификации истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., (Кд).
- Поллог В. И.* Дмитрий Кавтемир как историк. Кипишев, (Кд).
- Разгон А. М.* Исторические музеи в России 1861—1907 гг. Саратов, (Дд).
- Степанова О. Л.* Историки-«ревизионисты» о проблемах современной внешней политики США. М., (Кд).
- Чернобаева Т. П.* Критика фальсификаций тактики большевиков по отношению к Учредительному собранию в англо-американской буржуазной историографии. М., (Кд).
- Шагимага С. Ю.* Историография вооруженных восстаний и военно-боевой работы партии в период первой русской революции 1905—1907 гг. (1905—середина 30-х годов). Л., (Кд).
- Юнисова М. Г.* Б. Г. Нибур и критический метод в исследовании проблем древнеримской истории. Казань, (Кд).

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

- Изучение истории рабочего класса СССР в Институте истории Коммунистической академии при ЦИК СССР (1929—1935 гг.) 5
Т. А. Игнатенко
- Историография июльских событий 1917 г. в Петрограде 33
Н. В. Романовский
- Некоторые вопросы критики буржуазной историографии Октября в советской исторической литературе 55
Г. З. Иоффе
- К истории журнала «Красный архив» 70
Г. П. Махнова
- Эпистолярное наследие историков, как историографический источник (середина XIX в.—1917 г.) 85
Ю. М. Критский

II. ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

- А. Н. Шебунин — историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. 113
В. Г. Сироткин
- Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси 128
В. А. Муравьев
- В. Е. Чепихин-Ветринский — историк русской общественной мысли и освободительного движения 161
М. Г. Вандалковская
- А. Л. Иконникова и ее записки по историографии 189
Р. А. Киреева
- П. Г. Виноградов как историк исторической науки 232
Б. Г. Могильницкий
- История декабристов в трудах В. И. Семевского 232
Г. А. Невелев

III. ПУБЛИКАЦИИ

- Из истории первых шагов деятельности Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (Истпарт) 258
Е. Н. Городецкий
- Выступление М. С. Ольминского на заседании Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов 7 октября 1920 г. 259
- О мемуарах М. М. Ковалевского «Моя жизнь» 262
М. А. Алпатов, Ю. Н. Емельянов
- М. М. Ковалевский. «Моя жизнь» 266
- Из наследия В. Н. Татищева (Материалы об экономическом положении Швеции в первой четверти XVIII в.) 298
А. И. Юхт

IV. БИБЛИОГРАФИЯ

- В. Ф. Семенов (1896—1973) и его научно-педагогическая деятельность 322
А. Е. Москаленко, И. Н. Осиновский
- Список печатных трудов В. Ф. Семенова (1930—1973)
Составитель А. Е. Москаленко 326
- Анонимные рецензии на историческую литературу в «Русском богатстве» (1895—1917) 337
М. Д. Эльзон
- Хронологический указатель анонимных рецензий с раскрытием авторства 338
Составитель М. Д. Эльзон
- Кандидатские и докторские диссертации по историографии, защищенные в 1964—1973 гг. (Библиография) 354
О. А. Афанасьев

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник
1973

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства М. М. Медведев
Художественный редактор В. А. Чернецов
Технические редакторы В. В. Волкова, Л. И. Куприянова

Сдано в набор 29/VII 1974 г. Подписано к печати 10/II 1975 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Уел. печ. л. 23.
Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 3400. Т-04216. Тип. зак. 938

Цена 1 р. 85 к.

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
14	21 св.	1971 г.)	1917 г.)
120	7 св.	<i>Б. Г. Реизов.</i>	<i>Б. Г. Реизов.</i>
173	13 св.	социалистического народничества	«социалистического народничества»
176	6 св.	<i>В. Г. Плеханов.</i>	<i>Г. В. Плеханов.</i>
180	16—17 св.	биографии ⁴³⁻⁴⁴ .	биографии.
180	25—26 св.	деятельности.	деятельности ⁴³⁻⁴⁴ .
212	2 св.	поведение	поведшее
320	27 св.	стр. 355)	стр. 317—318)

«История и историки»